

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

Н. Н. Карпов
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. N. Karpov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонovich,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzееv,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723

Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 30.12.2022 г.
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АЛПАТОВА С. Ю., ПАВЛУХИН А. Н., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. История развития иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним в советский и постсоветский периоды.. 12	
АЛФЕРЕНКО Е. А., ДАЙШУТОВ М. М., ДМИТРЕНКО А. П. Отсрочка отбывания наказания военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации как вид освобождения от наказания: историческая и социальная обусловленность ее применения в современных реалиях 18	
АПАЛИКОВ Н. С. К вопросу о функциях деривативов в Российской Федерации 23	
БАКАНОВ М. А. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства 26	
БАТУРИНА Н. И., МОРОДУМОВ Р. Н. Злоупотребление гражданским правом как основание для применения мер защиты: теоретические и практические аспекты 30	
БЕЖЕНЦЕВ А. А., ПЕТРОВ Т. А. Территориальные органы внутренних дел как субъекты взаимодействия в системе профилактики административных правонарушений 35	
БЕЛОВ Д. О. К вопросу об общественной опасности феномена провокации преступлений 42	
БОРИСОВА Н. В. К вопросу о реформировании российского института апелляционного обжалования 45	
БРЕСЛАВ И. Ю. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти по неосторожности на примере акушерско- гинекологической практики..... 49	
БУЛАВКИН А. А., СВЕТЛОВА А. П. К вопросу о задержании: взаимосвязь теории и практики..... 57	
ВАШАЕВ М. А. Обучение в образовательных организациях МВД России как система служебных, образовательных и властных правоотношений 61	
ВЕРЕТЕНЦЕВА И. В., ЗУБАЧ А. В., ТОМИЛИНА Е. Е. К вопросу о правовом регулировании применения таможенных платежей 66	
ВОРОДЮХИН С. Е., ЛЫСЕНКО В. А., ВАСИЛЬЕВ В. В. Детерминанты распространения коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел в современных условиях 70	
ГАНДАЛОВЕВ Р. Б. Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства 76	
ГОНЧАР В. В. Актуальные направления совершенствования расследования преступлений в сфере информационных технологий 82	
ГОРЛОВ А. О. Генезис законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации ... 88	
ГОРОХОВА В. В., ГОРОХОВА И. В. Изучение правовой культуры в контексте становления западного права 91	
ГРЕБНЕВА А. С., ЖУРАВЛЕВ А. А. Некоторые аспекты экспертизы следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора 95	
ДЕНИСОВА М. Д. Формирование современного института наложения ареста на имущество: хронология изменений уголовно-процессуального регулирования 99	
ДОРОШЕНКО О. М., ЖУЛАНОВ А. В., БАЗУЛИНА А. А. Проблемные вопросы правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел с общественностью 104	

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.
В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

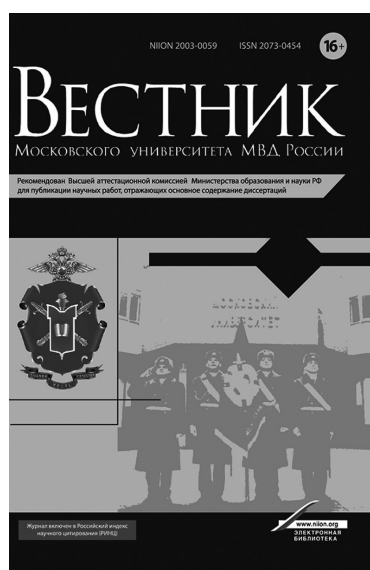
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма.
Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение.
Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 77

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

ЗАРИНА А. М., ГАНТЮК Т. Ю. Особенности квалификации провокации необходимой обороны.....	108
ЗЕМСКОВА А. В. Усмотрение суда при принятии процессуальных решений по уголовному делу в досудебном производстве.....	111
ИВАНОВ П. И. Противодействие преступлениям, совершаемым на религиозной почве: оперативно-розыскной аспект	115
ИВАНОВА О. М., ИВАНОВ Д. А., КАЛИНИЧЕНКО А. И., ИВАНОВ М. Г. Актуальные проблемы уголовно-правовой оценки организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (на примере анализа ст. 172.2 УК РФ)	120
ИСАКОВ В. М., МЕЛЬНИК Е. В. Осуществление санитарного надзора как функция советской милиции	127
КАЗАКОВА В. Л. Отмена гражданства как проблема современной теории конституционного права и объект конституционно-правового регулирования	134
КОВШЕВАЦКИЙ В. И. Анализ административно-правовых основ взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями.....	139
КОМАРОВ В. В. Правовые и организационные вопросы обеспечения охраны общественного порядка при проведении несанкционированных публичных мероприятий.....	141
КОННОВ В. А. К вопросу о перспективах участия Российской Федерации в международных договорных механизмах по защите прав человека.....	144
КОРОЛЬЧУК А. В. Понятие и сущность экстремистской деятельности.....	148
КУЗЬМИН Н. А., РАССКАЗОВ А. А. Предмет преступного посяательства как элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России	152
КУЛИКОВ М. А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования.....	157
МАРКЕЛОВА Е. В., РУКАВИШНИКОВ Г. А. К вопросу о повышении эффективности практической направленности обучения оперативных сотрудников методикам раскрытия отдельных видов преступлений.....	162
МЕЛЬНИК С. В., НАДТАЧАЕВ П. В., ГОМОЗОВА О. Ю. Справедливость как нравственный стержень гражданского судопроизводства	168
МИХАЙЛОВА Н. В. Уголовная ответственность за получение и дачу взятки по Уголовному уложению 1903 г.....	173
МОЗГОВАЯ Д. А., БОНДАРЕНКО Р. В. Оценка заключения эксперта: вопросы теории и практики	176
НИКУЛИНА А. А. Зарубежный опыт привлечения высококвалифицированных специалистов (на примере Японии и Великобритании).....	180
ОГАНЕСЯН Р. Г. Министерство Толстого-Дурново	183
ОЛИМПИЕВ А. Ю. О «Законодательстве Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» и его месте в системе нормативных правовых актов государства	188
ПАЛИЙ В. М., НЕХАЙ А. Ю. Региональный парламентаризм (на примере Кубани): предпосылки, развитие и перспективы.....	191
ПРИБЕ А. И. Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота предметов, имеющих особую ценность.....	195
РЫЖАК В. А. Терроризм как транснациональное преступление: методы и способы профилактики и предупреждения. Контртеррористическая операция как способ предупреждения актов терроризма.....	198
СЕЛЕЗНЕВ В. А. Административная ответственность за нарушение обязательных требований	202
СОЛОМАТИНА Е. А. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие информационным правонарушениям.....	210
СТАРОВЕРОВА О. В., МАИЛЯН С. С. Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса	215
ТРУНОВ И. Л. Международная санкционная политика с позиции верховенства права.....	221

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

УСТИМОВА С. А., КУРАКИН М. А. Цифровизация гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы	227
ХАДИСОВ Г. Х., ВАСИЛЕНКО Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности	231
ХОДУСОВ А. А. Современные тенденции развития уголовной ответственности за преступления в сфере цифровой информации	235
ЧЕРВОНЮК В. И. Оперативно-розыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона. Статья 2. Оперативно-розыскные мероприятия как эссенциальное свойство оперативно-розыскной деятельности	241
ШАПОВАЛОВ Я. А. Антитеррористическая защита объектов: частноправовой взгляд	248
ШЕХОВЦОВА Л. С., НЕУПОКОЕВА И. А. Предъявление для опознания при расследовании организации незаконной миграции	252
ШЛЕГЕЛЬ П. О. Правопорядок в обществах с правовыми системами разного типа: сравнительно-правовой анализ	256
ЭРИАШВИЛИ Н. Д., ГРИГОРЬЕВ А. И., МОЧАЛОВА В. А. Мошенничество в налоговой сфере: дилемма для правоприменителя	259
ЯЦКОВА А. П. Эволюция целей наказания в российском праве (X–XIX вв.)	268

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

БАЛАЕВА Д. А., ХУГАЕВА К. Ю., МАРЗАЕВА А. Б., БИТАРОВА Д. И. К анализу мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет РФ	272
ВЕСЕЛКИНА С. А. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в целях пресечения налоговых преступлений	276
ЗАРИПОВА Э. Р. Анализ техногенных рисков для краткосрочной модели на примере мониторинга подводных участков морского газопровода	280
КУПРЕЩЕНКО Н. П., ЕЛИЗАРОВА В. В. Особенности деятельности органов внутренних дел России в борьбе с криминальными явлениями в сфере денежного обращения	288
ШМАНЕВА Л. В., ДАНИЛИНА Я. Ю. Национальная безопасность государства в сфере цифровой трансформации на базе блокчейн-системы распределенных реестров	293

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БАЛАШОВА В. А., КРАВЦОВ О. Г., РОДИН В. Ф. Личностный эгоцентризм как условие развития нравственных качеств курсантов	301
ДЕРЕВЯНКО А. С., УСАЧЕВА И. В. Сравнительное исследование достаточности качественного и количественного анализа полиграмм в обосновании принимаемого решения в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации	308
РЕАН А. А., КОШЕЛЕВА Е. С. Связь представлений педагогов о возрастных особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивнo-конфликтное поведение учащихся	312
ЦВЕТКОВ В. Л., БАЛАШОВА В. А., АГАПОВ В. С., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Профессиональные факторы, влияющие на здоровье и эмоциональное состояние сотрудников полиции	320
ШАШКОВА И. А., МАРЬИН М. И. К вопросу о внутриличностном конфликте курсантов образовательных организаций МВД России	326

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
Winner of the Award of the
Government of Russia in the field
of education, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

*It is sent for the press 30.12.2022
Contractual price*

Editorial Staff address:
**109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 6 • 2022

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences*

ALPATOVA S. YU., PAVLUKHIN A. N., ERIASHVILI N. D. The history of development of other criminal law measures applied to minors in the Soviet and post-Soviet periods	12
ALFERENOK E. A., DAISHUTOV M. M., DMITRENKO A. P. Postponement of serving a sentence by a serviceman of the armed forces of the Russian Federation as a type of release from punishment: historical and social conditionality of its application in modern realities	18
APALIKOV N. S. To the issue of derivatives functions in the Russian Federation	23
BAKANOV M. A. Criminal law characterization of illegal business	26
BATURINA N. I., MORODUMOV R. N. Abuse of civil law as a ground for the application of protective measures: theoretical and practical aspects.....	30
BEZHENTSEV A. A., PETROV T. A. Territorial bodies of internal affairs as subjects of interaction in the system of prevention of administrative offenses	35
BELOV D. O. To the question of the public danger of the phenomenon provocation of crimes	42
BORISOVA N. V. On the issue of reforming the Russian institute of appeal	45
BRESLAV I. YU. Criminal liability of medical workers for causing death by negligence on the example of obstetric and gynecological practice.....	49
BULAVKIN A. A., SVETLOVA A. P. To the issue about detention: relationship of theory and practice.....	57
VASHAEV M. A. Training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a system of official, educational and power relations.....	61
VERETENTSEVA I. V., ZUBACH A. V., TOMILINA E. E. On the issue of legal regulation of the application of customs payments.....	66
VORODYUHIN S. E., LYSENKO V. A., VASILIEV V. V. Determinants of the distribution of corruption behavior of employees of internal affairs bodies in modern conditions	70
GANDALOEV R. B. Modern norms of law on the concept, features, methods of emergence and termination of citizenship	76
GONCHAR V. V. Current directions for improving the investigation of crimes in the field of information technology	82
GORLOV A. O. Genesis of the legislation on administrative offenses of federal cities of the Russian Federation	88
GOROKHOVA V. V., GOROKHOVA I. V. The study of legal culture in the context of the formation of Western law	91
GREBNEVA A. S., ZHURAVLEV A. A. Some features of examination of traces of human skin that does not have a papillary pattern	95
DENISOVA M. D. Formation of the modern institute of seizure of property: chronology of changes in criminal procedural regulation.....	99
DOROSHENKO O. M., ZHULANOV A. V., BASULINA A. A. Problematic issues of legal regulation of the interaction of internal affairs bodies with the public.....	104

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

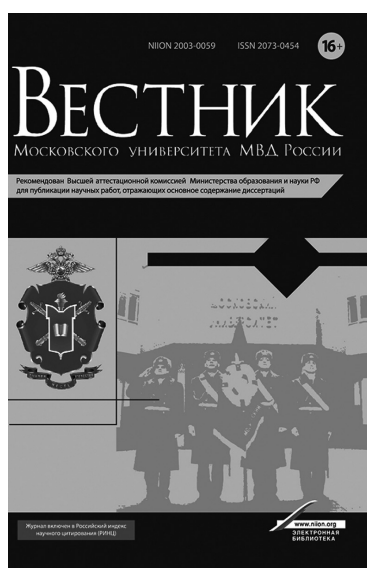
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Order № 77

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

ZARINA A. M., GANTYUK T. YU. Features of qualification of the provocation of the necessary defense.....	108
ZEMSKOVA A. V. Discretion of the court when making procedural decisions on a criminal case in pre-trial proceedings.....	111
IVANOV P. I. Counteraction to crimes committed on religious soil: operational and search aspect.....	115
IVANOVA O. M., IVANOV D. A., KALINICHENKO A. I., IVANOV M. G. Current problems of criminal law assessment of the organization of activities to raise money and (or) other property (on the example of the analysis of Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	120
ISAKOV V. M., MELNIK E. V. Implementation of sanitary supervision as a function of the Soviet militia.....	127
KAZAKOVA V. L. The cancellation of citizenship as a problem of the modern theory of constitutional law and the object of constitutional regulation	134
KOVSHVATSKY V. I. Analysis of administrative and legal bases of interaction of internal affairs bodies with voluntary (volunteer) organizations	139
KOMAROV V. V. Legal and organizational issues of ensuring the protection of public order during unauthorized public events.....	141
KONNOV V. A. On the prospects of the Russian Federation's participation in international mechanisms for the protection of human rights.....	144
KOROLCHUK A. V. The concept and essence of extremist activity.....	148
KUZMIN N. A., RASSKAZOV A. A. The subject of criminal encroachment as an element of operational and investigative characteristics of crimes committed in the implementation of national projects of Russia	152
KULIKOV M. A. Legal restriction as a legal means and its role in the mechanism of legal regulation	157
MARKELOVA E. V., RUKAVISHNIKOV G. A. To the question of increasing the efficiency of the practical focus of training operational staff in methods of discovering certain types of crime	162
MELNIK S. V., NADTACHAEV P. V., GOMOZOVA O. JU. Justice as the moral core of civil proceedings	168
MIKHAILOVA N. V. Criminal liability for receiving and giving bribes under the Criminal Code of 1903.....	173
MOZGOVAYA D. A., BONDARENKO R. W. Assessment of the expert opinion: issues of theory and practice	176
NIKULINA A. A. Foreign experience in attraction of highly qualified specialists (by the example of Japan and the Great Britain)	180
OGANESYAN R. G. Ministry of Tolstoy-Durnovo.....	183
OLIMPIEV A. YU. About the «Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation» and its place in the system of normative legal acts of the state	188
PALY V. M., NEHAY A. YU. Regional parliamentarism (on the example of Kuban): prerequisites, development and prospects.....	191
PRIBE A. I. The current state of crime in the sphere of illicit trafficking of items of special value	195
RYZHAK V. A. Terrorism as a transnational crime: methods and means of prevention and notification. Counter-terrorist operation as one of the ways to prevent acts of terrorism	198
SELEZNEV V. A. Administrative liability for violation of mandatory requirements	202
SOLOMATINA E. A. Improving the training of employees of internal affairs bodies engaged in countering information offenses	210
STAROVEROVA O. V., MAILYAN S. S. Fighting tax crime in the context of the economic crisis.....	215
TRUNOV I. L. International sanctions policy from the position of the rule of law.....	221

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency "Ural-Press Okrug" 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

USTIMOVA S. A., KURAKIN M. A. Digitalization of civil proceedings: problems and prospects	227
HADISOV G. H., VASILENKO G. N. Actual problems of countering extremist offenses	231
KHODUSOV A. A. Current trends in the development of criminal liability for crimes in the field of digital information.....	235
CHERVONYUK V. I. Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law. Article 2. Operational-investigative measures as an essential property of operational-investigative activity.....	241
SHAPOVALOV YA. A. Anti-terrorist protection of objects: private law view.....	248
SHEKHOVTSOVA L. S., NEUPOKOEVA I. A. Identification in the investigation of the organization of illegal migration.....	252
SHLEGEL P. O. Legal order in societies with different types of legal systems: comparative legal analysis.....	256
ERIASHVILI N. D., GRIGORIEV A. I., MOCHALOVA V. A. Tax fraud: a dilemma for the law enforcement officer.....	259
YATSKOVA A. P. Evolution of the goals of punishment in Russian law (X–XIX).....	268

ECONOMIC SCIENCE

*Regional and sectoral economics
Finance*

BALAEVA D. A., KHUGAEVA K. YU., MARZAEVA A. B., BITAROVA J. I. To the analysis of the mobilization of tax revenues to the federal budget of the Russian Federation.....	272
VESELKINA S. A. Interaction of tax authorities and law enforcement agencies in order to prevent tax crimes.....	276
ZARIPOVA E. R. Analysis of technogenic risks for a short-term model based on the monitoring of gas pipeline underwater sections.....	280
KUPRESCHENKO N. P., ELIZAROVA V. V. Features of the activities of the internal affairs bodies of Russia in the fight against criminal phenomena in the sphere of monetary appeals	288
SHMANEVA L. V., DANILINA YA. YU. National security of the state in the field of digital transformation based on the blockchain system of distributed registries.....	293

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BALASHOVA V. A., KRAVTSOV O. G., RODIN V. F. Personal egocentrism as a condition for the development of moral qualities of cadets	301
DEREVYANKO A. S., USACHEVA I. V. Comparative study of the sufficiency of the qualitative and quantitative analysis of polygrams in substantiation of the decision made in regard to candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation	308
REAN A. A., KOSHELEVA E. S. The connection of teachers' ideas about the age characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students	312
TSVETKOV V. L., BALASHOVA V. A., AGAPOV V. S., KHRUSTALEVA T. A. Professional factors affecting the health and emotional state of police officers	320
SHASHKOVA I. A., MARIN M. I. On the issue of intrapersonal conflict of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	326

Научная статья

УДК 343.137.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-12-17>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-477

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-676

История развития иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним в советский и постсоветский периоды

Светлана Юрьевна Алпатова¹, Анатолий Николаевич Павлухин², Нодари Дарчоевич Эриашвили³

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия, soakademia@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

³ Государственный университет управления, Москва, Россия

Рецензент: начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент **О. А. Шуранова**

Аннотация. Развитие законодательства в сфере охраны малолетних и несовершеннолетних неразрывно связано с преемственностью оправдавших правовых предписаний предшествующих периодов. Советский период существования нашей страны был ознаменован принятием ряда правовых актов, которые в качестве объекта охраны предусматривали личность ребенка и его интересы. Полагаем, что весьма актуально исследовать в историческом ракурсе иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним в советский и постсоветский периоды. В принятом в 1996 г. Уголовном кодексе Российской Федерации иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним, были более четко регламентированы по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством.

Ключевые слова: история российского уголовного законодательства, детская и подростковая преступность, несовершеннолетний, правонарушения, преступления, возраст уголовной ответственности

Для цитирования: Алпатова С. Ю., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. История развития иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним в советский и постсоветский периоды // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 12–17. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-12-17>.

Original article

The history of development of other criminal law measures applied to minors in the Soviet and post-Soviet periods

Svetlana Yu. Alpatova¹, Anatoly N. Pavlukhin², Nodari D. Eriashvili³

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, soakademia@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', professor60@mail.ru

³ State University of Management, Moscow, Russia

Reviewer: Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **O. A. Shuranova**

Abstract. The development of legislation in the field of protection of minors and minors is inextricably linked with the continuity of justified legal regulations of previous periods. The Soviet period of our country's existence was marked by the adoption of a number of legal acts that provided for the identity of the child and his interests as an object of protection. We believe that it is very relevant to investigate from a historical perspective other criminal law measures applied to minors in the Soviet and post-Soviet periods. In the Criminal Code of the Russian Federation adopted in 1996, other measures of a criminal-legal nature applied to minors were more clearly regulated in comparison with the previously existing criminal legislation.

Keywords: history of Russian criminal legislation, child and adolescent crime, juvenile, offenses, crimes, age of criminal responsibility

For citation: Alpatova S. Yu., Pavlukhin A. N., Eriashvili N. D. The history of development of other criminal law measures applied to minors in the Soviet and post-Soviet periods. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):12–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-12-17>.

Исследование становления и развития уголовного законодательства в историческом аспекте имеет важное научное значение для его совершенствования. Академик Б. М. Кедров, писал: «Изучение прошлого может и долж-

© Алпатова С. Ю., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д., 2022

но служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основании этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [1, с. 45].

С образованием Советского государства перестали действовать ранее существовавшие уголовные законы, и власть приступила к формированию нового уголовного права. В первые годы делалось это бессистемно, нормы уголовного права содержались во многих декретах. Так, Декретом СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» были упразднены суды и тюремное заключение для несовершеннолетних. Дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте до 17 лет, подлежали рассмотрению комиссией для несовершеннолетних. По итогам рассмотрения дела она могла принять решение либо об освобождении несовершеннолетнего, либо о направлении его в специальное учреждение, именовавшееся убежищем. Оно представляло собой детский дом, коммуну, приют либо приемник. Комиссии могли также применять и такие меры, как замечание, выговор, предупреждение, передача под наблюдение, устройство на работу [2, с. 21].

Содержание данного нормативного акта носило явно прогрессивный характер, однако полный отказ от применения к несовершеннолетним наказания был нереален по следующим причинам: во-первых, непрекращающиеся военные действия мешали организации деятельности комиссий для несовершеннолетних на местах; во-вторых, стремительно росла армия беспризорных, которая, по скромным подсчетам, к концу Первой мировой войны составила три миллиона человек; в-третьих, имело место слабое организационное обеспечение комиссий для несовершеннолетних; в-четвертых, в России на том этапе ее развития действовало явно недостаточное количество учреждений, в которые могли быть помещены несовершеннолетние правонарушители [3, с. 4].

Данные обстоятельства были учтены при разработке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. Они предусмотрели возможность применения к несовершеннолетним преступникам в возрасте от 14 до 18 лет наказания, если они действовали «с разумением», т. е. с умыслом. Однако в том случае, если они совершали деяние «без разумения», к ним применялись альтернативные наказанию меры — меры приспособления. К таким мерам относились передача их родителям либо лицам, их заменяющим, а также направление в специализированное учреждение [4, с. 58].

Указанные положения нашли развитие в нормативных актах, изданных позже. Так, 4 марта 1920 г. СНК РСФСР принял декрет «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», где, в частности, определялось, что дела о несовершеннолетних обоего пола до 18 лет, замеченных в общественно опасных действиях, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних [5]. В декрете подчеркивалось, что основной уголовно-правовой мерой воздействия на несовершеннолетних должны стать меры медико-педагогического воздействия. При невозможности применения указанных мер материалы могли передаваться в суды. Однако ни перечня деяний, которые являлись основаниями для принятия подобного решения, ни перечня соответствующих мер декрет не содержал. Этот пробел был устранен

Инструкцией комиссии по делам несовершеннолетних [6], утвержденной постановлением СНК РСФСР 30 июля 1920 г. Комиссии образовывались губернскими и уездными отделами народного образования и, в частности, наделялись правом рассмотрения материалов по факту совершения лицами старше 14 лет тяжких преступлений.

К ним могли применяться меры медико-педагогического характера. Только в случае признания медико-педагогических мер недостаточными комиссии могли передавать дело в народный суд для применения к несовершеннолетним наказания. Впрочем, указанным правом комиссии на практике пользовались редко. Так, по данным Г. С. Гаверова, от общего количества рассмотренных комиссиями дел в 1921 г. в суды было передано 7,1 %, 1922 г. — 18,8 %, 1923 г. — 11,9 %, в первом полугодии 1924 г. — 10,0 % [7, с. 24].

В соответствии с УК РСФСР 1922 г. наказание не применялось к несовершеннолетним от 14 до 16 лет, если в отношении их возможно ограничиться мерами медико-педагогического воздействия (ст. 18) [8].

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик хотя и не определяли минимальный возраст уголовной ответственности, отдавая на рассмотрение этот вопрос союзным республикам, однако в ст. 8 предусматривали возможность применения комиссией по делам несовершеннолетних к малолетним мер медико-педагогического характера, не носящих характер наказания. В противном случае вопрос об уголовной ответственности преступников решался судами [9]. По имеющимся данным, в период с 1925 по 1931 гг. большинство дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних и только 10 % дел передавались в суды [10].

В первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. возраст уголовной ответственности устанавливался с 14 лет. К лицам в возрасте от 14 до 16 лет могли применяться меры социальной защиты медико-педагогического характера, которые устанавливались ст. 25 УК РСФСР 1926 г. К их числу относились: отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, родственников, если таковые имели возможность его содержать, или иных лиц и учреждений; помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение [11].

Следует отметить, что специальные лечебно-воспитательные учреждения были достаточно разнообразны и находились в подчинении различных ведомств. Так, изначально к числу подобных учреждений относились трудовые дома, которых в 1925–1926 г. на территории РСФСР числилось 9: семь — с числом штатных мест 946 для несовершеннолетних в возрасте 14–16 лет, и два — для молодежи в возрасте 16–20 лет. В основе исправления и перевоспитания несовершеннолетних в трудовых домах должен был лежать труд, трудовое воспитание подростков. Однако в тех условиях, в которых они работали, трудовые дома оказались не в состоянии обеспечить надлежащее трудовое воспитание правонарушителей. Мелкое производство трудовых домов давало воспитанникам лишь элементарные трудовые навыки, готовя из них кустарей. Возникла необходимость реорганизации трудовых домов в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1930 г. этот процесс начался. При этом был широко использован опыт работы учреждений

для несовершеннолетних правонарушителей системы Наркомпроса и особенно трудовых коммун ОГПУ (таких, как трудовая коммуна на ст. Болшево Московской области, трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского, которой руководил А. С. Макаренко). К марту 1931 г. по существу была закончена работа по перестройке всех трудовых домов в школы ФЗУ, которые, как и трудовые дома, находились в ведении НКЮ [12]. Кроме указанных учреждений, в системе органов просвещения находились также специальные детские дома и школы-коммуны, где содержались несовершеннолетние правонарушители.

30 октября 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении ст.ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст.ст. 47 и 174 Исправительно-трудового кодекса РСФСР». В соответствии с внесенными изменениями уголовное наказание не применялось к несовершеннолетним, не достигшим 16-летнего возраста. Комиссиями по делам несовершеннолетних им могли быть назначены только меры медико-педагогического характера [13]. Оценивая эти новеллы, Г. М. Миньковский указывал, что отмена уголовной ответственности даже за тяжкие общественно опасные деяния, совершенные в возрасте до 16 лет, стирание граней между уголовным наказанием и мерами воспитательного характера, способствовали широкому распространению представлений о фактической безнаказанности подростков. В работе комиссий по делам несовершеннолетних наступил кризис: рецидив по делам, рассмотренным комиссиями по делам несовершеннолетних, достигал 35 % [14, с. 51–52].

С учетом данных обстоятельств 7 апреля 1935 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» [15], которое практически исключило возможность применения к несовершеннолетним мер, альтернативных наказанию. Это объясняется тем обстоятельством, что, кроме снижения до 12 лет возраста уголовной ответственности за некоторые преступления (убийство и покушение на убийство, телесные повреждения, различные увечья, кража), этим законом была отменена ст. 8 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которая предусматривала возможность применения медико-педагогических мер в зависимости от решения комиссий по делам несовершеннолетних. Сами комиссии по делам несовершеннолетних были ликвидированы постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», и все дела о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, подлежали рассмотрению исключительно судами.

Впрочем, в литературе указывалось, что издание закона от 7 апреля 1935 г. вовсе не означает, что суды не могут вовсе применять к несовершеннолетним меры медико-педагогического характера, так как не отменена и полностью сохраняет свою силу ст. 29 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, согласно которой меры медико-педагогического характера, если они не были применены соответствующими органами до суда, могут быть применены судом, если он признает не соответствующим данному случаю применение наказания [16, с. 375].

Следует отметить, что постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» введе-

на такая мера, как направление в детские воспитательные колонии. Они представляли собой закрытые учебно-воспитательные учреждения, куда направлялись: 1) дети в возрасте от 11 до 16 лет, 2) беспризорные, живущие без родителей и не имеющие постоянного места жительства; 3) несовершеннолетние, задержанные за мелкое хулиганство и незначительные преступления; 4) воспитанники детских домов, систематически нарушающие их внутренний распорядок.

Эту же меру предлагал применять Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов от 4 июля 1947 г. в отношении несовершеннолетних» к несовершеннолетним в возрасте от 12 до 16 лет, совершившим хищения в незначительных размерах. В тех случаях, когда дело в отношении подобной категории лиц не подлежало прекращению, Верховный Суд СССР предлагал назначать пониженное наказание или применять условное осуждение [17, с. 11].

Безусловно, к несовершеннолетним преступникам, кроме принудительных мер воспитательного характера, применялись и некоторые иные уголовно-правовые меры. Однако специальная глава в Уголовном кодексе, посвященная уголовной ответственности несовершеннолетних отсутствовала, и к ним применялись общие положения как к совершеннолетним правонарушителям. Кроме того, следует отметить, что некоторые меры в указанный период вообще не применялись. Так, с 1939 по 1954 гг. не использовалось условно-досрочное освобождение осужденных.

В принятых в 1958 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривалась возможность использования принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, совершившим преступление.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., в отличие от ныне действующего уголовного законодательства России, не содержал конкретных ограничений в применении принудительных мер воспитательного характера в качестве альтернативы наказаний [18, с. 149–150].

Принудительные меры воспитательного характера могли применяться как судами, так и комиссиями по делам несовершеннолетних при исполкомах местных Советов депутатов трудящихся. Однако реально в подавляющем большинстве случаев они применялись комиссиями по делам несовершеннолетних. В суды поступали уголовные дела о наиболее опасных преступлениях или наиболее опасных несовершеннолетних, исправление которых предполагало применение мер уголовного наказания [18, с. 487].

С принятием УК РСФСР 1960 г. применение иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним значительно возросло. Так, в 1961 г. их доля составляла 62 %. Затем их применение сократилось. В 1967 г. их доля составила — 31 %, 1968 г. — 26 %, 1969 г. — 24 %, 1970 г. — 23 %, в 1971 г. — 21 % [14, с. 280].

На общих основаниях к несовершеннолетним применялись такие меры, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение и некоторые другие.

Как и в предыдущих уголовных кодексах, в УК РСФСР 1960 г. также отсутствовала глава, регламентирующая особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 июня 1974 г. № 2 (в ред. постановления Пленума от 28 марта 1979 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» среди недостатков судебной деятельности указывалось, что суды редко используют предоставленное им ст. 10 УК право применять к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, принудительные меры воспитательного характера, предусмотренные ст. 63 УК. В отношении несовершеннолетних, впервые осуждаемых к лишению свободы сроком до трех лет, суды не всегда обсуждают вопрос о возможности применения к ним отсрочки исполнения приговора [19, с. 265–266].

Специальное внимание Верховный Суд РСФСР обратил на отсрочку исполнения приговора. Так, в постановлении Пленума от 22 декабря 1981 г. «О практике применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему судами РСФСР и выполнении ими постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. «О практике применения судами статьи 391 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» Верховный суд РСФСР указал на основные недостатки, которые используются при применении данной меры: суды либо не применяют ее при наличии к тому оснований, либо назначают ее необоснованно; не всегда налагают на осужденных соответствующие обязанности; не привлекают к работе с осужденными общественные организации [19, с. 318].

В 60–80-х годах прошлого века в советской уголовно-правовой науке ученые обращали внимание на проблему иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним. Однако специального комплексного их исследования, как правило, не проводилось. Достаточно часто они рассматривались в контексте общей проблемы уголовной ответственности [20; 21]. Ряд работ был посвящен принудительным мерам воспитательного характера [22; 23; 24]. Ученых привлекали также особенности условного осуждения и отсрочки исполнения приговора [25; 26].

В 80-х годах XX в. учеными-юристами активно проводилась работа по подготовке нового уголовного законодательства. Ее итогом стала концепция перспективного развития советского законодательства, своего рода модельный уголовный кодекс [27]. В нем не была обойдена вниманием и проблема уголовной ответственности несовершеннолетних, ей предлагалось посвятить отдельные раздел и главу.

Кроме наказания, в кодексе выделялись меры, заменяющие уголовную ответственность, с применением иных мер воздействия, к числу которых были отнесены принудительные меры воспитательного характера, перечень и порядок которых предлагалось регламентировать Положением о комиссии по делам несовершеннолетних.

Предполагалось также выделение мер, заменяющих наказание с применением иных мер воздействия, к числу которых относилась замена несовершеннолетнему наказания мерами воспитательного характера. К их числу относились порицание, предупреждение, условное осуждение или направление в специальное учебно-воспитательное либо лечебно-воспитательное учреждение. Порядок содержания и освобождения несовершенно-

летнего из подобного рода учреждений должно было регулировать отдельное положение о применении принудительных мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних [27].

Принятые 2 июля 1991 г. Верховным Советом СССР, но так и не вступившие в действие Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотрели раздел, посвященный особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних. В частности, ст. 69 Основ предусматривала возможность освобождения от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного характера, не являющихся уголовным наказанием. Виды и порядок применения принудительных мер воспитательного характера определялись уголовными кодексами республик.

Следует обратить внимание, что в число наказаний, которые могли применяться к несовершеннолетним, Основы, наряду с другими мерами, включили обязанность загладить причиненный вред и ограничение свободы досуга, которые в современном уголовном праве России составили содержание некоторых принудительных мер воспитательного воздействия.

С распадом СССР началась разработка нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Было подготовлено несколько его проектов, где для несовершеннолетних предусматривались меры, альтернативные наказанию. Так, в соответствии с проектом, разработанным Государственной Думой, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности предусматривались следующие принудительные меры воспитательного воздействия: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, или службы ресоциализации; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению. Указанные меры предполагалось применять также при освобождении несовершеннолетних от наказания. Кроме того, они могли быть помещены в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение.

В проекте УК, разработанным Министерством юстиции, принудительные меры воспитательного характера могли применяться при освобождении несовершеннолетнего судом от наказания. Такими мерами являлись: возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему; возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста и имеющего самостоятельный заработок, обязанности своими средствами возместить причиненный ущерб или возложение обязанности возместить причиненный ущерб своим трудом; предостережение; помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. Таким образом, указанные меры, по существу, дублировали те, которые предусматривались УК РСФСР 1960 г.

В УК РФ 1996 г. впервые в современном законодательстве Российской Федерации были выделены разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и гл. 14 «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних», в которых, в частности, устанавливались система наказаний, а также отдельные виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых к не-

совершеннолетним. Из их числа достаточно подробно регламентировалось применение принудительных мер воспитательного воздействия, пришедших на смену принудительным мерам воспитательного характера. В отличие от УК РСФСР 1960 г., их количество было сокращено до четырех. Из системы принудительных мер была исключена и приобрела самостоятельный характер такая мера, как помещение в специальное, или воспитательное, или лечебно-воспитательное учреждение. Ее применение связано с освобождением лица от наказания.

Из числа иных мер уголовно-правового характера в данной главе также регламентировались особенности условно-досрочного освобождения несовершеннолетних (ст. 93 УК РФ), а также сокращались сроки давности при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания (ст. 94 УК РФ).

Ретроспективный анализ норм отечественного уголовного права, регламентирующих иные меры уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, позволяет сделать определенные выводы.

Начальный советский период развития Российского государства характеризовался широким применением к несовершеннолетним иных мер уголовно-правового характера, стремлением замены ими наказания. Подобное положение, в частности, объяснялось значительным влиянием социологической школы уголовного права на советское законодательство и правоприменительную практику. При этом применение указанных мер в большей мере осуществлялось не судами, а комиссиями по делам несовершеннолетних, специфическими административно-педагогическими органами.

С середины тридцатых годов в законодательство были внесены определенные изменения, которые в значительной мере сократили возможность применения иных мер воздействия к несовершеннолетним. Вплоть до принятия УК РСФСР 1960 г. указанные меры применялись к несовершеннолетним редко; главным образом, они подвергались наказанию.

С принятием УК РСФСР 1960 г. иные меры уголовно-правового характера стали широко применяться на практике. Основными из них стали условное осуждение, отсрочка исполнения приговора, а также принудительные меры воспитательного характера. Однако кроме принудительных мер воспитательного характера, специфика применения иных мер к несовершеннолетним в УК РФ не регламентировалась, поскольку отсутствовала отдельная глава, посвященная их уголовной ответственности.

В принятом в 1996 г. Уголовном кодексе Российской Федерации иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним, были более четко регламентированы по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством. В соответствующие нормы неоднократно вносились изменения, направленные на их совершенствование, устранение пробелов и недостатков, выявленных в процессе правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Кедров Б. М. История науки и принципы исследования. М., 1971. 78 с.
2. Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях несовершеннолетних» // Сборник документов по

истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953.

3. Кривоченко Л. Н. Борьба за ликвидацию преступности среди несовершеннолетних в СССР. Харьков : Хар. Юрид. ин-т, 1965. 45 с.

4. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953.

5. Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР. 1920. № 13.

6. Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР. 1920. № 68.

7. Гаверов Г. С. Уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, и их применение к несовершеннолетним правонарушителям. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1981. 65 с.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15.

9. Собрание законов СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

10. Скрипченко Н. Ю. Развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский периоды) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1. С. 18–24.

11. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80.

12. Кудимов А. Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 3. С. 29–35.

13. СУ РСФСР. 1929. № 82. Ст. 796.

14. Миньковский Г. М. Основные этапы развития советской системы борьбы с преступностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6. М., 1967.

15. Собрание законов СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

16. Уголовное право. Общая часть. М., 1938.

17. Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 138.

18. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 672 с.

19. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961–1983. М., 1984.

20. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970.

21. Гаверов Г. С. Проблемы наказания несовершеннолетних преступников. Иркутск, 1986.

22. Арькова В. И., Виттенберг Г. Б. Принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним. Иркутск, 1978.

23. Семернева Н. К. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.

24. Якубов А. Е. Освобождение несовершеннолетних от ответственности и наказания с применением принудительных мер воспитательного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969.

25. Гаверов Г. С. Условное осуждение и его применение к несовершеннолетним (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.

26. Сидорова В. Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему как форма индивидуализации

ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978.

27. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М. : Наука, 1987. 276 с.

References

1. Kedrov B. M. History of science and principles of research. M., 1971. 78 p.
2. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 14, 1918 «On juvenile commissions» // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M., 1953.
3. Krivochenko L. N. Struggle for the elimination of juvenile delinquency in the USSR. Kharkiv : Khar. Jurid. int., 1965. 45 p.
4. Guiding principles on criminal law of the RSFSR // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M., 1953.
5. Collection of laws and orders of the Government of the RSFSR. 1920. № 13.
6. Collection of laws and orders of the Government of the RSFSR. 1920. № 68.
7. Gaverov G. S. Criminal legal measures not related to deprivation of liberty and their application to juvenile offenders. Irkutsk : Publishing house Irkut. un-ta, 1981. 65 p.
8. Criminal Code of the RSFSR of 1922 // SU RSFSR. 1922. № 15.
9. Collection of laws of the USSR. 1924. № 24. Art. 205.
10. Skripchenko N. Yu. Development of legislation on the use of compulsory measures of educational influence in relation to juvenile offenders (pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods) // Issues of juvenile justice. 2008. № 1. P. 18–24.
11. The Criminal Code of the RSFSR // SU RSFSR. 1926. № 80.
12. Kudimov A. F. Historical information on the creation and organization of penitentiary institutions for juvenile

offenders // Issues of juvenile justice. 2006. № 3. P. 29–35.

13. SU RSFSR. 1929. № 82. Art. 796.
14. Minkovsky G. M. The main stages of the development of the Soviet system of combating juvenile delinquency // Issues of combating crime. Issue 6. M., 1967.
15. Collection of laws of the USSR. 1935. № 19. Art. 155.
16. Criminal law. General part. M., 1938.
17. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. № 8. Art. 138.
18. Course of Soviet criminal law. Part General. Vol. 2. L. : Publishing House of the Leningr. un-ta, 1970. 672 p.
19. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR. 1961–1983. M., 1984.
20. Astemirov Z. A. Criminal responsibility and punishment of minors. M., 1970.
21. Gaverov G. S. Problems of punishment of juvenile delinquents. Irkutsk, 1986.
22. Arkova V. I., Wittenberg G. B. Compulsory educational measures applied to minors. Irkutsk, 1978.
23. Semerneva N. K. Exemption from criminal liability of minors with the use of compulsory measures of an educational nature : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Sverdlovsk, 1969.
24. Yakubov A. E. Release of minors from responsibility and punishment with the use of compulsory measures of an educational nature : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 1969.
25. Gaverov G. S. Conditional sentence and its application to minors (criminal law and criminological research) : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 1970.
26. Sidorova V. Postponement of execution of a sentence to a minor as a form of individualization of responsibility : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Sverdlovsk, 1978.
27. Criminal law. The experience of theoretical modeling. Moscow : Nauka, 1987. 276 p.

Информация об авторах

С. Ю. Алпатова — доцент кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук;
А. Н. Павлухин — кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

S. Yu. Alpatova — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences;
A. N. Pavlukhin — Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, Laureate of the Award of the Government of Russian Federation in the field of education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 08.10.2022. The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 08.10.2022.

Научная статья

УДК 343.265.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-18-22>

ИДН: 2003-0059-6/22-478

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-677

Отсрочка отбывания наказания военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации как вид освобождения от наказания: историческая и социальная обусловленность ее применения в современных реалиях

Елена Александровна Алференок¹, Михаил Михайлович Дайшутов², Андрей Петрович Дмитренко³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ le555na1993@yandex.ru

² mdaishutov@mvd.ru

³ stvkup@yandex.ru

Аннотация. На основании ретроспективного анализа отсрочки исполнения наказания в отношении военнослужащих проведено изучение социальной обусловленности ее законодательной регламентации в качестве нового вида освобождения от наказания.

Ключевые слова: освобождение от наказания, военнослужащие, специальная военная операция, отсрочка отбывания наказания

Для цитирования: Алференок Е. А., Дайшутов М. М., Дмитренко А. П. Отсрочка отбывания наказания военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации как вид освобождения от наказания: историческая и социальная обусловленность ее применения в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 18–22. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-18-22>.

Original article

Postponement of serving a sentence by a serviceman of the armed forces of the Russian Federation as a type of release from punishment: historical and social conditionality of its application in modern realities

Elena A. Alferenok¹, Mikhail M. Daishutov², Andrey P. Dmitrenko³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ le555na1993@yandex.ru

² mdaishutov@mvd.ru

³ stvkup@yandex.ru

Abstract. Basing on a retrospective analysis of the postponement of execution of punishment in relation to military personnel, the study of the social conditionality of its legislative regulation as a new type of exemption from punishment is carried out.

Keywords: release from punishment, military personnel, special military operation, postponement of serving a sentence

For citation: Alferenok E. A., Daishutov M. M., Dmitrenko A. P. Postponement of serving a sentence by a serviceman of the armed forces of the Russian Federation as a type of release from punishment: historical and social conditionality of its application in modern realities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):18–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-18-22>.

Институт освобождения от наказания с момента его появления достаточно эффективно выполнял практически все функции уголовного закона. Неоспоримым свидетельством этому является тот факт, что с течением времени законодатель не только не отказался от него, но и дополнял его новыми видами освобождения от нака-

зания, а также совершенствовал существующие. Такого рода изменения всегда были обусловлены социальными, политическими, экономическими изменениями, происходившими в государстве. При этом «традиционной» для уголовного права была классификация видов освобождения от наказания на общие и специальные, в зависимо-

сти от статуса лиц, в отношении которых они могли применяться. При этом, во времена, имевших место в России вооруженных конфликтов, а также в военное время, всегда существовали нормы, предусматривающие освобождение от наказания военнослужащих в связи с их участием в названных действиях. Как показывает изучение истории конструирования подобных норм, практически во всех кодифицированных нормативно-правовых актах, начиная с 1889 г. предусматривался вид освобождения от наказания военнослужащих, связанный с отсрочкой его исполнения.

Д. Ю. Мананников [7, с. 7], изучавший данный аспект, пишет, что впервые отложение исполнения приговора в отношении военнослужащих было закреплено в 1889 г. при внесении изменений в Военно-судебный устав 1867 г. Дальнейшее развитие этот вид освобождения от уголовного наказания получил в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик [11] и УК РСФСР 1926 г. [10]. В соответствии с указанными нормативными правовыми актами, от наказания могли быть освобождены две категории военнослужащих:

- военнослужащие, находящиеся в штрафных воинских частях;
- военнослужащие, проходящие службу в военное время. Освобождение этой категории лиц от наказания посредством отсрочки его исполнения было возможно при соблюдении следующих требований: назначение меры социальной защиты в виде лишения свободы; отсутствие поражения прав.

Общими условиями освобождения обеих категорий лиц от наказания по исследуемому основанию являлись: 1) применение лишь в военное время; 2) срок, на который предоставлялась отсрочка, — до окончания военных действий.

Законодательно закреплялась возможность либо окончательно отменить назначенную ранее меру социальной защиты, либо заменить ее более мягкой в случае, когда военнослужащий проявил себя стойким защитником СССР.

Как отмечают исследователи, наиболее широкое применение отсрочки исполнения приговора получила в период Великой Отечественной Войны [7, с. 11].

Следующим этапом в развитии данного вида освобождения от наказания является принятие УК РСФСР 1960 г., в котором ст. 46 регламентировала отсрочку исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время.

Условиями применения ст. 46 УК РСФСР 1960 г. [14] являлись:

- 1) отсрочка могла быть применена к военнослужащему или военнообязанному, подлежащему призыву или мобилизации;
- 2) направление осужденного в действующую армию;
- 3) отсрочка предоставлялась до окончания военных действий;
- 4) отсрочка исполнения наказания касалась, в том числе, и дополнительных наказаний.

Проявление себя стойким защитником социалисти-

ческой Родины могло повлечь окончательное освобождение от наказания либо замену его более мягким.

Анализ приведенных условий свидетельствует, что законодатель расширил круг лиц, в отношении которых применялась отсрочка, в сравнении с ранее действовавшими нормативно-правовыми актами.

Согласно исследованиям, проведенным В. Звягинцевым [4], в период участия СССР в афганском конфликте 1979–1989 гг., отсрочка исполнения приговора назначалась военнослужащим даже чаще, чем условное осуждение. Например, в 1986 г. ст. 46 УК РСФСР была применена в отношении 23 % военнослужащих от общего количества осужденных.

Показательным является и тот факт, что и после распада СССР, в соответствии со статистическими данными, приведенными А. В. Ищенко [5, с. 177], отсрочка исполнения приговора в отношении военнослужащих была применена в 1992 г. в 4,3 % случаев; 1993 г. — в 3,4 %; 1994 г. — в 3,0 %; 1995 г. — в 3,9 %; 1996 г. — в 4,0 %. При этом наиболее часто военнослужащие осуждались условно. К 1996 г. доля таких решений составляла 24,2 %.

Даже на основе непрерывного существования отсрочки исполнения наказания в уголовном законодательстве России на протяжении более ста лет, а также статистических данных о ее применении, можно обосновать вывод о том, что она позволяла, помимо выполнения функций, свойственных уголовному праву, решать важнейшую государственную задачу, связанную с поддержанием обороноспособности. Характерно, что ее выполнение осуществляется на основе реализации такого принципа уголовной политики, как гуманизм.

Как и раньше, современная уголовная политика Российской Федерации также ориентирована на гуманизацию правосудия. Одним из ее проявлений является активное применение к виновным видов наказаний, не связанных с их изоляцией от общества; не менее важное значение имеет расширение видов освобождения от уголовной ответственности и наказания (например, Уголовный кодекс РФ 1996 г. был дополнен нормами, предусматривающими: освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), отсрочку отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ).

Отсрочка же исполнения наказания военнослужащим как вид освобождения от наказания в действующем уголовном законодательстве отсутствует, что в современных реалиях представляется в большей степени его пробелом.

В качестве аргумента этого тезиса можно провести краткое исследование соответствия нормы, предусматривающей отсрочку отбывания наказания военнослужащим, функциям уголовного закона, поскольку именно этим объясняется «практическая и теоретическая значимость существования того или иного уголовно-правового института» [17, с. 34]. Уголовное законодательство выполняет регулятивную, охранительную, восстанови-

тельную, воспитательную, и профилактическую (превентивную) функции [3, с. 62–63; 6, с. 42–47; 15, с. 63–65; 16, с. 165–183]. При этом Т. Ф. Миняева [8], исследуя институт отсрочки исполнения приговора, отмечает, что его социальная ценность определяется тем, что он способствует выполнению указанных функций. Позволим уточнение: на наш взгляд, нормы об отсрочке исполнения наказания, в том числе и в отношении военнослужащих, не способствуют, а выполняют эти функции. Восстановительная функция уголовного закона проявляется в способности норм уголовного закона «нормализовать психологическое спокойствие общества и достигать цели социальной справедливости» [12, с. 7]. Применительно к исследуемому явлению это проявляется в возбуждении в отношении виновного уголовного дела, осуществление следственных и иных процессуальных действий с его участием и вынесение обвинительного приговора. Это оказывает воспитательное воздействие на виновного и содержит процессуальные механизмы, направленные на компенсацию вреда, причиненного потерпевшему [17, с. 35].

Воспитательная функции в отношении военнослужащих, освобожденных от наказания в связи с применением отсрочки отбывания наказания, проявляется и в направлении его в воинскую часть для прохождения службы, где он находится под наблюдением командования воинской части, ему отдаются приказы и распоряжения.

Добровольность и сознательность позитивных действий лица после совершения преступления, а также выполнение им воинских обязанностей во благо общества, характеризует не только достижение положительного результата воспитательного процесса, но и предполагает реализацию *предупредительной функции*.

Статистические данные «рецидива» лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности и наказания по не реабилитирующим основаниям, свидетельствуют о том, что он несопоставимо ниже уровня рецидива лиц, которые реально отбывали наказание. Например, в 2013 г. было осуждено 735 590 человек; из них на момент судебного рассмотрения уголовного дела неснятые и непогашенные судимости имели 255207 человек (34,7 %) и 7582 лица (1,03 %) являлись ранее освобожденными от уголовной ответственности и наказания по не реабилитирующим основаниям. В последующие годы соотношение рассматриваемых значений в целом не изменилось: в 2014 г. — 34,3 % к 1,05 %; 2015 г. — 32,7 % к 1,16 %; в 2016 г. — 30,9 % к 1,26 %; 2017 г. — 33,2 % к 1,2 %; однако в 2018 г. доля лиц, которые к моменту рассмотрения уголовного дела в суде имеют неснятую или непогашенную судимость, несколько увеличилась и составила 36,4 %, при этом второй показатель остался, в целом, на прежнем уровне — 1,09 %; в последующие годы наблюдается дальнейший рост первого показателя: в 2019 г. — 38,5 % к 1 %; в 2020 г. — 39,9 % к 1 %; в 2021 г. — 39,1 % к 0,9 % [13]. Итак, анализ статистических данных свидетельствует об эффективной реализации при освобождении от уголовной ответственности и наказания *профилактической (предупредительной)*

функции уголовного закона.

Отметим, что в настоящее время освобождение военнослужащих от наказания по существующим в уголовном законодательстве основаниям применяется редко. Так, в 2018 г. от наказания было освобождено всего 26 военнослужащих из 3784 осужденных (0,9 %); в 2019 г. — 1,15 %; в 2020 г. — 1,29 %; 2021 г. — 1,08 % [13]. Обозначенные статистические данные позволяют высказать прогноз о том, что появление в Уголовном кодексе РФ нового основания освобождения от наказания, применяемого к лицам, заключающим контракт о прохождении военной службы, будет способствовать предупреждению совершения преступлений рассматриваемой категории лиц.

Существование современного государства невозможно без развития его экономики. Экономические отношения пронизывают практически все сферы жизни общества. Следует признать, что тенденцией действующего уголовного законодательства является реализация ранее несвойственной ему экономической функции. Ее значение состоит как в снижении материальных затрат на содержание правоохранительных органов и «разгрузке» мест лишения свободы [9, с. 18–20], так и в пополнении федерального бюджета для нормального осуществления деятельности государства [1, с. 7–8; 2, с. 37]. Применительно к отсрочке отбывания наказания военнослужащим, обозначенная функция может реализовываться и в экономии государством средств на обучении лиц военным специальностям.

Подводя итог отметим и то обстоятельство, что в настоящее время наше государство проводит специальную военную операцию, которая требует совершенствование всех возможных мер, в том числе и правовых, способных повысить ее эффективность и снизить негативные последствия для общества. Применение отсрочки исполнения наказания для военнослужащих будет реализовывать не только функции уголовного закона, но и способствовать повышению боеспособности воинских формирований за счет их пополнения лицами, освоившими военные специальности, имеющими боевой опыт и желание выполнять служебный долг.

Список источников

1. Валеев М. Т. Новое основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. № 2 (6). 2015. С. 7–10.
2. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности : дисс. ... к.ю.н. М., 2014. 238 с.
3. Денисов С. А. Предупредительная функция уголовного закона // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (6). 2013. С. 62–64.
4. Звягинцев В. Военные суды : история и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.ru/review/view/5551/> (дата обращения: 24.05.2022).
5. Ищенко А. В. Дифференциация и индивидуализация наказания военнослужащих в практике военных судов : дисс. ... к.ю.н. М., 2000. 239 с.

6. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия : монография. СПб : Юридический центр Пресс, 2004. 337 с.

7. Мананников Д. Ю. Условное осуждение военнослужащих : монография. Выпуск 136. 2014. 157 с. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.05.2022).

8. Миняева Т. Ф. Отсрочка исполнения приговора : дисс. ... к.ю.н. М., 1982. URL: <https://www.dissercat.com/content/otsrochka-ispolneniya-prigovora> (дата обращения: 25.05.2022).

9. Михаль О. А. Освобождение от уголовной ответственности: соотношение с категориями преступлений // Российский следователь. № 1. 2005. С. 17–22.

10. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. (ред. от 28.05.1928) «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.05.2022).

11. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.05.1928 г. «О дополнении и изменении основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.05.2022).

12. Соломенник Н. Л. Восстановительная функция юридической ответственности : автореф. дисс. ... д.ю.н. Казань, 2007. 24 с.

13. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

14. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.05.2022).

15. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М. : Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. 990 с.

16. Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М. : НОУ Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 247 с.

17. Хлебницына Е. А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский судья. № 7. 2017. С. 33–36.

References

1. Valeev M. T. A new basis for exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity // Criminal justice. № 2 (6). 2015. P. 7–10.

2. Vlasenko V. V. Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity : diss. ...

candidate of law. M., 2014. 238 p.

3. Denisov S. A. Preventive function of the criminal law // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4 (6). 2013. P. 62–64.

4. Zvyagintsev V. Military courts: history and modernity [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.ru/review/view/5551/> (accessed: 24.05.2022).

5. Ishchenko A.V. Differentiation and individualization of punishment of military personnel in the practice of military courts : diss. ... candidate of law. M., 2000. 239 p.

6. Lopashenko N. A. Fundamentals of criminal legal impact : monograph. St. Petersburg : Law Center Press, 2004. 337 p.

7. Manannikov D. Y. Conditional conviction of military personnel : monograph. Issue 136. 2014. 157 p. // SPS ConsultantPlus (accessed: 23.05.2022).

8. Minyazeva T. F. Postponement of execution of sentence: diss. ... candidate of law. M., 1982. URL: <https://www.dissercat.com/content/otsrochka-ispolneniya-prigovora> (date of appeal: 25.05.2022).

9. Mikhail O. A. Exemption from criminal liability: correlation with categories of crimes // Russian investigator. № 1. 2005. P. 17–22.

10. Resolution of the Central Executive Committee of 22.11.1926 (ed. of 28.05.1928) «On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. edition of 1926» (together with the «Criminal Code of the R.S.F.S.R.») // SPS ConsultantPlus (accessed: 24.05.2022).

11. Resolution of the CEC of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR dated 23.05.1928 «On the addition and amendment of the basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics and the regulations on military tribunals and military Prosecutor's office» // SPS ConsultantPlus (date of appeal: 24.05.2022).

12. Solomenik N. L. Restorative function of legal responsibility : abstract. diss. ... D.yu.n. Kazan, 2007. 24 p.

13. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru> (accessed: 25.05.2022).

14. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 27.10.1960) (ed. from 30.07.1996) // SPS ConsultantPlus (accessed: 24.05.2022).

15. Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / edited by I. M. Matskevich, N. G. Kadnikov. M. : Union of Criminologists and Criminologists, Criminological Library, Russian Criminological view, 2015. 990 p.

16. Filimonov V. D. Criminal liability under Russian law. Moscow : KNOW Institute of Current Education «Yurinfor-MSU», 2008. 247 p.

17. Khlebnitsyna E. A. Functions of norms providing for exemption from criminal liability with the appointment of a court fine // Russian judge. № 7. 2017. P. 33–36.

Информация об авторах

Е. А. Алференок — старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

М. М. Дайшуттов — начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. П. Дмитренко — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the authors

Е. А. Alferenok — Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

М. М. Daishutov — Chief of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

А. Р. Dmitrenko — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-23-25>

НИОН: 2003-0059-6/22-479

MOSURED: 77/27-003-2022-06-678

К вопросу о функциях деривативов в Российской Федерации

Никита Сергеевич Апаликов

Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются и систематизируются функции, выполняемые деривативами; изучаются основные правовые признаки, присущие производным финансовым инструментам. Производные финансовые инструменты по своей юридической природе обладают одним важным признаком — что они являются алеаторными сделками (напрямую сопряжены с риском). Делается вывод о том, что необходимо различать деривативы как сделки и деривативы как финансовые инструменты — ценные бумаги, так как это в некоторых отношениях различные правовые категории. На сегодняшний день рынок деривативов, учитывая современные реалии, активно развивается из-за бурного роста технологий связи и механизмов интернет-торговли. Можно представить его в нескольких формах: биржевой, внебиржевой (неорганизованной и организованной).

Ключевые слова: производные финансовые инструменты, деривативы, биржа, опцион, фьючерсный контракт, биржевая торговля

Для цитирования: Апаликов Н. С. К вопросу о функциях деривативов в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 23–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-23-25>.

Original article

To the issue of derivatives functions in the Russian Federation

Nikita S. Apalikov

Scientific Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia

Abstract. The functions performed by derivatives are analyzed and systematized, as well as the main legal features inherent in derivative financial instruments are studied. Derivative financial instruments by their legal nature have one important feature, namely that they are aleatory transactions (directly associated with risk). It is concluded that it is necessary to distinguish derivatives as transactions and derivatives as financial instruments — securities, since these are in some respects different legal categories. To date, the derivatives market, taking into account modern realities, is actively developing due to the rapid growth of communication technologies and online trading mechanisms. It can be presented in several forms: exchange, over-the-counter (unorganized and organized).

Keywords: derivatives, derivatives, exchange, option, futures contract, exchange trading

For citation: Apalikov N. S. To the issue of derivatives functions in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):23–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-23-25>.

Несовершенство законодательной базы по причине абсолютизации имеющихся отличий в обращении базовых активов (валюты, ценных бумаг, товара) не позволяют данному сегменту финансового рынка страны набирать отвечающие потребностям экономики темпы и объемы своего развития. Примером непоследовательности в законодательном обеспечении потребностей данного сегмента рынка служит тот факт, что Налоговым кодексом РФ уже предпринята попытка регламентировать систему налогообложения сделок по производным

инструментам, что требует приведения законодательства в этой сфере к единой терминологии, принципам, подходам к регулированию правоотношений субъектов рынка производных инструментов. Работа с деривативами в современных условиях ведётся практически по всему миру. Для рынков развитых стран это очень значимый финансовый атрибут, со своей историей и этапами развития, поэтому государственные структуры разных государств стараются с каждым новым законопроектом усовершенствовать механизм правового регулирования

© Апаликов Н. С., 2022

как биржевых, так и внебиржевых площадок, на которых происходит обращение производных финансовых инструментов в рамках законодательства конкретного государства [3, с. 250].

Рынок деривативов имеет следующие особенности, определяемые сложной логикой развития мирового хозяйства.

Использование деривативного леввериджа. Поскольку купля-продажа отдельных финансовых инструментов рынка деривативов не связана с оплатой всей стоимости базового актива, постольку положительная разница в ценах (ставках) соотносится не со всей стоимостью этого актива, а лишь с капиталом, авансированным на рынке его дериватива.

Глобальный характер и концентрация состава профессиональных участников. Высокая степень децентрализации рынка. Эта особенность связана с наличием значительного количества внебиржевых деривативов и низким уровнем регулирования и саморегулирования.

Способность к безграничному самовозрастанию. Деривативы «отрываются» от базового актива в значительно большей степени, чем базовые активы от реальных активов, лежащих в их основе.

Интеграция в другие рынки. Рынок деривативов, об-разно говоря, пронизывает другие сегменты финансового рынка, предлагая соответствующие финансовые инструменты.

Производные финансовые инструменты по своей юридической природе обладают одним важным признаком, а именно тем, что они являются алеаторными сделками (напрямую сопряжены с риском). Их использование может привести как к прибыли, так и к убыткам, если не понимать в достаточной степени их существо, наполнение и вести неправильный учёт, а также контроль своих позиций. Поэтому необходимо строгое соблюдение финансовой дисциплины, наличия системы измерения и мониторинга потенциальных рисков для участников сделки [1].

Следующая важная черта, присущая деривативным договорам — это наличие «стохастически» [5] обусловленного обязательства, то есть зависимым от случая (по крайней мере, для одной из сторон). Производные финансовые инструменты могут быть оформлены как ценной бумагой, так и обычным договором. Соответственно договоры, которые заключаются при первичном размещении тоже принято считать деривативами. Но необходимо различать деривативы как сделки и деривативы как финансовые инструменты — ценные бумаги, так как это в некоторых отношениях различные правовые категории [2]. Раньше заключение контрактов, имеющих модель производных финансовых инструментов, приравнивалось к играм и пари исходя из позиции Высшего Арбитражного суда РФ [4]. В результате, многим иностранным инвесторам в Российской Федерации было отказано в судебном механизме защиты собственных прав.

Отметим, что достаточное представление о правовом содержании деривативов сформировалось лишь в отношении наиболее стандартизированных и распространенных в практике контрактов: фьючерсов, форвар-

дов и опционов. Юридическое понимание своповых, гибридных и иных синтетических продуктов финансового инжиниринга до сих пор не проработано. Поэтому, как указывает Л. В. Чхутиашвили: «За пределами этого списка возникают значительные расхождения в понимании понятия деривативов» [5].

В результате, выделим основные правовые признаки, присущие производным финансовым инструментам:

- ПФИ представляет собой срочное, стохастически обусловленное договорное обязательство;
- возмездность (потому как продавец после исполнения своей части обязательств вправе требовать встречного предоставления на условиях ПФИ);
- консенсуальный характер (считается заключенным лишь с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора, а что касается порядка, формы исполнения обязательства по производному финансовому инструменту, то они могут быть отложены на срок, оговоренный сторонами в самом производном финансовом инструменте).

Именно в силу того, что предмет опциона — это особая (специфическая) разновидность имущественного права, на опционные договоры не может распространяться норма п. 4 ст. 454 ГК РФ, гласящая: «Положения, предусмотренные настоящим параграфом, применяются к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав». В силу того, что содержание и характер права на будущую передачу прав и обязанностей (т. е. предмета опционного договора) обладают особыми свойствами, на опционный договор также нельзя распространить действие п. 4 ст. 454 ГК РФ. Вследствие этого, учитывая динамику развития рынка опционных договоров правовые положения об опционном договоре должны войти в единый массив гражданского законодательства, регулирующего отношения по купле-продаже, и прежде всего, в статью 454 главы 30 Гражданского кодекса РФ.

Отсутствие в стране вплоть до сегодняшнего дня единой государственной политики развития рынка производных финансовых инструментов (в том числе, опционов) несет угрозу того, что в обозримой перспективе в России этот рынок будет неоптимальным, имеющим, в основном, спекулятивное значение.

Такая долгосрочная политика возможна только от имени государства и профессионального сообщества на основе повышения роли государства в строительстве организованных рынков, в стимулировании их развития. Возникновение этих проблем, как уже говорилось, обусловлено тем обстоятельством, что отсутствует единая законодательная база функционирования рынка производных инструментов, что приводит к межведомственным противоречиям.

Одним из приоритетных направлений этой политики должно стать скорейшее принятие профильного законодательства, и, прежде всего, поправки в часть вторую Гражданского кодекса РФ, а также принятие Федерального закона «О производных финансовых инструмен-

тах» и профильного Федерального закона «Об опционном договоре».

Основное различие между опционом и другими сделками в том, что он дает право (подразумеваемая свободную волю стороны воспользоваться своим правом купить-продать или нет, в зависимости от определенных обстоятельств, сложившихся на определенный момент времени), но не налагает обязательств.

В силу того, что содержание и характер права на будущую передачу прав и обязанностей (т. е. предмета опционного договора) обладают особыми свойствами, на опционный договор также нельзя распространить действие п. 4 ст. 454 ГК РФ. Вследствие этого, учитывая динамику развития рынка опционных договоров правовые положения об опционном договоре должны войти в единый массив гражданского законодательства, регулирующего отношения по купле-продаже, и прежде всего, в статью 454 главы 30 Гражданского кодекса РФ.

Несовершенство законодательной базы по причине абсолютизации имеющихся отличий в обращении базовых активов (валюты, ценных бумаг, товара) не позволяют данному сегменту финансового рынка страны набирать отвечающие потребностям экономики темпы и объемы своего развития. Примером непоследовательности в законодательном обеспечении потребностей данного сегмента рынка служит и тот факт, что Налоговым кодексом РФ уже предпринята попытка регламентировать систему налогообложения сделок по производным инструментам, что требует приведения законодательства в этой сфере к единой терминологии, принципам, подходам к регулированию правоотношений субъектов

рынка производных инструментов.

Список источников

1. Иванова Е. В. Правовая квалификация деривативов. Издательство : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 196 с.
2. Иванова Е. В. Финансовые деривативы : фьючерс, форвард, опцион, своп. Теория и практика. Ось- 89, 2005. 192 с.
3. Новиков А. В., Новикова И. Я. Финансовый рынок : учебное пособие. Новосибирск : САФБД, 2014.
4. Постановление Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 8 июня 1999 г. № 5347/98. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.06.2022).
5. Чхутиашвили Л. В. Рынок производных финансовых инструментов в современных условиях развития. М. : МГЮА, 2012 г. 6 с.

References

1. Ivanova E. V. Legal qualification of derivatives. Publisher : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 196 p.
2. Ivanova E. V. Financial derivatives : futures, forward, option, swap. Theory and practice. Axis- 89, 2005. 192 p.
3. Novikov A. B., Novikova I. Ya. Financial market : textbook. Novosibirsk : SAFBD, 2014.
4. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 8, 1999 № 5347/98. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (accessed: 03.06.2022).
5. Chkhutiashvili L. V. The market of derivative financial instruments in modern conditions of development. Moscow: MGUA, 2012. 6 p.

Информация об авторе

Н. С. Апаликов — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, кандидат юридических наук, адвокат.

Information about the author

N. S. Apalikov — Senior Researcher of the Scientific Research Institute of Education and Science, Candidate of Legal Sciences, Attorney at Law.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-26-29>

NIJON: 2003-0059-6/22-480

MOSURED: 77/27-003-2022-06-679

Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства

Максим Александрович Баканов

Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, maksim.backanov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются преступления, предусмотренные ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, дается характеристика данных преступлений, её признаки. По итогу исследования приводится определение незаконного предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательство, экономическая деятельность, общественные отношения, гражданско-правовая сделка

Для цитирования: Баканов М. А. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-26-29>.

Original article

Criminal law characterization of illegal business

Maxim A. Bakanov

Witte Moscow University, Moscow, Russia, maksim.backanov@yandex.ru

Abstract. The crimes provided for by Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered, description of these crimes, its signs are given, and as a result of the study illegal entrepreneurship is defined.

Keywords: entrepreneurial activity, business, economic activity, social relations, civil law transaction

For citation: Bakanov M. A. Criminal law characterization of illegal business. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):26–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-26-29>.

Согласно проведенному комплексному анализу экономической теории, следует вывод, что такие самостоятельные понятия, как «экономика» и «экономическая деятельность» выступают в качестве синонимов. В связи с этим, если видовой объект рассматриваемых преступлений определять, руководствуясь исключительно понятием «экономическая деятельность», то, по нашему мнению, нарушается целостное соотношение философских категорий «род–вид», исходя из принципа «от общего к частному». Данное обстоятельство можно объяснить тем, что общественные отношения, находящиеся под непосредственной охраной родового и видового объекта уголовно наказуемого деяния идентичны как по объему, так и по содержанию. Таким образом, руководствоваться пониманием видового объекта через призму гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) недопустимо. Если рассматривать глубже, то следует отметить, что объедине-

ние общественных отношений, которые находятся под защитой законодателя и подпадают под действие гл. 22 УК РФ, вполне объяснимо, в первую очередь, исходя из правил законодательной техники. Вместе с тем, объект преступления должен демонстрировать всю сущность общественных отношений, которые находятся под охраной государства.

По нашему мнению, видовой объект того или иного преступления, совершаемого в сфере экономики или экономической деятельности, должен формироваться исходя непосредственно из составов преступлений, перечень которых представлен в гл. 22 УК РФ.

Большое значение в данной главе имеют экономические преступления, предметом посягательства которых является законный порядок осуществления предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации [1, с. 77].

Под преступлениями, которые совершаются в сфере предпринимательской деятельности, следует понимать

виновное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, совершаемое в процессе самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [2].

Рассмотрим более подробно элементы состава преступления, присущие незаконному предпринимательству.

1. Объектом преступления являются общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, обеспечивающие установленный государством порядок легитимации предпринимательской деятельности (основной объект), который защищает законные интересы граждан, организаций и общества (дополнительный объект).

2. Объективной стороной преступления выступает незаконное осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или лицензии в случаях, когда она необходима. Регистрация предполагает занесение записи в Единый государственный реестр для юридических лиц (ЕГРЮЛ) и в Единый государственный реестр для индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) записи о создании такого юридического лица или же приобретения физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» содержит перечень видов деятельности, подлежащей лицензированию.

3. Субъект преступления — общий, физическое лицо, достигшее 16-лет, являющийся вменяемым, как имеющий статус индивидуального предпринимателя, так и не зарегистрированное в установленном порядке, но которое занимается деятельностью, носящей предпринимательский характер.

4. Субъективная сторона данного вида преступлений характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо, совершившее преступление, осознавало общественную опасность своего деяния и предвидело возможность наступления таковых последствий.

Квалификационные признаки предусмотрены в ч. 2 ст. 171 УК РФ, таковыми являются деяния:

- совершенные организованной группой — это преступления, оно совершенное устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или целого ряда преступлений;
- сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере, превышающим девять миллионов рублей.

Одной из важнейших черт данного вида преступлений является корыстный характер. Подобную черту отмечает и М. Г. Жилкин: «В корыстных преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, мотив и цель совпадают. Корыстные мотивы преступления в сфере предпринимательской деятельности необходимо рассматривать в качестве понимаемого предельно широко стремления к материальной выгоде или избавлению от материальных затрат. При этом в большинстве случаев корыстно мотивированные предпринимательские преступления совершаются в целях завладения имуществом, прежде всего денежными средствами.

Корыстный мотив предполагает не только желание получить материальные выгоды (в том числе и в будущем, например, посредством устранения конкурента), завладеть тем, чем виновный не обладал до совершения преступления, но и стремление сохранить имущественные блага, с которыми он должен был на законных основаниях расстаться» [3, с. 67].

Стоит рассмотреть детально признаки предпринимательской деятельности.

1. Самостоятельность.

В процессе осуществления предпринимательской деятельности физическое или юридическое лицо действует от своего собственного имени, реализуя собственную волю без внешнего вмешательства. Эта самостоятельность проявляется, прежде всего, в принимаемых субъектом юридически значимых управленческих и экономических решениях, использовании имеющихся материальных и трудовых ресурсов. Кроме того, самостоятельность реализуется через судебную и иную защиту своих прав. В частности:

- юридическое лицо через своего руководителя либо представителя может подавать заявление о возбуждении уголовного дела (ст. 23 УПК РФ);
- юридическое лицо может, в случае признания его потерпевшим, через своего представителя или руководителя участвовать в процессе (п. 1 ст. 42 УПК РФ);
- юридическое лицо имеет возможность осуществлять права гражданского истца или ответчика в рамках уголовного дела, стремясь возместить ущерб от преступления или защититься от гражданского иска (п. 1 ст. 44, п. 1 ст. 54 УПК РФ);
- юридическое лицо через своего представителя или руководителя вправе подавать ходатайство о применении залога в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ст. 106 УПК РФ) и вносить советующий залог (п. 1 ст. 106 УПК РФ).

Тем самым, самостоятельность как изначально гражданско-правовой признак непосредственно отражается на особенностях осуществления защиты по уголовным делам в общем, так и по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в частности.

2. Наличие риска. Его самостоятельность реализуется в условиях постоянной экономической неопределенности на рынке.

Многие риски не связаны с объективными процессами, влияющими на всех бизнесменов. Невыполнение контрагентом своих обязательств ввиду его волюнтаризма или его непорядочности может привести к катастрофическим последствиям для предпринимателя, а по сути своей подобная ситуация вызвана исключительно субъективными причинами. Данный признак следует учитывать при осуществлении защиты по преступлениям, предусмотренным ст. 196 УК РФ (Преднамеренное банкротство). В частности, оценивать, действовал ли руководитель юридического лица добросовестно и разумно, основывались ли его действия по выводу предприятия из

кризиса на плане, пусть и имеющем риски, но реальном по сути своего исполнения. Если же действия несли заведомый риск и не подкреплялись разумными обоснованиями, то велика вероятность привлечения руководителя к субсидиарной гражданско-правовой и уголовной ответственности.

3.4. Систематическое получение прибыли и различные формы предпринимательской деятельности.

Систематичность получения прибыли от пользования имуществом, оказания услуг или продажи товаров, а также сама систематичность подобной деятельности является обязательным признаком предпринимательской деятельности в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ. Так при реализации защиты по преступлениям, предусмотренным ст. 171 Уголовного кодекса РФ (Незаконное предпринимательство), необходимо уделить внимание систематичности деятельности как обязательному признаку данного преступления.

Согласно Письму ФНС России от 07.05.2019 г. № СА-4-7/8614 «Недопустимо признание деятельности предпринимательской на основе единичных случаев совершения гражданско-правовых сделок. Очевидно, что не соответствуют определению предпринимательской деятельности, изложенному в статье 2 ГК РФ, случаи нерегулярной по характеру реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг. Разовое оказание личных услуг также не может однозначно свидетельствовать о наличии признаков систематичности в деятельности физического лица и ее предпринимательском характере. Налоговые обязательства по удержанию НДФЛ в данном случае исполняются нанимателем — налоговым агентом как источником выплаты дохода по договорам гражданско-правового характера в порядке, установленном статьей 226 НК РФ» [4].

5. Регистрация субъектов в установленном законом порядке (легитимация). Требования государственной регистрации распространяется как на организацию, так и на гражданина. Данная процедура необходима для ведения учета предпринимателей и обеспечения прав и интересов кредиторов. Как было указано выше, для осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности необходима процедура лицензирования. То есть государство выступает лицензирующим органом по выдаче, приостановлению или аннулированию специального разрешения, представляющегося предпринимателем.

Таким образом, по результатам исследования, проведенного в данной статье, следует сделать следующие выводы.

Закрепление в уголовном законодательстве ответственности за предпринимательство без наличия государственной регистрации или без специального на то разрешения, способствует сдерживанию процветания незаконной предпринимательской деятельности еще на ранней стадии развития данного процесса, помимо этого благоприятствует формированию правомерного поведения предпринимателей и соблюдению порядка осуществления данной деятельности, установленной государством.

Список источников

1. Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2005. 494 с.
2. Борин Б. В. Понятие, определение и значение оперативно-розыскной характеристики преступлений экономической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 203–204.
3. Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности : монография / Жилкин М. Г. Москва : Юриспруденция, 2019. 144 с.
4. Письмо ФНС России от 07.05.2019 г. № СА-4-7/8614 «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325223/.

References

1. Ustinova T. D. Actual problems of criminal liability for crimes encroaching on entrepreneurial activity : dis. ... Dr. jurid. sciences : 12.00.08. Moscow, 2005. 494 p.
2. Borin B. V. The concept, definition and meaning of operational-investigative characteristics of crimes of economic orientation // Gaps in Russian legislation. 2014. № 1. P. 203–204.
3. Zhilkin M. G. Crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of classification and differentiation of responsibility : monograph / Zhilkin M. G. Moscow : Jurisprudence, 2019. 144 p.
4. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 07.05.2019 № СА-4-7/8614 «On the direction of the review of judicial practice on disputes related to the Qualification of the Activities of Individuals as entrepreneurial for tax purposes». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325223/.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). ст. 3431.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/100186/>.

6. Мищенко Л. В., Телицын Н. А. Оперативно-разыскная характеристика преступлений экономической и коррупционной направленности : актуальные вопросы теории и практики // На страже экономики. 2018. № 4 (7). С. 52–53.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Article 4398.

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 22.08.2021) // Collection of Legislation

of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 28.06.2021, with amendments, dated 26.10.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

4. Federal Law № 129-FZ dated 08.08.2001 (as amended on 02.07.2021) «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» (with amendments and additions, intro. effective from 25.08.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part I). Article 3431.

5 Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 3-P dated 24.02.2004 «On the Case of Checking the Constitutionality of Certain Provisions of Articles 74 and 77 of the Federal Law «On Joint Stock Companies» Regulating the Procedure for Consolidating Placed Shares of a Joint Stock Company and Repurchasing Fractional Shares, in connection with complaints from citizens, the Kadet Establishment Company and the request of the Oktyabrsky District Court cities of Penza». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/100186/>.

6. Mishchenko L. V., Telitsyn N. A. Operational-investigative characteristics of crimes of economic and corruption orientation : topical issues of theory and practice // On guard of the economy. 2018. № 4 (7). P. 52–53.

Информация об авторе

М. А. Баканов — аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте.

Information about the author

M. A. Bakanov — Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Witte Moscow University.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-30-34>

ИДН: 2003-0059-6/22-481

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-680

Злоупотребление гражданским правом как основание для применения мер защиты: теоретические и практические аспекты

Наталья Игоревна Батурина¹, Ринат Негаматуллаевич Мородумов²

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, nataliya_baturina@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, morodumov@bk.ru

Аннотация. Рассмотрен институт злоупотребления правом в гражданских и иных правоотношениях, начиная с римского права до современной действительности, что необходимо для теоретического осмысления термина «злоупотребление правом», содержащегося в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Проводится анализ проблем злоупотребления правом с помощью выявления различных подходов ученых к указанной проблематике. Представлено сопоставление положений гражданского и иного законодательства с судебной практикой в рамках интересующей темы. Предложены устранения существующих проблем злоупотребления правом, имеющих место, как в гражданских, так и иных, схожих с ними правоотношениях.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестное поведение, субъективное право, защита гражданских прав, шикана

Для цитирования: Батурина Н. И., Мородумов Р. Н. Злоупотребление гражданским правом как основание для применения мер защиты: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 30–34. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-30-34>.

Original article

Abuse of civil law as a ground for the application of protective measures: theoretical and practical aspects

Natalia I. Baturina¹, Rinat N. Morodumov²

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, nataliya_baturina@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, morodumov@bk.ru

Abstract. Over a long period of time the institute of abuse of right is constantly being improved. The authors have made an attempt to study the problems of abuse of right in civil and other legal relations, starting from Roman law to modern reality, because the need for this, is due to the theoretical understanding of the term «abuse of right», contained in article 10 of the Civil Code of the Russian Federation. The analysis of the problems of abuse of right by identifying the approaches of various scientists to this problematic has been made. In addition, the provisions of civil and other legislation are compared with the judicial practice within the framework of the topic of interest. On the basis of the conducted research the authors have made attempts to eliminate existing problems of abuse of right, which take place both in civil legal relations and in other legal relations similar to them.

Keywords: abuse of right, good faith behavior, subjective right, protection of civil rights, shicana

For citation: Baturina N. I., Morodumov R. N. Abuse of civil law as a ground for the application of protective measures: theoretical and practical aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):30–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-30-34>.

Принципы гражданского права при условии равенства субъектов в полной мере позволяют свободно выражать свою волю в пределах применяемых норм права. Единые для всех границы реализации субъективных гражданских прав и закрепление общей обязанности всех осуществлять их надлежащим образом являются

юридическим выражением добросовестного поведения субъектов гражданских правоотношений.

Теоретическое осмысление ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), содержащей понятие «злоупотребление правом», вряд ли возможно без анализа становления данного института.

© Батурина Н. И., Мородумов Р. Н., 2022

Изначально обратимся к истории понятия «злоупотребления правом», ибо эта проблема известна не только отечественному законодательству, она находила свое отражение еще в римском праве, где действовал принцип «тот, кто пользуется законом, никому не причиняет вреда». Отсюда вытекает, что лица, вступающие в гражданские правоотношения, в любом случае действуют правомерно, так как руководствуются законом. Однако из высказываний известного римского юриста, претора Публия Ювентия Цельса «не следует снисходить к злобе» относилось к случаю, когда при продаже дома продавец сносит часть стен с гипсовыми украшениями. По мнению профессора И. С. Петровского, приведенный пример римского правоведа характеризует продавца именно как лицо, злоупотребляющее правом [1, с. 14].

В период Юстиниана злоупотребление правом чаще наблюдалось в спорах недозволенного пользования земельным участком, которое в дальнейшем приводило к ухудшению естественных свойств соседних земельных участков [2, с. 53].

Заслугой немецких ученых XIX века стало введение термина «шикана». Так, параграф 226 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) содержит правило: «Недопустимо осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому». Важно подчеркнуть тот факт, что указанное правило может распространяться как на частные, так и на публичные права, кроме того, на имущественные и неимущественные права. Вместе с тем, по мнению Людвиг Эннеркцеруса — известного германского юриста, смысл правила, закрепленного в параграфе 226 ГГУ, состоит в следующем: «Запрещено не всякое осуществление права, причиняющего вред другому. Без нанесения вреда другим лицам при осуществлении некоторых прав даже нельзя обойтись, если вообще их осуществлять» [3, с. 437].

Советскому периоду присуще следующее видение понятия злоупотребления правом. М. М. Агарков считал, что, поскольку лицо в своем поведении вышло за пределы содержания представленного ему субъективного права, постольку его нельзя считать лицом, осуществляющим свое право. Кроме того, он указывал на противоправность таких действий и предлагал «не забывать об условности этого термина» [4, с. 429]. С. Н. Братусь выражает несогласие с позицией «условности термина», полагая, что злоупотребление правом относится к «нарушению законности» [5, с. 82].

Наличие злоупотребления правом надлежит доказывать в суде путем сопоставления фактов и обстоятельств, определяющих границы права.

Каждое лицо наделено субъективным правом, которое гарантирует возможное поведение участников правоотношения для удовлетворения своих законных интересов. Лицо имеет право совершать действие по своему усмотрению в пределах норм действующего законодательства, необходимых для регулирования выbranного правоотношения. Вместе с тем поведение управомоченного лица, наделенного субъективным правом, не должно выходить за рамки дозволенного поведения. В. П. Грибанов отмечал, что «само содержание субъективного права, так и его осуществление предполагают определенное поведение управомоченного лица» [6, с. 44].

В случае, когда управомоченное лицо пользуется

нормой права с выгодой для себя в ущерб обязанного лица, позволительно утверждать о злоупотреблении правом и прибегнуть к ст. 10 ГК РФ. В результате злоупотребить правом лицо может тогда, когда оно наделено таким правом.

Современное видение злоупотребления правом уместно проиллюстрировать через анализ действующего гражданского законодательства и выводы Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), определяющие пределы осуществления субъективных гражданских прав, показывающие разные подходы такого понимания и применение нормы. Так, в ст. 10 ГК РФ понятие «злоупотребление правом» трактуется как «заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав», из позиции ВС РФ «под злоупотреблением правом понимается ситуация, когда лицо реализует принадлежащее ему право недозволенным образом» [7]. Следует заметить, что вывод ВС РФ вводит новое понятие «недозволенным образом» без каких-либо пояснений, вероятно, факты и обстоятельства, исследованные судом, в большей мере указывают на применение норм права, не подлежащих применению.

Однако понятие пределов осуществления права гораздо шире понятия осуществления права в несоответствии с его назначением. Например, в судебном разбирательстве представляет интерес вывод суда: «Злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, в результате которых другая сторона не могла реализовать свои права», — в большей степени указывает на необходимость сторон судебного процесса установить состав правонарушения, правомерность поведения лиц, участвующих в деле [8].

При определении факта злоупотребления правом большое значение имеет способ осуществления гражданских прав. Например, собственник имеет право реализовать свое правомочие по распоряжению имуществом путем свободной продажи либо с учетом ограничений, предусмотренных действующим законодательством. Вместе с тем случай продажи собственником доли в общедолевой собственности без согласия сособственников вопреки нормам ГК РФ, регулирующим такой порядок, не может быть расценен как злоупотребление правом, поскольку правом может злоупотребить только тот, кому оно принадлежит. В данном примере имеет место не злоупотребление правом, а противоправное поведение продавца. При этом покупатель имеет возможность защитить свое право, руководствуясь ст. 12 ГК РФ, либо отказаться от договора.

Часто из судебной практики следует, что добросовестный контрагент договора сталкивается с незаконными действиями или требованиями. В подобных случаях суды усматривают признаки злоупотребления правом. Так, арендодатель продолжает выставить счета за арендную плату после того, как передал имущество в аренду новому арендатору. На первый взгляд, признаков злоупотребления правом нет, так как само право требования уплаты за аренду после передачи арендованного имущества теряется, однако арендодатель путем выставления счета обязывает арендатора оплачивать аренду, получает выгоду, злоупотребляя правом.

В подтверждение сказанного приведем конкретное судебное дело, из материалов которого следовало, что общество с ограниченной ответственностью (арендодатель) обратилось в арбитражный суд с иском к акционер-

ному обществу (арендатору) о взыскании задолженности по арендной плате. Между сторонами был заключен договор аренды на неопределенный срок. Истец на основании п. 2 ст. 610 ГК РФ направил уведомление ответчику о расторжении договора аренды по истечении трех месяцев с момента получения такого документа. Ответчик освободил помещение через две недели и перевез имущество во вновь арендованное помещение. Оплату произвел за период пользования помещением. Истец в своем требовании показал сумму доначисления за период истечения трехмесячного срока предупреждения о расторжении договора аренды, несмотря на то, что сдал помещение другому арендатору сразу после его передачи ответчиком. Суд апелляционной инстанции посчитал «обоснованным взыскание только за период пользования помещением, и пришел к выводу о наличии злоупотребления правом истцом, попытавшимся взыскать за период пользования помещением другим арендатором» [9].

В римском праве злоупотребление правом понималось во взаимосвязи с причинением вреда другому лицу (так называемая *шикана*), в современной теории права, судебной практике *шиканой* принято называть осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, хотя такой термин не указан в ст. 10 ГК РФ.

Анализируя проблемы злоупотребления правом, следует обратить внимание на притворные и мнимые сделки. У контрагентов таких договоров отсутствует цель получения результата. Путем использования права свободы договора (ст. 421 ГК РФ), добровольного волеизъявления (ст. 1 ГК РФ) лица прикрывают действительное намерение получения выгоды «для себя» в ущерб третьим лицам в обход закона. Исследование фактов и обстоятельств в суде часто приводит к основанию отказа в признании таких сделок недействительными по той причине, что часть обязательств исполнена. Но доказать, что такие обязательства исполнены формально, лишь для вида, проблематично. Налицо пробел законодательства — недостаточная урегулированность ст. 170 ГК РФ.

Наличие правоспособности юридического лица и дееспособности гражданина дают возможность установить границы осуществления гражданских прав, определить предельные сроки реализации гражданских прав в соответствии с законом либо договором.

Можно привести много примеров, когда нормы права позволяют злоупотреблять ими. Наиболее часто встречаются случаи злоупотребления правом при заключении сделок купли-продажи недвижимого имущества. Например, когда ограниченно дееспособное лицо до снятия судом таких ограничений распоряжается жилым помещением, принадлежащим ему на праве собственности. Пока такая сделка будет признаваться недействительной либо предъявлен виндикационный иск, покупатели встречным иском выставят требование о признании их добросовестными (ст. 302 ГК РФ). Суд снимет с гражданина ограничение дееспособности, однако этот гражданин фактически останется без определенного места жительства по причине утраты жилья, в некоторых случаях и проживающие с ним члены семьи. В целях пресечения случаев заключения сделок лицами, ограниченно дееспособными либо полностью недееспособными, необходимо на законодательном уровне возложить обязанность на уполномоченные органы передавать сведения о таких

лицах в единый государственный реестр прав, контролировать исполнение данной обязанности.

Правило продажи доли в общей долевой собственности прописаны в ст. 250 ГК РФ, вместе с тем совершение дарения не содержит конкретных условий. При таком законодательном регулировании легко обойти закон в ущерб сособственникам.

По мнению А. И. Муранова, «объединение понятий «обход закона» и «злоупотребление правом» расширяет понятие «злоупотребление правом» и дает ему новый смысл» [10, с. 6].

Обратимся к Федеральному закону «О защите прав потребителей», в соответствии с абз. 2 и 5 п. 1 ст. 18 которого, потребитель в случае обнаружения в товаре недостатков вправе требовать замены товара на качественный либо соразмерного уменьшения цены или вправе вернуть продавцу либо изготовителю некачественный товар и требовать возврата цены. Продавец (изготовитель) обязан принять товар и в случае сомнения в причине происхождения дефекта товара продавец (изготовитель) может передать товар на экспертизу, при этом покупатель имеет право присутствия при производстве экспертизы.

Когда потребитель не передает спорный товар, но требует его оплаты и взыскания неустойки, тогда возможно определить его лицом, злоупотребляющим правом. По таким делам ВС РФ дал разъяснение: «В случае неисполнения потребителем установленной законом обязанности по представлению товара продавцу (изготовителю) его поведение с учетом положений ст. 1, пп. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ и разъяснений, данных в абз. 4 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», подлежит оценке судом на предмет соответствия требованиям добросовестности» [11].

В случаях, когда управомоченное лицо имело возможность привлечь к ответственности обязанное лицо за неисполнение обязательств в пределах срока, установленно-го договором либо законом, но не воспользовалось своим правом, будет отсутствовать основание признать наличие злоупотребления правом. Приведенную ситуацию суд истолкует как отсутствие права, поскольку управомоченное лицо добровольно отказалось от права требования.

Значительное число трудов известных ученых посвящено теоретическому осмыслению признаков злоупотребления правом. Среди них назовем имена М. М. Агаркова, В. П. Грибанова, С. Н. Братуся, А. Е. Шерстобитова, А. В. Волкова. Полагаем, что благодаря осмыслению работ исследователей и анализу судебной практики неоднократно претерпевала изменение ст. 10 ГК РФ, но проблемы остались.

В последнее время наблюдается активное развитие институтов корпоративного права. В связи с этим внесены изменения, позволяющие закрепить статус участников корпоративных отношений. Однако научная мысль обозначила неразрешенную проблему злоупотребления правом лицами, контролирующими корпорацию (органы управления). Судебная практика как Российской Федерации (далее — РФ), так и зарубежная, полна делами, когда лица, контролирующие корпорацию (органы управления), действуют в обход закона. Например, уклоняются от кредиторской задолженности путем принятия

решения о реорганизации, заключают крупные сделки, подводя корпорацию к банкротству, блокируют решение собрания о выплате дивидендов и т. д.

Рассуждая о злоупотреблении правом лицами, контролирующими корпорацию, некоторые авторы видят причину в принципе ограниченной ответственности участников, акционеров хозяйственных обществ, с чем вряд ли можно согласиться. Именно самостоятельная правосубъектность, ограниченная ответственность создают экономическую привлекательность хозяйственных обществ, что способствует развитию предпринимательской деятельности, формированию крупного капитала, привлечению инвесторов.

Включение в нормы дополнительной ответственности для лиц, контролирующих корпорацию в случаях злоупотребления правом, будет только порождать новые схемы действий в обход закона. Представляется, выход в таком случае возможен «от обратного», а именно участникам корпорации предоставить больше прав и возможности участвовать в управлении, влиять на решение лиц, контролирующих корпорацию, создавать новые возможности блокирования заведомо невыгодных решений указанных лиц.

Анализируя проблему злоупотребления правом в корпоративных отношениях, предлагается обратить внимание на нормы права, вступающие в противоречие с рядом законодательных актов. Кроме этого, законы, регулирующие создание юридического лица определенной организационно-правовой формы содержат нормы, толкование которых приводит к осмыслению отличному от норм ГК РФ. Данный факт порождает корпоративные споры между участниками корпоративных отношений по причине установленных случаев злоупотребления правом.

Классическим примером может служить злоупотребление правом органами управления юридического лица, как участников корпоративных отношений. Например, в случаях, когда уставом хозяйственного общества предоставлено право совету директоров (наблюдательный совет) заключение крупных сделок. Решение считается принятым при наличии большинства проголосовавших членов совета директоров. Как правило, в обоснование одобрения заключения крупных сделок совет директоров указывает как на необходимость снижения кредиторской задолженности. Фактически это способ вывода активов хозяйственного общества и подведение его к банкротству либо заинтересованности отдельных членов совета директоров сделать хозяйственное общество менее конкурентноспособным на рынке товаров, работ и услуг. Такое поведение наблюдается у аффилированных лиц в совете директоров, которые скрывают свою заинтересованность, но действуют в ущерб обществу. Безусловно, после выведения активов хозяйственное общество получит меньше прибыли, что приведет к невыплате дивидендов и, как следствие, к корпоративным конфликтам. В конечном результате хозяйственное общество будет вынуждено объявить себя банкротом, пока не сделали это его кредиторы. Думается, представленная схема имеющих место случаев причинения имущественного ущерба популярна во многих корпорациях, где органы управления состоят из аффилированных лиц.

Характерны случаи злоупотребления правом при заключении инвестиционных договоров с публичными образованиями: РФ, субъектами РФ и муниципальными обра-

зованиями (далее публичные образования), которые могут быть инвесторами. На основании п.1 ст. 80 Бюджетного кодекса РФ [12] имеется возможность публичным образованиям предоставить инвестиции юридическим лицам в форме вклада в уставный капитал, с определением их доли в уставном капитале корпорации посредством участия, но при условии, если нет ограничений. Вклады осуществляются путем оплаты акций при их размещении на основании договора об участии в уставном капитале акционерного общества в соответствии с гражданским законодательством РФ и по ценам, определяемым законодательством РФ. В соответствии со ст. 66 ГК РФ вклады в уставный капитал, иное приобретенное имущество становится собственностью юридического лица. В результате таких действий можно говорить о законном переходе бюджетных средств в частую собственность. В дальнейшем существует реальная возможность инициировать выпуск дополнительных акций, что приведет к уменьшению доли в уставном капитале публичного общества и утраты влияния на решения корпорации. Утрата влияния поспособствует принятию решения о реорганизации и выводу активов во вновь созданное юридическое лицо. В целом, все действия совершены в пределах норм действующего законодательства, но явно прослеживается умысел присвоения бюджетных средств.

Выявляя причину злоупотребления гражданским правом как одну из проблем обеспечения гарантии прав субъектов правоотношений, можно сделать вывод, что назрела необходимость детального анализа норм права различных отраслей права, применяемых с отсылкой на гражданское законодательство. Законодателю необходимо показать механизм применения таких норм во избежание использования лицами злоупотребляющими правом пробелов в действующем законодательстве РФ.

Список источников

1. Петровский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М. : Госюриздат 1956. 132 с.
2. Римское частное право. Учебник / Краснокутский В. А., Новицкий И. Б., Перетерский И. С., Розенталь И. С., и др. ; науч. ред. : Новицкий И. Б., Перетерский И. С. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 583 с.
3. Эненкцерус Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2 : Введение и общая часть / Л. Эненкцерус, Т. Кипп, М. Вольф ; перевод с 13-го немецкого издания проф. И. Б. Новицкого, кандидата юридических наук Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера ; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д. М. Генкина и проф. И. Б. Новицкого. М. : Издательство иностранной литературы, 1950. 483 с.
4. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права. 1964. № 6. С. 424–436. <https://private-right.ru/>
5. Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / С. Н. Братусь // Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов ; Юрид. фак. МГУ. М. : Статут, 2001. 412 с.

7. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 г. № 52-КГ16-4 (Судебная коллегия по гражданским делам) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 г. № 17388/12 по делу № А60-49183/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Муранов А. И. Попытка внедрения в Гражданский кодекс РФ понятие «обход закона» и российская адвокатура // Адвокат. 2011. № 4. С. 5–9. <https://center-bereg.ru/>

11. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Petrovsky I. S. Digests of Justinian. Essays on the history of compilation and general characteristics. Moscow : Gosyurizdat 1956. 132 p.

2. Roman private law. Textbook / Krasnokutsky V. A., Novitsky I. B., Peretersky I. S., Rosenthal I. S., etc. ; scientific ed. : Novitsky I. B., Peretersky I. S. M. : Legal Publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 583 p.

3. Enneccerus L. Course of German civil law. Volume I, half volume 2 : Introduction and general part / L. Enneccerus, T. Kipp, M. Wolf ; translated from the 13th German edition by Prof. I. B. Novitsky, Candidate of Law G. N. Polyanskaya

and V. A. Altshuler; edited, with a preface and introductory remarks by Honored Scientist Prof. D. M. Genkin and prof. I. B. Novitsky. M. : Publishing House of Foreign Literature, 1950. 483 p.

4. Agarkov M. M. The problem of abuse of law in Soviet civil law // Izvestiya AN SSSR, Department of Economics and Law. 1964. № 6. P. 424–436. <https://private-right.ru/>

5. Bratus S. N. On the limits of the exercise of civil rights 5 Fundamentals of civil legislation of the USSR and the Union Republics / S. N. Bratus // Pravovedenie. 1967. № 3. P. 79–86.

6. Gribanov V. P. Implementation and protection of civil rights / V. P. Gribanov ; Jurid. fac. MSU. M. : Statute, 2001. 412 p.

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.06.2016 № 52-KG16-4 (Judicial Board for Civil Cases) // SPS «ConsultantPlus».

8. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.05.2013 № 17388/12 in case № А60-49183/2011 // SPS «ConsultantPlus».

9. Information letter of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.11.2008 № 127 «Review of the practice of application by arbitration courts of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

10. Muranov A. I. An attempt to introduce the concept of «circumvention of the law» and Russian advocacy into the Civil Code of the Russian Federation // Lawyer. 2011. № 4. P. 5–9. <https://center-bereg.ru/>

11. Review of judicial practice in consumer protection cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.10.2021) // SPS «ConsultantPlus».

12. Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FZ (ed. of 16.04.2022) // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

Н. И. Батурина — заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Р. Н. Мородумов — заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. I. Baturina — Associate Professor of the Department of Criminal Proceedings of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. N. Morodumov — Deputy Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 30.09.2022.

Научная статья

УДК 351.74

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-35-41>

НИОН: 2003-0059-6/22-482

MOSURED: 77/27-003-2022-06-681

Территориальные органы внутренних дел как субъекты взаимодействия в системе профилактики административных правонарушений

Александр Анатольевич Беженцев¹, Тимофей Андреевич Петров²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru

² Управление МВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия,
tima5443@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются характерные черты профилактической деятельности органов внутренних дел как ведущего звена профилактики административных правонарушений в процессе превентивной деятельности. Принципы данной деятельности дифференцированы на социально-правовые и организационные, среди которых основным выделен принцип согласованности действий при взаимодействии органов внутренних дел с другими субъектами профилактики административных правонарушений. Задачи органов внутренних дел по предупреждению правонарушений разделены на общеправоохранительные, содержательные и управленческие. Доказано, что взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами системы профилактики административных правонарушений характеризуется вступлением первых в различные организационные связи: субординационного, реординационного влияния на органы внутренних дел, связи координационного сотрудничества органов внутренних дел и других субъектов профилактики административных правонарушений, организационного влияния органов внутренних дел на данных субъектов.

Ключевые слова: взаимодействие органов внутренних дел с общественностью, взаимодействие полиции с общественными объединениями, система профилактики правонарушений, профилактика административных правонарушений, административная деятельность полиции, формы административной деятельности, принципы профилактики правонарушений, охрана общественного порядка, устранение причин правонарушений, программы профилактики административных правонарушений

Для цитирования: Беженцев А. А., Петров Т. А. Территориальные органы внутренних дел как субъекты взаимодействия в системе профилактики административных правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 35–41. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-35-41>.

Original article

Territorial bodies of internal affairs as subjects of interaction in the system of prevention of administrative offenses

Alexander A. Bezhentsev¹, Timofey A. Petrov²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, adovd@mail.ru

² Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moskovsky district of St. Petersburg,
Saint Petersburg, Russia, tima5443@yandex.ru

Abstract. Based on the fact that the internal affairs bodies are the leading link in the prevention of administrative offenses, in the process of preventive activities they enter into various and numerous relationships with the subjects of the prevention system, the article reveals the characteristic features of the preventive activities of the internal affairs bodies. The principles of this activity are differentiated into socio-legal and organizational ones, among which the main one is the principle of coordination of actions in the interaction of the internal affairs bodies with other subjects of the prevention of administrative offenses. The tasks of the internal affairs bodies for the prevention of offenses are divided into general law enforcement, content and management. It is proved that the interaction of the internal affairs bodies with other subjects of the system of prevention of administrative offenses is characterized by the entry of the former into various organizational relationships: subordinate, reordinative influence on the internal affairs bodies, communication of coordinating cooperation between the

© Беженцев А. А., Петров Т. А., 2022

internal affairs bodies and other subjects of the prevention of administrative offenses, the organizational influence of the internal affairs bodies on these subjects.

Keywords: interaction of internal affairs bodies with the public, interaction of the police with public associations, crime prevention system, prevention of administrative offenses, administrative activities of the police, forms of administrative activity, principles of crime prevention, protection of public order, elimination of the causes of offenses, programs for the prevention of administrative offenses

For citation: Bezhtentsev A. A., Petrov T. A. Territorial bodies of internal affairs as subjects of interaction in the system of prevention of administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):35–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-35-41>.

Среди субъектов системы профилактики административных правонарушений важное место занимают органы внутренних дел. Характеризуя «профилактическую административную деятельность органов внутренних дел, нужно сказать, что она всегда определяла состояние профилактической работы с правонарушителями в стране в целом» [1, с. 431]. При этом место органов внутренних дел в этой системе определяется нормативно закрепленными основными задачами по превенции административных деликтов, наличием полномочий по применению упреждающих мероприятий [2], возможностью их осуществления и характером связей с другими субъектами системы: интегративных и инвариантных.

За время провозглашения Российской Федерации как правового государства в структуре органов внутренних дел, а также в других правоохранительных органах фактически отсутствуют подразделения, которые могли бы исключительно специализированно заниматься профилактикой административных правонарушений. Потребность создания таких подразделений, особенно в органах внутренних дел, очевидна.

Необходимость закрепления за органами внутренних дел статуса ведущего звена профилактики административных правонарушений признается международным законодательством. В частности, на первом конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Женеве, 1955 год (United Nations Crime Congress) были приняты рекомендации, в которых указывалось на основную роль полиции в профилактике правонарушений и целесообразность именно в структуре полиции создать отдельные специализированные подразделения профилактики. Первоочередными задачами этих подразделений были определены:

- участие в мероприятиях, связанных с профилактикой преступности и других правонарушений, путем организации надзора за криминогенными районами и объектами;
- координация деятельности добровольных общественных организаций, участвующих в профилактике правонарушений;
- установление связей со школой и родителями несовершеннолетних, склонных к предделиктному, асоциальному и противоправному поведению;
- ведение разъяснительной работы среди населения с целью обеспечения их личной и материальной безопасности, используя для этого средства

массовой информации и личные контакты через специально подготовленных сотрудников правоохранительных органов;

- определение форм участия населения в контроле за уровнем правонарушений и в решении правоохранительных задач по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности;
- участие в разработке общенациональных и локальных программ по противоборству с правонарушениями.

Российская Федерация также выделяет для органов внутренних дел центральное место в системе профилактики правонарушений. При этом органы внутренних дел как элемент системы реализуют поставленные перед всей системой превенции задачи, но характерными только для них методами, средствами и способами. Это позволяет выделить особые черты деятельности органов внутренних дел, которые определяют особое место указанных органов в системе субъектов предупреждения административных правонарушений.

К характерным чертам профилактической деятельности органов внутренних дел относятся:

1. Постоянное сочетание методов убеждения и принуждения к лицам, которые нарушают административно-правовые нормы, и подлежащих профилактическому воздействию. Разумное сочетание методов убеждения и принуждения выступает одним из основных принципов всей деятельности органов внутренних дел, при этом, в первую очередь, главное внимание уделяется правильному применению средств убеждения [3]. Однако, упреждающую работу невозможно осуществлять только убеждая лиц, к которым уже давно необходимо применить строгие меры. Давно известно, что «профилактика правоохранительных органов должна быть не формально-канцелярской, возведенной к убеждению правонарушителей, а оперативно-служебной, действенной, способной не только предупредить правонарушения, но и, главное, добиться устранения их причин» [4, с. 60].

О сочетании методов убеждения и принуждения в предупредительной административной деятельности органов внутренних дел должна свидетельствовать статистика наложения административных наказаний на правонарушителей. Показателем эффективности будет весомая доля в общем количестве административных наказаний, наложенных сотрудниками полиции, не административного штрафа, а такого вида административного наказания как предупреждение, которое рассчитано на воспитательный эффект и, соответственно, направле-

но, прежде всего, на убеждение правонарушителя и других лиц не совершать противоправные действия/бездействия в будущем.

2. Наибольшая близость органов внутренних дел, и в частности полиции, к негативным явлениям, требующим постоянного профилактического воздействия. Из всех субъектов профилактики административных правонарушений органы внутренних дел выполняют наибольший спектр задач по практической реализации политики предупреждения деликтов. Именно сотрудники подразделений полиции, в частности, дежурные смены дежурных частей, сотрудники патрульно-постовой службы, участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних первыми получают информацию о создании предделиктной и противоправной ситуации, осуществляют воспитательные меры не процессуального и административно-предупредительного характера.

Близость органов внутренних дел к объектам превенции позволяет наиболее динамично реагировать на изменения уровня и структуры противозаконности на обслуживаемой территории.

3. Комплексный характер профилактической деятельности органов внутренних дел, проявляется, в следующих аспектах:

а) органы внутренних дел, в отличие от других субъектов профилактики, влияют на очень широкий круг объектов предупредительной деятельности. Как субъекты, наделенные административно-юрисдикционными полномочиями, сотрудники полиции осуществляют рассмотрение дел об административных правонарушениях, составляют протоколы об административных правонарушениях, применяют меры административного принуждения (предупреждения, пресечения, обеспечения, административной ответственности). При этом административно-юрисдикционная деятельность полиции, одной из основных задач которой является индивидуальное и общее предупреждение и профилактика административных проступков, охватывает широкую сферу общественных отношений, в частности, общественные отношения в сферах прав граждан, здравоохранения, собственности, окружающей среды, транспорта, движения на дорогах, информации и связи, предпринимательской деятельности, режима пребывания иностранцев, управленческого порядка и правопорядка;

б) органы внутренних дел осуществляют упреждающую деятельность на всех уровнях, реализовывая при этом максимально широкий арсенал методов и средств, к тому же: «в их структуру входит ряд служб и подразделений, единственное или основное предназначение которых заключается в реализации профилактических функций [5, с. 274];

в) органы внутренних дел активно взаимодействуют со всеми другими субъектами, предоставляя им информацию об оперативно-деликтной обстановке в регионе/районе обслуживания, выявляя детерминанты правонарушений и лиц, нуждающихся в комплексном индивидуальном профилактическом воздействии, а также оказывая методическую и практическую помощь в проведении

различных мер превенции административных и других правонарушений;

г) органы внутренних дел не только сами обнаруживают и ликвидируют деликтные факторы, но и в установленном законом порядке предъявляют другим физическим и юридическим лицам, органам и учреждениям, требования о необходимости выполнения возложенных на них функций в сфере укрепления правопорядка.

Указанные черты профилактики административных правонарушений наиболее полно проявляются в административной деятельности полиции. Более 80 % задач, которые решаются, действий, которые выполняются сотрудниками полиции, относится к сфере административной деятельности. Она играет в деятельности полиции важнейшую роль, так как, благодаря этому полиция имеет возможность непосредственно вмешиваться в ситуацию, пресекать опасные/противоправные/преступные деяния субъекта-правонарушителя, устранять детерминанты и условия, которые могут привести к тяжелым общественно-опасным последствиям.

Административная деятельность органов внутренних дел предусматривает осуществление профилактических мероприятий, на чем неоднократно останавливалось внимание классиков отечественных научных исследований, в области обеспечения охраны общественного порядка [6, с. 19], а А. П. Коренев справедливо выделяет: «профилактическую направленность административной деятельности органов внутренних дел как одну из основных черт последней» [7, с. 42].

В процессе административной деятельности органы внутренних дел вступают в разнообразные и многочисленные отношения с государственными органами, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, гражданами, иностранными гражданами. Все эти отношения регулируются нормами административного права и, в связи с этим, являются административно-правовыми. Совокупность таких норм и отношений, возникающих на их основании, хотя они и являются разноплановыми, но имеют много общих черт, охватываются понятием «полицейская деятельность», составной частью которой является административная деятельность органов внутренних дел. На основании полицейской деятельности выделяется полицейское право как подотрасль административного права [8, с. 42].

В процессе выделения указанных норм и отношений необходимо принять меры по сохранению общей профилактической направленности административной деятельности органов внутренних дел. Более того, необходимо эту направленность закрепить в институтах полицейского права. Ведь, в настоящее время большинство правовых средств профилактики — как административных деликтов, так и преступлений — это административно-правовые нормы, правоотношения и индивидуальные предписания. Многие из административно-правовых институтов существуют исключительно или преимущественно для достижения предупредительных целей.

Принято разделять формы административной деятельности на непосредственно организационные, то есть

те, которые не вызывают правовых последствий; и чисто правовые, которые влекут возникновение, трансформацию или прекращение конкретных правовых отношений или других юридических последствий. К непосредственно организационным мероприятиям следует отнести разъяснительную работу среди населения, правовую пропаганду, организационную помощь общественным формированиям правоохранительной направленности, взаимодействие со средствами массовой информации. Значительное место в организационных мероприятиях занимает обобщение и распространение положительного опыта, проведение различных собраний, семинаров, совещаний, конференций, посвященных профилактике административных правонарушений. Все эти действия непосредственно не порождают правовых последствий, но они проводятся на основании административно-правовых норм и поэтому влияют на организацию и осуществление обеспечения охраны общественного порядка.

К правовым формам исполнительно-распорядительной деятельности полиции относятся действия, которые порождают правовые последствия. Это издание актов управления, административно-юрисдикционные действия и совершение юридически значимых действий. Большинство форм административной деятельности включают в себя профилактический элемент. Это позволяет говорить о том, что основные превентивные мероприятия органы внутренних дел, как часть системы превенции административных правонарушений, осуществляют в пределах административной деятельности полиции.

Органы внутренних дел обязаны осуществлять работу по предупреждению административных проступков на основании обоснованных руководящих направлений — принципов [9, с. 14–18]. Принципы профилактической деятельности органов внутренних дел дифференцируем на: социально-правовые; организационные (управленческие).

К социально-правовым относятся те принципы, которые имеют общий социальный характер и реализуются в профилактической деятельности органов внутренних дел по административным правонарушениям, независимо от уровня и места того или иного органа, от должности, которую занимает сотрудник полиции, осуществляющий предохранительную административную деятельность. Значение социально-правовых принципов заключается в том, что на базисе этих принципов осуществляются главные социальные (моральные, юридические) задачи профилактической деятельности органов внутренних дел. В связи с этим такие принципы часто закреплены на законодательном уровне.

Отнесем к социально-правовым принципам полицейской профилактики административных правонарушений:

- законность, то есть осуществление органами внутренних дел предупредительных мероприятий на основании неуклонного соблюдения законодательства и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу профилактики;
- гуманизм, то есть применение преимуществен-

но методов воспитания и убеждения, предусмотрение принятия мер принуждения только после исчерпания всех других мер воздействия;

- социальную справедливость, то есть применение органами внутренних дел мер профилактического воздействия адекватных его целям, недопущение их избыточной интенсивности; применение таких мер, независимо от социального статуса лиц, подлежащих профилактическому воздействию;
- сочетание гласности и служебной/профессиональной тайны, то есть рядом с обязанностью органов внутренних дел систематически освещать в средствах массовой информации и государственной статистики сведения о состоянии профилактики административных правонарушений, сотрудники органов внутренних дел обязаны не разглашать государственную и служебную тайны, а также сведения, касающиеся личной жизни граждан, унижающие их честь и достоинство, полученные в процессе служебной деятельности;
- привлечение к профилактике общественности, то есть деятельность полиции должна быть построена так, чтобы общественные формирования территориальных образований и их представители поддерживали профилактические мероприятия органов внутренних дел и принимали в них активное самое участие.

К организационным (управленческим) относятся принципы, на основе которых создается и функционирует система деятельности органов внутренних дел по профилактике административных правонарушений. Применение указанных принципов позволяет рационально распределить компетенции между субъектами, устранить параллелизм и дублирование в реализации функций профилактической деятельности. Поскольку профилактика административных правонарушений является управленческим процессом, то: «принципы такой деятельности целесообразно рассматривать, используя общие принципы социального управления и их реализацию в управлении органами внутренних дел» [10, с. 16–23]. К таким принципам относятся — плановость, целеустремленность, непрерывность, оптимальность, эффективность, принцип главного звена, принцип разграничения компетенций, согласованности действий при взаимодействии, маневренность, пропорциональность ответственности.

Среди организационных принципов особого внимания заслуживает *принцип согласованности действий при взаимодействии органов внутренних дел с другими субъектами профилактики административных правонарушений*, поскольку от соблюдения этого принципа зависит как эффективность профилактической деятельности полиции, так и оптимальность функционирования всей системы превенции административных деликтов.

Выполняя задачи профилактики административных правонарушений, сотрудники полиции действуют от выявления причин и условий административных правона-

рушений к мероприятиям индивидуальной и общей профилактики, в частности они:

- организуют работу органов внутренних дел, связанную с охраной общественного порядка, предотвращением административных правонарушений, их прекращением и обеспечением производства по делам об этих правонарушениях, рассмотрение которых возложено на органы внутренних дел;
- обеспечивают профилактику правонарушений, вносят центральным и местным органам исполнительной власти, предприятиям, учреждениям и организациям представления об устранении причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, организуют проведение среди населения разъяснительной работы по вопросам охраны общественного порядка и противодействия преступности.

Таким образом, выделим следующие *блоки задач органов внутренних дел по профилактике административных правонарушений*:

1. *Общеправоохранительные задачи* — это защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от деликтных посягательств; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, установленного порядка управления. Эти задачи присущи любой деятельности органов внутренних дел, независимо от объекта такой деятельности, в том числе и профилактической. При этом указанные задачи актуальны для полиции на любой стадии профилактического процесса.

2. *Содержательные задачи* — это такие, которые раскрывают содержание деятельности органов внутренних дел по предупреждению административных правонарушений:

- выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению правонарушений, принятие мер по их устранению;
- правовое воспитание населения, разъяснительная работа по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, противодействия административным правонарушениям, информирования населения о средствах правомерной защиты от противоправных посягательств;
- установление лиц, готовящихся к совершению правонарушения либо посягающих на его совершение;
- выявление лиц, противоправные действия которых дают основания для применения к ним соответствующих мер предупредительного воздействия;
- принятие мер для прекращения правонарушений.

3. *Управленческие задачи* — это такие, решение которых обеспечивает организацию и функционирование системы превентивной административной деятельности органов внутренних дел. К ним относится совокупность задач, необходимых для любого управленческого процесса: сбор и анализ информации, прогнозирование,

принятие решения, выполнение решения, контроль и проверка исполнения. Для решения перечисленных задач, если речь идет о профилактической деятельности выделим:

- участие в разработке и реализации программ предупреждения административных правонарушений, а также специальных планов профилактики отдельных групп административных правонарушений;
- организацию взаимодействия с общественностью (в том числе с общественным формированием правоохранительной направленности), органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, организациями и учреждениями, правопослушными гражданами в профилактике административных правонарушений.

Определяя характерные черты деятельности, основные принципы и задачи полиции в профилактике административных правонарушений, *взаимодействие с другими субъектами системы признаем необходимым условием профилактической деятельности органов внутренних дел*. Кроме того связи, определяющие систему взаимодействия органов внутренних дел, характеризующие место и роль указанных органов в системе превенции административных деликтов играют ключевую роль. Понимание природы и специфики этих связей дает возможность укреплять организационные структуры профилактики, повышать степень ее организованности. Для того чтобы найти необходимые средства профилактического воздействия, обеспечить его комплексность, во многих случаях достаточно организовать или усилить определенные связи между несколькими взаимодействующими субъектами профилактики.

Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами системы профилактики административных правонарушений характеризуется вступлением первых в различные организационные связи. Эти связи по распределению полномочий по организации профилактических мероприятий можно дифференцировать на:

- связи субординационного влияния на органы внутренних дел «сверху вниз» со стороны вышестоящих подразделений и органов МВД России с целью налаживания взаимодействия с другими субъектами системы;
- связи реординационного влияния на органы внутренних дел в административной деятельности по профилактике правонарушений со стороны органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- связи координационного сотрудничества органов внутренних дел с государственными органами и общественными организациями в профилактике административных правонарушений;
- связи организационного влияния органов внутренних дел на других субъектов профилактики административных деликтов.

Кроме того, указанные связи также целесообразно рассматривать, учитывая уровень их реализации: обще-

государственный, региональный или местный.

Связи субординационного влияния (с помощью непосредственного воздействия) относятся к управленческим взаимосвязям профилактики административных правонарушений и играют существенную роль в ее организационной структуре. Осуществление органами внутренних дел непосредственных упредительных мероприятий обуславливает необходимость согласованного взаимодействия с другими исполнителями мероприятий общей и индивидуальной превенции административных проступков, и соответственно, субординационного влияния на органы внутренних дел «сверху». При этом содержание субординационного воздействия зависит от характера взаимоотношений органов внутренних дел и координирующего органа. В частности, МВД России субординационно «сверху» влияет на упреждающую административную деятельность территориальных органов внутренних дел в регионах, то есть, такие отношения являются строго субординационными. Другим примером строгих субординационных взаимоотношений будет и влияние на профилактическую деятельность по профилактике правонарушений органов исполнительной власти регионов России со стороны непосредственно Правительства Российской Федерации.

Однако органы внутренних дел не подчинены органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, поэтому последние осуществляют реординационное влияние в форме «мягкого» управления, при котором имеется равенство участников, самостоятельность каждого из них, а органы исполнительной власти регионов России выполняют организационные, по сути, рекомендательные функции. При этом они вправе осуществлять контроль за выполнением принятых в отношении профилактической деятельности органов внутренних дел решений. Такие отношения и составляют собственно реординационные связи, одним из основных признаков которых является наличие каналов обратной связи. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляя организацию воздействия на органы внутренних дел, должны получать от них необходимую информацию, анализировать ее для принятия управленческого решения и его последующего контроля. В данном контексте, руководящий субъект «мягкого» управления способен влиять на решения подведомственного субъекта, при этом все же окончательное решение принимает подведомственный субъект самостоятельно. Такие взаимоотношения назовем реординационным взаимодействием, специфической чертой которых, является взаимное информирование, а «информационное обеспечение носит коммуникативный характер» [11, с. 183].

Итак, органы внутренних дел занимают ведущее место в системе субъектов профилактики административных правонарушений. На региональном и местном уровнях органы внутренних дел вынуждены вступать во взаимоотношения с различными субъектами при осуществлении профилактики административных правонарушений. Сотрудничество в профилактике административных правонарушений целесообразно реализовывать при относительном равенстве субъектов деятельности

в выполнении определенного вида работы, а порой полной или частичной автономией субъектов предупредительной административной деятельности. При этом часто органы исполнительной власти субъекта, органы местного самоуправления иногда не имеют возможности оперативно организовать взаимодействие в деятельности по профилактике административных правонарушений, поэтому органы внутренних дел по своей инициативе дополнительно на основании совместных нормативно-правовых актов, либо на основании договоров вступают во взаимоотношения с другими, в том числе негосударственными субъектами упредительной деятельности.

Список источников

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М. : Академия МВД СССР, 1980. 528 с.
2. Султанов К. А., Кашкина Е. В. Анализ административно-юрисдикционной деятельности полиции по профилактике административных правонарушений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 235–239.
3. Ведяшкин С. В. Становление и реформа профилактики административных правонарушений в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 92–93.
4. Зарипов З. С. Правовой механизм профилактики правонарушений. Ташкент : Издательство «Узбекистан», 1990. 158 с.
5. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика : теория, опыт, проблемы. Монография. М. : Издательство «НОРМА», 2001.
6. Саввин М. Я., Силаев А. И. Эффективность административно-правовой деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и ее оценка. Пособие. М. : ВНИИ МВД СССР, 1990. 64 с.
7. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая. Учебник / Бочаров С. Н., Герт Г. П., Еремичев И. А. / Под редакцией А. П. Коренева. М. : Издательство «Щит-М», 2002. 309 с.
8. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России : теория, история, перспективы / Глава : «Истоки формирования полицейского права и института полиции». СПб : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 501 с.
9. Тимко С. А., Кузнецова И. А., Тюфяков Н. А. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2021.
10. Основы управления в органах внутренних дел. Учебник. Под редакцией А. П. Коренева. М. : МЮИ МВД России, издательство «Щит-М», 1999. 356 с.
11. Крусян А. Р. Информационно-коммуникативные связи в механизме взаимодействия местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления // Актуальные проблемы государства и права. 2001. № 11. С. 183–186.

References

1. Avanesov G. A. Criminology and social prevention. Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the

USSR, 1980. 528 p.

2. Sultanov K. A., Kashkina E. V. Analysis of the administrative and jurisdictional activities of the police for the prevention of administrative offenses // Bulletin of economic security. 2020. № 6. P. 235–239.

3. Vedyashkin S. V. Formation and reform of the prevention of administrative offenses in Russia // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2018. № 1 (41). P. 92–93.

4. Zaripov Z. S. Legal mechanism for the prevention of offenses. Tashkent : Publisher «Uzbekistan». 1990. 158 p.

5. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Sukharev A. Ya. Criminological prevention : theory, experience, problems. Monograph. Moscow : Publishing house «NORMA», 2001.

6. Savvin M. Ya., Silaev A. I. The effectiveness of the administrative and legal activities of the internal affairs bodies in the field of public order and its assessment. Study guide. Moscow : VNII MVD USSR, 1990. 64 p.

7. Administrative activities of the internal affairs bodies. The part is common. Textbook / Bocharov S. N., Gert G. P.,

Eremichev I. A. / Ed. A. P. Korenev. Moscow : Publishing house «Shield-M», 2002. 309 p.

8. Avrutin Yu. E. Police and militia in the mechanism of ensuring state power in Russia : theory, history, prospects / Chapter «The origins of the formation of police law and the police institution». SPb : Publisher «Legal Center Press», 2003. 501 p.

9. Timko S. A., Kuznetsova I. A., Tyufyakov N. A. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies. Tutorial. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

10. Fundamentals of management in the internal affairs bodies. Textbook. Ed. A. P. Korenev. Moscow : MUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, publishing house «Shield-M», 1999. 356 p.

11. Krusyan A. R. Information and communication links in the mechanism of interaction between local executive authorities and local governments // Actual problems of state and law. 2001. № 11. P. 183–186.

Информация об авторах

А. А. Беженцев — начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Т. А. Петров — заместитель начальника отдела полиции Управления МВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга.

Information about the authors

A. A. Bezhentsev — Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. A. Petrov — Deputy Head of the Police Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moskovsky district of St. Petersburg.

Вклад авторов

А. А. Беженцев — научное руководство; постановка проблемы; формулирование гипотезы и концепции исследования; развитие методологии; анализ результатов исследования; описание результатов и формирование выводов исследования;

Т. А. Петров — критический анализ литературы; сбор эмпирических данных, их анализ и интерпретация; написание исходного текста; доказательство гипотезы исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors

A. A. Bezhentsev — scientific guidance; formulation of the problem; formulation of the hypothesis and concept of the study; development of methodology; analysis of research results; description of the results and formation of the conclusions of the study;

T. A. Petrov — critical analysis of literature; collection of empirical data, their analysis and interpretation; writing the original text; proof of the research hypothesis; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-42-44>

NION: 2003-0059-6/22-483

MOSURED: 77/27-003-2022-06-682

К вопросу об общественной опасности феномена провокации преступлений

Дмитрий Олегович Белов

Московская городская коллегия адвокатов, Москва, Россия, belov@zpartners.ru

Аннотация. Затрагиваются вопросы недооцененной общественной опасности феномена провокации преступлений. Отмечается, что нынешний подход законодателя к затрагиваемой проблеме явно не учитывает целый перечень обстоятельств. Вместе с тем, современные реалии свидетельствуют о том, что такая недооценка обрекает граждан на отсутствие предпосылок к созданию более эффективного механизма, направленного на защиту конституционных прав и законных интересов граждан от посягательств такого характера.

Ключевые слова: провокация преступления, общественная опасность, правоприменительная практика, юридическая доктрина, должностные лица, фальсификация доказательств, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Белов Д. О. К вопросу об общественной опасности феномена провокации преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 42–44. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-42-44>.

Original article

To the question of the public danger of the phenomenon provocation of crimes

Dmitry O. Belov

Moscow City Bar Association, Moscow, Russia, belov@zpartners.ru

Abstract. The article touches upon the issues of underestimated public danger of the phenomenon of provocation of crimes. It is noted that the current approach of the legislator to the problem in question clearly does not take into account a whole list of circumstances. At the same time, modern realities indicate that such an underestimation condemns citizens to the absence of prerequisites for creating a more effective mechanism aimed at protecting the constitutional rights and legitimate interests of citizens from encroachments of this nature.

Keywords: provocation of a crime, public danger, law enforcement practice, legal doctrine, officials, falsification of evidence, operational-search activities

For citation: Belov D. O. To the question of the public danger of the phenomenon provocation of crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):42–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-42-44>.

При рассмотрении проблемы противодействия провокации преступлений особое значение приобретают вопросы, касающиеся юридической природы последствий такого рода деяний. Как хорошо известно, в уголовном праве вопрос о негативных последствиях рассматривается в рамках такой категории как общественная опасность. За основу здесь берется объективный (материальный) признак противоправного деяния, подразумевающий под собой вредность такого поведения по отношению как отдельной личности или общества, так и для государства. При этом имеет значение не только фактический (реальный) вред ущерба, нанесенного наиболее значимым общественным отношениям, но и угрозу его причинения. Уголовно-правовая доктрина и соответствующая

отрасль права учитывают возможность причинения преступными посягательствами достаточно широкой гаммы упомянутого ущерба — экономический, материальный, военный, порядку управления, причиняющий вред здоровью, конституционным правам и свободам граждан и др. Помимо характера общественной опасности (качественная сторона), в нормах уголовного законодательства отражается также ее степень (количественная сторона). В частности, при описании диспозиций соответствующих преступлений законодатель определяет размер и виды санкции, которые могут быть применены к виновным за их совершение. А в ходе рассмотрения конкретных уголовных дел судебные органы оценивают произошедшие события с учетом обстоятельств, смягча-

ющих или отягчающих ответственность, особенностей личности подсудимого, характера его поведения до совершения преступления и после.

Чем же так опасен феномен противоправных форм провокаций? Социологические опросы группы профессиональных адвокатов, проводимые автором в форме интервьюирования, свидетельствуют о следующем. Их общественная опасность связана с искусственно создаваемыми ситуациями, при которых провокаторы создают видимость преступного посягательства, якобы совершенного таким лицом. В большинстве таких случаев речь идет об имитации весьма опасных разновидностей деяний — тяжких и особо тяжких, по которым в качестве наказания в уголовном законодательстве предусматривается ответственность в виде лишения свободы на срок свыше пяти и десяти лет соответственно. При этом достаточно мощный административный ресурс, которым наделяются потенциальные субъекты названных провокаций, с одной стороны, и, по сути, эфемерная возможность у стороны защиты опровержения собранных в ходе так называемых оперативно-розыскных мероприятий (далее также ОРМ) псевдодоказательств виновности лица, делает практически невозможным объективное рассмотрение произошедшего. Причины такого рода весьма опасных ситуаций скрываются в целом ряде сложившихся к настоящему времени условиях, при которых весь круг официальных ведомств, призванных осуществлять борьбу с преступлениями, к сожалению, действуют в едином ключе. При этом существенные различия в их профессиональных функциях и задачах, предполагающих исправление ошибок или недопущение должностных преступлений на любой стадии уголовного процесса, на практике дают прямо противоположный результат. В частности, не зависимо от того, какие задачи призваны решать в соответствии с законом те или иные ведомства (выявление преступления путем проведения ОРМ — орган дознания, проведение расследования — орган предварительного следствия, надзор за соблюдением законности — прокуратура или проведение судебного следствия и назначение наказания — суд), названные органы в таких случаях свои функции реализуют нередко только номинально.

Исследование показывает, что однажды предпринятые оперативным сотрудником провокационные действия, направленные на «изобличение» лица в совершении преступления, несмотря на все последующие перипетии в виде предварительного следствия, прокурорского надзора и судебного рассмотрения, к сожалению, не дают нужного правозащитного эффекта. Поскольку все сфальсифицированные доказательства о мнимой виновности лица, собранные в ходе ОРМ, названными официальными ведомствами, как правило, признаются достоверными, относимыми, допустимыми и достаточными. Иными словами надежды общества на эффективность процессуального механизма (основанного на весомых различиях в функциях упомянутых органов), способного в каждом конкретном случае распознавать фиктивный характер доказательств, собранных органом дознания, в реальной действительности не

оправдываются.

Такого рода ничем не оправданное «единство» всех названных ведомств становится основной причиной значительного числа ошибочных процессуальных решений, при которых невиновным лицам назначаются уголовные наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

При этом каждый такой случай имеет весьма негативные последствия как для отдельной личности, так и для общества и государства в целом. Применительно к конституционным правам и свободам человека и гражданина речь не идет только об их формальных нарушениях. Феномен провокации преступлений самым опасным способом нарушает представления в обществе о принципах справедливости. Опросы граждан в указанном ключе, хотя бы однократно сталкивавшихся в своей жизни с подобными ситуациями, позволяют сделать следующие неутешительные выводы. Такого рода преступления фактически «стирают» личность (55 %); делают бессмысленным ее дальнейшее существование (27 %); невиновный теряет свою работу, круг друзей, возможность общаться с семьей и близкими (78 %), теряет уважение окружающих (44 %), а иногда речь идет и о суицидальном поведении жертв таких преступлений (14 %).

Все отмеченное указанные лица претерпевают вследствие: 1) необходимости отдельным сотрудникам или подразделениям органов дознания «улучшить» свои показатели в работе, хотя и достигаются отмеченное путем искусственного создания события преступления и «назначения» соответствующих лиц в качестве виновных (75 %); наличие коррупционных целей, предполагающих «нейтрализацию» предпринимателя путем осуществлению в его адрес провокации преступления (17 %); личные мотивы, не связанные с коррупционными (6 %); иное (2 %).

Доведение такого рода уголовных дел до суда и вынесение по ним в отношении невиновных обвинительного приговора имеет свои причины. В частности, как показывает исследование, отдельным представителям следствия, прокуратуры и суда по «долгу» службы требуется продемонстрировать перед вышестоящими руководителями «непримиримость» борьбы с преступностью. Хотя такая имитация и была достигнута ценой совершения весьма опасного преступления.

Вместе с тем, даже пилотажный анализ свода нормативных запретов позволяет сделать весьма неутешительные выводы. Отечественный законодатель не только в полной мере не осознал фактический масштаб провокаций преступлений, но и степень их общественной опасности. Доказательством сказанному является, *во-первых*, наличие в уголовном законодательстве ответственности только за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ), а, *во-вторых*, составитель Уголовного кодекса РФ названное весьма опасное посягательство отнес всего лишь к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание за такое деяние может быть назначено в виде лишения свободы сроком на пять лет — ст. 15 УК РФ).

Все отмеченное свидетельствует о том, что названные обстоятельства уже априори не могут институализировать

условия для создания более эффективного механизма, направленного на гарантированную защиту конституционных прав и законных интересов человека и гражданина от подобного рода преступных посягательств.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп.,

вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

Bibliographic list

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 22.08.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Информация об авторе

Д. О. Белов — адвокат Московской городской коллегии адвокатов.

Information about the author

D. O. Belov — Lawyer of the Moscow City Bar Association.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Оперативно-розыскная деятельность. Учебник. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации.

Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-45-48>

НИОН: 2003-0059-6/22-484

MOSURED: 77/27-003-2022-06-683

К вопросу о реформировании российского института апелляционного обжалования

Наталья Владимировна Борисова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, borisovanv100@mail.ru

Аннотация. Делается вывод о том, что, рассматривая уголовный процесс как производство, деятельность по конкретному уголовному делу, апелляцию можно считать важным этапом проверки качества судебных решений. В то же время, сущность института апелляции нельзя сужать лишь до его понимания как способа исправления судебных ошибок. Право на пересмотр любого судебного решения по уголовному делу, как одно из основополагающих прав человека и гражданина, остается формой реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, судебный процесс, решение суда, обжалование решения, институт апелляции

Для цитирования: Борисова Н. В. К вопросу о реформировании российского института апелляционного обжалования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 45–48. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-45-48>.

Original article

On the issue of reforming the Russian institute of appeal

Natalia V. Borisova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, borisovanv100@mail.ru

Abstract. It is concluded that, considering a criminal process as a proceeding, an activity in a specific criminal case, an appeal can be considered an important stage in checking the quality of court decisions. At the same time, the essence of the institution of appeal cannot be narrowed only to its understanding as a way to correct judicial errors. The right to review any judicial decision in a criminal case, as one of the fundamental rights of man and citizen, remains a form of realization of the right to judicial protection.

Keywords: appellate instance, trial, court decision, appeal against the decision, institution of appeal

For citation: Borisova N. V. On the issue of reforming the Russian institute of appeal. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):45–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-45-48>.

Неоднократные корректировки правового регулирования института апелляции в 2010–2015 годах, пристальное внимание исследователей и практиков – правоприменителей к теме, свидетельствуют о том, что практика судов апелляционной инстанции сталкивается с проблемами, связанными с пробельностью уголовно-процессуального закона, несовершенством механизма правового регулирования процессуального порядка апелляционного разбирательства [4; 5].

Реформирование российского института апелляционного обжалования в 2010–2013 годах представляется закономерным процессом совместной эволюции двух форм:

«старой» кассации и «новой» апелляции, когда усложнение процедуры кассационного рассмотрения уголовных дел постепенно трансформировало её в апелляционное рассмотрение. Исходя из понимания правосудия, как деятельности суда по разрешению отнесенных к его компетенции правовых вопросов, проявляется дуализм в понимании решений суда апелляционной инстанции, которые могут рассматриваться и как акты судебного контроля (апелляционное определение; апелляционное постановление) и как акты правосудия (апелляционный приговор). Само содержание судебных решений показывает, какой вид апелляции (полной или частичной), а также какая

форма реализации судебной власти (правосудие, судебный надзор, судебный контроль) доминировала при проверке приговора в определенном случае. Право на пересмотр любого судебного решения по уголовному делу, как одно из основополагающих прав человека и гражданина, остается формой реализации права на судебную защиту. Оно не ограничивается собственно правом на подачу жалобы, пусть оно и «является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом» [6, с. 145].

Рассматривая уголовный процесс как производство, деятельность по конкретному уголовному делу, апелляцию можно считать своеобразным «ОТК» этого «производственного» процесса, этапом проверки качества судебных решений. В то же время, сущность института апелляции нельзя сужать лишь до его понимания как способа исправления судебных ошибок.

Апелляция — это форма обжалования судебных решений, процедура их пересмотра, а также и стадия уголовного процесса. Анализ института апелляции неизбежно включает его сравнение, сопоставление с институтом кассации. О. В. Качалова указывает на то, что цель кассационного производства не в обеспечении справедливости судебного решения, а в обеспечении законности и обоснованности принятых нижестоящим судом решений [7, с. 28]. Какова же цель апелляции? В данном случае полномочия суда второй инстанции в двух действующих формах, имеют одну общую базу, так, что «эти формы с неизбежностью проникают одна в другую». При этом кассация имеет часть черт апелляции и, соответственно, наоборот. Пропорции и объем таких черт подвижен, подвержен изменениям, что, как видно из истории уголовного процесса, вело к чередованию слияний и разделений анализируемых форм.

В норме ст. 296 УПК РФ, как в самом названии, так и в тексте статьи использовано слово «именем» Российской Федерации, что представляется корректным, поскольку сноска на действие «от имени» по смыслу подразумевает передоверие, действие от чьего-то лица, что в данном случае не наблюдается. В зарубежной практике преобладает именно такой подход. Так, в США дела рассматриваются с формулировкой «народ штата... против...», где нет «посредников», действующих «от имени» народа.

Наиболее существенные черты, характеризующие приговор как акт правосудия, отличающий его от других процессуальных актов, выделены Г. И. Загорским:

а) приговор выносится исключительно на базе непосредственно исследованных судом доказательств;

б) приговор является решением по основным вопросам уголовного дела, он определяет вину или невиновность подсудимого, а также уголовное наказание [6, с. 145–146].

Действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 5 УПК РФ и глава 47.1 УПК РФ) не содержит определений апелляционного определения и апелляционного постановления, что в целом, характерно для действующего

УПК РФ. Понимание указанных дефиниций целесообразно строить на основе имеющихся легальных определений. Так, принимая во внимание содержание п. 23 ст. 5 УПК РФ апелляционным определением следует считать любое решение, вынесенное коллегиально судом апелляционной инстанции, за исключением приговора. Такое понимание будет соответствовать общему пониманию определения суда, что, как видно из истории уголовного процесса, вело к чередованию слияний и разделений анализируемых форм [9, с. 32]. Например, О. А. Егорова указывает на то, что усмотрение высших судебных инстанций, которое «должно быть справедливым», обязательно для нижестоящих судов. «Инструктивные» функции суда второй инстанции заставляют как суды первой инстанции, так и следствие ориентироваться на понимание «справедливости» вышестоящим судом [3, с. 13].

Так называемая судебная перспектива представляет собой не столько, как указывает Ю. П. Гармаев, прогноз о направлении дела в суд, сколько оценка того, «пройдет» ли оно в двух инстанциях, что опять же зависит не столько от установления события, состава преступления и наличия доказательств, сколько от совокупности разного рода субъективных и неформальных факторов, а главное, знания того, что «проходит» в данном составе суда, а что нет [2, с. 177]. В результате, практики, т. е. следственные работники, перестают ориентироваться на требования УПК РФ, вынесение в суде законного, обоснованного и мотивированного решения, соответствующего ст. 6 УПК РФ, а прямо действуют в направлении обеспечения «судебной проходимости» дела, что к законности чаще всего имеет отдаленное отношение. В ряде современных публикаций прямо ставится задача точного и своевременного «определения», а затем и «реализации» судебной перспективы, как «одна из стратегических задач расследования».

К примеру, А. А. Баяв правомерно ставит вопрос о целях законодателя, указавшего на, по сути, одновременное участие в апелляционном разбирательстве, как государственного обвинителя, так и прокурора [1]. Автор задается обоснованным вопросом о соотношении их статуса и позиции, если они «на одной стороне» и высказывают одинаковую позицию, то зачем такое дублирование. Очевидно, что такое дублирование излишне. В то же время, на практике оно наблюдается крайне редко, так как прокурор, в одном процессе, как правило, исполняет одну из своих функций — или надзора или государственного обвинения.

Для объективности решения о вызове или отказе в вызове указанных выше лиц, судья должен как минимум, войти в оценку фактов по делу, обоснованности приговора, равно как и системы доказательств, исследованных в первой инстанции. Лишь эта работа позволяет составить объективное (в рамках усмотрения) представление о необходимости присутствия того или иного лица в апелляции. В то же время, очевидно, что как судебная практика, в том

числе, и высших судов, так и уголовно-процессуальная доктрина, в целом отрицают такого рода, по сути предварительную оценку доказательств ещё на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В связи с этим, представляется целесообразным вернуться к нормам ч. 4 ст. 271 УПК РФ, в целом гарантировавшим право сторон и, прежде всего, лицо падающее апелляцию, на присутствие в судебном заседании тех свидетелей и специалистов, которых сторона сочтет необходимыми для защиты своих прав. Кроме того, представляется обязательным, в силу указанных выше конституционных положений, привести в постановлении судьи о назначении апелляционного судебного заседания, полную мотивировку отказа стороне в вызове экспертов и/или свидетелей.

В данном случае нет необходимости заново или «авторски», как это принято в диссертациях, формулировать предложения *de lege ferenda*, так как вопрос стоит о возвращении к действовавшей ранее (до 2013 г.) редакции норм ч. 6 ст. 271 УПК РФ. Напомним, что Президент России, обращая внимание на необходимость сужения пространства для всякого рода субъективизма при вынесении судебных решений, ставил задачу выявлять очевидность мотивировок судей, насколько они основаны на законе и судебной практике, а затем дифференцировать их с теми, где решение «продиктовано подчас непонятной логикой». Именно по аргументации мотивировки приглашения или отказа в вызове в суд будет ясно, что предопределило решение судьи: тщательная и взвешенная оценка доказательств, исследованных судом первой инстанции или, как образно отметил Президент России, «непонятная логика».

Обозначим некоторые проблемы, характерные для относительно малого срока функционирования института апелляции в её современном виде. В частности, в литературе обсуждаются виды и процедура вынесения решений апелляционного суда при отказе прокурора от обвинения (хотя этот вопрос, как мы отмечали ранее, в большей степени, теоретический); быстрота вынесения и оглашения решения не всегда направлена на реализацию назначения уголовного судопроизводства, а способна и нарушить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Этот вопрос уже поднимался в литературе, где предлагались радикальные меры в виде исключения из УПК РФ самой возможности отложения вынесения мотивированного решения. Формально, данное предложение безупречно, однако автор не указала технические пути и возможности его исполнения, что представляет главную трудность. Полагаем, что указанное предложения, по крайней мере, в ближайшее время, вряд ли найдет понимание у законодателя. Другое дело, что должны быть устранены все возникающие в результате «вилки», противоречия и нестыковки, о которых речь шла выше, между резолютивной и мотивировочной частями судебного решения [8, с. 49].

Рассмотрим положение статьи 389.33 УПК РФ о су-

дье, имеющем особое мнение, который вправе, но не обязан его письменно изложить в совещательной комнате. Аналогичный, как и при составлении особого мнения по приговору, постановленному судом первой инстанции, порядок, целесообразно предусмотреть и для вынесения судьей особого мнения. УПК РФ не содержит перечень вопросов, обсуждаемых судьями в совещательной комнате, равно как и порядок совещания, вынесения решения по делу, особенно при расхождении мнений. Полагаем, что данный вопрос нуждается в регламентации.

Список источников

1. Баев А. А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoschi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 04.05.2022).
2. Гармаев Ю. П. Концепция «Судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуалогия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2.
3. Егорова О. А. Понятие и основания судейского усмотрения // Судейское усмотрение : понятие, основания, пределы. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. Егорова О. А. М. : Проспект, 2015.
4. Ершов В. В. Правовая природа правовых позиций суда // Российское правосудие. 2013. № 6 (86). С. 37–47.
5. Ершов В. В. Принципы российского уголовно-процессуального права: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2016. № 7. С. 69–80.
6. Загорский Г. И. Постановление приговора : проблемы теории и практики : учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010.
7. Качалова О. В. Апелляция как форма пересмотра судебных решений // Апелляция в уголовном судопроизводстве. Научно-практическое пособие. Под общ. ред. В. В. Ершова. М., 2013.
8. Фадеева Е. И. Коллективность состава суда при рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной инстанции // Адвокат. М. : Законодательство и экономика. 2011. № 8.
9. Червоткин А. С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. М. : Проспект, 2013.

References

1. Baev A. A. Concept and essence of qualified legal assistance in criminal proceedings // Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. 2013. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoschi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (accessed: 04.05.2022).

2. Garmaev Yu. P. Concept «Judicial perspective in a criminal case» and forensic situology // Bulletin of Buryat State University. 2013. № 2.
3. Egorova O. A. Concept and grounds of judicial discretion // Judicial discretion : concept, grounds, limits. Materials of the VI Interregional Scientific and Practical Conference / Resp. ed. Egorova O. A. M. : Prospect, 2015.
4. Ershov V. V. Legal nature of the legal positions of the court // Russian justice. 2013. № 6 (86). P. 37–47.
5. Ershov V. V. Principles of Russian criminal procedure law : actual theoretical and practical problems // Russian justice. 2016. № 7. P. 69–80.
6. Zagorsky G. I. Verdict resolution: problems of theory and practice : educational and practical manual. M. : Prospect, 2010.
7. Kachalova O. V. Appeal as a form of revision of court decisions // Appeal in criminal proceedings. Scientific and practical manual. Under the general. ed. V. V. Ershova. M., 2013.
8. Fadeeva E. I. Collegiality of the composition of the court when considering criminal cases in the court of appeal // Lawyer. M. : Legislation and economics. 2011. № 8.
9. Chervotkin A. S. Appeal and cassation. Manual for judges. M. : Prospect, 2013.

Информация об авторе

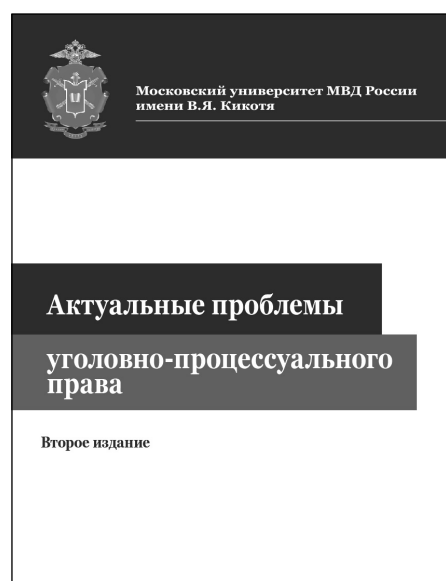
Н. В. Борисова — аспирантка заочной формы обучения кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

N. V. Borisova — Graduate Student of the correspondence form of study of the Department of Criminal Procedure Rights named after N.V. Radutnaya of the Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-49-56>

NION: 2003-0059-6/22-485

MOSURED: 77/27-003-2022-06-684

Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти по неосторожности на примере акушерско-гинекологической практики

Ирина Юрьевна Бреслав

Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрено причинение медицинскими работниками вреда здоровью или смерти пациентам, что вызывает бурную ответную реакцию общества как следствие стирания границ между «медицинской помощью» и «медицинской услугой», увеличения доли платной медицины, неосновательно завышенных ожиданий пациентов от лечения, а так же избыточной требовательности потребителей медицинских услуг. Исследованы особенности неосторожного причинения смерти акушерами-гинекологами при оказании медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам.

Ключевые слова: акушер-гинеколог, уголовная ответственность, профессиональные правонарушения, медицинская помощь, беременность, роды, плод

Для цитирования: Бреслав И. Ю. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти по неосторожности на примере акушерско-гинекологической практики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 49–56. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-49-56>.

Original article

Criminal liability of medical workers for causing death by negligence on the example of obstetric and gynecological practice

Irina Yu. Breslav

Moscow State Medical and Dental University named after A.I. Evdokimov, Moscow, Russia

Abstract. The infliction of harm to health or death by medical workers to patients often causes a violent response from society as a result of the blurring of the boundaries between «medical care» and «medical service», an increase in the share of paid medicine, unreasonably high expectations of patients from treatment and excessive demands of consumers of medical services. The purpose of this work was to study the peculiarities of careless infliction of death by obstetricians and gynecologists when providing medical care to pregnant women, women in labor, maternity hospitals.

Keywords: obstetrician-gynaecologist, criminal liability, professional offenses, medical care, pregnancy, delivery, fetus

For citation: Breslav I. Yu. Criminal liability of medical workers for causing death by negligence on the example of obstetric and gynecological practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):49–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-49-56>.

Некачественное и небезопасное родовспоможение занимает не последнюю позицию среди всех случаев ненадлежащего оказания медицинской помощи. Акушерско-перинатальная, хирургическая и анестезиологическая службы занимают лидирующие позиции по частоте осложнений и смертельных исходов.

В. И. Горбачев и соавторы (2020) провели анализ уголовных дел, возбужденных и завершенных против врачей хирургических специальностей (хирурги, акушеры-гинекологи, анестезиологи-реаниматологи). В результате проведенного поиска за период с 01 января 2015 по

1 января 2020 гг. было найдено 235 вынесенных судебных решений. Из них 135 — по врачам-хирургам, 49 — по врачам-акушерам-гинекологами и 51 уголовное дело по врачам-анестезиологам-реаниматологам [1].

Несмотря на неосторожную форму вины, для преступлений в акушерско-гинекологической практике характерна повышенная степень общественной опасности, так как система «мать-плацента-плод» представляет собой единое целое во время беременности и родов, и нарушение деятельности материнского организма, как правило, приводит к неблагоприятным последствиям

© Бреслав И. Ю., 2022

для плода. При ненадлежащем оказании медицинской помощи беременным и роженицам вред может быть причинен двум лицам одновременно (матери и ребенку), а при многоплодной беременности — и большему количеству людей.

Обязательной частью расследования медицинских преступлений является проведение судебно-медицинской экспертизы, часто комиссионной, так как без специалистов в области акушерства-гинекологии, анестезиологии-реаниматологии, патоморфологии, патофизиологии, неонатологии правоприменителям сложно установить причинно-следственные связи. В процессе расследования факта ненадлежащего оказания медицинской помощи бывает сложно установить конкретное лицо, которым был допущен дефект. При родовспоможении нередко имеет место несколько дефектов и несколько специалистов, участвовавших в наблюдении за пациенткой, сопровождении родов или проведении манипуляции/операции.

При нахождении беременной в стационаре по причине, например, угрожающих преждевременных родов, кроме лечащего врача и заведующего отделением, контроль за состоянием пациентки в вечернее, ночное время и выходные, праздничные дни осуществляют дежурные врачи. Длительность физиологических родов у первородящих достигает 18–24 часов, в течение которых может смениться 2–3 врача акушера-гинеколога и бригада акушеров.

Привлечение к уголовной ответственности всех специалистов, причастных к лечению потерпевшего, по одной и той же статье без оценки степени участия считается неверным. Более правильным является поиск конкретного исполнителя процедуры или операции (при несоблюдении техники ее выполнения), конкретного лечащего врача, недооценившего результаты готовых диагностических или лабораторных тестов или неназначившего необходимое исследование. При несвоевременном вмешательстве, как правило, есть лицо, в профессиональную зону ответственности которого входит контроль этого временного критерия (времени, до наступления которого, вероятно, можно было предотвратить необратимые изменения в организме) [2].

Медицинская помощь ненадлежащего качества именно в сфере родовспоможения наиболее тесно касается вопроса о моменте начала уголовно правовой охраны жизни человека. Юридическая правоспособность физического лица начинается с его рождения, то есть появления на свет при наличии признаков живорождения (исключение составляют nasciturусы, имеющие право наследования).

Законодательное закрепление в ч. 1 ст. 53 Федерального закона № 323-ФЗ получила дефиниция, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Аналогичное определение содержится в п. 1 приложения № 1 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» (далее — Приказ № 1687н) [3]. Для

получения уголовно правовой охраны ребенок должен родиться живым.

В пп. 3 п. 2 приложения № 1 к Приказу № 1687н указано, что живорождение — момент отделения плода от организма матери посредством родов в 22 недели беременности и более при массе тела ребенка 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента).

В Федеральном законе № 323-ФЗ упоминается о моменте рождения, а не начале жизни, поэтому в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике нет единого мнения. Большинство авторов юридическим началом жизни ребенка считают прорезывание головки или тазового конца младенца, выходящего из организма матери [4, с. 18–21; 5]. Есть мнение, что ответственность за посягательство на жизнь может иметь место с начала самопроизвольных родов, так как ст. 106 УК РФ устанавливает наказание за убийство матерью новорожденного ребенка во время родов [6, с. 21].

До конца не решена проблема с квалификацией преступлений, связанных с интранатальной гибелью плода (с момента начала родовой деятельности, но до появления ребенка на свет). Возникает два основных вопроса: 1) является ли деяние, приведшее к смерти рождающегося плода, преступлением против жизни? 2) есть ли состав преступления в деянии врача, в результате которого плод погиб интранатально, но здоровью роженицы вред не был причинен? [7].

Считается, что плод охраняется уголовным законом косвенно, через признание прерывания беременности последствием в виде тяжкого вреда здоровью [8]. Но процесс родов не включает понятие «прерывание беременности» согласно п. 6.7 Приложения к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Прерывание беременности вызвано причинным вредом здоровью и включает: развитие выкидыша, внутриутробную гибель плода, преждевременные роды либо прекращение беременности, обусловившее необходимость медицинского вмешательства [9]. Однако самостоятельно начавшиеся роды являются естественным процессом, завершающим беременность. «Прерыванием беременности» не могут считаться и индуцированные (вызванные при помощи медицинского вмешательства) роды при живом плоде (в интересующем нас контексте). Соответственно, гибель плода во время родов не подпадает под «прерывание беременности» и, в деянии врача, приведшем к интранатальной смерти плода, отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), так как вред здоро-

вью роженицы не был причинен [10].

Деяние врача, если в родах диагностируется интранатальная гибель плода, не может быть квалифицировано как неосторожное причинение смерти еще не родившемуся ребенку. Согласно современной российской доктрине момент начала уголовно-правовой охраны жизни человека связан с моментом рождения (прорезыванием какой-либо части тела ребенка из тела матери). Напрашивается вывод, что при гибели плода после начала родовой деятельности, но до прорезывания его подлежащей части, врач не должен быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ, поскольку преступление против жизни не может быть совершено, если самостоятельная жизнь ребенка вне связи с организмом матери еще не началась.

П. Г. Габай формулирует два основных противоположных мнения, существующих в российской правоприменительной практике: 1) плод, погибший во время родов, не обладает правом на жизнь, так как с юридической точки зрения не является человеком, — жизнь начинается только после полного отделения живорожденного плода от организма матери. Любой вред, причиненный до этого момента, не может считаться преступлением против жизни и влечь уголовную ответственность; 2) право на жизнь возникает одновременно с началом физиологических родов — рождением ребенка следует считать не момент полного изгнания или извлечения живорожденного ребенка из организма матери, а начало родовых схваток у беременной женщины. Жизнь плода в процессе родов должна быть объектом уголовно-правовой охраны [7].

Сторонники и противники второго подхода основывают свои доводы на споре относительно четкого разграничения «беременности» и «родов». Признавая роды самостоятельным процессом, наступающим после завершения беременности, невозможно квалифицировать причинение гибели плоду в утробе матери по ч. 2 ст. 118 УК РФ [11].

Следственные органы отказывают потерпевшим в возбуждении уголовного дела по причине того, что погибший плод не являлся человеком, и в действиях врачей отсутствовал состав преступления. Имеющие отношение к гибели плода медицинские работники должны быть привлечены только к гражданско-правовой ответственности [7; 12].

Наряду с неопределенностью правового статуса плода в интранатальном периоде есть вопросы к понятию «лечащий врач» пациентки, находящейся в критическом состоянии. Критическим состоянием в акушерстве считается крайняя степень патологии, при которой требуется искусственное замещение или активная поддержка жизненно важных функций организма матери, поскольку ауторегуляция в ее организме резко нарушена [13].

По данным ВОЗ в 2010 г. в мире зафиксировано 287000 случаев материнской смертности — обусловленной беременностью (независимо от ее продолжительности и локализации) смерть женщины, наступившая в период беременности или в течение 42 дней после ее окончания от какой-либо причины, связанной с беременностью,

но не от несчастного случая или случайно возникшей причины). Прямой причиной смерти стали: кровотечения 27,1 %, гипертензивные расстройства 14 %, сепсис 10,7 %, аборт 7,9 %, эмболия 3,2 %, другие прямые причины 9,6 % [14].

Материнская смертность в Российской Федерации снижается, и одновременно происходит изменение ее структуры. В 2001 г показатель материнской смертности составлял 36,5 на 100000 родившихся живыми, в качестве самых частых причин смерти были: кровотечения 22 %, экстрагенитальная патология 21,5 %, гипертензивные расстройства 19,1 %, сепсис 12,5 % [15]. В 2020 г показатель материнской смертности снизился до 11,2 на 100000 родившихся живыми, самыми частыми стали не прямые причины акушерской смерти 46,6 %, сепсис 6,8 %, кровотечения 6,2 %, гипертензивные расстройства 5 % [16]. В 2020 г в перечне отсутствуют соматические заболевания, вероятно, по причине их перемещения в не прямые причины смерти.

Е. А. Евдокимов и соавторы (2010), проанализировав истории родов 93 пациенток, госпитализированных после родоразрешения в отделение реанимации и интенсивной терапии в критическом состоянии, пришли к выводу, что у 41,9 % имели место преэклампсия, эклампсия, у 38,7 % — экстрагенитальная патология, у 19,4 % — кровотечение. Всем этим женщинам терапию проводили врачи анестезиологи-реаниматологи [13, с. 41]. Вопрос о том, является ли анестезиолог-реаниматолог наряду с акушером-гинекологом «лечащим врачом» беременной, роженицы или родильницы в критическом состоянии, до конца не урегулирован в нормативной базе, авторы пытаются искать ответы в ведомственных актах.

В соответствии с п. 15 ст. 2 ФЗ № 323 «лечащий врач — врач, на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения и лечения». Согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 июля 2010 г. № 541н в перечень должностных обязанностей врача — анестезиолога-реаниматолога входит следующее: «Оценивает состояние больного перед операцией, назначает необходимые лечебно-диагностические мероприятия, связанные с подготовкой больного к наркозу, определяет тактику ведения больного в соответствии с порядком и стандартом медицинской помощи ...[17]».

В. И. Горбачев и соавторы (2021) отметили, что представители правоохранительных органов нередко придерживаются точки зрения, что врач — анестезиолог-реаниматолог при оказании медицинской помощи исполняет отдельные функции лечащего врача [18]. Обоснованием подобного подхода можно считать п. 2 приложения к приказу Минздрава № 919н «Медицинская помощь по профилю «анестезиология и реаниматология»: целью оказания медицинской помощи по указанному профилю является:

- проведение лечебных и диагностических мероприятий пациентам во время анестезии, реанимации и интенсивной терапии;
- лабораторный и функциональный мониторинг

за адекватностью анестезии и (или) интенсивной терапии;

- наблюдение за состоянием пациентов в пред- и посленаркозном периоде и определение его продолжительности;
- лечение заболевания, вызвавшего развитие критического состояния [19].

Позиция юристов о совместной ответственности акушеров-гинекологов и анестезиологов-реаниматологов при ненадлежащем оказании медицинской помощи при критическом состоянии в акушерстве представляется более правильной. Наиболее ярким клиническим примером подобного критического состояния является массивное акушерское кровотечение (предлежание или преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, гипотоническое послеродовое кровотечение, разрыв матки, внутрибрюшное кровотечение после кесарева сечения, нарушенная внематочная беременность, разрыв яичника, кровотечения вследствие врожденных и приобретенных дефектов системы гемостаза). Каждая из перечисленных нозологических форм требует проведения операции, успешное завершение которой и выздоровление пациентки зависит не только от хирургических и организационных навыков акушера-гинеколога, но и от правильно выбранного метода обезболивания, от грамотной, адекватной, своевременной инфузионно-трансфузионной терапии, переливания препаратов крови, проводимых анестезиологом-реаниматологом (или под его непосредственным контролем при наличии врача-трансфузиолога).

По приговору Нижнесергинского районного суда Свердловской области врач акушер-гинеколог М. была признана виновной по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно установленным фактическим обстоятельствам, находясь на суточном дежурстве, оказывала медицинскую помощь пациентке Т. 22 лет, которая родила живого доношенного ребенка через естественные родовые пути. В III периоде родов диагностировано частичное плотное приращение плаценты, предпринята безуспешная попытка ручного отделения плаценты и выделения последа, кровопотеря на момент окончания операции составила 700 мл. Ввиду продолжающегося кровотечения, дежурным акушером-гинекологом высказано предположение о необходимости оперативного вмешательства. Однако, дежурный хирург участвовать в операции отказался, приглашенный второй акушер-гинеколог также не приехал. После консультации с дежурным врачом Территориального центра медицины катастроф (ТЦМК) в стационар была выслана бригада ТЦМК, время в пути 2 часа. В течение полутора часов за родильницей проводилось наблюдение акушером-гинекологом и анестезиологом в отделении реанимации, инфузионная терапия кристаллоидами, гемотрансфузия не была начата, несмотря на выраженное снижение уровня гемоглобина и продолжающееся кровотечение, также не был диагностирован выворот матки. Указания на него появляются только через 2 часа от начала кровотечения, когда, ввиду развития геморрагического шока, пациентка переводится на ИВЛ, диагностируется массивная кровопотеря. Несмотря на

начатую через 2 часа от момента развития кровотечения гемотрансфузию, успешную сердечно-легочную реанимацию, выполненную операцию по удалению матки, пациентка погибает на следующие сутки от полиорганной недостаточности. В заключительном диагнозе основным заболеванием указан полный выворот матки, осложнением шок сложного генеза. Из патологоанатомического диагноза следует, что смерть наступила от кровопотери и развившегося синдрома диссеминированного внутрисосудистого свертывания крови, то есть врач акушер-гинеколог не предпринял своевременных попыток остановки кровотечения ввиду недостаточности профессиональных навыков, врач анестезиолог-реаниматолог не провел необходимую терапию, направленную на восполнение кровопотери в течение тех 2 часов ожидания бригады ТЦМК, однако, уголовному преследованию был подвергнут только врач акушер-гинеколог [20].

На практике суды иногда привлекают к ответственности врачей при наличии косвенной, а не прямой связи, которая устанавливается на основании заключения судебно-медицинской экспертизы. Делается ошибочный вывод, что любая найденная связь — это условие ответственности. Зачастую в экспертном заключении не указывается характер связи (прямая или косвенная), это решение остается на усмотрение судей. Поэтому следователям важно правильно формулировать вопросы перед судебно-медицинскими экспертами, принимая во внимание как возможных субъектов преступления, так и причинно-следственную связь между деяниями каждого из них и неблагоприятными последствиями [21].

Уголовные дела против медицинских работников по ч. 2 ст. 109 УК РФ в акушерско-гинекологической практике

Были проанализированы уголовные дела, возбужденные по ч. 2 ст. 109 УК РФ, в отношении медицинских работников в сфере гинекологии и родовспоможения. Для поиска данных использовались электронные базы: Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (<https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>) и «Судебные решения РФ» (<https://судебные.решения.рф>). Глубина поиска составила 5 лет с 1 января 2017 г по 1 февраля 2022 г. Источником информации стало 59 уголовных дел с участием медицинских работников по факту преступления, предусмотренного ч.2 ст. 109 УК РФ, в сфере акушерства и гинекологии.

Непосредственно по врачам акушерам-гинекологам было найдено 50 судебных решений, по врачам анестезиологам-реаниматологам — 4. По одному решению было вынесено против врача-эндоскописта, акушерки, медсестры гинекологического отделения.

Из 4 анестезиологов-реаниматологов оправдательный приговор вынесен одному, осуждены 3, из них от назначенного наказания освобождены в связи с истечением сроков давности 2. Во всех 4 случаях погибла женщина. Если в 2 случаях причиной смерти стала массивная кровопотеря (смерть можно считать условно предотвратимой), то в 2 случаях имели место нарушения должностных обязанностей, а именно не обеспечена безопасность

пациентки во время анестезии (в одном случае технические сложности интубации трахеи привели к фатальной ишемии головного мозга вследствие неадекватной оксигенации через лицевую маску; во втором — невозможность катетеризации периферических вен вынудили врача прибегнуть к неумелой установке центрального венозного доступа, в результате которого были повреждены правая подключичная артерия и верхушка правого легкого, пациентка погибла от дыхательной недостаточности вследствие коллабирования легких из-за кровотечения в грудную полость и эмфиземы средостеня).

Обвинительный приговор врачу-эндоскописту вынесен в связи с нанесением по неосторожности колотых ран передней поверхности беременной матки с подлежащей плацентой при введении троакара для выполнения диагностической лапароскопии. Беременная была госпитализирована с подозрением на острый аппендицит, умерла от воздушной эмболии при проведении операции, плод также погиб.

Двум представительницам среднего медперсонала вынесены обвинительные приговоры: 1) медсестре гинекологического отделения в связи с введением антибактериального препарата внутривенно путем инфузии в растворе, содержащем соли кальция, что было недопустимо вследствие образования преципитатов; она нарушила врачебные назначения, предписывающие внутримышечное введение лекарственного препарата; причиной смерти пациентки стала острая сердечно-сосудистая недостаточность вследствие анафилактического шока (*однако, молниеносно протекающий анафилактический шок, приводящий к гибели человека, можно рассматривать в качестве уголовно-правового казуса, независимо от соблюдения способа введения вещества, вызвавшего аллергическую реакцию*); 2) акушерке, которая, не известив врача акушера-гинеколога, самостоятельно приняла решение о родоактивации окситоцином; роды закончились рождением ребенка с тяжелым ишемически-гипоксическим поражением головного мозга, что послужило причиной смерти новорожденного.

Было возбуждено 50 уголовных дел против 56 врачей акушеров-гинекологов, причем один врач был обвиняемым по двум делам, т. е. уголовному преследованию подверглись 55 человек, в четырех делах признаны виновными 2 врача, а в одном деле — 3 врача акушера-гинеколога. Два уголовных дела были прекращены в связи со смертью обвиняемого, от уголовной ответственности освобождены 22 врача, обвиняемые по 20 делам, в соответствии с п. а ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Наказание в виде ограничения свободы получили 7 врачей по 6 делам. От назначенного наказания освобождены в связи с истечением сроков давности 7 врачей по 6 делам. Прекращены уголовные дела в порядке ст. 25 УПК РФ и на основании ст. 76 УК РФ в связи с примирением с потерпевшей стороной против 6 врачей по 6 делам. Прекращены уголовные преследования в отношении обвиняемых на основании подп. 1 п. 6 Постановления Государственной Думы РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой

Отечественной войне 1941–1945 годов» вследствие акта амнистии в отношении 4 врачей по 3 делам. Прекращены уголовные дела в порядке ч. 1 ст. 25¹ УПК РФ и на основании ст. 76² УК РФ и назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 30000 до 100000 рублей 4 врачам по 4 делам. Оправдательный приговор вынесен 4 врачам по 3 делам.

Из 50 уголовных дел 32 были связаны с родоразрешением, через естественные родовые пути роды произошли у 11 пациенток, путем кесарева сечения родоразрешены 17, вакуум-экстракция плода применена у 4 рожениц. В результате смерти женщины возбуждено 10 уголовных дел, по факту гибели ребенка (плода) — 18 дел, по факту гибели матери и плода (плодов) — 4.

Анализ 14 причин материнской смертности выявил в качестве основной причины смерти: кровотечение — 8 случаев (разрыв матки 1, преждевременная отслойка плаценты 2, гипотоническое кровотечение 3, позднее послеродовое кровотечение 1, вращение плаценты 1), сепсис — 3 случая (в послеродовом периоде 2, во время беременности 1), эмболия околоплодными водами 1 случай, разрыв аневризмы селезеночной артерии, внутрибрюшное кровотечение 1 случай, анафилактический шок на введение лекарственного препарата 1 случай.

Гибель плода/плодов в 4 уголовных делах, в которых женщина также умерла, произошла внутриутробно антенатально (до начала родовой деятельности) вследствие сепсиса — в 1 случае (погибла двойня), преждевременной отслойки плаценты в 2. Интранатально (в родах) погиб 1 плод по причине молниеносного течения анафилактического шока у матери.

Особого интереса заслуживают 18 уголовных дел, возбужденных в связи со смертью исключительно плода/ребенка. В 15 случаях гибель ребенка произошла в течение промежутка времени от 17 мин до 3 суток. Причиной смерти стали: внутриутробная тяжелая гипоксия — 9, краниальная или кранио-спинальная травма — 3, синдром меконияльной аспирации, аспирационная пневмония — 2, тяжелая врожденная аспирационная пневмония — 1. Причиной гибели 1 ребенка в возрасте 5 мес. явилось органическое поражение ЦНС из-за тяжелой асфиксии при рождении. Несмотря на текст в приговорах «вследствие неверно выбранной тактики ведения родов», однозначно такой вывод можно сделать только в 4 делах, где имели место, например, выпадение петель пуповины, травма мозжечка, кранио-спинальная травма вследствие применения нереккомендованных родоразрешающих методов.

2 уголовных дела по ч. 2 ст. 109 были возбуждены в связи с интранатальной гибелью плода, т. е. гибелью плода в процессе родов: в одном случае при родах в тазовом предлежании имело место выраженное затруднение при рождении головки, во втором — отсутствовало мониторирование сердечной деятельности плода в процессе родов, его гибель наступила от асфиксии.

За 5 лет было найдено 18 уголовных дел, связанных с гибелью пациенток гинекологического профиля, из 9 вошли в показатель материнской смертности, так как связаны с ненадлежащим оказанием помощи беремен-

ным женщинам: 2 случая массивного внутрибрюшного кровотечения при запоздалой диагностике внематочной беременности, 4 случая массивного наружного кровотечения, последовавшего за прерыванием беременности, 1 — сепсис вследствие гнойно-некротического эндометрита и сепсиса после прерывания беременности, 1 — анафилактический шок на введение лекарственного препарата для местной анестезии при выскабливании беременной матки, 1 — инфекционно-токсический шок в результате гнойных осложнений перфорации стенки желудка и кишки из-за ущемления купола диафрагмы.

Из 9 случаев гибели небеременных женщин после гинекологических операций: ранение органов при проведении лапароскопии имело место у 4 (ранение кишки, мочевых путей с развитием перитонита, магистральных сосудов), ранение кишки с последующим развитием перитонита после лапаротомии у 2, массивное кровотечение у 2 (влагалищная, гистероскопическая операция), воздушная эмболия при нарушении техники выполнения гистероскопии у 1.

Подводя итог выполненному анализу, можно сделать вывод о наличии спорных моментов квалификации деяний акушеров-гинекологов по ч. 2 ст. 109 УК РФ. 1. Несмотря на отсутствие однозначного правового закрепления начала жизни с момента регистрации регулярной родовой деятельности при живорожденном плоде, при его интранатальной гибели имеет место предъявление обвинения врачам. 2. Когда причиной гибели женщины является геморрагический шок, необоснованно привлекать к уголовной ответственности исключительно оперирующего акушера-гинеколога, ответственного за механическую остановку кровотечения. В ситуации пребывания пациентки в критическом состояниие лечащим врачом становится и анестезиолог-реаниматолог. 3. При доказывании прямой причинно-следственной связи между деянием врача, ведущего роды, и гибелью новорожденного вследствие гипоксического поражения головного мозга необходимо принимать во внимание исходное состояние плода, перенести на него основной акцент, не забывая, что физиологические роды — это естественный биологический акт, который не причиняет вреда здоровому ребенку.

Заключение

Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности за профессиональные преступления в акушерско-гинекологической практике является одной из самых сложных правовых проблем. Негативные последствия при оказании медицинской помощи не всегда наступают вследствие противоправных деяний врачей и среднего медперсонала, так как нежелательная или фатальная реакция организма может развиваться в результате как ошибочных, так и правильных действий или бездействий врача.

В расследовании ятрогенных преступлений велика роль результатов комплексной судебно-медицинской экспертизы, иногда проводимой неоднократно. Если в заключениях экспертов содержатся противоречивые выводы относительно невыполнения надлежащих ведомственных протоколов и рекомендаций, отсутствует ука-

зание на прямую причинно-следственную связь между дефектами медицинской помощи и негативными последствиями, возникающие сомнения в виновности врача не должны трактоваться против него.

Отсутствие четкого правового статуса рождающегося, но не родившегося плода является еще одним поводом для дискуссии, а не применения закона по аналогии, тем более, что в процессе родов деяния акушера-гинеколога имеют непосредственным объектом жизнь и здоровье женщины. Юристам следует принимать во внимание сложный «матрешечный» принцип взаимоотношений между матерью и плодом, переходя от точки зрения «врач-плод» к позиции «врач-мать-плод».

Многие вопросы, связанные с профессиональной деятельностью врачей, требуют пересмотра и внесения дополнений. При их обсуждении необходима совместная работа представителей медицинского и юридического сообщества.

Список источников

1. Горбачев В. И., Нетесин Е. С., Горбачева С. М., Сумин С. А., Хамидулин М. В., Уткин Н. Н. Анализ уголовных дел против врачей хирургических специальностей по статье «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. 2020. № 4. С. 134–142.
2. Петрова Т. Н. Преступления медицинских работников в сфере родовспоможения : проблемы досудебного производства // Медицинское право. 2017. № 1. С. 32–36.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27.12.2011 г. № 1687н (ред. от 01.03.2022). «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». Зарегистрировано в Минюсте РФ 15 марта 2012 г. Регистрационный № 23490 // «Российская газета» от 23 марта 2012 г. № 64.
4. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012.
5. Князев Д. С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и пути их преодоления // Российский следователь. 2010. № 16. С. 17–19.
6. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г. А. Есакова. Москва : Проспект, 2021. 608 с.
7. Габай П. Г. Проблемы квалификации деяний медицинских работников, приведших к интранатальной гибели плода человека // Российский следователь. 2016. № 21. С. 11–15.
8. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 августа 2007 г. № 35 ст. 4308.
9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // «Российская газета» от 5 сентября 2008 г. № 188.

10. Колочков Е. Д. Проблема квалификации преступлений, связанных с интранатальной гибелью плода // Криминалист. 2015. № 1 (16). С. 94–95.

11. Снигирев А. А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов // Медицинское право. 2009. № 4. С. 10–13.

12. Быкова Е. Г. Прерывание беременности как следствие ненадлежащего оказания медицинской помощи // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2019. № 4. С. 30–39.

13. Евдокимов Е. А., Лирцман И. В., Буров Н. Е., Евдокимов А. Э., Братищев И. В., Проценко Д. Н., Яковлева И. И. Критические состояния в акушерско-реанимационной практике // Медицинский алфавит. Неотложная медицина. 2010. Т. 1–2. № 8. С. 40–43.

14. Say L, Chou D, Gemmil A, Tuncalp O, Moller AB, Daniels J, Gulmezoglu AM et al. global causes of maternal death : a WHO systematic analysis // Lancet Glob Health. 2014;2:e323-33. [http://dx.doi.org/10.1016/S2214-109X\(14\)70227-X](http://dx.doi.org/10.1016/S2214-109X(14)70227-X).

15. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Справочно-информационные материалы Службы охраны здоровья матери и ребенка в 2006 году. Москва. 2007.

16. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент медицинской помощи детям и службы родовспоможения. Основные показатели деятельности акушерско-гинекологической службы в Российской Федерации в 2020 году. Москва. 2021.

17. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 июля 2010 г. № 541н (ред. от 01.07.2018) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения». Зарегистрировано в Минюсте РФ 25 августа 2010 г. Регистрационный № 18247 // «Российская газета» от 27 сентября 2010 г. № 217.

18. Горбачев В. И., Фишер В. В., Левин Я. И., Волков Е. В., Брагина Н. В., Нетесин Е. С., Итыгилов М. Ю. и др. К вопросу о диагностике состояний и заболеваний, требующих оказания анестезиолого-реанимационной помощи // Трудный пациент. 2021. Т. 19. № 3. С. 61–66.

19. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. № 919н (ред. от 13.11.2018) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю «анестезиология и реаниматология». Зарегистрировано в Минюсте РФ 29 декабря 2012 г. Регистрационный № 26512 // «Российская газета» от 11 апреля 2013 г. № 78/1.

20. Приговор Нижнесергинского районного суда Свердловской области от 21 февраля 2022 г. по делу № 1-12/2022 (1-127/2021 // Источник <https://nizhneserginsky-svd.sudrf.ru/>

21. Габай П. Г., Зарипова Л. А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью // Российский следователь. 2018. № 8. С. 7–15.

22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13

июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

23. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. 08.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

References

1. Gorbachev V. I., Netesin E. S., Gorbacheva S. M., Sumin S. A., Khamidulin M. V., Utkin N. N. Analysis of criminal cases against doctors of surgical specialties under the article «Causing death by negligence due to improper performance by a person of their professional duties» // Bulletin of intensive therapy named after A.I. Saltanov. 2020. № 4. 3. 134–142.

2. Petrova T. N. Crimes of medical workers in the field of maternity care : problems of pre-trial proceedings // Medical law. 2017. № 1. P. 32–36.

3. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation № 1687n dated 27.12.2011 (ed. dated 01.03.2022). «On the medical criteria of birth, the form of the birth certificate and the procedure for its issuance». Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on March 15, 2012 Registration № 23490 // Rossiyskaya Gazeta № 64 dated March 23, 2012.

4. Korobeev A. I. Criminal encroachments on human life and health. M., 2012.

5. Knyazev D. S. Problems of qualification of murder by a mother of a newborn child and ways to overcome them // A Russian investigator. 2010. № 16. P. 17–19.

6. Russian criminal law. Special part : textbook / edited by G. A. Esakov. Moscow : Prospekt, 2021. 608 p.

7. Gabai P. G. Problems of qualification of acts of medical workers that led to the intranatal death of a human fetus // Russian investigator. 2016. № 21. P. 11–15.

8. Decree of the Government of the Russian Federation of August 17, 2007 № 522 (ed. of 17.11.2011) «On approval of the Rules for determining the severity of harm caused to human health» // Collection of Legislation of the Russian Federation of August 27, 2007. № 35, Article 4308.

9. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation № 194n dated April 24, 2008 «On approval of medical criteria for determining the severity of harm caused to human health» // «Rossiyskaya Gazeta» dated September 5, 2008 № 188.

10. Kolochkov E. D. The problem of qualification of crimes related to intranatal fetal death // Criminologist. 2015. № 1 (16). P. 94–95.

11. Snigirev A. A. On the criminal legal protection of the human fetus in the process of intrauterine development and childbirth // Medical law. 2009. № 4. P. 10–13.

12. Bykova E. G. Termination of pregnancy as a consequence of improper provision of medical care // Bulletin of the Moscow University. Episode 11 : Law. 2019. № 4. P. 30–39.

13. Evdokimov E. A., Lirtsman I. V., Burov N. E., Evdokimov A. E., Bratishchev I. V., Protsenko D. N., Yakovleva I. I. Critical conditions in obstetric resuscitation

practice // Medical alphabet. Emergency medicine. 2010. Vol. 1–2. № 8. P. 40–43.

14. Say L, Chou D, Gemmil A, Tuncalp O, Moller AB, Daniels J, Gulmezoglu AM et al. global causes of maternal death : a WHO systematic analysis // Lancet Glob Health. 2014;2:e323-33. [http://dx.doi.org/10.1016/S2214-109X\(14\)70227-X](http://dx.doi.org/10.1016/S2214-109X(14)70227-X).

15. Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. Reference and information materials of the Maternal and Child Health Service in 2006. Moscow. 2007.

16. Ministry of Health of the Russian Federation. Department of Medical Care for Children and Maternity Services. The main indicators of the obstetric and gynecological service in the Russian Federation in 2020. Moscow. 2021.

17. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation № 541n dated July 23, 2010 (ed. dated 01.07.2018) «On approval of the Unified Qualification Directory of positions of managers, specialists and employees, section «Qualification characteristics of positions of employees in the field of healthcare». Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2010. Registration № 18247 // Rossiyskaya Gazeta № 217 dated September 27, 2010.

18. Gorbachev V. I., Fischer V. V., Levin Ya. I., Volkov

E. V., Bragina N. V., Netesin E. S., Itygilov M. Yu. et al. On the issue of the diagnosis of conditions and diseases requiring the provision of anesthesiological and resuscitation care // Difficult patient. 2021. Vol. 19. № 3. P. 61–66.

19. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated November 15, 2012 № 919n (ed. dated 13.11.2018) «On approval of the Procedure for providing medical care to adults in the profile of «anesthesiology and resuscitation». Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on December 29, 2012 Registration № 26512 // «Rossiyskaya Gazeta» dated April 11, 2013 № 78/1.

20. The verdict of the Nizhneserginsky District Court of the Sverdlovsk Region of February 21, 2022 in case № 1-12/2022 (1-127/2021 // Source <https://nizhneserginsky--svd.sudrf.ru/>

21. Gabai P. G., Zaripova L. A. The significance of causal relationships in the consideration of civil and criminal cases of causing death or harm to health // A Russian investigator. 2018. № 8. P. 7–15.

22. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (ed. of 17.03.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 № 25, Article 2954.

23. Federal Law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 08.03.2022) «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 48, Article 6724 of November 28, 2011.

Информация об авторе

И. Ю. Бреслав — профессор кафедры акушерства и гинекологии стоматологического факультета Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, доктор медицинских наук.

Information about the author

I. Yu. Breslav — Professor of the Department of Obstetrics and Gynecology of the Dental Faculty of the Moscow State Medical and Dental University named after A.I. Evdokimov, Doctor of Medical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 34.342.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-57-60>

ИИОН: 2003-0059-6/22-486

MOSURED: 77/27-003-2022-06-685

К вопросу о задержании: взаимосвязь теории и практики

Александр Александрович Булавкин¹, Анна Павловна Светлова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Проведен анализ положений действующего законодательства, касающихся вопросов задержания, в частности, исчисления срока задержания, административного задержания и задержания лица в состоянии опьянения и их прямой зависимости от внешних факторов: реорганизации государственных учреждений, являющихся важной частью самого механизма реализации правовых норм на практике и восстановления существующих пробелов, путем их введения в действие.

Ключевые слова: закон, задержание, административное задержание, срок задержания лица в состоянии опьянения, субъекты общественных отношений, уполномоченные должностные лица, практика реализации правовых норм, квалифицированная помощь, специализированные организации

Для цитирования: Булавкин А. А., Светлова А. П. К вопросу о задержании: взаимосвязь теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 57–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-57-60>.

Original article

To the issue about detention: relationship of theory and practice

Alexander A. Bulavkin¹, Anna P. Svetlova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The analysis has been made of the provisions of the current legislation concerning the issues of detention, in particular, the calculation of the period of detention, administrative detention and detention of a person in a state of intoxication and their direct dependence on external factors: the reorganization of state institutions, which are an important part of the very mechanism for implementing legal norms in practice and filling existing gaps by putting them into action.

Keywords: law, detention, administrative detention, term of detention of a person in a state of intoxication, subjects of public relations, authorized officials, practice of implementing legal norms, qualified assistance, specialized organizations

For citation: Bulavkin A. A., Svetlova A. P. To the issue about detention: relationship of theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):57–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-57-60>.

Вновь обращаясь к положениям действующего законодательства, мнению суда в проблемных вопросах применения и толкования норм права, касающихся единообразного подхода в разрешении прецедентов, связанных с определением исчисления срока задержания, срока административного задержания, отрадно отметить, что практика не только способствует апробации теоретических положений в реальных условиях, но и восстанавливает разрушенные элементы, воссоздает утраченные ранее механизмы реализации субъектами общественных отношений своих прав и обязанностей. Статус каждого из участников — сама по себе тема актуальная, многогранная и противоречивая, вызывающая аргументированные доводы как одной стороны, так и ее оппонентов. Одно не вызывает сомнения: Законом определен статус каждого из участников. Он наделяет

полномочиями и определяет их пределы; в соответствии с ним обязаны выстраивать свои действия должностные лица органов исполнительной власти; исходя из требований закона, обязаны действовать граждане (физические и юридические лица). Незнание же закона не освобождает от ответственности ни одну из сторон. В связи с чем, весьма интересным представляется анализ норм административного законодательства в ретроспективе, на соответствие строгих временных рамок и их воплощения на практике, касающихся административного задержания. Точки соприкосновения субъектов общественных отношений, регулируемых нормами административного законодательства, это, как правило, ограничение прав одних правами (обязанностью) других, что в реальности является очень тонкой гранью, предметом постоянных дискуссий и по-прежнему продолжает быть актуальным.

Итак, рассматривая законодательство, касающееся исчисления срока задержания, а также задержания лица в состоянии опьянения, необходимо обратиться к положению его норм и проследить изменения их правового восприятия под влиянием практики применения и то, как последовательность совершенствования закона отражается в деятельности сотрудника полиции. Насколько длителен процесс выявления, даже не коллизии или пробела, сколько правового молчания. Насколько долгот путь практики, для инициирования восстановления разрушенных звеньев механизма государственного управления, со временем нашедших свое достойное отражение в праве.

Вопросы задержания всегда были камнем преткновения. «Что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла. Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется...» [1]. В здании именуемом Правом важен каждый «камень» составляющий его стены и решение об «утрате значения» одного из них и не восполнении другим, в начале ведет к непрочности его основ, затем к медленному разрушению. Вместе с тем, здание само может обветшать и не соответствовать назначению. Поэтому требует постоянной реконструкции: правового совершенствования.

Норма закона о полиции гласит, что «срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Административного задержания — в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях» [2, ч. 4 ст. 14]. В данном изложении воли законодателя уже содержится явный временной интервал исчисления, к которому мы вернемся [3].

При совершении правонарушения сотрудник имеет право доставлять такое лицо в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в орган местного самоуправления [4, ст. 27.2]. Только в этом случае действие возымеет юридические последствия, то есть будет составлен соответствующий процессуальный документ, и тем самым, возбуждено дело об административном правонарушении с последующим его разрешением. И только с момента доставления исчисляется срок административного задержания.

Что наблюдается: во-первых, при обнаружении признаков правонарушения возникают законные основания проверки документов сотрудником полиции, требования которые «обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами» [2, ч. 3 ст. 30]. По сути, уже «фактически ограничена свобода их передвижения», следовательно, исчисляется срок задержания. Во-вторых, если «имеется повод к возбуждению в отношении граждан дела об административном правонарушении», это еще не основание, а значит необходимо выяснение всех обстоятельств и только тогда принимать решение о совершении каких-либо действий в отношении лица и составлении процессуальных документов (направления на мед. освидетельствование, доставления и т. д.) [4, ст. 27.1]. Вместе с тем, сотрудник уже подошел для проверки документов, тем самым ограничив «свободное передвижение лица»; автоматически исчисляется срок задер-

жания (воля законодателя). Однако само *это* действие сотрудником полиции (о том, что он подошел) нигде не фиксируется, не предусмотрено никаким процессуальным документом. Законодательно не предусмотрено закрепление данного действия. Административный кодекс говорит об обязательном отражении в протоколе факта «административного задержания», а оно будет исчисляться только с момента доставления в отдел полиции [4, ч. 4 ст. 27.5]. И на вопрос гражданина (на месте проверки документов), на каком основании задержали (вполне законный, ведь идет отсчет времени), у сотрудника отсутствует почва отраслевого законодательства, обратившись к норме которого можно было бы четко объяснить связь (временную связь) между его (гражданина) административным правонарушением и задержанием, где применение данного термина логично в рамках уголовного преступления и фиксируется процессуально. Лишь твердый конституционный принцип, обязывающий сотрудника полиции с этого момента не превысить более 48 часов. В абсолютной логике, с точки зрения нормы права, чувствуется разрыв логичной реализации ее на практике [2, ч. 4 ст. 14; 4, ч. 4 ст. 27.5].

Далее, административный кодекс предписывает исчислять срок административного задержания лица совершившего правонарушение и находящегося в состоянии опьянения, с момента его вытрезвления. Напомним, что доставляют сотрудники в территориальный орган внутренних дел. В соответствии в внутриведомственным приказом, при наличии оснований, в зависимости от квалификации статьи и компетенции по рассмотрению дела, дальнейшие действия осуществляет оперативный дежурный. Все это время делинквент находится в отделе полиции. Также может быть помещен в специально отведенное для задержанных в административном порядке помещение органа внутренних дел [4, ст. 27.6], [4]. Однако закон (КоАП РФ) предписывал определять срок «с момента вытрезвления». Невольно возникает вопрос: а кто должен определить этот «момент». Сотрудники полиции не являются специалистами в сфере медицины и здравоохранения. Данные полномочия относятся к иной деятельности государственных органов исполнительной власти. И если законодатель одной нормой единого федерального закона об административных правонарушениях обязывает доставлять «в служебное помещение органов внутренних дел (полиции)», другой его нормой «исчислять срок... с момента вытрезвления», то как поминать его волю должностному лицу полиции, который с одной стороны не может не выполнить предписаний права — это его обязанность, с другой стороны, не имеет четкой последовательности действий.

Такое положение императивной нормы действовало вплоть до декабря 2017 года. Подобная ситуация сложилась в связи с ликвидацией медицинских вытрезвителей бывших «при отделе внутренних дел» и «являющихся специализированным учреждением милиции по оказанию медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения» [6]. Именно медицинские работники (специалисты) после доставления лица в территориальный орган, оказывая ему квалифицированную помощь в

отдельном, специально оборудованном для этого помещении (не комнате), определяли «момент вытрезвления». Учреждение реорганизовали — правовая норма осталась без изменений [4, ст. 27.5]. «Камень, который отввергли строители, тот самый сделался главою угла?» [1]. «Кирпичик» убрали, «здание» не рухнуло, однако стена перестала быть «несущей». Малость, но такой незначительный факт на практике приводил к прецедентам, разрешить которые способен был только Конституционный Суд Российской Федерации.

Своим Постановлением Конституционный Суд РФ по делу Сизикова Е. С. решил ситуацию в правовом поле, указав законодателю внести соответствующие изменения в кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [7], тем самым дополнив правовую норму в том виде, в котором она действует на сегодняшний день [4, ч. 4 ст. 27.5]. Было озвучено правовое молчание и дано четкое понимание правового смысла задержания, административного задержания, задержания лица в состоянии опьянения. Но не решена была проблема практики в отношении такого лица. Медицинские учреждения осуществляли процедуру освидетельствования, но не оказывали услуг по вытрезвлению такому специфическому контингенту [8]. И только с подписанием приказа тремя министерствами и введением в действие специализированных организаций для оказания помощи лицам в состоянии опьянения, в середине прошлого года [9], теория и практика в вопросах исчисления срока административного задержания пришли к единению. Следовательно, в краеугольном камне «задержания» одна из граней стала менее острой.

Действующий кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях представляет собой, пожалуй, самый нестабильный из источников публичного законодательства [10]. Вместе с тем взаимосвязь практической реализации его норм «утративших силу» и приобретающих вновь говорит о жизнеспособности и правовой мудрости, которая восстанавливает по крупницам выбитые вением времени «камни» из мощного здания Права, гул дискуссий в котором да не прекратится, пока жив человек мыслящий, меняющий общество, меняющийся сам, стремящийся к совершенству.

Список источников

1. Исповедь русского путника. Опыт историко-философского и богословского исследования [Электронный ресурс] / С. Ратмиров ; научный редактор и составитель текста кандидат филологических наук С. М. Заяц. М. : ФЛИНТА, 2016.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». <http://garant.ru>.
3. Светлова А. П. Имплицитные нормы исчисления срока задержания в рамках административного производства // Вестник КрУ МВД России. № 2 (44) 2019.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: КоАП : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». [\[garant.ru\]\(http://garant.ru\).](http://</div><div data-bbox=)

5. Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц Постановление Правительства РФ от 15 октября 2003 г. № 627 (в ред. от 26.11.2013 № 1069) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». <http://garant.ru>.

6. О неприменении правовых актов МВД СССР: Приказ МВД РФ от 31.01.2009 г. № 71 (Приказ МВД СССР от 30 мая 1985 года № 106 «Об утверждении Положения о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкции по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинские вытрезвители» (утратил силу)) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru>.

7. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.02.2022).

8. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18.12.2015 г. № 933н . [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru>.

9. Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Приказ Министерства здравоохранения РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ и МВД России от 30 июня 2021 г. № 689н/440н/509.

10. Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санкция URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).

References

1. Confessions of a Russian traveler. The experience of historical, philosophical and theological research [Electronic resource] / S. Ratmirov ; scientific editor and compiler of the text Candidate of Philological Sciences S. M. Zayats. M. : FLINT, 2016.
2. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On Police» [Electronic resource] // Access from the reference legal system «Garant». <http://garant.ru>.
3. Svetlova A. P. Implicit norms for calculating the period of detention in the framework of administrative proceedings // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 2 (44) 2019.
4. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Administrative Code : Federal Law № 195-FZ of December 30, 2001 [Electronic resource] // Access from the reference legal system «Garant». <http://garant.ru>.

5. On the approval of the Regulations on the Conditions of Detention of Persons Detained for an Administrative Offense, the norms of nutrition and the Procedure for Medical care of Such Persons, Decree of the Government of the Russian Federation № 627 of October 15, 2003 (as amended. dated 26.11.2013 № 1069) [Electronic resource] // Access from the reference legal system «Garant». <http://garant.ru>.

6. On the non-application of legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation №. 71 dated 31.01.2009 (Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 106 dated May 30, 1985 «On approval of the Regulations on the medical detoxification unit at the City Agency of Internal Affairs and Instructions for providing medical care to persons delivered to medical detox centers» (expired)) [Electronic resource] // Access from the legal reference system «ConsultantPlus». <http://www.consultant.ru>.

7. In the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 27.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint

of citizen E. S. Sizikov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 17, 2016 № 25-P [Electronic resource] // Information and Legal System «Legislation of Russia». URL: <http://pravo.gov.ru> / (accessed: 02.02.2022).

8. On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic): Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 933n dated 12/18/2015. [Electronic resource] // Access from the legal reference system «ConsultantPlus». <http://www.consultant.ru>.

9. On approval of the Rules for Organizing the Activities of specialized organizations to assist persons in a state of alcoholic, Narcotic or other toxic intoxication: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation, the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2021 № 689n/440n/509.

10. Agapov A. B. Public coercion or public URL authorization. <https://cyberleninka.ru> / (accessed: 20.11.2021).

Информация об авторах

А. А. Булавкин — заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук;

А. П. Светлова — старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Bulavkin — Deputy Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences;

A. P. Svetlova — Senior Lecturer of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-61-65>

НИОН: 2003-0059-6/22-487

MOSURED: 77/27-003-2022-06-686

Обучение в образовательных организациях МВД России как система служебных, образовательных и властных правоотношений

Максим Александрович Вашаев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vashaev_m@rfmumvd.ru

Аннотация. Анализируется деятельность, осуществляемая сотрудниками органов внутренних дел, обучающимися в образовательных организациях МВД России в процессе обучения, которая обуславливает содержание и функциональную направленность правоотношений с их участием. Исследуются и сопоставляются между собой сегменты административно-правового статуса обучающихся, под которыми понимаются наиболее крупные модульные образования, характеризующие его сущность и структуру в зависимости от системы их функционирования.

Ключевые слова: административно-правовой статус, образовательная организация МВД России, прохождение службы в ОВД, обучающийся

Для цитирования: Вашаев М. А. Обучение в образовательных организациях МВД России как система служебных, образовательных и властных правоотношений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 61–65. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-61-65>.

Original article

Training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a system of official, educational and power relations

Maxim A. Vashaev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vashaev_m@rfmumvd.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities carried out by employees of the internal affairs bodies studying in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the course of training, which determines the content and functional orientation of legal relations with their participation. The segments of the administrative and legal status of students are studied and compared with each other, which are understood as the largest modular formations that characterize its essence and structure depending on the system of their functioning.

Keywords: administrative and legal status, educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia, service in the department of internal affairs, student

For citation: Vashaev M. A. Training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a system of official, educational and power relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):61–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-61-65>.

Определяющее значение по защите прав и свобод человека и гражданина в условиях процесса демократизации российского общества невозможно рассматривать в отрыве от дальнейшего развития государственной службы в органах внутренних дел (далее — ОВД). В связи с чем, особую значимость приобретают вопросы, связанные не только с совершенствованием системы профессионального развития кадрового состава ОВД и повышения качества его формирования, но и определение решений по выработке правовых механизмов функционирования курсантов (слушателей) в процессе обучения в образовательных организациях МВД России.

Вектор служебно-функциональных правоотношений, возникающих в процессе обучения курсантов (слушателей), достаточно широк. Он не ограничивается сферой служебных отношений как сотрудника ОВД, а включает в себя еще две системы правоотношений — государственно-властные отношения, сфера возникновения которых обусловлена внешней средой функционирования, и отношения в области образования.

Такой сегментарный подход соотносится и с позицией законодательства, так правовым основанием выделения служебного сегмента правоотношений выступает Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе

в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе в ОВД) [1], в котором регулируются правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением, а также прекращением. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации» [2] (далее Закон «Об образовании») и нормативные правовые акты Министерства высшего образования и науки Российской Федерации определили ключевые понятия, используемые в системе образования, а именно: «образование», «воспитание», «обучающейся» и др. Властные правоотношения в наибольшей степени связаны с возможностью применения обучающимся мер государственного принуждения в рамках положений ст. 27 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3] (далее — ФЗ «О полиции»).

Признавая подобную полисистемную конструкцию правоотношений, с функциональной точки зрения, следует отметить, что формирование административно-правового статуса сотрудников ОВД, на наш взгляд, более объективно будет отражать теоретическая модель, основанная на трех модульной концепции его построения. Так, в зависимости от характера правоотношений, участником которых является курсант (слушатель) необходимо выделить (служебный, властный и образовательный модуль), что позволят создать теоретическую правовую модель административно-парового статуса сотрудников ОВД, обучающихся в образовательных организациях МВД России, позволяющую глубоко и всесторонне отразить его сущность и специфику. Анализ проблематики реализации вышеуказанных модулей позволит не только установить научно-обоснованную юридическую конструкцию, способную обеспечить успешную реализацию отдельных составных сегментов правового статуса, но и позволит разобраться, насколько нормативно регламентирован каждый из модулей в системе правового механизма процесса обучения в образовательной организации МВД России.

Служебный модуль Важнейшей составляющей организации и функционирования данного сегмента является процедура прохождения государственной службы в ОВД.

Соглашаясь с традиционной точкой зрения элементного содержания прохождения государственной службы¹ [4, с. 241; 5, с. 155; 6, с. 115] в теории административного права, необходимо отметить, что каждому элементу в системе государственно-служебных отношений отведено самостоятельное место как совокупности юридических фактов, вызывающих изменение административно-правового статуса обучающегося и системы правовых норм их регулирующих, при этом необходимо констатировать указанную последовательность этапов прохождения государственной службы в ОВД.

Отличия административных процедур прохождения

государственной службы курсантами (слушателями), обусловлены ее собственной спецификой, и их можно свести к следующему.

Особенности процедуры приема, профессионального отбора.

Профессиональный отбор кандидатов на обучение в образовательные организации системы МВД России по очной форме, преимущественно, осуществляется в рамках целевого набора. Особенность которого, заключается во взаимодействии кандидата на обучение не только с образовательной организацией, но и территориальным органом внутренних дел, направившего его на обучение. При этом на формирование государственного заказа на подготовку специалистов влияет перспективная потребность в специалистах требуемой квалификации.

Основанием возникновения правоотношений является процедура зачисления на обучение в образовательную организацию МВД России, которой предшествуют процесс комплектования.

Анализ нормативных [7; 8; 9] и литературных источников [10, с. 129; 11, с. 18; 12, с. 98] по данной проблематике свидетельствует, что процедура комплектования должностей переменного состава имеет общие черты поступления на государственную службу в ОВД, направленный на выявление и соответствие кандидатов заложенным параметрам государственного служащего и определение их пригодности к службе в ОВД.

Наряду с этим правовой статус указанных лиц приобретает некоторые специфические черты, обусловленные воздействием на него дополнительного параметра по оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности в ОВД, их соответствия установленным квалификационным требованиям к соответствующей должности курсанта. Что в перспективе позволяет правильно оценивать профессиональное соответствие обучающихся к реализации ими управленческих функций и возможности их профессионального роста.

Так к кандидатам на зачисление в образовательную организацию МВД России применяется ряд вступительных испытаний (физическая подготовка, русский язык и др.) При ранжировании результатов учитываются индивидуальные достижения кандидата, в случаях равенства набранных баллов лица, обладающие преимущественным правом на зачисление, занимают более высокое место. Следовательно, данный элемент отбора кандидатов на службу в ОВД выходит за рамки служебного модуля, однако тесным образом связан с ней. Поскольку, речь идет о процедуре, в общем виде определяющей, конкурсный порядок замещения должности курсанта, что и позволяет характеризовать ее как служебную составляющую правового статуса.

Особенности проведения процедуры аттестации обучающегося. Своеобразие статуса курсанта как участника процедуры аттестации связано тем, что она имеет две взаимосвязанные формы выражения и проявляется:

- во-первых, как элемент прохождения службы в органах внутренних дел для определения уровня профессиональной подготовки курсантов и их соответствия занимаемой должности (плановая

¹ Традиционно в теории административного права прохождение государственной службы следует рассматривать с точки зрения ее элементного состава, в который включены следующие классические элементы (этапы): 1) поступление (прием) на государственную службу; 2) аттестация; 3) присвоение специальных званий; 4) поощрение; 5) привлечение к ответственности; 6) прекращение службы.

один раз в четыре года) при переводе курсанта на вышестоящую должность (внеочередная);

- во-вторых, как самостоятельная процедура, регулируемая законодательством в сфере образования, целью которой является определения уровня освоения курсантом образовательной программы. При этом законодатель выделяет государственную итоговую и промежуточную аттестацию.

Следует подчеркнуть, что в отличие от других категорий сотрудников ОВД, аттестационное производство в отношении курсантов, отличается наличием расширенного спектра оснований прекращения служебных отношений, при неудовлетворительной оценке их служебной деятельности. Так, в случае пропуска процедуры промежуточной аттестации без уважительной причины, а также получение в рамках комиссионной сдачи учебного предмета неудовлетворительной оценки служит основанием для отчисления из образовательной организации.

Особенности присвоения специальных званий

Важным моментом в характеристике служебного сегмента административно-правового статуса обучающегося, является процедура присвоения специального звания. Особый характер прохождения государственной службы курсантами обуславливает не только разграничение специальных званий соответствующие должностям рядового, младшего и среднего начальствующего состава, но и прослеживается поэтапность в их присвоении.

На этапе зачисления, присваиваются первое специальное звание рядового состава. Далее отчетливо просматриваются последовательное профессиональное формирование на этапе присвоения очередных специальных званий курсантам, замещающим должности младшего начальствующего состава (заместитель командира взвода, командир отделения) и среднего начальствующего состава — младший лейтенант полиции при его переводе обучающегося на последний курс.

Особое внимание нужно обратить на то, что условия присвоения первого офицерского звания (отсутствие погашенного дисциплинарного взыскания, не является обвиняемым по уголовному делу и др.) обуславливают обязательность ряда требований неразрывно связанных с положениями Закона «Об образовании», в соответствии с которым обучающийся, не должен иметь академическую задолженность без уважительных причин. По завершению 4 курса обучения обучающемуся присваивается специальное звание — лейтенант полиции, при этом не подлежат учету периоды его нахождения в предыдущем звании.

Особенности поощрительного и дисциплинарного производства.

Нужно сказать, что поощрительное производство, являющиеся составной частью служебного сегмента, имеет не так уж много характерных особенностей принципиального характера. В частности, в соответствии с Законом «О службе в ОВД» в отношении курсантов, наряду с общими мерами поощрения, допускается применение особых видов стимулирования: закрепление за курсантом именной стипендии и предоставление ему

внеочередного увольнения.

В свою очередь привлечение к дисциплинарной ответственности имеет значительные отличия, обусловленные не только особенностями ее процедуры, но и более расширенным составом мер дисциплинарного наказания (назначение в наряд вне очереди (исключения составляют наряды по обеспечению охраны подразделения), лишение очередного увольнения из расположения образовательной организации системы МВД России, отчисление из образовательной организации системы МВД России).

Особенности прекращения служебных отношений.

Административно-правовой статус курсанта наряду с общими основаниями прекращения государственно-служебных отношений может утрачиваться при возникновении юридических фактов, являющимися основаниями отчисления из образовательной организации¹.

При этом установлено, что прекращение образовательного процесса, по основаниям, не препятствующим дальнейшему прохождению службы в органах внутренних дел, не является основанием для увольнения из ОВД. Исключение составляют обучающиеся не прошедшие первоначальную подготовку по должности полицейского.

Властный модуль

Специфической чертой административно-правового статуса сотрудников ОВД, обучающихся в образовательных организациях МВД России является наличие в его составе такого сегмента как государственно-властные полномочия. Данные полномочия, реализуемые курсантами (слушателями), обуславливает содержание и функциональную направленность этих отношений, которые могут возникать как внутри образовательной организации, по обеспечению безопасности собственных объектов, так и за их пределами в период выполнения задач по охране общественного порядка.

В этой связи следует обратить внимание на сложившуюся ситуацию по реализации функций постового по охране объектов образовательных организаций МВД России, которая в настоящее время характеризуется отсутствием правовых предписаний, которые определяли бы его особые обязанности и права, в том числе применение огнестрельного оружия в соответствии с ФЗ «О полиции». Кроме того, в отношении несовершеннолетних курсантов должны быть приняты меры, полностью исключающие их функционирование в данном направлении деятельности.

Следует подчеркнуть, что проблемы реализации властного сегмента статуса курсанта (слушателя) не исчерпываются решением вопросов по организации безопасности образовательной организации. Эти проблемы обусловлены и недостатками в правовом регулировании наделения властными полномочиями, которыми курсант

¹ По действующему законодательству отчисление курсанта из образовательной организации как элемент прекращения образовательного процесса возможен по следующим основаниям: 1) по завершению обучения; 2) нежелании продолжать учиться, состоянию здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии), а также в связи с невозможностью продолжать обучение по независящим от них причинам; 3) недисциплинированности обучающегося и применения в отношении него дисциплинарного взыскания в виде отчисления из образовательной организации, установления нарушения порядка приема в образовательную организацию; 4) неспособности обучающегося.

(слушатель) обладает постоянно, независимо от времени и места нахождения и в установленный период по охране общественного порядка, а также соответствие их уровню необходимых знаний, умений и навыков у лиц, внешне позиционируемых обществом в качестве полицейских.

Образовательный модуль

Правовое установление должности курсанта (слушателя) образуется для реализации главной задачи — получить определенные знания, умения и навыки, т. е. стать специалистом ОВД. Следовательно, самая общая задача курсантов (слушателей), вытекающая из их должности, является обучение.

Соответственно образовательный модуль является ключевым в структуре правового статуса, его сегменты неразрывно связаны с остальными его элементами. Отсюда вытекает, что любое изменение одного из сегментов оказывает непосредственное влияние на другие его составляющие и прежде всего на возможность получения качественного образования. Оптимизация статуса курсанта (слушателя) объективно обуславливает необходимость гармонизации всех его сегментов.

Для того чтобы оценить, насколько оптимально урегулирован образовательный модуль, его правовую основу необходимо рассмотреть через призму функционирования в данной среде. Приведем несколько конкретных примеров.

Обучающиеся по очной форме обучения изучают учебные дисциплины, в которых содержатся сведения, ограниченного характера. Это обуславливает наличие в их статусе права допуска, к сведениям, составляющим государственную тайну. На них распространяется весь спектр ограничений и обязанностей государственных служащих по исполнению требований законодательства о государственной тайне. Однако дополнительные социальные гарантии, в виде денежных выплат, на рассматриваемую категорию сотрудников ОВД не распространяется.

Другая проблема, касается продолжительности служебного времени курсантов и слушателей. Наличие её обусловлено вовлечением обучающегося не только в учебный процесс, но и участием в правоотношениях обусловленных служебным модулем (воспитательная работа, несение службы в суточном наряде, уборка территории и т. д.), в рамках шестидневной учебной недели. Хронометраж служебного времени курсанта образовательной организации МВД России дает однозначное понимание о невозможности учитывать требования ст. 53 Закона «О службе в ОВД», которая определяет нормальную продолжительность служебного времени сотрудника органов внутренних дел, в пределах 40 часов в неделю (ч. 2). В то же время законодательство в сфере образования не предусматривает предоставления компенсации в виде дополнительного отдыха обучающимся в случае привлечения их к выполнению служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени (несение внутренней или караульной службы, нахождение в командировке и т. д.).

Далее отметим, что ст. 34 Закона «Об образовании» закрепляет право обучающихся наряду с учебными

предметами, курсами, дисциплинами по осваиваемой образовательной программе любых других учебных предметов, курсов, дисциплин, преподаваемых в организации, осуществляющей образовательную деятельность, в установленном ею порядке, а также преподаваемых в других организациях, осуществляющих образовательную деятельность, учебных предметов, курсов, дисциплин, одновременное освоение нескольких основных профессиональных образовательных программ (п. 6). В то же время прохождение государственной службы в ОВД не предусматривают оснований для освобождения курсантов (слушателей) от выполнения общих и специальных полномочий на период обучения в другой образовательной организации.

Также необходимо отметить, что в случаях невозможности дальнейшего обучения по уважительным причинам (медицинские показания, призыв на военную службу и др.) [13]. Обучающейся может воспользоваться правом, закрепленным в (п. 12) вышеуказанного Федерального закона на получение академического отпуска.

Целесообразно сказать, что, несмотря на формально установленное законодательством о службе в ОВД основание возможности предоставления академического отпуска¹, сотруднику ОВД, обучающемуся в образовательной организации МВД России, его реализация по указанным основаниям к категории обучающегося курсант (слушатель) очной формы, изначально невозможна. Это связано с тем, что центральным блоком обучения в образовательной организации МВД России выступают отношения, возникающие в процессе повседневной деятельности служащих государственной службы ОВД. Для данного сегмента отношений временное приостановление обучения, в связи с убытием в академический отпуск, не является основанием приостановления службы в ОВД, т. к. это не находит своего закрепления в служебном законодательстве в виде соответствующих правовых предписаний.

Оценка сложившейся ситуации позволяет прийти к мнению о том, что состояния сбалансированности, структуры статуса сотрудников ОВД, обучающихся в образовательных организациях МВД России, позволяет заявить, что со стороны служебного законодательства явно прослеживается деформирующее влияние на реализацию их прав в сфере образования, что в итоге не позволяет курсантам и слушателям в полном объеме быть вовлеченными в образовательный процесс.

Формируя общее представление о функциональном содержании указанных модулей необходимо отметить, что вычленение и анализ указанных внутренних элементов изучаемой совокупности служебных, властных и образовательных правоотношений, характеризующие указанные модули, а также их функционально-целевое предназначение позволяет познать проблемы достаточности организационно-правового обеспечения всех сегментов административно-правового статуса сотрудников ОВД, обучающихся в

¹ В соответствии со ст. 63, ч. 3 Закона «О службе в ОВД» сотрудникам органов внутренних дел предоставляется отпуска по уходу за ребенком, творческие отпуска, отпуска, предоставляемые в соответствии с трудовым законодательством работникам, совмещающим работу с получением образования, а также иные отпуска, установленные законодательством Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ предоставлен СПС Консультант Плюс (дата обращения: 09.04.2022).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Доступ предоставлен СПС Консультант Плюс (дата обращения: 09.04.2022).
3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Доступ предоставлен СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.04.2022).
4. Бахрах Д. Н. Административное право России. Учебник для вузов. М. : НОРМА, 2000.
5. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики : учеб. пособие для студентов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008.
6. Гайдов В. Б. Служба в органах внутренних дел как разновидность федеральной государственной службы : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
7. Приказ Минобрнауки России от 12.05.2014 г. № 509 (ред. от 24.07.2015) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность» // Российская газета (специальный выпуск), № 284/1, 12.12.2014.
8. Приказ МВД России от 12 марта 2015 г. № 321 «Об утверждении порядка и условий приёма в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 36, 07.09.2015.
9. Приказ МВД России от 01.02.2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Доступ предоставлен СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.04.2022).
10. Симоненко А. В., Середа М. Ф. Начальная профессиональная подготовка в образовательных учреждениях МВД России. Брянск, 1998.
11. Кикоть В. Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
12. Григонис В. П. Конституционное право на образование и его реализация в образовательных учреждениях МВД России : дис... канд. юрид. наук. СПб, 2005.
13. Приказ Минобрнауки России от 13 июня 2013 г. № 455 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» //

References

1. Federal Law № 342-FZ of 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Access is provided by LRS Consultant Plus (accessed: 09.04.2022).
2. Federal Law № 273-FZ of 29.12.2012 «On education in the Russian Federation» // Access is provided by LRS Consultant Plus (accessed: 09.04.2022).
3. Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 «On the Police» // Access is provided by LRS Consultant (accessed: 15.04.2022).
4. Bakhrah D. N. Administrative Law of Russia. Textbook for universities. M. : NORM, 2000.
5. Cherepanov V. V. Fundamentals of public service and personnel policy : textbook. manual for students. M. : UNITY-DANA, Law and Law, 2008.
6. Gaidov V. B. Service in the internal affairs bodies as a kind of federal public service : dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk, 2001.
7. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 12.05.2014 № 509 (ed. dated 24.07.2015) «On approval of the Federal State educational standard of secondary vocational education in the specialty 40.02.02 Law enforcement» // Rossiyskaya Gazeta (special issue), № 284/1, 12.12.2014.
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 321 dated March 12, 2015 «On approval of the procedure and conditions for admission to federal state organizations engaged in educational activities and under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Authorities, № 36, 07.09.2015.
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 01.02.2018 № 50 «On approval of the Procedure for organizing service in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // Access is provided by LRS Consultant Plus (accesses: 15.04.2022).
10. Simonenko A.V., Sereda M. F. Initial professional training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bryansk, 1998.
11. Kikot V. Ya. Organizational, legal and informational support for the implementation of the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of personnel training : dis. ...dr. jurid. sciences. M., 2002.
12. Grigonis V. P. The constitutional right to education and its implementation in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia : dis... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2005.
13. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 455 dated June 13, 2013 «On approval of the Procedure and grounds for granting academic leave to students» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. July 3. № 142.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 17.09.2022.
The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-66-69>

ИДОН: 2003-0059-6/22-488

MOSURED: 77/27-003-2022-06-687

К вопросу о правовом регулировании применения таможенных платежей

Ирина Владимировна Веретенцева¹, Анатолий Васильевич Зубач², Елена Евгеньевна Томилина³

¹ Российская таможенная академия, Москва, Россия, irinavver@hotmail.com

^{2,3} Государственный университет управления, Москва, Россия

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты применения таможенных платежей при перемещении товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза. Определено содержание понятия таможенных платежей; названы виды таможенных платежей; выделены особенности их взимания. Правовое регулирование института таможенных платежей изучается с учетом вступивших в силу новых редакций Единого таможенного тарифа и Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: таможенные платежи, таможенные органы, таможня, ФТС России, таможенное администрирование, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, внешнеэкономическая деятельность, ВЭД

Для цитирования: Веретенцева И. В., Зубач А. В., Томилина Е. Е. К вопросу о правовом регулировании применения таможенных платежей // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 66–69. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-66-69>.

Original article

On the issue of legal regulation of the application of customs payments

Irina V. Veretentseva¹, Anatoly V. Zubach², Elena E. Tomilina³

¹ Russian Customs Academy, Moscow, Russia, irinavver@hotmail.com

^{2,3} State University of Management, Moscow, Russia

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the theoretical and legal aspects of the application of customs payments when moving goods across the customs border of the Eurasian Economic Union. The article defines the content of the concept of customs payments, considers the types of customs payments and highlights the features of their collection. The scientific novelty of the research lies in the fact that the authors consider the legal regulation of the institute of customs payments, taking into account the entry into force of new editions of the Unified Customs Tariff and the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union.

Keywords: customs payments, customs authorities, customs, FCS of Russia, customs administration, Eurasian Economic Union, EAEU, foreign economic activity, foreign economic activity

For citation: Veretentseva I. V., Zubach A. V., Tomilina E. E. On the issue of legal regulation of the application of customs payments. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):66–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-66-69>.

В современных условиях активного развития внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД), создания трансграничного пространства, функционирования такого интеграционного объединения как Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) институт таможенных платежей претерпевает значительные изменения, в том числе, и в части его правового регулирования. Данный институт таможенного права занимает осо-

бое место в системе таможенного регулирования Российской Федерации, поскольку является фискальным инструментом государства, обеспечивающим его существование и развитие. Федеральная таможенная служба (далее — ФТС России) выступает одним из администраторов доходов федерального бюджета [1].

В актах, составляющих право ЕАЭС, и таможенном законодательстве Российской Федерации отсутствует

определение понятия таможенных платежей.

В результате анализа правовой природы и сущности таможенных платежей можно сформулировать следующее определение данного термина. Таможенные платежи — это совокупность различных видов государственных пошлин, налогов и сборов, уплата которых является одним из условий перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу ЕАЭС.

В соответствии со ст. 46 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) к видам таможенных платежей относятся:

- 1) ввозные таможенные пошлины;
- 2) вывозные таможенные пошлины;
- 3) налог на добавленную стоимость (далее — НДС);
- 4) акцизы;
- 5) таможенные сборы.

Ввозные таможенные пошлины, НДС и акцизы взимаются при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, а при вывозе с таможенной территории ЕАЭС — вывозные таможенные пошлины и таможенные сборы.

В рамках данной статьи более подробно рассмотрим некоторые аспекты правового регулирования применения каждого из видов таможенных платежей.

Согласно пп. 33 ст. 2 ТК ЕАЭС таможенная пошлина — это обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Ввозные таможенные пошлины взимаются с участников ВЭД, преимущественно, при помещении товаров под таможенную процедуру «Выпуск для внутреннего потребления», а вывозные таможенные пошлины — при помещении товаров под таможенную процедуру «Экспорт».

Ставки ввозных таможенных пошлин устанавливаются на наднациональном уровне правового регулирования, а именно Единым таможенным тарифом ЕАЭС (далее — ЕТТ ЕАЭС). Это означает, что, по общему правилу, они являются едиными для всех лиц, осуществляющих ввоз товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

ЕТТ ЕАЭС — это свод ставок ввозных таможенных пошлин, которые применяются к товарам, ввозимым на таможенную территорию ЕАЭС из стран, не являющихся государствами-членами ЕАЭС, и систематизированный в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее — ТН ВЭД ЕАЭС). Следует отметить, что с 1 января 2022 года вступили в силу новые редакции ЕТТ ЕАЭС и ТН ВЭД ЕАЭС [2].

Кроме того, ставки ввозных таможенных пошлин могут устанавливаться отдельными решениями Евразийской экономической комиссии.

Ставки вывозных таможенных пошлин и перечень товаров, в отношении которых они применяются, в настоящее время устанавливаются на национальном уровне правового регулирования, то есть в правовых актах государств-членов ЕАЭС.

Так, в Российской Федерации ставки вывозных таможенных пошлин устанавливаются Правительством Российской Федерации. Одним из основных нормативных правовых актов в этой области является Постановление

Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 2068 «О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории ЕАЭС» [3].

Ставки таможенных пошлин подразделяются на:

1) Адвалорные ставки — исчисляются в процентах от таможенной стоимости товаров. Например, на имбирь недробленый и немолотый (код ТН ВЭД ЕАЭС 0910 11 000 0) установлена адвалорная ставка ввозной таможенной пошлины в размере 3 % от таможенной стоимости.

2) Специфические ставки — начисляются в установленном размере за единицу товара (евро или доллар за килограмм, литр, штуку и т. д.). Например, на свекловичный сахар для рафинирования (код ТН ВЭД ЕАЭС 1701 12 100 1) установлена специфическая ставка ввозной таможенной пошлины в размере 250 долларов США за 1000 кг.

3) Комбинированные ставки — сочетают оба вышеуказанных вида ставок, при этом уплате подлежит наибольшая из исчисленных сумм [4]. Например, на природные минеральные воды негазированные (код ТН ВЭД ЕАЭС 2201 10 110 0) установлена комбинированная ставка ввозной таможенной пошлины в размере 15 %, но не менее 0,07 евро за 1 л.

НДС и акцизы, являясь видами таможенных платежей, взимаются таможенными органами при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, делая продукцию отечественных производителей более конкурентоспособной.

Порядок начисления и взимания НДС и акцизов регулируется национальным законодательством государств-членов ЕАЭС. В Российской Федерации правила применения как НДС, так и акцизов установлены Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ) [5].

Ставки НДС закреплены в ст. 164 НК РФ и в зависимости от категории товара и (или) вида таможенной процедуры составляют 20 %, 10 % или 0 % от налоговой базы. Следует отметить, что налоговая база определяется как сумма таможенной стоимости товаров, таможенной пошлины и акцизов.

Например, ставка НДС 0 % применяется в отношении товаров, помещенных под таможенную процедуру «Свободная таможенная зона». Примером товаров, в отношении которых установлена ставка НДС 10 %, являются продовольственные товары (яйца, маргарин, хлеб, мука, продукты детского питания и др.). Ставка НДС 20 % применяется в случаях, не подпадающих под налогообложение по 0 % и 10 % налоговым ставкам.

Перечень подакцизных товаров закреплен в ст. 181 НК РФ. В него включены: этиловый спирт, пивное сусло, табачная продукция, лекарственные средства, автомобили легковые, дизельное топливо и др.

Ставки акцизов закреплены в ст. 193 НК РФ. К примеру, с 1 января по 31 декабря 2022 года включительно на вина установлена налоговая ставка 33 рубля за 1 литр, на сигары — 268 рублей за 1 штуку, на автомобили легковые с мощностью двигателя 90–150 л.с. налоговая ставка составляет 53 рубля за 1 л. с.

Таможенными сборами являются обязательные пла-

тежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, хранением товаров [6].

Ставки таможенных сборов устанавливаются нормативными правовыми актами государств-членов ЕАЭС. В Российской Федерации правовое регулирование данного вопроса отнесено к компетенции Правительства Российской Федерации. В этой связи были приняты:

- Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2018 года № 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2020 года № 342 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров».

Представляется необходимым привести примеры ставок по каждому из видов таможенных сборов.

За таможенные операции в отношении товаров, заявленных в таможенной декларации с общей таможенной стоимостью не более 200 тысяч рублей, взимается таможенный сбор в размере 775 рублей. Если таможенная стоимость товаров составляет от 200 тысяч рублей 1 копейки до 450 тысяч рублей, то в данном случае таможенный сбор будет уплачен в размере 1550 рублей.

Таможенный сбор за осуществление таможенного сопровождения одного автотранспортного средства или единицы железнодорожного подвижного состава на расстояние до 50 километров — 2000 рублей, от 51 до 100 километров — 3000 рублей. Вместе с тем, за осуществление таможенного сопровождения одного водного или воздушного судна таможенный сбор взимается вне зависимости от расстояния перемещения и составляет 20000 рублей.

В случае хранения товаров на складе временного хранения таможенного органа установлен таможенный сбор — 1 рубль с каждых 100 килограммов (как полных, так и неполных) веса товаров за каждый день хранения. При этом за хранение отдельных категорий товаров на специально оборудованных для этого помещениях по такому же принципу взимается 2 рубля.

Согласно статистическим данным ФТС России за 2021 год таможенными органами в федеральный бюджет перечислено 7 156 млрд рублей. По сравнению с аналогичным периодом 2020 года сумма доходов федерального бюджета, администрируемых ФТС России, увеличилась на 51 %, а именно 2 405 млрд рублей.

Таможенные платежи, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, составили 4 352 млрд рублей, что на 26 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. Платежи, взимаемые при вывозе товаров с таможенной территории ЕАЭС, в 2021 году составили 2 526 млрд рублей, то есть на 120 % больше, чем за предшествующий год [7].

В заключение следует отметить, что в настоящее время стратегической целью развития ФТС России является формирование качественно новой, насыщенной «ис-

кусственным интеллектом», быстро перенастраиваемой, «умной» таможенной службы [8]. В этой связи претерпевают изменения основные принципы администрирования таможенных платежей, осуществляется упрощение таможенных операций в целях соблюдения баланса интересов государства и участников ВЭД, создаются условия для:

- автоматизации таможенных операций по администрированию таможенных платежей;
- полномасштабного электронного взаимодействия таможенных органов с плательщиками таможенных платежей при осуществлении операций по их уплате;
- самостоятельного управления плательщиками таможенных платежей своими денежными средствами, отраженными на едином лицевом счете в «Личном кабинете участника ВЭД» и др.

Достижение обозначенных целевых ориентиров возможно без совершенствования правового регулирования института таможенных платежей посредством дальнейшей оптимизации процедуры уплаты и администрирования таможенных пошлин, налогов и иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы, а также унификации норм по применению таможенных платежей на уровне ЕАЭС в целом.

Список источников

1. Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13 декабря 2021. № 50 (часть I, II, III). ст. 8397.
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80 (ред. от 07.12.2021) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии». Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ett/Pages/default.aspx>.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 2068 «О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. 6 декабря 2021. № 49 (часть I). ст. 8255.
4. Закон РФ от 21 мая 1993 г. № 5003-I «О таможенном тарифе» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/summy-tamozhennyx-platezhej,-postupayushhix-v-byudzhet/document/322194>.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». URL: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategiya-razvitiya-fts-rossii-do-2030-goda>.

References

1. Federal Law № 390-FZ of December 6, 2021 «On the Federal Budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024» // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 13, 2021. № 50 (Part I, II, III). Article 8397.

2. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission № 80 dated 14.09.2021 (as amended on 27.12.2021) «On the Approval of the Unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union and the Single Customs Tariff of the Eurasian Economic Union, as well as on the Amendment and Invalidation of Certain Decisions of the Council of the Eurasian Economic Commission». The official website of the Eurasian Economic Commission. [Electronic resource].

URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ett/Pages/default.aspx>.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation № 2068 of November 27, 2021 «On the rates of export customs duties on goods exported from the Russian Federation outside the Customs Territory of the Eurasian Economic Union» // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 6, 2021. № 49 (Part I). Article 8255.

4. Law of the Russian Federation № 5003-I of May 21, 1993 «On Customs Tariff» [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

5. Part Two of the Tax Code of the Russian Federation of August 5, 2000 № 117-FZ [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

6. Federal Law № 289-FZ of 03.08.2018 «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

7. Official website of the Federal Customs Service [Electronic resource]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/summy-tamozhennyx-platezhej,-postupayushhix-v-byudzhet/document/322194>.

8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 23.05.2020 № 1388-r «On the Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030». URL: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategiya-razvitiya-fts-rossii-do-2030-goda>.

Информация об авторах

И. В. Веретенцева — старший преподаватель кафедры таможенного права Российской таможенной академии, кандидат юридических наук;

А. В. Зубач — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

Е. Е. Томила — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. V. Veretentseva — Senior Lecturer of the Department of Customs Law of the Russian Customs Academy, Candidate of Legal Sciences;

A. V. Zubach — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

E. E. Tomilina — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-70-75>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-489

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-688

Детерминанты распространения коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел в современных условиях

Станислав Евгеньевич Вородюхин¹, Виктория Александровна Лысенко², Виктор Викторович Васильев³

^{1,2,3} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ vorodyuhin-stani@mail.ru

² lisenko.vik.2013@yandex.ru

³ vorodyuhin-stani@mail.ru

Аннотация. Причины и условия коррупции нередко переплетены, их выявление затруднено в силу высокой латентности совершаемых деяний. К сожалению, коррупция в ОВД заметно снижает престиж службы и устанавливает больший «водораздел» между полицией и гражданским обществом, что прямым образом влияет на отсутствие положительной динамики в развитии принципа взаимодействия между ними. Изложенные в статье положения свидетельствуют о многогранности явления детерминации коррупции в органах внутренних дел, которая обуславливает необходимость его тщательного изучения. На макросоциальном уровне это детерминанты, носящие экономический, правовой, социальный, политический, идеологический характер. Наряду с вышеуказанными причинами и условиями коррупции в среде сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации можно выделить ещё несколько детерминантов микросоциального уровня, которые обусловлены специфическими условиями служебной деятельности, большим вниманием к деятельности сотрудников, провоцирующими психологические перегрузки, размытость моральных установок.

Ключевые слова: коррупция, детерминанты, противодействие коррупции, коррупционные преступления, сотрудники органов внутренних дел

Для цитирования: Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Детерминанты распространения коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 70–75. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-70-75>.

Original article

Determinants of the distribution of corruption behavior of employees of internal affairs bodies in modern conditions

Stanislav E. Vorodyuhin¹, Victoria A. Lysenko², Viktor V. Vasiliev³

^{1,2,3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

¹ vorodyuhin-stani@mail.ru

² lisenko.vik.2013@yandex.ru

³ vorodyuhin-stani@mail.ru

Abstract. The causes and conditions of corruption are often intertwined, and their identification is difficult due to the high latency of the acts committed. Unfortunately, corruption in the police department significantly reduces the prestige of the service and establishes a larger «watershed» between the police and civil society, which directly affects the lack of positive dynamics in the development of the principle of interaction between them. The provisions set out in the article testify to the versatility of the phenomenon of determining corruption in the internal affairs bodies, which necessitates its thorough study. At the macrosocial level, these are determinants that are of an economic, legal, social, political, and ideological nature. Along with the above reasons and conditions for corruption among employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, several more determinants of the micro-social level can be distinguished, which are due to the specific conditions of official activity, great attention to the activities of employees, provoking psychological overload, blurring of moral attitudes.

Keywords: corruption, determinants, counteraction to corruption, corruption crimes, law enforcement officers

For citation: Vorodyuhin S. E., Lysenko V. A., Vasiliev V. V. Determinants of the distribution of corruption behavior of employees of internal affairs bodies in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):70–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-70-75>.

© Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В., 2022

Коррупция — многомерное и многофакторное явление общественной жизни, охватывающее субъекты и объекты коррупционных отношений, влияние уровня и качества жизни населения и отдельных граждан, социальной макро- и микросреды, на которые накладываются острота обстоятельств для дающего и берущего, их боязнь ответственности и т. д.

Причины и условия коррупции нередко переплетены, их выявление затруднено в силу высокой латентности совершаемых деяний.

Комплексный характер указанного явления, с одной стороны, предопределяет интерес к нему широкого круга специалистов, среди которых криминологи, социологи, психологи, психиатры (в т. ч. девиантологи), историки и др., с другой, обуславливает необходимость комплексного подхода к его всестороннему изучению — и не только в органах публичной власти [4, с. 70–73], а во всех сферах его проявления.

Профессор-криминолог А. И. Долгова утверждает: для коррупции характерны, во-первых, общие детерминации и причинности преступности, а во-вторых — специфические. Она также относит детерминации и причинности, преимущественно связанные с государственной или иной службой [6, с. 501].

Постоянный член Совета Безопасности Российской Федерации С. Б. Иванов считает, что причины коррупции, а также последствия, которые она вызывает, представляют серьезную проблему для государства, так как ведут к снижению эффективности государственных институтов, деформируют основы общественного строя, резко ограничивают возможности закона в управлении государственными делами [10, с. 21].

Социолог, профессор Э. Л. Сидоренко, описывая различные модели исследования коррупции, выводит из них и соответствующие причины возникновения коррупции [11].

Так, экономическая модель исследования коррупции обосновывает возникновение и устойчивое существование бытовой коррупции. Согласно этой модели, в основе бытовой коррупции лежит экономическая выгода — и для государственного служащего, который предлагает соответствующую услугу, и для лица, которое эту услугу приобретает.

Экономическая выгода становится основной причиной и воспроизводства коррупции. Особый интерес представляет наблюдение автора, согласно которому, «вопреки ожиданиям, повышение уровня антикоррупционного образования чиновников приводит к повышению уровня коррупции. Данная закономерность подтверждает вывод о том, что коррупционное поведение в России является устойчивой формой поведения, а антикоррупционное образование используется чиновниками для усложнения и совершенствования преступных схем» [12, с. 12].

Как нам представляется, упование потенциально-го преступника-коррупционера на безнаказанность как следствие его самоуверенности, надежды на высокую степень латентности коррупционных правонарушений, является одним из основных факторов, определяющих внутренний мотив чиновника к совершению таких пре-

ступлений.

Коррупция в органах внутренних по своей структуре воспроизводит практически весь спектр коррупционно-опасных деяний. Тем самым, в очередной раз акцентируя внимание на необходимости всестороннего подхода, который позволит эффективно противодействовать ей. Одним из элементов всесторонности и является изучение причинного комплекса коррупции, и соответственно, выработка целостного спектра мер по его искоренению.

К сожалению, коррупция в ОВД заметно снижает престиж и авторитет службы и устанавливает больший «водораздел» между полицией и гражданским обществом, что прямым образом влияет на отсутствие положительной динамики в развитии принципа взаимодействия между ними. В свою очередь это является недопустимым, ведь взаимодействие с институтами гражданского общества является важнейшим фактором при эффективном достижении служебных задач.

Вышеизложенные положения свидетельствуют о многогранности явления детерминации коррупции в органах внутренних дел, которая обуславливает необходимость его тщательного изучения.

М. А. Багмет указывает, что при анализе причин коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции, приоритетным является выделение таких условий, которые в той или иной мере связаны с личностью и психологическим состоянием самого сотрудника. К числу таких условий он относит:

- несформированность соответствующего антикоррупционного поведения сотрудников ОВД и неумение правильно вести себя в той или иной ситуации;
- неправильное представление о корпоративной солидарности, проявляющееся в сокрытии фактов коррупции в служебных коллективах сотрудников полиции;
- недостаточная психологическая готовность, препятствующая принятию правильного решения;
- чрезмерная конформность в отношениях с непосредственным начальником;
- отсутствие жизненных навыков решения сложных профессиональных и личных проблем;
- несформированная психология принятия и исполнения решений, основанная на правовых нормах, морали и социальной справедливости;
- непреодолимое желание получить за свою работу именно ту сумму денег, за которую сам работник оценил свой труд, желание пополнить затраченные ресурсы, так называемый приятный звон монет в собственном кармане [1].

На сегодняшний день факторы, определяющие коррупцию в органах внутренних дел, разнообразны. Они формируются под влиянием всего многообразия негативных социальных явлений во всех сферах общественной жизни. Следует отметить, что профессионально-нравственная деформация является одним из существенных элементов причинного комплекса коррупционной преступности в органах внутренних дел [3, с. 138]. Однако в качестве условий, определяющих эти причины, высту-

пают негативные социальные явления — противоречия в экономической, социальной, политической и других сферах жизни общества [9].

Следует отметить, что морально-психологические качества личности сотрудника органов внутренних дел, совершившего коррупционное поведение, являются основными причинами коррупции в органах внутренних дел. Как считает М. В. Куценко: «все остальные детерминанты этого явления (экономические, социальные, политические, правовые, организационно-управленческие факторы) носят случайный и вторичный характер» [7, с. 308].

На основе всестороннего анализа причин и условий коррупционной преступности можно выделить следующие основные детерминанты, способствующие распространению коррупции среди сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, которые подразделяются на два уровня: макросоциальный и микросоциальный.

На макросоциальном уровне это детерминанты, включающие экономический, правовой, социальный, политический, идеологический характер.

Для всестороннего анализа необходимо проанализировать каждую группу детерминантов и степень их влияние на состояние антикоррупционной дисциплины в органах внутренних дел. Анализ детерминантов стоит начать с изучения правовой стороны рассматриваемого вопроса. В научной литературе можно встретить высказывания о пробелах в законодательной базе, о неурегулированности некоторых вопросов, связанных с антикоррупционным законодательством, а также в неоднородности правоприменительной практики. Но законодатель уверенно идет по пути искоренения коррупции среди сотрудников органов внутренних дел.

Поскольку важны все факторы, влияющие на деятельность сотрудников органов внутренних дел, особое значение приобретают детерминанты социального характера. Анализ научной литературы позволяет отнести к этой группе множество причин, одними из которых, хоть они встречаются все реже, являются низкий уровень образования, социальной ответственности, воспитания и другие негативные характеристики коррупционного деяния. Указанная напряженность создается постоянной нестабильностью их деятельности, что способствует неэффективному выполнению задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации.

К детерминантам экономического характера в первую очередь относится проблема материального обеспечения сотрудников. Безусловно, необходимо значительно увеличить заработную плату госслужащим, так как на фоне нынешних темпов инфляционных процессов особенно ощущается недостаток материального стимулирования работников.

Однако наиболее значимой причиной коррупционных правонарушений выступает простая человеческая жадность, которая заставляет хотеть человека все больше и больше, несмотря на все уже предоставленные блага. Именно эта жадность заставляет поступиться моральными принципами и нормами закона и вступить в число сотрудников-коррупционеров. Следует отметить,

что встречаются сотрудники с завышенной самооценкой, которые считают, что их деятельность недостаточно оценена, так как не соответствует, по их мнению, уровню выплачиваемого денежного содержания. Успешное выполнение служебных задач зависит в первую очередь от моральных и профессиональных качеств персонала. Важнейшие качества, которыми должны обладать сотрудники органов внутренних дел, — это порядочность, профессионализм и честность.

Детерминанты политического характера обусловлены определенным недоверием населения ко всем ветвям власти. Источниками этого являются многочисленные просчеты в управлении, его неэффективность, преобладание групповых и клановых интересов над общенациональными. Коррупции в правящих кругах благоприятствует распространению множеству мелких правонарушений на низших уровнях власти.

К детерминантам идеологического характера можно отнести отсутствие комплексной идеологии правоохранительной деятельности позитивного характера, распространение культа вседозволенности, наживы любой ценой, нивелирование нравственных основ общества и отсутствие четкой ценностной ориентации. В настоящее время коррупция в рядах правоохранительных органов имеет огромные негативные последствия, а главное, подрывает авторитет МВД среди населения. Расследования преступлений против коррумпированных сотрудников органов внутренних дел сразу же попадают в заголовки и сообщения СМИ. Такие новости, которые в последнее время все чаще, становятся «обыденными, привычными» формируют ошибочное мнение населения о коррумпированности всей системы МВД. Собственно истинные цели и задачи полиции в борьбе с преступностью также утрачиваются, если сотрудники не признают авторитет судебной власти и наказания виновного, а преследуют собственную выгоду для личного обогащения.

Наряду с вышеуказанными причинами и условиями коррупции в среде сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации можно выделить ещё несколько детерминантов микросоциального уровня, которые обусловлены специфическими условиями служебной деятельности, низким уровнем организации работы органов внутренних дел. К ним относятся такие организационно-управленческие факторы, как:

- неэффективная деятельность подразделений по обеспечению собственной безопасности в связи с большим объемом работы и общим количеством сотрудников всех органов;
- способность будущих сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации ввести в заблуждение при проверке психологической профессиональной готовности для поступления на службу;
- отсутствие должного контроля за работой сотрудников органов внутренних дел со стороны вышестоящего руководства отдельных подразделений и органов;
- низкое качество проработки должностных и служебных обязанностей сотрудников органов

внутренних дел Российской Федерации, недостаточная информированность сотрудника о его функциональных обязанностях;

- высокий уровень психологической и трудовой нагрузки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, неблагоприятное состояние морально-психологического климата в коллективе.

А. С. Быстрова и М. В. Сильвесторс полагают, что коррупционные действия, в зависимости от выбранного основания, позволяют их классифицировать в несколько разновидностей: бюрократическая и политическая коррупция; принудительная и согласованная коррупция; централизованная и децентрализованная коррупция; административно и уголовно наказуемые деяния; последние характеризуют, с одной стороны, отклоняющееся и преступное поведение (психологические аспекты), с другой стороны, меры ответственности — административно-правовая, гражданско-правовая или уголовно-правовая [2].

Многие ученые выделяют коррупцию среди рядового состава и коррупцию среди начальствующего состава. Каждая из представленных групп осуществляет свои определенные функции, и в соответствии с этими функциями законодатель наделил сотрудников каждой из них полномочиями, которые делают их компетентными для решения того или иного вопроса, в том числе и при взаимодействии с гражданами.

Рассмотрим каждый из указанных уровней и выделим основные причины, порождающие коррупцию на них. Первый - коррупция среди рядового состава, она является самой распространенной, а, следовательно, и самой опасной. Сущность этой опасности заключается в том, что потерпевшими часто становятся простые люди, как правило, не склонные к совершению преступлений, и ставшие заложниками ситуации.

Для рядовых граждан сотрудник полиции в первую очередь является представителем власти. Следовательно, при столкновении с такими негативными явлениями, как вымогательство и требования со стороны полиции, у людей возникает представление о нечистоплотности не только органов внутренних дел, но и всего государственного аппарата в целом. А это значит, что у населения искажаются представления о деятельности государственных структур, складывается атмосфера недоверия и неприязни, неверия в справедливое и законное решение своих проблем.

Опасность иного уровня коррупции возникает из-за того, что сотрудники, занимающие высокие должностные должности, которые лишь составляют субъектный состав данной категории, наделяются большей сферой власти. Как правило, представители этой категории обладают большим опытом работы и полной самоуверенностью, что в их собственных глазах делает их безнаказанными, то есть сотрудник, уверенный в своей защищенности от закона и непоколебимости, совершает преступление, забывая о правовых нормах и нормах морали.

Е. В. Красникова и Н. В. Павловская в своем исследовании приходят к выводу, что с учетом специфики кор-

рупционной преступности, в числе основных причин, обуславливающих недостатки оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования, эксперты отмечают недостаточную квалификацию сотрудников правоохранительных органов [5, с. 62].

Анализ, сложившейся в настоящее время ситуации позволяет сделать вывод о том, что вопросы кадровой политики в ведомстве начинают выходить на первый план. Именно грамотный подбор кадров, воспитательная и морально-психологическая работа способствует эффективной борьбе с коррупционными преступлениями, созданию благоприятной атмосферы в коллективе.

В процессе изучения проблемы определяется еще одна причина совершения коррупционных преступлений. Когда в коллектив приходит молодой сотрудник, в нём уже установлены свои правила и порядки. И когда новоиспечённый полицейский видит, что его старшие товарищи берут взятки, совершают вымогательства и т. д., то у него возникает мысль о том, что если он будет вести себя так же, как и все, то лучше получится вписаться в коллектив, быть своим.

Однако возможен и другой вариант событий, когда нового сотрудника просто вынуждают вести себя идентично остальным в коллективе. Возникает условие «или ты с нами, или против нас», которое подталкивает его на совершение каких-либо преступлений. В такой ситуации очень важна психологическая подготовленность сотрудника, готовность к трудностям. Естественно, если у него сформировавшаяся моральная позиция, отношение к закону, то ничто не позволит склонить такого полицейского к нарушению закона. В связи с этим возникает необходимость еще раз отметить, что причиной многих преступлений становится недостаточная психологическая подготовка отдельных сотрудников, которая просто не позволяет достойно противостоять трудностям.

Стоит отметить, что все перечисленные выше факторы, так или иначе связаны с наличием ошибок в организации деятельности органов внутренних дел, которые относятся к объективным причинам. Однако к факторам риска, склоняющим правоохранителей к противоправному поведению, следует отнести и субъективные причины, которые в большей мере связаны с личностью правонарушителя. Такими причинами являются: корысть, алчность; чувство безнаказанности, придаваемое особым положением или наличием покровителей; психологическая неустойчивость сотрудников и их неумение решительно действовать в условиях возможности совершения коррупционного правонарушения [8, с. 195].

Проанализировав детерминанты распространения коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел в современных условиях, предлагаем их выделить в общую классификацию:

1. Недостаточная социальная защищенность сотрудников ОВД, прежде всего в материальном плане.
2. Проблемы в кадровом подборе.
3. Недостатки в подготовке и организации воспитательной работы с личным составом ОВД.

Практика показывает, что руководство заинтересовано в решении рассматриваемой проблемы. Подтверж-

дением этого служат многочисленные рекомендации, программы, нормативно-правовое регулирование деятельности в этом направлении. Важным, на наш взгляд, является принятое недавно решение Президента РФ В. В. Путина о введении, как в Министерстве внутренних дел, так и в территориальных органах, должности заместителя руководителя по кадрам [13]. Эта реформа, безусловно направлена как для борьбы с коррупцией в органах внутренних дел, так и для укрепления моральной устойчивости полицейских в современных условиях.

Сейчас в России наблюдается тенденция строгого наказания коррумпированных полицейских. Пойманных на взятках сотрудников карают не только значительными суммами штрафа, но и большими сроками лишения свободы.

Однако целесообразно учитывать изобретательность и коварство коррупционеров и бороться с ними нужно с помощью единой государственной антикоррупционной политики.

Важно отметить, что антикоррупционные меры должны носить системный, соразмерный, организованный и своевременный характер. Нужно уделять особое внимание противодействию коррупции, предотвращению конфликта интересов и детальнее заниматься комплектованием кадрового потенциала. Что касается последнего, то Министр внутренних дел РФ В. А. Колокольцев, выступая в этом году на расширенном заседании коллегии МВД России, подчеркнул, что самая серьёзная проблема — значительный некомплект. Такая негативная тенденция активизирует дальнейший отток кадров, поскольку в условиях некомплекта оставшиеся сотрудники вынуждены работать с дополнительной нагрузкой [14].

Таким образом, анализ коррупционных проявлений в органах внутренних дел Российской Федерации позволяет выделить основные детерминанты — причины и условия, способствующих возникновению данного негативного явления. В результате исследования был обозначен широкий круг детерминантов. На макросоциальном уровне это детерминанты, носящие экономический, правовой, социальный, политический, идеологический характер. Наряду с вышеуказанными причинами и условиями коррупции в среде сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации можно выделить ещё несколько детерминантов микросоциального уровня, которые обусловлены специфическими условиями служебной деятельности, большим вниманием к деятельности сотрудников, провоцирующих психологические перегрузки, размытость моральных установок. Последствия коррупционных действий, которые совершают сотрудники ОВД, наносят существенный моральный ущерб всей ведомственной системе. Во-первых, это отражается на репутации Министерства внутренних дел РФ, во-вторых, накладывает отрицательный отпечаток на деятельность всех государственных органов. Кроме того, к числу основных последствий следует отнести то обстоятельство, что коррумпированность сотрудников мешает выполнению основных оперативно-служебных задач.

Список источников

1. Багмет М. А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Багмет М. А. М., 2014. 22 с.
2. Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Феномен коррупции : некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 1. С. 83–101.
3. Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Профессионально-нравственная деформация как фактор коррупции в органах внутренних дел // Философия права. 2021. № 4 (99). С. 133–139.
4. Кашкаров А. А. Системный подход как метод изучения коррупционной преступности в органах публичной власти // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (40). С. 70–73.
5. Красникова Е. В., Павловская Н. В. Мониторинг состояния коррупционной преступности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 59–65.
6. Криминология : учебник для юридических вузов / Под общей ред. А. И. Долговой. 4-е издание перераб. и допол. М. : НормаИНФРА-М, 2019. 1008 с.
7. Куценко М. В. Причины и условия совершения коррупционных преступлений сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 307–310.
8. Макаров А. А. Коррупция в системе органов внутренних дел. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Московский ун-т. М. : NOTA BENE, 2009. 187 с.
9. Малахова Т. А. К вопросу о детерминации коррупции в ОВД России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3 (94). С. 42–47.
10. Противодействие коррупции : новые вызовы : монография / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. 384 с.
11. Сидоренко Э. Л. Мониторинг коррупции в России : первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 155–162.
12. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел : учебное пособие / И. Ф. Амельчаков, В. А. Лысенко, С. Е. Вородюхин [и др.]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. 116 с.
13. Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2022 г. № 353 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206060002>.
14. Расширенное заседание коллегии МВД России

17 февраля 2022 года // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795.

References

1. Bagmet M. A. Countering police corruption (a criminological study). Abstract dis. ... cand. legal sciences / Bagmet M. A. M., 2014. 22 p.
2. Bystrova A. S., Silvestros M. V. The Phenomenon of Corruption : Some Research Approaches // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. V. 3. № 1. P. 83–101.
3. Vorodyukhin S. E., Lysenko V. A., Vasiliev V. V. Professional and moral deformation as a factor of corruption in internal affairs bodies // Philosophy of Law. 2021. № 4 (99). P. 133–139.
4. Kashkarov A. A. A systematic approach as a method for studying corruption crimes in public authorities // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (40). P. 70–73.
5. Krasnikova E. V., Pavlovskaya N. V. Monitoring the state of corruption crime in the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. № 4 (72). P. 59–65.
6. Criminology : a textbook for law schools / Ed. A. I. Dolgova. 4th edition revised. and add. M. : Norma INFRA-M, 2019. 1008 p.
7. Kutsenko M. V. Causes and conditions for committing corruption crimes by employees of internal affairs bodies // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (39). P. 307–310.
8. Makarov A. A. Corruption in the system of internal affairs bodies. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow University. M. : NOTA BENE, 2009. 187 p.
9. Malykhina T. A. On the issue of determining corruption in the Russian police department // Siberian Legal Bulletin. 2021. № 3 (94). P. 42–47.
10. Anti-corruption : new challenges : monograph / S. B. Ivanov, T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Chikhanchin [and others]; resp. ed. T. Ya. Khabrieva. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2016. 384 p.
11. Sidorenko E. L. Monitoring of corruption in Russia : first results and prospects // Library of criminal law and criminology. 2015. № 2 (10). P. 155–162.
12. Formation of anti-corruption behavior of employees and employees of internal affairs bodies : study guide / I. F. Amelchakov, V. A. Lysenko, S. E. Vorodyukhin [i dr.]. Belgorod : Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina, 2020. 116 p.
13. Decree of the President of the Russian Federation № 353 of June 6, 2022 «On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 4 of Decree of the President of the Russian Federation № 1468 of December 24, 2009 «On Measures to Improve the Activities of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206060002>.
14. Extended meeting Collegia of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 17, 2022 // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795.

Информация об авторах

С. Е. Вородюхин — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук;

В. А. Лысенко — начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Васильев — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

S. E. Vorodyuhin — Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences;

V. A. Lysenko — Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. V. Vasiliev — Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-76-81>

ИДОН: 2003-0059-6/22-490

MOSURED: 77/27-003-2022-06-689

Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства

Руслан Баширович Гандалоев^{1,2}

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, RusSud@bk.ru

² Ингушский государственный университет, Магас, Республика Ингушетия, Россия

Аннотация. Официальная дефиниция гражданства, закрепленная в рамках актуального отечественного правового поля, основывается на классическом определении, разработанном и зафиксированном в последнем периоде функционирования советского государства.

Ключевые слова: гражданство, государство, декларация прав человека, Конституция Российской Федерации, Закон о гражданстве

Для цитирования: Гандалоев Р. Б. Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 76–81. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-76-81>.

Original article

Modern norms of law on the concept, features, methods of emergence and termination of citizenship

Ruslan B. Gandaloev^{1,2}

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, RusSud@bk.ru

² Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia, Russia

Abstract. The official definition of citizenship, fixed within the framework of the current domestic legal field, is based on the classical definition developed and fixed in the last period of the functioning of the Soviet state.

Keywords: citizenship, state, declaration of human rights, Constitution of the Russian Federation, Law on Citizenship

For citation: Gandaloev R. B. Modern norms of law on the concept, features, methods of emergence and termination of citizenship. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):76–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-76-81>.

Определяясь в качестве условия обретения полной совокупности прав и обязанностей, обеспечиваемых публично-властным субъектом, гражданство при этом понимается как объект значимого и ценного права индивида, обуславливающего взаимосвязь такого субъекта с внешней действительностью, нацией, отдельной социальной общностью, представителем которых он выступает.

Как справедливо отмечает А. С. Курганова, гражданство предопределяет установление крепкой правовой связи, образующейся между конкретным индивидом, с одной стороны, и публично-властным субъектом, с другой, обеспечивающей каждому из ее участников возможность реализации всей совокупности преимуществ, обуславливаемых взаимно действующими правами и обязанностями сторон. Потенциальная возможность конкретного субъекта к обретению полной совокупности прав, обуславлива-

емой отдельным публично-властным субъектом и гарантируемой им не только в рамках внутригосударственной территории, но и при транснациональных взаимодействиях, предопределяется необходимостью наличия соответствующего гражданства [1, с. 121].

Таким образом, можно констатировать, что исследуемый институт является автономным и межотраслевым, в центре структуры которого представлены конституционно-правовые положения.

В Российской Федерации, согласно ст. 2 Закона о гражданстве, правовую основу гражданства составляют Конституция РФ, международные договоры РФ, закон о гражданстве, а также иные нормативно-правовые акты, которые принимаются в соответствии с указанными документами.

Поскольку преимущественное значение по отно-

шению к внутригосударственному отечественному законодательству принадлежит международно-правовым соглашениям, что закрепляется ст. 15 Конституции РФ, при анализе правовой базы исследуемого в настоящей работе института следует обратить первичное внимание именно на международно-правовые положения.

Среди значимых международных документов, чьи нормы направлены на регулирование вариативных аспектов гражданства, определяются, в частности:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (п. 1 ст.15) [2].

2. Международный пакт о гражданских и политических правах принятый резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН Нью-Йорке (п. 3 ст. 24) [3].

3. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (п. 2 ст. 7) [4].

4. Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г. [5].

Представленные принципы формируют своей совокупностью соответствующий правовой фундамент отечественного института гражданства, обуславливая потребность соотнесенности с ними конкретных национальных правил, регламентирующих вариативные его аспекты.

В целом, в контексте значительного числа государств, содержание норм, объединенных международно-правовыми документами, отличается универсальным характером, подлежащим последующей детализации в рамках отдельных внутригосударственных законодательств.

Кроме того, особое значение принадлежит соглашениям, оформленным между отечественным государством и другими странами, предусматривающим регламентацию некоторых аспектов анализируемого понятия (например, двойного гражданства и пр.).

Перейдем к непосредственным положениям отечественного внутригосударственного законодательства, закрепляющим нюансы регулирования отечественного гражданства. Прежде всего, сфокусируем внимание на конституционно-правовых отечественных нормах.

Исходя из содержания ст. 6 Основного Закона РФ, в представленной норме определяются и фиксируются фундаментальные начала рассматриваемого института. Так, согласно ч. 1 обозначенного положения, источником обретения и прекращения отечественного гражданства является особый федеральный акт. Иными словами, регламентация представленных аспектов должна закрепляться соответствующим специальным законом. Согласно ч. 2 анализируемой нормы, все отечественные граждане в рамках территориального пространства нашей страны наделены полной совокупностью прав и свобод, зафиксированных внутригосударственным законодательством. Одновременно закрепляется принцип равенства указанных субъектов.

Следующим значимым в исследуемом контексте конституционно-правовым положением определяется ст. 62, нормы которой посвящены аспектам регулирования двойного гражданства. Согласно ч. 1 обозначенного положения, устанавливается зависимость между правом

отечественного гражданина иметь одновременно гражданство другой страны, и законодательно зафиксированной возможностью такого права. Две последующих части рассматриваемой нормы закрепляют исходный фундамент правового статуса отдельных категорий субъектов (в частности, иностранцев, апатридов, а также индивидов с двойным гражданством).

Компетенция определения и закрепления аспектов гражданства закрепляется ст. 71 Конституции РФ. Так, представленный момент относится к полномочиям публично-властного субъекта.

Значимая роль в общей совокупности отечественного внутригосударственного законодательства в исследуемой сфере принадлежит специальному акту, представляющему собой Закон о гражданстве [6, с. 103].

Помимо Закона о гражданстве, важная роль в регулировании вопросов гражданства РФ принадлежит другим федеральным законам, в частности, Федеральному закону от 02 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [7], Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [8], Федеральному закону от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и др [9].

Несомненное значение в аспектах регламентации анализируемого института принадлежит подзаконным актам (в частности, указам Президента РФ и постановлением Правительства РФ). Так, выделим Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» [10]. Ведущей направленностью вышеобозначенного акта определяется закрепление списка документов, требуемых для решения некоторых аспектов отечественного гражданства.

Следующими важными документами исследуемой сферы выступают Указ Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1318 «Об утверждении Положения о комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации и ее составе» [11]; Постановление Правительства РФ от 22 августа 1998 г. № 1003 «Об утверждении Положения о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию» [12].

Неизменным значением также отличаются документы, сформированные другими публично-властными органами. Одновременно отметим существенную важность отдельных судебных актов (в частности, сформулированных КС РФ).

Не преминем выделить отдельные правовые документы, закрепляющие своими положениями нюансы регулирования конкретных аспектов отечественного гражданства (в частности, Федеральный закон 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [13] и пр.).

Процесс исследования правовой регламентации, предусмотренной в рамках института гражданства, не

будет полным без учета аспекта, связанного с путями и условиями ее возникновения и прекращения.

Суть соответствующих оснований, обуславливающих возможность обретения отечественного гражданства, представлена юридическими фактами, наличие которых позволяет установить правовую связь между конкретным индивидом, с одной стороны, и отечественным публично-властным субъектом, с другой [14, с. 52].

Специальный законодательный акт, представленный нами выше, определяет и закрепляет несколько способов, доступных к использованию для обретения отечественного гражданства. Первый из таких способов предусматривает обусловленность такого гражданства рождением; следующий предполагает соответствующий прием субъекта в отечественное гражданство; третьим способом определяется восстановление; последний вариант объединяет иные основания (ст. 11).

Рассмотрим их более подробно. Первое из вышеприведенных оснований предусматривает обусловленность отечественного гражданства рождением. Выделяют несколько принципов его фиксации, в частности:

- первый из них условно называется «право почвы», предусматривая наделение ребенка гражданством страны, на территории которой произошло его рождение;
- следующий условно именуется «право крови», предусматривая наделение ребенка тем же гражданством, которое присутствует у его родителей;
- последним определяется смешанный принцип, комбинирующий в себе совокупность первых двух. Положениями ст. 12 Закона о гражданстве закрепляется непосредственно смешанный принцип.

Согласно нормам отечественного внутригосударственного законодательства, конкретная дата, связанная с обретением гражданства по первому из рассматриваемых оснований, полностью совпадает с датой рождения. Особо подчеркнем, что положения актуального законодательства РФ не обуславливают автоматического обретения ребенком отечественного гражданства исключительно по причине его рождения на территории данной страны.

В частности, в ситуации, когда оба родителя такого ребенка относятся к категории иностранцев, неотъемлемым условием обретения данным субъектом отечественного гражданства определяется тот факт, что страна их гражданства не дает соответствующего гражданства рожденному ими ребенку (п. «г» ч. 1 ст. 12 Закона о гражданстве).

Вторым из анализируемых оснований определяется прием субъекта в отечественное гражданство. В данном случае, предусматривается потребность подачи таким лицом специального заявления, соответствующего критериям, зафиксированным Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации [10].

Третье основание предусматривает восстановление в отечественном гражданстве. Такая процедура распространяется на находящихся на российской территории

иностранцев и апатридов, которые прежде являлись гражданами РФ, однако впоследствии инициировали выход из такого гражданства. Для указанных субъектов применяется общий порядок, предусмотренный для приема в отечественное гражданство, при одновременном действии сокращенного временного периода его получения (ст. 15 Закона о гражданстве). Неотъемлемым условием использования рассматриваемого основания определяется наличие доказательств, что такие лица ранее являлись гражданами РФ.

Среди последнего основания, представленного категорией «иные», определяется выбор гражданства в случае, когда текущая госграница отечественного государства подвергается изменению, обуславливаемому международным соглашением. Именно в рамках такого соглашения закрепляются правила непосредственного осуществления субъектами, находящимися на территориальном пространстве, изменившем исходную государственную принадлежность, права на выбор соответствующего гражданства.

Вышепредставленный выбор именуется оптацией, базирующейся на принципе изменения народонаселения изначального гражданства после соответствующего изменения территории [15, с. 92]. Традиционно, временной промежуток реализации оптации, характеризуется определенным ограничением своей продолжительности (как правило, 2–3 года).

В рамках оптации применению подлежит упрощенный вариант процедуры получения гражданства. Исключение лишних сложностей обуславливается пониманием непростой текущей ситуации, при которой происходит разделение территориального пространства, где проживает местное народонаселение. Для соответствующего волеизъявления в рассматриваемых обстоятельствах достаточно оставаться в пределах прежнего местонахождения. При несогласии с оптацией, субъект вправе выехать с территорией, которая стала иным государством чем ранее. Традиционно, большая часть такого населения отдает предпочтение сохранению прежнего места жительства и реализации оптации, что обуславливается с привычным укладом существования и функционирования, наличием в собственности недвижимости, знакомств и пр.

В качестве наглядного варианта анализируемого основания выступает Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым [16]. В рамках отмеченного соглашения предусматривалось право оптации. При этом в такое право были внесены некоторые корректировки, предопределенные соответствующей политической ситуацией. В частности, ст. 5 исследуемого документа, украинским гражданам, которые перманентно проживали на указанной территории, предоставлялось право сохранения соответствующего гражданства.

Таким образом, право оптации является актуальным правовым институтом, обеспечивающим защиту прав, находящихся у местного народонаселения в случаях изменения границ территориального пространства, при которых соответствующим образом изменяется их юрисдикция.

Анализируемое в рамках настоящей работы гражданство, отображающее правовую связь, возникающую между индивидом, с одной стороны, и публично-властным субъектом, с другой, находится под охраной, обеспечиваемой законодательными гарантиями, фиксируемыми как конституционно-правовыми нормами, так и механизмами транснациональной защиты, выражающимися в запрете его лишения.

Дефиниция лишения гражданства подразумевает направленное действие, реализуемое публично-властным субъектом, состоящее в прекращении вышеобозначенной правовой связи посредством подписания соответствующего акта, без акцентуации внимания на желание самого индивида. Иными словами, речь идет об определенной санкции [14, с. 66–67].

В рамках актуального отечественного правового поля дифференцируются термины «лишение гражданства», с одной стороны, и «отмена решения о его приобретении», с другой. Так, первый вариант находится под запретом (этот момент отображен в ч. 3 ст. 6 Конституции РФ), тогда как второй допускается (этот момент отображен в ст. 22 Закона о гражданстве). Тем не менее, в контексте правоприменения сохраняется актуальность дифференциации обозначенных понятий. Так, в 2011 г. КС РФ анализировал вопрос, связанный с определением соответствия норм, закрепленных ст. 22 Закона о гражданстве положениям ч. 3 ст. 6 Конституции РФ. В рамках данного рассмотрения, КС РФ акцентировал внимание на том моменте, что оспариваемое положение закрепляет возможность отмены исключительно решения, обуславливающего обретение субъектом гражданства, но не нивелирования самого гражданства. Иными словами, ст. 22 начинает действовать в ситуациях, когда исходно не существовало легальных оснований для обретения субъектом отечественного гражданства [17].

Перечень оснований, обуславливающих возможность прекращения гражданства, зафиксирован положениями ст. 18 Закона о гражданстве. Суть соответствующих оснований представлена юридическими фактами, наличие которых позволяет прекратить правовую связь между конкретным индивидом, с одной стороны, и отечественным публично-властным субъектом, с другой [18]. Субъект, в отношении которого отечественное гражданство было прекращено, получает статус иностранца.

Одним из рассматриваемых оснований назван выход из отечественного гражданства, порядок реализации которого дифференцируется на общий и специальный.

Так, первый вариант объявляет необходимость наличия ряда неперемennых условий, в частности:

- соответствие волеизъявления субъекта принципу добровольности;

- отсутствие у такого лица обстоятельств, относимых к категории препятствующих возможности выхода, а именно:

- первым обстоятельством определяется закрепление за субъектом, инициировавшим выход, обязательства, предопределенного отечественным внутригосударственным законодательством, и не получившего соответствующего исполнения;

- следующим обстоятельством определяется привлечение субъекта, инициировавшего выход, как обвиняемого по возбужденному уголовному, а равно наличие в отношении такого лица обвинительного приговора;
- последнее обстоятельство предполагает отсутствие у субъекта, инициировавшего выход, другого гражданства и непосредственных гарантий получения такового.

Аналогичные основания установлены в ч. 2 ст. 19 Закона о гражданстве для выхода из гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке.

Другим основанием в данном контексте определяется категория «иные», зафиксированные Законом о гражданстве, либо международным соглашением РФ.

Согласно нормам, объединенным вышеназванным специальным законом, среди таких оснований предусматривается оптация.

Список источников

1. Курганова А. С. Гражданство как один из основополагающих элементов конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации / А. С. Курганова // Ученые записки. 2019. № 1 (29).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Библиотека Российской газеты. 1999. № 22–23.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
4. Конвенция о правах ребенка. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 20.11.1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
5. Европейская конвенция о гражданстве (Страсбург, 6 ноября 1997 г.) ETS № 166 // СПС КонсультантПлюс.
6. Ворошилова О. Н. История развития института гражданства в России на современном этапе (анализ ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г.) / О. Н. Ворошилова // Успехи современной науки и образования. 2018. № 11.
7. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.
8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 01.04.2022) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
9. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 04.03.2022) // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
10. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» (ред. от 16.08.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4571.
11. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1318 «Об утверждении Положения о

комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации» (ред. от 25.08.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4570.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2010 г. № 370 «Об утверждении Положения о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию» // СЗ РФ. 2010. № 23. Ст. 2832.

13. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

14. Смирнова Е. С. Институт гражданства в современном мире : коллизии и перспективы конституционного и международно-правового регулирования / Е. С. Смирнова. М. : ТДДС-Столица-8, 2017.

15. Кикоть В. Я., Прудников А. С., Zubov И. Н. и др. Российское гражданство : учебное пособие / В. Я. Кикоть, В. Н. Калинин, И. Н. Zubov и др. : под ред. В. Я. Кикот. М. : Юнити-Дана, 2017.

16. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Москва, 18 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1570.

17. Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 554-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Сулова Мераби Отаровича на нарушение его конституционных прав статьей 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»» // СПС КонсультантПлюс.

18. Жеребцов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» / А. Н. Жеребцов, А. В. Семенов, А. В. Сивопляс и др. Специально для системы ГАРАНТ, 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/57206259/>

References

1. Kurganova A. S. Citizenship as one of the fundamental elements of the constitutional and legal status of an individual in the Russian Federation / A. S. Kurganova // Scientific notes. 2019. № 1 (29).

2. The Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by Resolution 217 A (III) of 10.12.1948) // Biblioteka Rossiyskaya Gazeta. 1999. № 22–23.

3. International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 16.12.1966) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 17. Art. 291.

4. Convention on the Rights of the Child. Adopted by the UN General Assembly on 20.11.1989 // Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

5. European Convention on Nationality (Strasbourg, November 6, 1997) ETS № 166 // SPS ConsultantPlus.

6. Voroshilova O. N. The history of the development

of the institute of citizenship in Russia at the present stage (analysis of the Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation» dated May 31, 2002) / O. N. Voroshilova // Successes of modern Science and Education. 2018. № 11.

7. Federal Law № 99-FZ of May 24, 1999 «On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad» (ed. dated 23.07.2013) // SZ RF. 1999. № 22. Art. 2670.

8. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 «On Legal the situation of foreign citizens in the Russian Federation» (ed. from 01.04.2022) // SZ RF. 2002. № 30. Art. 3032.

9. Federal Law of August 15, 1996 № 114-FZ «On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation» (ed. from 04.03.2022) // SZ RF. 1996. № 34. Art. 4029.

10. Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2002 № 1325 «On approval of the Regulations on the Procedure for consideration of issues of citizenship of the Russian Federation» (ed. of 16.08.2021) // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4571.

11. Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2002 № 1318 «On approval Regulations on the Commission on Citizenship Issues under the President of the Russian Federation» (ed. of 25.08.2021) // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4570.

12. Resolution of the Government of the Russian Federation № 370 of May 31, 2010 «On approval of the Regulations on the Provision of Assistance in Returning to the Russian Federation to Citizens of the Russian Federation who find themselves on the Territory of a foreign state without means of subsistence» // SZ RF. 2010. № 23. Art. 2832.

13. Federal Law № 109-FZ of July 18, 2006 «On Migration Registration of foreign Citizens and stateless persons in the Russian Federation» (ed. of 24.02.2021) // SZ RF. 2006. № 30. Art. 3285.

14. Smirnova E. S. Institute of citizenship in the modern world : collisions and prospects of constitutional and international legal regulation / E. S. Smirnova. M. : TDDStolitsa-8, 2017.

15. Kikot V. Ya., Prudnikov A. S., Zubov I. N. et al. Russian citizenship : textbook / V. Ya. Kikot, V. N. Kalinin, I. N. Zubov, etc. : edited by V. Ya. Kikot. M. : Unity-Dana, 2017.

16. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation (Moscow, March 18, 2014) // SZ RF. 2014. № 14. Art. 1570.

17. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 21, 2011 № 554-О-О «On refusal to accept for consideration the complaint of Suslov Merabi Otarovich for violation of his constitutional rights by Article 22 of the Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus.

18. Zhrebtsov A. N. Commentary to Federal Law № 62-FZ of May 31, 2002 «On Citizenship of the Russian Federation» / A. N. Zhrebtsov, A. V. Semenov, A. V. Sivoplyas, etc. Specially for the GARANT system, 2017 [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/57206259/>

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
2. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2015. 656 с.
3. Албогачиев А. А. Институт гражданства в историческом развитии / А. А. Албогачиев, Р. Б. Гандалоев // Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 2. С. 61–67.
4. Алиева Л. Ф. Основные этапы эволюции института гражданства России / Л. Ф. Алиева // Академическая публицистика. 2020. № 12. С. 283–289.
5. Гандалоев Р. Б. Правовая природа понятия «Гражданство» : сравнительно-терминологический анализ / Р. Б. Гандалоев // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 243–247.
6. Гандалоев Р. Б. Институт гражданства в Российской Федерации : политико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Р. Б. Гандалоев. М., 2014. 23 с.
7. Дадаева Э. Ю. Эволюция становления и развития института гражданства России / Э. Ю. Дадаева // Реализация конституционных принципов в современном законодательстве России : сборник трудов научной конференции. Махачкала : Наука плюс, 2018. С. 111–115.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. № 144.
2. Avakian S. A. Constitutional lexicon : state-legal terminological dictionary / S. A. Avakian. M. : Justicinform, 2015. 656 p.
3. Albogachiev A. A. Institute of citizenship in historical development / A. A. Albogachiev, R. B. Gandaloiev // Socio-humanitarian review. 2020. № 2. P. 61–67.
4. Alieva L. F. The main stages of the evolution of the Institute of citizenship of Russia / L. F. Alieva // Academic journalism. 2020. № 12. P. 283–289.
5. Gandaloiev R. B. The legal nature of the concept of «Citizenship» : comparative terminological analysis / R. B. Gandaloiev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 12. P. 243–247.
6. Gandaloiev R. B. Institute of Citizenship in the Russian Federation : political and legal analysis : abstract. dis. ... candidate of Political Sciences. Sciences : 23.00.02 / R. B. Gandaloiev. M., 2014. 23 p.
7. Dadaeva E. Y. Evolution of the formation and development of the institute of citizenship of Russia / E. Y. Dadaeva // Implementation of constitutional principles in modern legislation of Russia : proceedings of the scientific conference. Makhachkala : Nauka Plus, 2018. P. 111–115.

Информация об авторе

Р. Б. Гандалоев — научный сотрудник Центра мониторинга законодательства и правоприменения Института законотворчества Саратовской государственной юридической академии, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ингушского государственного университета, кандидат политических наук.

Information about the author

R. B. Gandaloiev — Researcher of the Center for Monitoring Legislation and the Law of Application of the Lawmaking Institute of the Saratov State Law Academy, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Ingush State University, Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.140.02
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-82-87>
NPION: 2003-0059-6/22-491
MOSURED: 77/27-003-2022-06-690

Актуальные направления совершенствования расследования преступлений в сфере информационных технологий

Владимир Владимирович Гончар

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v_gonchar@list.ru

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы расследования преступлений в сфере информационных технологий, выявленные из исследования анализа правоприменительной практики в 2021 г., предложены пути их решения. Особое внимание уделено предложениям по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего данную деятельность.

Ключевые слова: расследование киберпреступлений, противодействие киберпреступности, киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в сфере информационных технологий, информация, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии, информационные технологии

Для цитирования: Гончар В. В. Актуальные направления совершенствования расследования преступлений в сфере информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 82–87. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-82-87>.

Original article

Current directions for improving the investigation of crimes in the field of information technology

Vladimir V. Gonchar

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v_gonchar@list.ru

Abstract. The main problems of investigating crimes in the field of information technology identified from the study of the analysis of law enforcement practice in 2021 are considered and solutions are suggested. Particular attention is paid to proposals for improving the current legislation regulating this activity.

Keywords: investigation of cybercrimes, countering cybercrime, cybercrime, computer crimes, crimes in the field of information technology, information, computer information, information and telecommunication technologies, information technologies

For citation: Gonchar V. V. Current directions for improving the investigation of crimes in the field of information technology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):82–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-82-87>.

Стремительное развитие информационных технологий в значительной степени связано с рисками роста числа преступлений, совершаемых с их использованием, масштабы которых свидетельствуют о наличии угрозы для государственной и общественной безопасности.

Показательно, что за 5 лет уровень преступности в данной сфере увеличился с 90587 в 2017 г. до 517722 в 2021 г. Намечившаяся негативная тенденция подтверждается увеличением с 4,4 % в 2017 г. до 25,8 % в 2021 г. удельного веса таких преступлений в общем числе зарегистрированных [1].

Совокупность проблем, с которыми сталкиваются

уполномоченные государственные органы и должностные лица при квалификации противоправных деяний и их расследовании, обусловлена целым рядом обстоятельств, характер которых определяется не только издержками складывающейся правоприменительной практики, но и отсутствием единообразных подходов к пониманию сущности и содержания значительного массива преступлений, которые при отсутствии терминологической определенности не имеют (на данном этапе) единообразного наименования.

Сложившиеся обстоятельства социально-экономического характера, обусловленные распространением и

преодолением последствий новой коронавирусной инфекции Covid-19 создали дополнительные условия для усиления криминальной активности, связанной с использованием IT технологий.

В массиве преступлений данной категории, зарегистрированных в 2021 г., около 75 % составляют дистанционные хищения, совершенные с банковских карт, с использованием сети Интернет и средств мобильной связи, квалифицируемые по ст.ст. 158 и 159 УК РФ.

Раскрываемость таких преступлений по-прежнему не высока и по итогам 2021 г. составила 25 %.

Анализ практики расследования IT преступлений позволяет сделать вывод, что в 2021 г. в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19, рост преступлений рассматриваемой категории произошел исключительно из-за дистанционных хищений.

Участились случаи звонков из «службы безопасности банка» о совершении подозрительных операций. Хищение денежных средств лицами, представившимися «сотрудниками кредитных организаций», совершенное под предлогом предотвращения «списания» денежных средств со счета банковской карты (накопительного счета) потерпевшего третьими лицами либо активации бонусной программы кэшбека. В данной ситуации преступники получают персональные данные потерпевшего, после чего осуществляют переводы, совершают покупки со счета банковской карты или накопительного счета пострадавшего.

В 2021 г. получил распространение новый вид хищений при звонке от лица «сотрудника правоохранительных органов». Преступники, используя ранее похищенные базы данных, звонят пострадавшему, обращаются по фамилии имени отчеству, сообщают, что в их отношении возбуждено уголовное дело или проводится проверка. Таким образом, злоумышленники получают у клиентов кредитных организаций данные, необходимые для аутентификации в системах дистанционного банковского обслуживания, сведения о совершенных по карте операциях и похищают денежные средства.

Участились случаи выдачи онлайн-кредитов при установке потерпевшими программ удаленного доступа к электронным устройствам и передаче прав управления преступникам. Преступники, используя методы социальной инженерии, убеждают лицо установить такие компьютерные программы как TeamViewer QuickSupport или аналогичные, после чего получают контроль над устройством потенциального потерпевшего и совершают хищения.

Значительное количество преступлений продолжает совершаться с использованием различных интернет-сервисов для размещения объявлений (Avito, Юла, Drom, BlaBlaCar и др.). В большинстве случаев преступники, используя методы социальной инженерии, становятся владельцами идентификационных данных банковской карты потерпевшего или получают доступ к его личному кабинету мобильных банковских приложений. Указанные действия осуществляются под предлогом пере-

вода средств в счет оплаты товара, либо осуществления предоплаты за товар, а также каких-либо услуг по фиктивной доставке товара.

Изучение информации, поступившей из территориальных органов предварительного следствия МВД России [2], показало, что до настоящего времени не решен ряд проблемных вопросов, таких как:

1. Не сформирован действенный инструментарий быстрого получения от кредитных организаций, интернет-провайдеров, операторов связи, социальных сетей и интернет-сервисов информации, имеющей доказательственное значение по расследуемым преступлениям (сведений о лице, биллинге, движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров и др.).

Длительность получения ответов составляет от одного до нескольких месяцев.

Решение проблемы видится в активном внедрении электронного документооборота.

Кроме того, не во всех субъектах представители бизнес-сообщества проявляют заинтересованность в совместной работе по противодействию IT преступлениям. Так, по сведениям из СУ УМВД России по Архангельской области ПАО «МТС» от сотрудничества с органами внутренних дел самоустраивается, а неоднократные обращения на имя управляющего регионального отделения ПАО Сбербанк с предложением провести рабочее совещание на предмет организации сотрудничества и порядка обмена документами в электронном виде — остались без ответа. В конце 2019 г. руководителям крупнейших финансово-кредитных учреждений в Ханты-Мансийском округе (ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО «ВТБ», АО «Россельхозбанк»), а также операторам связи (ПАО «МТС», ООО «НБН Холдинг», ПАО «Ростелеком») были направлены письма с предложениями о заключении соглашений об электронном обмене информацией. От указанных организаций в 2020 г. получены ответы об отказе в заключении соглашений в связи с отсутствием технической возможности либо невозможности обмена информацией в электронном виде.

В этой связи видится актуальным совершенствование практики привлечения к административной ответственности представителей бизнеса за неисполнение либо ненадлежащее исполнение законных требований следователей о предоставлении необходимой информации.

Одновременно следует усилить организацию профилактической деятельности в данной области, поскольку в ходе расследования работа сотрудников и руководителей кредитных организаций, операторов сотовой и фиксированной связи, иных компаний, оказывающих услуги населению, а также соответствующих надзорных и контрольных органов на предмет возможных нарушений не всегда изучается и оценивается должным образом.

При формировании запросов в рамках ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» следует четко понимать, о том в какой организации и какие сведения могут быть запрошены.

В целях оказания практической и методической помощи в настоящее время Следственным департаментом МВД России совместно с Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя разработан и распространен в органы предварительного расследования Сборник образцов типовых запросов, необходимых для расследования IT преступлений, с указанием контактной информации об организациях и располагаемых ими сведениях.

2. Использование преступниками программного обеспечения, позволяющего избежать (или существенно затруднить) их идентификацию — VPN, TOR, SSL, а также технологий, позволяющих менять IP-адрес пользователя сети Интернет, создавать динамические или нераспознаваемые IP-адреса, применять технологии «подменных» абонентских номеров посредством IP-телефонии.

Проблема идентификации преступников, использующих программы-анонимайзеры, в настоящее время одна из наиболее актуальных, ее разрешение видится в комплексе законодательных, технических, организационных и научных мер.

Одним из вариантов решения этой проблемы может стать внедрение положительного опыта ГУ МВД России по г. Москве по исследованию информации, содержащейся в Cookie-файлах, важной особенностью которых является их неизменность.

Еще одной важной проблемой является деанонимизации лиц, использующих технологии подмены абонентских номеров, возможности работы сервисов, предоставляющих данные услуги, и способы борьбы с ними.

На сегодняшний день существует определенный опыт противодействия анонимным абонентским номерам при входящих и исходящих телефонных соединениях, использующих функцию подмены номера, с помощью создания Российского центра очистки трафика (далее — ЦОТ), который начал свою работу с августа 2020 г., когда увеличилось количество преступлений, совершаемых с использованием подменных абонентских номеров, которые выделены менее крупным операторам связи, предоставляющим услуги IP-телефонии с использованием абонентских номеров географически определяемой зоной нумерации (495, 499, 800). Это стало возможным в связи с тем, что в Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» не предусмотрена обязанность проверки источника вызова по каналам связи, а мелкие операторы умышленно к ЦОТ не подключаются.

В соответствии с пунктами 8, 9, 10 статьи 46 указанного закона оператор подвижной радиотелефонной связи, обеспечивающий передачу короткого текстового сообщения абонента, инициирующего отправку такого сообщения, при передаче такого сообщения обязан передавать в неизменном виде абонентский номер, выделенный данному абоненту на основании договора об оказании услуг связи.

Оператор связи, с сети связи которого инициируется телефонный вызов, обязан передавать в сеть связи другого оператора связи, участвующего в установлении теле-

фонного соединения, в неизменном виде абонентский номер, выделенный на основании договора об оказании услуг связи абоненту, инициировавшему телефонный вызов.

Оператор связи, участвующий в установлении телефонного соединения, обязан передавать в сеть связи другого оператора связи в неизменном виде полученный абонентский номер.

Оператор связи, с сети передачи данных которого инициируется соединение для целей передачи голосовой информации, обязан передавать в сеть передачи данных другого оператора связи, участвующего в установлении соединения, в неизменном виде уникальный код идентификации, выделенный на основании договора об оказании услуг связи абоненту, инициировавшему соединение для целей передачи голосовой информации.

В случае выявления при оказании услуг по пропуску трафика нарушений требований, установленных пунктом 8 или 9 указанной статьи, оператор связи прекращает оказание услуг по пропуску трафика на свою сеть связи.

Вместе с тем в статье 46 данного закона закреплена обязанность оператора передавать абонентский номер в неизменном виде, но отсутствует положение, обязывающее осуществлять проверку источника вызова. Законодательно целесообразно устранить этот пробел, приняв соответствующие поправки.

3. Недостаточная компьютерная грамотность населения. Так, в соответствии с вышеуказанными директивными указаниями руководителям следственных подразделений поручено обеспечить принятие действенных мер, направленных на совершенствование методов информирования населения, в том числе с привлечением федеральных и региональных СМИ, социальных медиа о способах совершения IT преступлений, методах защиты, а также алгоритме действий пострадавшего.

Для решения этой проблемы в большинстве регионов проводятся значительное количество профилактических и просветительских мероприятий. Например, активная профилактическая работа осуществляется в МВД по Республике Башкортостан, где кроме всего прочего, на официальном YouTube-канале и социальных сетях МВД Республики до населения доводится информация, как не стать жертвой дистанционного мошенничества, при проведении рабочих встреч с представителями финансово-кредитных учреждений отмечена целесообразность нанесения на обратные стороны изготавливаемых банковских карт, около CVV-кода, надписи «СТОП — никому не сообщать», проведены рабочие встречи с руководством волонтерского движения, направлены письма в Министерство молодежной политики республики с предложениями активного привлечения центра волонтерского движения к профилактической и агитационной деятельности, достигнуты договоренности с представителями духовенства о включении информации профилактического характера в ежедневно проводимые мероприятия (проповеди).

4. Необходимость увеличения числа государственных специалистов и экспертов, имеющих право проводить соответствующие исследования и компьютерные экспертизы. Сегодня практически отсутствуют ведомственные специалисты, способные идентифицировать компьютерную программу как вредоносную методом обратного реверс-инжиниринга. Кроме того, расследование IT преступлений усложняет длительность производства таких экспертиз и значительная их стоимость при проведении в негосударственных экспертных учреждениях (до нескольких сот тысяч рублей за одну экспертизу при причиненном в большинстве случаев ущербе несколько тысяч рублей).

Эффективное расследование IT преступлений невозможно без применения специальных знаний в направлениях, не связанных с обычной деятельностью специалистов (экспертов). К таким знаниям относятся: устройство и организация систем мобильной связи и дистанционного банковского обслуживания, программирование на малораспространенных языках и т. д. Постоянное ускорение развития компьютерных технологий приводит к достаточно быстрому устареванию знаний специалистов (экспертов) и соответствующих образцов компьютерной техники, применяемой в экспертно-криминалистической деятельности. В этой связи необходимо непрерывное совершенствование соответствующих программно-аппаратных комплексов и знаний специалистов (экспертов).

К сожалению, до настоящего времени в большинстве регионов не в полной мере проработан вопрос формирования практики привлечения организаций, специализирующихся на обеспечении информационной безопасности, к участию в проведении процессуальных действий, компьютерных исследований и соответствующих экспертиз. Так, в г. Москве представители АО «Лаборатория Касперского» и ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» по резонансным преступлениям систематически проводят компьютерные исследования и экспертизы на безвозмездной основе.

5. Несовершенство механизма, перечня и объема санкций, предусмотренных ст.ст. 272–274.1 УК РФ, не позволяющее достичь целей уголовного наказания.

Согласно информации, представленной территориальными следственными подразделениями системы МВД России, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве при совершении одноэпизодных преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, суды назначают наказания в виде штрафа.

Так, 20 марта 2020 года приговором Ленинского районного суда г. Омска за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, выразившегося в осуществлении Д. 19 фактов неправомерного доступа к компьютерной информации, последней назначено наказание в виде штрафа в размере 20000 руб.

31 августа 2020 г. приговором Ленинского районного суда г. Курска Ц. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 183 и ч. 2 ст. 272 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере

150000 рублей.

Встречаются факты назначения судами наказания за совершение указанной категории преступлений в виде условного лишения свободы.

Приговором Люберецкого городского суда Московской области от 13 февраля 2020 г. И. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно с испытательным сроком 7 месяцев.

Абаканским городским судом З. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев условно.

Анализ приговоров за совершение преступлений данной категории показывает, что наиболее часто судебные органы принимают решения об осуждении лиц к реальному лишению свободы в случаях наличия непогашенной или не снятой в установленном порядке судимости, а также при совокупности с иными преступлениями, прежде всего, предусмотренными главой 21 УК РФ.

Причиной, способствующей частому применению судами особого порядка принятия судебного решения, является реализация обвиняемым своего права, предусмотренного ч. 5 ст. 217 УПК РФ. В таком случае подсудимому не может быть назначено наказание, превышающее две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Кроме того, рассмотрение уголовного дела в особом порядке значительно сокращает время судебного производства, так как отсутствует необходимость в проведении судебного разбирательства в общем порядке.

6. Необходимость совершенствования нормативных правовых актов в области противодействия IT преступлениям.

Принятие Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» привело к появлению значительного количества вопросов в части разграничения кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), а также мошенничества в сфере компьютерной информации, в части вмешательства в процессы нормального функционирования сервисов дистанционного банковского обслуживания (ст. 159.6 УК РФ).

В следственной и судебной практике новый особо квалифицированный вид тайного хищения чужого имущества с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств получил неоднозначное толкование. По п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, обычно, оцениваются действия лица, которое завладело платежной картой потерпевшего и осуществило изъятие денежных средств в наличной форме через устройство самообслуживания клиентов [3].

Аналогичным образом по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

квалифицируются действия лиц, совершивших хищения путем использования сервисов дистанционного банковского обслуживания [4].

В целях устранения необоснованной конкуренции уголовно-правовых норм, обеспечения единообразия правоприменительной практики предлагается ст. 159.3 УК РФ исключить.

До настоящего времени законодателем не решен вопрос о сумме причиненного ущерба при квалификации деяний по п. «г» ч. 3 ст. 158 и п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, что порождает спор органов следствия и органов прокуратуры о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ, в части малозначительности деяния при хищении на сумму менее 2500 руб. Возникает необходимость в дополнительном разъяснении порядка определения места совершения подобных преступлений и момента их окончания.

Также необходимо отметить, что финансово-кредитные учреждения не уделяют должного внимания обеспечению безопасности своих продуктов, что сказывается на увеличении количества дистанционных преступлений. В настоящее время банки для увеличения прибыли всячески упрощают доступ к своим продуктам, нередко пренебрегая вопросами безопасности доступа к ним. Вся полнота ответственности за возможные хищения, например, в результате использования преступниками социальной инженерии, возлагается на клиента, который обязан знать и уметь защищаться от всех угроз.

Необходимо рекомендовать банковскому сообществу принципиально изменить подход предоставления дистанционных продуктов от «Разрешено все, что не запретил клиент» к «Запрещено все, что не разрешил клиент». Таким образом, при заключении договора банковского обслуживания клиенту автоматически подключается минимально необходимый, обозначенный им объем услуг. Рискованные услуги, например, возможность дистанционного оформления кредита или подключение дополнительных абонентских номеров, будут предоставляться только после идентификации клиента в офисе Банка или иным доверенным способом.

Кроме того, следует проработать вопрос ограничения либо запрета использования личного кабинета «Банк-онлайн» на устройстве клиента при наличии установленных/функционирующих программ удаленного доступа.

Роскомнадзору целесообразно проработать вопрос нормативного закрепления и контроля за соблюдением операторами связи пропуска трафика в сеть полученного абонентского номера в неизменном виде.

Бизнес-сообществу целесообразно внести изменения в регламент обслуживания клиентов, представляющих возможность отменять платеж в соответствии с требованиями Федерального закона № 161-ФЗ от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе».

Необходимо внести изменения в п. 5 Правил создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр

доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 11011, в части расширения перечня информации, включаемой в Единый реестр по решению МВД России, а именно — доменных имен и (или) указателей страниц «фишинговых» (поддельных) сайтов, а также сетевых адресов, позволяющих их идентифицировать. Для реализации данных положений, необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающий закрытый перечень сведений, которые по решениям уполномоченных Правительством Российской Федерации федеральных органов исполнительной власти включаются в Единый реестр. В настоящее время информация о поддельных доменных именах, сайтах и сетевых адресах в данный перечень не входит.

Для эффективного противодействия использованию IP-телефонии, следует внести изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», в целях возложения на операторов связи обязанности выявлять и блокировать использование подменных номеров.

Следует проработать изменения в нормативные правовые акты в части наложения обязательств на финансово-кредитные учреждения хранить фото-видеофайлы из банковских устройств самообслуживания и отделений банков, где они расположены, на срок не менее 6 месяцев.

Несмотря на указанные проблемы, следственные подразделения МВД России принимают действенные меры, для успешного противодействия IT преступлениям; имеется значительный положительный опыт в данной деятельности.

Кроме того, необходимо отметить, что качество расследования во многом зависит от организации взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений. Существующая правоприменительная практика показала, что наибольший успех при раскрытии и расследовании рассматриваемого вида преступлений достигается именно при активном оперативно-розыском сопровождении, суть которого заключается в комплексном использовании современных программно-аппаратных комплексов и методов оперативно-розыскной деятельности, направленных на изобличение и документирование противоправной деятельности лица, совершившего преступление.

Считаем, что указанные обстоятельства представляются значимыми для совершенствования расследования преступлений в сфере информационных технологий, а реализация изложенных предложений позволит существенно повысить эффективность данной деятельности.

Список источников

1. <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 26.06.2022).
2. Информационно-аналитические материалы Следственного департамента МВД России.
3. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 20 сентября 2018 г. по делу № 1-275/2018 // СПС Консультант плюс.
4. Приговор Центрального районного суда г. Воронежа от 25 октября 2018 г. по делу № 1-312/2018 // СПС Консультант плюс.
5. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий : учебник / [В. В. Гончар, А. В. Андреев, Н. Н. Горач и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

References

1. <https://мвд.рф/reports/1/> (accessed: 26.06.2022).
2. Information and analytical materials of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. The verdict of the Leninsky District Court of Smolensk dated September 20, 2018 in case № 1-275/2018 // SPS Consultant plus.
4. The verdict of the Central District Court of Voronezh dated October 25, 2018 in case № 1-312/2018 // SPS Consultant plus.
5. Countering crimes in the field of information technology : textbook / [V. V. Gonchar, A.V. Andreev, N. N. Gorbach, etc.]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021.

Информация об авторе

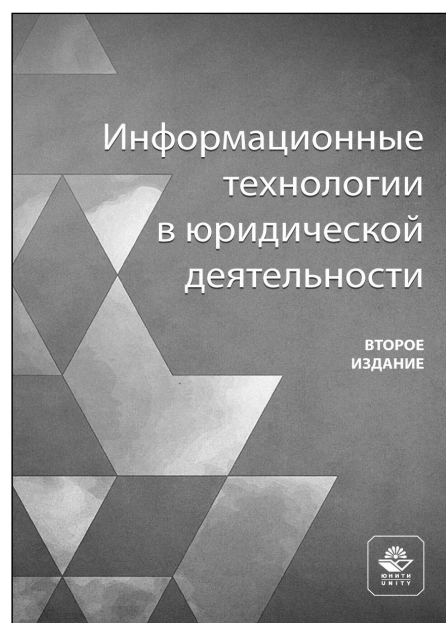
В. В. Гончар — начальник кафедры информационной безопасности Учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Gonchar — Head of the Department of Information Security of the IT Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-88-90>

ИДН: 2003-0059-6/22-492

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-691

Генезис законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации

Анатолий Олегович Горлов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, dorovskoyvlad@gmail.com

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент **Ю. И. Попугаев**

Рецензент: кандидат юридических наук, профессор **С. Н. Бочаров**

Аннотация. Базируясь на анализе исторических нормативных правовых актов, а также на основе современной нормативно-правовой базы прослеживается история становления и развития регионального законодательства об административных правонарушениях и, в частности, городов федерального значения Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, административная юрисдикция, законодательство об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации

Для цитирования: Горлов А. О. Генезис законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 88–90. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-88-90>.

Original article

Genesis of the legislation on administrative offenses of federal cities of the Russian Federation

Anatoliy O. Gorlov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dorovskoyvlad@gmail.com

Scientific leader: Doctor of Legal Sciences, Associate Professor **Yu. I. Popugaev**

Reviewer: Candidate of Legal Sciences, Professor **S. N. Bocharov**

Abstract. Based on the analysis of historical normative legal acts, as well as on the basis of the modern regulatory framework, the history of the formation and development of regional legislation on administrative offenses and, in particular, cities of federal significance of the Russian Federation is analyzed.

Keywords: administrative and tort legislation, administrative justice, legislation on administrative offenses of federal cities of the Russian Federation

For citation: Gorlov A. O. Genesis of the legislation on administrative offenses of federal cities of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):88–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-88-90>.

Изучение генезиса административно-деликтного законодательства позволяет проследить специфику административной ответственности как правового института, что способствует в дальнейшем определению вектора развития законодательства об административных правонарушениях.

Так, одной эволюционной тенденции административно-деликтного законодательства является образование и практически завершённое уже в современно законодательстве формирование двухуровневой системы, а именно: федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации.

Начиная от Постановления Всесоюзного центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 30 марта 1931 года и выделения указанного разделения в статье 1.1 уже КоАП РФ, для зарождения регионального законодательства потребовалось время. Этим Постановлением было утверждено «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке» [1].

Данный нормативный правовой акт важен для развития административно-деликтного права, так как он до своей отмены 3 марта 1962 года установил механизм при-

влечения к административной ответственности за несоблюдение постановлений местных исполкомов и советов в административном (внесудебном) порядке, в отличие от только судебного порядка в привлечении к ответственности за преступления. Что и показывает специфику разделения двух несмежных понятий.

Для исследуемой темы в данном случае важно обратить внимание на зарождение правового усмотрения на местном уровне. Также следует отметить этап возникновения местного административно-деликтного законодательства — прообраза законодательства об административных правонарушениях на современном этапе развития российского административного права, что само по себе является отправной точкой нашего исследования.

В рассматриваемом нормативном правовом акте определен круг вопросов, которые подпадают под предмет регулирования административных органов на местах. Так же данные органы подразделяются на уровни, что говорит о разветвленной структуре исполнительных органов того времени. Что же касается субъектов административной юрисдикции, то в Постановлении в их качестве указываются специальные комиссии, создаваемые для рассмотрения дел и вынесения решений о наложении одного из трех административных наказаний: предупреждения, штрафа или принудительных работ. При этом процессуальная деятельность по составлению протоколов возлагалась на работников милиции, членов советов, сельских исполнителей и других должностных лиц.

В рамках сравнительно-правового анализа с действующим административно-деликтным законодательством прослеживается историческое изменение регионального законодательства об административных правонарушениях, когда в современном своем облике оно предусматривает только два вида наказания: предупреждения и штраф. Также отмечается пробельность в плане возможности составления протоколов сотрудниками органов внутренних дел (полиции) по составам правонарушений, предусмотренных региональным законодательством, в связи с отсутствием полномочий у местных органов власти наделять сотрудников федеральных органов полномочиями по составлению протоколов или рассмотрению определенной категории дел об административных правонарушениях. Таким образом, отмеченное позволяет констатировать определенные изменения в механизме деятельности исполнительных органов государственной власти и различия в нормативно-правовой базе на данном этапе развития административно-деликтного законодательства. Кроме того, до принятия нового федерального закона, регулирующего деятельность сотрудников органов внутренних дел (полиции), а именно Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», прежний нормативный правовой акт в виде Закона РФ от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции» не препятствовал органам государственной власти субъектов Российской Федерации наделять полномочиями сотрудников органов внутренних дел, поскольку закреплял принцип двойного подчинения ОВД.

Если говорить о сложившихся форме и структуре

нормативных правовых актов субъектов РФ в области административных правонарушений, то законодатель в регионах России не пришел к единой форме данного нормативного правового акта. Так, в одних регионах — это кодифицированные нормативные правовые акты, а в других — это отдельные законы. Что касается таких субъектов, как города федерального значения, то, например, в городе Санкт-Петербурге и городе Севастополе это закон, а в Москве законодатель пошел по пути кодификации законодательства и принятия КоАП г. Москвы.

Анализ законодательства субъектов РФ об административных правонарушениях позволяет сделать вывод о дублировании законодателем в регионах норм КоАП РФ, что связано с проблемой разграничения предметов ведения двух уровней административно-деликтного законодательства. Разработка законодательства субъектов Российской Федерации была затруднена тем, что КоАП РФ имел серьезный пробел в виде неточного отражения в его общей части положения пункта «к» части 1 статьи 72 Конституции РФ о совместном ведении Российской Федерации и его субъектов. При этом в статье 1.3 КоАП РФ был сформулирован только предмет ведения Российской Федерации. В определенной степени проблема разрешилась принятием федерального закона от 28 декабря 2009 года № 308-ФЗ. Данный нормативный правовой акт ввел в федеральное законодательство об административных правонарушениях норму в виде статьи 1.3.1, которая разграничила два уровня административно-деликтного законодательства.

Исходя из специфики жизнедеятельности городов федерального значения, можно говорить о достаточно усложненном и трудоемком процессе формирования деликтного законодательства, которое само по себе представляет особенности в плане, как формирования, так и применения.

В современном представлении субъекты России создали достаточно обширную нормативно-правовую базу, соответствие которой на федеральном уровне контролируется с учетом положений Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ». При этом следует отметить, что здесь намечены определенные новеллы, поскольку этот законодательный акт утрачивает силу с 1 января 2023 года в связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Законодатель в субъектах Российской Федерации, отмечая тенденцию создания в Российской Федерации сервисного государства как новой модели администрирования, направляет свои усилия на реформирование сферы оказания муниципальных услуг, которая в свою очередь требует охраны от противоправных посягательств. Таким образом, региональные законы и кодексы об административных правонарушениях дополняют двухуровневую систему законодательства, создавая своеобразный симбиоз правил, которые в свою очередь дополняют и развивают положения федерального Кодекса об административных правонарушениях.

Важно подчеркнуть, что КоАП РФ является ключевым и отправным законодательным актом, который должен приниматься во внимание при формировании регионального законодательства об административных правонарушениях. Последнее не должно дублировать его нормы. При этом деликтизированные деяния на региональном уровне должны подчеркивать ту или иную специфику субъекта Федерации при ее наличии. При этом представляется, что законодательство городов федерального значения в области административных правонарушений может иметь свою специфику в рамках регионального законодательства об административных правонарушениях в целом.

Анализ своеобразия региональных законодательных актов об административных правонарушениях и, в частности, городов федерального значения позволяет сделать вывод о том, что совместно с федеральным административно-деликтным законодательством все они составляют единую систему нормативных правовых актов в области административных правонарушений и имеют общую первоначальную точку развития, о чем говорилось выше. Наличие в субъекте Российской Федерации своего кодифицированного законодательного акта в рассматриваемой сфере позволяет учесть особенности региона принятия и в некоторых случаях соответственно дополнить и развить федеральное законодательство.

Список источников

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 года «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке». Доступ из <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23318#H6BGY5T71fhUtFPO>.

Информация об авторе

А. О. Горлов — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. O. Gorlov — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 06.09.2022.

References

1. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of March 30, 1931 «Regulations on the issuance of mandatory resolutions by local executive committees and councils and on the imposition of administrative penalties for their violations». Access from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23318#H6BGY5T71fhUtFPO>.

Библиографический список / Bibliographic list

1. Кирин А. В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // История государства и права. 2011. № 18. С. 36–41. (Kirin A. V. Stages of development of the institute of administrative responsibility in the USSR // History of the state and law. 2011. № 18. P. 36–41.)

2. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9–22. (2. Salishcheva N. G. Problems of legal regulation of the institute of administrative responsibility in the Russian Federation // Administrative law and process. 2014. № 9. P. 9–22.)

3. <https://runivers.ru/lib/book3139/>

4. <https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/9/mode/lup>.

5. <https://www.dissercat.com/content/teoretiko-prikladnye-problemy-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-ob-administrativnykh-pra>.

6. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

7. <https://docs.cntd.ru/document/554102826>.

8. <https://base.garant.ru/56821718/>

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-91-94>

НИОН: 2003-0059-6/22-493

MOSURED: 77/27-003-2022-06-692

Изучение правовой культуры в контексте становления западного права

Виолетта Венидиктовна Горохова¹, Ирина Венидиктовна Горохова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Vetta72@mail.ru

² Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия, gorokhova@list.ru

Аннотация. Анализируются проблемы формирования западной правовой культуры под влиянием социальной и политической жизни западного общества; прослеживается роль социальных и гражданских институтов общества, повлиявших на становление западного правопонимания.

Ключевые слова: западная правовая культура, право, правопонимание, правовые категории, правовое мышление, правовые свободы, гражданское общество, гражданский правовой порядок

Для цитирования: Горохова В. В., Горохова И. В. Изучение правовой культуры в контексте становления западного права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 91–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-91-94>.

Original article

The study of legal culture in the context of the formation of Western law

Violetta V. Gorokhova¹, Irina V. Gorokhova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Vetta72@mail.ru

² State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia, gorokhova@list.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the formation of Western legal culture under the influence of the social and political life of Western society, analyzes the role of social and civil institutions of society that influenced the formation of Western legal understanding.

Keywords: Western legal culture, law, legal understanding, legal categories, legal thinking, legal freedoms, civil society, civil law and order

For citation: Gorokhova V. V., Gorokhova I. V. The study of legal culture in the context of the formation of Western law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):91–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-91-94>.

Право является не только важным социальным институтом регулирования, но и формой выражения духовности, формируется во взаимодействии с существующей правовой культурой и динамикой правовой жизни людей. Формирование права начинается с общих ценностей, потом право и практика создают правовые ценности, формы мировоззрения, правовую культуру. Внешняя правовая культура, выступая важнейшим процессом коммуникации помогает участникам усваивать, сохранять или изменять отдельные элементы посредством специального языка [8, с. 83]. На основе этого языка формируются базовые понятия, помогающие осмыслению правовых явлений. Участники этой коммуникации иден-

тифицируют себя с данной правовой общностью, право, влияет на формирование возникновения национального, регионального единства.

Особый интерес представляет тот факт, что при характеристике понятия западная правовая культура, исследователи не проводят различия между словом «западный» и «новый» (относящийся к новому времени) [2, с. 22]. При отсутствии общего западного права, мы рассматриваем характерные черты систем права западных стран, в разные периоды истории и особенности функционирования права. Право в действии включает правовые учреждения, ценности, понятия и образ мыслей, а также важно учитывать аспект коллективной психологии.

Европейская правовая культура характеризует общества с долгой правовой традицией, для которой характерно не только техническое совершенство и эффективность, но и философский, политический смысл, который делает его гарантом правосудия и свободы [5, с. 104]. Изучение истории стран Запада показывает, что даже при абсолютных монархиях, с XII в. преобладала мысль о том, что в некоторых вопросах право переступает границы политики, монарху было позволено творить закон, но он не может творить его произвольно. Данное положение о приоритете закона над властью повлияло на формирование правовой культуры.

Опираясь на традиции римских юристов времен античности, право формировалось под сильным влиянием канонического права. Позднее каноническое право, порожденное Папской революцией, привело к появлению современной правовой системы с разделением на религиозные и светские области правового регулирования. С этого времени западная традиция исходит из принципа независимости, целесообразности, моральности права. Независимость права, являясь важнейшей характеристикой западной правовой культуры, создает возможность для преобразования права под влиянием меняющихся условий.

Западная традиция права включает понятие права не как корпуса правил, но как процесса, при котором источниками права выступают не только воля законодателя, но также разум и совесть общества, его обычаи и привычки [2, с. 28]. Из этого следует, что право является результатом коллективного, общественного творчества в западном правопонимании. Правовые ценности и привычки, являясь ограниченной частью общей культуры, могут стать правовыми через признание и утверждение их правовыми институтами.

Другой важной особенностью является «формальная рациональность» или «логический формализм», которую выделяет Макса Вебер. Законодатель, обращается к способности людей просчитывать последствия своего поведения, взвешивать свои интересы и других, оценивать поощрения и наказания [3, с. 17].

Следствием данной системы формирования западного права, является преобладание в правовом мышлении таких понятий как уважение, честность, чувство причастности, доверие западного человека к праву и его эффективности.

Право существует не только юридически, но и присутствует фактически, создается ежедневной практикой, в этих условиях принятые законы определяют ожидаемое поведение, которое свидетельствуют об «юридической определенности» [8, с. 94].

Правовая культура представляет собой единство норм, ценностей, правовых институтов, так называемая правовая ментальность народа, которая в своем социальном выражении материализуется в действующем праве и правопорядке. В отличие от восточных правовых культур, в которых в системе социально-нормативного регулирования преобладает религия и традиционность, в западных культурах элементами правовой культуры выступает приоритет права, правосознание, правопорядок,

законность и др. [4].

Правовая культура, выступая правовой ментальностью народа, выражается в праве и правопорядке, играет важную роль в системе ценностей, социально-нормативных регуляторов общества, влияющих через правовое сознание на поведение человека.

Для западноевропейской цивилизации характерно преобладание рационализма и политичности в правопонимании. Рационализм направлен на поиск истины ради истины, а не на достижение результатов. Рационализм как способ мышления, мотивации и образа жизни наиболее полно стал реализовываться, начиная с протестантской реформации, затем в эпоху буржуазных революций и получил окончательное развитие в условиях капитализма.

Другая важная особенность правового мышления политичность, т. е. осознание себя членом государства, осмысление жизни в соответствии с законами государства.

Эпоха Просвещения конца XVIII века, рационализировала и систематизировала право новыми способами. Рационалистическая и индивидуалистическая система ценностей, выдвинутая эпохой в договорном праве, абсолютизировала принципы свободы воли и автономии сторон [3, с. 227]. Для европейской политичности характерно преобладание социальных приоритетов, т. е. социально-экономическое различие между людьми и народами, это свидетельство сохранившейся до протестантских революций сословных различий, неравенства, которые влияли на социальное и правовое мышление европейского общества. Политическое сознание направлено на решение задач и интересов определенных сил, поэтому европейское право развивалось в этом направлении. Это приводило к отождествлению права и государства, неразрывности политической и правовой жизни, а с другой стороны, это приводило к противопоставлению гражданского общества и государства.

Другой важной характеристикой западной правовой культуры является идея гражданского общества и гражданского правопорядка. Данное правовое явление выражает стремление к самостоятельности, независимости, желанию противостоять произволу государства, при этом в образовании и поддержании гражданского правопорядка главными выступают моральные, социальные и правовые ценности, а не институты.

На становление западной правовой культуры повлияла идея общественного договора, легитимирующая власть и объясняющая механизм появления права, из которой была выведена концепция о неотъемлемой свободе и равенстве людей. Для европейской правовой культуры важно понимание смысла и эволюции идеи свободы, которая выражает политичность западного общества и является условием права, и прав человека.

Для англо-саксонского права теоретической основой и идеологическим лозунгом выступали представления об идеале свободы, которая является естественной, дарованной Господом при его сотворении, поэтому политическая и гражданская свобода, есть не что иное, как естественная свобода, ограниченная человеческим законом, поскольку это необходимо для общего блага [1, с. 267].

Идея свободы, выступая необходимым условием воз-

никновения европейского права в период его становления, в современном обществе является проявлением в правовой культуре, важнейшей моральной, политической и правовой категорией, влияет на правопонимание. Идея свободы, выражая способность проявления воли человека, указывает на условия и возможности права, является установкой общества, закладывает положения для правовых отношений. Идея свободы как важнейшая правовая категория явилась основой для возникновения идеи суверенитета и автономии.

На формирование права в широком смысле оказывает влияние правовая реальность и особенности протекания правовой жизни, а также сочетание элементов, таких как, механически действующее (юридическое право) и органическая система, включающая обычаи и традиционные нормы. Со времен революций XVIII в. основополагающие ценности западной культуры выражались через провозглашение основных прав человека, это говорит о влиянии естественного права. В современное время эти ценности формулируются на языке позитивного права, найдя отражение в большинстве современных конституций и международно-правовых актов. Например, создатели Конституции США включили в писанную конституцию их государства декларацию основных прав граждан, при этом определили эти права как «приоритетные» [6, с. 160], поэтому любые акты, постановления не признающие их, должны считаться недействительными. Затем данные положения вошли в конституции большинства европейских стран. Следующий шаг привел к закреплению основных прав человека на международном уровне, сделав их всеобщим достоянием, это говорит об их безусловности в системе ценностных приоритетов международного права.

К ценностям правовой свободы относятся важнейшие — равенство и демократия. Люди не могут быть равны физически и умственно, однако право в юридическом смысле гарантирует равенство за счет избирательного права, равенство всех перед законом, запрет на возможные формы дискриминации по социальному, национальному, расовому или религиозному признаку.

Моральные и философские категории справедливость, честность, беспристрастность и т. п. не являются сущностными характеристиками в собственном смысле слова, однако, стремление к тому, чтобы право было справедливым, честным и т. д., свойственно любой правовой системе [8, с. 86] и влияет на правовую культуру.

Важнейшей характеристикой западной правовой культуры является закон, выступающий основой социальной жизни людей, эквивалентом справедливого распределения правовых благ и гарантом правового равенства. Идея естественных прав человека определяет индивидуализм сознания, является проявлением базовых принципов в современном праве. Первичность прав человека является базой для западноевропейской правовой культуры, при этом обязанности и ответственность выступают в качестве условного, вторичного в праве.

Естественно-правовое состояние общества стало возможно в рамках западной культуры и в период формирования буржуазного общества, которое является

фундаментом, атрибутивностью права. Право и собственность — важные составляющие западного мира, на их основе развивалось юридическое мышление. Для англо-саксонской правовой системы характерно внимание к собственности, для романо-германской (Франция, Германия) в приоритете вопросы власти. Политичность права, берущая начало в англо-саксонской традиции, апеллирует к справедливости в лице правителя, осуществляющего правосудие. Традиция, идущая от античной Греции, относится к политике как к области свободы, в которой право выступает средством осуществления свободы [7, с. 367].

Изучение правовой культуры необходимо для осмысления основ и динамики развития права, направлено на решение не только познавательных и мировоззренческих задач, но и отвечает на современные вопросы в области права, перспективы развития права и влияние правовой культуры на изменение правовой реальности. Правовая культура постоянно меняется, однако фундаментальные общественные ценности и обычаи нельзя изменять без угрозы создания проблем, которые в крайнем своем проявлении могут вылиться в революцию или государственный переворот с целью восстановления ранее существовавшей правовой культуры [8, с. 84].

Изучение базовых понятий западной правовой культуры помогает проследить эволюцию западного права, необходимые политические, социальные, религиозные, экономические условия повлиявшие на формирование права и культуры. Проведенный анализ позволяет выделить отдельные правовые категории, такие как свобода и гарантия прав из необходимого условия, в период складывания европейской правовой системы, перешли в базовые принципы современного европейского права и правового мышления.

Список источников

1. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.) / Ин-т Европы. М. : Наука, 1994. 397 с.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / пер. с англ. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 624 с.
3. Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии / пер. с англ. М. : Ad Marginem, 1999. 431 с.
4. Кулакова Ю. Ю., Горохова В. В. Сравнительная характеристика базовых концептов восточных и западных правовых культур // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. № 4. С. 16–20.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности : сравнительно-правовой подход / Раймон Леже : пер. с фр. М. : Волтерс Клувер, 2009. 584 с.
6. Ллойд Д. Идея права / пер. с английского : Юмашев Ю. М. (науч.ред.), Юмашева М. А. М. : Югона, 2002. 416 с.
7. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предложения : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 391 с.
8. Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. 288 с.

References

1. Anners E. History of European Law (translated from

Swedish) / In-t of Europe. M. : Nauka, 1994. 397 p.

2. Berman G. J. The Western tradition of law : the epoch of formation / transl. from eng. M. : Publishing House of Moscow State University : INFRA M-NORM, 1998. 624 p.

3. Berman G. J. Faith and law : reconciliation of law and religion / translated from English. M. : Ad Marginem, 1999. 431 p.

4. Kulakova Yu. Yu., Gorokhova V. V. Comparative characteristics of the basic concepts of eastern and Western legal cultures // Advances in Law Studies. 2020. Vol. 8. № 4. P. 16–20.

5. Leger R. Great legal systems of modernity : a comparative legal approach / Raymond Leger : transl. from French. M. :Volters Kluwer, 2009. 584 p.

6. Lloyd D. The Idea of law / translated from English : Yumashev Yu. M. (scientific ed.), Yumasheva M. A. M. : Yugona, 2002. 416 p.

7. Malakhov V. P. Philosophy of Law. Ideas and suggestions : textbook. M. : UNITY-DANA, 2008. 391 p.

8. Van Hook M. Law as communication. St. Petersburg, 2012. 288 p.

Библиографический список

1. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. 431 с.

2. Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / Малахов Валерий Петрович. Москва, 2001. 502 с.

Bibliographic list

1. Malakhov V. P. Methodological and ideological problems of modern legal theory : monograph / V. P. Malakhov, N. D. Eriashvili. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2015. 431 p.

2. Malakhov V. P. Nature, content and logic of legal consciousness : dis. ... doct. jurid. sciences : 12.00.01 / Valery Petrovich Malakhov. Moscow, 2001. 502 p.

Информация об авторах

В. В. Горохова — доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук;

И. В. Горохова — старший преподаватель Государственного социально-гуманитарного университета.

Information about the authors

V. V. Gorokhova — Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences;

I. V. Gorokhova — Senior Lecturer of the State Social and Humanitarian University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-95-98>

ИПОН: 2003-0059-6/22-494

MOSURED: 77/27-003-2022-06-693

Некоторые аспекты экспертизы следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора

Алла Сергеевна Гребнева¹, Александр Александрович Журавлев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, allabotya@mail.ru

² Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, Surik197aleks@yandex.ru

Аннотация. Исследуются проведения комплексной экспертизы следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора. Описаны и обоснованы этапы экспертизы. Рассмотрены аспекты отождествления личности по следам.

Ключевые слова: папиллярный узор, следы кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, экспертиза, экспертное исследование, комплексное исследование, заключение эксперта

Для цитирования: Гребнева А. С., Журавлев А. А. Некоторые аспекты экспертизы следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 95–98. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-95-98>.

Original article

Some features of examination of traces of human skin that does not have a papillary pattern

Alla S. Grebneva¹, Alexander A. Zhuravlev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, allabotya@mail.ru

² Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, Surik197aleks@yandex.ru

Abstract. The issues of conducting a comprehensive examination of traces of the skin of a person who does not have a papillary pattern are considered. The stages of examination are described and substantiated. Some aspects of identification of a person by traces are considered.

Keywords: papillary pattern, traces of human skin that does not have a papillary pattern, examination, expert study, comprehensive study, expert opinion

For citation: Grebneva A. S., Zhuravlev A. A. Some features of examination of traces of human skin that does not have a papillary pattern. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):95–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-95-98>.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь либо дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Значение доказательств, способствующих объективному расследованию преступления, всестороннему изучению обстоятельств и условий его совершения, сложно переоценить. Особое значение, с позиций эксперта, имеют следы, оставленные на месте совершения преступле-

ния. «К таким следам относятся, кроме прочего, следы кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора. Наиболее полной информативностью для целей отождествления личности человека обладают следы лба, носа, губ, подбородка, щек, ушных раковин, а также локтей и коленей. Исследование следов кожного покрова различных участков тела представляет интерес с точки зрения возможности идентификации по ним конкретного человека, что значительно расширяет круг объектов, по которым возможно достоверное отождествление личности» [1, с. 607].

На современном этапе развития уголовного судопроизводства, совмещающем в себе признаки розыскного и

состязательного процессов (предварительное расследование имеет много общего с розыскным процессом, судебное разбирательство является процессом состязательным), возникают повышенные требования к надлежащей степени собирания доказательной базы. Несмотря на то, что в отечественной юридической науке всегда уделялось внимание урегулированию процесса собирания доказательств, в частности деятельности следователя в этом процессе, в данном секторе научной деятельности существуют пробелы, требующие более пристального внимания ко всем способам собирания доказательств. С нашей точки зрения, в этом аспекте экспертная деятельность содержит еще не до конца раскрытый потенциал. Развитие теории, опирающейся на опыт деятельности экспертов-специалистов, может дать существенные положительные результаты в рассматриваемой сфере уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что в общепринятом понимании экспертизу относят к следственным действиям. Эксперт в соответствии с решением следователя или суда, используя свои специфические знания в какой-либо области исследований (научных или технических и т. п.), исследует представленные ему объекты. Целью проводимых исследований являются научно обоснованные ответы на поставленные перед экспертом следователем или судом вопросы, имеющие важное значение для расследования уголовного дела. Таким образом, экспертиза выступает в роли независимого средства доказывания. В некоторых случаях для проведения наиболее полного и объективного исследования представленных на экспертизу материалов, необходимо применение разнообразных разноплановых знаний. На основании имеющегося практического опыта, при экспертизе следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, наиболее эффективно производство комплексной экспертизы.

«Согласно ст. 201 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей. Таким образом, комплексная экспертиза является разновидностью комиссионной. Отличие состоит лишь в том, что различается специальность экспертов (или более узкая специализация). Отсюда проистекает и ряд других процессуальных особенностей комплексной экспертизы. Каждый эксперт проводит исследование строго в пределах своей компетенции — исследует объекты, относящиеся к его специальности, и применяет методы, которыми владеет. По итогам проведенного исследования формулируются промежуточные выводы. В заключении каждый вид исследований, проведенных экспертами различных специальностей, излагается отдельно» [2, с. 172].

В русле комплексного исследования следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, эксперты различных специальностей осуществляют решение задач и подзадач проводимой экспертизы. Каждым специалистом, участвующим в этом процессе, проводится самостоятельный анализ характеристик исследуемого предмета. В данном случае эксперт исполь-

зует «комплекс методов в пределах методики судебной экспертизы одного вида» [3, с. 21]. Итоги и ход экспертного исследования оформляются в виде процессуального документа — заключения эксперта (ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Заключение эксперта, как научно обоснованные суждения, рассматривается не только как способ собирания и исследования доказательств, но также и как критерий оценки информации, полученной с целью собственно доказательства. Такое объяснение полученного экспертного заключения возникает вследствие того, что оно включает в себя изучение свидетельств, относящихся к уголовному производству. Проще говоря, выводы эксперта, его ответы на вопросы, поставленные перед ним судом или следователем, изложенные в письменном виде, являются документальным доказательством в судопроизводстве (ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Винберг А. И. и Малаховская Н. Т. высказывают следующее: «заключение эксперта должно быть определенным, лишенным всякой неточности; последовательным, т. е. взаимосвязанным и взаимообусловленным; доказательным, т. е. не просто формулирующим те или другие выводы исследования, а указывающим основание этих выводов, признаваемых истинными» [4, с. 35].

Обобщая изучение научного материала и законодательной базы, можно говорить о следующих этапах оценки экспертного заключения:

1. Оценка использованного для экспертизы материала, соответствие ее назначения и проведения соблюдению процессуального порядка. Особое внимание уделяется процессуальному порядку получения сравнительных образцов для проведения исследования, правомерности назначения экспертизы, а также следования всем нормативным требованиям при вынесении постановления о назначении экспертизы и присутствия реквизитов, определенных законом для экспертного заключения как процессуального акта;

2. Оценка подлежащих экспертизе материалов, включающая в себя анализ всех сведений, представленных эксперту для исследования;

3. Оценка личности эксперта с точки зрения соответствия имеющейся у него квалификации предмету экспертизы;

4. Оценка полноты заключения эксперта, которая основывается на анализе научной обоснованности, применении специальных знаний, соответствии выводов проведенному экспертному исследованию, логичности суждений эксперта;

5. Оценка выводов эксперта с точки зрения полноты решения поставленного перед экспертом вопроса.

Вследствие вышесказанного, заключение эксперта, участвующего в комплексной экспертизе следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, производится на основе общепринятых положений, т. е. исходя из решения поставленных вопросов, достоверности заключения, доказанности фактических данных, а также их значения для установления обстоятельств дела. Кроме того, все части экспертного заключения не

должны иметь противоречий, быть увязанными друг с другом, выводы должны быть основаны на материалах проведенных экспертиз, логично построены, сформулированы экспертом на основе внутреннего убеждения.

Кроме вышеперечисленных этапов оценки заключения эксперта, оценка комиссионного исследования следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, имеет ряд характерных особенностей, вытекающих из специфики проводящихся исследований.

Ввиду того, что в производстве комплексного исследования участвуют два или более двух экспертов различных специальностей, составные части такой экспертизы подвергаются оценке следователем или судом по усложненной схеме. Например, если следы кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, оставлены только потожировом веществе, то для всестороннего изучения такого рода следов к участию в работе привлекают эксперта-трасолога, а кроме того еще и судебно-медицинского эксперта-биолога. Необходимо учитывать, что у человека, имеющего некоторые заболевания и применяющего мази и/или лекарственные препараты местного действия, указанные лекарственные средства могут влиять на состав потожирового вещества. В этом случае участие в комиссии эксперта-биолога является также необходимым элементом глубокого всестороннего исследования такого рода следов.

На современном этапе развития криминалистических исследований существует множество систематических определений и классификаций признаков исследования следов губ человека, используются разработанные методики для получения подобных следов. «Если при трасологическом исследовании не удастся выделить необходимое для отождествления количество признаков, то привлекается эксперт-биолог для исследования слюны и эксперт-биохимик для исследования потожирового вещества» [5, с. 17]. В том случае, когда след образован каким-то красящим веществом (тональным кремом, губной помадой), с целью установления состава этого вещества и последующего проведения экспертных исследований на этом этапе проведения экспертизы проводится сравнительное исследование вещества, изъятого у определенного лица. В этом случае к участию в комплексном исследовании привлекается эксперт-химик. Ввиду сказанного, комплексная экспертиза следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, заключается в двух осуществляющихся в одном исследовании направлениях:

- морфологическая экспертиза кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, отобразившегося в следе, в процессе которого осуществляется установление идентичности следа, оставленного на месте преступления, и участка кожного покрова, не имеющего папиллярных линий, полученного у подозреваемого лица;
- физико-химическое исследование вещества, образующего след. Это направление экспертизы посредством анализа химического состава вещества (потожирового вещества), образующего след, выдает информацию о предполагаемых

действиях на месте преступления, а также об особенностях кожного покрова подозреваемого лица, его привычках, болезнях и т. п.

Таким образом, степень оценки комплексной экспертизы исследования химического состава вещества, образующего след, обуславливается согласованностью выводов исследований участвующих в экспертизе специалистов, их количеством, степенью участия каждого в исследовании, а также общими выводами и результатами проведенной комиссионной экспертизы.

Список источников

1. Татарчук А. С. Современные возможности использования информации о следах кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, при расследовании и раскрытии преступлений. Теория и практика судебной экспертизы : международный опыт, проблемы, перспективы : сборник научных трудов I Международного форума (7–8 июня 2017 г.). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 606–608.
2. Орлов Ю. К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32) . С. 170–175.
3. Моисеева Т. Ф., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Введение в специальность : учебное пособие. М. : Образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия, 2019. URL: <https://iknigi.net/avtor-nadezhda-maylis/203887-sudebnaya-ekspertiza-vvedenie-v-specialnost-nadezhda-maylis/read/page-1.html> (дата обращения: 25.04.2022).
4. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертиология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учебное пособие. Волгоград, 1978. 182 с.
5. Майлис Н. П. Комплексный подход при изучении следов человека на современном этапе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15 № 2. С. 15–20.

References

1. Tatarchuk A. S. Modern possibilities of using information about traces of the skin of a person who does not have a papillary pattern in the investigation and disclosure of crimes. Theory and practice of forensic examination : international experience, problems, prospects : collection of scientific papers of the I International Forum (June 7–8, 2017). Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017. P. 606–608.
2. Orlov Yu. K. Complex expertise as a legal concept // Theory and practice of forensic examination. 2013. № 4 (32). P. 170–175.
3. Moiseeva T. F., Mailis N. P. Forensic examination. Introduction to the specialty : textbook. M. : Educational institution of Higher Education Russian State University of Justice, 2019. URL: <https://iknigi.net/avtor-nadezhda-maylis/203887-sudebnaya-ekspertiza-vvedenie-v-specialnost-nadezhda-maylis/read/page-1.html> (accessed: 25.01.2022).
4. Vinberg A. I., Malakhovskaya N. T. Forensic expert science (general theoretical and methodological problems of

forensic examinations). Study guide. Volgograd, 1978. 182 p. human footprints at the present stage. Theory and practice of forensic examination. 2020. Vol. 15. № 2. P. 15–20.

5. Mailis N. P. An integrated approach to the study of

Информация об авторах

А. С. Гребнева — доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. А. Журавлев — старший преподаватель кафедры физической подготовки Воронежского института МВД России.

Information about the authors

A. S. Grebneva — Associate Professor of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов

А. С. Гребнева — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы;

А. А. Журавлев — сбор эмпирического материала; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

A. S. Grebneva — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions;

A. A. Zhuravlev — collection of empirical material; revision of the text; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 17.09.2022.

The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-99-103>

НИОН: 2003-0059-6/22-495

MOSURED: 77/27-003-2022-06-694

Формирование современного института наложения ареста на имущество: хронология изменений уголовно-процессуального регулирования

Мария Денисовна Денисова

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия, mari_denisova_2019@mail.ru

Научный руководитель: начальник кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **О. В. Химичева**

Аннотация. Анализируются изменения, которым подвергался современный уголовно-процессуальный институт наложения ареста на имущество на протяжении ряда лет; дается оценка внесенным новеллам; предлагаются меры, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части регламентации данной меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, мера процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, круг лиц, на имущество которых налагается арест, срок наложения ареста на имущество, процедура наложения ареста на имущество

Для цитирования: Денисова М. Д. Формирование современного института наложения ареста на имущество: хронология изменений уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 99–103. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-99-103>.

Original article

Formation of the modern institute of seizure of property: chronology of changes in criminal procedural regulation

Maria D. Denisova

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russia, mari_denisova_2019@mail.ru

Scientific supervisor: Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **O. V. Khimicheva**

Abstract. The article provides a brief analysis of the changes, to which the modern criminal-procedural institute of seizure of property over the years face; an assessment of the introduced innovations is given; the measures aimed at the improvement of the criminal-procedural legislation in terms of regulation of this measure of procedural coercion are offered.

Keywords: criminal procedural law, measure of procedural coercion, seizure of property, circle of persons whose property is seized, period of seizure of property, procedure for seizure of property

For citation: Denisova M. D. Formation of the modern institute of seizure of property: chronology of changes in criminal procedural regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):99–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-99-103>.

Наложение ареста на имущество на протяжении многих лет является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства и находит свое нормативное закрепление в действующем законодательстве в разделе, регламентирующем иные меры процессуального принуждения.

В первоначальной редакции УПК РФ деятельность по применению рассматриваемого процессуального института была регламентирована ст. 115, 116 и некоторыми другими статьями. Так, эта мера предназначалась для обеспечения исполнения приговора в части граждан-

ского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества в отношении имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, а также других лиц и применялась по решению суда. Применение рассматриваемой меры процессуального принуждения несло в себе запрет, адресованный собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также состоял в изъятии имущества и передаче его на хранение.

© Денисова М. Д., 2022

Нормы действующего на территории нашего государства УПК применяются на протяжении двадцати лет. За этот период времени правовое регулирование деятельности по наложению ареста на имущество неоднократно подвергалось коррективам: начиная с мая 2002 г. их внесено около пятнадцати. Однако, до настоящего времени нельзя утверждать о полноте, сбалансированности, а также непротиворечивости уголовно-процессуальных предписаний. Многочисленные изменения не привели к синхронизации уголовно-процессуального регулирования этой меры процессуального принуждения, а правоприменительная практика не избавилась от имеющихся проблем.

Отметим наиболее важные вехи в формировании современного уголовно-процессуального института наложения ареста на имущество, подробно остановившись, прежде всего, на ст. 115 УПК РФ.

Еще до вступления в действие УПК РФ *Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ* [1] ст. 115 УПК РФ была подвержена изменениям, которые коснулись ч. 8 рассматриваемой статьи, регламентирующей процессуальный порядок оформления наложения ареста на имущество.

В первоначальной редакции данной нормы ни слова не говорилось о вручении копии протокола, в связи с чем ч. 8 ст. 115 УПК РФ была дополнена следующей фразой: «копия протокола вручается лицу, на имущество которого был наложен арест».

Указанное уточнение уголовно-процессуального закона весьма ценно с позиций обеспечения прав и законных интересов собственника имущества. Действительно, отсутствие обязанности следователя, дознавателя вручать копию протокола наложения ареста на имущество создавало условия для необоснованного ограничения прав собственника. Трудно не согласиться с профессором А. В. Гриненко в том, что вручение копии протокола обеспечивает реализацию лицом своего права обжаловать действия и решения должностных лиц [9], а, следовательно, право на обжалование помогает лицу, чье имущество подвергнуто аресту, защитить свои процессуальные права и законные интересы. Внесенная корректировка в процессе осуществления правоприменительной деятельности позволит не забывать основополагающие принципы уголовного процесса, такие как право на обжалование процессуальных действий и решений, а также немаловажный принцип охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Более существенные коррективы в уголовно-процессуальную регламентацию рассматриваемого нами института законодатель внес *Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ* [2].

Во-первых, из ч. 1 ст. 115 УПК РФ была исключена одна из целей наложения ареста на имущество - возможная конфискация имущества.

Во-вторых, эта же часть дополнена указанием на несколько способов «происхождения» имущества, подвергаемого аресту, а именно: фразой «полученное в результате преступных действий либо нажитое преступным путем» имущество.

В-третьих, полностью поменяла свою формулировку ч. 4 ст. 115 УПК РФ. Первоначально аресту не могло подвергаться имущество, указанное в Перечне имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда, предусмотренном Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Но ввиду упразднения возможной конфискации имущества как цели применения наложения ареста на имущество, новая редакция части 4 предусмотрела, какое имущество не подлежит аресту: это то имущество, на которое в соответствии с нормами ГПК РФ не может быть обращено взыскание. Полагаем, однако, что бланкетный характер нормы не очень удобен правоприменителю, в связи с чем более правильным представляется указание непосредственно в ч. 4 ст. 115 УПК РФ конкретного перечня имущества, не подлежащего аресту.

В-четвертых, скорректирован круг лиц, принимающих участие в данном процессуальном действии: ч. 5 ст. 115 УПК РФ (в редакции, вступившей в законную силу в 2001 г.) предполагала лишь возможность участия при наложении ареста на имущество специалиста. Теперь законодатель пришел к выводу о том, что при наложении ареста на имущество следователю либо дознавателю необходимо обеспечить участие понятых.

Данная поправка сразу породила проблемы в правоприменительной практике, особенно в случаях, когда лицо, на имущество которого нужно наложить арест, содержится в следственном изоляторе (СИЗО). Поскольку СИЗО является режимным учреждением, провести на территорию гражданских лиц для участия в качестве понятых довольно проблематично, а сотрудники СИЗО для этих целей в соответствии с нормами закона не подходят. УПК РФ предусматривает случаи, когда участие понятых в данном процессуальном действии следователь по своему усмотрению может заменить использованием технических средств (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ) (например, фотофиксацией), но вследствие указанных выше причин вход в СИЗО с фото, видеоаппаратурой запрещен. Впоследствии требование о том, что наложение ареста на имущество производится в присутствии понятых, было упразднено.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ [3] опять же затронул ч. 1 ст. 115 УПК РФ, в которую вернулось упоминание о возможной конфискации имущества как цели наложения ареста на имущество. Кроме того, формулировка ч. 1 рассматриваемой статьи дополнена требованием, имеющим важнейшее значение для принятия судом обоснованного решения: при решении вопроса о наложении ареста на имущество для обеспечения возможной конфискации суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение.

Часть 1 ст. 115 УПК РФ вновь подвергается реформам в соответствии с *Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ* [4], который отказался от формулировки «конфискация имущества, полученного в результате преступных действий либо нажитого преступным путем», заменив ее отсылкой к ст. 104.1 УК РФ. При этом указанная уголовно-правовая норма расширяет кате-

горию имущества, которое может быть подвергнуто аресту. Выступая против бланкетного характера правовых норм, полагаем целесообразным расширить норму ч. 1 ст. 115 УПК РФ, внося в нее указание на имущество, перечисленное в ст. 104.1 УК РФ.

Этим же законом скорректирована и ч. 3 рассматриваемой статьи, которая регламентирует наложение ареста на имущество так называемых «третьих лиц», то есть не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми. Изменения, обусловленные усилением противодействия терроризму, отразились в предписании о том, что аресту подлежит имущество третьих лиц, которое не только получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, но также «использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)» [4].

Не оставил без внимания нормы, регламентирующие наложение ареста на имущество, и Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [5]: им были затронуты ч. 1 и 7 ст. 115 УПК РФ. Речь идет об исключении одного из полномочий прокурора такого, как возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество. Следовательно, с 2007 г. ходатайство об избрании данной меры процессуального принуждения возбуждают перед судом следователь с согласия руководителя следственного органа и дознаватель с согласия прокурора.

Федеральный закон 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [6] вернул изначальную редакцию ч. 5 ст. 115 УПК РФ, исключив участие понятых при применении наложения ареста на имущество.

Можно сказать, что на одну проблему в правоприменительной практике стало меньше: ведь следователю либо дознавателю не нужно задумываться над вопросом, как обеспечить участие понятых при наложении ареста на имущество на территории СИЗО. Теперь при наложении ареста на имущество достаточно участия специалиста.

Вместе с тем УПК РФ не указывает, специалиста в какой области следует привлекать к данному процессуальному действию. Неоднозначны мнения об этом и в уголовно-процессуальной литературе. Так, А. В. Гриненко утверждает, что в качестве специалиста, как правило, приглашается товаровед, который может оценить реальную стоимость с учетом его первоначальной стоимости и степени износа [9].

Иначе к этому вопросу подходит следственная и судебная практика. В ходе изучения уголовных дел мы увидели, что имущество, подвергаемое аресту, оценивается еще до обращения в суд с ходатайством. Следователь и дознаватель к своему ходатайству перед судом об избрании наложения ареста на имущество к копиям материалов уголовного дела прилагает справку о стоимости имущества, подвергаемого аресту. Исходя из этого, мы делаем вывод о том, что специалист может не участвовать при применении рассматриваемой меры процессуального принуждения.

В комментарии к УПК РФ под редакцией В. М. Ле-

бедева высказано мнение о том, что в таком качестве возможно привлечение специалиста для обнаружения имущества и обеспечения надлежащих условий для его сохранности [10]. С привлечением специалиста для обнаружения имущества мы вынуждены не согласиться, поскольку данная мера не имеет целью обнаружение имущества. Изучение практики свидетельствуют о том, что при возбуждении перед судом ходатайства следователем либо дознавателем имущество, подвергаемое аресту, заранее изъято при проведении обыска либо иного следственного действия. Основной целью применения института наложения ареста на имущество является обеспечение имущественных взысканий. Подтверждением нашего мнения являются изученные уголовные дела, в которых при наложении ареста на имущество участия специалиста мы не обнаружили.

Масштабные новеллы в рассматриваемый нами процессуальный институт внес *Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ* [7], который затронул ч. 1, 3, 6, 7, 8, 9 ст. 115, а также ряд других статей УПК РФ (например, ст. 5, 6.1, ч. 2 ст. 29).

Так, в ч. 1 ст. 115 УПК РФ расширены цели применения данной меры процессуального принуждения: теперь арест на имущество может быть наложен также и для обеспечения взыскания штрафа.

Если ранее суд должен был указать на конкретные, фактические обстоятельства, в соответствии с которыми им было принято решение об удовлетворении заявленного ходатайства только при рассмотрении вопроса о наложении ареста на имущество для обеспечения возможной конфискации, то Федеральным законом № 190-ФЗ положение ч. 1 ст. 115 УПК РФ расширено, и суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение применительно ко всем целям наложения ареста на имущество. По мнению И. Л. Петрухина, требование конкретности означает, что решение судьи должно основываться на установленных по делу конкретных фактах, а не абстрактных рассуждениях и домыслах [11]. С высказанной точкой зрения мы согласны, поскольку все процессуальные действия и решения должностных лиц, а также судебных органов не должны противоречить основополагающим принципам уголовного судопроизводства.

Указанный Федеральный закон скорректировал ч. 1 ст. 115 УПК РФ и еще в одном аспекте: суд в своем постановлении о разрешении применения наложения ареста на имущество обязан указывать конкретные установленные ограничения, которые могут быть связаны как с владением, пользованием, так и распоряжением арестованным имуществом. Появление такого требования в уголовно-процессуальном законе обусловлено необходимостью, поскольку четко определенные постановлением суда ограничения, установленные в отношении имущества, позволят исключить незаконное и необоснованное ограничение прав и законных интересов граждан.

Однако, представляется, наиболее значимые новеллы внесены в ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

Так, прежде всего, уточнен круг лиц, имущество которых может быть подвергнуто аресту («третьих лиц»):

используемый ранее термин «другие лица» заменен на «другие лица, не являющиеся подозреваемыми либо обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальные ответственность за их действия...».

Однако, отметим важный аспект — законодатель впервые упоминает о сроке действия наложенного ареста на имущество в отношении «третьих лиц». Данная новелла появилась далеко не случайно и стала реализацией правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В своем постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П [8] Суд признал положения ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ противоречащими Конституции России, а именно ч. 1–3 ст. 35, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55. В качестве обоснования отмечено, что права и законные интересы «третьих лиц» не достаточно эффективно защищаются, поэтому необходимо ограничить срок применения наложенного ареста на имущество в целях исключения необоснованного или чрезмерного ограничения процессуальных прав указанных лиц.

В соответствии с Федеральным законом № 190-ФЗ суд в постановлении должен указать срок, на который налагается арест на имущество «третьих лиц», учитывая срок предварительного следствия по уголовному делу, а также время необходимое для передачи уголовного дела в суд. Также впервые упоминается и о продлении срока наложенного ареста на имущество в соответствии с введенной в УПК РФ ст. 115.1, которая достаточно подробно, хотя и безупречно, регламентирует эту процедуру.

Указанный выше закон 2015 г. коснулся и ч. 6 ст. 115 УПК РФ, изменив «имущество, на которое наложен арест» на «арестованное имущество». Так же нормативное закрепление получило и то, что лица, которым передано на хранение арестованное имущество предупреждаются не только об ответственности за сохранность арестованного имущества, но и об ограничениях, которым подвергнуто арестованное имущество. Внесенное изменение представляется весьма полезным, поскольку позволит исключить формальное отношение собственников к установленным ограничениям. К примеру, собственник, которому передано на хранение арестованное жилое помещение, сохраняет правомочие владения им, но лишается правомочия распоряжения сдачи в аренду, продажу. Если лицо нарушит установленные ограничения, то его можно привлекать к уголовной ответственности.

Важным средством обеспечения прав лица, имущество которого подвергается аресту, можно считать новые предписания, появившиеся в ч. 8 ст. 115 УПК РФ: законодатель дополнил ее обязанностью следователя и дознавателя разъяснять данному лицу право на обжалование решения о наложении ареста в соответствии с нормами УПК РФ, а также право на заявление ходатайства об изменении ограничений в отношении арестованного имущества, либо об отмене ареста, наложенного на имущество.

Более обстоятельную регламентацию в соответствии с Федеральным законом № 190-ФЗ получила и ч. 9 ст. 115 УПК РФ. Так, наложенный арест на имущество отменяется не только на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении этой меры

отпадает необходимость, но также если истек установленный судом срок ареста, наложенного на имущество, или отказа в его продлении. Также в данной части ст. 115 УПК РФ предусмотрен подробный порядок отмены наложенного ареста на безналичные денежные средства, находящиеся на счетах у лиц, не являющихся подозреваемыми либо обвиняемыми.

Как видим, законодатель почти семь лет (с 2015 г.) не корректировал институт наложения ареста на имущество. Означает ли это, что действующее регулирование устоялось и достаточно для реализации назначения уголовного судопроизводства вообще и целей данной меры процессуального принуждения в частности?

Предпринятый анализ изменений, последовательно вносимых в уголовно-процессуальный закон, а также правоприменительной практики, чутко следующей за нормативными новеллами, показывает, что проблемы, связанные с наложением ареста на имущество, сохраняются, а значит, реформирование данного уголовно-процессуального института должно быть продолжено.

Во-первых, мы считаем пробелом в уголовно-процессуальном регулировании отсутствие перечня имущества, подлежащего аресту в случае возможной конфискации, а также перечня имущества, на которое не может быть наложен арест. Имеющиеся в ч. 1 и 4 ст. 115 УПК РФ отсылки к иным нормативным правовым актам, регулирующим данные вопросы, представляются нам затрудняющими применение норм УПК РФ.

Во-вторых, требует уточнения круг «третьих лиц», имущество которых подлежит аресту (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), прежде всего в части определения их процессуального статуса, обеспечения их прав и законных интересов.

В-третьих, некая «недосказанность» имеется в предписаниях о сроках действия наложенного ареста на имущество при применении данной меры в отношении «третьих лиц» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Решение этого вопроса отдано на усмотрение суда и законом четко не регулируется. Требование разумности срока наложенного ареста на имущество (ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ), на наш взгляд, не обеспечивает процессуальных прав и законных интересов «третьих лиц», то есть тех граждан, которые не подвергаются уголовному преследованию и к расследуемому преступлению не причастны.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»». [Электронный ресурс] // Справочная пра-

новая система КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

5. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

6. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

7. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М.П. Эйдлена // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

9. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. М. : Проспект, 2017.

10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) под редакцией В. М. Лебедева. М. : Инфра-М, 2014.

11. Петрухин И. Л. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

References

1. Federal law of 29.05.2002 № 58-FZ «On amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.
2. Federal law of 04.07.2003 № 92-FZ «On amendments

and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

3. Federal Law of 08.12.2003 № 161-FZ «On bringing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other legislative acts into conformity with the Federal Law «On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

4. Federal Law dated 27.07.2006 № 153-FZ «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law «On ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism» and the Federal Law «On Combating Terrorism». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

5. Federal Law of 05.06.2007 № 87-FZ «On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

6. Federal law of 04.03.2013 № 23-FZ «On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

7. Federal law of 29.06.2015 № 190-FZ «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation». [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.10.2014 № 25-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of parts three and nine of article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the limited liability company «Aurora low-rise construction» and citizens V. A. Shevchenko and M. P. Eidlen // Legal reference system ConsultantPlus.

9. Grinenko A. V. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article-by-article scientific and practical commentary. Moscow : Prospect, 2017.

10. Scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) edited by V. M. Lebedev. M. : Infra-M, 2014.

11. Petrukhin I. L. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource] // Legal reference system ConsultantPlus.

Информация об авторе

М. Д. Денисова — адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.

Information about the author

M. D. Denisova — Adjunct of the Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-104-107>

ИДН: 2003-0059-6/22-496

MOSURED: 77/27-003-2022-06-695

Проблемные вопросы правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел с общественностью

Ольга Марковна Дорошенко¹, Александр Владимирович Жуланов², Анна Анатольевна Базулина³

^{1,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ olka-olga@yandex.ru

² sandrik111@mail.ru

³ anna.bazulina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные правовые документы, регламентирующие взаимодействие органов внутренних дел с общественностью. Проведенный анализ показывает, что деятельность органов внутренних дел стала более открытой и прозрачной, в виду чего возникает необходимость обобщения имеющихся законов, указов и приказов в данной области. Также кратко даны основные положения документов, затрагивающих регулирование взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации.

Обобщаются имеющиеся правовые документы.

Ключевые слова: связи с общественностью, органы внутренних дел, средства массовой информации, общественность

Для цитирования: Дорошенко О. М., Жуланов А. В., Базулина А. А. Проблемные вопросы правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел с общественностью // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 104–107. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-104-107>.

Original article

Problematic issues of legal regulation of the interaction of internal affairs bodies with the public

Olga M. Doroshenko¹, Alexander V. Zhulanov², Anna A. Basulina³

^{1,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ olka-olga@yandex.ru

² sandrik111@mail.ru

³ anna.bazulina@mail.ru

Abstract. The basic legal documents governing the interaction of public internal affairs bodies are considered. The analysis conducted shows that the activities of the internal affairs bodies have become more open and transparent, in view of which there is a need to summarize existing laws, decrees and orders in this area. The main provisions of documents affecting the regulation of the interaction of internal affairs bodies with the media are briefly given.

The novelty of the article is seen in the generalization of existing legal documents and the author's approach to this issue.

Keywords: public relations, internal affairs bodies, mass media, public

For citation: Doroshenko O. M., Zhulanov A. V., Basulina A. A. Problematic issues of legal regulation of the interaction of internal affairs bodies with the public. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):104–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-104-107>.

Введение (постановка проблемы). Деятельность органов внутренних дел, в настоящее время, протекает в бурно развивающемся обществе, где каждый день появляются все новые и новые технические средства передачи информации, что влечет за собой актуализацию потребности соответствовать этим требованиям во всех сферах общественных отношений. Это относится и к регулированию взаимодействия органов внутренних дел с общественностью. Сегодня, с учетом развития информационных технологий, представляется невозможным как утаить информацию, так и преподнести ее в «нужном» свете, поскольку появление электронных средств мас-

© Дорошенко О. М., Жуланов А. В., Базулина А. А., 2022

совой информации позволяет получить опровержение недостоверных данных почти мгновенно и создать «неудобные ситуации» для руководящего состава. Возникают проблемные ситуации, когда гражданин, ставший очевидцем происшествия, имея телефон и выход в сеть Интернет, в силу специфики собственного восприятия ситуации, способен преподнести это так, как он это видит, что нередко не совпадает с мнением органов государственной власти и органов внутренних дел.

Очевидно, что, создавая сильное и процветающее государство, необходимо развивать партнерское взаимодействие, в том числе между органами внутренних дел, институтом гражданского общества и средствами массовой информации. Однако, возникает явное противоречие между необходимостью предоставления наиболее точной и полной информации и спецификой категории сведений (на сколько открыто можно их предоставлять). Поэтому в Российской Федерации издан ряд правовых документов, регулирующих данную область, что собственно и стало темой нашей статьи.

Основное положение материала. В виду того, что деятельность органов внутренних дел сопряжена с разными видами права, то и взаимодействие данного института с общественностью не может регулироваться лишь одним универсальным документом.

Обратимся к такой категории, как общественность. В юридической науке под данным понятием используется широкий ряд синонимичных терминов, среди которых «граждане», «заинтересованные лица», «общественные организации и институты» и т. п.

В ряде научных исследований общественность представляет собой определенную группу людей, которая рассматривается как объект определенных форм влияния. На этом основано разделение общественности на активную и пассивную. Активная — это та часть аудитории, которая открыто выражает свое мнение и отношение, положительное или негативное, это группа людей, с достаточно прогнозируемым поведением. Пассивная же наоборот — это группа, которая зачастую настроена достаточно негативно, но не проявляющая активность, однако при определенных обстоятельствах существенно влияющую на ситуацию. Для пиар-специалистов именно эта группа представляет интерес. Целью работы с общественностью становится перевод этой пассивной группы в активное состояние, характеризующееся положительным откликом на изменения, предложения и т. п.

Проанализировав множество дефиниций данного понятия, будем считать, что общественность — это социально-активная часть общества, охватывающая как физических, так и юридических лиц, живо выражающая свои позиции и мнения.

На наш взгляд, использование Интернет-ресурсов все больше и больше вытесняет привычные источники информации, такие как газеты, журналы, вестники и т.п., на смену бумажных форм приходят электронные документы, которые всегда можно быстро найти, в любое удобное время и любых условиях. Это связано с тем, что мы живем в век информационных технологий, и ускоренного ритма жизни, то для людей привычным стало

получение каких-то сведений через средства массовой информации и Интернет, как основных источников. Люди очень много времени проводят на работе, в дороге, живут и работают в условиях многозадачности. Поэтому транслирование информации органами внутренних дел зачастую происходит именно в такой форме, которая стала достаточно популярной и удобной, поскольку на сегодняшний день редко встретишь человека, у которого отсутствует телефон, а посредством бесплатных точек доступа в местах скопления людей, таких как торговые центры, остановки и пр. выход в интернет есть всегда.

Органы внутренних дел позиционируют свою деятельность как открытую и доступную, в связи с этим представители средств массовой информации могут запросить какие-либо сведения:

- *в устной форме.* Это обращение с просьбой осветить какой-либо вопрос или проблему, либо происшествие или неясную ситуацию, которая волнует широкие массы населения. В устной форме ответ может быть получен в ходе личного приема, телефонной консультации, посредством общения со справочными службами, либо уполномоченными органами;
- *в форме письменных запросов* (предоставление данных по которым, обычно необходимы, прежде всего, для юридической фиксации данных и ответственных за это лиц).

Согласно Федеральному закону «О полиции» [2] общественность, в лице граждан и организаций имеет право получать от органов внутренних дел информацию, непосредственно затрагивающую их права, а также информацию о деятельности полиции. Согласно упомянутому закону, такое информирование осуществляется посредством сети Интернет и средств массовой информации как по официальным запросам, так и для реализации основных принципов деятельности правоохранительных органов, таких как открытость и публичность, а также для формирования чувства доверия к сотрудникам органов внутренних дел, что на наш взгляд является приоритетной задачей пиар-специалистов органов внутренних дел.

Следующим документом, представляющим интерес, является Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [1], согласно которому каждый орган государственной власти обязан иметь официальный сайт, на котором должна присутствовать вся открытая информация, касающаяся деятельности подразделения или ведомства, за исключением той, которая представляет собой государственную тайну. Таким образом, ОВД налаживают взаимодействие с широкими слоями населения посредством как официальных запросов, так и посредством обнародования информации в средствах массовой информации и сети Интернет. Кроме того, законом предусматривается доступ к информации в служебных помещениях, архивных и библиотечных фондах и т. п.

Приказом МВД России «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» [6] утверждается регламент заявленной

работы, а также определяется круг ответственных за это органов и подразделений. За предоставление информации большого объема предусмотрено взимание платы.

Согласно Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» [4] СМИ имеют право запрашивать данные у органов внутренних дел как в устной форме, так и в письменной, а последние должны их предоставлять. Предоставление таких сообщений может быть в виде пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов либо непосредственно руководителем ведомства. Отказ в предоставлении сведений может быть только если они затрагивают сферу государственной тайны или интересы следствия, конфиденциальную или закрытую информацию. В таком случае, если запрос был письменный, представителю вручается соответствующее уведомление, в котором четко прописаны причины отказа. Такой документ должен быть создан и вручен в течение 3-х дней со дня получения запроса.

Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня информации о деятельности МВД России, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [5] строго фиксируется реестр сведений о деятельности МВД России, которая может быть предана огласке и размещена в сети Интернет. Также данным указом утверждается обязанность специалистов органов внутренних дел поддерживать размещенную информацию в актуальном виде, своевременно ее обновлять, дополнять и проверять. За данную работу отвечает ответственный сотрудник или подразделение, которое четко формирует и публикует информацию.

Принцип открытости и публичности поддерживает Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], который обязывает государственные органы обеспечивать свободный доступ к информации о своей деятельности. Причем такой доступ может получить любой желающий без объяснения причин и целей ее получения.

Фактически, все упомянутые нормативно-правовые документы, обеспечивают открытость и доступность информации для общественности, что создает максимальную прозрачность деятельности органов внутренних дел, если только это не касается конфиденциальной информации или интересов следствия. При этом, их многообразие с одной стороны дополняет друг друга, с другой, иногда вызывает разночтение, неправильное понимание и искажение, в связи с этим нам видится решение данной проблемы в более углубленном изучении всех нормативно-правовых документов и формулировании предложений, ориентированных на решение выявленных несоответствий. Так, например, в Конституции РФ и Законе РФ «О средствах массовой информации» используется просто понятие «массовая информация», но определения или разъяснения по этому поводу нет, что:

- создает некую определенность и сложности при привлечении виновных лиц к ответственности;
- приводит к недоразумениям в процессе взаимодействия ОВД и СМИ.

В этой связи, термин «массовая информация» нуждается в уточнении, поскольку он отражает многие сто-

роны, как:

- вещание по телевидению или в сети Интернет;
- периодические печатные издания (теряют свою популярность в связи с появлением мобильных гаджетов и т. п. средств, также видео-, радио-, телепрограммы, однако, имеют место быть, и пользуются спросом у определенной категории граждан).

Также, проблемный вопрос об информации, транслируемой в сети Интернет. Так, например, инструкции по созданию взрывчатых веществ и запрещенных наркотических препаратов, которые преподносятся как физический или химический эксперимент, и, по сути, не представляющий особой опасности, но для определенной категории граждан — это руководство к действию, приводящее часто к непоправимым последствиям, и значительному урону здоровью, и жизни других людей. Конечно, подобные аккаунты находятся под наблюдением специальных служб, однако, существует определённый пробел в области ответственности за размещение подобной информации.

Наличие компетентных специалистов также необходимо для выстраивания гармоничных отношений органов внутренних дел с обществом и средствами массовой информации. В этой связи, представители пресс-центров подразделений органов внутренних дел должны проходить специальную подготовку, поскольку в условиях чрезвычайных положений (как, например, в случаях с террористическими актами или стихийными бедствиями, катастрофами), очень важно правильно преподнести информацию, не вызвать паники, агрессии, не спровоцировать военные конфликты против представителей разных национальностей и культур. Такие случаи регулируются федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении». В таких ситуациях предусмотрено ограничение СМИ в печати, трансляции тех или иных материалов, четкое согласование предоставляемой информации с пресс-службами МВД. Искривление информации, а также предоставление ложной информации наказуемо в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование взаимодействия органов внутренних дел с общественностью достаточно многоаспектна, и играет важную роль в системе защиты прав и свобод, как граждан, так и профилактики распространения и предупреждения преступлений в различных сферах жизни. Поэтому, нам видится перспективным развитие законодательства в этом направлении, которое является залогом гармоничного развития общества и государства.

Список источников

1. Федеральный закон от 09 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 03.05.2022).
2. Федеральный закон «О полиции» от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ре-

сурсе]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 03.05.2022).

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.05.2022).

4. Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 03.05.2022).

5. Указ Президента РФ от 10 августа 2011 года № 1060 «Об утверждении Перечня информации о деятельности МВД России, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://бф.випк.мвд.рф/Universitet/правовое-информирование/документы/указы-президента-российской-федерации/> (дата обращения: 03.05.2022).

6. Приказ МВД России от 27 октября 2015 года № 1010 (ред. от 11.01.2018) «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 19.11.2015 № 39780) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189264/ (дата обращения: 03.05.2022).

References

1. Federal Law of February 09, 2009 № 8-FZ «On ensuring access to information on the activities of State bodies and local Self-government bodies» [Electronic

resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed: 03.05.2022).

2. Federal Law «On Police» dated February 07, 2011 № 3-FZ (latest edition) [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (accessed 03.05.2022).

3. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 03.05.2022).

4. Law of the Russian Federation № 2124-1 of December 27, 1991 (ed. of 01.07.2021) «On Mass Media» [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (accessed 03.05.2022).

5. Decree of the President of the Russian Federation № 1060 dated August 10, 2011 «On approval of the List of information on the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia posted on the Internet information and telecommunications network» [Electronic resource]. Access mode: <https://бф.випк.мвд.рф/Universitet/правовое-информирование/документы/указы-президента-российской-федерации/> (accessed 03.05.2022).

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 1010 dated October 27, 2015 (ed. dated 11.01.2018) «On Approval of the Procedure for Organizing work to Ensure access to information on the Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation № 39780 on 19.11.2015) [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189264/ (accessed 03.05.2022).

Информация об авторах

О. М. Дорошенко — заместитель начальника кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности в органах внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. В. Жуланов — доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук;

А. А. Базулина — доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности в органах внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

O. M. Doroshenko — Deputy Head of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Service of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. V. Zhulanov — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex on a preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences;

A. A. Basulina — Associate Professor of the Department of Pedagogy Educational and Scientific Complex of the Psychology of Service Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 12.09.2022. The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 343.228

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-108-110>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2003-0059-6/22-497

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-696

Особенности квалификации провокации необходимой обороны

Александра Михайловна Зарина¹, Татьяна Юрьевна Гантюк²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Межмуниципальное управление МВД России Серпуховское, Серпухов, Россия, ms.gantyuk@mail.ru

Аннотация. Проанализировано зарубежное законодательство понимания такого явления, как провокация необходимой обороны. Провокация необходимой обороны уголовным законодательством не урегулирована, существует лишь в теоретическом аспекте, однако она имеет значение в обеспечении прав человека и гражданина. Предлагается закрепить положение о том, что лицо, которое спровоцировало необходимую оборону, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Ключевые слова: провокация необходимой обороны, непредумышленное убийство, провоцирующее лицо, уголовная ответственность

Для цитирования: Зарина А. М., Гантюк Т. Ю. Особенности квалификации провокации необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 108–110. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-108-110>.

Original article

Features of qualification of the provocation of the necessary defense

Alexandra M. Zarina¹, Tatyana Yu. Gantyuk²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Intermunicipal Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia Serpukhov, Serpukhov, Russia, ms.gantyuk@mail.ru

Abstract. The foreign legislation of understanding of such a phenomenon as a provocation of necessary defense is analyzed. The provocation of necessary defense is not regulated by criminal law, it exists only in a theoretical aspect, but it is important in ensuring the rights of man and citizen. It is proposed to consolidate the provision that the person who provoked the necessary defense is subject to criminal liability on a general basis.

Keywords: provocation of necessary defense, manslaughter, provocative person, criminal liability

For citation: Zarina A. M., Gantyuk T. Yu. Features of qualification of the provocation of the necessary defense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):108–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-108-110>.

Провокация необходимой обороны — умышленное создание условий, при которых искусственно создаются обстоятельства необходимой обороны, то есть посягательство на охраняемые законом интересы общества и государства.

А. А. Пионтковский считает, что «если нападение сознательно спровоцировано лицом для того, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, то подобные действия нужно рассматривать не по правилам о необходимой обороне, а на общих основаниях, как часть единого преступного плана для совершения умышленного преступления [2, с. 81–82].

Признаками провокации являются использование противоправных средств и методов достижения цели, то есть подкупа, обмана, угрозы и т. д., также искусствен-

ное создание ситуации, при которой исполнитель будет действовать, не обдумывая последствия своих действий.

Провокация необходимой обороны законодательством не урегулирована, но исходя из части первой статьи 37 УК РФ, лицо может создавать мнимую угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам общества и государства — в частности жизни.

На научном уровне единственным ученым, предпринявшим попытку определить виды провокации, является А. А. Мастерков. За основу классификации он взял два критерия. В первом варианте ученый рассматривал провокацию с точки зрения уголовного права, а во втором — с точки зрения науки криминологии. Провокация в уголовно-правовом смысле — это вовлечение другого лица в совершение преступления, целью которого является насту-

пление вредных для этого лица последствий [1, с. 76–78].

В свою очередь, провокацию можно подразделить на виды, критерием которой являются:

1. способ вовлечения в преступление;
2. действия провокаторов.

С точки зрения виктимологии, провокация — это отрицательное поведение жертвы, которое вызывает противоправные действия возможного преступника.

Если рассматривать субъективную сторону, то в провокации необходимой обороны лицо действует, желая наступления общественно-опасных последствий, главная цель — причинение вреда, но при этом лицо ссылается на состояние необходимой обороны и использует его в качестве «прикрытия».

Следует отметить, анализируя зарубежное право, а именно английское законодательство, что если убийство являлось умышленным, но спровоцированным со стороны убитого, то это составляет *manslaughter* (с англ. непредумышленное убийство) [3, с. 120–121].

Провоцирующим лицом может быть не только потерпевший, но и другие третьи лица. Если провокатор, целясь в того, кто его спровоцировал, убивает другое лицо, то его действия стоит квалифицировать как простое убийство. В Англии до вступления в силу Закона об убийстве 1957 года, в законодательстве было предусмотрено, что провокация должна была исходить только от убитого.

Основными признаками провокации в английском уголовном законодательстве являются провоцирующая речь и аморальные, противозаконные деяния лица.

В иных зарубежных странах провокация рассматривается как условие правомерности необходимой обороны. Данное условие содержится в Уголовных кодексах таких стран как: Андорра, Гватемала, Гондурас, Греция, Самоа, Испания, Куба, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, Таджикистан, Узбекистан, Уругвай, Филиппины, Эквадор.

Ещё дореволюционные криминалисты поднимали вопрос об оценке провокации необходимой обороны и провокации преступлений. Учёные предлагали оценивать такие действия как подстрекательство и признавать уголовно наказуемыми. Подстрекательство, исходя из содержания статьи 33 УК РФ, — это склонение другого лица к совершению преступления путём угроз, подкупа или уговоров. В рассматриваемой ситуации с необходимой обороной лицо не требует прямо совершить преступление, но посредством своего провоцирующего поведения, которое может выражаться в оскорблениях, угрозах или противоправном поведении, вовлекает лицо в совершение преступления. Таким образом, провокация представляет собой косвенное подстрекательство. Но так как провоцирующее лицо имеет конечную цель нанести вред здоровью или жизни, то оно будет подлежать уголовной ответственности на общих основаниях по фактически наступившим обстоятельствам.

Как следствие возникает вопрос о возможности присутствия провокации необходимой обороны в обоюдной драке. Исходя из того, что необходимая оборона — это защита личности и прав обороняющегося или других лиц, а провокация необходимой обороны — это умышленное создание условий, при которых искусственно создаётся состояние необходимой обороны, нужно считать, что при обоюдной драке у одного лица должна быть цель защититься, а не причинить больший или равный вред,

а у другого — причинить вред, но при этом сослаться на состояние у него необходимой обороны для избежания им уголовной ответственности. Из этого следует, что если умысел у одного лица направлен именно на провокацию необходимой обороны, то оно подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Так, на примере судебной практики коллегия Кировского областного суда рассматривала дело по апелляционным жалобам осуждённого О. на приговор Слободского районного суда Кировской области. Судебный орган установил, что О. признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, путём нанесения ему удара кулаком и ногой по лицу (часть первая статьи 111 УК РФ). Преступление совершено в ходе ссоры. Виновный ссылался на то, что находился в состоянии необходимой обороны при защите от нападения потерпевшего, пытавшегося нанести неоднократные удары ему в голову. Гражданин О. считает, что превысил пределы необходимой обороны, и его действия должны квалифицироваться частью первой статьи 114 УК РФ. Апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения. Из показаний потерпевшего следует, что у него произошёл конфликт с О., так как ему не понравилось, как тот общался с его женой. Потерпевший объяснил своё участие в конфликте тем, что заступался за неё. Также установлено, что виновный имел умысел именно на причинение вреда, а не на защиту. Таким образом, можно сказать, что осуждённый О. своими действиями провоцировал конфликт, который повлёк за собой драку, с целью нанесения потерпевшему вреда здоровью [4].

Провокация необходимой обороны по некоторым признакам схожа с приготовлением к преступлению. Как было ранее сказано, что провокация — это искусственное создание каких-либо условий. Некоторые способы приготовления совпадают со способами провокации. Например, при провокации необходимой обороны лицо может приискать соучастников для создания необходимых условий, лицо может прибегнуть к сговору с другими соучастниками по поводу создания определённых условий, нужных для видимости правомерной защиты. Лицо использует и иные действия, например, осознанно создаёт конфликтную ситуацию, провоцирует другими способами лицо на причинение вреда. Приготовление к преступлению направлено на облегчение совершения преступления, в то время как провокация необходимой обороны направлена на сокрытие преступного умысла под предлогом защиты.

Провокация необходимой обороны уголовным законодательством не урегулирована, однако она имеет значение в обеспечении прав человека и гражданина. Провокация необходимой обороны существует лишь в теоретическом аспекте, но в практике при разрешении уголовных дел применяется правило, сформулированное пунктом 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что провокация необходимой обороны — это умышленное деяние лица, побуждающее к совершению в отношении него общественного опасного посягательства, обладающие аморальным, противозаконным характером,

совершенное из мести, зависти, ревности, а также иных побуждений, целью которой является причинение вреда жизни и здоровью, сокрытие другого преступления и др.

Законодательное определение провокации необходимой обороны отсутствует в Российской Федерации, что, в свою очередь, оказывает влияние на судебную практику в целом. Она рассматривается лишь в теории, согласно которой необходимость обороны отсутствует в тех случаях, когда с целью расправы лицо провоцирует нападение.

К особенностям провокации необходимой обороны можно отнести:

- умышленное деяние;
- различные способы: оскорбления, издевательства, насилие, иные аморальные и противозаконные деяния;
- мотивами могут выступать: зависть, ревность, месть и иные побуждения;
- целями будет являться: совершение хулиганских действий, причинение вреда жизни и здоровью, сокрытие другого преступления и другое.

В целях совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации следует в ст. 37 УК РФ необходимо закрепить положение о том, что лицо, которое спровоцировало необходимую оборону, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Список источников

1. Мастерков А. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности. Владивосток : Юридические науки, 2000. 156 с.
2. Пионтковский А. А. Необходимая оборона // Уголовное право. Общая часть : учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 408 с.
3. Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969. 160 с.
4. Постановление № 5-59/2019 от 7 июня 2019 года по делу № 5-59/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qE3Wa7REno50>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами зако-

нодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС КонсультантПлюс.

References

1. Masterkov A. A. Criminal-legal and criminological aspects of provocative activity. Vladivostok : Legal Sciences, 2000. 156 p.
2. Piontkovsky A. A. Necessary defense // Criminal Law. General part : textbook. M. : Legal Publishing house of the NKYu of the USSR, 1938. 408 p.
3. Polyansky N. N. Criminal law and the Criminal Court of England. M., 1969. 160 p.
4. Resolution № 5-59/2019 of June 7, 2019 in case № 5-59/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qE3Wa7REno50>.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 № 19 «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm during detention persons who have committed a crime» // SPS ConsultantPlus.

Библиографический список

1. Горбатович Д. А. Установление границ криминализации деяний посредством регламентации и правоприменения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяний // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 21–22.
2. Попов К. И. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны : учебное пособие для вузов. М. : Издательство ОПТИМ, 2016.

Bibliographic list

1. Gorbatovich D. A. Establishing the boundaries of criminalization of acts through regulation and law enforcement of norms on circumstances excluding criminality of acts // Russian Justice. 2020. № 4. P. 21–22.
2. Popov K. I. Actual issues of responsibility for exceeding the limits of necessary defense : a textbook for universities. M. : OPTIM Publishing House, 2016.

Информация об авторах

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Ю. Гантюк — следователь Межмуниципального управления МВД России Серпуховское.

Information about the authors

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor;

T. Yu. Gantyuk — Investigator of the Intermunicipal Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia Serpukhov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 12.12.2022. The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-111-114>

ИПОН: 2003-0059-6/22-498

MOSURED: 77/27-003-2022-06-697

Усмотрение суда при принятии процессуальных решений по уголовному делу в досудебном производстве

Александра Владимировна Земскова^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты реализации усмотрения суда в досудебном производстве по уголовному делу. Акцентируется внимание на этапе принятия одного из итоговых решений в досудебном производстве — о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Исследуется также вопрос о неопределенности уголовно-процессуального регулирования полномочия суда по прекращению уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением данной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: усмотрение суда, прекращение уголовного дела, мера уголовно-правового характера, судебный штраф, уголовный проступок

Для цитирования: Земскова А. В. Усмотрение суда при принятии процессуальных решений по уголовному делу в досудебном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 111–114. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-111-114>.

Original article

Discretion of the court when making procedural decisions on a criminal case in pre-trial proceedings

Alexandra V. Zemskova^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to some aspects of the implementation of the discretion of the court in pre-trial proceedings in a criminal case. Attention is focused on the stage of making one of the final decisions in pre-trial proceedings — on the termination of a criminal case with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. The article touches upon the question of the uncertainty of the criminal procedural regulation of the court's authority to terminate a criminal case or criminal prosecution in connection with the appointment of this measure of a criminal nature.

Keywords: discretion of the court, termination of a criminal case, measure of a criminal nature, judicial fine, criminal offense

For citation: Zemskova A. V. Discretion of the court when making procedural decisions on a criminal case in pre-trial proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):111–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-111-114>.

Вопросы усмотрения правоприменителя всегда представляли особый научный интерес, поскольку анализ практики применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства демонстрирует различные варианты применения норм, влекущих правовые последствия для участников уголовного судопроизводства.

В науке сложилось различное понимание дефиниции «судебное усмотрение». Так, Л. Н. Берг полагает, что «судебное усмотрение — элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе

мотивированного законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъектом (судьей) по конкретному юридическому делу в пределах, установленной нормой права» [1, с. 8].

А. А. Никитин под правовым усмотрением понимает «результат интеллектуально-волевой деятельности субъекта (индивидуального или коллективного) — выбранное на основе представлений и (или) знаний о предписаниях правовых норм решение по вопросу, имеющему юридическое значение, и выраженное в определенных деяниях

в правотворческой деятельности, правореализационной, правоинтерпретационной сферах, либо в общей модели правового поведения данного субъекта» [2, с. 9–10].

Таким образом, усмотрение суда связано с таким понятием, как выбор правового поведения, которое по справедливому замечанию К. А. Сомикова, характеризуется волевым признаком правоспособного субъекта, целенаправленностью действий и пределами установленными законодательством [3, с. 7].

В ходе досудебного производства усмотрение суда в большой степени связано с реализацией контрольных функций, например, по проверке законности задержания лица по подозрению в совершении преступления и обоснованности ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, либо по проверке законности и обоснованности производства следственного действия, требующего судебного санкционирования. Однако усмотрение суда может проявляться и при принятии решений, которыми завершается производство по уголовному делу, например, при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Анализ статистики рассмотрения поступивших ходатайств следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа свидетельствует о значительном количестве уголовных дел, по которым суды отказывают в их удовлетворении. Так, в 2019 г. удовлетворены такие ходатайства по 30678 уголовным делам, отказано в удовлетворении ходатайств по 2709 уголовным делам, в 2020 г. удовлетворены ходатайства по 32422 уголовным делам, отказано по 3497 делам, в 2021 г. удовлетворены ходатайства по 15648 уголовным делам, отказано по 2400 уголовным делам [4].

Конечно, часть ходатайств не подлежала удовлетворению в связи с допущенными следователями и дознавателями нарушениями, несмотря на то, что законность и обоснованность данных ходатайств должна была контролироваться руководителем следственного органа либо прокурором перед их направлением в суд.

Однако, как представляется, значительная часть решений об отказе в удовлетворении ходатайств связана именно с усмотрением судьи, разрешающего поступившее ходатайство следователя и дознавателя. При этом в разных регионах практика рассмотрения и разрешения ходатайств о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа неодинакова. Этому во многом способствует весьма неоднозначная регламентация в УПК РФ порядка реализации данного полномочия суда, предусмотренного п. 3.1

ч. 1 ст. 29 УПК РФ. Исходя из данного обстоятельства, актуальным представляется вопрос о необходимости уточнения процедуры принятия судом решений при рассмотрении поступившего ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в порядке, предусмотренном главой 51.1 УПК РФ.

Статья 25.1 УПК РФ, которая определяет основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, сконструирована таким образом, что предоставляет суду возможность выбора: «суд ... вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование». Иначе урегулировано данное полномочие суда в ч. 1 ст. 446.2 УПК РФ, устанавливающей непосредственно порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию: «уголовное дело или уголовное преследование ... прекращается судом...». Очевидно, в этой норме речь идет об обязанности суда при наличии соответствующего ходатайства следователя или дознавателя прекратить уголовное производство или уголовное преследование.

Иными словами, в ст. 25.1 и ст. 446.2 УПК РФ по-разному урегулировано полномочие суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование с применением судебного штрафа, что, безусловно, влияет на реализацию судейского усмотрения по конкретному делу.

В науке уголовно-процессуального права сложились неоднозначные взгляды на данную проблему: должно ли прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, быть правом или обязанностью суда. Н. В. Угольников считает, что суд должен самостоятельно определять возможность применения судебного штрафа, что обусловлено «динамизмом общественных отношений, разнообразием обстоятельств совершения преступления и содержания материалов уголовного дела» [5, с. 106].

Верховный Суд Российской Федерации предлагает дифференцировать порядок назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и соответственно полномочия суда в зависимости от совершенного деяния. Так, в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [6] в новой редакции части 1 статьи 25.1 УПК России речь идет именно об обязанности суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование при совершении лицом уголовного проступка («суд по результатам рассмотрения ходатайства ... прекращает уголовное дело или уголовное преследование...»). Между тем, предлагаемая редакция части 2 статьи 25.1 УПК России предоставляет суду альтернативность действий при прекращении уголовного дела или уголовного преследования при совершении лицом преступления, не являющегося уголовным

проступком («суд по результатам рассмотрения ходатайства ... вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование...»). Иначе говоря, предполагается, что по уголовному делу об уголовном проступке суд будет обязан прекращать производство, а по уголовному делу о преступлении — вправе принять такое решение.

В. В. Шишов и П. О. Панфилов, исследовав проблемы назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, установили, что на практике уголовные дела или уголовное преследование часто прекращаются по данному основанию в отношении преступлений коррупционной направленности, а также налоговых преступлений, причиняющих серьезный вред общественным отношениям [7]. Конечно, по формальным основаниям такие решения соответствуют всем требованиям — условиям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ. Вместе с тем, очевидно и то, что лица, совершившие преступления «повышенной общественной опасности», не должны освобождаться от уголовной ответственности [7, с. 200].

При таких обстоятельствах в целях гуманизации законодательства, но, с другой стороны, реализации назначения уголовного судопроизводства следует дифференцировать порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: обязав суд прекращать производство — по одним преступлениям; и предоставив суду такое право — по другим. При этом следовало бы выделить конкретные составы преступлений, за совершение которых допускалось бы принятие решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по усмотрению суда при соблюдении условий, отраженных в ст. 76.2 УК РФ.

Вместе с тем дискуссионным может стать вопрос о критериях выделения из группы преступлений небольшой и средней тяжести преступлений «повышенной общественной опасности», уголовные дела о которых суд может (но не обязан) прекратить по своему усмотрению. Примером может служить возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК РФ), представляющие особую опасность в современных реалиях.

Такая дифференциация полномочий суда по прекращению уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа необходима в целях соблюдения частного и публичного интересов в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы : общетеоретический аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Берг Людмила Николаевна; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2008. 22 с.
2. Никитин А. А. Правовое усмотрение : теория, практика, техника : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Никитин Александр Александрович; [Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия]. Саратов, 2021. 49 с.
3. Сомиков К. А. Правовой выбор и реализация права : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Сомиков Кирилл Александрович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2011. 28 с.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019, 2020, 2021 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 30.04.2022).
5. Угольникова Н. В. Судейское усмотрение при прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.
6. Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Панфилов П. О., Шишов В. В. Взаимообеспечение и противостояние частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 196–201.

References

1. Berg L. N. Judicial discretion and its limits : general theoretical aspect : abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences : 12.00.01 / Berg Lyudmila Nikolaevna; [Place of defense: Ur. state. jurid. acad.]. Yekaterinburg, 2008. 22 p.
2. Nikitin A. A. Legal discretion : theory, practice, technique : abstract dis. ... Doctor of Law : 12.00.01 / Nikitin Alexander Alexandrovich; [Place of defense: Saratov State Law Academy]. Saratov, 2021. 49 p.
3. Somikov K. A. Legal choice and realization of law : abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences : 12.00.01 / Somikov Kirill Alexandrovich; [Place of defense: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky]. Nizhny Novgorod, 2011. 28 p.

4. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2019, 2020, 2021. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed: 30.04.2022).

5. Ugolnikova N. V. Judicial discretion in the termination of a criminal case or criminal prosecution and the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine during pre-trial proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1.

6. Draft Law № 1112019-7 «On Amendments to the

Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the Introduction of the concept of criminal misconduct» // System of ensuring legislative activity [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (accessed: 20.04.2022).

7. Panfilov P. O., Shishov V. V. Mutual support and confrontation of private and public interests in the release from criminal liability // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 196–201.

Информация об авторе

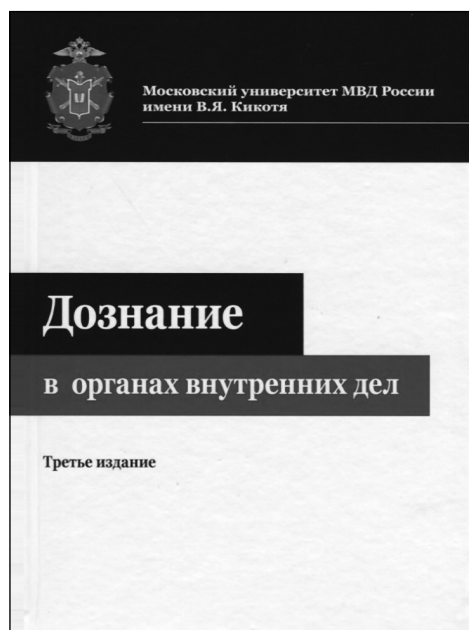
А. В. Земскова — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Zemskova — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 343.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-115-119>

НИОН: 2003-0059-6/22-499

MOSURED: 77/27-003-2022-06-698

Противодействие преступлениям, совершаемым на религиозной почве: оперативно-розыскной аспект

Петр Иванович Иванов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, ivanovpi1952@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым на религиозной почве, которые на сегодня являются одним из источников угрозы национальной безопасности. Эти преступления посягают на общественные отношения обеспечивающие безопасность конституционного строя от внешних и внутренних угроз, возникающих от противоправных действий экстремистских сообществ, деятельность которых направлена на разжигание, в частности, религиозной ненависти или вражды. Делается вывод о том, что многолетняя практика убедительно доказала действенность в плане своевременного упреждения противоправных деяний оперативно-розыскного противодействия, осуществляемого с использованием специальных сил, средств, методов и мероприятий. Анализируемые в статье преступления автором рассматриваются как разновидность проявлений религиозного экстремизма. При этом он не ставил своей задачей представить все нюансы, связанные с ними.

Ключевые слова: преступные деяния, религиозная направленность, религиозный экстремизм, противодействие, оперативно-розыскные меры, система оперативно-розыскных мер

Для цитирования: Иванов П. И. Противодействие преступлениям, совершаемым на религиозной почве: оперативно-розыскной аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-115-119>.

Original article

Counteraction to crimes committed on religious soil: operational and search aspect

Petr I. Ivanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ivanovpi1952@yandex.ru

Abstract. The operational-search counteraction to crimes committed on religious grounds, which today are one of the sources of threat to national security, is considered. These crimes encroach on social relations that ensure the security of the constitutional order from external and internal threats arising from the illegal actions of extremist communities whose activities are aimed at inciting, in particular, religious hatred or enmity. It is concluded that long-term practice has convincingly proved the effectiveness in terms of timely prevention of illegal acts of operational-search countermeasures, carried out using special forces, means, methods and measures. The crimes analyzed in the article are considered by the author as a variety of manifestations of religious extremism. At the same time, he did not set himself the task of presenting all the nuances associated with them.

Keywords: criminal acts, religious orientation, religious extremism, counteraction, operational-search measures, system of operational-search measures

For citation: Ivanov P. I. Counteraction to crimes committed on religious soil: operational and search aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):115–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-115-119>.

Среди угроз и вызовов национальной безопасности [7] преступления, совершаемые на религиозной почве, занимают особое место, поскольку они ориентированы на разрушение традиционных для России духовно-нравственных ценностей путем разжигания межнационального и межрелигиозного (межконфессионального) конфликта.

Забегая вперед, отметим, что мы имеем дело с глубоко эшелонированным феноменом. На наш взгляд, в результате чего образовалась своеобразная многоуровневая социально-правовая прослойка, представляемая нами в виде системы: «экстремизм — религиозный экстремизм — псевдорелигиозный экстремизм (религиоз-

© Иванов П. И., 2022

но-мотивированный)». На этом фундаменте по существу возникает криминальная среда, составной частью которой и являются преступления, совершаемые на религиозной почве. Как нам представляется, без предварительного уяснения смысла и содержания приведенной нами системы трудно представить причинно-следственные связи самого механизма совершения указанных видов преступлений, корнями уходящих в ее структуру. Раскрывая познавательную сущность противоправных деяний в сфере религиозного экстремизма посредством специально проведенного исследования, получаем соответствующую систему знаний о его проявлениях, выступающих объектом оперативно-розыскного противодействия, основных направлениях их развития в новых условиях, когда бурно распространяется информационная технология.

Как показывают результаты изучения и анализа, чтобы разработать систему научно обоснованных и подтвержденных правоприменительной практикой мер оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым на религиозной почве необходимо глубоко знать природу возникновения и развития проявлений религиозного экстремизма. Такая работа проводится в рамках оперативно-розыскной их характеристики, позволяющей иметь своеобразную фотографию (картинку) с указанием «реперных» точек.

Псевдорелигиозный экстремизм есть разновидность экстремизма как целостного понятия (между ними границы размыты), сущностные признаки его характеризующие во многом отражают внутреннее устройство и механизм существования. К их числу следует отнести:

- экстремистскую деятельность, осуществляемую национальными, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, представляемую как один из основных источников угроз национальной безопасности. Специалисты [11, с. 87], углубленно изучая структуру религиозного экстремизма, установили и обосновали наличие трех его разновидностей. Среди них особый интерес, на наш взгляд, представляет так называемый псевдовосточный экстремизм, который в целом объединяет новые религиозные движения¹;
- тесную взаимосвязь с терроризмом, выступающим крайним проявлением экстремизма, основывающимся на экстремистской идеологии;
- реальную возможность использования в качестве средств связи для привлечения в свои ряды

новых членов и координации совершения преступлений экстремистской направленности информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет;

- формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов², отличающихся своей автономностью и относительной самостоятельностью. В этом плане мы разделяем точку зрения Ю. А. Лапуновой, которая утверждает, что «религиозный анклав» — это обособленная часть общества, исповедующая радикальное либо иное социально (общественно) опасное религиозное учение, угрожающая разрушением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, порождающая социальную напряженность, а также обеспечивающая формирование ненависти либо вражды к иным вероисповеданиям, отвергающая институты публичной власти, проживающая на определенной территории, закрытой от основной части общества, исключающая социальную адаптацию указанной обособленной части общества [6, с. 135];
- выход его за пределы отдельных государств. Тем самым экстремизм на сегодня представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества;
- это средство для достижения геополитических целей преследующих нарушение территориальной целостности государств;
- социально-правовое явление, вызывающее повышенный общественный резонанс, ибо оно способно дестабилизировать социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом;
- многообразие проявлений экстремизма, отсюда и неоднородный состав экстремистских организаций. Экстремистские проявления — это общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодня не существует единого подхода к определению понятия «религиозный экстремизм». Определенный интерес в этом плане представляет точка зрения А. В. Римского, который, в частности, выделяет такие его формы, как конфессиональную и мистико-религиозную, маскирующуюся под «позитивные» процессы, происходящие во взаимоотношениях религии и государства [8, с. 132]. Для сравнительного анализа сошлемся еще

¹ Наиболее распространенными оказались такие новые религиозные движения, как: «Общество сознания Кришны», «Церковь объединения» (муниты), Организация Р. Хаббарда (под разными названиями), «Богородичный центр», «Свидетели Иеговы», преследующие цель захвата власти, обретения статуса единственной и обязательной конфессии. Их адепты часто подвергаются разным формам психического и физического насилия.

² Формы, как показывают наблюдения специалистов, постепенно модернизируются. До недавнего времени речь шла о преступном сообществе типа синдикат, понимаемого криминологами как преступные организации, осуществляющие совместно межрегиональную и международную преступную деятельность.

на один источник. Так, С. В. Владимиров, рассматривая проблемы противодействия религиозному экстремизму в сети «Интернет» в условиях пандемии коронавируса COVID-19, пишет, что религиозный экстремизм — это отрицание системы религиозных ценностей и устоев, агрессивная идеологическая пропаганда [1, с. 44]. Он направлен на захват власти либо изменение государственного строя. В основе экстремизма на религиозной почве лежит насилие, жестокость и агрессия [5]. При этом довольно часто идеология религиозного экстремизма, по мнению автора, приводит к организации террористической деятельности, что усугубляет угрозу разрушения общечеловеческих моральных ценностей.

Мы со своей стороны считаем, что религиозный экстремизм может быть представлен двояко: с одной стороны, он есть социально ориентированный феномен, тесно связанный с идеологией экстремизма, с другой — религиозно камуфлированная форма деятельности, злостно отрицающая существующую систему религиозных ценностей и устоев:

- распространение радикализма среди отдельных групп населения, в основе которого лежит бескомпромиссная приверженность идеологии насилия (совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия);
- возникновение (обострение) в результате проявлений экстремизма по мотивам ненависти или вражды в отношении отдельных социальных групп межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов.

Оперативные подразделения полиции, будучи основным субъектом оперативно-розыскного противодействия¹, предпринимают ответные меры по своевременному выявлению и пресечению преступлений, совершаемых на религиозной почве. При этом хотим подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: в настоящее время, несмотря на важность, указанный вид противодействия не нашел правового закрепления. Совсем другое дело, когда речь идет о противодействии экстремизму, под которым общепринято считать как «деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий» [10]. Мы полагаем, что это базовое понятие, на котором и выстраивается оперативно-розыскное противодействие.

Исходя из сказанного, можно заключить, что в струк-

туре преступлений экстремистской направленности немалую долю занимают преступления, совершаемые на религиозной почве. Своевременное их выявление и пресечение в рамках оперативно-розыскного противодействия, как показывают результаты проведенного нами выборочного изучения, предполагает:

внесение значительных изменений в систему подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, включая оперативных подразделений полиции. Так, Н. В. Степанов считает необходимым включить в деятельность образовательных учреждений достижения науки в области психологии, религиоведения, этнопсихологии и образования, так как, по его мнению, у правоохранителей нет достаточного объема гуманитарных знаний для успешной работы в сфере межнационального и межрелигиозного конфликта [9];

налаживание тесного сотрудничества оперативных подразделений полиции с общественными и религиозными объединениями в целях принятия в приоритетном порядке мер предупреждения, сочетания при этом гласных и негласных методов противодействия [3], обеспечения недопустимости политических уступок террористам и экстремистам, минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма, а также обеспечения соразмерности мер противодействия терроризму и экстремизму степени террористической опасности [4]. Говоря о сотрудничестве, мы разделяем мнение В. Е. Зварыгина и А. С. Кондакова [2, с. 90–95], предлагающих в указанном контексте обеспечить решение следующих задач: 1) выявление посредством мониторинга фактов проявления ненависти и вражды в связи с отношением к определенной религии в глобальном сегменте сети Интернет, а также противоправных поступков, посягающих на принцип всеобщего равенства по признаку религиозных воззрений; 2) создание и дальнейшее развитие эффективно действующей системы противодействия экстремистским проявлениям (в настоящее время уже созданы интернет-сайты соответствующим антиэкстремистским контентом, в частности, scienceport.ru, ncpti.ru); 3) обеспечение на основе обобщения накопленного опыта борьбы с проявлениями экстремизма повышения значимости защиты прав как россиян, так и иностранцев и лиц без гражданства, проживающих на территории нашего государства от преступных посягательств радикального и экстремистского свойства, недопустимости ухода от мер правовой ответственности за содеянное при привлечении к ответственности за правонарушения экстремистского толка;

создание современной общегосударственной системы контроля и надзора за соблюдением закона, регулирующего деятельность религиозных и общественных объединений, политических партий, а также средств массовой информации. Значительная роль в этой системе, на наш взгляд, должно отводиться оперативно-розыскным и оперативно-профилактическим мероприятиям.

¹ Неотъемлемой частью противодействия экстремизму выступает оперативно-розыскное противодействие, которое должно выстраиваться с учетом общих положений указанного вида деятельности и структурно содержательных его элементов.

Среди множества закономерностей, подлежащих учету при разработке такой системы, на наш взгляд, наиболее значимым является наличие тесной взаимосвязи между различными видами экстремистских проявлений. Иными словами, это означает, что появление одного вида экстремизма происходит из другого. Такая взаимосвязь накладывает свой отпечаток и на механизм противодействия противоправным проявлениям религиозного экстремизма, ключевым элементом которого является консолидация действий всех органов власти и управления, а также общественных институтов, связанных с развитием и становлением гражданского общества.

Таким образом, под оперативно-розыскным противодействием следует понимать относительно самостоятельный вид деятельности, осуществляемый оперативными подразделениями полиции в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, посредством принятия комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на своевременное выявление и пресечение преступлений, совершаемых на религиозной почве.

Список источников

1. Владимиров С. В. Противодействие религиозному экстремизму в сети «Интернет» в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Пенитенциарная безопасность : национальные традиции и зарубежный опыт материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самарский юридический институт ФСИН России. Самара, 2021. С. 43–45.
2. Зварыгин В. Е., Кондаков А. С. Сравнительно-правовой анализ законодательства, регулирующего вопросы противодействия религиозному экстремизму // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2021. Т. 31. вып. 1. С. 90–95.
3. Иванов П. И., Беляева Т. Н. Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) : уголовно-правовой и криминологический анализ // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2017. № 3. С. 40–48.
4. Иванов П. И. Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 101–108.
5. Исаев А. В., Матвиенко В. А. Религиозно-мотивированные формы экстремизма в современном мире : институциональные аспекты анализа // Вестник ЗабГУ. 2021. Т. 27. № 9. С. 65–70.
6. Лапунова Ю. А. Новая Стратегия национальной безопасности РФ и ее значение для организационного обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым на религиозной почве // Труды АУ МВД России

№ 3 (59). 2021. С. 132–138.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Римский А. В. Религиозный экстремизм : определение и основные направления гражданско-правовой профилактики // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 1 (29) 2021. С. 130–139.

9. Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2016.

10. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (новая редакция) : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Сулонов П. Е., Гурский В. В. Религиозный экстремизм в системе социальных отношений : монография. Екатеринбург, 2014.

References

1. Vladimirov S. V. Countering Religious Extremism on the Internet in the Context of the COVID-19 Coronavirus Pandemic // Penitentiary Security : National Traditions and Foreign Experience Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Samara, 2021. P. 43–45.
2. Zvarygin V. E., Kondakov A. S. Comparative legal analysis of legislation regulating issues of countering religious extremism // Bulletin of the Udmurt University. Economy and law. 2021. V.31. issue 1. P. 90–95.
3. Ivanov P. I., Belyaeva T. N. Financing extremist activity (Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) : criminal law and criminological analysis // Counteraction to Terrorism. Problems of the XXI century. 2017. №. 3. P. 40–48.
4. Ivanov P. I. Financing extremist activity (operational-investigative response) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. №. 2 (58). P. 101–108.
5. Isaev A. V., Matvienko V. A. Religiously motivated forms of extremism in the modern world : institutional aspects of analysis // Bulletin of ZabGU. 2021. V. 27. №. 9. P. 65–70.
6. Lapunova Yu. A. The new National Security Strategy of the Russian Federation and its importance for the organizational support of counteraction to crimes committed on religious grounds // Proceedings of the Autonomous Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia №. 3 (59). 2021. P. 132–138.
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 №. 400. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

8. Rimsky A. V. Religious extremism: definition and main directions of civil law prevention // Science. Art. Culture. № 1 (29) 2021. P. 130–139.

9. Stepanov N. V. Criminological problems of countering crimes related to political and religious extremism. Diss. cand. legal sciences. M., 2016.

10. Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025 (new edition) : Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 №. 344. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

11. Suslonov P. E., Gursky V. V. Religious extremism in the system of social relations : monograph. Yekaterinburg, 2014.

Информация об авторе

П. И. Иванов — главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

P. I. Ivanov — Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 03.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-120-126>

ИДН: 2003-0059-6/22-500

ИДН: 77/27-003-2022-06-699

Актуальные проблемы уголовно-правовой оценки организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (на примере анализа ст. 172.2 УК РФ)

Олеся Михайловна Иванова¹, Дмитрий Александрович Иванов², Александр Игоревич Калинин³, Михаил Георгиевич Иванов⁴

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, iom20141985@mail

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

³ Управление внутренних дел на Московском метрополитене Главного управления МВД России по г. Москве, Москва, Россия, Kalinichenko-87@mail.ru

⁴ Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары, imkafedra54@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы укрепления законности и экономического правопорядка мерами уголовно-правового воздействия. Применение статьи 172.2 УК РФ на практике обусловлено определенными трудностями уяснения правовых дефиниций, необходимых для правильной квалификации деяния. Отмечается, что именно уяснение содержания правовых дефиниций придает качественную определенность доктринальному мышлению, фиксирует структуру фундаментальных знаний о нормах права как сфере защиты экономической деятельности, так и непосредственно имущественных отношений.

Ключевые слова: экономическая деятельность, уголовный закон, преступление, ответственность, организация деятельности, привлечение денежных средств и (или) иного имущества

Для цитирования: Иванова О. М., Иванов Д. А., Калинин А. И., Иванов М. Г. Актуальные проблемы уголовно-правовой оценки организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (на примере анализа ст. 172.2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 120–126. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-120-126>.

Original article

Current problems of criminal law assessment of the organization of activities to raise money and (or) other property (on the example of the analysis of Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Olesya M. Ivanova¹, Dmitry A. Ivanov², Aleksandr I. Kalinichenko³, Mikhail G. Ivanov⁴

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.Kikot', Moscow, Russia, iom20141985@mail.ru

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

³ Department of Internal Affairs at the Moscow Metro of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russia, Kalinichenko-87@mail.ru

⁴ Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary, Russia, imkafedra54@mail.ru

Abstract. The problems of strengthening the rule of law and economic law and order by measures of criminal law influence are considered. The application of Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice is due to certain difficulties in understanding the legal definitions necessary for the correct qualification of an act. It is noted that it is the clarification of the content of legal definitions that gives qualitative certainty to doctrinal thinking, fixes the structure

of fundamental knowledge about the rules of law both in the sphere of protecting economic activity and directly in property relations.

Keywords: economic activity, criminal law, crime, responsibility, organization of activity, raising money and (or) other property

For citation: Ivanova O. M., Ivanov D. A., Kalinichenko A. I., Ivanov M. G. Current problems of criminal law assessment of the organization of activities to raise money and (or) other property (on the example of the analysis of Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-120-126>.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 2 июля 2021 г. [1] указано, что государственная и общественная безопасность является одним из стратегических национальных приоритетов. Укрепление законности и экономического правопорядка, защита собственности выступают основными задачами по снижению уровня преступности в экономической сфере, в том числе в кредитно-финансовой системе. Цели и задачи обусловлены тем, что, несмотря на принимаемые меры, сохраняется высокий уровень экономической преступности и коррупции [2]. Сегодня наблюдается рост преступлений против собственности, увеличение количества общественно опасных деяний в кредитно-финансовой сфере, также не снижается сумма материального ущерба от совершаемых преступлений. Действительно, общий ущерб от экономических преступлений в 2021 году составил 641,9 млрд. руб. и в годовом выражении вырос в 2 раза. Максимальное значение данного показателя проявилось в 2009 году, когда ущерб экономике от противоправных действий превысил 1 трлн руб. [3]. Значительная доля экономических преступлений (41 %) в 2021 году пришлась на преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности.

Кроме того, важно отметить, что Банк России в 2021 году по результатам проверки выявил 2679 субъектов (компаний, проектов, индивидуальных предпринима-

телей и др.) с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид, что на 73 % больше, чем годом ранее. Количество нелегальных кредитов выросло на 15 % до 948 случаев, финансовых пирамид — в четыре раза до 871, нелегальных участников рынка ценных бумаг больше, чем в два раза, до 860 участников [4]. Очевидно, финансовые пирамиды вносят ощутимый дисбаланс в социально-экономическую стабильность общества [5]. Поэтому считаем, что введение законодателем в УК РФ нормы об организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества весьма правильное и необходимое решение, которое вместе с тем требует определенных усилий по уяснению ее содержания. Таким образом, эти и другие обстоятельства лишней раз подтверждают актуальность обращения к проблемам уголовно-правовой защиты экономики от преступных посягательств и требуют продолжения исследования [6; 7].

Заметим, уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ введена чуть более пяти лет назад Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ [8]. Вместе с тем, «изобилия» случаев применения данной нормы судебно-следственной практикой не отмечается. Например, за период с 2016 по 2021 гг. осуждено всего 18 лиц за ее совершение (см. таблицу 1), в том числе в 2017 году — 12.

Таблица 1.

Сведения о количестве осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам за совершение преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ

Статья 172.2 «Организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» УК РФ			
Год	Часть 1	Часть 2	Всего
2016	0	0	0
2017	0	12	12
2018	0	3	3
2019	0	1	1
2020	0	2	2
2021	0	0	0

Полагаем, что применение рассматриваемой нормы на практике обусловлено определенными трудностями уяснения правовых понятий, дефиниций, необходимых для правильной квалификации деяния. Диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной, законодательная регламентация ответственности при этом не

позволяет более полно раскрыть картину уголовно-правовой действительности без обращения к другим нормативно-правовым актам. В качестве таковых следует отметить Федеральные законы от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» [9], от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Феде-

рации (Банке России)» [10], от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг» [11], а также Инструкцию Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [12], Положение Банка России от 27 июля 2015 г. № 481-П «О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках предоставления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг» [13] и др. Безусловно, правовые механизмы, имеющиеся в указанных нормативных актах регулируют инвестиционную деятельность непосредственно, устанавливая определенные административные процедуры, которые, как правило, направлены на сдерживание преступного характера деяний и позволяют раскрыть уголовно-правовое содержание рассматриваемого состава преступления.

Специфичность общественно опасного деяния состоит в характеристике *непосредственного объекта*, в качестве которого предлагаем считать общественные отношения, регулирующие установленный законодательством РФ порядок деятельности коммерческих и некоммерческих организаций по привлечению денежных средств или иного имущества физических и (или) юридических лиц.

Проблема определения предмета преступления в судебно-следственной практике всегда была, но она, тем не менее, может быть разрешена. Современная модель предмета преступления исходит из сущности охраняемых общественных отношений. Следовательно, *предметом преступного посягательства* могут выступить как денежные средства в российской и иностранной валюте в наличной и безналичной форме, так и иное имущество физических и (или) юридических лиц.

Думается, под иным имуществом будет правильным рассматривать движимое (ценные бумаги, драгоценные металлы и драгоценные камни, автомобили и пр.) и недвижимое (жилые и нежилые помещения, машино-место, земельные участки, участки недр, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и пр.) имущество. Также предметом преступного посягательства могут быть представлены имущественные права и иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [14, ст. 1]. Анализ судебной практики свидетельствует о преобладании в качестве предмета преступления российской валюты.

Теоретическая и практическая значимость разрешения проблем признаков, характеризующих элементы состава преступления, определяется конкретной формой внешнего выражения общественной опасности, ее выделением в качестве объективных признаков. *Объектив-*

ную сторону преступления законодатель определяет как организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц.

Следовательно, под организацией деятельности нужно рассматривать как активную деятельность по упорядочиванию и организации служебных процессов внутри юридического лица (индивидуального предпринимателя) по привлечению денежных средств. На сегодняшний день используются различные способы организации деятельности, при этом какой именно из них подходит, выбирает руководитель. Однако независимо от способа, в основу организации деятельности положены ресурсы, необходимые для достижения поставленной цели — привлечение денежных средств.

Таким образом, можно выделить несколько основных этапов, включающих в себя процесс организации деятельности. Во-первых, непосредственное создание юридического лица или государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя [15] и руководство ими. Во-вторых, разработка стратегии, плана и схемы деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. В-третьих, определение ресурсов по реализации преступного замысла, в том числе количества работников, распределение обязанностей между ними по привлечению денежных средств и выполнению иных функций. В-четвертых, разработка и проведение рекламной кампании в средствах массовой информации и сети Интернет. Безусловно, организация деятельности по привлечению денежных средств осуществляется без соответствующей лицензии, наличие которой необходимо для реализации инвестиционной и (или) иной предпринимательской или иной деятельности¹, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества. Значит, организация законной инвестиционной деятельности исключает процессы производства, то есть является своего рода подготовительным этапом по созданию условий для осуществления реальной предпринимательской деятельности.

Должны заметить, что состав преступления по ст. 172.2 УК РФ законодателем сформулирован как формальный, потому преступление считается оконченным с момента совершения деяний, указанных в диспозиции статьи. Следовательно, состав не предусматривает непосредственное «вливание» финансовых средств в производство, либо в совершение какого-либо законной сделки. Объективные признаки характеризуют только сам процесс привлечения денежных средств и (или) иного имущества. Данные обстоятельства имеют важное зна-

¹ Под инвестиционной деятельностью понимается вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [14, ст. 1].

Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [16, п. 1 ст. 2].

Под иной деятельностью может пониматься экономическая деятельность, благотворительная деятельность, деятельность общественных и религиозных объединений [17].

чение для правильной квалификации содеянного и уголовно-правовой оценки характера и степени общественной его опасности.

Законодатель в диспозиции уголовно-правовой нормы дифференцирует уголовную ответственность исходя из суммы привлеченных средств в крупном, особо крупном размерах. Так, часть первая статьи предусматривает ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества в крупном размере, то есть превышающую 2250 тыс. руб. В части второй говорится об особо крупном размере, который определен суммой более 9 млн. руб. В данном случае мы не находим противоречий в законодательной конструкции, состав, являясь формальным, не предусматривает причинение имущественного вреда собственникам привлеченных средств. В диспозиции статьи не говорится об имущественном ущербе, законодатель акцентирует внимание только на размерах «собранных» противоправным способом финансовых средств, выводя имущественный вред за пределы уголовно-правовой ответственности. Этим самым, как мы полагаем, законодатель в диспозицию статьи заложил предупредительно-профилактический потенциал предупреждения имущественных посягательств. Действительно, пресечением преступления на ранней стадии достигается реальный эффект предупредительного воздействия уголовного закона. Представленные логические упражнения не противоречат характеристикам *субъективной стороны* рассматриваемого состава, которая характеризуется умышленной формой вины, поскольку умысел лица (лиц), направлен именно на процесс организации деятельности по незаконному привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Таким образом, те концептуального характера положения, обусловленные развитием законодательных конструкций, смежных составов преступлений требуют совершенствования юридических знаний и практических навыков по осмыслению содержания правовых категорий, применяемых и используемых в законотворческой и правоприменительной деятельности. Безусловно, такое требование связано с тенденцией увеличения воздействия на социально-экономическое развитие средствами уголовно-правовой защиты, в частности, расширением ответственности за мошеннические действия.

Именно уяснение содержания правовых дефиниций придает качественную определенность доктринальному мышлению, фиксирует структуру фундаментальных знаний о нормах права как сфере защиты экономической деятельности, так и непосредственно имущественных отношений. Это важно для понимания, ибо до введения рассматриваемой уголовно-правовой нормы противоправная деятельность финансовых пирамид подпадала под признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, при этом размер похищенного имущества определялся в 250 тыс. руб. как крупный. Вместе с тем, при совершении юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем хищения привлеченного имущества физических и (или) юридических лиц путем обмана и злоупотребления доверием на сумму менее или равную

2250 тыс. руб., виновное лицо будет привлечено к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Безусловно, совершение мошенничества не является само по себе спонтанным и стихийным преступным деянием, требует совершения ряда подготовительных действий. Значит, при хищении путем организации финансовых пирамид имущества граждан и (или) юридических лиц можно также выделить несколько основных этапов. Первый этап совпадает с уже выделенными нами процессами организации деятельности. В качестве второго полагаем выделить непосредственно организацию деятельности по привлечению имущества «вкладчиков». Конечно, как заключительный этап можно рассматривать противоправное изъятие (обращение) имущества последних (хищение) (см. рис. 1).

Следовательно, хищению финансовыми пирамидами имущества вкладчиков (III этап) неминуемо предшествует процесс организации деятельности по привлечению ими денежных средств и (или) иного имущества (II этап). Значит, при достаточности суммы противоправно привлеченных ресурсов (имущества, денежных средств) можно вести речь о привлечении виновных к уголовной ответственности по совокупности преступлений (например, ч. 3 ст. 159 и ч. 1 ст. 172.2 УК РФ).

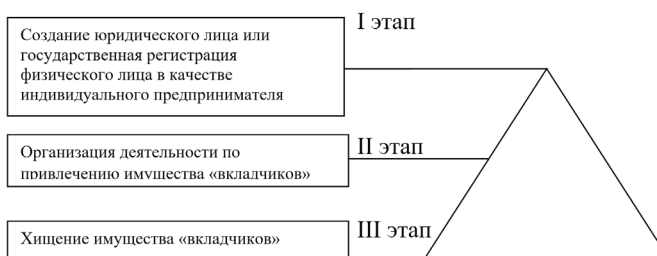

Рис. 1. Схема деятельности финансовых пирамид

Конечно, определенно противоречивые суждения вызывают нормы, указанные в статье 14.62 КоАП РФ, которая предусматривает административную ответственность не только за организацию деятельности по привлечению имущества физических и (или) юридических лиц, но и за ее осуществление (ч. 1), а также за публичное распространение информации, содержащей сведения о привлекательности участия в такой деятельности и за призыв к ее участию, в том числе совершаемое с использованием средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Таким образом, наблюдается определенная несогласованность норм УК РФ и КоАП РФ по вопросам установления объективных признаков правонарушений (преступлений) организации деятельности по привлечению имущества вкладчиков в финансовые пирамиды, что, на наш взгляд, требует соответствующей корректировки и унификации законодательного материала. Кроме того, как мы полагаем, указание в уголовном законе о выплате дохода лицам, от которых были привлечены денежные средства и (или) иное имущество является излишним, так как данная законодательная конструкция создает

только «уловки» по уходу от уголовной ответственности и предполагает формирование дополнительной доказательственной базы.

По субъекту преступления особых различий не усматривается. Им выступает специальный субъект, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, осуществляющее предпринимательскую или иную деятельность, при этом неважно одно лицо создало или руководило организацией, или эти функции выполняли разные лица. По нашему мнению, в данном случае их ответственность является солидарной, поскольку они являются соисполнителями.

Следует отметить, что высшая судебная инстанция разъяснений по поводу применения ст. 172.2 УК РФ не вносила. Вместе с тем, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 содержится упоминание по вопросам квалификации мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Так, в случае если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств и (или) иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств образует состав мошенничества и дополнительно квалификации по ст. 172.2 УК РФ не требует [18].

Здесь нам трудно согласиться с позицией Верховного Суда РФ, поскольку мы считаем, что в исследуемой норме отображено самостоятельное преступное деяние, призванное ужесточить уголовную ответственность организаторов по аналогии с такими преступлениями как организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ) и др., которые согласно разъяснениям того же Верховного Суда РФ подлежат квалификации по совокупности преступлений, в случае совершения иных общественно опасных деяний [например: 19, п. 16], тем более, что некоторые суды, при рассмотрении подобного вопроса также придерживаются высказанной нами позиции [20].

Таким образом, существующие проблемы в законодательной регламентации, влекут за собой сложности их применения, в частности при квалификации и формировании доказательственной базы в ходе уголовного судопроизводства, что подтверждается неоднозначными судебными решениями по ст. 172.2. УК РФ. Полагаем, своими разъяснениями Верховный Суд РФ внесет ясность по вопросам судебной практики, тем самым будет достигнуто единообразие применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Россий-

ской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

3. Официальный сайт «ВЕСТИ.RU». URL: <http://www.vesti.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

4. Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

6. Иванов Д. А., Филатова И. В. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности // Юридические науки. 2019. № 2. С. 129–133.

7. Иванова О. М., Иванов М. Г., Калинин А. И., Нуйкин С. Ю. Уголовно-правовые аспекты противодействия рейдерским захватам // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4(46). С. 138–141.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.

9. О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

10. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

11. О рынке ценных бумаг : федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

12. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций : инструкция Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И // Вестник Банка России. 2010. № 23.

13. О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках предоставления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг : положение Банка России от 27 июля 2015 г. № 481-П // Вестник Банка России. 2015. № 75.

14. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-

ФЗ» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

15. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

17. Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) : методические рекомендации / В. В. Улейчик, Л. В. Яковлева, Е. И. Майорова, В. А. Рязанцев. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 64 с.

18. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

19. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

20. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 31 мая 2017 г. по делу № 10-1269/ 2017 // URL:<http://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (part II). Art. 5351.

2. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2902.

3. Official site «VESTI.RU». URL: <http://www.vesti.ru> (accessed: 10.05.2022).

4. Official website of the Bank of Russia. URL: <http://www.cbr.ru> (accessed: 10.05.2022).

5. Explanatory note to the draft federal law № 881156-6 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru> (accessed: 10.05.2022).

6. Ivanov D. A., Filatova I. V. Compensation for harm caused by criminal legalization of funds and other property as a strategic principle of legal support of economic security // Legal Sciences. 2019. № 2. P. 129–133.

7. Ivanova O. M., Ivanov M. G., Kalinichenko A. I., Nuykin S. Yu. Criminal-legal aspects of counteraction to raider seizures // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2021. № 4(46). P. 138–141.

8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Federal Law of March 30, 2016 №

78-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 14. Art. 1908.

9. On banks and banking activities : federal law of December 2, 1990 № 395-I // Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR. 1990. № 27. Art. 357.

10. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) : federal law of July 10, 2002 № 86-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 28. Art. 2790.

11. On the securities market : federal law of April 22, 1996 № 39-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 17. Art. 1918.

12. On the procedure for the Bank of Russia to make a decision on the state registration of credit institutions and the issuance of licenses for banking operations : instruction of the Bank of Russia dated April 2, 2010 № 135-I // Bulletin of the Bank of Russia. 2010. № 23.

13. On Licensing Requirements and Conditions for Carrying Out Professional Activities in the Securities Market, Restrictions on Combining Certain Types of Professional Activities in the Securities Market, and on the Procedure and Deadlines for Submitting to the Bank of Russia Reports on the Termination of Obligations Related to carrying out professional activities in the securities market, in the event of revocation of the license of a professional participant in the securities market : regulation of the Bank of Russia dated July 27, 2015 № 481-P // Bulletin of the Bank of Russia. 2015. № 75.

14. On investment activities in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments : federal law of February 25, 1999 № 39-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1999. № 9. Art. 1096.

15. On state registration of legal entities and individual entrepreneurs: federal law of August 8, 2001 № 129-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 33. Art. 3431.

16. Civil Code of the Russian Federation. Part I // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

17. Investigation of crimes related to the organization of activities to attract funds and (or) other property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) : guidelines / V. V. Uleichik, L. V. Yakovleva, E. I. Mayorova, V. A. Ryazantsev. M. : FGKU «VNII MVD of Russia», 2018. 64 p.

18. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 № 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

19. On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 № 12 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. № 8.

20. Appeal ruling of the Chelyabinsk Regional Court dated May 31, 2017 in case № 10-1269/2017 // URL: <http://www.sudact.ru> (accessed: 10.05.2022).

Информация об авторах

О. М. Иванова — старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Д. А. Иванов — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

А. И. Калинин — заместитель начальника УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве — начальник Следственного управления, кандидат юридических наук;

М. Г. Иванов — декан юридического факультета Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. M. Ivanova — Senior Lecturer of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law Legal Sciences, Associate Professor;

A. I. Kalinichenko — Deputy Head of the Internal Affairs Directorate at the Moscow Metro of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow — Head of the Investigation Department, Candidate of Legal Sciences;

M. G. Ivanov — Dean of the Faculty of Law of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 351.74

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-127-133>

ИИОН: 2003-0059-6/22-501

MOSURED: 77/27-003-2022-06-700

Осуществление санитарного надзора как функция советской милиции

Владимир Маркович Исаков¹, Елена Владимировна Мельник²

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, ivm45@mail.ru

² Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, melnikev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются история развития противоэпидемиологических мероприятий в советском государстве; становление системы здравоохранения РСФСР; функции милиции по борьбе с эпидемиями.

Ключевые слова: Наркомат здравоохранения РСФСР, медико-санитарный отдел, борьба с эпидемиями, советская милиция, врачебные коллегии, охрана народного здоровья, поддержание санитарного порядка, санитарно-врачебная служба при Главном управлении милиции

Для цитирования: Исаков В. М., Мельник Е. В. Осуществление санитарного надзора как функция советской милиции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 127–133. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-127-133>.

Original article

Implementation of sanitary supervision as a function of the Soviet militia

Vladimir M. Isakov¹, Elena V. Melnik²

¹ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, ivm45@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, melnikev@mail.ru

Abstract. History of the development of anti-epidemiological measures in the Soviet state; formation of the health care system of the RSFSR; as well as the functions of the police to combat epidemics are considered.

Keywords: People's Commissariat of Health of the RSFSR, medical and sanitary department, fight against epidemics, Soviet militia, medical boards, protection of national health, maintenance of sanitary order, sanitary and medical service under the Main Police Department

For citation: Isakov V. M., Melnik E. V. Implementation of sanitary supervision as a function of the Soviet militia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):127–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-127-133>.

Охрана народного здоровья являлась одним из важнейших направлений деятельности полиции Российской империи. События 1917 года, повлекшие за собой гибель империи и рождение Советского государства положили начала новому этапу развития как правоохранительной системы в целом, так и решению этого важного вопроса.

Советской власти с первых лет своего существования пришлось столкнуться с множеством серьезных проблем, среди которых наиболее значимыми были тяжелые последствия Первой мировой войны и начавшаяся Гражданская война. Крах государства привел к упадку и существовавшей системы здравоохранения. Для инфекций наступило раздолье, бороться с которыми было практически некому. Тяжелое санитарное состояние красных и

белых войск тут же сказалась на гражданском населении и беженцах, с которыми военные контактировали. Наиболее распространенными видами заболеваний являлись разные виды тифа, холера, оспа, скарлатина, малярия, чахотка, дизентерии, чума и другие болезни. О различных риновирусах и гриппе вообще говорить не стоит. По приблизительным данным, от инфекционных болезней в годы Гражданской войны в России скончалось около 2 млн человек. Эта цифра если не достигает, то по меньшей мере приближается к численности убитых в боях (здесь оценки доходят до 2,5 млн) [21].

По мере укрепления своих позиций именно советской власти удалось добиться в короткие сроки ощутимых результатов. Лидер большевиков В. И. Ленин в

своих выступлениях неоднократно призывал «спасти трудящегося» в разоренной стране. Для этого он предлагал на государственном уровне начать централизованно решать эту задачу: создавать больницы и аптеки, формировать медицинские кадры, обеспечивать медикаментами и т. д. Задача эта решалась поэтапно.

Сначала 26 октября (8 ноября) 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел. Его возглавил М. И. Барсуков, которому было поручено реорганизовать медико-санитарное дело в стране. Далее с ноября 1917 г. при местных Советах стали создаваться местные Медико-санитарные отделы, а при некоторых Народных комиссариатах — Врачебные коллегии.

2 (14) декабря 1917 г. последовало обращение Врачебных коллегий Народных комиссариатов внутренних дел, путей сообщения и государственного призрения к населению страны с воззванием «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения», положившим начало строительству советского медицинского дела. Текст воззвания гласил, что «война, экономический развал и вызванные ими недоедание и истощение населения ставят перед Рабочим и Крестьянским Правительством вопрос о борьбе в государственном масштабе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения. Необходимо исчерпывающее санитарное законодательство по водоснабжению, рациональной канализации и санитарному надзору за торгово-промышленными заведениями, жилыми помещениями, по организации выборной от населения санитарной инспекции, по борьбе с заболеваемостью и смертностью...» [24, с. 64–65].

24 января (6 февраля) 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров был образован Совет Врачебных коллегий, на который возлагались функции «высшего медицинского органа Рабочего и Крестьянского правительства». Перед созданным Советом были поставлены задачи по развитию организации местных медико-санитарных отделов; реорганизации военной медицины; налаживанию санитарного дела в стране; решению вопроса о создании централизованного управления областью здравоохранения. Общее руководство этим Советом было оставлено за представителем НКВД РСФСР А. Н. Винокуровым.

Для решения этих вопросов в июне 1918 г. в Москве состоялся съезд Медико-санитарных отделов Советов, по решению которого 11 июля 1918 г. после многократного и обстоятельного обсуждения Совет Народных Комиссаров принял декрет «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения» — первого высшего государственного органа, объединившего под своим руководством все отрасли медико-санитарного дела страны. Неудивительно, что только что образованный высший орган по охране здоровья, прежде всего, свое внимание сосредоточил на самой насущной проблеме своего времени — борьбе с эпидемиями.

Первым заведующим санитарно-эпидемиологической

секцией созданного ведомства стал А. Н. Сынин¹, внесший немалый вклад в развитие санитарного дела страны. Значимым было его выступление в октябре 1918 г. на Первом Всероссийском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. Именно на нем впервые был поставлен вопрос об административной принадлежности фабрично-санитарного надзора. Кроме того, Алексей Николаевич принимал активное участие в разработке основных нормативных правовых актов по оздоровлению труда и быта трудящихся [26, с. 1–6].

Вопросам охраны народного здоровья был посвящен один из разделов второй программы РКП (б), принятой на VIII съезде партии, проходившем в марте 1919 г. где «оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха) были названы в числе первоочередных государственных задач. В декабре 1919 г. В. И. Ленин в своем выступлении на очередном Всероссийском съезде Советов назвал три важных проблемы текущего момента — война, голод и эпидемии. Известно его знаменитое высказывание: «...Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» [22, с. 410].

Совет народных комиссаров, понимая важность проблемы за короткий срок выработал более сотни декретов, направленных на борьбу с эпидемиями и профилактику заболеваний². Одним из важнейших документов среди прочих является Декрет «О санитарных органах республики» от 15 сентября 1922 г., определивший статус санитарно-эпидемиологической службы как санитарно-контрольного органа.

Окончание гражданской войны и курс на восстановление народного хозяйства поставил перед страной ряд новых задач, в том числе и в санитарной сфере. Перед Наркоматом здравоохранения РСФСР была поставлена задача разработки простейших оздоровительных санитарных мероприятий для общественных организаций, получивших название санитарного минимума. Это приобрело характер широкого общественного движения по внедрению санитарного минимума в жизнь, что способствовало эффективному решению стоящих перед страной задач.

К 30-ым гг. ситуация существенно улучшилась и санитарно-эпидемиологические учреждения охватили всю страну. Последующие правовые акты санитарного законодательства соответствовали этапам развития санитарной службы, расширению деятельности в области

¹ Сынин А. Н. (1879–1956) — видный ученый-гигиенист, академик АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор, автор свыше 250 научных работ. В июне 1918 г. на съезд Медико-санитарных отделов Советов выступал с докладом «Об организации борьбы с эпидемиями в условиях Советской республики».

² К примеру: О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом (28 января 1919 г.), о мерах борьбы с эпидемиями (10 апреля 1919 г.), об обязательном оспопрививании (10 апреля 1919 г.), о снабжении бактериологических институтов и лабораторий необходимыми для их работы материалами и инвентарем (10 апреля 1919 г.), о санитарной охране жилищ (18 июня 1919 г.), о борьбе с сыпным тифом на Восточном и Туркестанском фронтах (5 ноября 1919 г.), об обеспечении Красной Армии и гражданского населения мылом (30 декабря 1919 г.), о санитарно-пропускных пунктах на вокзалах г. Москвы (13 мая 1920 г.), об обеспечении населения Республики банями (30 сентября 1920 г.) и многие другие.

санитарного надзора.

Первым народным комиссаром здравоохранения РСФСР был назначен Н. А. Семашко, его заместителем — З. П. Соловьев. Являясь первым заместителем народного комиссара здравоохранения РСФСР, Зиновий Петрович Соловьев, был заведующим медицинской частью и членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, а также членом Совета Врачебных коллегий. Эта связь будет способствовать установлению тесных контактов между обозначенными ведомствами и выработке совместных решений.

В ноябре 1917 г. в структуре НКВД РСФСР был создан отдел управления медицинской части, просуществовавший до марта 1918 г., когда было осуществлено его преобразование в управление медицинской части. Приказом №7 от 10 апреля 1918 г. была образована коллегия из 8 человек под председательством З. П. Соловьева, осуществлявшая общее руководство управлением медицинской части. Летом 1918 года управление преобразовано в главное медицинское управление, послужившее в свою очередь основой для создания наркомата здравоохранения РСФСР в июле 1918 г. Ликвидация управления медицинской части НКВД и передача его дел в Наркомздрав продолжалась до сентября 1918 г. [23].

К рассматриваемой проблеме имеет отношение Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), которая в 1918 г. создавалась в составе Народного комиссариата по военным делам РСФСР, затем Декретом СНК РСФСР от 24 мая 1919 г. была передана в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. Постановлением коллегии НКВД РСФСР 26 февраля 1920 г. переименована в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак). Структура ее состояла из отделов: административного, правового, беженцев, эвакуационного, культурно-просветительного, формирования и санитарного обслуживания, статистико-справочного, по обмену пленных и беженцев, помощи русским военнопленным за границей. Центрэвак стал организационным аппаратом по строительству «государственной жизни РСФСР, нарушенной империалистической войной». Одним из направлений его работы являлось санитарное обслуживание, а именно «разработка сети пунктов в связи с реорганизацией местных органов и пунктов Центрэвака. Установление правильных организационных взаимоотношений с НКЗдравом по вопросу о мед. санитар. работе Центрэвака... Разработка и издание ряда руководящих приказов и циркуляров по мед. санитар. части органов Центрэвака (числом 18) касающихся как работы пунктов, так и борьбы с холерой и др. эпидемиями... [4, л. 17]. Текущая работа санитарного отдела Центрэвака заключалась в постоянном участии в Центральной эпидемиологической комиссии при НКЗ; организации борьбы с сыпным тифом и особенно с холерой; наблюдением за медико-санитарной стороной работы заграничных представительств Центрэвака [4, л. 18]. Работа этого учреждения отражена в архивных материалах ГАРФ Фонд № Р-3333, опись № 5. Документы этого фонда позволяют не только получить представление о деятельности Центрэвака, но и сделать вывод о его огромном вкладе в са-

нитарную область.

Из постановления СНК от 19 декабря 1921 г. «О мерах борьбы с сыпным и возвратным тифом» следует, что усилия в противодействии распространению эпидемии должны были приложить и объединить НКЮ, НКВД и ВЧК. Как следует из документа, они обязывались «приостановить передвижение арестованных..., организовать ... мероприятия... к прекращению движения пассажиров... НКВД немедленно принять меры к открытию при вокзалах... специальных помещений для ожидающих пассажиров...» [5, л. 6 об].

Созданные по решению НКВД РСФСР органы милиции взяли на себя кроме обширного перечня задач, в том числе функции по охране народного здоровья, что будет сближать их в этом отношении с дореволюционной полицией.

12 октября 1918 г. была принята совместная инструкция НКВД и НКЮ, согласно которой милиция являлась исполнительным органом центральной власти на местах, состояла в непосредственном ведении местных Советов и одновременно действовала под общим руководством Народного комиссариата внутренних дел. Следует отметить, что термин «исполнительный» применительно к милиции истолковывался как «вспомогательный», «подсобный» орган, призванный содействовать другим государственным органам в осуществлении их задач. Отсюда и самый широкий и разнообразный перечень функций, возлагавшихся на милицию в первые годы советской власти [27].

Декрет (проект) СНК о Народной рабоче-крестьянской охране (Советской милиции), утвержденный коллегией Комиссариата внутренних дел (5 июня 1918 г.), определяя предметы ведения Народной рабоче-крестьянской охраны (Советской милиции) в Разделе IV ее, отметил среди прочих обязанностей санитарный надзор [1, с. 1–5]. Однако представленный проект не был утвержден. 21 августа этого же года Совнарком постановил переработать проект Комиссариату внутренних дел по соглашению с Комиссариатом юстиции и дополнить ее деятельностью советской милиции в борьбе против уголовных деяний, а также поддержанию санитарного порядка [2, с. 1]. Можно сказать, что после этого постановления и появился санитарный надзор, как функция советской милиции.

В инструкции «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции», датируемой октябрём 1918 г. к предмету ведения советской милиции п.6 относил «наблюдение за выполнением санитарных правил и мероприятий, предпринимаемых Народным Комиссариатом Здравоохранения и местными органами Советской власти» [24, с. 1031–1037].

Приказом №4 ГУСРКМ от 2 июля 1920 г. принято Положение о рабоче-крестьянской милиции, в соответствии с которым в состав РКМ вошли: городская и уездная милиция; промышленная (фабрично-заводская, лесная, горнопромышленная и т.д.; железнодорожная; водная (речная и морская); розыскная [6]. Создание различных видов милиции привело к тому, что каждой из них предписывалось в рамках определенной сферы осуществлять санитарные функции.

Так, в Положении о разграничении функций Наркомата путей сообщения, железнодорожного отдела Главного управления милиции и железнодорожной охраны в 1919 г. за милицией закреплялась функция: «(3) следить за санитарным состоянием вокзалов, платформ и других станционных зданий, а также прилегающих к станциям путей, требовать ...необходимой дезинфекции и строго следить за немедленной отправкой с вокзалов инфекционных больных» [7]. Приказом ГУСРКМ от 2 июля 1920 г. железнодорожной милиции предписывалось осуществлять: «(8) надзор за санитарным состоянием путей, зданий и поездов...иметь дезинфекционные отряды...иметь на больших станциях санитарный журнал, где ВС и ФС ежедневно записывают санитарное состояние всех мест скопления пассажиров и путей и прочего. В случае обнаружения эпидемиологических заболеваний... журнал этот направляется соответствующим службам для устранения указанных дефектов» [8, л. 45–46, 49].

За водной (речной и морской) милицией приказом от 27 апреля 1920 г. в п. 111 закреплялось: «наблюдать за санитарным состоянием судов, декарбадеров, пристаней и т. д.» [9] Последующие с 113 по 118 пункты перечисляли конкретные меры по санитарной части.

Инструкция волостным милиционерам от 16 февраля 1920 г. также предписывала: «во время таких эпидемий, как холера, тиф и другие, если по признакам болезнь заразительна — немедленно доносить своему районному начальнику» [8, л. 23 об]. В подобной инструкции от 1925 г. п. 103 более развернуто уже предписывал волостному милиционеру «оказывать содействие санитарной инспекции при выполнении возложенных на нее законом обязанностей по санитарной охране воды, воздуха и почвы, жилищ, пищевых продуктов, при организации ею противоэпидемиологических мероприятий и борьбы с болезнями [10, л. 20].

Из информационной сводки о положении дел в губерниях и областях РСФСР от 31 июля 1922 г. говорилось, что в «Старо-Русском уезде свирепствует сибирская язва. К прекращению эпидемии ветеринарным отделом УЗО совместно с коммунальным отделом приняты соответствующие меры. Милиция оказывает содействие по мере возможности» [11].

Большое место в работе милиции занимало содействие санитарным органам. В частности, в январе 1920 г. в Тюменской губернии была создана чрезвычайная комиссия по борьбе с сыпным тифом, и органам милиции предписывалось исполнять ее указания [29]. В июле-августе 1921 г. ввиду обнаружения холерных заболеваний со смертельным исходом была образована аналогичная комиссия для борьбы с холерой, в неблагополучных местностях устанавливался карантин. Городская милиция должна была следить, чтобы на рынках, около бань и мельниц, в местах скопления народа не продавали зелень, квас и другие напитки, кроме тех, которые разрешены отделами народного здравоохранения. Нарушителей задерживали и доставляли в управления милиции [30].

Активными помощниками милиционеров, в том числе по санитарной части являлись дворники. 13 июля 1922 г. Наркомвнутрдел принял Положение о дворниках, кото-

рым было предписано «следить за санитарным состоянием владений... во время дежурства находится в полном подчинении местного отделения милиции» [12, л. 401].

Круг обязанностей органов милиции по оказанию содействия коммунальным отделам, комитетам труда, здравоохранения в области соблюдения санитарных правил определил приказ Главмилиции РСФСР от 21 июня 1921 г. Как писала газета: «В селе милиционер — проводник советских декретов и постановлений исполкома, блюститель санитарии и благоустройства, он же — та ходячая энциклопедия, к которой обращаются с вопросами сельские труженики в затруднительных случаях...

Как бы мы ни определяли роль милиции в советском строительстве, но изучая сущность ее работы, мы с удивлением увидим, что милиционер по существу проводник в толщу населения всех культурных и организационных задач Советской власти: налоги, бюджет, дознание, санитария, благоустройство, агиткомпания, декреты, постановления, революционный порядок, сельское хозяйство, охрана лесов, охрана производства и т. д., нет ни одного органа, будь то Наркомпрод или ВСНХ, который бы не пользовался трудом милиции и проводником задач, которым не являлась бы милиция. По существу, милиционер является универсальным исполнителем тех тысяч деталей советского строительства, из которых складывается наш государственный аппарат. Эта работа требует значительной квалификации исполнителей, и под самое ее содержание должен быть подведен научный базис. Этот работник советского строительства должен быть вооружен всеми необходимыми знаниями» [28].

Для того, чтобы милиционера «вооружить знаниями» создавались многочисленные курсы и школы соответствующей подготовки. Приказом ГУСРКМ от 9 февраля 1920 г. по инспекторскому отделу отмечалось, что «при устройстве занятий с милиционерами... рекомендуется программа занятий...», среди которых «(4) Работа милиции в области санитарных мероприятий» [13, л. 18]. Продолжая в этом направлении, приказ ГУСРКМ по инспекторскому отделу от 29 марта 1920 г. сообщал, что «При Главмилиции открывается Центральная школа по подготовке строевых инструкторов и инспекторов милиции. Предметы преподавания, следующие: ...5) Общая гигиена, санитария и подача первой помощи до прибытия врача в различных случаях» [13, л. 23]. Для более успешного прохождения санграмоты, включенной в программу занятий учебных заведений, создавались «медсанбиблиотеки» [5, л. 24]. Их целью являлось просвещение в означенной сфере посредством организации книжных выставок в Домах Санитарного Просвещения, музеях, выставках по охране здоровья, передвижных выставках, санъячейках и т. п. [5, л. 24]. В одном из докладов о деятельности школ милиции за 1923–1924 гг. отмечалось, что «перед прохождением ГИГИЕНЫ курсантам были даны прочные сведения по анатомии и физиологии, которые дали им возможность усвоить хорошо курс» [14].

Программа занятий по гигиене школы подготовки младшего комсостава Уральской области 1925 г., например, содержала следующие темы для изучения: «6. Меры борьбы с заразными болезнями. Дизентерия. Дезинфек-

ция и прививка. ..13. Санитария в крупных населенных пунктах. Ассенизация. Канализация. Санитарное состояние домов, улиц, базаров. 14. Об органах санитарного надзора, и их задачах» [15].

В феврале 1922 г. было принято Положение о ликвидации санитарной безграмотности милиционеров. Причиной его появления стала вспышка эпидемий сыпного и возвратного тифа усугубляемого голодом, антисанитарным состоянием городов и сельских местностей. В Положении подчеркивалось, что милиция является «административным органом Здравоохранения по наблюдению за выполнением санитарных правил, за пунктами массового скопления граждан, а равно первая ...должна располагать кадром санитарно-грамотных милиционеров» [21, л. 34 об]. В целях поднятия грамотности милиции предусматривалось:

- вхождение представителей управления милиции в состав членов совета народного просвещения и в санитарные комиссии при здравоотделе и на местах;
- ознакомление чинов милиции с обязательными санитарными постановлениями и оказание содействия санитарным агентам в их работе по саннадзору;
- обязательное обучение санграмоте милиционеров в резервах по прилагаемой программе;
- ведение предметов санитарии и гигиены в обязательные программы обучения в школах милиционеров;
- возложение ответственности за просвещение милиционеров на санитарно-просветительские органы здравоотделов и на политсекретариаты милиции;
- выпуск НКЗ специального учебника санитарной грамоты для милиционеров;
- издание для милиционеров НКЗ специальной памятки об оказании первой помощи в несчастных случаях;
- обеспечение милиционеров специальной литературой, плакатами, наглядными пособиями и лекционными занятиями;
- ведение обязательного обучения санграмоте по утвержденной программе, включающей в себя такие темы, как: «Советская власть и охрана народного здоровья. Основы советской медицины»; «Понятие о здоровье и болезни. Микроорганизмы, их распространение и внедрение в организм»; «Понятие о заразных болезнях и учение об иммунитете. Прививки»; «Социальная гигиена и болезни (туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, борьба с ними)» и др. [22, л. 34 об-35].

Стоит отметить, что в договор, подписываемый гвардейцами Комитета охраны внутреннего порядка Невского района, также входило обучение по медико-санитарной части и оказания скорой помощи, а именно пункт 4: «Быть вежливым в обращении с товарищами и посторонними, и стремиться к собственному просвещению и просвещению своих более отсталых товарищей, для чего через каждые двое суток обязательное обучение не менее

трех часов на курсах, специально для сего устраиваемых по следующим предметам: военному искусству, лекции и рефераты по социальным наукам, курсы грамотности, по медико-санитарной части и оказания скорой помощи, и физическое развитие в спорте».

Кроме того, обязательным для сотрудников было прививание, дабы не являться разносчиками инфекции и подавать пример окружающим. Так, в одном из документов, Главное Управление советской милиции просит выдать одно кило денатурированного спирта для употребления при проведении прививок от оспы 250 сотрудникам управления и курсантам Уголовного розыска [3]. В приказе милиции республики № 216 от 6 июня 1922 г. говорится об обязательности противохолерной прививки в милиции и обязательном проведении агиткампании по ее проведению, которая должна заключаться в: «а) широком разъяснении необходимости прививки; б) организации ряда лекций, собеседований, митингов, и собраний на тему холерной эпидемии, сопровождая их наглядными пособиями...; в) распространении литературы, плакатов, лозунгов...» [12, л. 205]. Приказ Революционного военного совета Республики, Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата внутренних дел о врачебно-медицинском обслуживании работников милиции от 29 января 1921 г. закреплял порядок осуществления санитарного надзора, оказания лечебной помощи и снабжения санитарным имуществом органов милиции [16].

12 октября 1921 года, приказом начальника Главного управления милиции НКВД РСФСР от 12 октября 1921 г. № 314 и № 316 в составе губернских и крупных городских управлений милиции были организованы «приемные покои» для оказания медицинской помощи личному составу, проведения санитарно-гигиенических и профилактических мероприятий. В приказе говорилось, что «хорошо поставленное дело здравоохранения милиционеров полагать необходимым условием правильной организации милиции». Кроме того, «в целях улучшения положения Приемных покоев» требовалось ежемесячно представлять отчеты об их деятельности в Управление милиции республики с указанием движения больных милиционеров и арестованных [12, л. 399].

Интересен отчет о санитарном состоянии управления Ярославской губмилиции, сделанный в апреле 1922 г. врачом Крыловым. Из документа следует, что до 10 января 1922 г. при яргубмилиции собственного медико-санитарного отдела не было, поскольку не было медперсонала. Но ситуация была исправлена созданием амбулатории и премного покоя, аптеки. «За отчетное время: 1. Организованы ежемесячные телесные осмотры милиционеров и производятся осмотры вновь поступивших; 2. Заведена ежемесячная медицинская отчетность о движении больных и о расходе медикаментов и медимущества... 3. Заведены периодические санитарные наблюдения за общежитиями, артдомами и арестованными. 4. Произведена частичная дезинфекция артдомов, из которых один был закрыт из-за неподходящего в санитарном отношении помещения...6. Составлена санитарная комиссия, которая произвела осмотр помещений управ-

ления, общежития милиционеров и артдомов... [17, л. 33].

Телеграмма начальнику Доно-Кубанской областной водной милиции города Ростов на Дону, предписывает на месте организовать санитарную часть [17, л. 38]. Врач Иванов в своем рапорт начальнику Доно-Кубанской облводмилиции в дополнение к обоснованию необходимости создания самостоятельной санчасти упоминает о наличии в тот момент «холерной эпидемии» [28, л. 42]. Организация санитарных частей получила повсеместное развитие [17, л. 42–49].

Из многочисленных документов следует, что существовали серьезные трудности в обеспечении создаваемых санитарных частей медперсоналом, оборудованием и медикаментами. Но государство делало все возможное для их преодоления.

23 октября 1924 г. в губернские и областные здравотделы был направлен приказ «О взаимной работе административных отделов губисполкомов и органов здравоохранения в проведении санитарных мероприятий среди работников милиции и уголовного розыска». Причиной этого стало выяснение реального положения дел на местах, а именно «санитарное обслуживание милиции до сих пор не везде поставлено удовлетворительно, и к этому вопросу не проявлено надлежащего внимания, как со стороны органов здравоохранения, так и начальников милиции» [10, л. 364]. В документе подчеркивалось, что «санитарная грамотность и полученные в результате этого санитарные навыки имеют существенное значение в деле оздоровления населения...» [10, л. 364]. Ситуацию требовалось в кратчайшие сроки исправить.

На практике также имели место многочисленные случаи привлечения к работе больных милиционеров — «некоторые начгубмилиции мобилизуют для несения милицейских обязанностей больных милиционеров, несмотря на заявления больных ..., что сильно дезорганизует намечаемые мобилизационные планы» [18].

Для руководства и оказания помощи местным органам правопорядка в организации медицинского обслуживания, в 1923 году, приказом начальника милиции Республики было утверждено Положение о санитарно-врачебной службе при Главном управлении милиции [19]. Именно под ее руководством, для сотрудников милиции была обеспечена организация амбулаторной и стационарной помощи, профессионального отбора, проведение противозидемических мероприятий, а также укрепление материально-технической базы, открытие лечебных учреждений санаториев и домов отдыха.

В 1926 г. был сделан доклад НКВД «О состоянии и работе рабоче-крестьянской милиции», в котором подчеркивалась чрезвычайная загруженность милиции, и ставился вопрос об ее освобождении от несвойственных ей функций и их передаче, соответствующим ведомствам [20]. Во исполнение постановления СНК РСФСР от 3 апреля 1926 г. (протокол заседания № 21) об освобождении милиции от несвойственных ей обязанностей частично функции были переданы соответствующим ведомствам.

С середины 20-х гг. был взят курс на активное привлечение общества к деятельности советской милиции. В течение 1926–1927 гг. усилиями милиции были созда-

ны общества содействия органам милиции (Осодмил) по охране общественного порядка. В дальнейшем в 1932 г. Осодмил был реорганизован в бригады содействия милиции (Бригадмил). Помощники милиции оказывали большую помощь в борьбе с хулиганством и пьянством. Их также привлекали к борьбе с антисанитарией, регулированию уличного движения и к наблюдению за благоустройством.

И, несмотря на произошедшее ранее освобождение милиции от несвойственных ей функций, санитарный надзор за ней все же был оставлен. Так, Постановлением Совета Народных Комиссаров о Рабоче-крестьянской милиции 25 мая 1931 г., разделившей милицию на общую и ведомственную, за первой, согласно Разделу III данного Постановления, закреплялось: «г) наблюдение за санитарным состоянием домов и дворов» [25].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что советская милиция в первое время своего существования проходила сложный путь становления, была перегружена многочисленными обязанностями, среди которых присутствовал санитарный надзор. Последнее свидетельствует о некой преемственности этой функции по отношению к дореволюционной полиции и показывает необходимость ее осуществления в условиях нового времени. Общими усилиями обществу и государству удалось справиться с остро стоящими вопросами сохранения народного здоровья. Большую роль в этом сыграла советская милиция.

Список источников

1. Вестник Комиссариата внутренних дел. М., 1918. № 17 (4 июля).
2. Вестник Комиссариата внутренних дел. М., 1918. № 23 (20 октября).
3. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 6. Д. 105. Ч. 1. Л. 72, Л. 75.
4. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 26. Д. 42. Л. 17.
5. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 19.
6. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 26. Л. 46.
7. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 24. Л. 2.
8. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 8 (1).
9. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 9. Л. 60.
10. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 50. Д. 5.
11. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 1. Л. 9.
12. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 13.
13. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 7 (1).
14. ГАРФ. Оп. 51. Д. 12. Л. 14.
15. ГАРФ. Оп. 51. Д. 13. Л. 32.
16. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 18. Л. 47–47 об.
17. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 17.
18. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 26. Л. 184.
19. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 42. Д. 6. Л. 113.
20. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 6. Д. 367. Л. 107–138.
21. Из списка потерь РККА [51 тыс. погибших, изд. 1926 г.]. Источник: elib.shpl.ru.
22. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1996. Т. 39.
23. Скоркин К. В. Структура НКВД РСФСР 1917–1930. Справочник. М., 2011.
24. Собрание узаконений и распоряжений прави-

тельства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

25. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, № 33, 31.05.1931.

26. Сусин А. Н. Санитарные органы и санитарное законодательство республики за 1917–1927 гг. Гигиена и эпидемиология. 1927; (8).

27. Фирсов И. Ф. О некоторых функциях органов милиции в первые годы советской власти // Политика, государство и право. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/08/1826> (дата обращения: 25.01.2022).

25. Трудовой набат. 1923. 15 августа. № 183 (1350).

29. ТФ ГАТО. Ф. 273. Оп. 3. Ед.х. 3. Л. 21.

30. ТФ ГАТО. Ф. 317. Оп. 3. Ед.х. 5. Л. 50.

References

1. Bulletin of the Commissariat of Internal Affairs. Moscow, 1918. № 17 (July 4).

2. Bulletin of the Commissariat of Internal Affairs. Moscow, 1918. № 23 (October 20).

3. GARF. F. 393. Op. 6. D. 105. Ch. 1. L. 72, L. 75.

4. GARF. F. 393. Op. 26. D. 42. L. 17.

5. GARF. F. 393. Op. 37. D. 19.

6. GARF. F. 393. Op. 23. D. 26. L. 46.

7. GARF. F. 393. Op. 23. D. 24. L. 2.

8. GARF. F. 393. Op. 23. D. 8 (1).

9. GARF. F. 393. Op. 23. D. 9. L. 60.

10. GARF. F. 393. Op. 50. D. 5.

11. GARF. F. 393. Op. 37. D. 1. L. 9.

12. GARF. F. 393. Op. 37. D. 13.

13. GARF. F. 393. Op. 23. D. 7 (1).

14. GARF. Op. 51. d. 12. L. 14.

15. GARF. Op. 51. d. 13. L. 32.

16. GARF. F. 393. Op. 31. D. 18. L. 47–47 ob.

17. GARF. F. 393. Op. 23. d. 17.

18. GARF. F. 393. Op. 31. D. 26. L. 184.

19. GARF. F. 393. Op. 42. D. 6. L. 113.

20. GARF. F. 374. Op. 6. D. 367. L. 107–138.

21. From the list of losses of the Red Army [51 thousand the dead, ed. 1926]. Source: elib.shpl.ru.

22. Lenin V. I. Complete works. 5th ed. M. : Politizdat, 1996. Vol. 39.

23. Skorkin K. V. The structure of the NKVD of the RSFSR 1917–1930. Handbook. M., 2011.

24. Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M., 1942.

25. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR, No. 33, 31.05.1931.

26. Sysin A. N. Sanitary authorities and sanitary legislation of the Republic for 1917–1927. Hygiene and epidemiology. 1927; (8).

27. Firsov I. F. On some functions of the police in the first years of Soviet power // Politics, State and law. 2014. № 8 [Electronic resource]. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/08/1826> (accessed: 25.01.2022).

28. Labor alarm. 1923. August 15th. № 183 (1350).

29. TF GATO. F. 273. Op. 3. Ed.x. 3. L. 21.

30. TF GATO. F. 317. Op. 3. Ed.x. 5. L. 50.

Информация об авторах

В. М. Исаков — старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Мельник — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. M. Isakov — Senior Researcher of the Research and Editorial and Publishing Department of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Melnik — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-134-138>

ИДН: 2003-0059-6/22-502

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-701

Отмена гражданства как проблема современной теории конституционного права и объект конституционно-правового регулирования

Валентина Львовна Казакова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vlkazakova@yandex.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук **В. И. Червонюк**

Аннотация. Гражданство как элемент государственного суверенитета, устойчивая конституционно-правовая связь лица и государства, порождает взаимные права и обязанности. При предоставлении лицом подложных документов либо установлении ложных сведений, а также совершении преступлений террористического или экстремистского характера возможна отмена гражданства. Отмена гражданства, позиционируемая как конституционно-правовое образование, автором рассматривается в различных аспектах: как нормативный комплекс; как конституционно-процессуальная деятельность полномочных органов государства; как разновидность конституционно-правовых отношений; как индивидуальный публично-правовой акт органа государства, уполномоченного законом принимать подобные решения; как юридический факт, с возникновением которого связано наступление определенных правовых последствий.

Ключевые слова: гражданство, право на гражданство, ложные сведения, подложные документы, основания приобретения и отмены гражданства, миграционный статус лица, в отношении которого принято решение об отмене гражданства

Для цитирования: Казакова В. Л. Отмена гражданства как проблема современной теории конституционного права и объект конституционно-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 134–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-134-138>.

Original article

The cancellation of citizenship as a problem of the modern theory of constitutional law and the object of constitutional regulation

Valentina L. Kazakova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

vlkazakova@yandex.ru

Scientific leader: Doctor of Legal Sciences **V. I. Chervonyuk**

Abstract. Citizenship as an element of state sovereignty, a stable constitutional and legal relationship between a person and the state generates mutual rights and obligations. If a person provides false documents or establishes false information, as well as commits crimes of a terrorist or extremist nature, it is possible to revoke citizenship. In the article, the abolition of citizenship, positioned as a constitutional and legal education, is considered in various aspects: as a normative complex; as a constitutional and procedural activity of the competent authorities of the state; as a kind of constitutional-legal relations; as an individual public-legal act of a state body authorized by law to make such decisions; as a legal fact, the occurrence of which is associated with the onset of certain legal consequences.

Keywords: citizenship, right to citizenship, false information, forged documents, grounds for acquiring and revoking citizenship, migration status of a person in respect of whom a decision was made to revoke citizenship

For citation: Kazakova V. L. The cancellation of citizenship as a problem of the modern theory of constitutional law and the object of constitutional regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):134–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-134-138>.

Гражданство является одним из ключевых институтов современной государственности, неотъемлемым атрибутом суверенитета государства. Применительно к реалиям современной России необходимость радикального усовершенствования института гражданства в контексте конституционно определенных целей и цен-

ностей¹, потребностей развивающейся конституционной практики предопределяет постановку задачи относительно принятия нового Закона о гражданстве, в этой же связи использования инновационных механизмов в вопросах правового регулирования отмены гражданства². В Перечне поручений Президента Российской Федерации по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (утв. Президентом РФ 06. марта 2020 г. № Пр-469) предусмотрен комплекс мер, направленных на повышение уровня защиты прав человека и гражданина при принятии решений об отмене гражданства (п/п «а», «б», «в» п. 3) [1].

Очевидно, что решение этих сложных задач современной российской государственности невозможно без использования возможностей юридической науки, привлечения потенциала конституционно-правовой теории в частности.

Как показывает анализ проблемы, отмена гражданства как конституционно-правовое образование может рассматриваться в различных аспектах:

- как нормативный комплекс, охватывающий некую совокупность материальных и процессуальных установлений (норм, принципов, индивидуально-правовых актов, правовых позиций высших судов) конституционного права, определяющих: а) основания и процедуры принятия решения об отмене гражданства, в том числе, основанные на судебных решениях; б) органы государства, полномочные принимать решение об отмене гражданства; в) юридические средства и механизмы защиты прав лица, в отношении которого принимается решение об отмене гражданства. В указанном, формально-юридическом (нормативно-правовом) смысле отмена гражданства может быть представлена в качестве одного из субинститутов конституционно-правового института гражданства³;
- как вид юридических (конституционно-правовых) производств, или конституционно-процес-

суальная деятельность полномочных органов государства, связанная с принятием законодательно определенных решений, включая решение об отмене гражданства⁴;

- как разновидность конституционно-правовых отношений, сторонами которого выступают полномочные органы Российского государства и лицо, правомерность предоставления гражданства которому подвергается оспариванию и опровержению в установленном законом порядке;
- как индивидуальный публично-правовой акт органа государства, уполномоченного законом принимать подобные решения;
- как юридический факт, с возникновением которого связано наступление определенных правовых последствий, не только для самого лица, но и государства.

Гражданство — это одновременно атрибут государственности и важнейшая составляющая конституционного статуса личности. Законодательство любого государства стремится в соответствии с требованиями принципа правовой определенности сформулировать правовые основания и процедуры как приобретения гражданства, так и основания и процедуры его утраты. В соответствии со ст. 6 Конституции Российской Федерации гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения. Как следует из ч. 3 ст. 6 действующей Конституции, гражданин Российской Федерации вправе изменить свое гражданство, в том числе, прекратить российское гражданство, приобрести иное гражданство либо стать лицом без гражданства. При этом основания прекращения гражданства могут быть различны. Как правило, это происходит по волеизъявлению лица, путем выхода из гражданства Российской Федерации. Однако российское законодательство — чч. 1 и 2 ст. 22 Федерального закона от 1 июля 2002 г. № 62-ФЗ — допускает прекращение гражданства России без согласия лица, чье гражданство прекращается⁵. Но это возможно только в отношении натурализованных (приобретших гражданство) граждан Российской Федерации.

В соответствии с положениями ст. 22 Федерального закона от 1 июля 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ) решение о приобретении российского гражданства подлежит отмене, если данное решение принято на основании представленных заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений, либо в случае отказа заявителем от принесения Присяги гражданина Российской Федерации (ч. 1 ст. 22), равно когда целью приобретения гражданства Российской Федерации являлось осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации (абз. 2 ч. 1 ст. 22), а также при вступлении в законную силу приговора суда об осужде-

¹ В том числе выраженных в новеллах, внесенных в Конституцию РФ Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ и одобренных на Всероссийском голосовании 25 апреля 2020 г. (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 23, ст. 3234).

² Как следует из Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, основные задачи в сфере гражданства — совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих упрощенные правила приема в российское гражданство иностранных граждан, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями или выпускниками российских образовательных организаций и др. (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45, ст. 6917).

³ То обстоятельство, что в административно-правовой литературе данный институт (субинститут) нередко становится предметом специального анализа, не устраняет его конституционно-правовой «принадлежности». В данном случае речь идет о реализации, охране и защите основных (конституционных) прав и свобод, и притом средствами конституционного права. При этом, как представляется, привлечение иных (отраслевых) юридических средств и юридических форм не изменяет конституционно-правовую природу данного института. Принципиально важно и то обстоятельство, что проблема отмены гражданства одновременно выступает объектом как материального, так и процессуального конституционного права.

⁴ В данном случае конституционное производство выступает элементом конституционного процесса [2, с. 95–113].

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031.

нии лица за совершение преступления террористической и экстремистской направленности (ч. 2 ст. 22) [3]. Очевидно, что в данном случае нельзя применять конституционный императив «лишение гражданства», так как по своей природе данная процедура представляет причинно-следственную связь между действиями самого гражданина и ответным действием государства.

Безусловно, для лица в отношении которого принято решение об отмене решения о приобретении гражданства, наступают крайне неблагоприятные последствия. В первую очередь, разрыв государственно-правовой связи между государством и гражданином. Несмотря на незначительное число принимаемых решений об отмене решений о приобретении гражданства Российской Федерации, по сравнению с общим количеством принятых решений о приобретении гражданства (на 1 декабря 2020 года 213 из 563342 соответственно, и составляет 0,04 %) исследование данной формы прекращения гражданства представляется актуальной [4].

Положения ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» гарантируют судебный контроль отмены решения о приобретении гражданства, за исключением отказа гражданина от принесения Присяги (ч. 1 ст. 22)¹. Как показывает практика, почти 80 % от числа отмененных решений о приобретении гражданства, решения принятые по установленным в судебном порядке фактам предоставления подложных документов или сообщения заведомо ложных сведений [4].

На необходимость уточнения критерия «предоставление подложных документов или сообщение заведомо ложных сведений» указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2019 г. № 2-О [5]. В сформулированной в Определении правовой позиции особо подчеркнуто, что при применении соответствующего установленного факта в судебном порядке, такое установление не служит безусловным основанием для отмены решения о приеме в гражданство. Отмеченный вывод Конституционного Суда Российской Федерации еще ранее получил развитие в правовой позиции, сформулированной в Определении от 25 октября 2016 года № 2211-О [6], в котором специально подчеркнуто, что из содержания указанной нормы Закона о гражданстве вытекает, что она распространяется только на случаи, когда отсутствовали законные основания для приобретения российского гражданства и возникновения устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

Для реализации выводов федерального органа конституционного контроля указанных определений были подготовлены и внесены изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 17 июня 2020 года № 398) [7], определяющие перечень подложных документов и заведомо ложных сведений, к которым отнесены: документы, содержащие недостоверную информацию о заявителе (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство либо отсут-

ствие гражданства); подложные документы о наличии установленных Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» оснований и соблюдении условий приобретения или прекращения гражданства Российской Федерации либо заведомо ложные сведения об этом (при отсутствии таких оснований и несоблюдении таких условий); подложные документы об отсутствии предусмотренных оснований отклонения заявлений об изменении гражданства Российской Федерации либо заведомо ложные сведения об этом. Указанные изменения вступили в силу в июле 2020 года. При этом основанием для уточнения критерия «предоставления подложных документов или сообщение заведомо ложных сведений» послужила ранее существовавшая практика обращений в суд с целью установления таких фактов, не являющихся подтверждением выполнения условий приема в гражданство Российской Федерации. Например, ложные сведения о регистрации по месту жительства или о близких родственниках.

В связи с отмеченным, очевидно, что конструкция ч. 1 ст. 22 Федерального закона о гражданстве нуждается в серьезной коррекции.

Одновременно требует специального анализа применяемый для отмены решения о приобретении гражданства такой критерий, как вступивший в силу приговор суда о совершении лицом преступления террористической или экстремистской направленности, который установлен действующим законодательством в 2017 году². Как представляется, в данном случае необходимо рассмотреть вопрос соотношения дат вступления в силу приговора суда, решения о приеме в гражданство и принятой нормы.

Таким образом, в формально-юридическом значении отмена решения есть акт полномочного органа государства относительно нуллификации ранее принятого решения о предоставлении иностранному гражданину (лицу без гражданства) гражданства Российской Федерации. При этом основанием принятия такого решения являются обстоятельства, прямо предусмотренные действующим законодательством.

Отмеченное указывает на, так сказать, формально-юридический контекст оценки феномена отмены гражданства. Между тем в сущностном, конституционно-правовом (социально-правовом), смысле проблема отмены гражданства не может быть сведена исключительно к отмеченным, несомненно, важным формально-юридическим аспектам. Акт отмены гражданства непосредственным образом влияет на содержание конституционно-правового статуса как самого лица, утратившего титул носителя российского гражданства, так и на конституционный статус членов его семьи (даже при том, что действие содержащейся в ч. 3 ст. 22 Федерального закона о гражданстве оговорки является безусловным)³ и неизбежно сопряжен со значительными ограничениями тех фундаментальных прав и свобод, которые обусловлены состоянием гражданства.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (Часть I), ст. 4792.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031.

Однако в контексте нуллификации принятого решения о предоставлении гражданства необходимо оценить его последствия, связанные с юридически значимыми действиями лица в период нахождения его в статусе гражданина как в профессиональной, так и в частной сфере. Безусловно, необходимо законодательное закрепление всех процедур, связанных, например, с действием актов, вынесенных лицом при осуществлении им государственно-властных полномочий, и в отношении которого отменено гражданство. Кроме того, учитывая значительную дифференциацию между правами и обязанностями граждан и иностранных граждан, необходимо рассматривать и этот аспект при отмене гражданства.

Именно в этой связи проблема отмены гражданства, как представляется, должна быть подвергнута осмыслению в аспекте оценки объективного (действительно-го) основания приобретения права на гражданство или оценки действительности права на гражданство. Действительность права на гражданство имплицитно предполагает фактические основания или наличие таких обстоятельств (истинных фактов), которые являются необходимыми и достаточными для принятия решения о предоставлении иностранному гражданину российского гражданства. Напротив, принятие решения о предоставлении гражданства при отсутствии такого фактического основания указывает на недействительность права на гражданство, а, следовательно, и на объективно существующие предпосылки для его отмены. По этой причине действительность права на гражданство предопределяет опровержимый характер акта отмены гражданства. Иными словами, презумпция истинности всякого акта об отмене решения о предоставлении гражданства по своей природе не может быть отнесена к числу неопровержимых.

Представляется, что за основу понимания действительности права на гражданство может быть взят концепт «устойчивая связь лица с государством», являющийся ключевым для понимания состояния гражданства и оценки действительности права на гражданство как в национальном законодательстве, так и в региональном (европейском) и международном праве. Это вневременная, не ограниченная пространством правовая связь лица с государством, основанная на принадлежности этого лица к государству, а равно взаимных правах и обязательствах носителя данного титула и государства. Как отмечалось, конституционно, в форме абсолютного запрета, установлено, что такая связь не может быть прервана волей государства. В то же время в определенных случаях, как это следует из устоявшейся судебной практики, решений Верховного Суда Российской Федерации, гражданин не может добровольно разорвать эту связь при условии, что какое-либо иное государство не предоставляет ему своего гражданства (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № АПЛ12-327)¹. Таким образом, обстоятельства, подтверждающие сохранение такой связи иностранного гражданина (лица без гражданства) с Российской Федерацией являются

фактическим и юридическим основанием для предоставления такому лицу на основе его волеизъявления российского гражданства. Напротив, факты, подтверждающие утрату устойчивой связи лица с Российской Федерацией, должны расцениваться, во-первых, в качестве фактической утраты этим лицом российского гражданства и, во-вторых, предполагать в то же время приведение в отношении данного лица механизма прекращения гражданства на основании его утраты. С другой стороны, отмена решения о гражданстве не равносильна разрыву устойчивых связей лица и государства.

В контексте обеспечения прав и свобод лиц, в отношении которых принято решение об отмене гражданства, как представляется, необходимо также исследовать правовые последствия такого решения, и в зависимости от оснований отмены решения и с учетом принципа пропорциональности определить миграционный статус данной категории лиц. Тем самым при решении данного вопроса будет обеспечен баланс публичных и частных интересов, действия и решения органов государства приобретут действительно гуманитарный (конституционный) смысл. Особенно это касается лиц, которые до отмены гражданства не имели иного гражданства, кроме гражданства Российской Федерации.

Список источников

1. <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Червонюк В. И. Конституционный судебный процесс : учеб. пособие / В. И. Червонюк. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017.
3. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (Часть I), ст. 4792.
4. <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Усманова Бахтияра Касымжановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2019 № 2-О // Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Мехтиева Талеха на нарушение его конституционных прав статьей 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.10.2016 № 2211-О // Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 : указ Президента РФ от 17.06.2020 № 398 (в ред. от 24.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 26, ст. 4085.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 11.

References

1. <http://www.kremlin.ru> (accessed: 10.03.2020).
2. Chervonyuk V. I. constitutional judicial process : textbook manual / V. I. Chervonyuk. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017.
3. Federal Law № 243-FZ of July 29, 2017 «On amendments to the federal law «On citizenship of the Russian Federation» and articles 8 and 14 of the federal law «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. № 31 (Part I), article 4792.
4. <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.
5. On the refusal to accept for consideration the complaint of Usmanov Bakhtier Kasymzhanovich for violation of his constitutional rights by Parts One and two of Article 22 of the Federal law «On citizenship of the Russian Federation»

: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2-о of 15.01.2019 // the document was not published // SPS «Consultantplus».

6. On the refusal to accept for consideration the complaint of Mehtiev Talekh for violation of his constitutional rights by Article 22 of the Federal law «On citizenship of the Russian Federation» : definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.10.2016 № 2211-О // the document was not published // SPS «Consultantplus».

7. On amendments to the regulation on the procedure for considering citizenship issues of the Russian Federation, approved by decree of the president of the Russian Federation № 1325 of November 14, 2002 : decree of the president of the Russian Federation № 398 of 17.06.2020 (as amended on 24.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 26, article 4085.

Информация об авторе

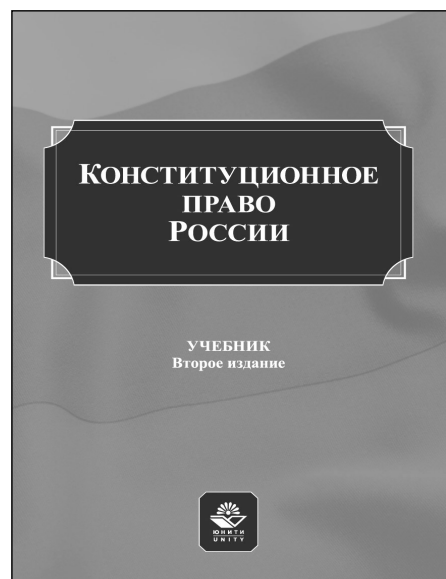
В. Л. Казакова — соискатель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. L. Kazakova — Degree applicant at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Конституционное право России. Учебник. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-139-140>

ИИОН: 2003-0059-6/22-503

MOSURED: 77/27-003-2022-06-702

Анализ административно-правовых основ взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями

Владислав Игоревич Ковшевацкий

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kovshevatsky@yandex.ru

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлен анализ административно-правового законодательства в сфере взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями.

Ключевые слова: административное право, нормы права, государственное управление, полиция, помощь, волонтеры, народная дружина, функции, полномочия

Для цитирования: Ковшевацкий В. И. Анализ административно-правовых основ взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 139–140. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-139-140>.

Original article

Analysis of administrative and legal bases of interaction of internal affairs bodies with voluntary (volunteer) organizations

Vladislav I. Kovshevatsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', kovshevatsky@yandex.ru

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry

of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences **T. A. Prudnikova**

Abstract. The analysis of administrative and legal legislation in the field of interaction of internal affairs bodies with voluntary (volunteer) organizations is presented.

Keywords: administrative law, norms of law, public administration, police, assistance, volunteers, people's squad, functions, powers

For citation: Kovshevatsky V. I. Analysis of administrative and legal bases of interaction of internal affairs bodies with voluntary (volunteer) organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):139–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-139-140>.

Волонтерская деятельность в настоящее время является весьма востребованной. Регулярно обществу приходится сталкиваться с рядом трудностей (стихийные бедствия, эпидемии, спасение пропавших без вести, и прочее). Без помощи волонтерских организаций обойтись государству очень сложно. Зачастую люди, оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, получают помощь не от близких родственников, а от волонтеров. Следовательно, волонтерская деятельность имеет гражданский и благотворительный характер. Опыт деятельности показывает благотворительную направленность, выполняет функцию нравственного воспитания.

В соответствии с Концепцией развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р, важной сферой добровольчества (волонтерства) является со-

действие в поиске пропавших людей, а также содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в добровольных народных дружинах.

В соответствии с п. 4 ст. 2 Федерального закона от 24 июня 2016 года № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» наравне с органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, профилактики правонарушений также осуществляют граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в указанной сфере.

Одной из наиболее важных форм участия граждан в профилактике правонарушений выступает их добровольческая (волонтерская) деятельность. При этом граж-

© Ковшевацкий В. И., 2022

данами в целях достижения поставленных перед ними целей могут образовываться организации, создаваемые для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и других целей.

Говоря о недостатках правового регулирования, надо отметить, что Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» оставил за рамками правового регулирования нормы поддержки и помощи, которые осуществляются волонтерами или же лицами, согласившимися на данную деятельность на добровольной основе. Также не урегулировано оказание помощи добровольцами, обладающими специальной подготовкой. В ФЗ затронут аспект деятельности добровольной пожарной охраны, однако функционирование добровольных народных дружин остается без должной правовой основы. Не урегулирован вопрос взаимодействия волонтерских организаций с органами внутренних дел.

Совместная деятельность сотрудников полиции и волонтеров обладает особым предметом правового регулирования и регламентируется в соответствии со статьей 10 Федерального закона «О полиции». В ней декларируется, что полиция, осуществляя свою служебную деятельность, плотно работает с иными правоохранительными, государственными, муниципальными органами, а также совместно с общественными группами, движениями и т. д. Также, необходимо еще затронуть ч. 5 ст. 6. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которой должностные лица органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, при выполнении своих задач, могут использовать помощь добровольцев.

Рассматривая вопрос об оказании добровольцами содействия при розыске лиц, необходимо затронуть интересный момент. Когда в условиях данных мероприятий добровольцы нарушают действующее законодательство, они на общих, как и для всех, основаниях несут ответственность, в том числе уголовную по статьям 137, 138, 139, 138.1 УК РФ.

Во главе добровольческих отрядов стоит координатор — это более ответственный, серьезный, мотивированный и подготовленный доброволец, который носит звание организатора. К нему требуется обращаться для получения помощи от волонтерской организации. Сначала подается заявление в полицию о том, что какой-либо человек находится в безвестном исчезновении. Затем, на решение заявителя, он может обратиться к координатору группы добровольцев, осуществляемой свою деятельность на данной территории, для получения помощи. Однако следует помнить, что об этом действии необходимо поставить в известность сотрудника полиции, который непосредственно участвует в розыскных мероприятиях по поиску пропавшего человека. Это требование существу-

ет для четкой и грамотной совместной работы по поиску исчезнувшего человека.

Таким образом, государство в современных условиях дает возможность гражданам заниматься волонтерской деятельностью, но, к сожалению, достаточных условий для этого пока не имеется. Поэтому получается, что волонтеры нашей страны не наделены должными гарантиями. При всем при этом в законодательстве есть пробелы при рассмотрении вопросов по снабжению добровольцев необходимым для их волонтерской деятельности. Есть масса нерешенного: кто будет снабжать волонтеров орудием труда, оплачивать их проезд, питание, проживание? Чем застрахованы данные деятели от несчастных случаев? Ответов на данные вопросы нет. Волонтерская деятельность не заносится в трудовой стаж, что свидетельствует настоящее законодательство. Как следствие, поощрений и льгот для добровольцев видеть не приходится. Этим же можно объяснить низкий спрос на участие в волонтерской деятельности.

Взаимодействие волонтерских организаций с органами полиции в настоящий момент не урегулировано. В нормативной правовой базе отсутствует единый документ, определяющий порядок и последовательность действий волонтеров и сотрудников полиции при решении совместных задач. Лишь фрагментарно встречаются нормы в ФЗ «О полиции» и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которые не дают полного представления об анализируемой области научно-исследовательской работы.

Библиографический список

1. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 24 июня 2016 года № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. 01.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

Bibliographic list

1. The concept of the development of volunteerism in the Russian Federation until 2025, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2018 № 2950-r // SPS ConsultantPlus.
2. Federal Law № 182 of June 24, 2016 «On the fundamentals of the system of crime prevention in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus.
3. Federal Law № 144 of August 12, 1995 «On operational investigative activities» (ed. 01.07.2021) // SPS ConsultantPlus.

Информация об авторе

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-141-143>

ИИОН: 2003-0059-6/22-504

MOSURED: 77/27-003-2022-06-703

Правовые и организационные вопросы обеспечения охраны общественного порядка при проведении несанкционированных публичных мероприятий

Валерий Валентинович Комаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, 84991912028@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые аспекты возможной активизации несистемной оппозиции при проведении несогласованных протестных акций, предложены изменения в законодательстве для укрепления охраны общественного порядка при проведении публичных акций.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, публичные мероприятия, несистемная оппозиция

Для цитирования: Комаров В. В. Правовые и организационные вопросы обеспечения охраны общественного порядка при проведении несанкционированных публичных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 141–143. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-141-143>.

Original article

Legal and organizational issues of ensuring the protection of public order during unauthorized public events

Valeriy V. Komarov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 84991912028@mail.ru

Abstract. Some aspects of the possible activation of non-systemic opposition during uncoordinated protest actions are considered, changes in legislation to strengthen the protection of public order during public actions are proposed.

Keywords: protection of public order, public events, non-systemic opposition

For citation: Komarov V. V. Legal and organizational issues of ensuring the protection of public order during unauthorized public events. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):141–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-141-143>.

На протяжении последних лет правоохранительными органами Российской Федерации констатируется увеличение незаконных несанкционированных публичных мероприятий — митингов, публичных выступлений, акций, в основном общественно-политического характера. Согласно данным Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России в 2021 году количество несогласованных публичных мероприятий увеличилось на 28 % (с 2127 до 2736). Практически на треть выросло число участников этих акций (+27 %, с 112720 до 143562), почти в девять раз выросло количество граждан, задержанных за различные правонарушения (с 1996 до 21268) [1].

Заметим, что эти несогласованные публичные акции проводились в основном по инициативе и при полном организационном участии спецслужб иностранных государств. Особенно это было видно в 2021 году, когда проводились акции в поддержку Алексея Навального.

В 2022 г. обстановка в России остается напряженной, развиваясь на фоне проводимой Вооруженными Силами

Российской Федерации специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Сегодня нашей стране фактически объявлена война: это экономические санкции, притеснения спортсменов, множество ложной информации в СМИ, особенно в интернете.

Зарубежные информационные центры и оппозиционные силы продолжают использовать псевдолиберальную антивоенную риторику для поляризации российского общества в отношении оценки решений, принятых руководством страны. Информационная война, развязанная сегодня против России, — лишь часть масштабной когнитивной войны, направленной на уничтожение смыслов российской цивилизации.

Кроме того, ужесточение санкционной политики коллективного Запада может привести к осложнению социально-экономической обстановки в стране и, как следствие, падению уровня жизни граждан, что, вероятно, будет использовано деструктивными силами в качестве одного из основных инструментов для формирования антиправительственных настроений.

В этих условиях предпринимаются попытки организации несистемной оппозицией протестных выступлений граждан, несогласных с силовым вариантом решения противоречий с Украиной.

Так, с 24 февраля 2022 г. проведено более 1,5 тыс. протестных акций, общее количество участников — около 60 тыс. человек. За различные правонарушения задержано около 14 тыс. человек. Основной массой участников антивоенных акций являются граждане в возрасте от 16 до 30 лет. Отмечаются агрессивность их поведения, попытки физического сопротивления, использование кустарных общепереносимых средств поражения. У участников уличных акций изъято более 40 единиц холодного и иного оружия, зафиксировано пять фактов применения «коктейлей Молотова». Увеличилось число противоправных действий в отношении объектов органов исполнительной власти, выраженных в виде попыток поджогов военкоматов и отделов полиции. Все это сильно усложнило работу правоохранительных органов, связанную с установлением и задержанием лиц, участвующих в таких мероприятиях.

На этом фоне в марте 2022 г. рядом депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Ю. В. Афонин, Н. В. Коломейцев, Д. А. Парфенов и Ю. П. Синельщиков) в Аппарат Правительства Российской Федерации направлен проект федерального закона «О внесении в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части ответственности за правонарушения в сфере подготовки и проведения публичных мероприятий)». Указанным законом предлагается исключить административный арест и обязательные работы в качестве санкции за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ (в том числе установлено наказание — обязательные работы на срок до 200 ч), а также снизить размер налагаемого штрафа за проступки, связанные с проведением публичных мероприятий (ст. 20.2 КоАП РФ закреплена ответственность за несоблюдение требования отчитываться о расходовании денежных средств на публичное мероприятие (на граждан установлен штраф до 20 тыс. руб.).

Вместе с тем правоохранительными органами Российской Федерации (МВД России, Росгвардией, ФСБ России) указано, что виды административных наказаний по указанным категориям правонарушений соотносятся с характером и степенью общественной опасности и обладают разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства предписаний. Внесение предложений по их изменению не поддержано.

Безопасность граждан, защита их жизни и здоровья приоритетны для государства. В связи с этим к подготовке и сопровождению любого массового мероприятия органы внутренних дел и иные правоохранительные органы подходят со всем необходимым вниманием. Предпринятыми превентивными мерами правоохранительным органам страны в 2021 году удалось купировать предпосылки обострения общественно-политической ситуации и ее негативного развития. Это, в первую очередь, связано с внедрением технологий распознавания

лиц при проведении публичных мероприятий, которые помогают сотрудникам ОВД быстрее и эффективнее задерживать преступников и правонарушителей.

В конце января 2021 г. по России прошла волна митингов общественно-политического характера [2]. По прошествии первого дня митингов сотрудники полиции посетили некоторых участников протестных акций по месту жительства накануне повторного митинга для уведомления о наказании за совершенное правонарушение. Власти г. Москвы проинформировали общественность о том, что нарушителей порядка организации митингов устанавливали по средствам системы распознавания лиц на видео (записи уличных камер, репортажи журналистов, прямые эфиры в социальных сетях) и сопоставляли их с базой данных МВД России [3], т. е. наказывались те участники, которые ранее привлекались к административной или уголовной ответственности.

Подавляющее большинство граждан было привлечено к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ, что стало разумным сдерживающим фактором. Вместе с тем занесение в базу данных и использование биометрических данных повторных участников не регламентировано российским законодательством в должной мере.

Учитывая вышеизложенное, а также степень общественной опасности массовых несогласованных публичных мероприятий, полагаем необходимым внесение изменений в некоторые нормативные правовые акты Российской Федерации. Так, целесообразно:

— дополнить п. 1 ст. 13 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» подпунктом 3 следующего содержания:

«3) производить сбор и использование биометрических данных участников в зависимости от уровня проведения публичного мероприятия».

— дополнить ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»:

«Обработка биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности, законодательством Российской Федерации о публичных мероприятиях...».

Такие дополнения позволят на законном основании производить идентификацию граждан, в том числе с помощью систем видеонаблюдения, при посещении ими публичных мероприятий, собирать и обрабатывать без согласия субъекта персональных данных его биометрические персональные данные, если он является участником публичного мероприятия.

Дополнительно необходимо отметить проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об административных правонарушениях в отношении участников несогласованных публичных мероприятий.

Сегодня сложилась практика прекращения судом дел об административных правонарушениях в отношении участников несогласованных публичных меропри-

ятий, если они не нарушали установленных законодательством запретов, поскольку ни Федеральный закон № 54-ФЗ, ни КоАП РФ не содержат прямого запрета на участие в несогласованном публичном мероприятии.

В целях исключения фактов уклонения от ответственности участников несогласованных публичных мероприятий, не допускающих нарушения обязанностей, установленных Федеральным законом № 54-ФЗ, а также повышения эффективности профилактического воздействия на правонарушителей, предлагаем внести в КоАП РФ следующие изменения в ч. 5 ст. 20.2 («Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»):

- в абзаце первом после слов «или пикетирования» дополнить словами «а равно участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях»;
- в абзаце втором после слов «сорока часов» дополнить словами «или административный арест на срок до десяти суток».

Считаем, что указанные дополнения и изменения действующего законодательства, регламентирующего проведение публичных мероприятий, позволят повысить эффективность профилактического воздействия на граждан, облегчить сотрудникам органов внутренних дел процесс привлечения к ответственности участников несогласованных публичных мероприятий.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения: 20.06.2022).
2. В Москве задержали подозреваемого в распылении газа в лицо росгвардейцу // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a> (дата обращения: 20.06.2022).

Информация об авторе

В. В. Комаров — доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Komarov — Associate Professor of the Department of Activities of Internal Affairs Bodies in special conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

3. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56000110> (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2021 // Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (accessed: 20.06.2022).
2. In Moscow, a suspect was detained for spraying gas in the face of a Russian guardsman // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a> (accessed: 20.06.2022).
3. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56000110> (accessed: 01.03.2022).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 8 дек.
2. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. 2004. 23 июня.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 1156 «Об утверждении правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» // Российская газета. 2013. 19 дек.

Bibliographic list

1. Federal Law № 329-FZ of December 4, 2007 «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2007. 8 Dec.
2. Federal Law № 54-FZ of June 19, 2004 «On Meetings, Rallies, demonstrations, Processions and Picketing» // Rossiyskaya Gazeta. 2004. June 23.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1156 of December 16, 2013 «On approval of the rules of behavior of spectators during official sports competitions» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. 19 Dec.

Научная статья

УДК 341.645.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-144-147>

ИДН: 2003-0059-6/22-505

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-704

К вопросу о перспективах участия Российской Федерации в международных договорных механизмах по защите прав человека

Валерий Анатольевич Коннов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vkonnov@inbox.ru

Аннотация. Анализируются правовые возможности и перспективы формирования нового международного судебного органа по защите прав человека с участием Российской Федерации. Оцениваются факторы, которые могут повлиять на деятельность данного органа и участия в нём отдельных государств.

Ключевые слова: международная защита прав человека, международные организации, международные судебные органы, Европейский Суд по правам человека, выход России из Совета Европы

Для цитирования: Коннов В. А. К вопросу о перспективах участия Российской Федерации в международных договорных механизмах по защите прав человека // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 144–147. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-144-147>.

Original article

On the prospects of the Russian Federation's participation in international mechanisms for the protection of human rights

Valeriy A. Konnov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vkonnov@inbox.ru

Abstract. The legal possibilities and prospects for the formation of a new international judicial body for the protection of human rights with the participation of the Russian Federation are analyzed. The factors that may affect the activities of this body and the participation of individual states in it are assessed.

Keywords: international protection of human rights, international organizations, international judicial bodies, the European Court of Human Rights, Russia's withdrawal from the Council of Europe

For citation: Konnov V. A. On the prospects of the Russian Federation's participation in international mechanisms for the protection of human rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):144–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-144-147>.

Грандиозные внешнеполитические события 2022 года, связанные с началом боевых действий на Украине, дали старт самым масштабным в современной истории изменениям в системе межгосударственных отношений. Наряду с беспрецедентной санкционной кампанией западных стран в отношении России самым заметным фактором стало прекращение участия нашего государства в одной из крупных международных региональных организаций — Совете Европы. В ответ на недружественные действия отдельных государств-членов (лишение права голоса в отдельных органах, приостановка представительства и т. д.) Российская Федерация 15 марта 2022 года объявила о выходе из Совета Европы [5]. Данный акт имеет не только политические, но и серьезные правовые последствия, поскольку обусловлен автоматическим прекращением распространения на Рос-

сию юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский Суд) — международного договорного органа, функционирующего на основе центрального конвенционного акта Совета Европы — Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — ЕКПЧ, Конвенция 1950 г.). Поскольку членство в организации напрямую связано с данным международным договором, то выход из-под юрисдикции ЕСПЧ является закономерным следствием произошедших событий.

Совет Европы и Россия разошлись в оценке того, до какого периода должны приниматься жалобы и исполняться постановления Европейского Суда. В частности, в ЕСПЧ определили, что жалобы против Российской Федерации будут приниматься вплоть до 16 сентября 2022 г., то есть до даты окончательного выхода из организации (по

истечении 6 месяцев с момента заявления МИД России). В свою очередь, в Российской Федерации были приняты ряд поправок в действующее законодательство, установившие временные рамки исполнения постановлений ЕСПЧ [6; 7]. В соответствии с ними Россия не будет исполнять постановления Европейского Суда, которые вступят в силу после 15 марта 2022 года, а выплаты по принятым ранее решениям будут производиться до 1 января 2023 года.

Появление правовой определённости относительно последствий прекращения юрисдикции ЕСПЧ в отношении России, хотя и связано с расхождением в оценке хронологических границ процесса, тем не менее, оказывает позитивное влияние на общую юридическую картину. На протяжении почти 3-х месяцев такой определённости не было. Также следует отметить, что с выходом из Совета Европы граждане Российской Федерации не потеряли право подавать жалобы в ЕСПЧ. Они смогут продолжать это делать неограниченное количество времени в будущем, но эти жалобы будут подаваться уже не против России, а против других государств-членов Совета Европы.

На фоне всех происходящих событий возникает справедливый вопрос: прибегнет ли в дальнейшем Российская Федерация к использованию каких-либо других международных механизмов по защите прав человека или ограничится исключительно внутригосударственными правовыми возможностями, которыми смогут пользоваться отечественные и иностранные граждане в части защиты своих прав?

За прошедшее с 15 марта 2022 года время разные общественные и государственные деятели давали различные оценки данному вопросу, которые нередко были диаметрально противоположными — от необходимости создания нового межгосударственного органа на другой организационной платформе, до полного отказа от международного сотрудничества в данной сфере [8]. Вместе с тем, следует отметить, что само по себе решение о выходе из Совета Европы не закрыло для Российской Федерации другие существующие международные договорные и внедоговорные механизмы по защите права человека, в которых она участвовала параллельно с ЕСПЧ. В частности, Россия продолжает практику взаимодействия с Комитетом ООН по правам человека, Комитетом ООН против пыток, Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин и др. Следовательно, межгосударственные институты по защите прав человека продолжают быть актуальными для Российской Федерации. Однако все указанные органы имеют внесудебную природу. В рамках настоящей статьи мы попробуем смоделировать возможность появления нового именно судебного международного механизма, который мог бы прийти на смену Европейскому Суду.

Следует отметить, что объективная необходимость в существовании международных судебных институтов по защите прав человека исторически была обусловлена как минимум двумя факторами: стремлением к универсализации основных прав, их единообразной трактовке и толкованию, а также предоставлением гражданам

возможности эффективно защитить свои права от злоупотребления со стороны государства и его представителей, когда внутригосударственные средства защиты оказались неэффективными. Почти 25-летняя история сотрудничества России с Советом Европы показала объективную пользу от деятельности ЕСПЧ для совершенствования внутригосударственного законодательства и правоприменительной практики. За эти годы на основе его постановлений было внесено большое количество изменений в правовые акты, приняты акты толкования высших судов РФ в целях повышения эффективности защиты прав граждан. Показательно, что выход Российской Федерации из совета Европы не повлёк, и скорее всего не повлечёт какого-либо существенного пересмотра этих нормативных изменений (о чем, в частности, было упомянуто в заявлении МИД России от 15 марта). Следовательно, Россия продолжает признавать эффективность многолетнего сотрудничества с международным органом в части совершенствования системы защиты прав человека. Поэтому полагаем, что постановка вопроса о полном отказе от участия в дальнейшем в деятельности международных договорных органов по защите прав человека является малопродуктивной.

Другое дело, что отдельные постановления ЕСПЧ выглядели весьма спорными, а его правовые позиции не просто не совпадали с позициями отечественных судов [3, с. 95–109], но и вступали в прямое противоречие с Конституцией Российской Федерации. Эти обстоятельства уже в 2015 году подвигли Россию к формированию механизма, которым позволял бы признавать отдельные решения международного органа неисполнимыми [1, с. 122–125]. Это свидетельствует о том, что правоприменительная деятельность Европейского Суда не была идеальной. Некоторые отечественные исследователи и государственные деятели уже давно высказывали предложение о формировании нового международного судебного органа по защите прав человека, где были бы учтены и устранены недостатки и перегибы, отмеченные в некоторых решениях ЕСПЧ [2, с. 65–69].

Возможность создания нового международного суда по правам человека — это не только вопрос права и правовых систем. Как представляется, это в том числе вопрос организационной платформы, национальных, культурных, религиозных и иных взглядов и традиций тех стран, в сообществе с которыми такой орган создается. Поэтому мы выделим здесь несколько факторов, которые следует принимать во внимание при создании нового межгосударственного судебного института по защите права человека, юрисдикцию которого могла бы признать Россия.

Сходность правовых систем и правового регулирования в отдельных странах. Строго говоря, опыт ЕСПЧ свидетельствует, что это не может стать безоговорочным заградительным фактором на пути объединения государств в попытке создать судебный орган по защите прав человека. Юрисдикция Европейского Суда со временем распространилась на страны, которые весьма отличались и отличаются друг от друга по указанным параметрам. Тем не менее сходность правовых

систем и правового регулирования позволяет упростить и ускорить процесс институализации нового межгосударственного органа, сделать его интерпретационную деятельность более предсказуемой. В настоящее время такая сходность прослеживается, в частности, на примере участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и участников Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Обе организации на платформах своего сотрудничества реализуют различные направления межгосударственного взаимодействия, а персональный состав членов во многом совпадает. Расширение компетенции данных организаций в сторону создания международного судебного органа по защите прав человека выглядит вполне реалистично. Однако следует отметить, что использование платформы СНГ для этих целей может возыметь правовые препятствия, поскольку некоторые государства-члены (Азербайджан, Молдова) продолжают признавать юрисдикцию ЕСПЧ и не высказывают намерение отказаться от этого. Равно как сложно представить одновременное признание этими государствами юрисдикции двух международных судов по правам человека.

С точки зрения сходности правовых систем вопрос об использовании платформ других международных организаций и объединений, в которых учувствует Россия, для создания международного суда еще более неоднозначен. К примеру, Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС) включает такие государства как Китай и Пакистан. Правовые системы и правоприменительная практика в этих странах по многим вопросам весьма далека от Российской Федерации и от других стран ближнего зарубежья. Нельзя также сбрасывать со счетов особенности национального, культурного и религиозного характера, которые также оказывают влияние на формирование правовых подходов к защите прав человека. Всё сказанное позволяет высказать соображение, что платформа ШОС не самая удачная для России в плане создания международного суда по защите прав человека. Аналогичные выводы можно сделать в отношении неформального объединения БРИКС.

Опыт ныне существующих международных судов по правам человека показывает, что для их функционирования необходима правовая основа в виде международного договора, закрепляющего права и свободы, защиту которых будет обеспечивать создаваемый межгосударственный институт. Если рассматривать СНГ в качестве организационной основы для создания международного судебного органа, то с 1995 года действует Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [4, с. 56–62]. Её принятие увязывалось с Положением о Комиссии по правам человека СНГ, которая должна было стать консультативным, экспертным и отчасти контрольным органом по наблюдению за соблюдением прав человека. Однако данная структура так и не была создана, а в 2021 году прошли только экспертные консультации о её создании [9]. В любом случае речь не идет о том, что данная комиссия должна стать судебным органом. Тем не менее сама Конвенция 1995 года является вполне содержательным и со-

временным правовым актом, закрепляющим основные права и свободы человека, и способна стать правовой основой для деятельности международного суда. В тоже время отдельные государства-члены СНГ не ратифицировали данный договор, что сужает круг потенциальных участников международного судебного механизма.

Следует отметить, что в правовом арсенале других упомянутых выше международных организаций и объединений нет аналогичного комплексного договора о правах человека. Поэтому возможность реализации идеи создания нового судебного института на их платформах зависит, в том числе, от появления соответствующих правовых актов.

Создание международного судебного органа по правам человека не обязательно должно базироваться на организационной основе существующей международной организации. Действительно, использование действующей инфраструктуры является весьма удобным решением в целях оптимизации расходов и принятия управленческих решений. Но новый международный суд может стать и самостоятельной международной организацией, созданной и функционирующей вне других межгосударственных объединений. Такой подход позволит не оглядываться на существующую правовую базу организаций, не адаптировать её под новый формат сотрудничества, а сформировать принципиально новый институциональный механизм в числе тех государств-участников, которые действительно будут заинтересованы в его функционировании.

Приведенные соображения обрисовывают самые общие контуры возможных шагов, которые в будущем могут быть предприняты Российской Федерацией совместно с другими государствами по созданию эффективного, отвечающего национальным и союзническим интересам международного механизма защиты прав человека. Необходимость его существования более чем очевидна вследствие общих целей регионального сотрудничества: создание единого экономического, гуманитарного, социального пространства. Без параллельного формирования эффективных механизмов защиты прав граждан полное достижение таких целей выглядит затруднительным.

Список источников

1. Карасев Р. Е. Верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений Европейского Суда по правам человека : теория и практика // Государство и право. 2016. № 4.
2. Краснова П. В. Сравнительно-правовой анализ перспектив создания Евро-азиатского суда и Суда БРИКС по правам человека // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 3.
3. Будаев К. А. О некоторых разногласиях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан России : пути их разрешения // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133).
4. Касьянов Р. А., Торкунова Е. А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44).

5. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 10.06.2022).

6. Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110031?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 11.06.2022).

7. Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=2&rangeSize=1> (дата обращения: 11.06.2022).

8. Старикова М. Правам человека ищут новый адрес // <https://www.kommersant.ru/doc/5315776> (дата обращения: 19.04.2022).

9. https://cis.minsk.by/news/18181/strany_sng_schitajut_aktualnym_zapusk_deyatelnosti_komissii_po_pravam_cheloveka_sodruzhestva (дата обращения: 20.06.2022).

References

1. Karasev R. E. The supremacy of the Constitution of the Russian Federation in the execution of decisions of the European Court of Human Rights : theory and practice // State and law. 2016. № 4.

2. Krasnova P. V. Comparative legal analysis of the prospects for the creation of the Euro-Asian Court and the BRICS Court on Human Rights // Scientific notes of young

researchers. 2016. № 3.

3. Budaev K. A. On some disagreements of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of the rights and freedoms of Russian citizens : ways to resolve them // Lex russica (Russian Law). 2017. № 12 (133).

4. Kas'yanov R. A., Torkunova E. A. Ensuring human rights in the post-Soviet space // Bulletin of MGIMO University. 2015. № 5 (44).

5. Statement of the Russian Foreign Ministry on the launch of the procedure for withdrawal from the Council of Europe // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (accessed: 10.06.2022).

6. Federal Law № 180-FZ of 11.06.2022 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110031?index=0&rangeSize=1> (accessed: 11.06.2022).

7. Federal Law № 183-FZ dated 11.06.2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=2&rangeSize=1> (accessed: 11.06.2022).

8. Starikova M. Human rights are looking for a new address // <https://www.kommersant.ru/doc/5315776> (accessed: 19.04.2022).

9. https://cis.minsk.by/news/18181/strany_sng_schitajut_aktualnym_zapusk_deyatelnosti_komissii_po_pravam_cheloveka_sodruzhestva (accessed: 20.06.2022).

Информация об авторе

В. А. Коннов — начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Konnov — Head of Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-148-151>

ИДОН: 2003-0059-6/22-506

MOSURED: 77/27-003-2022-06-705

Понятие и сущность экстремистской деятельности

Александр Викторович Корольчук

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
avkorolchuk@mail.ru

Аннотация. Исследуются понятие и сущность экстремизма с точки зрения административно-правового аспекта, рассматривается история возникновения и становления данного явления, его виды. Предлагаются пути совершенствования способов противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, сущность экстремизма, виды экстремизма

Для цитирования: Корольчук А. В. Понятие и сущность экстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 148–151. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-148-151>.

Original article

The concept and essence of extremist activity

Alexander V. Korolchuk

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, avkorolchuk@mail.ru

Abstract. This article examines the concept and essence of extremism from the point of view of the administrative and legal aspect, examines the history of the emergence and formation of this phenomenon, its types. The ways of improving the ways of countering extremist activity in the Russian Federation are proposed.

Keywords: extremism, extremist activity, the essence of extremism, types of extremism

For citation: Korolchuk A. V. The concept and essence of extremist activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):148–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-148-151>.

В различные времена, в разных политико-правовых системах и государствах имело место проявление экстремизма. Экстремизм воплощается в жизнь в самых различных формах и таким образом представляет собой одну из самых опасных, негативных и масштабных политико-социальных и правовых проблем современной действительности. Обоснованным кажется утверждение о том, что экстремизм как форма проявления поведения различных субъектов (групп субъектов) представляет угрозу для национальной безопасности — безопасности политической, экономической, социальной и культурной систем, как отдельно взятого государства, так и совокупности региональных держав, объединенных географическим расположением.

Предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций, входящих в них физических лиц является одной из основных задач, направленных на достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности, предусмотренных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [1].

В рамках настоящего исследования экстремизм, прежде всего, будет рассматриваться как явление правовое,

а не социальное, либо политическое. Автором ставятся перед собой задачи в определении понятия, сущности, истории появления и развития, а также перспектив правового регулирования рассматриваемого феномена.

Проблеме определения понятия и сущности экстремизма уделяется большое внимание в отечественной правовой догматике. В частности, данный вопрос становился предметом научного исследования в работах таких ученых как Вехов И. В., Воронов И. В., Воронцов С. А., Деркач А. А., Жуков В. И., Залужный А. Г., Ищенко С. А., Кикотя В. Я., Киясханов И. Ш., Кононова П. И., Корнаухова Т. В., Корнилов Т. А., Лаптева Л. Г., Макаров Н. Е., Нарбут Н. П., Ольшанский Л., Пузанова Ж. В., Савочкина Д. О., Скребец Е. С., Степанов Н. В. и других.

На основе анализа результатов отечественных научных исследований и законодательства необходимо сделать вывод, что в истории юриспруденции нашей страны экстремизм чаще всего определялся как деятельность, которая существенно (радикально) отклоняется от общепринятых норм. В то же время в ряде зарубежных стран (Англия, США, Франция), данный термин определялся, скорее, как явление, означающее чрезвычайно острую конфронтацию противоборствующих сил [2].

В отечественной и зарубежной литературе по рассматриваемой проблематике не только не сформулирована окончательная позиция относительно понимания рассматриваемого политико-правового феномена, но также отсутствует единая формулировка термина.

Для наиболее точного определения понятия экстремизма, целесообразно рассмотреть подходы к этому явлению, сформированные в различных науках: юриспруденции, социологии, политологии и философии.

Известный российский социолог И. В. Вехов определяет экстремизм как осознанное и идеологически обоснованное девиантное поведение, выражающееся в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства, либо в призывах к осуществлению таких действий [3].

Философ-социолог И. Ш. Кияхсанов в своей диссертации кандидата философских наук, компилируя мнения большинства известных философов, отмечал, что экстремизм — это радикальная деятельность, основанная на приверженности к тотальному неприятию существующей социально-политической модели общества и ее правовых основах [4, с. 8] и стремление к ее уничтожению любыми, в т.ч. насильственными, средствами.

Политика всегда была и остается сферой жизнедеятельности общества, которая отличается очевидностью наличия «конфликтующих» (противоборствующих) сил. Следовательно, всегда есть господствующий, принятый политический порядок, а также его противники, наиболее радикальные из которых именуются политическими экстремистами. С точки зрения политологии, экстремизм следует рассматривать в разрезе изучения политических направлений, пропагандирующих радикальную идеологию, их возникновение, развитие, идеи, цели и т.п. Политологи придерживаются мнения о том, что экстремизм — это радикальная деятельность определенных субъектов социально-политических отношений, основанная на приверженности к крайним оценкам условий [5, с. 33].

Определений термина «экстремизм», которые дают различные правоведы огромное множество. Плюрализм мнений и точек зрения объясняется тем, что ученые, пытаясь сформулировать понятие «экстремистской деятельности», выделяли различные классифицирующие ее признаки.

Так С. А. Воронцов, ключевым элементом экстремизма как явления выделяет его мировоззренческое (идеологическое) происхождение [6, с. 30]. А. Г. Залужный в свою очередь отмечает в качестве первоочередного стремление различного рода экстремистов дестабилизировать мировое сообщество [7, с. 33]. Н. В. Степанов основным критерием экстремистской деятельности считает стремление к радикальному нарушению принципа законности, прав, свобод и интересов личности и государства [8].

Анализируя различное множество определений экстремизма С. А. Ищенко предлагает следующую редакцию: антисоциальная, антигосударственная, противоправная деятельность, которая проявляется в виде идеологии, призывов, распространении лозунгов, финансирования, осуществляется лицом либо группой лиц (объединения, организации) по мотивам социальной, политической, расовой, религиозной, национальной и иной ненависти и направлена на дестабилизацию социальной среды, политического устройства государства, насиль-

ственное изменение основ конституционного строя [9].

В целом, следует согласиться с данным определением, однако, в данном случае непременно необходимо помнить о том, что мы отталкиваемся от общепризнанных принципов «нормальности» и «правильности». Как следует интерпретировать деятельность, если она осуществляется группой лиц, поддерживается действующим государственным аппаратом и большей частью общества, проявляется в призывах, финансировании и осуществлении тех или иных действий, основанных на политической, религиозной, национальной и иной ненависти и направленных на дестабилизацию и насильственное изменение социальной, политической или экономической среды, основ и общепризнанных принципов реализации прав и свобод?

В пределах круга лиц, осуществляющих такую деятельность никто из них не будет считать себя экстремистом и даже, напротив. В данном случае, можно говорить о том, что при смене общепризнанных норм и правил меняется расстановка сил. То, что раньше могло считаться проявлением того или иного вида экстремизма сейчас для многих стало обыденностью и нормальностью.

Кроме того, С. А. Ищенко также ограничивает экстремизм как явление, загоняя его в рамки «деятельности». В таком случае, следует ли считать экстремизмом бездействие лиц, которые не препятствуют его появлению и развитию? Требуется ли квалифицировать мысли и чувства людей, которые не находят активного проявления в форме какой-либо деятельности, но при этом по сути являются экстремистскими, как экстремизм?

Анализируя мнения различных ученых, мы приходим к выводу о том, что основой сущностью экстремизма является осуществление, либо активная пропаганда всеми доступными способами, деятельности, направленной на насильственное изменение существующей социальной, политической или экономической среды, основ и общепризнанных принципов, прав, свобод и гарантий личности, общества и (или) государства, которая основана на принципах радикальных идеологий, противоречащих общепризнанным нормам и ценностям. Подобным образом следует формулировать и определение экстремизма.

С. А. Ищенко отмечает, что экстремизм в любом виде — это особая форма политического насилия, отличающаяся жестокостью, целеустремленностью и эффективностью [9].

Сложно сказать, что такое определение бесспорно, однако, следует согласиться с тем, что появление новых и новых видов экстремизма не изменяют его сути и существенных характеристик, таких как: крайний радикализм; одобрение насильственных методов воздействия; идейность; существование за счет фанатизма последователей; бескомпромиссность; нацеленность на разрушение (каких-либо) существующих порядков.

В 2021 году по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 26,9 % и достигло 1057, при этом, следует отметить, что процент роста преступлений данной категории существенно снизился (в 2020 году он составил более 40 %). 85 % из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде раскрыто. Сотрудниками МВД выявлено 53,6 % пре-

ступлений экстремистской направленности, 1 % — сотрудниками Следственного комитета, информация об оставшихся 45,4 % отсутствует в отчете [10].

Безусловно, в силу фанатизма последователей, глубокой идейности и бескомпромиссности экстремистских идей, контролировать экстремизм как явление невозможно. Единственный способ — это активное противодействие экстремистской деятельности.

Определение понятия «экстремизм» было официально закреплено в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., которая ратифицирована Федеральным Собранием Российской Федерации в 2003 году [11, ст. 39–47]. В 2014 году утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [12], конкретизирующая положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [13] и определяющая ряд основных источников угроз экстремизма для Российской Федерации.

Исходя из статистических данных, можно сделать вывод о том, что государственные структуры РФ обладают достаточными административно-правовыми средствами для эффективного противодействия экстремистской деятельности [14]. Вместе с тем, субъектам анти экстремистской деятельности надлежит постоянно совершенствовать существующие способы и методы противодействия экстремизму.

Особое внимание необходимо уделить превентивным мерам противодействия и в частности административному надзору за соблюдением гражданами и организациями правовых и технико-юридических норм [15, с. 508]. Необходимо усилить контроль за лицами, привлекавшимися к ответственности за совершение правонарушений и преступлений экстремистской направленности. Возможно, следует организовать работу специальных подразделений, в компетенцию которых будут входить вопросы выявления мест сбора и контакта таких лиц, как в материальном мире, так и в информационно пространстве.

Очень важно понимать, что противодействие экстремистской деятельности должно предусматривать не только пресечение правонарушений и ликвидацию их последствий, но и исключать обновления экономических основ функционирования и возобновления экстремистской деятельности [16]. В связи с указанным, необходимо усилить контроль за чистотой совершаемых экономических операций, принять меры по расширению границ контроля и надзора за хозяйственными операциями граждан и организаций, соблюдая при этом конституционные принципы организации частной жизни.

Экстремистскую идеологию невозможно уничтожить физически, поскольку она существует на уровне идеи [17], с такой мыслью следует согласиться. Также справедливой представляется идея Е. С. Скребец о необходимости дискредитации экстремистской идеологии в глазах ее же сторонников и последователей с использованием различных способов пропаганды [18].

Ну и наконец, следует признать отягчающим обстоятельством совершение любого административного правонарушения по мотивам идеологической расовой, национальной, религиозной или другой ненависти.

Описанные меры способны повысить эффектив-

ность деятельности по противодействию экстремизму в Российской Федерации, и будут способствовать искоренению пропаганды жестокости, радикализма и насильственных методов борьбы во всех сферах жизнедеятельности, что станет отправной точкой в работе по искоренению экстремизма в целом.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Доступ предоставлен Справочно-правовой системой «Консультант Плюс» (дата обращения: 09.04.2022).
2. Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.
3. Вехов И. В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РПГУ им. А.И. Герцена. 2009. № 3. С. 284–290.
4. Киясханов И. Ш. Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества : дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.
5. Воронов И. В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.
6. Воронцов С. А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 4 (30).
7. Залужный А. Г. Правовые гарантии противодействия экстремистской деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни // Закон и право. 2002. № 9.
8. Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
9. Ищенко С. А. Административно-правовые и другие аспекты экстремизма в современном обществе (история, становление и развитие) // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 13–22.
10. Отчет МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» о Состоянии преступности в России за январь–декабрь 2021 года. Доступ предоставлен [сайт] URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 09.04.2022).
11. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // СЗ РФ. 2003. № 41.
12. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // Доступ предоставлен Справочно-правовой системой Консультант Плюс (дата обращения: 09.04.2022).
13. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности» // Доступ предоставлен Справочно-правовой системой Консультант Плюс (дата обращения: 09.04.2022).
14. Корнаухова Т. В. К понятию об административ-

но-правовых средствах противодействия терроризму в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5(94). С. 112–114.

15. Административное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 03.05.01 «Юриспруденция» / Под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Килиасханова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2008.

16. Савочкина Д. О. Деятельность ОВД по противодействию экстремизму в Республике Крым (административно-правовые аспекты) // Актуальные проблемы административной деятельности полиции : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 166–172.

17. Нарбут Н. П., Пузанова Ж. В. Антитеррористическое воспитание молодежи : новые вызовы новой эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2015. № 4. С. 181–184.

18. Скребец Е. С. Некоторые проблемы административно-правового регулирования противодействия экстремистской деятельности // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 47–50.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 02, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Access is provided by the Consultant Plus Legal Reference System (accessed: 09.04.2022).

2. Kornilov T. A. The emergence, development and concept of extremism // Russian Investigator. 2011. № 17. P. 23–25.

3. Vekhov I. V. Extremism as an object of sociological research // Izvestiya RPSU named after A.I. Herzen. 2009. № 3. P. 284–290.

4. Kilyashkanov I. S. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of political extremism in the conditions of reforming Russian society : dis. ... cand. philos. sciences. Tver, 2006.

5. Voronov I. V. Fundamentals of political and legal restriction of socio-political extremism as a threat to the national security of the Russian Federation : dis. ... cand. polit. sciences. M., 2003.

6. Vorontsov S. A. On the need to improve state policy and management in the field of security // Problem analysis and state management design. 2013. Vol. 6. № 4 (30).

7. Zaluzhny A. G. Legal guarantees of countering

extremist activity in political, religious and other spheres of public life // Law and Law. 2002. № 9.

8. Stepanov N. V. Criminological problems of countering crimes related to political and religious extremism : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2003.

9. Ishchenko S. A. Administrative-legal and other aspects of extremism in modern society (history, formation and development) // Administrative law and process. 2018. № 5. P. 13–22.

10. Report of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FKU «Main Information and Analytical Center» on the state of crime in Russia for January–December 2021. Access is provided by [site] URL: <https://x No.--blaew.x No.--plai/reports/item/28021552/> (accessed: 09.04.2022).

11. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (concluded in Shanghai on June 15, 2001) // SZ RF. 2003. № 41.

12. Strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025 (approved by the President of the Russian Federation on 28.11.2014 № Pr-2753) // Access is provided by the Consultant Plus Legal Reference System (accessed: 09.04.2022).

13. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 (ed. from 01.07.2021) «On countering extremist activity» // Access is provided by the Consultant Plus Legal Reference System (accessed: 09.04.2022).

14. Kornaukhova T. V. On the concept of administrative and legal means of countering terrorism in the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 5(94). P. 112–114.

15. Administrative law of Russia: textbook for university students studying in the specialty 03.05.01 «Jurisprudence» / Edited by P. I. Kononov, V. Ya. Kikotya, I. Sh. Kilyashkanov. 3rd ed., reprint. and additional M. : UNITY-DANA; Law and Law, 2008.

16. Savochkina D. O. Activity of the Department of Internal Affairs on countering extremism in the Republic of Crimea (administrative and legal aspects) // Actual problems of police administrative activity : materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2017. P. 166–172.

17. Narbut N. P., Puzanova Zh. V. Anti-terrorist education of youth : new challenges of a new era // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. The series «Sociology». 2015. № 4. P. 181–184.

18. Skrebets E. S. Some problems of administrative and legal regulation of countering extremist activity // Administrative law and process. 2018. № 8. P. 47–50.

Информация об авторе

А. В. Корольчук — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Korolchuk — Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryzan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Научная статья

УДК 343.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-152-156>

ИПОН: 2003-0059-6/22-507

MOSURED: 77/27-003-2022-06-706

Предмет преступного посягательства как элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России

Николай Александрович Кузьмин¹, Александр Александрович Рассказов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kyzminn80@mail.ru

² aleck.rasskazov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается предмет преступного посягательства в качестве элемента оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России. Особое внимание при этом уделяется бюджетным средствам и внебюджетным источникам финансирования национальных проектов, которые выступают в качестве предмета преступного посягательства. Обосновывается позиция о том, что именно предмет преступного посягательства исследуемой категории преступлений является связующим звеном всех элементов оперативно-розыскной характеристики, благодаря которому множество составов УК РФ, по которым возбуждаются уголовные дела в данной сфере, можно объединить и рассматривать как единое целое.

Ключевые слова: национальные проекты, бюджетные преступления, экономическая безопасность, противодействие коррупции, бюджет

Для цитирования: Кузьмин Н. А., Рассказов А. А. Предмет преступного посягательства как элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 152–156. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-152-156>.

Original article

The subject of criminal encroachment as an element of operational and investigative characteristics of crimes committed in the implementation of national projects of Russia

Nikolai A. Kuzmin¹, Alexander A. Rasskazov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kyzminn80@mail.ru

² aleck.rasskazov@yandex.ru

Abstract. In the article, the subject of criminal encroachment as an element of the operational-investigative characteristics of crimes committed in the implementation of national projects of Russia is considered. Special attention is paid to budgetary funds and extra-budgetary sources of financing of national projects, which act as the subject of criminal encroachment. The paper substantiates the position that it is the subject of criminal encroachment of the investigated category of crimes that is the link of all the elements of the operational-investigative characteristics, thanks to which a lot of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which criminal cases are initiated in this area, can be combined and considered as a whole.

Keywords: national projects, budget crimes, economic security, anti-corruption, budget

For citation: Kuzmin N. A., Rasskazov A. A. The subject of criminal encroachment as an element of operational and investigative characteristics of crimes committed in the implementation of national projects of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):152–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-152-156>.

7 мая 2018 года Указом Президента № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» глава государства учредил концептуально новые инструменты

научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации. Данные инструменты получили название «Национальные проекты (программы) Российской Федерации».

© Кузьмин Н. А., Рассказов А. А., 2022

В настоящее время на территории России функционирует система из 14 проектов федерального значения в наиболее значимых областях жизни общества и государства. При этом на реализацию нацпроектов в период до 2024 года, совокупно, планируется выделить 25,7 трлн руб., ввиду чего данная сфера является объектом повышенного оперативного интереса правоохранительных органов в целом, и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее — ЭБиПК МВД России), в частности.

Особое значение данной сферы для органов внутренних дел подтверждается и количеством совершаемых преступлений. Так, за 2021 год в сфере реализации нацпроектов было совершено 2142 преступления, совокупный материальный ущерб от которых составил свыше 1 714 457 000 рублей.

Учитывая это, вопросы выявления и раскрытия преступлений данной категории являются крайне значимыми и требуют детального изучения, описания и анализа.

Стоит отметить, что для описания какого-либо явления в науке используется термин «характеристика», под которым, согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, понимается «описание характерных отличительных качеств, черт чего-либо» [1]. В науке оперативно-розыскной деятельности эту роль играет оперативно-розыскная характеристика (далее — ОРХ).

ОРХ представляет собой совокупность информационных элементов, систематизированных и тесно связанных между собой, формируемая за счет сведений из различных источников, включенных, прежде всего, в криминалистическую, криминологическую, экономическую и другие характеристики преступлений [2].

Проведенное нами исследование показало, что ОРХ преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России в наибольшей степени, раскрывают следующие элементы:

- динамика и структура преступлений в сфере реализации национальных проектов России;
- типология преступлений;
- способ совершения преступлений в сфере реализации национальных проектов;
- типичный образ личности преступника (в том числе нравственно-психологические и специальные особенности личности) совершившего преступление в сфере реализации национальных проектов;
- механизм слеодообразования хищений средств бюджета, выделенных на реализацию нацпроектов;
- предмет преступного посягательства;
- обстановка совершения преступления.

При этом особое место среди указанных элементов занимает предмет преступного посягательства.

Доктрина уголовного права, на сегодняшний день, устанавливает в качестве предмета преступления любые предметы, имеющие признаки объекта материального мира.

Дополнительно ряд ученых считает, что предмет является факультативным признаком объекта преступле-

ния и неразрывно связан с ним [3, с. 674].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», предмет хищения должен соответствовать трем критериям, а именно:

- экономическому, т. е. должен обладать стоимостью;
- вещному, т. е. должен быть выражен в качестве объекта материального мира и иметь овеществленную форму, воспринимаемую органами чувств человека;
- юридическому, т. е. предмет должен находиться в свободном гражданском обороте и являться для лица, совершившего хищения, чужим, т. е. должно отсутствовать право собственности на него [4].

Так, в качестве предмета преступления понимается конкретная вещь, документ или материальная ценность, которая служит поводом или основанием для существования определенных общественных отношений. В свою очередь ее хищение, уничтожение или изменение влечет возникновение отношений в области уголовного законодательства.

Применяя данное определение к предмету преступлений в сфере нацпроектов необходимо сказать, что составы УК РФ, по которым лица привлекаются к ответственности за совершение противоправных деяний, отличаются друг от друга, так как направлены на защиту, зачастую, абсолютно различных отраслей общественных отношений.

Однако, несмотря на это, именно предмет преступления связывает составы УК РФ, по которым лица привлекаются к ответственности за совершение преступлений исследуемой категории. Во всех преступлениях, совершаемых в сфере реализации национальных проектов, системообразующим звеном является именно этот элемент ОРХ, благодаря которому мы рассматриваем всю совокупность совершаемых преступлений в одной единой плоскости.

Проведенное исследование показало, что субъективная сторона преступлений, совершаемых в сфере реализации нацпроектов, основывается на получении злоумышленником выгоды в результате неправомерного освоения средств, выделенных на реализацию проектов и программ.

При этом стоит разграничить понятие «выгода» от понятия «прибыль». Под прибылью в экономической литературе принято понимать разницу между полученным доходом и понесенными издержками, в то время «выгода» является более широким понятием, и его природа выходит из экономической плоскости и может затрагивать моральные, культурные, политические аспекты.

Именно этим разграничением объясняется наличие в структуре преступлений в сфере реализации нацпроектов коррупционных деяний.

Это следует и из положений Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [5]. В документе сказано, что предметом, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного

характера и предоставление имущественных прав.

Не смотря на столь широкую вариативность предмета преступления, анализ уголовных дел и ДОУ показал, что в большинстве случаев предметом преступления выступают именно денежные средства (наличные и безналичные). При этом данная особенность характерна для всех национальных проектов.

В свою очередь, рассматривая денежные средства в качестве предмета преступного деяния, необходимо разграничить составы преступлений, предусмотренные УК РФ, связанные с хищениями средств бюджета (Х) и коррупционными преступлениями (К).

Решение о разделении связано с тем, что при совершении преступлений первой группы (Х) предметом преступления выступают непосредственно средства, выделенные из бюджетов и внебюджетных фондов на цели нацпроектов (средства, принадлежащие и подконтрольные государству). То есть деньги, которые планируется затратить в результате проведения торгов, выдачи субсидий или при предоставлении льготного кредита. Предметом преступлений группы (К) являются денежные средства (наличные/безналичные), полученные взяткополучателями за совершение или несовершение каких-либо действий, направленных на нарушение или обход законного порядка распределения и перераспределения денежных средств, выделенных на реализацию нацпроектов. В обоих случаях на первый план выходит понятие «бюджетные средства», что обязывает нас детально его раскрыть.

Так, по мнению ряда членов научного сообщества, бюджетные средства представляют собой средства, аккумулируемые федеральным бюджетом, бюджетами субъектов РФ или местными бюджетами, направляемые на финансирование социальных, экономических или политических институтов. [6, с. 24].

Таким образом, формируются две отличительные черты, а именно: четко определенная цель использования денежных средств и строгая принадлежность.

Т. Е. Лешина считает, что особенностью бюджетного финансирования является то, что оно, за исключением бюджетного кредита, не подразумевает возврата денежных средств [7, с. 32].

Развивая данную мысль можно с уверенностью сказать, что по всем национальным проектам, за исключением проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», возврат средств в бюджеты и фонды не предусматривается, к тому же подразумевается их полное освоение.

Другие авторы под предметом бюджетных преступлений понимают всю бюджетную систему страны, как совокупность экономических и юридических институтов, т.е. рассматривают данную категорию как единое экономико-юридическое понятие [8, с. 21].

Развивая данную мысль, Д. Л. Комягин под бюджетными средствами предлагает понимать дополнительно к доходной и расходной части бюджета и полномочия, возложенные с целью реализации бюджетных обязательств [9, с. 22]. В данном случае в характеристику

бюджетных средств входит признак четкой фиксации ответственных за формирование и использование финансов лиц. При этом данная фиксация задекларирована юридически.

Таким образом, предметом преступлений, совершаемых в сфере реализации нацпроектов, выступают наличные и безналичные денежные средства, обладающие рядом отличительных черт, а именно имеют:

- наличную или безналичную форму;
- строго обозначенную и зафиксированную цель, а именно решение глобальных проблем, стоящих перед государством, затрагивающих интересы всего населения страны;
- узкую принадлежность, то есть относятся к бюджетам различного уровня (федерального, регионального, муниципального), государственным внебюджетным фондам или формируются внебюджетными источниками (коммерческими структурами);
- строгую отчетность и фиксацию лиц, ответственных за их пользование.

При этом необходимо сказать и о том, что не только средства бюджета выступают в качестве предмета преступлений в сфере нацпроектов.

Указом Президента РФ от 08 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — Указ Президента РФ № 204) предусмотрено значительное внебюджетное финансирование (в сумме более 7,52 трлн руб.) [10], причем 86 % всего объема финансирования приходится только на два проекта: «Экология» (3,21 трлн руб.) и «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» (3,26 трлн руб.).

При этом доля внебюджетных средств финансирования крайне дифференцируется от одного проекта к другому: от 0 % в проектах «Демография», «Культура» и «Международная кооперация и экспорт» до 51,36 % в проекте «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» и 79,34 % в проекте «Экология».

С одной стороны, это может говорить о том, что государство по ряду программ разработало эффективные способы привлечения частного капитала, с другой стороны может свидетельствовать о том, что в настоящее время по отдельным нацпроектам отсутствует системный подход к организации финансирования, а том числе из-за недостатка ресурсов.

В любом случае, наличие данных средств в системе источников финансирования реализации нацпроектов обязывает нас рассмотреть и их. Особенно это актуально ввиду того, что в 2021 году в рамках нацпроекта «Экология» было совершено 76 преступлений, с совокупным ущербом в 614066000 рублей, а в рамках нацпроекта «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» 31 преступление, ущерб от которых превысил 112148000 рублей.

Так, прилагательное «внебюджетный» означает не связанность с государственным бюджетом, получение

средств не из бюджета или предназначенность для расходов помимо бюджетных ассигнований [11, с. 41].

Таким образом, в наиболее общем содержании, внебюджетное финансирование проектов не связано с государственным бюджетом и осуществляется за счет иных источников финансирования, в том числе государственных и негосударственных.

Ярким примером использования данного инструмента финансирования является строительство обхода г. Тольятти с мостовым переходом через р. Волгу в составе международного транспортного маршрута «Европа – Западный Китай» (код объекта капитального строительства — 236000000000190014) [12]. На строительство данного объекта капитального строительства до 2024 года планируется выделить 121,18 млрд рублей. На весь Федеральный проект будет выделено 709,6 млрд рублей, при этом 250 млрд руб. из них планируется привлечь в качестве частных инвестиций [13].

Заинтересованность частного капитала в участии в государственных проектах заключается в том, что частный партнер (инвестор) за свой счет создает или реконструирует объект и передает права собственности на него государству, а взамен получает компенсацию расходов и установленную в соглашении прибыль. Прибыль формируется за счет средств, уплаченных за проезд по автодороге.

Помимо прибыли партнер приглашается на «всё готовое», то есть инвесторы привлекаются фактически на подготовленные площадки. Если в начале 2000-х годов бизнес был вынужден сам формировать проекты и потом ждать помощи от бюджета, то теперь ситуация принципиально изменилась. Государство за свой счет проводит подготовку территорий, обеспечивает прохождение экспертизы и только затем приглашает в проект инвесторов.

Таким образом, предметом преступных посягательств, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России (2019–2024) преступлений являются денежные средства в наличной или безналичной форме, выделенные из бюджета РФ или ее субъектов, или принадлежащие частному капиталу. Дополнительно предметом преступлений в исследуемой сфере являются денежные средства, получаемые субъектами коррупционных преступлений в качестве откатов, платы за совершение или не совершение каких-либо действий, направленных на нарушение установленного порядка реализации нацпроектов, покровительство лиц, совершивших или совершающих хищения средств, выделяемых на цели нацпроектов.

Эффективность выявления и раскрытия данной категории преступлений во многом зависит от понимания оперативным сотрудником всей совокупности бюджетных процедур и экономических операций, совершаемых при реализации данного вида инструментов социально-экономического развития России, а формирование полного и исчерпывающего представления без понимания предмета преступного деяния невозможно. Это и определяет важную роль данного элемента в ОРХ преступлений, совершаемых в сфере реализации нацпроектов.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
2. Ларичев В. Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики / В. Д. Ларичев // Общество и право. 2013. № 2(44). С. 179–187.
3. Степанова К. В. Предмет преступления в уголовном праве / К. В. Степанова // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016 г., Краснодар, 29 марта 2017 года. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2017. С. 674–675.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.03.2022).
5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.03.2022).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, 2013. 672 с.
7. Марочкин Н. А., Лёшина Т. Е. Отдельные элементы криминалистической характеристики нецелевого расходования бюджетных средств // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 1–2. С. 30–36.
8. Бражин Ю. Ю. Особенности определения предмета служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «здравоохранение» / Ю. Ю. Бражин // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 14–15 октября 2021 года / Под редакцией Ю. В. Анохина. Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. С. 20–23.
9. Комягин Д. Л. Основания для применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства и правонарушения в бюджетной сфере // Финансовое право. 2007. № 2. С. 12–22.
10. Сайт Правительства РФ. Национальные проекты : целевые показатели и основные результаты. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOWAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 23.04.2022).
11. Академический толковый словарь русского языка. Т. 2 : ВИА–ГЯУР / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва : Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с. ISBN 978–5–9909114–0–6.
12. Сайт: Электронный бюджет. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.gov.ru> (дата обращения: 23.04.2022).

13. РБК. Как бизнес привлекают к инфраструктурным нацпроектам. [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/5f647fbd9a79477071617f6c/> (дата обращения: 23.04.2022).

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language : 80,000 words and phraseological expressions. M., 1997. [electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru>.

2. Larichev V. D. The content of operational-investigative characteristics of crimes in the sphere of economy / V. D. Larichev // Society and law. 2013. № 2(44). P. 179–187.

3. Stepanova K. V. The subject of crime in criminal law / K. V. Stepanova // Scientific support of the agro-industrial complex: a collection of articles based on the materials of the 72nd scientific-practical conference of teachers on the results of research for 2016, Krasnodar, March 29, 2017. Krasnodar : Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2017. P. 674–675.

4. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery [Electronic resource] : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 29 of December 27, 2002. (ed. from 29.06.2021). Access from «ConsultantPlus» (accessed: 11.03.2022).

5. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 № 24. (ed. dated 24.12.2019). Access from «ConsultantPlus» (accessed: 11.03.2022).

6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / edited by Dr. Yurid. Sciences,

prof. A. I. Chuchaeva. M. : CONTRACT, 2013. 672 p.

7. Marochkin N. A., Leshina T. E. Separate elements of criminalistic characteristics of inappropriate spending of budgetary funds // Problems of economics and legal practice. 2006. № 1–2. pp. 30–36.

8. Brazhin Yu. Yu. Features of determining the subject of official and economic crimes in the implementation of the national project «healthcare» / Yu. Yu. Brazhin // Siberian Legal Forum: modern problems of science and practice in criminal law and criminology: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Barnaul, October 14–15, 2021 / Edited by Yu. V. Anokhin. Barnaul : Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 2021. P. 20–23.

9. Komyagin D. L. Grounds for the use of coercive measures for violations of budget legislation and offenses in the budgetary sphere // Financial law. 2007. № 2. P. 12–22.

10. Website of the Government of the Russian Federation. National projects: targets and key results. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOWAt2dzCIAietQih.pdf> (accessed: 23.04.2022).

11. Academic Explanatory Dictionary of the Russian language. Vol. 2 : WINE–GIAUR / ed. L.P. Krysin. Moscow : Publishing House YASK, 2016. 680 p. ISBN 978-5-9909114-0-6.

12. Website : Electronic budget. [electronic resource]. URL: <http://budget.gov.ru> (accessed 23.04.2022).

13. RBC. How businesses are attracted to infrastructure national projects. [electronic resource]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/5f647fbd9a79477071617f6c/> (accessed: 23.04.2022).

Информация об авторах

Н. А. Кузьмин — начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

А. А. Рассказов — адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. A. Kuzmin — Head of the Department of Operational Detective Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

A. A. Rasskazov — Post-graduate Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-157-161>

НИОН: 2003-0059-6/22-508

MOSURED: 77/27-003-2022-06-707

Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования

Михаил Алексеевич Куликов

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Аннотация. Исследуется диалектическая природа правовых ограничений, которые предлагается понимать как правовое средство, направленное на сдерживание участника правоотношений от совершения определенных действий посредством уменьшения возможностей реализации его интересов. Отстаивается позиция, согласно которой правовое ограничение может выступать юридическим средством, негативно стимулирующим правовую активность.

Ключевые слова: правовое ограничение, юридическое средство, правомерное поведение, правовое регулирование, право, интерес, правоотношение

Для цитирования: Куликов М. А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 157–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-157-161>.

Original article

Legal restriction as a legal means and its role in the mechanism of legal regulation

Mikhail A. Kulikov

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Abstract. The article examines the dialectical nature of legal restrictions, which are proposed to be understood as a legal means aimed at deterring a participant in legal relations from performing certain actions by reducing the possibilities for realizing his interests. The position is defended, according to which a legal restriction can be viewed as a legal means that negatively stimulates legal activity.

Keywords: legal restriction, legal means, lawful behavior, legal regulation, law, interest, legal relationship

For citation: Kulikov M. A. Legal restriction as a legal means and its role in the mechanism of legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):157–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-157-161>.

Правовые (юридические) ограничения на протяжении нескольких десятилетий являются предметом достаточно пристального изучения представителей как теории государства и права, так и отраслевых юридических наук. Вместе с тем, диалектическая природа правовых ограничений, их тесная взаимозависимость, которая, зачастую, обоснованно характеризуется как *парность* с правовыми стимулами не позволяет ученым прийти к общему знаменателю и выработать единую концепцию правовых ограничений, которая внесла бы существенный вклад не только в юридическую науку, но и способствовала многократному повышению эффективности механизма правового регулирования общественных отношений.

Оптимизация использования как правовых ограничений, так и правовых стимулов — залог эффективно-

сти правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов, максимально полного удовлетворения интересов участников правоотношений, равно как и баланса интересов личности, общества и государства.

Полагаем, что от правильного понимания не только природы правовых ограничений, но и способов их использования в механизме правового регулирования зависит как действенность правовых предписаний, так и отношение субъектов права к существующим ограничениям их активности.

Наиболее глубокое и всестороннее исследование правовые ограничения получили в трудах А. В. Малько, который отмечает, что «правовое ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, созда-

© Куликов М. А., 2022

ющее условия для удовлетворения интересов контр субъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [12, с. 129]. К признакам правовых ограничений ученый справедливо относит то, что они связаны с *неблагоприятными условиями* для осуществления собственных интересов субъекта (ибо направлены на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов противостоящей стороны в правоотношении); сообщают об уменьшении объема возможностей; выражают отрицательную правовую мотивацию; направлены на защиту общественных отношений и предполагают снижение негативной активности субъекта [12, с. 129].

К ограничивающим юридическим средствам следует относить наказания, запреты, юридические обязанности, приостановления, отдельные юридические факты [7, с. 61] и др.

Данная концепция получила широкое признание в научной литературе, что нашло отражение в схожих взглядах на природу правовых ограничений, выраженных различными авторами. К примеру, И. М. Приходько подчеркивает, что правовые ограничения выступают правовым средством, «направленным на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контр субъекта» [16, с. 6], а А. Э. Каримуллина, рассматривая механизм действия правовых стимулов и ограничений в гражданско-правовом регулировании страховой деятельности, справедливо подчеркивает, что правовые ограничения выражаются в форме установления юридических фактов-ограничений, обязанностей, запретов и мер гражданско-правовой ответственности [9, с. 11] и могут проявляться не только в сдерживании противоправной активности, но и, в чем следует полностью поддержать автора, *в ограничении правомерного поведения* субъектов права.

Близка к изложенной и позиция В. А. Шемарова, подчеркивающего, что правовые ограничения — это юридическое средство, способствующее достижению целей правового регулирования и направленное на справедливое упорядочение общественных отношений посредством установления пределов (границ), рекомендуемого, желаемого, одобряемого, допускаемого и запрещаемого поведения [23, с. 82]. Через призму определения границ дозволенного поведения на природу правовых ограничений смотрят М. Г. Маковецкая [11, с. 236], Р. Б. Головкин [2], Н. И. Хлуденева [22] и ряд других специалистов [5; 3].

Вместе с тем, некоторые точки зрения относительно сущности правовых ограничений вызывают определенные сомнения и вопросы.

К примеру, И. Н. Ишук под правовыми ограничениями предлагает понимать самостоятельное правовое средство, которое выполняет в механизме правового регулирования превентивно-профилактическую и гарантийно-обеспечительную функции и сущность которого состоит в установлении границ применения субъективного права одного лица в интересах другого лица [8, с.

12].

Мы не можем согласиться с автором в том, что правовые ограничения проявляются лишь в установлении границ применения субъективного права, что, тем не менее, разделяется и рядом других специалистов [15; 6, с. 9]. Данная позиция необоснованно сужает сущность правового ограничения, «замыкая» последнее на реализации субъективного права, которое представляет собой лишь *одну* из разновидностей правовых дозволений наряду со свободами и законными интересами участников правоотношений [19; 18; 13]. Помимо сказанного, сдерживание как противоправной, так и правомерной активности осуществляется не только посредством ограничения определенных субъективных прав, которым напрямую корреспондируют только юридические обязанности. Так, установление запретов, которые выступают разновидностью правовых ограничений, не обязательно связано с ограничением закрепленного правовой нормой субъективного права. Кроме того, автор представленной концепции игнорирует тот факт, что правовое ограничение призвано ограничивать не столько субъективное право, сколько *интересы* участника правоотношения, *демотивировать* его на совершение определенных действий. Другими словами, правовые ограничения, являясь юридическими средствами (наказанием, обязанностью, приостановлением и т. д.) не направлены на ограничение других юридических средств (субъективного права, в рассматриваемом случае), *но* имеют своей целью сдерживание, препятствование реализации определенных *интересов* участников правоотношения, что и сказывается соответствующим образом на их поведении.

Не в полной мере корректной представляется и позиция В. И. Лайтмана, анализирующего международно-правовые санкции как *средство* правовых ограничений [10]. Международно-правовые санкции, как и любые иные санкции выступают *разновидностью* правовых ограничений, что, тем не менее, не ставит под сомнение самой природы санкций как важнейшего правового (юридического) средства.

Весьма размытую и достаточно непоследовательную трактовку правовым ограничениям дает и А. В. Гуськова, отмечая, что «правовое ограничение — это очерченный круг *возможных вариаций* (выделено мною — М. К.) действий участника общественных отношений, трафарет, позволяющий из безграничного количества вариантов развития событий, прежде всего, отсеять все запрещенное законодательством, а затем действовать исходя из наиболее приемлемой *разрешенной правовой альтернативы* (выделено мною — М. К.)» [4, с. 692].

К сожалению, данное определение не позволяет вычленил ни одного сущностного признака правового ограничения. Под «круг возможных вариаций» действий участника общественных отношений в обозначенном автором контексте может попасть и субъективное право, и свобода, и законные интересы, и даже юридическая обязанность. Еще большее количество вопросов порождает приведенное после «определения» правовых ограничений «пояснение» автора о том, что «правовое ограничение — это своего рода антоним по отношению к таким

понятиям, как «норма этикета» или «моральная норма» в том смысле, что первое означает — как действовать не надо, а второе и третье — как следует поступить в той или иной ситуации» [4, с. 692].

Следуя обозначенной «логике», получается, что: а) нормы этикета и моральные нормы ничего запрещать не могут (ибо, используя авторскую фразеологию, не могут означать, «как действовать не надо»); б) правовые ограничения являются аморальными и, заодно, противоречат нормам этикета; в) правовое ограничение «означает» лишь, как «действовать не надо», т. е., другими словами, автор ставит знак равенства между правовым ограничением и запретом, что также неверно.

Вместе с тем, необоснованное отождествление правовых запретов и ограничений прослеживается и в других научных исследованиях [14]. В указанной связи отметим, что еще советскими учеными предпринимались попытки показать нетождественность данных категорий [1, с. 17], которые позже были обобщены лаконичной фразой А. В. Малько о том, что «всякий запрет — есть ограничение, но не всякое ограничение в сфере права — запрет» [12, с. 129].

Исходя из всего, сказанного выше, под **правовым ограничением** предлагаем понимать правовое средство, направленное на сдерживание участника правоотношений от совершения определенных действий посредством уменьшения возможностей реализации его интересов в целях упорядочения общественных отношений.

Полностью соглашаясь с тем, что правовые ограничения направлены на сдерживание противоправной активности, как это предлагает в приведенном выше определении данной категории считать А. В. Малько, все же полагаем, что они могут быть использованы и для сдерживания определенной *правомерной активности* субъекта правоотношения, что, по нашему мнению, расширяет потенциал действия правовых ограничений. Не будет нелогичным отметить, что косвенно это признает и сам А. В. Малько, далее в определении подчеркивая, что правовыми ограничениями могут быть как установленные в праве границы (которые не всегда устанавливаются только лишь для сдерживания *противоправной активности*), так и исключение определенных возможностей в деятельности лиц (что также не во всех случаях преследует цель сдержать именно противоправную активность).

К примеру, целый ряд ограничений, которые были введены в России в связи с распространением новой коронавирусной инфекции в 2020-2021 гг. не преследовали своей целью ограничить *противоправное* поведение граждан. Так, Указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» в п. «а» части 1 предписывает высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации определить в границах соответствующего субъекта Российской Федерации территории,

на которых в случае необходимости может быть продлено действие *ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения* [21].

Данный пример наглядно демонстрирует факт использования ограничивающих юридических средств не в целях сдерживания противоправной активности, а ради обеспечения благополучия населения посредством ограничения (сдерживания) *правомерной* (повседневной) активности людей — их прогулок в парке, встреч в ресторанах, посещения кинотеатров и т. д. Вместе с тем, вполне очевидно, что нарушение введенных ограничительных мер будет представлять собой противоправную активность с последующей юридической ответственностью.

Подобным образом можно трактовать и ограничительные меры, предусмотренные Указом Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности», который в связи с угрозой распространения в г. Москве новой коронавирусной инфекции в п. 2 прямо *запрещал* проведение на территории г. Москвы спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий [20]. Данное правовое ограничение было направлено на сдерживание именно правомерной активности жителей города ради санитарно-эпидемиологического благополучия.

Помимо сказанного, следует также подчеркнуть, что рассматривать потенциал действия ограничивающих юридических средств следует в тесной взаимосвязи с правовыми стимулами, ибо диалектическая взаимосвязь правовых стимулов и ограничений, проявляющаяся в *парности* данных категорий, объясняет их во многом взаимозависимый потенциал в механизме правового регулирования общественных отношений, а также *взаимобусловленность* их действия.

В отмеченной связи эффективность действия правовых стимулов во многом объясняется существующими правовыми ограничениями, равно как и ограничивающие юридические средства не могут использоваться вне механизма действия правовых стимулов.

В этом и заключается парность отмеченных категорий, сущность которой проявляется в том, что как правовые стимулы, так и правовые ограничения «выражают двоичность юридической информации, внутренне диалектически связаны, взаимообеспечивают друг друга в процессе правового регулирования и выступают двумя обобщающими категориями, заключающими в себе основные юридические средства в сфере информационно-психологического действия права» [12, с. 154].

Вновь подчеркнем, что важнейшей призмой, через которую необходимо анализировать действие как ограничивающих, так и стимулирующих юридических средств является то, что правовое ограничение, будучи *негативным* средством, *помимо* сдерживания одних поступков, одновременно *негативно стимулирует* другие, равно как и правовой стимул, будучи *позитивным* средством и побуждая к совершению одних поступков, одновременно *позитивно ограничивает* другие [12, с. 156].

Данная диалектическая взаимосвязь рассматривает-

мых категорий и обуславливает их гетерогенную природу, огромный потенциал в регулировании общественных отношений, который зачастую используется в манипулятивных целях, при лоббировании определенных интересов [17] и при осуществлении иных форм правомерного поведения, направленного на приоритетное удовлетворение одних правомерных стремлений за счет других.

Список источников

1. Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. 92 с.
2. Головкин Р. Б. Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 127–131.
3. Гузеева О. С. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав человека // Законность. 2020. № 12. С. 43–49.
4. Гуськова А. В. Языковые ограничения в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 692–697.
5. Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 48–56.
6. Дуксин П. А. Конституционные ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 22 с.
7. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. 144 с.
8. Ишук И. Н. Ограничения в праве: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 180 с.
9. Каримуллина А. Э. Правовые стимулы и ограничения в гражданско-правовом регулировании страховой деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 229 с.
10. Лайтман В. И. Международно-правовые санкции как средство правовых ограничений // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 216–219.
11. Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 233–237.
12. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany. 2011. 270 с.
13. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества : актуальные вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98.
14. Мананников Д. Ю. О некоторых правовых ограничениях (запретах) военнослужащих в экономической сфере // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 8. С. 25–32.
15. Петухова Н. В. Правовые ограничения инициирования, назначения и проведения референдумов в Российской Федерации : понятие и система // Государство и право. 2010. № 10. С. 112–115.
16. Приходько И. М. Ограничения в российском праве : проблемы теории и практики. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 218 с.
17. Субочев В. В. Лоббизм в России : природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и

управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 28–36.

18. Субочев В. В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89–96.

19. Субочев В. В. Сущность законных интересов // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 35–55.

20. Указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 года № 12-УМ (ред. от 06.10.2020 г.) «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 10.03.2020. № 14.

21. Указ Президента РФ от 11 мая 2020 года № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства РФ. 18.05.2020. № 20. Ст. 3157.

22. Хлуденева Н. И. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 157–172.

23. Шемаров В. А. Социально-правовое предназначение правовых ограничений // Правовое государство : теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 77–83.

References

1. Bratko A. G. Prohibitions in Soviet law. Saratov, 1979. 92 p.
2. Golovkin R. B. Some aspects of limiting restrictions in law // Legal Technique. 2018. № 12. P. 127–131.
3. Guzeeva O. S. Criminal law prohibition and restriction of human rights // Legitimacy. 2020. № 12. P. 43–49.
4. Guskova A. V. Language restrictions in law // Legal technique. 2018. № 12. P. 692–697.
5. Doroshenko E. N. Constitutional and legal basis for the restriction of human rights in connection with the pandemic of a new coronavirus infection // Actual problems of Russian law. 2020. № 12. P. 48–56.
6. Duxin P. A. Constitutional restrictions on the electoral rights of citizens of the Russian Federation who are in places of deprivation of liberty by a court verdict. Abstract dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2010. 22 p.
7. Isakov V. B. Legal facts in Soviet law. M., 1984. 144 p.
8. Ischuk I. N. Restrictions in law : general theoretical aspect : dis. ... cand. legal sciences. SPb., 2006. 180 p.
9. Karimullina A. E. Legal incentives and restrictions in the civil law regulation of insurance activities. Diss. ... cand. legal Sciences. Kazan. 2015. 229 p.
10. Laitman V. I. International legal sanctions as a means of legal restrictions // Legal technique. 2018. № 12. P. 216–219.
11. Makovetskaya M. G. The concept of legal restrictions on human rights and freedoms // Bulletin of the Nizhny Novgorod University after N.I. Lobachevsky. 2012. № 6 (1). P. 233–237.
12. Malko A. V. Incentives and restrictions in law. Theoretical-informational aspect. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany. 2011. 270 p.

13. Malko A. V., Subochev V. V. Legitimate interests in the legal life of society: topical issues of theory and practice // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2014. № 2 (313). P. 84–98.
14. Manannikov D. Yu. On some legal restrictions (prohibitions) of military personnel in the economic sphere // Law in the Armed Forces. 2018. № 8. P. 25–32.
15. Petukhova N. V. Legal restrictions on the initiation, appointment and holding of referendums in the Russian Federation : concept and system // State and Law. 2010. № 10. P. 112–115.
16. Prikhodko I. M. Restrictions in Russian law : problems of theory and practice. Diss. ... cand. legal sciences. Saratov, 2001. 218 p.
17. Subochev V. V. Lobbying in Russia : nature, specifics, problems of legal regulation // Law and Management. XXI Century. 2014. № 2 (31). P. 28–36.
18. Subochev V. V. The mechanism of transformation of legitimate interests into subjective rights and subjective rights into legitimate interests // Modern law. 2007. № 3. P. 89–96.
19. Subochev V. V. Essence of legitimate interests // Leningrad law journal. 2007. № 2 (8). P. 35–55.
20. Decree of the Mayor of Moscow dated March 5, 2020 № 12-UM (as amended on October 6, 2020) «On the introduction of a high alert regime» // Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. 03.10.2020. № 14.
21. Decree of the President of the Russian Federation of May 11, 2020 № 316 «On determining the procedure for extending measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the constituent entities of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)» // Collected Legislation of the Russian Federation. May 18, 2020. № 20. Art. 3157.
22. Khludeneva N. I. Evaluation of the effectiveness of the application of environmental and legal restrictions on economic activity in Russia // Journal of Russian law. 2021. № 4. P. 157–172.
23. Shemarov V. A. Socio-legal purpose of legal restrictions // Legal state : theory and practice. 2019. № 2 (56). P. 77–83.

Информация об авторе

М. А. Куликов — докторант Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Kulikov — Doctoral Student of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Deputy Head of the International Cybersecurity Bureau «CYBERPOL», Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 371.3:34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-162-167>

NION: 2003-0059-6/22-509

MOSURED: 77/27-003-2022-06-708

К вопросу о повышении эффективности практической направленности обучения оперативных сотрудников методикам раскрытия отдельных видов преступлений

Елена Владимировна Маркелова¹, Григорий Анатольевич Рукавишников²

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Домодедово, Россия

¹ emarkelovall@mvd.ru

² grukavishnikov2@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается необходимость применения в обучении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках ситуационного подхода такой формы проведения занятия как «анализ практической ситуации» (анализ конкретной ситуации). Указывается, что моделирование типовой ситуации (внесение дополнительных условий в первоначальные обстоятельства) предполагает многовариантность ее решения, определяющейся нормативными предписаниями, тактической целесообразностью и правосознанием обучающегося. Такой подход ведет к повышению интереса к учебным занятиям, активизации мышления слушателей, формируя первоначальные навыки аналитической работы. Отмечается, что применение метода анализа практических ситуаций побуждает обучающихся при их решении использовать межпредметные связи различных учебных дисциплин, способствуя интеграции полученных знаний.

По мнению авторов, использование предложенного метода проведения занятий позволяет привлечь внимание обучаемых, побуждает их к дискуссии по обсуждаемой проблемной ситуации, способствует выработке умения рассуждать и аргументировать свою позицию, делать выводы, что, в свою очередь, усиливает их познавательную активность и мотивацию к получению новых знаний.

Ключевые слова: ситуационный подход, методы обучения, «кейс-метод», «анализ конкретной ситуации», алгоритм решения типовых ситуаций, сотрудники оперативных подразделений, аналитическая работа, раскрытие преступлений

Для цитирования: Маркелова Е. В., Рукавишников Г. А. К вопросу о повышении эффективности практической направленности обучения оперативных сотрудников методикам раскрытия отдельных видов преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 162–167. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-162-167>.

Original article

To the question of increasing the efficiency of the practical focus of training operational staff in methods of discovering certain types of crime

Elena V. Markelova¹, Grigory A. Rukavishnikov²

^{1,2} All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Domodedovo, Russia

¹ emarkelovall@mvd.ru

² grukavishnikov2@mvd.ru

Abstract. The need to use in the training of employees of the operational units of the internal affairs bodies within the situational approach of such a form of conducting a lesson as «analysis of a practical situation» (analysis of a specific situation) is considered. It is indicated that modeling a typical situation (introducing additional conditions into the initial circumstances) implies the multivariance of its solution, which is determined by normative prescriptions, tactical expediency and legal awareness of the student. This approach leads to an increase in interest in training sessions, activation of students' thinking, forming the initial skills of analytical work. It is noted that the application of the method of analysis of practical situations encourages students to use interdisciplinary connections of various academic disciplines when solving them, contributing to the integration of the acquired knowledge.

© Маркелова Е. В., Рукавишников Г. А., 2022

According to the authors, the use of the proposed method of conducting classes allows you to attract the attention of students, encourages them to discuss the problem situation under discussion, contributes to the development of the ability to reason and argue their position, draw conclusions, which, in turn, enhances their cognitive activity and motivation to obtain new knowledge.

Keywords: situational approach, teaching methods, «case method», «analysis of a specific situation», algorithm for solving typical situations, employees of operational units, analytical work, crime detection

For citation: Markelova E. V., Rukavishnikov G. A. To the question of increasing the efficiency of the practical focus of training operational staff in methods of discovering certain types of crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):162–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-162-167>.

В современных условиях практически ежедневно увеличивается информационная нагрузка на человека. В особенности это наблюдается в период прохождения обучения, когда обучающимся приходится прилагать определенные усилия по овладению новыми знаниями, умениями и навыками. В таких условиях возрастает значение использования педагогических методов, способствующих интенсификации учебного процесса. В педагогике под интенсификацией обучения понимается передача большего объема учебной информации обучаемым при неизменной продолжительности обучения без снижения требований к качеству знаний [1, с. 174]. Реализации указанной задачи в большей степени соответствует использование при обучении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) так называемого ситуационного подхода и такой формы обучения, как «анализ практической ситуации» (анализ конкретной ситуации).

Применение ситуационного подхода в обучении развивает у обучаемых навыки анализа представленной ситуации, в том числе в условиях неполноты полученной информации. Такой подход также способствует определению оптимального варианта осуществления возможных мероприятий в рамках правомерного поведения субъектов правоприменительной деятельности, формирования навыков соотнесения имеющихся алгоритмов действий по раскрытию отдельных видов преступлений с обстоятельствами конкретных сложившихся ситуаций с учетом аналитического подхода и творческого характера оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Использование на занятиях метода анализа практической ситуации побуждает обучающихся при их решении применять междисциплинарные связи различных предметов (ОРД, криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, психология и др.), что способствует интеграции полученных знаний. Причем такой синтезированный, комплексный подход к обучению методике раскрытия и расследования преступлений более содержателен и намного ближе к реальным потребностям практики [2, с. 136].

Основой для разработки методических рекомендаций по раскрытию отдельных видов преступлений, определения типовых ситуаций в деятельности оперативных подразделений и последующего их анализа в учебном процессе послужила идея «ситуационного подхода», зародившаяся в рамках частной теории криминалистических ситуаций [3; 4; 5].

Решение типовой ситуации, складывающейся в служебной деятельности сотрудников оперативных подраз-

делений, с учетом их типологизации, возможно с использованием определенных типовых схем (алгоритмов).

Вопросы алгоритмизации действий сотрудников в борьбе с преступностью неоднократно привлекали внимание ученых в области ОРД. Значительный вклад в это направление внес С. И. Давыдов [6] и другие авторы [7].

Идея использования при обучении метода анализа практических ситуаций не отличается новизной. Основой данного метода является применяемый в педагогике метод под названием «кейс-метод». Это техника обучения, использующая анализ реальных ситуаций. Слушателям предлагается изучить ситуацию, проанализировать суть проблемы, лежащей в ее основе, предложить оптимальные варианты ее разрешения [8]. Эффективность указанного метода обучения отмечалась О. И. Вагановой, А. М. Долгоруковым, С. С. Кашлевым, Ю. П. Сурминой, А. И. Сидоренко и другими авторами и достаточно подробно изложена в литературе.

В ВПКС МВД России метод анализа конкретных ситуаций достаточно широко используется в обучении сотрудников оперативных подразделений ОВД при реализации как программ профессиональной подготовки, так и дополнительных профессиональных программ.

В качестве основы для методического обеспечения проведения занятий с применением указанного метода используются следующие учебные пособия: «Типовые ситуации в деятельности сотрудников уголовного розыска» [9] и «Оперативно-розыскные ситуации в деятельности оперативных подразделений полиции» [10].

Названные пособия получили высокую оценку преподавателей. Применение анализа типовых ситуаций, изложенных в пособиях, по их мнению, значительно усилило познавательную активность обучающихся. Использование данного пособия на занятиях и применение указанного подхода также получили положительные отзывы со стороны слушателей, отметивших повышение интереса к учебным занятиям, на которых обсуждаются типовые ситуации, допускающие при введении незначительных изменений в первоначальную обстановку, определенную вариативность решений предложенных задач. В настоящее время в обучении сотрудников оперативных подразделений с применением метода анализа практических ситуаций используются и другие пособия, не содержащие сведения ограниченного распространения [11; 12].

Использование метода анализа типовых ситуаций нашло успешное применение и при обучении сотрудников, связанных с охраной общественного порядка [13; 14; 15].

В наиболее общем формализованном виде алгоритм решения типовых ситуаций, встречающихся в деятель-

ности сотрудников оперативных подразделений, включает несколько последовательных этапов, раскрывающих применение ситуационного подхода:

- определение содержания конкретной ситуации, установление ее особенностей, анализ имеющейся первоначальной информации об обстановке и обстоятельствах преступления;
- соотнесение конкретной ситуации с известным перечнем типовых (типичных) ситуаций, характерных для отдельных видов преступлений, определение, насколько возникшая конкретная ситуация соответствует имеющемуся набору (типичная, атипичная) и т. д.;
- на основе проведенного анализа выбор перечня и последовательности наиболее эффективных и оптимальных тактических приемов, рекомендуемых криминалистической и оперативно-розыскной теорией. Проведение «индивидуализации» имеющихся алгоритмов действий в указанной ситуации;
- осуществление теоретического изложения (на учебном занятии), практическая реализация (в служебной деятельности) алгоритма, выработанного на предыдущем этапе и как результат — получение новых данных об обстоятельствах совершенного преступления и лицах, к нему причастных;
- обработка и анализ выявленных новых данных, оценка полученных результатов, направленных на решение поставленных задач и достижение целей раскрытия преступления [16, с. 43].

Далее алгоритм циклично повторяется, но для новой ситуации, характеризующейся дополнительным набором исходных данных.

Использование традиционных методов при формировании умения применять полученные знания для решения задач по раскрытию отдельных видов преступлений сводится к изложению минимально необходимого набора оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), следственных и иных процессуальных действий. При этом за рамками ответа зачастую остаются другие варианты действий сотрудников ОВД, с одной стороны, возможно более эффективные, чем традиционно принимаемые для решения поставленной задачи, с другой — вызывающие у неподготовленных слушателей некоторые сомнения в их правомерности, а поэтому, требующие дополнительного разъяснения преподавателя в рамках правового поля со ссылкой на правовые позиции Высших судов РФ.

В этом случае, преподаватель, моделируя проблемную ситуацию, связанную с практической деятельностью ОВД, в зависимости от формы обучения, должностной категории и направления работы сотрудников, а также уровня подготовленности группы, может вносить в нее дополнительные условия, оказывающие существенное влияние на дальнейшие действия сотрудников ОВД (место, время, характер и объект преступного посяательства, способ совершения преступления, наличие либо отсутствие следов и другие обстоятельства). В зави-

симости от этого также будут отличаться предложенные варианты решений, поскольку действия оперативных сотрудников в таких ситуациях во многом нормативно не регламентированы и определяются тактической целесообразностью, правосознанием и правовой культурой оперативного сотрудника.

При этом необходимо акцентировать внимание обучаемых на обстоятельствах, которые могут повлиять на решение задачи, поскольку предполагается вариативность решения ситуации; необходимо уточнять у слушателей наличие других вариантов решения, отличающихся от предложенного на обсуждение. Также следует приводить определенный порядок действий, выделять значимые признаки и обстоятельства, определять ключевые условия, содержащиеся в предложенной ситуации, и связь между ними [17, с. 117]. Причем вновь вводимые дополнительные условия не предполагают готовых решений, а побуждают слушателей мыслить, опираясь на ранее приобретенные знания.

Это приведет к активизации мышления слушателей, постепенно формируя их убеждение в необходимости получения твердых базовых знаний по предмету, без использования которых успешное освоение последующего материала, преподаваемого методом проблемного обучения, будет представлять значительные сложности.

Обучаемые с интересом «погружаются» в ситуацию, взятую из практической деятельности ОВД, а не искусственно выдуманную в отрыве от практики. Поэтому рассматриваемый материал воспринимается ими значительно легче. Использование предложенного метода позволяет привлечь внимание слушателей, побуждает их к дискуссии по обсуждаемой проблемной ситуации, способствует выработке умения рассуждать и аргументировать свою позицию, делать выводы, что усиливает познавательную активность и мотивацию слушателей к получению новых знаний.

При обсуждении вопросов по раскрытию отдельных видов преступлений общеуголовной направленности на одном практическом примере со сквозной фабулой можно рассмотреть, повторить и обсудить значительное количество ситуаций, с которыми на практике сталкиваются сотрудники ОВД, проводя работу по раскрытию преступления.

Традиционно этапы раскрытия преступлений условно подразделяются на первоначальный и последующий. Рассматривая первоначальный этап раскрытия преступления, преподавателю рекомендуется акцентировать внимание слушателей, помимо общих вопросов, на необходимость тесного взаимодействия оперативных сотрудников с различными подразделениями: следственными и экспертно-криминалистическими подразделениями, а также с иными, уполномоченными на осуществление ОРД.

В зависимости от складывающейся оперативно-тактической ситуации на первоначальном этапе действия сотрудников ОВД, осуществляющих раскрытие преступления, направлены на сбор общей информации, позволяющей оценить и проанализировать обстоятельства совершения преступления и выдвинуть обоснованные версии.

При этом значимыми обстоятельствами (вновь вводимыми преподавателем в первоначальную ситуацию дополнительными условиями), во многом определяющими дальнейшие действия сотрудников ОВД по раскрытию совершенного преступления (например, кражи) могут быть следующие:

- погодные условия (снег, дождь), позволяющие установить наличие следов подхода и отхода подозреваемых либо их отсутствие;
- место совершения преступления (мегаполис, город, сельская местность, квартира, частный дом, дачный домик), допускающее возможность применения служебной собаки и других криминалистических средств и методов;
- время совершения преступления (время суток, день недели, сезон, временной период после совершения преступления и др.);
- способ проникновения (взлом, отгиб пластикового окна, открытие замка сложной конструкции, через форточку и др.), позволяющие выдвинуть версии о профессиональных навыках подозреваемых, их телосложении, количестве соучастников и др.;
- похищенные материальные ценности (наименование, количество, объем и др.), позволяющие определить возможные направления поиска и мест сбыта похищенного имущества;
- наличие (отсутствие) камер видеонаблюдения (трансляция «он-лайн», запись на сервер), позволяющие установить пути подхода и отхода подозреваемых, их численность, используемый автотранспорт, средства мобильной связи и др.;
- наличие (отсутствие) охраны (охранная сигнализация, сторож, консьерж и др.), позволяющее определить точное время проникновения и получить дополнительную информацию об обстоятельствах преступления;
- наличие (отсутствие) очевидцев совершения преступления, позволяющее получить дополнительные сведения о лицах, причастных к совершению преступления, приметы подозреваемых и др.;
- личность потерпевшего (возраст, род занятий, социальное и имущественное и должностное положение, наличие детей и др.), позволяющее выдвинуть версии о лицах, совершивших преступление, об инсценировке преступного события;
- категория преступления по степени тяжести, определяющее необходимость заведения дела оперативного учета по факту нераскрытого преступления, возможность проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан в соответствии с требованиями ФЗ «Об ОРД» (ст. 7, 8 ФЗ «Об ОРД»).

При рассмотрении действий по раскрытию преступлений, осуществляемых на последующем этапе, помимо стандартных мероприятий целесообразно обратить внимание обучающихся на ряд проблемных вопросов, игнорирование которых может привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина, нарушению закон-

ности, что послужит основанием для обжалования действий сотрудников оперативных подразделений ОВД как лицами, заподозренными в совершении преступления (ст. 5 ФЗ «Об ОРД»), так и представителями их защиты.

При этом для подтверждения правильности и обоснованности принятого слушателями решения преподавателем необходимо ссылаться на конкретные постановления (определения) Конституционного суда РФ (далее — КС РФ) по сходному вопросу и аргументирующего его правовую позицию. К таким ситуациям, на наш взгляд, можно отнести следующие значимые разъяснения КС РФ:

- проведение опроса (определение КС РФ от 28 мая 2009 года № 629-О-О), в том числе опроса заподозренного лица без участия адвоката (определение КС РФ от 20 декабря 2005 года № 473-О) и использование в доказывании результатов этого мероприятия (определение КС РФ от 15 ноября 2007 года № 924-О-О);
- проведение сбора образцов для сравнительного исследования (определение КС РФ от 23 сентября 2010 года № 1196-О-О) и участие в данном мероприятии адвоката (определение КС РФ от 19 апреля 2007 года № 342-О-О);
- привлечение лица без заключения контракта к проведению ОРМ (определение КС РФ от 23 декабря 2014 года № 2980-О), в т. ч. использование в таких мероприятиях помощи несовершеннолетних (определение КС РФ от 23 июня 2016 года № 1323-О);
- проведение задержания лица и его личный допрос, осмотр места происшествия без разъяснения права на получение квалифицированной юридической помощи (определение КС РФ от 21 мая 2015 года № 1183-О);
- применение аудио- и видеозаписи при проведении наблюдения в служебных помещениях (определения КС РФ от 21 октября 2008 года № 862-О-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О) и др.;
- необходимость привлечения представителей общественности к проведению ОРМ (определение КС РФ от 24 сентября 2012 года № 1738-О).

В заключение отметим, что в условиях повсеместной цифровизации общественной жизни, возможности использования в ОРД результатов анализа «больших данных», возрастает роль оперативных сотрудников, имеющих навыки аналитической работы с разнородной, неструктурированной информацией [18, с. 89–91]. В связи с этим, по нашему мнению, активное использование метода анализа конкретных ситуаций, как одного из видов учебных занятий с сотрудниками оперативных подразделений, позволит им не только овладеть методиками раскрытия отдельных видов преступлений, но и станет некоторой основой по формированию у них первоначальных навыков аналитического мышления.

Список источников

1. Педагогика и психология высшей школы : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002.
2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспече-

ние раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

3. Ким Д. В. Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2006.

4. Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001.

5. Волчещкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. Калининград, 1997.

6. Давыдов С. И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. Барнаул : БЮИ МВД России, 2009.

7. Шаталов А. С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

8. Алямкин С. Н. Применение кейс-метода в преподавании правовых дисциплин // Мир науки и образования. 2017. № 1 // URL: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

9. Типовые ситуации в деятельности сотрудников уголовного розыска : учебное пособие / под ред. А. Е. Чечетина. М. : ЦОКП МВД России, 2000.

10. Оперативно-розыскные ситуации в деятельности оперативных подразделений полиции : практикум / под ред. Ю. В. Денисенко, К. Ю. Пантюхина. Барнаул : БЮИ МВД России, 2015.

11. Сборник ситуативных задач (типовых ситуаций) по дисциплине «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» / под ред. Е. В. Бурякова. М. : ДГСК МВД России, 2012.

12. Ильичев В. А., Шумилов А. Ю. Сборник задач и образцов оперативно-розыскных документов для семинаров и практических занятий по учебному курсу «Основы оперативно-розыскной деятельности» : учебное пособие. М. : ИД Шумиловой И.И., 2006.

13. Гарманов В. М., Десятова О. В., Изингер А. В. Действия сотрудников патрульно-постовой службы полиции в типовых ситуациях, возникающих при несении службы по охране общественного порядка : учебно-методическое пособие. Тюмень : ТИПК МВД России, 2020.

14. Ханаева З. Р., Иванько И. В. Условно-целевые задания для определения степени усвоения навыков поведения в типовых ситуациях по охране общественного порядка, приобретенных курсантами образовательных учреждений МВД России : практикум. М. : ДГСК МВД России, 2011.

15. Тактика действий сотрудников патрульно-постовой службы полиции в ситуациях служебной деятельности, связанных с применением мер административного принуждения / А. С. Сергиенко и [др.] : учебно-методическое пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

16. Поляков В. В. Алгоритмизация разрешения криминалистических ситуаций при расследовании высокотехнологичных преступлений // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и

практика : сборник статей XVIII Международной науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVI / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020.

17. Гарманов В. М. Основные направления интенсификации практического обучения при преподавании уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 1.

18. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий : монография. М. : Академия управления МВД России, 2021.

References

1. Pedagogy and psychology of higher education : textbook. Rostov-on-Don, 2002.

2. Volynsky A. F. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes : textbook. M. : Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot', 2016.

3. Kim D. V. Situational approach as a methodological basis for the preliminary investigation and trial of criminal cases : author. diss. ... dr. jurid. sciences. Barnaul, 2006.

4. Belkin R. S. Criminalistics : problems of today. Topical issues of Russian criminalistics. M. : NORMA, 2001.

5. Volchetskaya T. S. Forensic Situology : monograph / ed. prof. N. P. Yablokov. Kaliningrad, 1997.

6. Davydov S. I. Situational approach in the theory and practice of operational-search activity of internal affairs bodies : monograph. Barnaul : BYuI MIA of Russia, 2009.

7. Shatalov A. S. Problems of algorithmization of investigation of crimes : author. dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2000.

8. Alyamkin S. N. Application of the case method in teaching legal disciplines // World of Science and Education. 2017. № 1 // URL: <https://www.cyberleninka.ru> (date of access: 10.04.2022).

9. Typical situations in the activities of criminal investigation officers : textbook / ed. A. E. Chechetin. M. : MIA of Russia, 2000.

10. Operational-search situations in the activities of operational police units : workshop / ed. Yu. V. Denisenko, K. Yu. Pantyukhin. Barnaul : BYuI MIA of Russia, 2015.

11. Collection of situational tasks (typical situations) in the discipline «Operative-search activity of internal affairs bodies» / ed. E. V. Buryakova. M. : DGSK MIA of Russia, 2012.

12. Il'ichev V. A., Shumilov A. Yu. Collection of tasks and samples of operational-search documents for seminars and practical exercises on the training course «Fundamentals of operational-search activities» : textbook. M. : ID Shumilova I. I., 2006.

13. Garmanov V. M., Desyatova O. V., Isinger A. V. The actions of the police patrol officers in typical situations arising from the performance of the service for the protection of public order : educational and methodological manual. Tyumen : TIPC MIA of Russia, 2020.

14. Khanaeva Z. R., Ivanko I. V. Conditional target tasks for determining the degree of assimilation of behavioral skills in typical situations for the protection of public order, acquired by cadets of educational institutions of the Ministry

of Internal Affairs of Russia: Practicum. M. : DGSK MIA of Russia, 2011.

15. Tactics of actions of employees of the patrol and guard service of the police in situations of official activity related to the use of measures of administrative coercion / A. S. Sergienko and [others] : teaching aid. Krasnoyarsk : Siberian Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

16. Polyakov V. V. Algorithmization of resolving forensic situations in the investigation of high-tech crimes // Problems of combating crime in the context of digitalization: theory

and practice: collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conf. «Criminal Procedural and Forensic Readings at Altai». Issue XVI / ed. S. I. Davydov, V. V. Polyakov. Barnaul : Publishing House of the Altai University, 2020.

17. Garmanov V. M. The main directions of the intensification of practical training in the teaching of criminal law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2007. № 1.

18. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Evolution of operational-search measures : monograph. M. : Academy of Management MIA of Russia, 2021.

Информация об авторах

Е. В. Маркелова — начальник кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Г. А. Рукавишников — старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. V. Markelova — Head of the Department of operational and technical measures of internal affairs bodies of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

G. A. Rukavishnikov — Senior Lecturer of the Department of operational and technical measures of internal affairs bodies of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-168-172>

НИОН: 2003-0059-6/22-510

MOSURED: 77/27-003-2022-06-709

Справедливость как нравственный стержень гражданского судопроизводства

Сергей Васильевич Мельник¹, Павел Валерьевич Надтачаев², Ольга Юрьевна Гомозова³

^{1,3} Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ m809sv@yandex.ru

² napaval77@mail.ru

³ gou_19@mail.ru

Аннотация. Проводится аналитическое исследование категории справедливости с позиции нравственного осмысления термина в рамках судопроизводства по гражданским делам.

Ключевые слова: справедливость, нравственность, мораль, гражданское судопроизводство, гражданский процесс, арбитражный процесс

Для цитирования: Мельник С. В., Надтачаев П. В., Гомозова О. Ю. Справедливость как нравственный стержень гражданского судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 168–172. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-168-172>.

Original article

Justice as the moral core of civil proceedings

Sergey V. Melnik¹, Pavel V. Nadtachaev², Olga Ju. Gomozova³

^{1,3} V.V. Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Orel, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ m809sv@yandex.ru

² napaval77@mail.ru

³ gou_19@mail.ru

Abstract. An analytical study of the category of justice from the standpoint of moral understanding in the framework of civil proceedings has been conducted.

Keywords: justice, morality, civil proceedings, civil procedure, arbitration process

For citation: Melnik S. V., Nadtachaev P. V., Gomozova O. Ju. Justice as the moral core of civil proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):168–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-168-172>.

Содержание гражданского судопроизводства в контексте определенным законодательством кругом задач, а также полномочий и функций его субъектов, прежде всего, закреплено в исходных началах. Принципы гражданского судопроизводства имеют нравственную основу, потому как в них, как в фундаменте, заложены действующие в обществе этические требования, способные поставить органическую взаимосвязь с нравственными принципами.

Тема толкования системы принципов стала одной из наиболее разработанных, с учетом норм, изложенных в национальном и международном законодательстве.

Нравственное содержание принципов гражданского судопроизводства заключается, прежде всего, в том, что их предназначение состоит в обеспечении законного, справедливого, обоснованного отправления правосудия.

Реализация основных начал создает условия для правильного толкования закона в контексте демократических процессуальных и организационных начал. Судья, как субъект публичного интереса, разрешает вопрос, во-первых, о правильности притязаний истца, во-вторых, о правильности деятельности сторон, преследующих противоположные интересы по убеждению суда в обоснованности своей позиции.

Однако ныне границы истинного понимания некоторых исходных начал могут быть стерты, поэтому целесообразно говорить о фундаментальности справедливости как о важной характеристике гражданского судопроизводства.

С давних времен институты права рассматривались сквозь призму их нравственной обусловленности, моральных категорий и принципов, поскольку весь процесс гражданского судопроизводства возник на основе представлений общества о справедливости, о правом и неправом. Многие философы уделяли особое внимание толкованию соотношения права и морали, большое место данная проблема заняла и в творчестве Г. В. Ф. Гегеля [14, с. 2]. Он связывал справедливость с достижением истины в течение осуществления правосудия как единую титаническую силу, признав диалектическую взаимосвязь между рассматриваемыми категориями. Кроме того, Гегель утверждал, что справедливость есть судьба, толкуемая как нравственное, познанное как истинная справедливость [14, с. 4].

Существует ли справедливость в праве? Аристотель в своих трудах заметил, что «все установленное законом в известном смысле справедливо — ибо все, что положено законодателем, законно, и каждое отдельное его постановление мы называем справедливым» [13, с. 5]. Иными словами, философ исходил из той точки зрения, что в основе построения справедливости в праве лежит нравственность, которая, в свою очередь, относится к данной категории с позиции равноправия, умеренности и совершения законопослушных действий. Приводя в аналогию справедливости соразмерность, Аристотель сформулировал так называемый принцип разумного равновесия: «что соразмерно, то справедливо» [13, с. 11].

Понимание справедливости конкретизируется принципами и правилами, исходящими от содержания деятельности и интересов субъектов. Справедливость выходит из рамок этической категории с позиции нравственности, потому как требование творения справедливости проходит красной нитью в философии, праве, политике и морали. Учитывая тот факт, что некоторые философы напрямую связывали право и справедливость, отметим, что данная категория все более приобретает взаимосвязь с правовой природой. Вместе с тем значение рассматриваемой категории трактуется как всеобщий закон человеческих взаимоотношений, объединяющий все сущее в природе на основе разума, мудрости, добра и красоты.

Образование романо-германской правовой семьи с позиции становления судебного процесса произошло, в том числе, под влиянием канонического права. В первую очередь, как отметил профессор А. А. Вишневский, такое влияние имеет место быть в случае, если «правовая система воспринимает стиль мышления другой правовой системы» [6, с. 270]. Действительно, только глубокое переосмысление конкретных правил правовой системы позволит организовать объективную ценность права и уважение его предписаний. С точки зрения антрополо-

гического подхода к рассматриваемому процессу, частное право происходит от естественного закона, в то время как каноническое право — от трансцендентального (сверхъестественного). Данный факт порождает разграничение систем права с позиции разумного фундирования гармонии между ними.

Декрет Грациана, по мнению многих исследователей, является первоисточником гармонирования норм средневекового канонического права Западной Европы [7, с. 597]. Это стало первоосновой для последующего исследования последователями относимости категорий права и справедливости в диалектике *aequum jus*. Цельс писал: «*jus est ars boni et aequi*» («право есть искусство добра и эквивалента») [8, с. 3]. Иными словами, философ привел в значение права именно эквивалент, что означает специфическое отношение правового равенства или как ранее упоминали, принципа соразмерности. Это в полном объеме отражает суть справедливости права.

Справедливость выступает нравственным принципом права, поскольку является оценочной категорией, ведь поступить справедливо означает руководствоваться соображениями соразмерности установленных объективных фактов действительности. Кроме того, справедливость определяет общие черты правового регулирования протекающих в обществе отношений. Право граждан на справедливое судебное разбирательство ныне гарантирует каждое государство эпохи постмодерна, в его обязанности при этом входит четкое соблюдение прав и интересов личности, представление личности права пользования регламентированными правами. Конституция Российской Федерации не содержит узкого понимания понимания соблюдения принципа справедливости при отправлении правосудия, возлагая полномочия по нормативному и казуальному толкованию норм на Конституционный Суд РФ [1]. Указание на необходимость справедливого судебного разбирательства содержат общепризнанные принципы, нормы международного права и кодифицированные акты цивилистического процесса.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) не отразил юридического закрепления понятия справедливости как задачи либо принципа гражданского процесса, однако в некоторых нормах содержит упоминание о необходимости ее соблюдения [4]. Так, ст. 206 ГПК РФ обязывает судью руководствоваться принципом справедливости при определении размера денежной суммы, присуждаемой истцу в случае неисполнения ответчиком судебного акта. Особое внимание вызывает норма ст. 391.11 ГПК РФ, в частности, содержащая четкое отражение необходимости соблюдения судами «...права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон...». Таким образом, суды при отправлении правосудия в гражданском процессе *de facto* обосновываются на соблюдении справедливости судебного разбирательства, учитывая отдельные нормы-принципы ГПК РФ и международные источники права, однако *de jure* справедливость как

нравственный аспект как такова не закреплена в гражданском процессуальном законодательстве в качестве задачи гражданского судопроизводства.

Внедрению категории «справедливость» в национальную судебную систему способствуют источники гражданского судопроизводства, в том числе и меры по реализации частных решений Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в рамках следования требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В настоящее время целесообразно говорить о денонсации Россией настоящей Конвенции. Данный тезис обосновывается на том факте, что позиция ЕСПЧ, по справедливости, судебного разбирательства исходит из закреплённого принципа правовой определенности, смысл которого состоит в отсутствии каких-либо сомнений по результатам рассмотрения дела и вынесения окончательного решения. Эффективный на определенном этапе механизм по обеспечению защиты демократических основ российского гражданского общества позволил гармонизировать и коррелировать вопросы применения норм-принципов гражданского законодательства с позиции справедливости судопроизводства.

В противовес ГПК РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (далее — АПК РФ) имеет юридическое закрепление справедливости как задачи процесса [3]. Отметим, что законодатель явно связал категорию «справедливость» с нравственным аспектом судопроизводства в арбитражных судах, поскольку правильное обеспечение указанной нормы будет достигаться синергией соблюдения справедливости публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Интересной представляется практика выработанной судебной-арбитражной системы восстановления корпоративного контроля, базирующаяся на обязанности суда осуществлять содействие достижению истинной цели акционера, лишившегося корпоративного контроля, наиболее коротким путем. По сути, данный подход судьи основан исключительно на правоприменительной практике вкупе с реализацией мысли справедливости. Кроме того, в данном случае также преобладает правовая категория добросовестности, связанная с оценкой спорных правоотношений между сторонами, дополняемая принципом *venire contra factum proprium* (эстоппель). Акцент законодателя на добросовестности, достигаемой в силу применения отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (например, п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432), создает возможности широкого переосмысления сути суждения по справедливости [5]. Безусловно, с позиции общей доктрины закон не всегда справедлив, *dura lex sed lex* (закон суров, но это закон), однако это и есть фундамент создания состязательного процесса для достижения справедливости.

Указание на необходимость руководства справедливостью при отправлении правосудия содержит текст присяги судьи, назначаемого на должность: «Торже-

ственно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть». Исходя из смысла, отметим, что судья в рамках своей деятельности становится гарантом соблюдения принципа справедливости.

Из сказанного следует, что категория справедливости играет первостепенную роль с позиции развития и реализации стержневого правоотношения в течение гражданского судопроизводства, которое складывается в связи с наличием нарушенных, оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Справедливость, как моральный стержень всего гражданского судопроизводства выступает главным критерием его нравственной обоснованности.

По нашему мнению, юридическая сила справедливости как общеправового принципа должна иметь закрепление на уровне отдельных отраслей права через призму детального осмысления категории как основы отправления правосудия в цивилистическом процессе. Именно единый законодательный подход позволит исключить возможность семантической и правовой неопределенности, создав фундамент для унификации в контексте закрепления основных процессуальных принципов.

Объективность справедливости основана на факте общественного сознания, потому как индивидуальное сознание явно стирает отсутствие субъективности в трактовке идеи справедливости.

Несправедливость, допущенная в процессе судебного разбирательства, имеет особую негативную реакцию со стороны общественного сознания. Право обжалования судебного решения имеет каждая из сторон гражданского судопроизводства, так, из показателя дел, поданных в ЕСПЧ за 2021 год, 24 % от общего числа нарушают ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека в виде права на справедливое судебное разбирательство [2]. Целесообразен тезис, что требование справедливости в рамках гражданского судопроизводства носит не только национальный, но и международный характер.

П. Рикер придавал особое значение формальным и процессуальным моментам правосудия, указав, что «никто не может осуществлять правосудие для себя» [9, с. 304]. Он считал, что судебная справедливость — процедурная (иерархичная) форма, поскольку введенный им в иерархической оси оценки человеческих поступков в терминах нравственности предикат «беспристрастный» основан на предикатах «благой, обязательный». Существование справедливости бесспорно — осуществление судопроизводства ее гарант, считает философ, а кульминация состязательности в процессе состоит в языковом дискурсе. Исходя из анализа позиции П. Рикера, следует отметить его четкую позицию: субъективизм справедливости ограничивается существованием судебного процесса в целом, так как данная категория тесно связана с процессуальностью, ведь действия сторон и независимого суда основаны исключительно на модели, установлен-

ной правовой системой.

Современная теория справедливости, отправной точкой развития которой являлись рассуждения Д. Ролза, отличается особым дискуссионным полем, так как на пороге её зарождения и коммунитаристы, и либералы критиковали труды философа [10, с. 535]. Понимание Ролзом справедливости состояло в идее первой добродетели общественных институтов, точно так же, как истина — первая добродетель системы мысли. Ему принадлежит идея «справедливости как честности». Проводя аналогию между указанными категориями, философ рассматривал справедливость через призму её социальной значимости, а также предметностью в виде совокупности наиболее важных и значимых институтов общества, основная функция которых состоит в распределении деления имущества и тягот.

Критику его точки зрения провел Ю. Хабермас, конкретизировавший, что справедливый баланс равенства и неравенства, пропорциональности и непропорциональности достижим дискуссионным путем между лицами, заинтересованными в тех или иных действиях и нормах [11, с. 417]. Важно требование к дискуссии — её рациональная аргументация. Хабермас также отметил точку зрения по поводу рассмотренного нами «столкновения» субъективности и объективности, заявив, что именно беспристрастность позволит преодолеть субъективность перспектив лиц, участвующих в дискуссии, не теряя при этом перспективу возможности переосмысления собственной позиции, в пользу ранее сформулированной установки всех причастных. Нравственную основу идеальной справедливой коммуникации Хабермас выразил в соприкосновении справедливости с коммуникативной этикой в контексте формирования рациональной дискуссии, основанной на следующих принципах [12, с. 200]:

1. Каждый, кто способен к речи, имеет возможность участия в дискуссии;

2. Каждый может выступать с любым утверждением, проблематизировать любое мнение, выражая собственные взгляды;

3. Препятствия в виде принуждений идейного господства в отношении участвующих запрещены.

По сути, приводимая философом этика дискурса подлежит проецированию в любой сфере общественной жизни общества, потому как справедливость — категория общая. В связи с этим целесообразен будет тот тезис, что в предложенной им модели будет достигаться баланс справедливости и солидарности.

Справедливость выступает критерием нравственных оценок и суждений наравне с добром, честностью, совестью и благородством, поэтому общество дает справедливости нравственную интерпретацию в деятельности общественных отношений, государства, права. Рассмотренная нравственная категория является краеугольным принципом гражданского права, выступая в качестве мерила допустимого и недопустимого в гражданском судопроизводстве.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод EST № 005 [Электронный ресурс]: Рим, 4 ноября 1950 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 24 июля 2002 года №95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. [Электронный ресурс] : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Вишневский А. А. Каноническое право. Древняя Церковь Западная традиция // Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
7. Голубева Л. А. Сравнительное правоведение : учебник для высших учебных заведений / Л. А. Голубева, А. Э. Черноков, И. Л. Честнов. Гатчина : ГИЭФПТ, 2020.
8. Дождев Д. В. Ars boni et aequi в определении Целиса : право между искусством и наукой // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4 (56). С. 1–13.
9. Рикер П. Справедливое. Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицокго. Послесловие — Э. Шлоссер. Москва : Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005.
10. Ролз Дж. Теория справедливости. Науч. Ред. В. В. Целищев. Новосибирск, НГУ, 1995.
11. Хабермас Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории. СПб : Наука, 2001.
12. Ермоленко А. Н. Этика ответственности и социальное бытие человека (современная немецкая практическая философия). Киев : Наукова думка, 1994.
13. Кашников Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля : опыт реконструкции // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 1–29.
14. Кирсанова О. В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Вестник ЧГУ. 2011. № 4. С. 1–6.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. Access from legal reference system «Garant».
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms EST № 005 [Electronic resource]: Rome, November 4, 1950 Access from legal reference system «Garant».
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation [Electronic resource] : dated July 24, 2002 № 95-FZ. Access

from legal reference system «Garant».

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource] : dated November 14, 2002 № 138-FZ. Access from legal reference system «Garant».

5. Code of the Russian Federation. Part one. [Electronic resource] : № 51-FZ dated November 30, 1994. Access from legal reference system «Garant».

6. Vishnevsky A. A. Canon law. Ancient Church Western Tradition // Moscow : Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006.

7. Golubeva L. A. Comparative jurisprudence : textbook for higher educational institutions / L. A. Golubeva, A. E. Chernokov, I. L. Chestnov. Gatchina : GIEFPT, 2020.

8. Dozhdev D. V. Ars boni et aequi in the definition of Celsus: the law between art and science // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of

Sciences. 2016. № 4 (56). P. 1–13.

9. Riker P. Just. Translated from the French by B. Skuratov, P. Khitsokgo. Afterword — E. Schlosser. Moscow : Gnosis Publishing House, Logos Publishing House, 2005.

10. Rolls J. The theory of justice. Scientific Ed. V. V. Tselishchev. Novosibirsk, NSU, 1995.

11. Habermas Yu. Involving the Other: Essays on political theory. St. Petersburg: Nauka, 2001.

12. Ermolenko A. N. Ethics of responsibility and social being of a person (modern German practical philosophy). Kyiv : Naukova Dumka, 1994.

13. Kashnikov B. N. Aristotle's concept of general justice : the experience of reconstruction // Ethical thought. 2001. № 2. P. 1–29.

14. Kirsanova O. V. Justice and law in the ethical views of I. Kant and G. V. F. Hegel // Bulletin of ChSU. 2011. № 4. P. 1–6.

Информация об авторах

С. В. Мельник — профессор кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент;

П. В. Надтачаев — заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

О. Ю. Гомозова — курсант 4 курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.

Information about the authors

S. V. Melnik — Professor of the Department of Civil and Economic Disciplines of the V.V. Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Nadtachaev — Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. Ju. Gomozyova — Cadet of the 4th year of the Faculty of Training Investigators of the V.V. Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-173-175>

НИОН: 2003-0059-6/22-511

MOSURED: 77/27-003-2022-06-710

Уголовная ответственность за получение и дачу взятки по Уголовному уложению 1903 г.

Наталья Владимировна Михайлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, net-46@mail.ru

Аннотация. Рассматривается уголовная ответственность за взятку, которая была установлена в Уголовном уложении 1903 года. В процессе усовершенствования законодательной базы нормативное регулирование юридической ответственности и борьбы со взяточничеством эволюционировало и к началу XX века многие спорные вопросы нашли свое решение. Уложение 1903 года предусматривало ряд систематизированных уголовно-правовых мер, направленных на борьбу со взяточничеством. В Уложении было закреплено легальное определение взятки.

Ключевые слова: должностные преступления, должностное лицо, коррупция, взятка, взяточничество, лихоимство, вымогательство, уголовная ответственность

Для цитирования: Михайлова Н. В. Уголовная ответственность за получение и дачу взятки по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 173–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-173-175>.

Original article

Criminal liability for receiving and giving bribes under the Criminal Code of 1903

Natalia V. Mikhailova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, net-46@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of criminal liability for a bribe, which was established in the Criminal Code of 1903. In the process of improving the legislative framework, the regulatory regulation of legal liability and the fight against bribery evolved and by the beginning of the XX century, many controversial issues had found their solution. The Code of 1903 provided for a number of systematized criminal law measures aimed at combating bribery. The legal definition of a bribe was fixed in the Code.

Keywords: official crimes, official, corruption, bribery, bribery, extortion, extortion, criminal liability

For citation: Mikhailova N. V. Criminal liability for receiving and giving bribes under the Criminal Code of 1903. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):173–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-173-175>.

На сегодняшний день взяточничество является наиболее распространенным преступлением коррупционной направленности, которое угрожает основам государственного строя Российской Федерации, дискредитирует и подрывает авторитет государственной власти в глазах общества, оказывает негативное влияние на развитие экономики. На современном этапе главная задача законодателя состоит в разработке совершенного правового механизма, нацеленного на эффективную борьбу с этим негативным социальным явлениям, чьи проявления становятся все более изощренными. Поиск путей совершенствования антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики в этой сфере неминуемо

приводит к необходимости изучения истоков современных проблем, касающихся правового регулирования ответственности за совершение взяточничества. Осознать ошибки и просчеты, допущенные ранее, чтобы учесть их на нынешнем этапе формирования концепции противодействия коррупции возможно только с привлечением уникального российского исторического опыта.

В начале XX века была проведена очередная систематизация уголовно-правовых норм, в котором были учтены произошедшие изменения в российской действительности и праве. В Уголовном уложении 1903 года коррупционные составы были закреплены не в отдельной главе, а с составами, предусматривающими ответствен-

ность за преступления против службы, и вошли в главу 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной».

Именно в Уложение 1903 года впервые была принята попытка дать законодательное толкование специального субъекта в коррупционных преступлениях. Согласно ч.4, ст. 636 главы 37 Уложения, под служащим следовало понимать «всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского или иного стража, или служителя, или лица сельского или мещанского управления». Однако данная попытка оказалась не вполне удачной, поскольку определение так и не позволяло разграничить чиновников, являвшихся субъектами преступления, от иных лиц, наделенных управленческими функциями.

Также важным новшеством стало разграничение в Уложении понятия «взяточничество» и понятия «лихоимства», прокомментированное в Объяснительной записке к данному правовому акту. «Взяточничество», в соответствии с данной Объяснительной запиской, следует понимать, как «заведомо незаконное» деяние [1], в то время как «лихоимство» предполагает создание виновным видимости «законности» [2]. Таким образом, «взяточничество» подразумевает заведомо незаконное для обеих сторон (взяткодателя и взяткополучателя) незаконное обогащение должностным лицом за счет злоупотребления им должностными полномочиями. «Лихоимство» же предполагает незаконное обогащение должностным лицом не в порядке передачи ему взяткодателям взаимно обусловленной противозаконной мзды за действия по службе, а в качестве якобы законодательно обусловленного поступления в его адрес или же законного побора в государственную казну.

В соответствии со ст. 656 Уголовного уложения взяточничество подразделялось на простое и тяжкое. Простое предполагало совершение за материальную выгоду законного, входящего круг обязанностей действия, тяжкое — свершение правонарушения или преступления по службе. Следует отметить, что Уложение предусматривало ответственность за покушение на квалифицированные составы.

Статьи 664 и 665 предусматривали установление уголовной ответственности для должностных лиц за следующие преступные деяния.

Во-первых, за получение денег или иных материальных благ под предлогом исполнения закона или обязательного постановления, или под предлогом исполнения условий публичного торга или договора с казною или под видом установленной платы за служебные действия.

Во-вторых, вынуждение лица через притеснения, угрозы исполнения для себя или другого, безвозмездно или за несоразмерно низкое вознаграждение, заведомо не обязательной работы или натуральной повинности.

Также Уложение регламентировало ответственность за вымогательство взятки (ст. 657). Под вымогательством взятки следовало понимать требование служащим взятки, причем как высказанное заведомо, так и по итогам выполнения какого-либо требования в рамках его полно-

мочий или за ними. Следует отметить, что особо квалифицированным составом вымогательства взятки являлось не только вымогательство взятки за незаконное действие, но и требование взятки, обусловленное угрозой притеснения или непосредственно притеснением. От заключения в тюрьме на срок до трех месяцев до заключения в исправительном доме на неопределенный срок. Однако, отметим, что не все правоведы поддерживали включение состава вымогательства взятки в уголовный закон. Данные исследователи ссылались на то, что взятка представляет в своей сущности дар, вознаграждение за реализацию или превышение своих должностных полномочий, иными словами обмен услугами, хоть и за рамками правового поля. Вымогательство же, предполагающее требование взятки, выходит за рамки сущности взяточничества.

Также закон предусматривал ответственность за такие составы, как:

- статья 659 — за принятие взятки или вытребованную взятку присяжным заседателем;
- статья 660 — содействие взяточничеству;
- статья 661 — присвоение предмета взятки под видом того, что вознаграждение берется для другого чиновника. За данное преступление, представленное в единстве мошенничества и взяточничества, предусматривалась ответственность до трех лет заключения в исправительном доме.

Также в Уголовном уложении 1903 года имеет место состав мздоимства, предполагавший обогащение за действия в рамках должностных полномочий. При составлении проекта нового уголовного закона редакционная комиссия высказывалась за декриминализацию мздоимства, указывая на то, что безвозмездная благодарность в качестве какого-либо подарка, последовавшая за уже совершенное чиновником в рамках правового поля деяние не несет никакой общественной опасности и не может считаться преступной [1, с. 481]. Попытка сделать мздоимство уголовно ненаказуемым вызвала полемику среди известных юристов-правоведов. За недопустимость декриминализации мздоимства высказывались В. Н. Ширяев и А. Я. Эстрин, указывая на нарушения такого принципа государственной службы, как безвозмездность, а также на необоснованное оставление лазеек для взяточников [3; 4]. Данное нововведение так и осталось проектом.

Также ответственность была установлена за пособничество, то есть «заведомое содействие учинившему взяточничество, в совершении взяточничества по ст. 656–659 Уголовного уложения [2, с. 157]. Однако следует отметить, что уголовно наказуемо было лишь покушение на вымогательства взятки и квалифицированный состав лихоимства, отсутствие же ответственности за покушение на мздоимство и простое лихоимство выступает пробелом законодательства.

Отметим, что в ст. 149 Уложения 1903 года вновь была установлена ответственность за лихоимательство как за преступление против порядка управления. Данная норма была установлена и предыдущим уголовным законом, однако на основании того, что Государственным

советом был сделан вывод о том, что ответственность за дачу взятки усложняет обнаружение получателей, данный состав декриминализировали.

Также важным новшеством Уголовного уложения 1903 года стало введение на основании статьи 662 законодательной регламентации «судьбы» полученной взятки (предмета взятки): виновный, осужденный на основании статей 656–661 за получение «дара» должен был вернуть «дар», либо вернуть его стоимость, если же взятка была вынужденной, то она возвращалась хозяину. «Благодарность» в форме права на имущество признавалась недействительной.

Таким образом, можно констатировать, что к началу XX века в России была создана законодательная база по борьбе со взяточничеством. Уложение 1903 года выделяло простое и квалифицированное мздоимства, различающиеся по времени принятия взятки — до или после совершения чиновником положенных по закону действий, а также лихоимство и вымогательство взятки. Уголовное уложение 1903 года предусматривало ужесточение санкций за взяточничество. Наказание варьировалось от трех месяцев заключения в тюрьме до заключения в исправительном доме на неопределенный срок. Уложение 1903 года поставило перед собой задачу решения главной проблемы ответственности за взяточничество прошлых лет — законодательного определения субъекта получения взятки. Было решено дать четкое, нормативно установленное понятие должностного лица, способствующее правильной квалификации должностных преступлений и, в частности, взяточничества, однако полноценного ре-

зультата достигнуто не было. И самое главное: в полном объеме Уголовное уложение 1903 года так в силу и не вступило, поэтому ответственность за взяточничество продолжала назначаться в соответствии со статьями Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 года.

Список источников

1. Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб, 1903. Т. VIII.
2. Новое Уголовное уложение. СПб, 1903.
3. Ширяев В. Н. Взяточничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях : уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916.
4. Эстрин А. Я. Взяточничество в доктрине и законодательстве // Труды кружка уголовного права при С.-Петербургском университете / с предисл. и под ред. М. М. Исаева. СПб, 1913.

References

1. Criminal Code. The draft of the editorial commission and explanations to it. St. Petersburg, 1903. Vol. VIII.
2. New Criminal Code. St. Petersburg, 1903.
3. Shiryayev V. N. Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes : criminal and legal research. Yaroslavl, 1916.
4. Estrin A. Ya. Bribery in doctrine and legislation // Proceedings of the Criminal Law Circle at St. Petersburg University / with a preface and ed. by M. M. Isaev. St. Petersburg, 1913.

Информация об авторе

Н. В. Михайлова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the author

N. V. Mikhailova — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Научная статья

УДК 343.983

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-176-179>

НИОН: 2003-0059-6/22-512

MOSURED: 77/27-003-2022-06-711

Оценка заключения эксперта: вопросы теории и практики

Дина Александровна Мозговая¹, Роза Ватановна Бондаренко²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mozgovayad75@mail.ru

² Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, bon_roz@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен важный этап деятельности следователя, суда по решению вопроса о допустимости в качестве доказательства заключения эксперта — его оценка. На основе анализа научных работ выявлены проблемы, связанные с критериями оценки заключения эксперта.

Ключевые слова: заключение эксперта, судебная экспертиза, доказательство, следователь

Для цитирования: Мозговая Д. А., Бондаренко Р. В. Оценка заключения эксперта: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 176–179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-176-179>.

Original article

Assessment of the expert opinion: issues of theory and practice

Dina A. Mozgovaya¹, Roza W. Bondarenko²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mozgovayad75@mail.ru

² Russian State University of Justice, Moscow, Russia, bon_roz@mail.ru

Abstract. An important stage of the investigator activity, the court decision on the admissibility of the expert's conclusion as evidence is its assessment. Based on the analysis of scientific papers, problems related to the criteria for evaluating the expert's opinion are identified.

Keywords: expert opinion, forensic examination, investigator, proof, interrogating officer

For citation: Mozgovaya D. A., Bondarenko R. W. Assessment of the expert opinion: issues of theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):176–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-176-179>.

Оценке заключения эксперта как одному из важнейших звеньев в системе оценки доказательств уделяли внимание многие ученые-криминалисты. В одном из первых монографических исследований Шляхова А. Р., обстоятельно рассматривались вопросы организации, производства судебных экспертиз и использования их результатов в процессе расследования уголовных дел [10]. В дальнейшем уточнялись и дополнялись отдельные положения, сформулированные автором. В современной криминалистике с различных позиций рассмотрены вопросы назначения экспертиз, оценки их результатов и использования в доказывании по уголовным делам, предложены тактические рекомендации в этой связи. Но, утверждать то, что вопросы исчерпаны, на наш взгляд, преждевременно. В рамках настоящей темы мы затронем лишь вопросы оценки заключения эксперта.

Процессуальная деятельность следователя, дознава-

теля и судьи по назначению экспертиз и использованию их результатов в процессе доказывания по уголовным делам является многоплановой. По содержательной стороне различают пять следующих взаимосвязанных процессов:

- принятие решения о необходимости использования специальных знаний;
- назначение экспертизы;
- производство экспертизы;
- оценка заключения эксперта;
- использование результатов экспертизы в уголовном деле.

Рассматривая процесс производства экспертизы, внимание акцентируется на деятельности эксперта, на стадиях экспертного исследования, на применяемых методах и методиках исследования, на оформлении результатов исследования. И казалось бы все закономерно.

Но, исходя из такого подхода следователи, дознаватели, судьи исключают свою причастность к этому процессу. А это не вполне обоснованно.

На этапе производства экспертизы осуществляется активное взаимодействие эксперта с лицом, назначившим экспертизу, здесь может происходить взаимный обмен информацией, может быть реализовано процессуальное право следователя, дознавателя присутствовать при производстве экспертизы и получать разъяснения по поводу проводимых действий. Также по итогам консультации с экспертом лицо, проводящее расследование, может удовлетворить или обоснованно отклонить ходатайство подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля относительно возможности их присутствия при производстве экспертизы [1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается: «При оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами» [2]. Все авторы единодушны в вопросах оценки заключения эксперта и отмечают то, что в основу положены процессуальные свойства доказательств — это относимость, допустимость и достоверность. Применительно к заключению эксперта эти процессуальные свойства раскрываются и наполняются различными криминалистическими критериями. Некоторые из них не являются бесспорными, что отмечают и сами ученые. Так Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина среди прочих называют критерий оценки заключения эксперта с позиции научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в конкретном случае, полноту и всесторонность.

Комментируя это положение, авторы пишут, что такие сведения могут быть получены следователем, дознавателем, судьей, прокурором из справочной и методической литературы. Но ввиду появления новых экспертных специальностей и существования различных методик в разных ведомствах оценка заключения эксперта с этих позиций затруднена. Далее авторы выражают надежду на унификацию и стандартизацию большого количества существующих типовых методик [6, с. 144–145].

Продолжая дискуссию по вопросу оценки следователем, дознавателем, судьей научной обоснованности и полноты проведенного экспертом исследования Л. Н. Посельская отмечает ограниченность такой возможности. По мнению автора, привлечение для этих целей специалиста сомнительно, поскольку не понятна его квалификация, не ясно какое значение для суда будет иметь такая оценка. Такое участие специалиста Л. Н. Посельская ставит под сомнение и задается вопросом: «Не напоминает ли это повторное исследование?» [5, с. 553].

Есть и еще одна точка зрения на этот счет. Для оценки научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения предлагается проводить мета-экспертизу, объектом исследования которой является заключение эксперта [8, с. 459].

Проанализировав приведенные авторские позиции, обозначим свою собственную. Безусловно, познания следователя, дознавателя, судьи не всегда достаточны для того чтобы разобраться в справочной и методической литературе, которая призвана помочь в оценке правильности выбранной методики, объективности и полноты проведенного исследования. Да и погружение в какую-либо сферу знаний длительный процесс, который не может не отразиться на сроках производства по уголовному делу. Какие в этой связи средства оценки научной обоснованности экспертной методики, полноты и всесторонности заключения имеются в арсенале у следователя, дознавателя и судьи?

Одним, на наш взгляд, из таких средств является допрос эксперта. В ч. 1 ст. 205 УПК РФ указано на возможность допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Полагаем, что разъяснения могут касаться объяснения возможностей примененных методов, выявленной совокупности общих и частных признаков, причин вероятного вывода. Эти пояснения помогут следователю, дознавателю, судье оценить насколько объективно и полно проведено исследование.

Вторым возможным средством оценки заключения эксперта с позиции научной обоснованности экспертной методики, полноты и всесторонности исследования следует считать повторную экспертизу, которая к тому же может быть и комиссионной. Но неоднозначен вопрос об инициировании повторных экспертиз. Не исключена ситуация, при которой сложность в оценке заключения эксперта лишь вуалирование истинных намерений следователя, дознавателя, предлог для продления срока расследования, надежда на изменение выводов в благоприятную для следствия сторону из ложно понятых интересов службы. Такие опасения высказала и Е. Р. Россинская, отмечая, что: «Еще одним фактором, отрицательно влияющим на результативность и доброкачественность заключений эксперта, является многократное назначение повторных экспертиз, когда вывод просто не устраивает следователя» [7, с. 91].

Если сомнение в научной обоснованности экспертной методики, полноте и объективности заключения высказывают подозреваемый, обвиняемый, защитник, то здесь, в первую очередь, важно разобраться, насколько такие сомнения обоснованы и мотивированы. Может сложиться так, что аргументы у стороны защиты либо несостоятельны, либо вообще отсутствуют, при этом усматривается желание повлиять на срок расследования.

Таким образом, назначение повторной экспертизы следует рассматривать как исключительный случай,

лишь после установления следователем, дознавателем или судом весомых доводов относительно научной обоснованности, полноты и всесторонности проведенного экспертом исследования. Допрос эксперта, на наш взгляд, является для этих целей универсальным следственным действием, экономичным по времени, средствам, но не уступающим в эффективности.

Еще одним важным и дискуссионным является вопрос оценки компетентности эксперта. Как пишет Т. Ф. Моисеева, компетентность эксперта имеет определяющее значение в оценке результатов экспертного исследования, как доказательства, с точки зрения его допустимости и достоверности [4, с. 26]. В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается на необходимость при оценке экспертного заключения учитывать квалификацию эксперта. В п. 3 обращено внимание судов на то, что при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, следует запросить сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежавшей квалификации.

Анализируя приведенное Постановление, Л. Г. Шапиро отмечает, что в данном случае можно говорить об общем или первичном представлении о компетентности эксперта, поскольку очевиден формальный характер такого вывода на основе представленных документов, подтверждающих его образовательный уровень. Автор предлагает рассмотреть вопрос о критериях компетентности лица, в отношении которого решается вопрос, о привлечении в качестве эксперта [9, с. 66].

Отметим, что необходимость учитывать квалификацию эксперта Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 года относит только к негосударственным экспертам. И это обоснованно, поскольку прежде чем приступить к самостоятельному производству экспертиз в настоящее время будущий государственный эксперт сдает экзамен, итоговое решение о возможности самостоятельной экспертной деятельности принимает комиссия, в состав которой входят ведущие эксперты и лица из числа профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Очевидно, что такой же механизм оценки компетентности должен быть предусмотрен и для негосударственных экспертов.

Существующее сегодня положение дел ставит государственных и негосударственных экспертов в разные условия. Как указывает Т. Ф. Моисеева, оценка компетентности негосударственных экспертов вызывает объективные трудности, многочисленные и разнообразные сертификаты, представляемые экспертами, не гарантируют их компетентности, поскольку нет единообразно

определенных правовых оснований их получения. Механизм подтверждения компетентности должен быть единообразным, и закон, регламентирующий судебно-экспертную деятельность в части требования к судебному эксперту и его компетентности [3, с. 276].

В проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который обсуждается с 2013 года, предусмотрено решение вопроса компетентности государственных и негосударственных экспертов. В будущем необходима разработка и подзаконных актов, регламентирующих критерии оценки такой компетентности. Причем такие критерии должны быть предельно четко и единообразно сформулированы, чтобы следователь, дознаватель, судья, не прибегая к помощи специалистов, самостоятельно смогли их оценить.

Таким образом, ряд вопросов оценки заключения эксперта, как одного из доказательств, еще только предстоит решить. И если для оценки заключения эксперта с позиции научной обоснованности экспертной методики, полноты и всесторонности следователь, дознаватель, суд могут прибегнуть к наиболее целесообразному в конкретной ситуации решению — допросить эксперта или назначить повторную экспертизу. То критерии компетентности еще предстоит разработать, причем эти требования должны быть универсальными для государственных и негосударственных судебных экспертов.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М. : Эксмо, 2021. 304 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. (ред. 29.06.2021 № 22) «О судебной экспертизе по уголовным делам».
3. Моисеева Т. Ф. Судебная экспертиза : проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2018. № 3. № S1. С. 272–278.
4. Моисеева Т. Ф. Критерии компетентности судебного эксперта : сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе : наука, образование, практика. Материалы научно-практического семинара. Минск, 2019. С. 25–29.
5. Посельская Л. Н. Тактика использования результатов судебных экспертиз в доказывании по уголовным делам // Вопросы экспертной практики. 2019. S1. С. 551–554.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М. : Проспект, 2010. 464 с.
7. Россинская Е. Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 89–93.
8. Хмелева А. В. Оценка следователем заключения судебного эксперта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические нау-

ки. 2016. № 3–2. С. 456–460.

9. Шапиро Л. Г. К вопросу о процессуальных проблемах реализации судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве // *Право и современные государства*. 2015. № 4. С. 64–67.

10. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза : организация и проведение. М., 1979.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. М. : Eksmo, 2021. 304 p.

2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 28 dated December 21.12.2010 (as amended on June 29.06.2021 № 22) «On Forensic Expertise in Criminal Cases».

3. Moiseeva T. F. Forensic examination: problems and prospects // *Russian Justice*. 2018. № 3. № S1. P. 272–278.

4. Moiseeva T. F. Competence criteria of a forensic expert : comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus // *The activity of law enforcement agencies at the present stage : science, education,*

practice. Materials of the scientific and practical seminar. Minsk, 2019. P. 25–29.

5. Poselskaya L. N. Tactics of using the results of forensic examinations in proving in criminal cases // *Questions of expert practice*. 2019. № 1. P. 551–554.

6. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Handbook of a Judge : forensic Science. М. : Prospekt, 2010. 464 p.

7. Rossinskaya E. R. Factors that determine the effectiveness and good quality of the conclusions of a forensic examination in criminal proceedings // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 1. P. 89–93.

8. Khmeleva A. V. Evaluation by the investigator of the conclusion of a forensic expert // *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2016. № 3–2. P. 456–460.

9. Shapiro L. G. On the issue of procedural problems of the implementation of forensic examinations in criminal proceedings // *Law and modern States*. 2015. № 4. P. 64–7.

10. Shlyakhov A. R. Forensic examination : organization and conduct. М., 1979.

Информация об авторах

Д. А. Мозговая — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Р. В. Бондаренко — доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

D. A. Mozgovaya — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

R. W. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Научная статья

УДК 342.9:314.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-180-182>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-513

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-003-2022-06-712

Зарубежный опыт привлечения высококвалифицированных специалистов (на примере Японии и Великобритании)

Арина Александровна Никулина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, arinka-99@bk.ru

Научный руководитель: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Рассматриваются особенности развития законодательства в сфере миграции, регулирующего правовое положение высококвалифицированных специалистов, в Японии и Великобритании. Автор анализирует проведенные за последнее десятилетие реформы в области привлечения «высококвалифицированных» мигрантов, сравнивая миграционное законодательство двух стран.

Ключевые слова: высококвалифицированная миграция, миграционная политика, балльная система, Япония, Великобритания

Для цитирования: Никулина А. А. Зарубежный опыт привлечения высококвалифицированных специалистов (на примере Японии и Великобритании) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 180–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-180-182>.

Original article

Foreign experience in attraction of highly qualified specialists (by the example of Japan and the Great Britain)

Arina A. Nikulina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, arinka-99@bk.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal sciences, Associate Professor **T. A. Prudnikova**

Abstract. The features of the development of legislation in the field of migration, which regulates the legal status of highly qualified specialists, in Japan and the UK, are considered. The author analyzes the reforms carried out over the past decade in the field of attracting «highly qualified» migrants, comparing the migration legislation of the two countries.

Keywords: highly skilled migration, migration policy, points system, Japan, Great Britain

For citation: Nikulina A. A. Foreign experience in attraction of highly qualified specialists (by the example of Japan and the Great Britain). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):180–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-180-182>.

Япония и Великобритания сделали привлечение высококвалифицированных мигрантов краеугольным камнем своей миграционной политики. Такие общие современные явления, как старение населения, колониальная история и национальные дискуссии о том, как противостоять или реагировать на глобальную миграцию, привели обе страны к проведению крупных миграционных реформ в последние годы. Миграция является отличительной политической чертой в обеих странах, где большое внимание уделяется политике привлечения и поддержке прибывающих высококвалифицированных мигрантов [1, с. 25].

Изучение специальной и юридической литературы,

сравнивающей Японию и Великобританию, позволяет сделать вывод о том, что обе страны, как островные государства, придерживаются ограничительного подхода к миграционной политике. И Япония, и Великобритания испытывают общие проблемы с нехваткой квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, но сопротивляются (или пытаются сопротивляться) высокому уровню иммиграции. Большая часть недавних обсуждений по вопросам иммиграции в Великобританию были сосредоточены на последствиях выхода Великобритании из Европейского Союза и последующего прекращения свободного передвижения рабочих в соответствии с законодательством Европейского Союза [2]. Основная цель

© Никулина А. А., 2022

правительства Великобритании с 2016 года заключается в «возвращении контроля» над иммиграционным законодательством, в том числе на границах, что делает актуальным анализ и сравнение миграционного законодательства и политики двух географически удаленных, но крупных глобальных экономических игроков.

Современные Япония и Великобритания придерживаются общего вектора в политике трудовой миграции. Являясь странами с высоким уровнем дохода, и Япония, и Великобритания сосредоточены на технологичном производстве, поэтому государства подчеркивают свою заинтересованность в научных специалистах. В результате, Япония и Великобритания являются глобальными конкурентами в привлечении высококвалифицированных специалистов из других стран.

Стоит отметить, что существующие двусторонние отношения между Японией и Великобританией играют важную роль, так, например, балльная система для отбора зарубежных специалистов была введена в Японии по аналогии с британской системой [3].

До сегодняшнего дня основные различия в миграционном законодательстве и политике между Японией и Великобританией были результатом членства Великобритании в Евросоюзе. Покинув Европейский Союз, парламент Великобритании принял Закон о координации иммиграции и социального обеспечения (выход из ЕС) 2020 года [4], который распространил действие балльной системы на всех граждан Европейской Союзу.

Япония и Великобритания имеют сложную и многоуровневую нормативно-правовую базу в сфере миграции. Правовое положение мигрантов как в Японии, так и в Великобритании регулируется законами об иммиграции: для Японии — это Закон об иммиграционном контроле и признании статуса беженца, для Великобритании — Закон об иммиграции 1971 года. Министерство юстиции (Япония) и Министерство внутренних дел (Великобритания) наделены широкими полномочиями принимать подзаконные акты, а также принимать индивидуальные решения по вопросам иммиграции. Таким образом, можно сделать вывод, что структура иммиграционного законодательства является иерархической.

Сейчас граждане Европейского Союза должны идти по пути балльной системы, чтобы мигрировать в Великобританию, но результаты данной миграционной политики пока не ясны. С 2019 по 2020 год правительство Великобритании расширило Список нехватки профессий, включив в него больше позиций для мигрантов в секторах здравоохранения и информационных технологий, чтобы отреагировать на нехватку рабочей силы, в перечисленных отраслях. Эти реформы отвечают потребностям работодателей, которые пытались найти достаточное количество работников.

Параллельно с Великобританией в 2019 году нехватка рабочей силы побудила Японию запустить новую программу под названием «специализированные квалифицированные работники» [5]. Программа имеет две подкатегории: дипломированные техническим стажеры — лица с трехлетним профессиональным опытом (не высококвалифицированные специалисты); и высоко-

квалифицированные специалисты с правом привозить членов семьи и получать вид на жительство на тех же условиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что обе страны успешно меняют свою миграционную политику с целью привлечения высококвалифицированных мигрантов.

Сравнение Японии и Великобритании с точки зрения миграции, несомненно, характеризуется обобщенными выводами о подходах к миграции в целом. Разумеется, между двумя странами существуют и заметные различия: если культурное и этническое разнообразие уже давно признано неотъемлемой частью облика Великобритании, то Япония только делает первые шаги на пути к этому.

Если отложить в сторону исторический и культурный контекст их соответствующих подходов к миграции, можно увидеть, что законы и политика в отношении высококвалифицированных мигрантов очень похожи. Подход Японии и Великобритании к миграции, согласно официальным заявлениям, зависит от положительного экономического эффекта и удовлетворения конкретных потребностей, которые не могут быть адекватно удовлетворены внутри стран. Обе страны приветствуют тех, у кого есть навыки и предполагают, что высококвалифицированные мигранты по своей природе представляют собой самостоятельную малую группу образованных, высокооплачиваемых и способных интегрироваться в общество граждан. Это, в свою очередь, облегчает преподнесение иммиграционного аргумента населению, которое, как считается, скептически или даже враждебно относится к любым действиям, которые могут привести к увеличению миграции.

Попытка привлечения высококвалифицированных мигрантов путем частых изменений в законодательстве и политике обнаруживает сильное сходство между Японией и Великобританией. В обоих случаях основная правовая база остается довольно стабильной, но подзаконные акты претерпевают множество изменений.

В то же время успех привлечения высококвалифицированных специалистов как для Японии, так и для Великобритании зависит от того, как обе страны поведут себя в глобальной «войне за таланты».

Отдельные результаты исследования зарубежного опыта применения селективной миграционной политики и балльной системы Японии и Великобритании, рассмотренные автором, могут быть использованы для совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере миграции.

Список источников

1. Дайсуке В., Пол Дж. К. Изучение траекторий высококвалифицированного миграционного законодательства и политики в Японии и Великобритании. Сравнительные миграционные исследования Вакисаки и Кардуэлла, 2021 г.
2. Донмез П.Э., Саттон А. Британская иммиграционная политика, деполитизация и Brexit. Сравнительная европейская политика, 2020. С. 659–688. URL: <https://doi.org/10.1057/s41295-020-00204-7/>

3. Миграционный консультативный комитет. Балльная система и пороги заработной платы для иммиграции. 2020 г. URL: assets.publishing.service.gov.uk/

4. Славен М., Босуэлл К. Зачем символизировать контроль? Незаконная миграция в Великобританию и символическое формирование политики в 1960-х гг. Журнал этнических и миграционных исследований, 2019. С. 1477–1495 гг. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1459522>.

5. Оиси Н. Квалифицированный или неквалифицированный? Реконфигурация политик миграции в Японии. Журнал этнических и миграционных исследований. 2020. С. 2252–2269. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1731984>.

References

1. Daisuke W., Paul J. C. Exploring the trajectories of highly skilled migration law and policy in Japan and the UK.

Wakisaka and Cardwell Comparative Migration Studies, 2021.

2. Donmez P. E., Sutton A. British immigration policy, depoliticisation and Brexit. Comparative European Politics, 2020. P. 659–688. Web: <https://doi.org/10.1057/s41295-020-00204-7>.

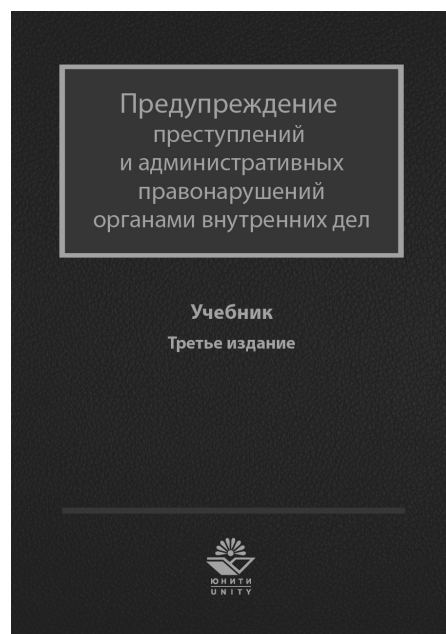
3. Migration Advisory Committee. A Points-Based System and Salary Thresholds for Immigration. 2020. Web: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/873155/PBS_and_Salary_Thresholds_Report_MAC_word_FINAL.pdf.

4. Slaven M., Boswell C. Why symbolise control? Irregular migration to the UK and symbolic policy-making in the 1960s. Journal of Ethnic and Migration Studies, 2019. P. 1477–1495. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1459522>.

5. Oishi N. Skilled or unskilled? The reconfiguration of migration policies in Japan. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. P. 2252–2269. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1731984>.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-183-187>

НИОН: 2003-0059-6/22-514

MOSURED: 77/27-003-2022-06-713

Министерство Толстого-Дурново¹

Роман Геворгович Оганесян

Центр научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Москва, Россия, rgo1994@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность Д. А. Толстого и И. Н. Дурново на посту министров внутренних дел в период правления Александра III. Представлены наиболее их значимые проекты. Примечательно, что проекты по реформированию государственной власти исходили непосредственно от высшего министерского руководства. Консервативные тенденции, усиливающие бюрократизацию и профессионализацию общественной жизни в России, оказали серьезное влияние на организационную и содержательную стороны МВД.

Ключевые слова: контрреформа, министерство внутренних дел, революционное движение, печать, местное самоуправление

Для цитирования: Оганесян Р. Г. Министерство Толстого-Дурново // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 183–187. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-183-187>.

Original article

Ministry of Tolstoy-Durnovo

Roman G. Oganesyanyan

Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia, rgo1994@mail.ru

Abstract. The activities of D. A. Tolstoy and I. N. Durnovo as Ministers of Internal Affairs during the reign of Alexander III have been considered. Their most significant projects are presented. It is noteworthy that the projects on the reform of state power came directly from the top ministerial leadership. Conservative tendencies that strengthen bureaucratization and professionalization of public life in Russia have had a serious impact on the organizational and substantive aspects of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: counter-reform, Ministry of Internal Affairs, revolutionary movement, press, local self-government

For citation: Oganesyanyan R. G. Ministry of Tolstoy-Durnovo. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):183–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-183-187>.

¹ Статья является продолжением статьи Оганесян Р. Г. Министерство внутренних дел под скипетром «царя-мироотворца». Ч. I. Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 34–39.

Назначение нового министра внутренних дел графа Д. А. Толстого 30 мая 1882 г., заслужившего впоследствии прозвище «министра борьбы», было, пожалуй, более определенным и весомым заявлением о разрыве с политикой преобразований, чем манифест 29 апреля 1881 г. Он был одним из главных действующих лиц в окружении Александра III и принадлежал к ортодоксальным «охранителям», непримиримым противникам великих реформ. Если либералы воспринимали его как обскуранта, среди консерваторов Толстой не снискал популярности из-за своих крайних и односторонних взглядов и личных качеств [6]. Д. А. Толстой был убежден, что «реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас население спокойное зажиточное... разные отрасли правительственной деятельности друг другу не вреди-

ли, правила местными делами агенты правительства под контролем других высших агентов той же власти, а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян, разоренное, недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят полиции, 600 говорилен земских, оппозиционных правительству» [1, с. 77]. Правительство чувствовало себя уже настолько сильным, что не только не пренебречь общественным мнением, но и бросить ему вызов, означавший поворот от «диктатуры улыбок» графа Игнатьева к открытой реакции [22, с. 103].

Одним из первых ударов МВД был нанесен по свободе общественного мнения. 27 августа 1882 г. были утверждены «Временные правила о печати». Данные правила запрещали выход в свет особенно вредные по

своему содержанию номеров тех газет и журналов, которым до этого получали три предостережения. Особое совещание, состоящее из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего синода, имело право временно приостанавливать (без указания срока) или вообще закрывать всякое периодическое издание, в случае признания его особенно вредным [12, с. 220]. Также был изменен порядок надзора за периодическими изданиями в городах, в которых отсутствовали цензурные учреждения. Ввиду осуществления проверки цензурных учреждений чиновниками, назначаемыми губернаторами, и значительного увеличения числа провинциальных изданий выплаты за производство цензуры, 30 сентября 1881 г. министр добился царского повеления о возложении обязанностей по цензуре периодических изданий в городах, где не было цензурных учреждений, на вице-губернаторов без особого вознаграждения [12, с. 221]. Особое внимание ведомство Толстого уделяло наблюдению за библиотеками, оценивая их как очаг распространения «крамольных» идей. Правила о порядке надзора за публичными библиотеками и кабинетами для чтения, утвержденные 5 января 1884 г., дали Министру Внутренних дел право указывать местному начальству те произведения печати, коих в публичных библиотеках признавались вредными [13, с. 218]. Главным управлением по делам печати и Департаментом полиции были подготовлены списки произведений, подлежащие изъятию из библиотек. С этого времени начались систематические чистки книгохранилищ [9]. За период деятельности министра Толстого на газеты и журналы было возложено 112 административных взысканий и были закрыты 15 периодических изданий либерального направления, в том числе газеты «Голос», «Страна», «Московский телеграф», «Русский курьер», «Русское дело», «Эхо», журнал «Отечественные записки», редактируемый М. Е. Салтыковым-Щедринным. Среди запрещенных наименований стали произведения В. А. Гиляровского Н. С. Лескова, В. Гюго, Г. Ибсена, труды Э. Ренана, В. А. Бильбасова и даже Л. Н. Толстого [5, с. 37]. В конечном результате, в период царствования Александра III завершилась концентрация всех цензурных учреждений Российской империи и формирования ряда новых тенденций, в числе которых выделялось ужесточение цензурного законодательства и, как следствие, укрепление единой проправительственной идеологической доктрины Российского государства в средствах массовой информации, что, безусловно, положительно сказалось на восстановлении общественного порядка [3, с. 306].

Следующие изменения произошли в системе центральных органов МВД: была введена должность третьего товарища министра, заведование корпусов и общей государственной полицией (1882), судебный отдел по делам о государственных преступлениях был объединен с департаментом полиции (1883), почтовые и телеграфные департаменты были преобразованы в Главное управление почт и телеграфов (1884), ветеринарное управление было выделено из состава медицинского департамента (1884, 1889) [15, с. 195].

Особенные преобразования МВД произошли в период борьбы с революционным движением. При Толстом произошло усложнение структуры и расширение функций Департамента полиции. Его первые директора В. К. фон Плеве и П. Н. Дурново существенно обновили кадровый состав за счет привлечения чиновников суда и прокуратуры [17]. Ранее департамент состоял из распорядительного, законодательного, секретного, судебного и исполнительного отделов делопроизводства. В середине 80-х гг. XIX в. было создано делопроизводство, контролирующее изготовление и хранение взрывчатых веществ, а питейное дело (производство и торговля водкой), занимавшееся еврейским вопросом и фабричными делами [2]. Дело политического сыска было поставлено на более широкую ногу. «Не будучи специалистом в полицейских делах, новый министр, тем не менее, быстро уловил слабость органов государственной безопасности империи, заключающуюся в том, что очень примитивно была поставлена агентурная работа полиции в среде существующих и потенциальных противников режима» [4, с. 148]. После принятия «Положения об устройстве секретной полиции в Империи» 3 декабря 1883 г., в Петербурге, Москве и Варшаве возникли первые охранные отделения. Их состав и основные функции должны были строиться по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия. Руководство этими органами возлагалось на инспектора секретной полиции, непосредственно подчиненного товарищу министра — руководителю государственной полиции [16, с. 377–378]. Первым инспектором секретной полиции был назначен Г. П. Судейкин. С 1880-х гг. в борьбе с революционерами широко использовался метод провокации. Данный метод был заложен Судейкиным в основу работы своего ведомства, по написанному им циркуляру, где он изложил свои взгляды на способы, цели и задачи агентурной работы. Среди них были, в частности, такие:

«1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами;

2) распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду;

3) передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию и кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве;

4) вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурой, провокационной работы» [10, с. 129–131].

Министр Д. А. Толстой и его сотрудники вели с «Народной волей» войну на уничтожение. С 1882 по 1889 г. жандармскими дознаниями был раскрыт 251 народо-вольческий кружок. За период 1883–1889 гг. власти провели 41 политических процесса, среди которых были крупные — дела «12-ти», «14-ти», «17-ти», «21-го», «23-х», «Донской процесс», дело группы А. И. Ульянова о покушении императора 1 марта 1887 г. и др. Число наказанных по политическим делам в административном

порядке за эти годы достигло 2851 человек [18, с. 265].

Не менее важную цель в политике контрреформ министр Толстой рассматривал укрепление центральной и местной администрации, расширение участия в ней представителей дворянского сословия. Он считал, что опека крестьян дворянством, проводимая от имени государства — необходимое условие сохранения порядка. Законодательные меры, подготовленные и проведенные при нем, были направлены на укрепление позиций дворянства, на регламентацию крестьянского быта, ограничение местного самоуправления, расширение влияния администрации. Одним из таких являлся закон о земских участковых начальниках. Отныне властью деревней становился земской участковый начальник — судебно-административный чиновник, назначаемый из дворян и наделенный правом контроля сословных крестьянских органов управления и суда. Кандидатами на должность земских начальников были дворяне, обладающие определенным имущественным цензом, соответствующим образованием и имевшие трехлетний стаж в должности мирового посредника или мирового судьи. Назначением на пост административно-судебного чиновника занимался сам министр внутренних дел. Круг функций земских начальников был достаточно широк. Они занимались не только рассмотрением уголовных дел и избранием наказания, привлекая виновных лиц к ответственности, но и рассмотрением исков по гражданским делам, возникающие ежедневно между крестьянами. Помимо этого, земский начальник имел право отменить любое решение волостного суда, а судей отстранить от занимаемой ими должности и подвергнуть наказанию [21, с. 109]. «Земский начальник иногда и не пользовался уважением среди сельского населения, но его авторитет был высок» [14, с. 32]. Решения и постановления административно-судебных чиновников считались окончательными и не могли подлежать обжалованию. К сожалению, данный закон был утвержден только после смерти Д. А. Толстого, его преемником И. Н. Дурново.

В отечественной историографии министр внутренних дел И. Н. Дурново являлся продолжателем политики Д. А. Толстого. Он также стремился к большему подчинению органов самоуправления административной власти, ко всемерному усилению привилегированного положения и руководящей роли дворянства, и увеличению его власти над крестьянством. Именно им были проведены земская и городская контрреформа. Рассмотрим их подробнее.

Новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. значительно отличалось от первоначального проекта [7, с. 410]. Оно значительно уменьшило количество гласных во всех выборных органах и изменило организацию земских выборов. Вместо прежних съездов были введены два избирательных собрания. В первом участвовали личные и потомственные дворяне, во втором — прочие избиратели, кроме лиц крестьянского сословия. Выбирать гласных от сельских общин предоставлялось волостным сходам, однако их список утверждался губернатором. Также разрешалось избирать на должности председателей управы не только

выборных гласных, но и лиц, которые таковыми не являлись. Губернское присутствие обсуждало правильность и законность постановлений постановлений и распоряжений земских учреждений, по замечаниям губернатора и жалобам частных лиц исправлять избирательные списки, рассматривать правильность выборов, налагать дисциплинарные взыскания на членов уездных управ и предавать их, в случае необходимости, суду и т. п. [20].

Земская контрреформа 1890 г., в отличие от закона о земских начальниках, не достигла желаемого результата, хотя разрабатывалась почти одновременно. Основной замысел, по мнению Л. Г. Захаровой, сводимый к фактической ликвидации земства с сохранением одной лишь его формы, вообще не удался. Земство и прежде было в руках среднепоместного дворянства. Реформа в лучшем случае могла бы закрепить сохранение за ним в будущем доминирующей роли, однако здесь вмешивались процессы, в которых проявлялось развитие и усиление в деревне капиталистического уклада, и поэтому реформа в «известной степени парализовалась объективным ходом социально-экономического развития» [8, с. 151, 154, 157]. В целом, закон 12 июня 1890 г. оказался гораздо ближе к земскому положению 1 января 1864 г. и Л. Г. Захарова делает вывод, что «влияние земской контрреформы при ее реализации было как бы парализовано поступательным ходом социально-экономического и политического развития страны» [8, с. 164]. Советский историк Ю. Б. Соловьев считал, что главный просчет в реализации данного положения — отсутствие политического союзника у российского самодержавия. В деятельности земства была обнаружена неоднородность дворянства, несогласованность интересов различных его фракций [19, с. 192].

11 июня 1892 г., на основе разработанных МВД предложений, было утверждено новое «Городовое положение», изменившее по сравнению с Положением 16 июня 1870 г. систему выборов в органы городского самоуправления. Оно предполагало реализацию следующих задач:

- 1) Предоставить Правительству действительный надзор за деятельностью городского управления во всем объеме.

- 2) Улучшить состав органов управления в качественном отношении и уменьшить их слишком многочисленный состав.

- 3) Поставить выборные исполнительные органы городского управления в более тесную непосредственную связь с администрацией, придать членам этих органов характер правительственных должностных лиц.

- 4) Создать упрощенную форму городского управления для тех поселений городского типа, общее устройство которым было экономически дорогим и сложным [12, с. 208].

Хотя «Городовое положение» 1870 г. давало МВД и губернаторам контролировать законность действий органов городского самоуправления, однако степень воздействия на них была минимальной. В результате, МВД и губернаторы наделялись по городским делам теми же полномочиями, что и администрация по отношению земских учреждений на основании закона 1890 г. Также ввиду увеличения имущественного ценза значительно

сузилось количество участвующих в городских выборах. Среди таких были мелкие торговцы, приказчики, ремесленники и др. Большие преимущества получили дворяне-домовладельцы, собственники городской недвижимости, купцы 1-й и 2-й гильдии. Значительно был усилен контроль за деятельностью городских дум и городских управ. Городовые старосты стали считаться лицами, состоявшие на государственной службе. Как и земская, городская контрреформа преследовала цель обеспечить преобладание дворянства в местном самоуправлении и сведения к минимальной самостоятельности выборных учреждений [18, с. 279]. Следовательно, реформа 1892 г. не продвинула российское общество к созданию демократического, правового государства.

Подводя итог, стоит отметить, что хотя и в отдельных моментах политики контрреформ роль МВД была положительной, ей все же не удалось установить в стране «единомыслие». Улучшение структуры полиции, применение новых методов сыска в сочетании с ужесточением и упрощением наказания дали свои результаты: народо-вольческая организация была разгромлена, а попытки ее восстановления потерпели неудачу. Конечно, этому способствовал и внутренний кризис народнического движения, но роль полиции здесь была на первом месте. Однако, столь удачное подавление оппозиции (как революционной, так и либеральной) имело ряд отрицательных последствий:

1) Подавлялась любая неугодная власти точка зрения, независимо от радикализма. Это способствовало росту антиправительственных настроений даже в среде потенциальных сторонников.

2) Карательная деятельность министерства стала первоочередной среди других мероприятий МВД. Борясь непосредственно с революционным движением, болезнь оказалась загнана в угол на время. Это способствовало порождению социал-демократии. Наведя спокойствие в стране, МВД достигло своей цели, обеспечив самодержавию некоторую передышку. Однако это время не было использовано для решения насущных вопросов [11, с. 66–67]. Итогом деятельности МВД стало накопление в стране огромного потенциала ненависти против правительства, вылившейся в революции 1905 и 1917 гг. Как показала история, в царствование Александра III власть и общество разошлись.

Список источников

1. Балязин В. Н. Неофициальная история России. Конец XIX века : власть и народ. М. : Олма Медиа Групп / Просвещение, 2007. 192 с.

2. Бероева Д. М., Нагоева М. А. Организация органов правопорядка в контексте судебной реформы 1864 года и ее влияние на изменение полицейских полномочий при применении мер принуждения. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/29841-organizaciya-organov-pravoporyadka-kontekste-sudebnoj-reformy>.

3. Биюшкина Н. И. Законодательство о периодических печати в период правления Александра III // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 303–308.

4. Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / вступительная статья В. Ф. Некрасова и В. П. Сальникова ; Санкт-Петербургский ун-т МВД России ; Академия права, экономики безопасности жизнедеятельности. СПб., 2000. 347 с.

5. Вишленкова Е. А., Гончаренко Л. Н., Ибнеева Г. В. История России : учебное пособие. Ч. 5. Казань : Казанский гос. ун-т, 2007. 127 с.

6. Дмитрий Андреевич Толстой // История в историях. URL: http://wordweb.ru/portrety3/05_19.htm.

7. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Изд-во «Мысль». 1970. 444 с.

8. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. 178 с.

9. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. URL: <https://nemaloknig.com/read-157500/?page=136>.

10. Кистьяковский Б. Страницы прошлого. М., 1912. 138 с.

11. Мельников П. Ю. Государственная и научная деятельность графа Д. А. Толстого (1882–1889 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Саратов., 2000. 171 с.

12. Министерство внутренних дел России : 1802–2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т.1. / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. 272 с.

13. Министерство внутренних за 100 лет. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., Типография МВД. 1901. 248 с.

14. Назаренко А. М., Ахмедов Ч. Н. Министерство внутренних дел Российской империи и создание института земских участковых начальников (1889–1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 35–42.

15. Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Биобиблиографический справочник. СПб : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. 584 с.

16. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. 432 с.

17. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. URL: https://dom-knig.com/read_189867-33#.

18. Российские консерваторы. М., Русский мир. 1997. 384 с.

19. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Ленинград : изд-во «Наука». 1973. 383 с.

20. Шефер А. Органы «самоуправления» царской России. URL: <http://regiment.ru/Lib/D/12.htm>.

21. Шутеева Е. В. Министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой : Роль в реформировании полиции во второй половине XIX века // Государство и право : эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : Материалы международной научно-теоретической конференции молодых исследователей. Санкт-Петербург, 29 апреля 2016 г. / под ред. Н. С. Нижник. В 2-х томах. Т. II. СПб : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 108–111.

22. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М. : Изд-во «Наука». 1976. 231 с.

References

1. Balyazin V. N. Unofficial history of Russia. The end of the XIX century : power and people. M. : OLMA Media Group / Enlightenment. 2007. 192 p.
2. Beroeva D. M., Nagoeva M. A. Organization of law enforcement agencies in the context of the judicial reform of 1864 and its impact on changing police powers when applying coercive measures. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/29841-organizaciya-organov-pravoporyadka-kontekste-sudebnoj-reformy>.
3. Biyushkina N. I. Legislation on periodical press during the reign of Alexander III // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2011. № 1. P. 303–308.
4. Borisov A. V. Ministers of internal affairs of Russia. 1802 – October 1917 / introductory article by V. F. Nekrasov and V. p. Salnikov ; Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia ; Academy of law, Economics of life safety. SPb, 2000. 347 p.
5. Vishlenkova E. A., Goncharenko L. N., Ibneeva G. V. History of Russia : Textbook. Part 5. Kazan : Kazan state University. UN-t, 2007. 127 p.
6. Dmitry Andreyevich Tolstoy // History within stories. URL: http://wordweb.ru/portrety3/05_19.htm.
7. Zayonchkovsky P. A. Russian autocracy at the end of the XIX century (political reactions to the 80's–early 90's). Moscow : publishing house «Thought». 1970. 444 p.
8. Zakharova L. G. Zemskaya kontrreforma 1890 g. M., 1968. 178 p.
9. From the history of Russian, Soviet and post-Soviet censorship. URL: <https://nemaloknig.com/read-157500/?page=136>.
10. Kistyakovskiy B. Pages of the past. M., 1912. 138 p.
11. Melnikov P. Yu. State and scientific activity of count D. A. Tolstoy (1882–1889). Diss. kand. ist. nauk. Saratov, 2000. 171 p.
12. Ministry of internal Affairs of Russia : 1802–2002. Historical essay in 2 volumes. Vol. 1. / Edited by V. p. Salnikov. Saint Petersburg: Foundation for support of science and education in the field of law enforcement «University», 2002. 272 p.
13. Ministry of internal Affairs for 100 years. Historical essay. 1802–1902. SPb : MVD printing House. 1901. 248 p.
14. Nazarenko A. M., Akhmedov Ch. N. The Ministry of internal Affairs of the Russian Empire and the establishment of the Institute of Zemstvo district chiefs (1889–1917) // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013. № 3 (59). P. 35–42.
15. Nizhnik N. S., Salnikov V. P., Musket I. I. Ministers of internal Affairs of the Russian state (1802–2002). The bibliographic reference. Saint Petersburg : Foundation for support of science and education in the field of law enforcement «University», 2002. 584 p.
16. Peregudova Z. I. Political detective of Russia (1880–1917). Moscow, 2000. 432 p.
17. Peter Nikolaevich Durnovo. Russian Nostradamus. URL: https://dom-knig.com/read_189867-33#.
18. Russian conservatives. Moscow : Russkiy Mir. 1997. 384 p.
19. Solovyev Y. B. Autocracy and nobility in the late nineteenth century. Leningrad : Nauka publishing house. 1973. 383 p.
20. Shefer A. Organs of «self-government» of tsarist Russia. URL: <http://regiment.ru/Lib/D/12.htm>
21. Shuteeva E. V. Minister of internal Affairs Dmitry Andreevich Tolstoy : role in police reform in the second half of the XIX century // State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police) : Materials of the international scientific and theoretical conference of young researchers. Saint Petersburg, April 29, 2016 / edited by N. S. Nizhnik. In 2 volumes. Vol. II. SPb : publishing house of the SPb UN-TA MVD of Russia, 2016. P. 108–111.
22. Shchetinina G. I. Universities in Russia and the Charter of 1884. Moscow, Nauka Publishing house. 1976. 231 p.

Информация об авторе

Р. Г. Оганесян — младший научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

R. G. Oganessian — Junior Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 30.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-188-190>

НИОН: 2003-0059-6/22-515

MOSURED: 77/27-003-2022-06-714

О «Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» и его месте в системе нормативных правовых актов государства

Анатолий Юрьевич Олимпиев

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, a.olimpiev@yandex.ru

Аннотация. Анализируется литература и законодательство, в особенности о «Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации». Высказано несколько суждений: для систематизации нормативных правовых актов в Российской Федерации представляется целесообразным использовать признак «юридическая сила»; по убыванию юридической силы система нормативных правовых актов может быть представлена следующим образом: Конституция РФ — «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» — федеральный конституционный закон РФ — федеральный закон РФ — закон РФ; системность нормативных правовых актов может быть решена посредством принятия Федерального закона РФ «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция Российской Федерации, «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации», федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г., система нормативных правовых актов, юридическая сила

Для цитирования: Олимпиев А. Ю. О «Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» и его месте в системе нормативных правовых актов государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 188–190. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-188-190>.

Original article

About the «Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation» and its place in the system of normative legal acts of the state

Anatoliy Yu. Olimpiev

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, a.olimpiev@yandex.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of literature and legislation, especially on the «law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation», several judgments are made: to systematize regulatory legal acts in the Russian Federation, it seems appropriate to use the sign «legal force»; in descending order of legal force, the system of regulatory legal acts can be represented as follows: The Constitution of the Russian Federation — «the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation» — the federal constitutional law of the Russian Federation — the federal law of the Russian Federation — the law of the Russian Federation; consistency of regulatory legal acts legal acts can be resolved through the adoption of the Federal Law of the Russian Federation «On Regulatory Legal Acts of the Russian Federation».

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, «Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation», Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation» dated February 6, 1998, system of regulatory legal acts, legal force

For citation: Olimpiev A. Yu. About the «Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation» and its place in the system of normative legal acts of the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):188–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-188-190>.

Предметом данной статьи является системность нормативных правовых актов и место в ней «закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации».

Так, А. В. Каляшин обосновывает необходимость систематизации нормативных правовых актов, регулирующих правоохранительную деятельность [1].

Н. А. Трусов высказал суждение о том, что масштабные задачи по социально-экономическому развитию государства, поставленные Президентом РФ, требуют соответствующего правового обеспечения и юридических гарантий. Он же полагает, что для Российской Федерации будет полезен обычай, когда поправки в Конституцию РФ можно будет обсуждать и вносить не чаще чем один раз в три года [2].

С. В. Липень отмечает то обстоятельство, что в Российской Федерации не принят закон о нормативных правовых актах. Сравнительно-правовая характеристика законодательства государств – участников СНГ может быть востребована при разработке и обсуждении проекта федерального закона Российской Федерации о нормативных правовых актах» [3].

Н. Е. Таева отмечает, что в период до 2020 г. развитие юридических свойств Закона РФ о поправке к Конституции РФ имело место [4].

А. А. Инюшкин обосновал суждение о том, что формирование уровней в системе правового регулирования нормативных правовых актов, направленных на регламентацию использования технологии блокчейн (blockchain) в условиях цифровизации информационного поля, приведет к ускорению ее внедрения во многие сферы гражданского оборота. А систематизация законодательства в области высоких технологий, по его же мнению, позволит достичь тождественности в подходах к регулированию и окажет позитивное влияние на имплементацию передового международного опыта в отечественную правовую систему [5].

Убедительны суждения В. Н. Галузо, фактически беспристрастно представившего процесс видоизменения Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. посредством принятия пяти поправок [6, с. 67–74].

Разнообразие научных концепций о «заcone Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» и его месте в системе нормативных правовых актов во многом предопределено несовершенством законодательства в Российской Федерации¹.

В первую очередь, обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [8], в которую в последующем неоднократно вносились изменения [9]². Но правовым обоснованием для внесения «поправок» в Конституцию РФ является Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г. [11] («1. Настоящий Федеральный закон устанавливает в соответствии

со статьями 108, 134, 136 Конституции Российской Федерации порядок и условия внесения, принятия, одобрения и вступления в силу поправок к главам 3–8 Конституции Российской Федерации. 2. Порядок внесения и принятия предложений о пересмотре положений глав 1, 2, 9 Конституции Российской Федерации устанавливается в соответствии со статьей 135 Конституции Российской Федерации Федеральным конституционным законом о Конституционном Собрании и Федеральным конституционным законом о референдуме Российской Федерации. Порядок внесения изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации устанавливается статьей 137 Конституции Российской Федерации и настоящим Федеральным законом. Федеральный конституционный закон о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации должен содержать указание о включении соответствующих изменений или дополнений в статью 65 Конституции Российской Федерации» — ст. 1).

Таким образом, бессистемность нормативных правовых актов во многом препятствует комплексному применению в Российской Федерации.

Во-первых, для систематизации нормативных правовых актов в Российской Федерации представляется целесообразным использовать признак «юридическая сила».

Во-вторых, по убыванию юридической силы система нормативных правовых актов может быть представлена следующим образом: Конституция РФ — «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» — федеральный конституционный закон РФ — федеральный закон РФ — закон РФ.

В-третьих, системность нормативных правовых актов может быть решена посредством принятия Федерального закона РФ «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

Список источников

1. Каляшин А. В. О совершенствовании системы нормативных правовых актов о государственной службе // Административное право и процесс. 2012. № 12. С. 22–26.
2. Трусов Н. А. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти : критический взгляд на отдельные вопросы техники и содержания проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 22–25.
3. Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 22–33.
4. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации : эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 43–54.
5. Инюшкин А. А. Исследование системы нормативно-правовых актов, направленных на регулирование

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом [7]).

² О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: [10].

технологии блокчейн (blockchain) в условиях цифровизации информационного поля // Современный юрист. 2020. № 4. С. 73–82.

6. Галузо В. Н. Власть прокурора в Российской Федерации : Монография. Часть IV. Возрождение права. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

7. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России : проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // РГ. 1993. 25 декабря.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.

10. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

11. Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

References

1. Kalyashin A. V. On improving the system of regulatory legal acts on public service // Administrative law and process. 2012. № 12. P. 22–26.

2. Trusov N. A. On improving the regulation of certain issues of the organization of public power : a critical look at certain issues of technique and content of the draft Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation // State Power and Local Self-government.

2020. № 4. P. 22–25.

3. Lipen S. V. Laws on regulatory legal acts of the CIS countries – indicators of the processes of informatization and digitalization of the legislative system // Actual problems of Russian law. 2019. № 8. P. 22–33.

4. Taeva N. E. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation : evolution of legal properties // Actual problems of Russian law. 2020. № 8. P. 43–54.

5. Inyushkin A. A. Research of the system of regulatory legal acts aimed at regulating blockchain technology in the conditions of digitalization of the information field // Modern Lawyer. 2020. № 4. P. 73–82.

6. Galuzo V. N. The power of the prosecutor in the Russian Federation : Monograph. Part IV. Revival of Law. Moscow : UNITY-DANA, 2021.

7. Galuzo V. N. Constitutional and legal status of Russia : the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 5. P. 119–123.

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. № 144.

10. Galuzo V. N. Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. № 11. P. 98–102.

11. Federal Law of the Russian Federation «On the procedure for the adoption and entry into force of amendments to the Constitution of the Russian Federation» dated February 6, 1998 // SZ RF. 1998. № 10. Art. 1146.

Информация об авторе

А. Ю. Олимпиев — профессор кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор исторических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. Yu. Olimpiev — Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Justice of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Научная статья

УДК 342.53

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-191-194>

НИОН: 2003-0059-6/22-516

MOSURED: 77/27-003-2022-06-715

Региональный парламентаризм (на примере Кубани): предпосылки, развитие и перспективы

Виталий Михайлович Палий¹, Асиет Юрьевна Нехай²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kiar_krdu@mvd.ru

Аннотация. Проводится ретроспективный анализ становления регионального парламентаризма на территории Кубани, анализируются присущие признаки народовластия на территории современного Краснодарского края, демонстрируется роль личности в развитии регионального парламента. Дедуцируются треки поиска путей совершенствования законотворческой деятельности в рамках конкретного региона.

Ключевые слова: исторические предпосылки возникновения регионального парламентаризма, развитие народовластия, поиск наиболее оптимальных форм волеизъявления народа, роль личности в развитии регионального парламентаризма, совершенствование законотворчества на Кубани

Для цитирования: Палий В. М., Нехай А. Ю. Региональный парламентаризм (на примере Кубани): предпосылки, развитие и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 191–194. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-191-194>.

Original article

Regional parliamentarism (on the example of Kuban): prerequisites, development and prospects

Vitaly M. Paly¹, Asiet Yu. Nehay²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, support_mosu@mvd.ru

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, kiar_krdu@mvd.ru

Abstract. A retrospective analysis of the formation of regional parliamentarism in the territory of Kuban is carried out, the inherent signs of democracy in the territory of the modern Krasnodar Territory are analyzed, the role of personality in the development of the regional parliament is demonstrated. The tracks of the search for ways to improve legislative activity within a particular region are deduced.

Keywords: historical prerequisites for the emergence of regional parliamentarism, the development of democracy, the search for the most optimal forms of the will of the people, the role of the individual in the development of regional parliamentarism, the improvement of lawmaking in the Kuban

For citation: Paly V. M., Nehay A. Yu. Regional parliamentarism (on the example of Kuban): prerequisites, development and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):191–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-191-194>.

Парламентаризм является одним из важнейших институтов демократии. История парламентаризма в России, и на Кубани в том числе, берет свое начало в древности, когда одним из органов власти на территории разрозненных славянских княжеств было народное вече. В древние времена, как и теперь, народ посредством собраний участвовал в решении общественных проблем. На вече обществом избирался посадник и тысяцкий — глава города и начальник ополчения. Дальнейшее развитие институт парламентаризма получил благодаря появ-

лению Земских соборов, которые играли значительную роль в законотворческой деятельности. Земские соборы отражали волю народа, представляя все группы населения (кроме крепостных крестьян). И в период абсолютной монархии идеи парламентаризма не теряли своей актуальности, однако следует отметить, что практически до конца XIX и начала XX веков, не существовало особого органа законодательной власти, неподконтрольного монарху.

Парламентаризм на территории Краснодарского

© Палий В. М., Нехай А. Ю., 2022

края, исторически именуемой Кубанью, развивался совместно с общероссийскими тенденциями, отличаясь при этом определенной региональной колорит. Сильное влияние на развитие народного правления на Кубани оказало казачество. На казачьем кругу решались общие, наиболее важные вопросы Кубанского казачьего войска, в том числе выборы атамана, войсковых судей, писарей. Вторая половина XIX века характеризуется появлением на территории Кубани городских администраций. В числе первых государственные органы управления были созданы в таких городах как: Ейск, Екатеринодар, Темрюк, Майкоп, Новороссийск. В 1874 году в г. Екатеринодаре (современное название Краснодар) прошли первые выборы в городскую Думу [1, с. 77]. В декабре 1906 года в г. Екатеринодаре прошел съезд уполномоченных станичных обществ, получивший название Кубанская казачья Рада.

После Великой Октябрьской социалистической революции была полностью упразднена старая система государственной власти. В апреле 1917 года на 1-й Кубанской слободской конференции Высшей гражданской властью в крае был избран Кубанский краевой совет. 1 ноября 1917 года прошло первое заседание Кубанской Законодательной Рады. Дальнейшее развитие парламентаризм получил в эпоху советской власти. Так, в феврале 1918 года в г. Армавире состоялось заседание первого парламента новой власти, объявившего о скором установлении советского строя в крае. В январе 1921 года состоялся первый Кубано-Черноморский областной съезд Советов, где был избран Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет. Во времена СССР, Совет депутатов трудящихся Краснодарского края был переименован в Краснодарский краевой Совет народных депутатов [2, с. 173]. Согласно данным Государственного архива Краснодарского края, представительный орган Кубани в своем социалистическом формате просуществовал до начала 90-х гг. XX века, когда его полномочия были переданы малому Совету Краснодарского краевого Совета народных депутатов, а в 1994 году он был упразднен. За время своего существования Краснодарский краевой Совет народных депутатов принимал важные для жителей Кубани, нормативные акты, посредством которых решались следующие вопросы:

- устанавливались границы охотничьих хозяйств;
- решались вопросы об отнесении той или иной территории к государственным памятникам природы местного значения;
- утверждался порядок изъятия (выкупа) и предоставления земельных участков во владение, пользование, а также передачи их в собственность и аренду.

Новейшая история парламентаризма на Кубани начинается свой отсчет с 20 ноября 1994 года, когда состоялись выборы депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края первого созыва. Необходимо отметить, что ЗСК в 90-е годы осуществляла не просто принятие нормативных правовых актов регионального значения, а фактически выстраивала новую модель государственности, интегрированную в обновлённую общероссий-

скую модель. Принимаемые депутатами первого созыва ЗСК законы были направлены на обеспечение правового регулирования различных сфер жизнедеятельности кубанского общества. Одним из первых, был принят закон, установивший мораторий на приватизацию объектов образования, ряд последующих касались полномочий органов местного самоуправления края, правового статуса депутатов, порядка проведения муниципальных выборов, а также совершенствования кадровой политики краевого агропромышленного комплекса в новых экономических условиях.

Одним из наиболее продуктивных нормативных правовых актов можно назвать Закон Краснодарского края № 1539 «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае». На территории края закон получил неофициальное название «детский закон», вобрав в себя все существующие передовые принципы превенции подростковой преступности. В первые годы реализации закон был подвержен нападкам юристов, обращавших внимание на наличие определенных ограничений в правах подрастающего поколения данным нормативным правовым актом. Однако последующие результаты от его реализации нивелировали подобные заявления. После положительной оценки результатов реализации «детского закона» Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым в 2010 году, было принято решение распространить подобный опыт на всю территорию страны. В дальнейшем большинство субъектов Российской Федерации пошло по пути принятия аналогичных региональных нормативных правовых актов [3, с. 268]. Таким образом, краевой закон детерминировал положительные изменения в законодательстве всей Российской Федерации.

Работа депутатского корпуса Кубани строилась таким образом, чтобы в краевом парламенте был представлен каждый район Краснодарского края. Установленная в 90-е годы система формирования ЗСК позволяет и в настоящее время осуществлять тесное взаимодействие депутатов с общественностью, отстаивать интересы жителей городов, станиц, хуторов, поселков и аулов всего Краснодарского края.

Раскрывая заявленную тему, следует отметить роль личности в становлении регионального парламентаризма на Кубани. Так, выдающимися государственными деятелями, сыгравшими важную роль в развитии законодательной власти на территории современного Краснодарского края, стали: Герой труда Кубани В. А. Бекетов и Герой труда Кубани, доктор юридических наук, профессор П. М. Курдюк. В заслуги В. А. Бекетова, как председателя регионального парламента, следует отнести создание устойчивой правовой системы законодательства субъекта, а также осуществление эффективного парламентского контроля, способствовавшего развитию региона. Деятельность возглавляемого В. А. Бекетовым регионального парламента была направлена на решение самых насущных задач, стоящих перед органами государственной власти региона, в числе которых:

- создание эффективного правового механизма поддержки личных подсобных и крестьянско-

фермерских хозяйств, позволившего обеспечить аграрный край рабочими местами (Закон Краснодарского края № 1690-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае»);

- разработка и принятие правовых основ для проведения регулярных ярмарок ремесленников, в результате чего тысячи мастеров нашли свою нишу в экономике (Закон Краснодарского края № 2357-КЗ «О государственной поддержке народных художественных промыслов и ремесленной деятельности в Краснодарском крае»);
- принятие законодательства о самореализации казачества в различных сферах государственного строительства, расширившего возможности для участия исторического этноса Кубани в самоуправлении региона, популяризации казачьей культуры, восстановления специфики традиций, обычаев и быта казаков (Закон Краснодарского края № 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества»).

В свою очередь, П. М. Курдюк, с 1994 по 2017 годы, на протяжении пяти созывов избирался депутатом ЗСК, занимал должность председателя комитета по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан. Помимо законодательской работы, П. М. Курдюк долгие годы занимается научно-педагогической деятельностью, что позволило внедрять в правотворческую деятельность результаты апробированных научных исследований.

В настоящее время действует шестой созыв ЗСК в количестве 70 депутатов. Возглавляет региональный парламент председатель (избираемый путем тайного голосования), который имеет первого заместителя и трех заместителей. Помимо этого, в структуру ЗСК входит 14 постоянных комитетов, которые возглавляют их председатели. Деятельность комитетов охватывает важнейшие сферы общественной жизни Краснодарского края. Работа депутатов ЗСК шестого созыва, также как и всех предыдущих, направлена на обеспечение правотворчества на уровне субъекта, осуществление контрольной деятельности, а также на реализацию полномочий граждан по участию в государственном управлении.

Депутаты шестого созыва работают в непростое время. Ограничительные мероприятия, связанные с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19), условия мирового экономического кризиса, нестабильная геополитическая ситуация, обуславливают необходимость принятия соответствующих обстановке мер правового реагирования. Нормативно-правовые акты федерального уровня, а также решения и постановления должностных лиц органов государственной власти Российской Федерации в обязательном порядке учитываются при планировании деятельности Законодательного собрания Краснодарского края. Так, в марте 2022 года парламентарии Кубани рассмотрели Сводный перечень мероприятий Законодательного Собрания Краснодарского края, который был составлен в соответствии с требованиями Указа Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защите населения в Российской Федера-

ции». Особое внимание в плановом документе уделено важнейшим сферам жизнедеятельности региона, в их числе: сельское хозяйство; промышленность; социальная сфера; строительство; занятость населения; работа транспорта.

Регулярное взаимодействие парламентариев с жителями региона дает возможность оперативно вносить изменения в региональные нормативные правовые акты. Депутаты ЗСК проводят встречи с избирателями, что позволяет на местах оценивать риски санкционного давления на градообразующие предприятия Кубани и работать на опережение, внося законотворческую инициативу в реализуемые государственные программы.

Таким образом, в завершении статьи необходимо отметить, что парламентаризм на Кубани имеет давние традиции, берущие свое начало от древнеславянского Вече. Представительный (законодательный) орган Кубани в своем развитии прошел долгий путь развития, имел различные наименования, такие как казачий круг, Кубанская казачья Рада, Екатеринодарская Дума, Совет депутатов трудящихся Краснодарского края, Краснодарский краевой Совет народных депутатов. В своем составе имел неординарных деятелей, внесших неоценимый вклад в развитие региона. В настоящее время парламент Кубани именуется Законодательным Собранием Краснодарского края. Структура и численный состав ЗСК позволяет эффективно осуществлять правовое регулирование, контролировать органы государственной власти субъекта, взаимодействовать с органами местного самоуправления и привлекать жителей Кубани к управлению краем. Основными задачами регионального парламента на ближайшие десятилетия должны стать выработка и реализация эффективных правовых механизмов развития экономики Краснодарского края, и повышение благосостояния населения с учетом специфики Кубани, а именно при сохранении культуры, традиций казачества в условиях современного курортно-аграрного региона.

Список источников

1. Лебедев М. О., Савченко М. С. Зарождение парламентаризма на Кубани // ЕГИ. 2016. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-parlamentarizma-na-kubani> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Барто А. С. Политико-институциональная трансформация органов государственной власти субъекта Федерации (на материалах Краснодарского края) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-institutsionalnaya-transformatsiya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subekta-federatsii-na-materialah-krasnodarskogo-kraja> (дата обращения: 22.03.2022).
3. Трубицын А. В. Административно-правовые средства охраны прав несовершеннолетних в Краснодарском крае // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-sredstva-ohrany-prav-nesovershennoletnih-v-krasnodarskom-krae> (дата обращения: 04.04.2022).

References

1. Lebedev M. O., Savchenko M. S. The origin of parliamentarism in the Kuban // EGI. 2016. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-parlamentarizma-na-kubani> (accessed: 22.03.2022).

2. Barto A. S. Political and institutional transformation of public authorities of the subject of the Federation (based on the materials of the Krasnodar Territory) // Bulletin of the Volga. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

politiko-institutsionalnaya-transformatsiya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subekta-federatsii-na-materialah-krasnodarskogo-kрая (accessed: 22.03.2022).

3. Trubitsyn A. V. Administrative and legal means of protecting the rights of minors in the Krasnodar Territory // Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute. 2015. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-sredstva-ohrany-prav-nesovershennoletnih-v-krasnodarskom-krae> (accessed: 04.04.2022).

Информация об авторах

В. М. Палий — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. Ю. Нехай — старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. M. Paly — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

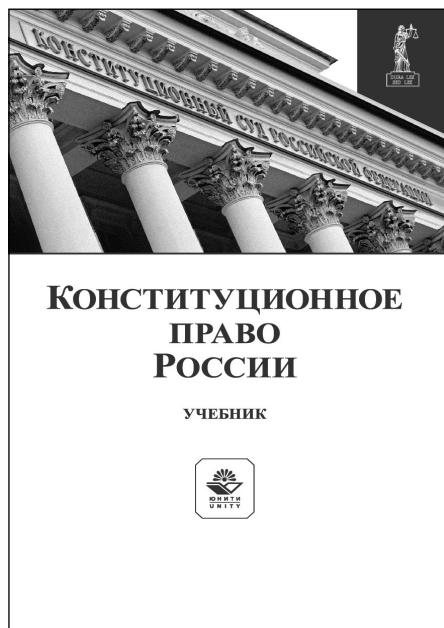
A. Yu. Nehay — Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б. С. Эбзеева, В. О. Лучина; под общ. ред. К. К. Гасанова, Л. Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 343.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-195-197>

НИОН: 2003-0059-6/22-517

MOSURED: 77/27-003-2022-06-716

Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота предметов, имеющих особую ценность

Алексей Игоревич Прибе

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
pribe.lesha@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается современное состояние преступности в сфере хищения и незаконного оборота предметов, имеющих особую ценность; проводится анализ показателей раскрываемости, выделяется ряд проблем, относящихся к процессам квалификации и доказывания. Отдельное внимание уделяется вопросу транснациональности незаконного оборота культурных ценностей. На основании данных интервьюирования сотрудников практических органов представлена краткая оперативная характеристика преступлений, связанных с хищением предметов, имеющих особую ценность.

Ключевые слова: предметы, имеющие особую ценность, транснациональный характер, хищение, международное сотрудничество, выявление и раскрытие

Для цитирования: Прибе А. И. Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота предметов, имеющих особую ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 195–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-195-197>.

Original article

The current state of crime in the sphere of illicit trafficking of items of special value

Alexey I. Pribe

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
pribe.lesha@yandex.ru

Abstract. The current state of crime in the field of theft and illicit trafficking of items of special value is examined, the indicators of disclosure, identifies a number of problems related to the processes of qualification and proof are analyzed. Special attention is paid to the issue of the transnational nature of illicit trafficking in cultural property. Based on the data of interviewing employees of practical bodies, a brief operational description of crimes related to the theft of items of special value is considered.

Keywords: items of special value, transnational nature, theft, international cooperation, detection and disclosure

For citation: Pribe A. I. The current state of crime in the sphere of illicit trafficking of items of special value. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):195–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-195-197>.

Современная преступная деятельность может оцениваться по сотням различных показателей и классификаций, однако применительно к нашему исследованию одним из наиболее значимых индикаторов современного состояния преступности по праву можно считать различного рода хищения, удельный вес которых от общего числа зарегистрированных преступлений за 2021 года составил 55,3 % [1].

Формы хищения дифференцируются в зависимости от способа совершения преступления и общественной

опасности преступного деяния, что в свою очередь обязывает законодательство дифференцировать уголовно-правовые нормы, по которым субъект будет нести ответственность. Однако рассматриваемый нами состав преступления, предусмотренный статьей 164 УК РФ, а именно хищение предметов, имеющих особую ценность, в своей диспозиции отражает, что санкции по данной норме не будут дифференцироваться в зависимости от способа совершения преступления. За кражу, грабеж и разбойное нападение, предметом которых будет высту-

© Прибе А. И., 2022

пять один и тот же культурно или исторически значимый объект, законодательством не предусмотрена различная ответственность, несмотря на очевидно разный уровень общественной опасности деяния. Применительно к данной норме общественная опасность определяется исключительно особой ценностью похищенного предмета.

Особая ценность, которая, в свою очередь, определяется технологической экспертизой, не только вносит свои особенности в процедуру квалификации деяния, но и создает необходимость в разработке особого механизма противодействия преступлениям, предусмотренным статьей 164 УК РФ, так как применение традиционных мер, пусть и целесообразно, но не дает должных результатов при доказывании прямого умысла, выражающегося в осознании субъектом особой ценности предмета, ввиду чего раскрываемость по ст. 164 УК РФ статистически очень низка.

Исследуемый нами состав преступления носит преимущественно транснациональный характер, так как предметы или документы, обладающие особой ценностью, являются объектом внимания в большинстве своем для организованных преступных формирований, действующих на территории как минимум двух государств, так как основным каналом сбыта похищенных культурных и исторических ценностей, как правило, является их контрабанда за территорию нашего государства, и дальнейшая продажа в частные коллекции или выставление на торги на различного рода аукционах.

Механизм сбыта за рубеж обеспечивается высокими численностью и уровнем организованности преступного формирования, наличием криминальных и коррумпированных связей как на территории нашего государства, так и за рубежом. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что возглавляют преступные группы в данной сфере, как правило, лица, находящиеся за границей, будь то иностранные граждане или эмигранты из числа бывших граждан РФ и СССР, в связи чем эффективность механизма выявления и раскрытия преступлений в данной сфере во многом зависит от эффективности международного сотрудничества оперативных и следственных органов. Например, 22 сентября 2017 года с торгов аукционного дома Koller (Цюрих, Швейцария) была снята картина Ивана Айвазовского «Море» (1845 г.), которая была украдена в 1976 году из Музея-заповедника «Дмитровский Кремль» в Московской области. Находка данного произведения искусства является, безусловно, значимым событием для культурной составляющей нашего государства и примером плодотворного сотрудничества российских оперативных подразделений и швейцарских [2]. Однако, несмотря на единичные успехи обнаружения и возврата культурных ценностей, уровень их хищения на территории РФ остается на высоком уровне, на этого в первую очередь влияют:

- высокий спрос на культурные и исторические ценности нашего государства на зарубежных антикварных рынках;
- низкий уровень организации учета и хранения предметов и документов, имеющих особую ценность, выражающийся, к примеру, в отсутствии

достаточной степени охраны рассматриваемых предметов;

- низкий уровень заработка и высокий уровень коррумпированности сотрудников организаций, где располагаются предметы особой ценности, а также таможенных органов.

Обращаясь к официальной статистике Главного информационно-аналитического центра МВД России, стоит отметить, что удельный вес хищения предметов, имеющих особую ценность, составляет менее 1 % от всех видов хищений. Однако это связано не столько с высоким уровнем латентности, сколько с квалификацией в правоприменительной практике. Хищения предметов и документов, имеющих особую ценность, квалифицируются по соответствующим статьям в зависимости от способа совершения хищения (кража, разбой, грабеж и т. д.), так как возникают трудности при доказывании факта осознания субъектом преступления особой ценности предмета преступления. Это является одной из основных причин низкой раскрываемости по ст. 164 УК РФ.

В процессе осуществления исследования, а именно проведения интервью с различными сотрудниками практических органов, удалось установить, что преступления в сфере хищения предметов, имеющих особую ценность обладают средним уровнем латентности, которая обеспечивается рядом факторов, связанных как с трудностью обнаружения самого факта хищения на месте преступления, ввиду низкого контроля за учетом этих предметов (некоторые пропажи из архивов могут быть обнаружены спустя десятки лет), так и отсутствия эффективного механизма обнаружения незаконно похищенных культурных и исторических ценностей в процессе их транспортировки (большинство предметов, имеющих особую ценность, не обладает какими-либо отличительными признаками или свойствами, на которые бы обращали внимание сотрудники пунктов досмотра).

Большее половины хищений рассматриваемых предметов и документов осуществляется из частных домовладений, оставшаяся часть равномерно распределена между религиозными организациями и различными музеями и архивами. Отдельного внимания заслуживают наиболее похищаемые предметы — это иконы, награды, картины, документы исторической важности с реквизитами различных высокопоставленных лиц государства.

Хищения предметов, имеющих особую ценность, чаще всего происходят в густонаселенных регионах РФ: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Калининград, Мурманск.

Рассматривая субъект совершения данного рода преступления, стоит отметить, что ключевым элементом механизма хищения является лицо, имеющее законный доступ к месту хранения предмета посягательства, либо имел этот доступ ранее, ввиду исполнения каких-либо трудовых обязанностей: сотрудники архивов, музеев, библиотек, реставрационных мастерских, работники религиозных организаций. Как правило, они же и привлекаются к уголовной ответственности, однако организаторы данной преступной деятельности, зачастую, находятся за пределами действия уголовно-правовых норм нашего государства.

Таким образом, хищение предметов, имеющих особую ценность, на сегодняшний день является сложным составом преступления, как с точки зрения уголовно-правовой квалификации, так с точки зрения пресечения, выявления и раскрытия данного рода преступления оперативными подразделениями, что подчеркивает необходимость совершенствования законодательства в этой области. Помимо этого, необходимо совершенствовать механизм противодействия хищению и дальнейшей контрабанде, путем разработки новых методик и тактик осуществления комплекса оперативно-розыскных и организационных мероприятий, развития агентурного аппарата и внедрения технологических инноваций в процесс осуществления оперативно-розыскной деятельности в данной области.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года. URL <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL <https://мвд.рф/news/item/11223750> (дата обращения: 13.02.2022).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. URL <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (accessed: 13.02.2022).
2. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL <https://мвд.рф/news/item/11223750> (accessed: 13.02.2022).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 15 апреля 1993 года № 4804-1 (ред. от 08.12.2020) «О ввозе и вывозе культурных ценностей» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс: Законодательство. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/ (дата обращения: 13.02.2022).
2. Буркина О. А. Хищение предметов, имеющих особую ценность // Пенитенциарная система и общество: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Пермь, 6 апреля 2018 года. Пермь

: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 34–35.

3. Пупцева А. В. Проблемные вопросы, связанные с осмотром места происшествия при хищении предметов, имеющих особую ценность // Сборник материалов криминалистических чтений, Барнаул, 2021 год. Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 59–60.

4. Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей : уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2002. 31 с.

5. Шеслер В. А. Развитие нормы об уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность / В. А. Шеслер, А. В. Шеслер // Вестник Сибирского юридического института МВД России, Красноярск 2021 год. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2021. С. 46–51.

Bibliographic list

1. Federal Law № 4804-1 of 15.04.1993 (as amended on 08.12.2020) «On the import and export of cultural property» [Electronic resource] // SPS Consultant Plus: Legislation. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/ (accessed: 13.02.2022).
2. Burkina O. A. Theft of objects of special value // Penitentiary system and society : collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Perm, April 6, 2018. Perm : Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. P. 34–35.
3. Pupceva A. V. topical issues related to the inspection of the scene with the theft of items having a special value // Collection of materials of forensic readings, Barnaul, 2021. Barnaul : Federal state educational institution of higher professional education «Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 2021. P. 59–60.
4. Sabitov T. R. Protection of cultural property : criminally-legal and criminological aspects : author. dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.08. Omsk, 2002. 31 p.
5. Shesler V. A. Development of the norm on criminal liability for theft of items of special value / V. A. Shesler, A. V. Shesler // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk 2021. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 46–51.

Информация об авторе

А. И. Прибе — адъюнкт очной формы обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. I. Pribe — Adjunct full-time student of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 341.1/8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-198-201>

НИОН: 2003-0059-6/22-518

MOSURED: 77/27-003-2022-06-717

Терроризм как транснациональное преступление: методы и способы профилактики и предупреждения. Контртеррористическая операция как способ предупреждения актов терроризма

Виктория Андреевна Рыжак

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

viktorya.rizhak@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются транснациональные преступления как одна из основных угроз современному миру, порядку и международному правопорядку, где основную часть составляет терроризм. Отражена общественная опасность терроризма в целом и актов терроризма. Контртеррористическая операция проанализирована как один из способов предупреждения актов терроризма.

Ключевые слова: транснациональная преступность, терроризм, террористический акт, контртеррористическая операция

Для цитирования: Рыжак В. А. Терроризм как транснациональное преступление: методы и способы профилактики и предупреждения. Контртеррористическая операция как способ предупреждения актов терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 198–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-198-201>.

Original article

Terrorism as a transnational crime: methods and means of prevention and notification. Counter-terrorist operation as one of the ways to prevent acts of terrorism

Victoria A. Ryzhak

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

viktorya.rizhak@yandex.ru

Abstract. Transnational crimes are one of the main threats to the modern world order and the international legal order, in which the main part is terrorism. The article reflects the public danger of terrorism in general and acts of terrorism. The counter-terrorist operation is analyzed as one of the ways to prevent acts of terrorism.

Keywords: transnational crime, terrorism, terrorist act, counter-terrorist operation

For citation: Ryzhak V. A. Terrorism as a transnational crime: methods and means of prevention and notification. Counter-terrorist operation as one of the ways to prevent acts of terrorism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):198–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-198-201>.

Криминальные ситуации в странах мира все чаще становятся угрозами национальному общественному порядку и правопорядку, а в отдельных случаях реальной угрозой миру, порядку и международному правопорядку. Особое место среди криминальных угроз занимают транснациональные преступления, представляющие опасность для участников международного общения: личности, национальному обществу, государству.

В научных исследованиях и международных документах используются различные подходы к определению понятия транснациональная преступность. Су-

ществует достаточно большое количество определений данному понятию в научных трудах ученых в рамках указанной тематики. Одно из них представлено автором А. Х.-А. Пиховым: «транснациональная преступность — сложное, исторически изменчивое, негативное, социально-правовое явление, образуемое совокупностью уголовно наказуемых деяний, предусмотренных либо не предусмотренных международными нормативными правовыми актами, но во всех случаях, затрагивающих правоохраняемые интересы двух или более государств вследствие специфики внешнего проявления и (или) особенностей на-

рушаемых общественных отношений» [1, с. 112]. С такой трактовкой трудно не согласиться. Она содержит в себе самые основные признаки, является наиболее корректной, однако больше с уголовно-правовой стороны.

Однако, по нашему мнению, одно самых точных определений содержится в п. 2 ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25: «преступление носит транснациональный характер, если:

- а) оно совершено в более чем одном государстве;
- б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или
- д) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве» [2].

К преступлениям транснационального (трансграничного) характера относят экоцид, применение оружия массового поражения, шпионаж, расизм, неонацизм, шовинизм, сепаратизм, терроризм [3, с. 138].

Свою нишу здесь, как можно увидеть, также заняли и преступления террористической направленности. Как правило, такие деяния влекут за собой множество человеческих жертв. Несмотря на коллективные усилия и достижения Мирового сообщества, угроза терроризма не исчезает, деятельность последователей данной идеологии насилия продолжает угрожать всеобщей безопасности. Терроризм включает в себя ряд сложных угроз: организованный терроризм в зонах конфликтов, иностранные боевики-террористы, радикализованные «террористы-одиночки» и атаки с использованием химических, биологических, радиологических, ядерных и взрывчатых веществ. Террористические группы подстрекают людей, часто молодых людей, покинуть свои общины по всему миру и отправиться в зоны конфликтов, прежде всего в Ирак и Сирию и все чаще в Ливию. Способы преследования и радикализации новобранцев изменились, теперь больше внимания уделяется социальным сетям и другим цифровым каналам.

Согласно данным Глобального индекса терроризма, представленными за период 2019–2020 гг., Афганистан, Ирак, Нигерия и Сирия являются странами с повышенным индексом терроризма [4], и не понижается, что заставляет другие государства продолжать свою работу по противодействию данному виду преступности, в которое входит и их предупреждение.

Напомним, что в соответствии п. 3 ст. 3 Федерального закона РФ от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» террористический акт — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности

органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [5], а предупреждение террористических актов — это направление, которое по важности не уступает борьбе с ним. Российская Федерация, как часть Мирового сообщества, является сильным субъектом, способным обеспечивать не только национальную безопасность в пределах своей территории против вышеуказанных угроз, но и реализовывать интересы страны за ее пределами. Одним из них является проведение контртеррористических операций.

В современном мире особую, обусловленную специальным монопольным статусом государств, тяжестью последствий, имеет государственный терроризм [6, с. 219]. Яркий пример профилактических и предупредительных антитеррористических мер — ввод миротворческих сил Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) в Республику Казахстан в январе 2022 года, и это все несмотря на то, что Казахстан стоит на довольно низком девяносто третьем месте в перечне стран, подверженных террористической угрозе, в то время как Российская Федерация занимает тридцать девятую строчку индекса. Даже такой своевременный, короткий анализ имеющейся информационной статистики по данной категории угроз, показывает, что в абсолютно любом государстве, несмотря на его индекс, могут произойти акты терроризма. Предшествуют этому совершенно разные причины и условия, в случае Республики Казахстан — акции протеста и митинги граждан внутри страны, чем и воспользовались террористы, совершив крупномасштабную атаку на государство с целью воздействия на национальный и конституционный порядок.

Террористическая атака была настолько слаженной и мощной, что Президент Казахстана К-Ж. К. Токаев официально обратился в ОДКБ за помощью в преодолении угрозы, в связи с чем вскоре было объявлено о режиме контртеррористической операции в стране при поддержке государств-участников Организации, что еще раз подтверждает всю серьезность положения и опасность, исходящую от мировых террористических организаций. Это был первый случай масштабной мобилизации миротворческих сил ОДКБ. Все государства-члены единогласно поддержали обращение Казахстана, что еще раз показывает их заинтересованность в урегулировании ситуаций, способных нарушить не только внутренний порядок стран-участниц, но и повлиять на общий миропорядок. Действия ОДКБ были явным предупреждением такого рода акций в будущем и для самих государств-участников Организации.

Не следует забывать, что в Законе Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416 в п. 4 ст. 1 [7] также предусмотрено понятие акта терроризма. Оно сильно схоже с понятием, утвержденным в России, которое упоминалось ранее. Особое внимание в нем следует обратить на формулировку, касающуюся непосредственно государственных органов Республики, жизни человека и воздействия на государственную или политическую деятельность. Во-первых,

она является основой трактовки. Во-вторых, указанное наиболее полно отражает сущность акта терроризма. Данное можно увидеть непосредственно на практике, в реальных условиях, на чем и акцентируется внимание в данном исследовании.

Наступившие общественно опасные последствия в Казахстане потребовали применения соответствующих мер со стороны не только главы государства, но и ОДКБ, как упоминалось ранее — направление контингента Коллективных миротворческих сил ОДКБ на ограниченный по времени период на основании «официального запроса руководства республики и в полном соответствии со статьей 4 основополагающего Договора о коллективной безопасности от 1992 года: в случае совершения агрессии против любого из государств-участников все остальные государства по его просьбе незамедлительно предоставят ему необходимую поддержку и помощь, включая военную, а мы наблюдаем именно агрессию международного терроризма» [8].

На сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, состоявшейся 10 января 2022 года данная информация подтвердилась. Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев обратил внимание государств-участников Организации, что «в соответствии с решением Совета безопасности Казахстана, основанном на всестороннем анализе правоохранительных и специальных служб, ситуация была квалифицирована как угроза терроризма и акт агрессии» [9]. Общими усилиями ОДКБ, а также в связи со своевременным обращением Президента Казахстана конституционный порядок в Республике был восстановлен, опасные угрозы для безопасности страны удалось предотвратить. Контртеррористическая операция признана успешной.

Произошедшее в Республике Казахстан не могло не привлечь внимание и Шанхайской Организации Сотрудничества (постоянно действующей межправительственной международной организацией). Так, ее Генеральный секретарь Чжан Мин отметил, что «Организация поддерживает меры руководства Казахстана по урегулированию недавних событий» [10].

Обобщая сказанное, отметим, контртеррористические операции — это одни из действий, которые выступают в качестве профилактики и предупреждения транснациональных террористических преступлений. И не следует забывать, что современный мировой порядок воплощен в отношениях между членами Мирового сообщества и напрямую зависит от них, от их сплоченности и организованности, что не раз было подчеркнуто в исследовании.

Список источников

1. Пихов А. Х.-А. Транснациональная преступность : система понятий // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 109–113.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. (Палермо, 12 декабря 2000 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/

conventions/orgcrime.html.

3. Шалагин А. А. Транснациональная преступность : понятие, признаки, меры противодействия // ВЭПС. 2016. № 3. С. 138–142.
4. University of Maryland, Institute for Economics and Peace : Global Terrorism Index 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf>.
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ, 06.03.2006, № 11, ст. 1146.
6. Пинчук А. Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции : политологический анализ : дис... докт. полит. наук. М., 2019.
7. Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/281/7914>.
8. Николай Поздняков. Заслон и порядок : лидеры ОДКБ обсудили обстановку в Казахстане [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационного портала газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1274970/nikolai-pozdnyakov/zaslon-i-poriadok-lidery-odkb-obsudili-obstanovku-v-kazakhstan> (дата обращения: 20.04.2022).
9. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. Ново-Огарёво [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/67568>.
10. Shanghai Cooperation Organisation. Архив [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. URL: http://rus.sectsc.org/archive_news/?page=2.

References

1. Pikhov A. Kh.-A. Transnational crime : a system of concepts // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 6. P. 109–113.
2. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000. (Palermo, December 12, 2000) // URL: https://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.html.
3. Shalagin A. A. Transnational crime : concept, signs, countermeasures // VEPS. 2016. № 3. P. 138–142.
4. University of Maryland, Institute for Economics and Peace : Global Terrorism Index 2020. // URL: <https://visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf>.
5. Federal Law «On Counteracting Terrorism» dated March 6, 2006 № 35-FZ (last edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation, March 6, 2006, № 11, art. 1146.
6. Pinchuk A. Yu. Terrorism in the context of globalization as a factor of political destruction : political analysis : dis... doctorate. polit. Sciences. M., 2019.
7. Law of the Republic of Kazakhstan «On countering terrorism» dated July 13, 1999 № 416 // URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/281/7914>.
8. Nikolai Pozdnyakov. Barrier and order : CSTO leaders discussed the situation in Kazakhstan // Official website of the

Information Portal of the Izvestia newspaper. URL: <https://iz.ru/1274970/nikolai-pozdniakov/zaslon-i-poriadok-lidery-odkb-obsudili-obstanovku-v-kazakhstane>.

9. Session of the CSTO Collective Security Council. Novo-Ogaryovo // Official Internet Representation of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/67568>.

10. Shanghai Cooperation Organisation. Archive // Official website of the SCO. URL: http://rus.sectsco.org/archive_news/?page=2.

Библиографический список

1. Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е. Право международной безопасности (противодействие криминальным угрозам государству и мировому сообществу) : учебное пособие / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов. М. : РИО Российской таможен-

ной академии, 2017. 72 с.

2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded.

Bibliographic list

1. Lyakhov E. G., Lyakhov D. E. Law of international security (counteraction to criminal threats to the state and the world community) : study guide / E. G. Lyakhov, D. E. Lyakhov. M. : RIO of the Russian Customs Academy, 2017. 72 p.

2. Charter of the Collective Security Treaty Organization // CSTO official website. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded.

Информация об авторе

В. А. Рыжак — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. A. Ryzhak — Adjunct of the Faculty of Preparation of Scientific and Pedagogical Staff of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Предварительное следствие. Под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-202-209>

ИДОН: 2003-0059-6/22-519

MOSURED: 77/27-003-2022-06-718

Административная ответственность за нарушение обязательных требований

Владимир Аркадьевич Селезнев

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, adm7@izak.ru

Аннотация. Административная ответственность за нарушение обязательных требований исследуется как средство обеспечения осуществляемой в стране регуляторной политики. Общий правовой режим для обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, установлен в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Рассматривается проблема совершенствования административной ответственности за нарушение обязательных требований с учетом нового нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с организацией и осуществлением государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, государственный контроль (надзор), регуляторная политика, обязательные требования, регулирование предпринимательской и иной экономической деятельности, административно-правовое регулирование

Для цитирования: Селезнев В. А. Административная ответственность за нарушение обязательных требований // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 202–209. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-202-209>.

Original article

Administrative liability for violation of mandatory requirements

Vladimir A. Seleznev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, adm7@izak.ru

Abstract. Administrative responsibilities of federal executive authority officials that perform state control (supervision) are considered in the article. Federal Law № 247, dated July 31, 2020 «About mandatory requirements in the Russian Federation» has established legal regime for mandatory requirements, which are connected with carrying out of business and other economic activities. The author considers the problem of improving administrative responsibility for violation of mandatory requirements, taking into account the new regulatory and legal regulation of relations arising in connection with the organization and implementation of state control (supervision), municipal control.

Keywords: administrative responsibility, administrative violation, state control (supervision), regulatory policy, mandatory requirements, regulation of business and other economic activity, administrative legal regulation

For citation: Seleznev V. A. Administrative liability for violation of mandatory requirements. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):202–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-202-209>.

Административная ответственность приобретает значение универсального регулятора общественных отношений, обеспечивающего государственным принуждением реализацию норм практически всех отраслей российского законодательства [1, с. 138]. Административная ответственность рассматривается как средство обеспечения осуществляемой в стране регуляторной политики, направленной на формирование законодательства, отвечающего потребностям общества и обеспечивающего условия экономического развития. Данная направленность регуляторной политики находит свое выражение в таких законодательных актах, как Федеральный закон от 26 де-

кабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2] (далее — Федеральный закон № 294-ФЗ), Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [3] (далее — Федеральный закон № 247-ФЗ), Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4] (далее — Федеральный закон № 248-ФЗ).

Регуляторное воздействие на общественные отноше-

ния, складывающиеся в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, реализуется установлением обязательных требований. Институт обязательных требований в административном праве определяется А. Ф. Ноздрачевым как «многоуровневая система правовых норм, содержащих разнообразные по своему содержанию и внешнему выражению условия, ограничения, запреты, обязанности и другие требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых хозяйствующими субъектами осуществляется исключительно в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, установленных законом форм оценки и экспертизы» [5].

Общий правовой режим для обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, установленный в Федеральном законе № 247-ФЗ, не распространяется на такие экономические отношения, выведенные из сферы его применения, как: отношения в сфере обороны, государственного оборонного заказа, военно-технического сотрудничества, государственной безопасности и ряд других, перечисленных в части 2 статьи 1 указанного закона.

Обязательные требования устанавливаются в нормативных правовых актах различного уровня¹. Принципами установления и оценки применения обязательных требований являются: законность, обоснованность обязательных требований, правовая определенность и системность, открытость и предсказуемость; исполнимость обязательных требований.

Как полагает С. М. Зырянов, «обязательность устанавливаемых нормативными правовыми актами требований, обеспеченность их соблюдения государственным принуждением и другие подразумеваемые признаки (неопределенность адресата и многократное применение) указывают на тождественность обязательных требований и правовых нормативных предписаний» [6, с. 464].

Административная ответственность за нарушение обязательных требований может быть установлена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [7] (далее — КоАП РФ) или в зако-

нах субъектов Российской Федерации. Как отмечает Т. М. Занина, «вопрос о разграничении предметов ведения в области законодательства об административной ответственности не решен, в связи с чем требуется унификация административной ответственности за правонарушения, характерные для всей территории России и не связанные с региональной спецификой» [8].

Анализ законов субъектов Российской Федерации (в ряде регионов приняты кодексы) об административных правонарушениях (административной ответственности) показывает различные подходы региональных законодателей, как к проектированию составов административных правонарушений, так и к определению их места в структуре нормативного правового акта — закона или кодекса субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях [9].

М. Я. Масленников отмечал зависимость социальной полезности и эффективности региональных законов об административной ответственности от их инструментально-правовых и технико-юридических свойств, обращая внимание на «необходимость совершенствования регионального и федерального законодательства и выработки более четкого и единообразного понятийного аппарата» [10].

Группировка административных правонарушений в данных региональных законах не всегда должным образом учитывает признак общественных отношений в конкретной области государственного управления, являющихся объектом посягательства объединенных в отдельной главе правонарушений. При отсутствии в целом стереотипного построения региональных законов об административных правонарушениях структура данного закона в ряде субъектов Российской Федерации имеет сходство со структурой КоАП РФ.

Наблюдается нестабильность нормативной основы административной ответственности. Активное развитие законодательства об административных правонарушениях не обходится без появления новых проблем. Многочисленные изменения «зачастую не носят системного характера и разрушают единство правового регулирования общественных отношений» [11].

Кроме того, совершенствование законодательства об административных правонарушениях должно исключать практику хаотичного нарастания и поспешного изменения законодательства, наличие противоречивых требований, так как все это способствует повышению коррупциогенности [подробнее о причинах роста коррупциогенности законодательства и ее типах: 12, с. 79–82]. Поэтому в части необходимости преодоления коррупциогенности нормативных правовых актов, в которых устанавливаются обязательные требования и ответственность за их нарушение, следует отметить, что «роль законодателя заключается не только в проявлении его воли в актуализации правового оформления общественных отношений, но и в использовании при этом всех юридико-технических возможностей правового инструментария для предотвращения коррупционных правонарушений в процессе последующей правореализации» [13].

¹ Правовое регулирование установления обязательных требований предусматривает их установление федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, актами, составляющими право Евразийского экономического союза, положениями международных договоров Российской Федерации, не требующими издания внутригосударственных актов для их применения и действующими в Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами. Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» обязательные требования могут быть установлены соответственно нормативными правовыми актами Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос».

В условиях разбалансированности системы административных наказаний, как отмечает В. И. Майоров, «административные санкции перестали отражать общественную опасность противоправных деяний, так как их установление в большинстве случаев осуществлялось в зависимости от ситуативных политических или экономических интересов» [6, с. 464]. Административные наказания не образуют систему и не могут быть сопоставлены между собой [14, с. 284].

Нарушение обязательных требований А. И. Стахов предлагает понимать как «выявленный в ходе контрольно-надзорной деятельности публичной администрации самостоятельный вид неправомерного поведения юридического лица или индивидуального предпринимателя в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательных требований (установленных федеральным законодательством или законодательством субъектов РФ ограничений, запретов, дозволений), причиняющее обратимый (устранимый) вред и поэтому влекущее применение специальных мер административно-правового принуждения пресекаательно-восстановительного характера» [15, с. 110].

Нарушение обязательных требований свидетельствует о противоправности действия (бездействия) и может повлечь определенные негативные последствия или угрозу их наступления. Причем вывод о наступлении данных последствий или возможности их наступления именно от указанного действия (бездействия) может быть сделан только при наличии причинно-следственной связи между нарушением обязательных требований и наступившими или последствиями.

Большинство нарушений обязательных требований, установленных в целях профилактики, не имеет реальных вредных последствий, а содержит лишь возможность их наступления. Тем не менее, данные правонарушения являются вредоносными по причине того, что они посягают на установленный правопорядок, интересы граждан и негативным образом влияют на нормальное осуществление отдельных функций государственного управления. Материальную сущность рассматриваемых правонарушений характеризует противоправность, являющаяся юридическим выражением их вредоносности.

Как особый вид публично-правовых деликтов административные правонарушения менее значимы по степени вредоносности и общественной опасности, чем преступления¹, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что «административные правонарушения в отличие от преступлений, влекущих наступление уголовной ответственности, представляют собой меньшую общественную опасность и, по общему правилу, влекут менее

строгие меры ответственности» [16].

В положениях Общей части КоАП РФ отсутствует прямое указание на такой материальный признак административного правонарушения, как общественная опасность. Позиции ученых в отношении социальной сущности административных правонарушений. В частности, Л. Л. Попов [17, с. 126], М. И. Никулин [18, с. 137], Ю. П. Соловей² обращают внимание на такой признак административного правонарушения, как общественная опасность, полагая, что административные правонарушения так же опасны, как и преступления, и отличаются от последних лишь по степени общественной опасности.

А. Е. Лунев утверждал, что «в административном правонарушении есть общественная опасность, отсутствие которой означает отсутствие административного проступка» [20]. В соответствии с данным убеждением А. Е. Лунев определил административное правонарушение как виновное, общественно опасное противоправное действие (бездействие), нарушающее установленные уполномоченными органами государства правила³.

По мнению А. П. Шергина, «перечень общественных отношений, охраняемых мерами административной ответственности, позволяет признать их общественно опасными» [22, с. 12].

Другая позиция сводится к тому, что административным правонарушениям присуща общественная вредность (вредоносность). В частности, Д. Н. Бахрах, Э. Н. Ренов отмечали, что «степень вредоносности большинства административных правонарушений невелика, они не являются общественно опасными» [23, с. 45].

Д. Н. Бахрах указывал на то, что «преступления наиболее вредны для общества. Степень их вредности такова, что появляется новое качество — общественная опасность» [24, с. 413]. Развивая данное утверждение, А. И. Марцев полагает, что «все правонарушения должны делиться по степени общественной вредности. И преступления в ряду иных правонарушений выделяются в первую очередь степенью вредности. Высокая степень вредности порождает новое качество — общественную опасность» [25]. В данной связи необходимо отметить тенденцию, направленную на реализацию мощного правоохранительного потенциала административной ответственности, конкурирующей с уголовной ответственностью в части размеров штрафов, сроков давности привлечения к ответственности.

Реализуя свои дискреционные полномочия, федеральный законодатель установил более строгие санкции за правонарушения, объектами которых являются общественные отношения, нуждающиеся в повышенной правовой охране. В частности, увеличенные размеры административных штрафов предусмотрены для долж-

¹ Меньшая по степени вредоносности и общественной опасности по сравнению с преступлениями значимость административных правонарушений как особого вида публично-правовых деликтов не означает, что они могут быть исключены из сферы действия конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 июля 2002 года № 13-П; Определения от 9 апреля 2003 года № 172-О, от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О // СПС КонсультантПлюс.

² В соответствии с данной позицией Ю. П. Соловей определил понятие административного правонарушения как виновно совершенное физическим или юридическим лицом общественно опасное действие (бездействие), запрещенное настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации под угрозой административного наказания [19].

³ При этом А. Е. Лунев считал степень общественной опасности критерием, «который законодатель берет в основу при отграничении административного проступка от преступления» [21, с. 45, 95].

ностных лиц и индивидуальных предпринимателей за несоблюдение санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления (статья 6.35), несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления (части 2, 3, 5–12 статьи 8.2), повторное несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с веществами, разрушающими озоновый слой (часть 2 статьи 8.2.1), несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при производстве, обращении или обезвреживании потенциально опасных химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и микроорганизмов (статья 8.2.2), несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами животноводства (статья 8.2.3), повторное нарушение требований по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов (статья 8.50), умышленное нарушение требований в области транспортной безопасности (часть 3 статьи 11.15.1), умышленное нарушение установленных в области обеспечения транспортной безопасности порядков и правил (часть 3 статьи 11.15.2), осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией (часть 4 статьи 14.1.2), нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса в отношении объектов топливно-энергетического комплекса, отнесенных к объектам высокой или средней категории опасности (часть 2 статьи 20.30).

Кроме того, значительно превышают установленные по общему правилу размеры административных штрафов для указанных субъектов, а также для юридических лиц размеры штрафов за нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (статья 7.13). Также для юридических лиц — за нарушение установленных федеральным законом требований к условиям заключения договора поставки продовольственных товаров при осуществлении торговой деятельности (статья 14.42).

Усиление административной ответственности главным образом посредством увеличения размеров административных штрафов обеспечивает сокращение количества правонарушений. Посредством введения новых составов административных правонарушений достигается оптимальная дифференциация административной ответственности контролируемых лиц.

Представляется необоснованным установление административного штрафа в фиксированном размере в КоАП РФ. Применение такого наказания не позволит дифференцированно избирать меру пресечения физическому лицу с учетом степени вины, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, что не соответствует требованиям статьи 4.1 КоАП РФ. При этом отсутствует возможность индивидуализации наказания с учетом степени вины, размера и характера причиненного ущерба и других обстоятельств.

В данной связи следует привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации, в которой указывается на недопустимость избыточного государственного принуждения и необходимости сохранения баланса основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств¹.

Специальные правила применения административной ответственности в отношении отдельных субъектов предпринимательской деятельности обеспечивают снижение административной нагрузки. В отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, устанавливаются особые условия применения мер административной ответственности, исходя из принципа добросовестности субъектов малого и среднего предпринимательства и с учетом их интересов. Это касается замены штрафа на предупреждение, не предусмотренного соответствующей статьей Особенной части КоАП РФ². При этом исключение составляет установленный в части 2 статьи 4.1.1 КоАП РФ перечень правонарушений, периодически пополняемый в соответствии с вносимыми изменениями в КоАП РФ³. По результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях в 2020 г. применено наказание в виде предупреждения лицам, являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства 57891 (в 2019 г. — 63646, в 2018 г. — 52708, в 2017 г. — 26713)⁴.

¹ Меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, личности правонарушителя и степени вины, гарантируя адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и сохраняя баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств [см.: 26].

² Основанием для такой замены является отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также отсутствие имущественного ущерба.

³ В отношении данной динамики можно отметить, что за период действия статьи 4.1.1 КоАП РФ, введенной Федеральным законом от 03 июля 2016 года № 316-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в указанный перечень внесены изменения федеральными законами от 18 марта 2019 года № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», от 08 декабря 2020 года № 410-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», от 11 июня 2021 года № 203-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», от 04 марта 2022 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁴ Применено наказание в виде предупреждения лицам, являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства (лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица, их работники), в соответствии со статьями 4.1.1 КоАП РФ. См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях в 2017, 2018, 2019, 2020 гг. // URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 17.03.2022).

В качестве основополагающего условия применения правила такой замены рассматривается первичность правонарушения. Как показывает судебная практика, в таких случаях должно учитываться наличие ранее совершенных правонарушений, в том числе не являющихся однородными по отношению к рассматриваемому правонарушению¹.

Кроме того, в качестве смягчающего ответственность обстоятельства рассматривается добровольное исполнение предписания контрольного (надзорного) органа². К обстоятельствам, исключающим производство по делу, отнесены определенные случаи несоблюдения обязательных требований³. Указанные изменения в регулировании отношений, связанных с привлечением к административной ответственности, позволяют обеспечить требования синхронизации законодательства об административных правонарушениях и законодательства о контроле (надзоре).

Особенности назначения штрафа определенным субъектам установлены в статье 4.1.2 КоАП РФ. Такими субъектами являются социально ориентированные некоммерческие организации и являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридические лица, отнесенные к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям⁴.

Наличие рассмотренных правил в отношении контролируемых лиц «ориентирует органы административной юрисдикции на приоритетное применение к ним за впервые совершенное административное правонару-

шение, выявленное посредством государственных или муниципальных контрольно-надзорных мероприятий, административного наказания в виде предупреждения» [27].

Основанная на объективных критериях дифференциация правового регулирования не нарушает принципа равенства всех перед законом, закрепленного в части 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации.

Не предоставляет ли данный подход необоснованные преимущества определенным субъектам, обладающим специальным статусом, и возможно ли распространять подобные рассмотренным правила при назначении других видов административных наказаний, например, административного приостановления деятельности? Данное наказание относится к числу наиболее существенных по своему правоограничительному эффекту административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ, что предполагает его применение в случаях, когда другие виды наказаний не могут обеспечить цели административных наказаний.

В соответствии с данным подходом возможно предположить такие варианты исключений из общих правил назначения наказаний, как сокращение срока или неприменение административного приостановления деятельности, если в ходе производства по делу об административном правонарушении, за совершение которого возможно назначение административного наказания в виде административного приостановления деятельности, или до вынесения постановления по данному делу устранены обстоятельства, указанные в части 1 настоящей статьи 3.12 КоАП РФ, в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций, а также лиц, которые являются субъектами малого и среднего предпринимательства.

Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», при назначении наказания в виде административного приостановления деятельности следует учитывать характер деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, характер совершенных ими действий (бездействия), а также другие обстоятельства, влияющие на создание условий для реальной возможности наступления негативных последствий для жизни или здоровья людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды (абзац первый части 1 статьи 3.12 КоАП РФ). Определяя срок административного приостановления деятельности, необходимо иметь в виду, что он не может превышать девяносто суток, включая срок временного запрета деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, если такая мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении применялась (часть 2 статьи 3.12, часть 5 статьи 29.6 КоАП РФ).

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4(2018), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 года; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05 сентября 2018 года № 303-АД18-5207, № 303-АД18-5141, № 302-АД18-6072 // СПС КонсультантПлюс.

² Добровольное исполнение до вынесения постановления по делу об административном правонарушении лицом, совершившим административное правонарушение (к таким субъектам относятся некоммерческие организации, субъекты малого и среднего предпринимательства (лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, юридические лица), а также их работники), предписания об устранении допущенного нарушения, выданного ему органом, осуществляющим государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль, в соответствии с частью 1 статьи 4.2 КоАП РФ признается обстоятельством, смягчающим административную ответственность.

³ Федеральным законом от 24 февраля 2021 года № 29-ФЗ «О внесении изменения в статью 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» часть 1 указанной статьи дополнена пунктом 5.1, в соответствии с которым совершение административного правонарушения, выразившегося в несоблюдении содержащихся в нормативных правовых актах обязательных требований, в случае, если их несоблюдение в соответствии с частями 3, 4 и 7 статьи 15 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» не может являться основанием для привлечения к административной ответственности.

⁴ Указанные юридические лица на момент совершения административного правонарушения должны быть включенными, соответственно, в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, предусмотренный статьей 31.2 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», и в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, предусмотренный статьей 4.1 Федерального закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Представляется, что сокращение сроков применения административного приостановления деятельности должно основываться, прежде всего, на достижении цели его назначения, то есть прекращения возможностей наступления негативных последствий осуществляемой деятельности, а не на субъектном составе правонарушителей. При этом не имеется оснований полагать, что социально ориентированные некоммерческие организации, а также лица, являющиеся субъектами малого и среднего предпринимательства, более оперативно и качественно устранят негативные последствия правонарушения или возможность их наступления, чем другие субъекты административной ответственности, с учетом возможного сокращения указанных сроков.

В целях защиты национальных интересов Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций в Федеральном законе от 08 марта 2022 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [28] определяются механизмы поддержки экономического сектора, в том числе установлен мораторий на проведение плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства (до 31.12.2022), а также в отношении осуществляющих деятельность в области информационных технологий, имеющих государственную аккредитацию (до 31.12.2024).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [29] в 2022 году не проводятся плановые контрольные (надзорные) мероприятия, плановые проверки при осуществлении видов государственного контроля (надзора), муниципального контроля, порядок организации и осуществления которых регулируется федеральными законами № 248 и № 294, а также при осуществлении государственного контроля (надзора) за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц органов местного самоуправления (включая контроль за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий, а также контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий), за исключением случаев, указанных в пункте 2 настоящего постановления.

Приоритетным средством предупреждения нарушений обязательных требований является проведение профилактических мероприятий, соразмерных характеру нарушений, вреду (ущербу), который может быть причинен такими нарушениями охраняемым законом ценностям. Воздействие на поведение правонарушителей определяется применением санкций и в некоторой степени нивелируется ввиду наличия совокупности факторов прямого и косвенного влияния на эффективность применения норм права. К таким факторам относятся:

- неоднозначность восприятия юридического смысла правовых норм, содержащих обязательные требования, обуславливает возможность их расширительного толкования, что создает потенциальные коррупционные риски;
- общая установка контролируемых лиц к содержащимся в нормативном правовом акте обязательным требованиям и санкциям за их нарушение;
- необоснованность, несвоевременность, отсутствие надлежащего механизма реализации отдельных правовых норм, в том числе норм об ответственности;
- наличие составов административных правонарушений, признаки которых описаны с применением оценочных категорий и квалификация которых может быть осуществлена в дискреционном порядке либо на основании экспертиз.

Выявление содержательной характеристики указанных факторов, исследование их влияния и выбор средств минимизации негативного влияния, в том числе с применением правовых средств противодействия коррупции¹, обеспечат проектирование правовых норм об административной ответственности за нарушение обязательных требований и правоприменение в соответствии с принципами справедливости, равенства всех перед законом, соразмерности юридической ответственности.

Список источников

1. Научные концепции развития российского законодательства : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.
2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.
5. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права : идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 1) // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24.
6. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права : монография / под ред.

¹ К правовым средствам противодействия коррупции следует относить прежде всего нормативные правовые предписания, регламентирующие приемы, способы противодействия коррупционным отношениям и юридические технологии, сопряженные с эффективным правовым инструментарием, юридической техникой, толкованием права и формами правореализационной практики, способствующие снижению факторов коррупционной деятельности и причин, ее порождающих [30, с. 13].

Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М., 2022. 736 с.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

8. Занина Т. М. Проблемные вопросы административной ответственности по законодательству субъектов Российской Федерации // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности : теория и практика. Краснодар, 2016. С. 281–282.

9. Селезнев В. А. Обеспечение обязательных требований в сфере предпринимательской деятельности : особенности регионального административно-деликтного законодательства // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 76–91.

10. Масленников М. Я. Структура и язык изложения региональных законов об административной ответственности // Административное право и процесс. 2005. № 4.

11. Зырянов С. М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 105–126.

12. Коррупциогенность законодательства : причины, факторы, преодоление : монография / отв. ред. Е. И. Спектор, А. М. Цирин. М., 2013.

13. Коррупция : природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. М., 2012.

14. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М., 2018.

15. Стахов А. И. Нарушение обязательных требований как самостоятельный вид неправомерного деяния юридического лица или индивидуального предпринимателя в сфере контрольно-надзорной деятельности лиц публичной администрации // Актуальные вопросы теории и практики государственного контроля и надзора в современной России. Н. Новгород, 2015.

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

17. Попов Л. Л. Административное право и административная деятельность органов внутренних дел. М., 1990.

18. Никулин М. И. Административная деликтология : концептуальные основы профилактики административных деликтов. Хабаровск, 2004.

19. Соловей Ю. П. О законодательном закреплении понятия административного правонарушения // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 10. С. 31–39.

20. Лунев А. Е. Понятие административного проступка и основания административной ответственности // Правоведение. 1959. № 3. С. 27–34.

21. Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961.

22. Шергин А. П. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы теории и правоприменительной деятельности // Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка : сборник научных трудов. Горький, 1985.

23. Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н. Административная от-

ветственность по российскому законодательству. М., 2004.

24. Бахрах Д. Н. Административное право. М., 2006.

25. Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Правоведение. 2001. № 4. С. 154–155.

26. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 1-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. № 4. 2013.

27. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года № 2255-О // СПС КонсультантПлюс.

28. Федеральный закон от 08 марта 2022 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596.

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

30. Правовые средства противодействия коррупции : научно-практическое пособие / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2012.

References

1. Scientific concepts of the development of Russian legislation : monograph / ed. T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. M., 2015.

2. Federal Law № 294-FZ of December 26, 2008 «On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part 1). Art. 6249.

3. Federal Law № 247-FZ of July 31, 2020 «On Mandatory Requirements in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (Part I). Art. 5007.

4. Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020 «On State Control (Supervision) and municipal control in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (Part I). Art. 5007.

5. Nozdrachev A. F. Mandatory requirements as an innovative institute of administrative law : ideas, contents, principles and levels of legal regulation (Part 1) // Administrative law and process. 2022. № 3. P. 19–24.

6. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia. In 12 vols. Vol. VIII. Administrative law in the system of modern Russian law : monograph / edited by R. L. Khachaturov, A. P. Shergin. M., 2022. 736 p.

7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (Part I). Art. 1.

8. Zanina T. M. Problematic issues of administrative responsibility under the legislation of the subjects of the Russian Federation // Administrative and legal regulation of law enforcement : theory and practice. Krasnodar, 2016. P. 281–282.

9. Seleznev V. A. Ensuring mandatory requirements in the field of entrepreneurial activity: features of regional administrative and tort legislation // *Journal of Russian Law*. 2020. № 10. P. 76–91.
10. Maslennikov M. Ya. Structure and language of presentation of regional laws on administrative responsibility // *Administrative law and process*. 2005. № 4.
11. Zyryanov S. M. Problems of constructing the composition of administrative offenses in articles of the Special part of the Administrative Code of the Russian Federation // *Journal of Russian Law*. 2020. № 8. P. 105–126.
12. Corruption of legislation : causes, factors, overcoming : monograph / ed. by E. I. Spector, A.M. Tsirin. M., 2013.
13. Corruption : nature, manifestations, counteraction. Monograph / ed. Academician of the Russian Academy of Sciences T. Ya. Khabrieva. M., 2012.
14. Modernization of administrative legislation (goals, objectives, principles and current directions) / ed. A. F. Nozdrachev. M., 2018.
15. Stakhov A. I. Violation of mandatory requirements as an independent type of unlawful act of a legal entity or individual entrepreneur in the field of control and supervisory activities of public administration persons // *Actual issues of theory and practice Practices of state control and supervision in modern Russia*. N. Novgorod, 2015.
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 9-P of June 16, 2009 // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2009. № 4.
17. Popov L. L. Administrative law and administrative activity of internal affairs bodies. M., 1990.
18. Nikulin M. I. Administrative delectology : conceptual foundations of prevention of administrative offenses. Khabarovsk, 2004.
19. Solovey Yu. P. On the legislative consolidation of the concept of an administrative offense // *Current issues of public law*. 2013. № 10. P. 31–39.
20. Lunev A. E. The concept of administrative misconduct and the grounds of administrative responsibility // *Jurisprudence*. 1959. № 3. P. 27–34.
21. Lunev A. E. Administrative responsibility for offenses. M., 1961.
22. Shergin A. P. Code of the RSFSR on Administrative offenses : issues of theory and law enforcement // *Code of the RSFSR on Administrative offenses: issues of protection of socialist property and public order : collection of scientific papers*. Gorky, 1985.
23. Bakhrakh D. N., Renov E. N. Administrative responsibility under Russian legislation. M., 2004.
24. Bakhrakh D. N. Administrative law. M., 2006.
25. Martsev A. I. Public harmfulness and public danger of crime // *Jurisprudence*. 2001. № 4. P. 154–155.
26. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1-P of January 17, 2013 // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. № 4. 2013.
27. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2255-O dated October 10, 2017 // *SPS ConsultantPlus*.
28. Federal Law № 46-FZ of March 08, 2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *SZ RF*. 2022. № 11. Art. 1596.
29. Decree of the Government of the Russian Federation of March 10, 2022 № 336 «On the Specifics of the Organization and Implementation of State Control (supervision), municipal control» // *SZ RF*. 2022. № 11. Art. 1715.
30. Legal means of combating corruption : scientific and practical guide / ed. N. A. Vlasenko. M., 2012.

Информация об авторе

В. А. Селезнев — старший научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Seleznev — Senior Research Associate of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 342.951:351.82

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-210-214>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-520

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-719

Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие информационным правонарушениям

Екатерина Александровна Соломатина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, katesolo@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена новыми вызовами, с которыми сталкивается МВД России в информационной сфере и в рамках IT-безопасности. Постоянные цифровые новации, внедрение высоких технологий, появление новых технических устройств не предоставляют возможности сотрудникам органов внутренних дел своевременно реагировать, выявлять и осуществлять противодействие информационным правонарушениям. Особенно остро встает вопрос о подготовке соответствующих специалистов в рассматриваемой области.

Ключевые слова: МВД России, сотрудники органов внутренних дел, подготовка кадров для системы МВД России, совершенствование подготовки сотрудников ОВД, противодействие информационным правонарушениям.

Для цитирования: Соломатина Е. А. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие информационным правонарушениям // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 210–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-210-214>.

Original article

Improving the training of employees of internal affairs bodies engaged in countering information offenses

Ekaterina A. Solomatina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, katesolo@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the new challenges faced by the Ministry of Internal Affairs of Russia in the information sphere and in the framework of IT security. Constant digital innovations, the introduction of high technologies, the emergence of new technical devices do not provide an opportunity for employees of internal affairs bodies to respond in a timely manner, identify and counteract information offenses. The issue of training relevant specialists in the field under consideration is particularly acute.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, employees of internal affairs bodies, personnel training for the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, improving the training of police officers, countering information offenses

For citation: Solomatina E. A. Improving the training of employees of internal affairs bodies engaged in countering information offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):210–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-210-214>.

В связи с тем, что в сфере государственного управления возник запрос на активизацию противодействия росту правонарушений в информационной сфере, в том числе в сфере совершения административных правонарушений, этот вопрос не мог не коснуться и подготовки кадров в органах внутренних дел, работающих в этом направлении, или получающих высшее и послевузовское образование в учебных учреждениях органов внутренних дел по различным специальностям, а также в рамках повышения квалификации.

В настоящее время для сотрудников органов внутренних дел организована учебная деятельность по техническим специальностям на базе Московского, Санкт-

Петербургского и Краснодарского университетах МВД России, в Воронежском институте МВД России; новые направления юриспруденции в сфере противодействия киберпреступлениям открыты с 2021 года для сотрудников уголовного розыска (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, Воронежский институт МВД России); противодействия экстремизму (Краснодарский университет МВД России); экономической безопасности и противодействия коррупции (Нижегородская академия МВД России); контроля за оборотом наркотиков (Белгородский юридический институт МВД России И.Д. Путилина).

Усилиями Департамента государственной службы и кадров МВД России прорабатываются вопросы со-

вершенствования подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие информационным правонарушениям. Так, им предоставляется возможность повышать свою квалификацию по вопросам пресечения IT-преступлений как внутри системы МВД России, так и на площадках гражданских учебных организаций. Также Департаментом обращается особое внимание на подготовку соответствующих образовательных программ, их методическое и материально-техническое обеспечение.

Хорошо зарекомендовало себя сотрудничество МВД России с Центральным банком Российской Федерации, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службой по финансовому мониторингу. Межведомственное взаимодействие открыло границы для привлечения к проведению учебных занятий экспертов в сфере информационной безопасности, которые обучают, в том числе, профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений системы МВД России [4].

Однако перечисленные меры в настоящее время не покрывают потребность органов внутренних дел в обеспечении данного сектора высококвалифицированными кадрами для профилактики и противодействию роста административных правонарушений в информационной сфере и в целом направлены на долгосрочную перспективу, что значительно опаздывает по времени в развитии технологического процесса и общему росту правонарушений в информационной сфере.

В крупных образовательных организациях МВД России ранее уже были созданы специальности в сфере информационной защиты. Так, в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя создан факультет подготовки специалистов в сфере информационных технологий, в Санкт-Петербургском и Краснодарском университетах МВД России открыты специальности «Организация и технология защиты информации», «Информационные системы и технологии», «Применение и эксплуатация автоматизированных систем центрального назначения специального назначения», а также в Воронежском институте МВД России существует специальность «Инфокоммуникационные технологии и системы специальной связи» [3, с. 155]. При этом как в ведущих, так и региональных образовательных учреждениях системы МВД России наблюдается нехватка технических и информационных узкоспециализированных дисциплин, позволяющих привить сотрудникам органов внутренних дел навыки в сфере высоких технологий с учетом современных реалий и новейших технологий. Более того много учебных дисциплин часто носят теоретический и обзорный характер, они представлены гуманитарным блоком научных знаний и чаще далеки от той действительности, которая сложилась в практических подразделениях органов внутренних дел.

Конференции научного и прикладного характера, проводимые различными подразделениями системы МВД России, позволяют обмениваться опытом между сотрудниками, однако чаще такие конференции носят ознакомительный, теоретический, гуманитарный харак-

тер с включением в них небольшого в процентом соотношении новейших достижений в сфере раскрытия правонарушений информационного сегмента.

Целесообразно рассмотреть вопрос, связанный с подготовкой сотрудников органов внутренних дел, на базе сотрудничества с организациями, имеющие высокие результаты в области обеспечения собственной безопасности или предлагающие зарекомендовавшие в среде специалистов и пользователей коммерческие продукты.

Высококвалифицированные специалисты технического профиля могут помочь в выявлении административных правонарушений в сфере связи и информации, собрать и подготовить технические доказательства совершенных административных правонарушений, научить навыкам фиксации доказательств с помощью технических устройств, составлении заключений экспертов, содержащих в себе исследование технических возможностей субъекта правонарушения или технических объектов связи и информации, формировании алгоритма внутриведомственного и внешневедомственного взаимодействия, оптимизировать ряд должностей для реализации новых задач, поставленных кадровыми подразделениями системы МВД России.

Так, МВД России помимо своих внутриведомственных баз данных и программного обеспечения уже использует для своей практической деятельности готовые коммерческие программы, являющиеся продукцией некоторых коммерческих организаций. Одновременно МВД России взаимодействует с «ПАО Сбербанк России», «Лаборатория Касперского» и другими организациями. При этом большинство специалистов органов внутренних дел не имеют представления о технических возможностях такого взаимодействия и возможных способах использования полученного опыта от подобного взаимодействия.

Необходимо приглашать на учебные занятия специалистов, чье программное обеспечение или чьи программы уже используются рядом специалистов органов внутренних дел для решения своих ежедневных задач. Приглашенные технические специалисты могут научить обучающихся навыкам использования своих продуктов, помогающих сотрудникам органов внутренних дел, например, в мониторинге сети Интернет, при поиске необходимой информации, которая может стать прямым или косвенным основанием не только для возбуждения дел об административных правонарушениях. Курсантам и практическим сотрудникам ОВД необходимо научиться работать с тестовыми версиями этих программ или с самими программами на своих учебных занятиях. Например, стоит более подробно осуществлять взаимодействие с такими коммерческими организациями как «СЕУСЛАБ» и АО «Крибрум», и внедрять в учебный процесс их готовые разработки.

Поисковая программа «СЕУС» является коммерческим продуктом, предназначенным для представителей правоохранительных органов, государственных и муниципальных организаций. Поисковая система выполняет задачи мониторинга и анализа информации, размещенной в открытом пространстве социальных сетей.

Продукт зарекомендовал себя в сфере противодействия экстремизму, терроризму, поиску социально-опасных явлений (таких как скуллшутинг и суицидальные игры для подростков). Программу «СЕУС» разработала компания «СЕУСЛАБ», целями компании являются создание и внедрение технологий в IT-сфере для проведения оперативно-розыскных мероприятий, аналитических исследований, цифровых расследований и информационного противоборства в социальных сетях [5].

АО «Крибрум» исследовательская и технологическая компания, обладает многолетним опытом работы с государственными органами, в том числе с правоохранительными, с крупными коммерческими структурами. С 2017 года АО «Крибрум» сотрудничает с Министерством просвещения России по проекту «Центры цифрового образования детей «IT-куб», разрабатывает и сопровождает программу «Цифровая гигиена и большие данные». Читает свой курс в среднем в 45 городах России. Эксперты АО «Крибрум» разработали сборник материалов для преподавателей учебных центров дополнительного образования. С 2018 года специалисты АО «Крибрум» активно сотрудничают с ведущими вузами (МГУ, ВШЭ, МГТУ им. Баумана), ведут курсы повышения квалификации учителей школ, педагогов центров дополнительного образования. АО «Крибрум» имеет патенты на изобретения «Способ поиска информации» (№ 2320005), «Система автоматизированного анализа фактов» (№ 265658).

ОА «Крибрум» разработала одноименный программно-аппаратный комплекс мониторинга и анализа данных и аналитическим центром изучения социальных медиа в режиме реального времени, который включает в себя платформу сбора и хранения данных и системы разнообразного анализа больших данных и поведения пользователей социального пространства. Программа осуществляет анализ потока текстовых публикаций; информацию о действиях аккаунта (лайки, репосты, неявные связи и т. д.); потока изображений; характера развития инфоповода; данных из профилей аккаунтов и их медийной силы. Платформа хранит данные из всех социальных сервисов и СМИ русскоязычного Интернета (Facebook, «ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», TikTok, Twitter, YouTube, каналы Telegram, блоги и форумы, чаты, интернет-СМИ, сайты госорганов, ленты информационных агентств, тематические порталы) [6].

Таким образом, одним из наших предложений является рассмотрение вопросов не только знакомства практических сотрудников ОВД с данными продуктами рассматриваемых компаний, но и организации учебных часов для получения общих навыков использования таких программ, а также внесение в методическое обеспечение образовательного процесса соответствующих корректировок.

Также для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России можно устраивать организацию проведения отдельных курсов с приглашением практических работников ОВД, Роскомнадзора, других государственных органов или коммерческих организаций, чьи сотрудники успешно показали свои навыки в раскрытии административных правонарушений и могут поделиться опытом и знания-

ми, а также помочь сформировать краткие учебные программы, например по специализированным курсам. При этом их деятельность должна оплачиваться отдельно. Особенно это будет интересно в рамках предоставления своего «продукта» действующим сотрудникам ОВД в качестве законного способа выплаты им вознаграждения, не противоречащего ч. 4 ст. 34 Федерального закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ [2], что будет стимулировать его для развития научного, творческого и практического потенциала, а также обеспечит преемственность поколений в ОВД и передачи наработанного личного опыта от наиболее хорошо зарекомендовавших себя практических работников, в том числе выходящих на пенсию с целью сохранения специфических и уникальных знаний.

Привлеченные сотрудники государственных органов, в том числе из практических подразделений органов внутренних дел, которые показали значительные результаты в противоборстве с правонарушениями в сфере связи и информации, высоких технологий и криптографии, могут осуществлять реализацию своих знаний посредством лекций, мастер-классов, участия в формировании обучающих программ, учебных фильмов, тестовых поисковых программ или в процессе их использования, апробирования тестов и др. С целью мотивации их направления для подготовки кадров органов внутренних дел, проявлению творческого потенциала, смекалки, разработки алгоритма получения необходимых компетенции обучающимися рекомендуется оплачивать соответствующее привлечение и изыскивать необходимые бюджетные средства для этого направления. Практические сотрудники, в том числе сотрудники органов внутренних дел, а также вышедшие на пенсию офицеры, имеющие большое желание передать свои навыки молодому поколению, будут охотнее и с мотивированным интересом приезжать со своим заранее разработанным, согласованным и готовым «продуктом» и иметь дополнительный официальный источник финансирования своего труда.

Одной из серьезнейших проблем, с чем сталкиваются сотрудники органов внутренних дел, является недостаточное финансирование труда отдельных работников, показывающих высокие результаты, или имеющих особо важные для практического подразделения технические навыки, потому что труд соответствующих (аналогичных) специалистов за рамками деятельности МВД России оплачивается по другим ставкам и должностным окладам. С учетом роста инфляции в стране, обесценивания знаний одаренных сотрудников, работающих в сфере государственной службы по ряду многих обстоятельств, лица, имеющие технические познания, не заинтересованы в службе в органах внутренних дел как раз по причине низкой оплаты своего труда и возложению дополнительных обязанностей, в том числе в режиме работы ненормированного характера.

Технические знания высококвалифицированных специалистов необходимо полноценно в широком объеме использовать и применять, увеличив мотивацию их участия в противодействии административных правонарушений в области связи и информации. Так, например, на должности неаттестованных сотрудников в образо-

вательных организациях системы МВД России можно приглашать преподавателей технических вузов, IT специалистов, представителей сотовых компаний, программных разработчиков, в том числе бывших сотрудников органов внутренних дел, имеющих большой опыт в нахождении и раскрытии информационных правонарушений. При этом на конкурс по должности необходимо приглашать специалистов, которые могут фактически представить свои идеи, навыки, программы и технические продукты для их внедрения в образовательный процесс с целью решения конкретных задач, поставленных МВД России перед подготовкой своих кадров. Необходимо рассмотреть привлечение сотрудников органов внутренних дел подразделений «К», следователей, оперуполномоченных, работающих по информационным преступлениям, экспертов, системных администраторов и других должностных лиц, дополнительно оплачивая им часы преподавания в образовательных организациях системы МВД России, тем самым мотивируя их на передачу полученных знаний и компетенций.

С учетом выше обозначенных рекомендаций рабочие программы специализированных курсов должны состояться не только с наличием теоретического материала, решения практических задач и заполнения типичных бланков процессуальных документов, но и с возможностью получения специализированных навыков поиска доказательственной базы посредством использования современных ведомственных или коммерческих программ, технических продуктов, анализа оперативной обстановки с моделированием системы запросов к источнику получения исходных данных, использования криптографических знаний и результатов различных видов компьютерных экспертиз, а также постановкой управленческих задач согласно наличия кадровой штатной численности и возможностей личного состава.

При подготовке специалистов необходимо объединять полученные ими компетенции по освоению криминалистики, в том числе компьютерной криминалистики, экспертиз, знаниям информатики, техническому оснащению подразделения, в котором они будут работать или работают, уделять внимание методам сбора доказательств и их оценке, в том числе с носителей технических, цифровой и криптографической направленностей, изучать разнообразие программных продуктов для анализа и поиска информации напрямую, а также с помощью дистанционной локализации сотрудника. Необходимо научить личный состав анализу системного управления и взаимодействия, работать в команде с четким выполнением возложенных функций, распределить людей по группам и задачам, учитывая их навыки, наиболее эффективные для выполнения разнообразных задач. Очень важно научить сотрудников органов внутренних дел навыкам извлечения информации с операционных систем, жестких дисков, облачных хранилищ, машинных носителей информации, цифровых устройств и пр., уметь четко сформулировать потребности через официальные запросы в короткие сроки, обращаться за помощью к необходимым специалистам и экспертам, освоить электронный документооборот.

В настоящее время преподаваемые в образовательных организациях системы МВД РФ теоретические знания юриспруденции в общем виде значительно шире, чем их практическое использование по узким направлениям отдельными подразделениями органов внутренних дел. Поэтому образовательным организациям необходимо стремиться к быстрому и четкому освоению обучающимися теоретических курсов общей юридической базы с подготовкой для них способов мотивации личностного роста и профессионального развития, потому что теоретические тонкости по фундаментальным дисциплинам определяют необходимый каркас для дальнейшей практической реализации служебных задач, а также подготовить последующую расширенную программу по смежным отраслям юриспруденции для решения конкретных задач для курсантов и слушателей старших курсов или в рамках специализированных курсов. Например, при возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в сфере связи и информации, сбора доказательственной базы по делу, необходимы знания сразу по нескольким направлениям, которые обеспечиваются разными дисциплинами: по административному праву, административной деятельности в органах внутренних дел, криминалистики, по экспертному анализу и компьютерным экспертизам, по использованию специальных средств, технических устройств, по информатики и др. Практические навыки должны отрабатываться в компьютерных аудиториях, на полигонах, специализированных подразделениях в рамках стажировок, командировок, повышения квалификации. В связи с тем, что возбужденные дела об административных правонарушениях в сфере связи и информации сотрудниками органов внутренних дел в рамках подведомственности передаются Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзору) и мировым судьям, необходимо обеспечить встречу обучающихся сотрудников органов внутренних дел с представителями указанных государственных органов, принимающих решения в виде назначения административного наказания по делам об административных правонарушениях по главе 13 КоАП РФ [1], и обеспечить им взаимодействие на этапе подготовки кадров для органов внутренних дел или повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел на стадиях возбуждения дела, проведения административного расследования и сбора доказательств по делу.

На учебных занятиях образовательных организаций системы МВД России каждое решение практической задачи в области связи и информации должно сопровождаться анализом административного и смежного законодательства, разборов способов совершения конкретного правонарушения, определения методики его выявления, процессуальной фиксации и подготовки пакета документов для передачи дела по подведомственности, а также сопровождение дела в суде. На основании выявленного роста административных правонарушений в определенном сегменте общественных отношений в области связи и информации необходимо разработать механизм профилактической работы с населением, ис-

следовать имеющиеся правовые проблемы с целью подготовки рекомендаций для совершенствования российского законодательства, определить технический и аппаратный инструмент для выполнения должностных предписаний.

Информационные правонарушения наиболее динамичны, методика их выявления должна постоянно модернизироваться, обновляться, что не может не повлиять на качество и содержание учебных программ при подготовке соответствующих специалистов органов внутренних дел. Одним из факторов, позволяющих их своевременно редактировать, является оснащение материально-технической базы соответствующей образовательной организации системы МВД России, в том числе инновационным оборудованием, лабораториями и полигонами.

В завершении статьи стоит подвести итоги о необходимости выделения приоритетных направлений по совершенствованию подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие информационным правонарушениям. К таким направлениям можно отнести:

Привлечение к сотрудничеству с образовательными организациями системы МВД России вневедомственных специалистов, обладающих высокими достижениями в области информационной безопасности, а также организаций, имеющих соответствующие программные продукты.

Получение сотрудниками органов внутренних дел навыков в рамках проведения мониторинга информационной безопасности с помощью новейших информационных коммерческих программ.

Использование опыта, знаний, мастерства и практических наработок собственных сотрудников системы МВД России, являющихся высококвалифицированными специалистами технического или юридического профилей для проведения экспресс-курсов для обучающихся в образовательных организациях системы МВД России или вовлечения их в текущие учебные занятия по отдельным направлениям, включая отработку навыков для обучающихся с целью сбора доказательственной базы в рамках проведения административного расследования и составления протоколов об административных правонарушениях в сфере связи и информации.

Выделения финансовых средств для мотивации труда и оплаты выполненной качественной работы приглашенных технических специалистов или практических сотрудников органов внутренних дел, имеющих знания, подтвержденные высокими достижениями внутри подразделений системы МВД России и обладающих необходимым опытом для обучения молодых специалистов, в том числе в рамках повышения квалификации иных сотрудников.

Совершенствование методического обеспечения учебной деятельности по принципу совмещения теоретического и практического аспектов в обучении, с учетом использования материалов приглашенных практиче-

ских работников.

Проведение выездных занятий или ознакомительных встреч с представителями Роскомнадзора, мировыми судьями, рассматривающих дела об административных правонарушениях в области связи и информации, и принимающих решение по делу в виде вынесения административного наказания, с целью подготовки наиболее качественно оформленных процессуальных документов сотрудниками органов внутренних дел на стадии возбуждения дела об административном правонарушении и проведения административного расследования.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Красников Р. В. Совершенствование подготовки сотрудников правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемых с использованием информационных технологий // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 154–163.
4. Информация о противодействии IT-преступлениям. Электронный ресурс. <https://xn--clabtla.xn--blaew.xn--plai/podgotovka-kadrov> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Официальный сайт ООО «СЕУСЛАБ». Электронный ресурс. <https://seuslab.ru> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Официальный сайт ОА «Крибрум». Электронный ресурс. <https://kribrum.ru> (дата обращения: 15.06.2022).

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 №. 195-FZ // SPS «ConsultantPlus».
2. Federal Law of 30.11.2011 №. 342-FZ «On service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
3. Arkhiptsev I. N., Sarychev A. V., Krasnikov R. V. Improving the training of law enforcement officers in countering crimes committed using information technologies // Legal paradigm. 2020. Vol. 19. №. 2. P. 154–163.
4. Information on countering IT crimes. Electronic resource. <https://xn--clabtla.xn--blaew.xn--plai/podgotovka-kadrov> (accessed: 15.06.2022).
5. Official website of SEUSLAB LLC. Electronic resource. <https://seuslab.ru> (accessed: 15.06.2022).
6. Official website of the OA «Cribrum». Electronic resource. <https://kribrum.ru> (accessed: 15.06.2022).

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-215-220>

ИПОН: 2003-0059-6/22-521

MOSURED: 77/27-003-2022-06-720

Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса

Ольга Валентиновна Староверова¹, Самвел Суменович Маилян²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ staroverova05@mail.ru

² gambuch@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы борьбы с налоговой преступностью в условиях современного кризиса. Проанализированы официальные статистические материалы о налоговых преступлениях за период 2016–2021 гг. (стст. 198–199.4, 159 УК РФ); выявлены некоторые проблемы предупреждения налоговой преступности в РФ (в частности, взаимосвязь с проблемой борьбы с организованной преступностью и коррупцией); рассматриваются такие актуальные аспекты темы, как «кризис и налоговая преступность»; предложена система мер профилактики налоговых преступлений.

Ключевые слова: налоговая преступность, государственная уголовная статистика, латентность налоговой преступности, уровень общественной опасности налоговой преступности, проблема предупреждения налоговой преступности, налоговая политика

Для цитирования: Староверова О. В., Маилян С. С. Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 215–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-215-220>.

Original article

Fighting tax crime in the context of the economic crisis

Olga V. Staroverova¹, Samvel S. Mailyan²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ staroverova05@mail.ru

² gambuch@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the fight against tax crime in the conditions of the modern crisis. The official statistical materials on tax crimes for the period 2016–2021 (art. 198–199.4, 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) are analyzed; some problems of preventing tax crime in the Russian Federation are identified (in particular, the relationship with the problem of combating organized crime and corruption); such topical aspects of the topic as «crisis and tax crime» are considered; a system of measures for the prevention of tax crimes is proposed.

Keywords: tax crime, state criminal statistics, latency of tax crime, the level of public danger of tax crime, the problem of prevention of tax crime, tax policy

For citation: Staroverova O. V., Mailyan S. S. Fighting tax crime in the context of the economic crisis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):215–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-215-220>.

Общеизвестно, что налоговые поступления представляют собой важнейшую часть экономического фундамента любого государства, а налоговыми преступлениями принадлежит особое положение в системе экономической преступности, поскольку они с полным основанием относятся к числу особо значимых криминальных угроз национальной безопасности нашей страны. Криминализация современной налоговой системы России является важнейшей и наиболее опасной тенденцией её развития.

Мы не ставим своей задачей анализировать комплекс ключевых вопросов теории налоговой преступности.

Воспользуемся лишь одним высказыванием известного специалиста в данной области И. И. Кучерова: «Налоговая преступность, есть возникшее в финансовой сфере общественно опасное социально-правовое явление, в основе которого лежит конфликт между государством в лице налоговых органов и налогоплательщиками, включающее в себя совокупность преступлений, объектом которых являются охраняемые уголовным законом отношения по поводу взимания налогов и иных обязательных платежей, а также осуществления контроля за своевременностью и полнотой их уплаты» [1, с. 5; 2, с. 17–18].

© Староверова О. В., Маилян С. С., 2022

Из приведенных выше принципиальных позиций должно оцениваться реальное положение дел в сфере налоговой преступности. Соглашаясь с ведомственной позицией Министерства внутренних дел Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации [3], мы вслед за другими авторами [4; 5; 6] рассмотрим статистические показатели налоговых преступлений, предусмотренные статьями 198–199.4 УК РФ, а также преступления, связанные с незаконным возмещением налога (налоговые мошенничества), квалифицируемые в настоящее время по ст. 159 УК РФ. Естественно, основным материалом для соответствующего, краткого анализа нам предоставляет официальная уголовная статистика, приведенная в официальных статистических материалах ГИАЦ МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

Общеизвестно, что представления о тенденциях и динамики преступности составляется, лишь опираясь на динамический ряд статистических показателей, которые охватывают продолжительный временной период. Так, обобщенные статистические сведения о налоговых преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199.4, 159 УК

РФ, мы можем изучить в статистических сборниках, которые выпускаются Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, публикуются на официальных порталах соответствующих государственных служб, а также сведения, используемые в большинстве научных публикаций. С учетом официальных источников¹ в период 2016–2021 гг. ситуация с налоговыми преступлениями обстоит следующим образом. Количество выявленных налоговых преступлений последовательно снижается. Если в 2016 г. было выявлено 9283 налоговых преступления, то в 2017 г. их количество составило 8654, в 2018 г. — 7630, в 2019 г. — 4503, в 2020 г. — 4872, в 2021 г. — 5543 преступлений соответственно. За этот же период наблюдается, что было окончено расследование в 2016 г. — 4001 уголовных дел, 2017 г. — 3760 дел, в 2018 г. — 3271, в 2019 г. — 3397 дел, в 2020 г. — 2996, в 2021 — 3321 дел.

¹ Официальный сайт МВД России — URL: <http://www.mvdinform.ru>; Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации — URL: <http://www.sledcom.ru>; Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ — URL: <http://www.crimesstat.ru>; Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <http://www.vsrfr.ru>; Федеральная налоговая служба Российской Федерации — URL: <http://www.nalog.ru>.

Таблица.

Наименование сведений	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Зарегистрировано налоговых преступлений	9283	8654	7630	4503	4872	5543
Раскрыты в отчетном периоде	4001	3760	3271	3397	2996	3321
Уголовные дела, которые направлены в суд						1673
Не раскрыты в отчетном периоде				946	1530	1447
Выявлено лиц, совершивших налоговое преступление				2932	2689	3043
Расследованных налоговых преступлений субъектами учета	4001	3760	3271	3397	2996	3321
Материальный ущерб по окончанным или приостановленным уголовным делам, тыс. руб.	71439326	71569338	94922379	85242710	82488586	84915549

Источник: ФКУ «ГИАЦ» МВД России «Состояние преступности в России» за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг.

Как явствует из приведенных выше статистических данных, исследуемый период был временем существенного, можно даже сказать стремительного сокращения масштабов зарегистрированной налоговой преступности. Общее число попавших в учёт деяний сократилось с 9283 до 5543, т. е. снижение практически в 1,5 раза. Небольшие колебания показателей отмечены в середине периода, о них будет сказано ниже.

Такая статистика свидетельствует, что в данном случае есть достаточные основания отнести вышеназванные статьи к числу так называемых «мёртвых норм» [7]. Их наличие ставит вопрос о решительном пересмотре практики преодоления латентности реально существующих нарушений налогового законодательства такого рода. Если же будет признано, что в силу объективных причин

эти нормы утратят свой смысл и значимость, что на наш взгляд маловероятно.

Чтобы не перегружать читателя обилием цифр, скажем в общем виде: статистическая характеристика числа выявленных лиц, совершивших преступления, демонстрирует те же самые тенденции, о которых было сказано выше применительно к анализу числа зарегистрированных налоговых преступлений. Характерно, что даже при таких малых их объёмах ежегодно по ст.ст. 198–199.4, 159 УК РФ количество уголовных дел, которые направлены в суд, составляет не более 1/3 от общего количества зарегистрированных преступлений (например, в 2021 году зарегистрировано 5543 налоговых преступлений, но при этом только 1673 уголовных дела направлены в суд).

Давайте оценим сложившуюся в нашей стране ситу-

ацию в сфере борьбы с налоговой преступностью? Если ориентироваться на приведенные выше данные официальной уголовной статистики, мы можем и должны гордиться уникальными достижениями на этом поприще. Однако не нужно быть специалистом в данной области, чтобы понимать: такие цифры даже приблизительно не отражают реальное положение дел с налоговой преступностью в России. Более того, они эту реальность грубо искажают.

В криминологической литературе сложилось практически единодушное недоверие к данным официальной статистики. Ею пользуются в аналитической работе просто потому, что нет другого, равного по объёму, источника детализированной статистической информации о преступности в целом и её отдельных видах.

Специалисты отмечают, что «уголовная и судебная статистика в значительной мере отражают не саму преступность, а практику реагирования потерпевших, а также правоохранительных органов на преступления» [6].

По этому поводу В. С. Овчинский справедливо заявляет, что сегодня уголовная статистика вновь стала управляемой и не отражает реального положения дел, то есть то, что указано в статистике, — это мнимая латентность — «подгонка» показателей преступности для создания видимости благоприятного положения [7]. М. М. Бабаев прямо указывает: «Уголовная статистика, в том виде, в каком она у нас пребывала и ныне пребывает, главным образом дезориентирует. Она убеждает (пытается убедить) в реальности того, что или вовсе не существует или же выглядит во многом иначе» [8, с. 6; 9, с. 151; 10, с. 181].

Масштабы латентности огромны. Любое обращение к теме латентности налоговой преступности позволяет незамедлительно убедиться не только в том, что реально, фактически в стране совершается несоизмеримо больше преступлений такого рода, чем в том нас старается убедить услужливая государственная уголовная статистика. Но, видимо, даже эти весьма впечатляющие цифры следовало бы скорректировать в сторону увеличения, если учесть, что по данным специалистов из налоговых служб 33 % субъектов, обязанных платить налоги, вообще их не платят.

Нет необходимости много говорить об уровне общественной опасности налоговой преступности, которая способна подрывать экономическую основу государства. Достаточно сослаться на несколько случайно выбранных цифр. Материальный ущерб по оконченным или приостановленным налоговым уголовным делам составил: в 2016 г. — 71439326 тыс. руб., в 2017 г. — 71569338 тыс. руб., в 2018 г. — 94922379 тыс. руб., в 2019 г. — 85242710 тыс. руб., в 2020 г. — 82488586 тыс. руб., в 2021 — 84915549 тыс. руб.

Масштаб общественной опасности налоговой преступности возрастает за счёт изощренного характера и огромного охвата совершаемых преступлений, а также за счёт коррупции, которая всё более глубоко проникает в сферу налогообложения, огромное количество криминальных элементов влияют на деятельность кредитно-финансовых учреждений и других структур, занимаю-

щих стержневые позиции в экономике России.

Есть все основания сказать, что налоговая преступность в значительной своей части есть плод хорошо организованной криминальной деятельности.

Скажем и ещё об одной проблеме. Со всей обрисованной выше картиной резко контрастируют, на наш взгляд, данные об оценке населением социальной значимости налоговых обязательств и, соответственно, налоговых преступлений. Как пишет в своей диссертации Балюк Н. Н. [12], «67,5 % опрошенных респондентов отметили, что налоговые преступления представляют серьезную экономическую опасность для нашей страны». Впрочем, и эту цифру не стоит переоценивать: из неё следует, что почти каждый третий участник опроса не понимает или же недостаточно ясно понимает, насколько велика реальная общественная опасность налоговых преступлений, не осознаёт, что они косвенно наносят вполне осязаемый вред каждому индивидууму через систему бюджетов.

Однако данная ситуация, которую никак нельзя называть благополучной, стремительно меняется в худшую сторону под влиянием полномасштабного финансового и экономического кризиса, продолжающегося в России с 2015 г. Его основные проявления теперь уже хорошо известны и потому мы кратко скажем о них, концентрируя внимание на тех, что более всего сказываются и ещё долго будут сказываться на положении дел с налоговой преступностью.

Надо заметить, что тема кризиса, второй год негативным образом меняющего условия жизни российского общества в целом, всех его структур и отдельных граждан, не нашла пока должного отражения на страницах криминологической литературы. Отдельного упоминания заслуживает, пожалуй, лишь одна работа — весьма содержательная и своевременная монография В. С. Овчинского, процитированная выше. Она посвящена исследованию кризиса 2008–2009 гг. Хотя нынешний кризис глубже и масштабнее предыдущего, и во многих отношениях качественно отличается от него в негативную сторону, многие мысли учёного очень значимы для понимания нынешней ситуации, в том числе и в сфере налоговой преступности.

Конечно, в одной небольшой статье невозможно восполнить существующий пока этот пробел на исследовательском поле. Поэтому свою задачу мы видим в том, чтобы остановиться лишь на некоторых актуальных аспектах темы «кризис и налоговая преступность».

Истоки нынешнего кризиса в России — соединение и взаимодействие ряда неблагоприятных крупномасштабных социально-экономических обстоятельств. Наиболее существенное негативное влияние на состояние российской экономики оказали и оказывают: антироссийские экономические санкции, введение Россией контрсанкций и т. д., как следствие этого падение курса рубля.

Серьёзный удар был нанесен макроэкономике (включая даже таких её представителей как госкорпорация Газпром) и бизнесу, в том числе и даже в первую очередь — среднему и малому. Многие предприятия вынуждены были закрыться или же свернуть значитель-

ную часть своего производства. Само собой разумеется, это решительно сузило круг наиболее значимых объектов налогообложения.

Хорошо известно, насколько значительна для формирования бюджета роль отчислений заработной платы работников в социальные и налоговые фонды. В условиях экономического кризиса этот источник неизбежно оскудевает за счёт вынужденного сокращения штатов, (например в системе МВД: в целях оптимизации бюджетного финансирования в 2015 году было сокращено 110000 сотрудников), снижения уровня заработной платы и возобновления широко распространённой практики «серых» или даже «чёрных» заработков, оплаты труда в конвертах и т. п.

В контексте нашей темы сильнейшим негативным фактором следует считать резкое ухудшение экономического положения населения: иссякли финансовые сбережения, в том числе и валютные, у половины населения, которые быстрыми темпами возрастают, впрочем, как и товары длительного пользования. На фоне уже упомянутого резкого снижения цен на нефть парадоксальным образом растут цены на топливо, что спровоцировало увеличение стоимости продуктов первой необходимости. Вследствие колебаний национальной валюты покупательская способность населения снизилась, качество жизни стало заметно хуже.

Итогом сокращения объёмов товарооборота, естественно, стало дальнейшее снижение поступлений в бюджет. Стремясь компенсировать финансовые потери, государство всё более широко использует новые и новые способы решать свои проблемы за счёт населения, ухудшая материальное положение последнего. Регулярно вводятся новые налоги, акцизы, платы, причём, по самым различным «поводам»: капитальный ремонт жилищ, который обещан через 10–15 лет, платные дороги, налоги на автомобильные шины и на мусор, платные парковки, налог на недвижимость по кадастровой стоимости и т. д. и т. п. Как результат сложившейся ситуации, по данным Росстата, в 2021 году «число россиян с денежными доходами ниже границы бедности составило 16,1 миллиона человек или 11 процентов населения страны. Снижение числа малообеспеченных россиян связано с ростом выплат для различных категорий граждан, а также с восстановлением экономической активности, приведшей к росту занятости и увеличению оплаты труда. За 12 месяцев 2021 года объем социальных выплат превысил 14,5 трлн руб., что на 6,7 % больше, чем в 2020 году, а доходы, связанные с оплатой труда, выросли на 10,4 % до 40,3 трлн руб.» [15]. Однако, специалисты прогнозируют, что к концу 2022 года бедными в России окажутся 30–40 миллионов человек, что вернет страну к состоянию 1998–2000 годов.

Эксперты ожидают, что кризис будет только усиливаться. Реальный доход, как физических лиц, так и организаций будет продолжать снижаться. Соответственно, в России сократится и потребительская способность. Усугубится это параллельным ростом цен. Некоторые граждане не смогут оплачивать услуги, у других возникнут проблемы с кредитными займами. Многие компании

утратят возможность продолжать деловую деятельность и объявят себя банкротами. По предварительным оценкам, выход из кризиса может затянуться на ряд лет.

Несколько слов в порядке предварительных выводов из сказанного выше. Один из них касается материального положения налогоплательщиков-граждан. Истина, которая тысячекратно подтверждалась: *бедность и массовое уклонение от налогов неотделимы*. Отсюда следует, что обнищание населения применительно к налоговой преступности будет выступать мощным и труднопреодолимым криминогенным фактором. Надо согласиться с Ю. М. Антоняном, который пишет: «Особенность поведения в условиях кризиса связана со сдвигами в мировоззрении, с вынужденным обращением к архаическим способам освоения действительности... По мере усложнения картины рассыпающегося на глазах привычного мира способность восприятия действительности во всё её разнообразии утрачивается, и она подменяется предельно упрощённой схемой» [13, с. 52]. Имеется в виду схема приспособления к ситуации и выхода из неё.

Далеко не всё просто и с ожидаемым эффектом от умножения каналов сбора денег от населения. Государство должно иметь в виду, что каждый новый пакет налогов и сборов пропорционально увеличивает и «пакет» *источников уклонения от обязательных выплат*. И здесь в криминологическом отношении также надо брать в расчёт не только финансовую, но и психологическую сторону дела. Всякий обман развращает самого обманщика. Обман же государства в случаях, о которых идёт речь, укрепляет неуважение к власти, к закону, убеждает, что нарушение закона выгодно, а в силу распространённости таких действий ещё и не рассматривается в общественном мнении как нечто позорное. Чем более широко распространяется подобная практика, тем более активно формируется криминогенно опасная психология личности — субъективная основа совершения более тяжких налоговых преступлений и не только их. В. С. Овчинский подчеркивает одну из современных тенденций преступности — это большое значение мирового финансово-экономического кризиса с начала 2009 года, из-за которого серьезно увеличилось количество таких преступлений, как мошенничество, подлоги, производство контрафактной продукции, уклонение от налогов [9].

В качестве одного из разумных шагов в сторону смягчения негативных последствий сложившейся ситуации, на наш взгляд, было бы построение адекватной налоговой политики, обеспечивающую наиболее эффективного исполнения функций налогообложения.

На наш взгляд, традиционно считать, что основное средство реализации налоговой политики в Российской Федерации — нормативные правовые акты: федеральные законы и подзаконные акты органов исполнительной власти, акты органов местного самоуправления является узким: при всей важности нормативного обеспечения налоговых процессов не менее важным средством реализации уголовной политики надо считать систему конкретных воспитательных мероприятий, формирующих уважение к налоговым законам, готовность их соблюдать, исполняя свой конституционный долг перед

государством. Сами по себе данные акты не обеспечат соответствующего уровня правовой культуры и правосознания всех участников налогового процесса, на наш взгляд, нужно менять ситуацию в корне, чтобы каждый его участник считал недопустимым неисполнение налоговой обязанности и понимал важность регулятивной и социальной функции данного института.

Считаем, что данное обстоятельство выступает в качестве наиболее значимой детерминанты налоговой преступности и оказывает наиболее существенное влияние на ее динамику. Современная налоговая политика должна формироваться как кризисная конструкция. Это означает, что она должна быть скоординирована с уголовной политикой в некоторой своей части, касающейся, прежде всего, предупреждения наиболее общественно опасных форм налоговых правонарушений. Построение сбалансированной и научно обоснованной налоговой политики, адекватно отражающей специфику момента и перспективу развития кризисной ситуации — важнейшая проблема и вместе с тем сложнейшая задача, решение которой лежит на государстве.

Несомненно, необходимо внести достаточно существенные коррективы в законодательную базу этой политики с целью установления оптимального соотношения карательных мер из арсенала уголовного права и мер, имеющих в арсенале налоговой системы. Конечно, необходимо разумное усиление ответственности за крупные налоговые преступления, социальная вредоносность которых в кризисные годы возрастает в значительной степени. Но столь же необходимо не допустить опасности «задушить» репрессиями экономику, выставить рамки, которые губительны для малого и среднего бизнеса.

Кризисная налоговая политика должна искать и находить возможности и способы стимулировать развитие предпринимательской деятельности, не допускать её преследования, не препятствуя выживанию хозяйствующих субъектов в условиях экономического кризиса.

Совершенно очевидно, что преодоление кризиса, спровоцировавшего огромную массу проблем в различных сферах жизнедеятельности государства и его граждан, — это дело всего нашего общества. В условиях кризиса одна из важнейших задач криминологов — теоретиков и практиков борьбы с преступностью — состоит в усилении противодействия налоговой преступности и минимизации её общественно опасных последствий [14].

Не менее очевидно, что жестокий финансовый дефицит и обозначенные выше кадровые трудности необыкновенно сужают возможности организации полномасштабной профилактической работы, активизации борьбы со злостными неплательщиками налогов, проведения воспитательных мероприятий и т. п. Но было бы грубой ошибкой вообще отказаться от посильного решения такого рода задач.

Полагаем целесообразным представить некоторые, конечно, не претендующие на полноту, предложения, которые в той или иной степени способствовать созданию системы мер профилактики налоговых преступлений, состоящие в следующем:

- построение единой информационной базы дан-

ных для правоохранительных и налоговых органов для упорядочения информации об имеющихся налоговых правонарушениях и преступлениях на всей территории Российской Федерации;

- координация деятельности всех правоохранительных и налоговых органов для повышения эффективности предупреждения налоговых преступлений, а также возможно для выработки совместных решений включать непосредственно налогоплательщиков как представителей от малого и среднего бизнеса;
- разработка и принятие федеральных и региональных законодательных программ, направленных на повышение эффективности механизма возмещения ущерба, причиненного бюджетам данных уровней налоговыми преступлениями и правонарушениями;
- комплексный подход в проведении налоговой и уголовной политики Российской Федерации, позволяющий обеспечить неотвратимость наказания за совершение налоговых преступлений, но при этом стимулировать и поощрять налогоплательщиков за их законопослушность и добросовестность в рамках законодательства о налогах и сборах.

Нельзя не согласиться с мыслью В. С. Овчинского, высказанной применительно к кризису 2008 г., она полностью актуальна и для сегодняшнего кризиса: «Главное, чтобы эти (антикризисные) алгоритмы и сами действия были направлены не против людей, которых кризис выбрасывает на улицу, а против криминальных структур, пытающихся использовать кризис для достижения своих корыстных целей. Кризис заставляет переосмысливать экономическую и социальную политику. Заставляет он переосмысливать и уголовную политику» [9].

Список источников

1. Кучеров И. И. Налоговая преступность : криминологические и уголовно-правовые проблемы : автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 1999.
2. Клевцов А. А. Организационно-управленческие меры снижения налоговой преступности в рыночной экономике России : монография / А. А. Клевцов. М., 2009.
3. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25 декабря 2020 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».
4. Ляпин А. Е. Статистический анализ налоговой преступности в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
5. Малокозова П. Р. Криминологический взгляд на статистику налоговой преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11.
6. Панкратьев А. Н. Статистическая характеристика налоговых преступлений // Закон и право. 2020. № 11.
7. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Мёртвые нормы в УК. Проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.
8. Преступность в России и борьба с ней / Ю. Н. Ар-

гунова, В. В. Астанин, С. В. Ванюшкин и др.; под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2001.

9. Овчинский В. С. Криминология кризиса / В. С. Овчинский. М., 2009.

10. Российский ежегодник уголовного права. № 1, 2006. СПб : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2007.

11. Глинской Я. И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Глинский. 2-е изд., испр. и доп. СПб : Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 206-209.

12. Балюк Н. Н. Предупреждение налоговой преступности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва, 2015. 316 с.

13. Антонян Ю. М. Исследование тоталитаризма : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.

14. Староверова О. В. Теория и методология криминологического исследования социально- правовых последствий налоговой преступности : монография. М. : ЮНИТИ, 2006.

15. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001>.

References

1. Kuchеров I. I. Tax crime : criminological and criminal-legal problems : abstract. dis... Dr. jurid. sciences : 12.00.08. Moscow, 1999.

2. Klevtsov A. A. Organizational and managerial measures to reduce tax crime in the market economy of Russia : monograph / A. A. Klevtsov. M., 2009.

3. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia № 738/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 dated 25.12.2020 «On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting».

4. Lyapin A. E. Statistical analysis of tax crime in Russia : dis. ... cand. jurid. M., 2019.

5. Malokostova P. R. Criminological view on tax crime statistics // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 11.

6. Pankratiev A. N. Statistical characteristics of tax crimes // Law and law. 2020. № 11.

7. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Dead norms in the Criminal Code. Problems and solutions // Criminal Law. 2010. № 6. Pp. 4–10.

8. Crime in Russia and the fight against it / Yu. N. Argunova, V. V. Astanin, S. V. Vanyushkin, etc. ; edited by A. I. Dolgova. M. : Russian Criminological Association, 2001.

9. Ovchinsky V. S. Criminology of the crisis / V.S. Ovchinsky. M., 2009.

10. Russian Yearbook of Criminal Law. № 1, 2006. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2007.

11. Glinskoy Ya.I. Deviantology : sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other «deviations» / Ya. I. Gilinsky. 2nd ed., ispr. and add. St. Petersburg : Ed. R. Aslanova «Law Center Press», 2007. P. 206–209.

12. Balyuk N. N. Prevention of tax crime : dissertation... Candidate of Legal Sciences : 12.00.08. Moscow, 2015. 316 p.

13. Antonyan Yu. M. The study of totalitarianism : monograph. M. : Yurlitinform, 2016.

14. Staroverova O. V. Theory and methodology of criminological research of socio-legal consequences of tax crime : monograph. M.: UNITY. 2006.

15. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001>.

Информация об авторах

О. В. Староверова — профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

С. С. Маилан — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the authors

O. V. Staroverova — Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

S. S. Mailyan — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-221-226>

ИПОН: 2003-0059-6/22-522

MOSURED: 77/27-003-2022-06-721

Международная санкционная политика с позиции верховенства права

Игорь Леонидович Трунов

Международная юридическая фирма «Трунов, Айвар и партнеры», Москва, Россия, Trunov08@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ международной санкционной политики с позиции права. Определяется, какие последствия влекут санкции для государств и подсанкционных лиц и как это соотносится с конституционными и правовыми принципами. Международные конфликты приобретают санкционную форму против государств, юридических лиц и отдельных граждан, но как это регламентировано международными нормами права. Санкционная политика давления, влекущая дискриминацию, создающая предпосылки голода и ухудшения системы здравоохранения, недопустима и должна регламентироваться гуманитарным правом как и правила ведения войны.

Автор на примере отдельных государств приводит примеры применения санкций, их цели и задачи, а также их последствия. Среди международных санкционных компаний самая масштабная в отношении России и россиян. Против граждан России и Российской Федерации введено 10128 санкций. И эта цифра растет. Аресты банковских счетов, криптовалюты, домов, квартир (и всего имущества, находящегося в квартирах и домах), яхт, самолетов, картин, ювелирных украшений и т. п., принадлежащих, в основном, бизнесменам, журналистам и чиновникам.

В статье использованы первоисточники, на которые ссылается автор.

Ключевые слова: международная санкционная политика, конфискация активов, гуманитарное право, экономические санкции, финансовые ограничения, Совет безопасности ООН, Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, защита государственных интересов, защита прав человека, конституционная защищенность коммерческих сделок

Для цитирования: Трунов И. Л. Международная санкционная политика с позиции верховенства права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 221–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-221-226>.

Original article

International sanctions policy from the position of the rule of law

Igor L. Trunov

International Law Firm «Trunov, Aivar and Partners», Moscow, Russia, Trunov08@yandex.ru

Abstract. Analysis of international sanctions policy from the standpoint of law is held. It is noted what are the consequences of sanctions for states and sanctioned persons and how this relates to constitutional and legal principles. International conflicts take the form of sanctions against states, legal entities and individual citizens, but as it is regulated by international law. The sanctions policy of pressure that leads to discrimination, creates the prerequisites for hunger and the deterioration of the health care system, is unacceptable and should be regulated by humanitarian law, as well as the rules of war.

The author, using the example of individual states, gives examples of the application of sanctions, their goals and objectives, as well as their consequences. Among the international sanctions campaigns, the largest one is against Russia and Russians. 10,128 sanctions have been imposed against citizens of Russia and the Russian Federation. And this number is growing. Arrests of bank accounts, cryptocurrencies, houses, apartments (and all property located in apartments and houses), yachts, planes, paintings, jewelry, etc., owned mainly by businessmen, journalists and officials.

The article uses primary sources cited by the author.

Keywords: international sanctions policy, confiscation of assets, humanitarian law, economic sanctions, financial restrictions, United Nations Security Council, Universal Declaration of Human Rights, European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, protection of state interests, protection of human rights, constitutional protection of commercial transactions

For citation: Trunov I. L. International sanctions policy from the position of the rule of law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):221–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-221-226>.

© Трунов И. Л., 2022

*Где Конституция нарушается под предлогом общего блага,
там нет ни права, ни прав человека.*

Разрастающаяся санкционная политика международных конфликтов, не регламентируемая международным правом, давно требует единообразной правовой формы (Международной Конвенции), единых критериев оценки доказательств, выработки разумных сроков удержания активов. Санкционная политика давления, влекущая дискриминацию, создающая предпосылки голода и ухудшения системы здравоохранения, недопустима и должна регламентироваться гуманитарным правом, как и правила ведения войны. Санкции в основе своей значительно влияют на покупательную способность, доходы и занятость, и уровень жизни людей, не имеющих отношения к политике. Идея санкций в том, чтобы заставить население страдать, чтобы «народ» восстал против правящего режима и заставил его отказаться от нежелательной политики, оказалась не жизнеспособной. Яркий пример Куба, где санкции, повлекли нехватку еды, чистой воды, медикаментов, эпидемии заболеваний (приводящих к слепоте) из-за недоедания [1]. Экономический кризис и голод в Северной Корее (КНДР), вызванный экономическими санкциями, только в 1995–1999 годы и унёс до 3 миллионов жизней [2].

Среди наиболее распространенных экономических санкций можно выделить финансовые ограничения (заморозка активов физических и юридических лиц), торговые ограничения (запрет на импорт/экспорт), секторальные санкции (комплексные ограничения, накладываемые на наиболее уязвимые и важные отрасли/сектора экономики подсанкционных государств), персональные санкции (наиболее серьезные ограничения вплоть до запрета любых имущественных отношений с подсанкционным лицом) [3, с. 28–45]. Хотя односторонние принудительные экономические меры, используемые для политического или экономического давления, и неправомерно именуются санкциями. Такие меры противоречат базовым основам международного права, нарушают права человека. Санкциями в соответствии с главой VII Устава ООН являются лишь меры, принимаемые Советом Безопасности, обеспеченные системой гарантий, не позволяющих использовать их для получения преимуществ.

Очень важно разобраться, на основе каких норм права проводится санкционная политика, какими методами достигается верховенство права (rule of law), и есть ли альтернатива верховенству силы. Соответствует ли происходящее общепризнанным принципам международного права (jus cogens), фундаментальным правам и свободам человека, которые закреплены в том числе во Всеобщей Декларации прав человека (1948) и в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Конституции США. Насколько соблюдаются эти святыне ценности, ради которых приносятся столько жертв.

Тон в международной санкционной политике задают США, которые с 1998 года ввели экономические санкции против более чем 20 стран. Длительность санкций, арестов имущества, активов и золотовалютных запасов, огромны. Северная Корея 72 года, Куба 61 год, Иран 43

года, Сирия 35 лет, Бирма 31 год, Судан 28 лет и т.д. К примеру, десятилетние санкции против Югославии, введенные в 1991–93 годы, когда Совет безопасности ООН принял резолюции, прекратить: любые торговые операции с Югославией, использование югославских кораблей и самолетов, деловые контакты, все финансовые транзакции с физическими и юридическими лицами из СРЮ. Заморозили югославские валютные фонды за границей, ввели ограничения на перелет и посадки югославских самолетов, культуру, спорт и т. д. Стыдно за единодушное голосование в ООН, сколько вреда и страдания причинили простым людям. Только за первые три из десяти лет санкций прямой ущерб составил более 45 миллиардов долларов, безработица, гиперинфляция, недоедание и т. д. Позднее во избежание гуманитарных катастроф в результате санкций, только в США был принят закон не позволяющий осуществлять сельскохозяйственные или медицинские санкции против иностранного государства или организаций, Trade Sanctions Reform and Export Enhancement Act of 2000 (TSRA) [4], но применяется он выборочно.

Санкции в отношении России имеют очень длинную историю. Всего несколько примеров, если не брать период средневековья. Так санкции (10.10.1919 г.) были введены по инициативе госсекретаря США Р. Лансинга и стран Антанты (Великобритании и Франции), в период «русской смуты» — революций 1917 г. и гражданской войны. Целесообразность введения санкций против Советской России обосновал премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, заявил, что: «Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие..., и надеяться на них (Деникина, Колчака, чехов и поляков) — значит строить на сыпучем песке» [5]. В 1925 году были введены новые санкции в отношении Советской России — так называемая «золотая блокада». Поводом стало обвинение в сворачивании нэпа и разрыв концессионных соглашений. США, Великобритания, Франция отказались торговать с СССР за золото и купить технологии и оборудование можно было только за зерно. В период засухи и не урожая таким образом стимулировали протестные настроения, результатом стал «голодомор» 1932–1933 гг., жертвами стали не менее 7 млн. человек [6].

Сегодня среди международных санкционных компаний самая масштабная в отношении России и россиян. Россия лишена возможности доступа к золотовалютным активам на сумму более 300 млрд. долларов США. По подсчетам сервиса Castellum [7] — глобальной базы данных по отслеживанию санкций, против россиян и России введено 10128 санкций. И эта цифра растет ухудшая и без того не легкую жизнь простых россиян. Аресты банковских счетов, криптовалюты, домов, квартир (и всего имущества, находящегося в квартирах и домах), яхт, самолетов, картин, ювелирных украшений и т. п., принадлежащих бизнесменам, журналистам и чиновникам. Владельцам арестованного имущества аннулированы визы и запрещено въезжать в страны наложившие санкции, с ними также не могут вести дела ни граждане страны наложившей санкции, ни компании. Санкции распространяются и на членов семей. Примечательно

что, если мы посмотрим по национальному признаку, поймем, что основная часть попавших под аресты имущества, лишения гражданства и преследования, лица еврейской национальности и члены их семей, что очень похоже на новые формы еврейских погромов, что породило большую волну беженцев в Израиль. Часто нелюбовь к богатым людям служит оправданием противоправности, достаточно назвать преследуемого олигархом, и это снимает все юридические вопросы.

Преследуются во многом бизнесмены, не имеющие отношения к принятию политических решений, не связанные с криминалом, но имеющие слабое место, зарождение первоначальных капиталов, произошедшее в правовом вакууме распада СССР, и как следствие, любое состояние можно оценивать субъективно.

Санкции, схема которых состоит в аресте имущества и счетов, замораживании активов и запрете легальных и конституционно защищенных коммерческих сделок. Мишенью санкций, в основном являются, коммерческие банки и коммерческие организации и даже американские банки и коммерческие организации стали мишенью — и пострадали сотни миллионов потребителей и инвесторов. Запретив использование активов и международные денежные переводы, санкции нанесли серьезный ущерб в первую очередь людям и предпринимателям в России, которые не имеют никакого отношения к политике, радикально снизив уровень жизни и покупательную способность. Владельцы арестованного имущества по-прежнему числятся в государственных реестрах как собственники. И офшорные компании, формально владеют яхтами и виллами, зарегистрированы в реестрах, но продать, заложить, отдать в доверительное управление, подарить их нельзя. Незаметная с первого взгляда проблема в том, что нужно оплачивать стоянку, обслуживание, платить налоги, арестованных: яхт, самолетов и машин. Квартиры, дома это еще и коммунальные платежи, эксплуатационные издержки. Банковские счета заморожены, въехать нельзя. Долги и штрафные санкции растут, превращаясь из активов в долги.

В основе санкционных арестов подзаконные акты исполнительной власти США, указы Президента США. Министерство юстиции США создало специальную группу «Task force kleptocapture», которое преследует российских граждан с использованием как гражданско-правовых, так и уголовных полномочий по аресту и конфискации активов лиц, попадающих под санкции, цель подрыв финансовых институтов России. В состав группы вошли агенты и аналитики из — ФБР; Службы маршалов США, Секретной службы США; Департамента внутренней безопасности—расследования в области внутренней безопасности; IRS—уголовное расследование; и Службы почтовой инспекции США [8].

Среди прочего, вводя санкции, США нарушают свои обязательства по Генеральному соглашению о торговле услугами (ГАТС) [9].

Может ли президент и исполнительная власть конституционно запретить американцам и иностранным лицам законное использование их собственных активов и свободное участие в законных коммерческих сделках?

Ответ одним словом: нет! Конституция США была написана для того, чтобы установить полномочия и разделение властей, в том числе федерального правительства, но ограничить его. Тот же документ, который делегирует Конгрессу США право поддерживать регулярную торговлю между штатами и внешней торговлей, также запрещает Штатам в Пункте о контрактах вмешиваться в частные контракты. Джеймс Мэдисон, автор Конституции, разработал Пятую поправку к Конституции США для защиты жизни, свободы и собственности именно от исполнительной власти, Президента и его администрации. Требуя надлежащей правовой процедуры — судебного разбирательства, на котором федеральное правительство должно доказать вину, — прежде чем вмешиваться в жизнь, свободу или собственность любого человека. Пятая Поправка Конституции США на федеральном уровне и четырнадцатая Поправка на уровне штата, требует ордер, выданный нейтральным судьей на основании свидетельских показаний под присягой о доказательствах правонарушения, прежде чем федеральные власти смогут арестовать какое-либо лицо или материальную вещь [10].

Любой «Арест лица или имущества» в соответствии с Четвертой и Пятой Поправкой Конституции США, это судебная процедура регламентируемая к примеру, Федеральными Правилами Гражданского судопроизводства (The Federal Rules of Civil Procedure (Fed. R. Civ. P.; FRCP [11])) которые применяются и толкуются для обеспечения справедливого и быстрого судопроизводства. Законодательство США, касающееся судопроизводства четко и жестко прописывает сроки. В части же арестов имущества, попавшего под санкции этот вопрос разумности сроков наложения ограничений странно замалчивается по 72, 61 или 43 года?!

При отсутствии надлежащих правовых процедур, отдельное существенное нарушение — Презумпции невинности (*Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat* — Доказательство лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает) — один из основных принципов американской правовой системы и международных прав человека в соответствии со статьей 11 Всеобщей декларации прав человека ООН, явно игнорируется при применении санкций.

Четвертая и Пятая поправки Конституции США, защищают всех «людей» и каждого «человека», а не только американцев. Это имеет кардинальное значение для понимания того, почему санкции, введенные администрацией Байдена — в отношении тех, в отношении кого не было соблюдено надлежащих правовых процедур или в отношении кого не были выданы ордера на обыск и арест, — являются грубо неконституционными. Когда федералы конфисковывают яхту у человека, который, по их мнению, мог финансировать политический приход Путина к власти или даже его личный образ жизни, они делают это в прямом нарушении пункта о надлежащей правовой процедуре Пятой поправки Конституции США. Точно так же, когда они замораживают иностранные активы в американских банках, они прибегают к аресту, а арест по Конституции может производиться

только при наличии ордера. Когда федералы вмешиваются — будь то президентским указом или законом Конгресса — в договорные права, запрещая соблюдение законных контрактов, это также подразумевает надлежащую правовую процедуру и может быть сделано только конституционно после вердикта присяжных в пользу правительства по результатам судебного разбирательства, на котором федералы доказали вину. Четвертая поправка Конституции США, часть Билля о правах. Поправка запрещает необоснованные обыски и наложение ареста, требует, чтобы любые ордера выдавались судом при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о преступлении. Ее принятие в 1792г., зарождение американской демократии, ответ злоупотребления солдат английской короны.

К примеру, Конгресс принял Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях от 1977 г. (англ. International Emergency Economic Powers Act (IEEPA)) и поправки в Закон Магнитского от 2016 года (англ. Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act). Эти конституционные отклонения призваны дать президенту право объявлять физических и юридических лиц нарушителями прав человека и посредством простого исполнительного заявления, наказывать их без суда. Эти законы переворачивают Четвертую и Пятую поправки с ног на голову, сначала наказывая, а потом применяя извращенный вариант надлежащей правовой процедуры. Насколько извращенная система? Если федеральные агенты арестовывают активы или вмешиваются в контракты, связанные с иностранной собственностью или их интересами, и пострадавшие хотят справедливости, физические или юридические лица, чьи активы были конфискованы или чьи договорные права были ограничены, должны согласиться с юрисдикцией американских судов и доказать, что они не нарушали права человека. Эти законы представляют собой федеральную версию «Алисы в стране чудес», в соответствии с которой наказанное лицо или организация должны доказать свою невиновность. Такое бремя бросает вызов всем американским Конституционным понятиям о собственности, справедливости и надлежащей правовой процедуре. Это противоречит нашей истории, противоречит нашим ценностям и высмеивает Конституцию, которую все в правительстве поклялись соблюдать. Все лица считаются невиновными ввиду презумпции невиновности. Правительство всегда должно доказывать вину [10].

Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA) [12] 1977 г., уполномочивает Президента США правом замораживать активы, принадлежащие иностранцам и иностранным государствам. Однако не дает права к изменению владельца. Хотя безрезультатные попытки были, так администрация Президента Трампа объявляла, что передаст арестованные активы Венесуэлы в распоряжение признаваемого администрацией Трампа венесуэльского политика Хуану Гуайдо (Juan Guaidó), однако дальнейших политических заявлений дело не пошло.

Очередное заявление в этом году сделал Президент

США Байден, предложил разморозить арестованные активы Афганистана и передать легитимному Правительству, но не администрации Талибан которой военные США передали власть покидая страну? Т.е. поставили невыполнимые условия, а деньги и золото в размере \$9,4 млрд оставили у себя предлагая разделить их для помощи жертвам терактов и создания фонда «на благо афганского народа» [13].

Конституция США защищает любого (в том числе и государство), кто имеет свою собственность в пределах границ США. Эта защита, не позволяет оставлять интересы людей и их собственность на милость прихотей правительства или законодателя США [14]. Даже если бы Конгресс США, изловчился и принял закон, разрешающий конфискацию российской собственности это нарушало бы Конституцию и международно-правовые обязательства США [15].

Попытки перенаправить часть Иранских замороженных активов, а это 120 миллиардов долларов [16], Президент Ирана Хасан Рухани назвал «вопиющим ограблением» [17] и в настоящее время на рассмотрении в Международном Суде ООН иск, который поднимает проблему, включая легитимность законодательства и судебных решений США, которые хотят перенаправить замороженные активы центрального банка Ирана, определенным кредиторам, по судебному решению США. Предварительное же постановление Международного Суда ООН обязывает вывести из-под санкций средства на гуманитарную помощь и ограничения, связанные со сферой гражданской авиации [18].

Звучит еще один аргумент против перенаправления Российской собственности, когда Россия вернется в лоно права и захочет вернуть свои деньги и это означает, что американским налогоплательщикам придется оплачивать деньги, которые пошли в Украину [15].

Защита активов иностранных центральных банков, замороженных в США предоставляется Законом об иностранных суверенных иммунитетах (FSIA) [19] 1976 г. Причина этого иммунитета очевидна: Федеральный резервный банк, держит эти депозиты и не сможет привлечь новые, да и остальные разбегутся, если вкладчики не будут пользоваться правовой защитой от конфискации.

Не юридические СМИ и политики часто педалируют вопросы возможной конфискации и отчуждения находящейся под санкциями собственности. Для правдоподобности идет ссылка на действующую в США практику и закон о конфискации, который Конгресс США принял в 1789г. санкционировавший конфискацию, за пиратство, работорговлю и таможенные преступления [20].

Почти все штаты и федеральное правительство разрешают правоохранительным органам изымать и конфисковывать наличные денежные средства, имущество и другие материалы, которые, связаны с незаконной деятельностью. Конфискация может происходить по двум градациям законодательства: по уголовному законодательству или по гражданскому. В уголовном деле конфискация нажитых преступным путем активов возникает в отношении лица после вынесения приговора и осуждения за уголовное преступление. В гражданском деле,

конфискация имущества происходит следующим путём: после ареста имущества прокуратура подает гражданский иск с целью конфискации имущества лица, подозреваемого в причастности к незаконной деятельности. Иск направлен в отношении имущества (in rem), а не против владельца собственности, используемой в преступных целях [21], активы и имущество могут быть конфискованы, даже если подозреваемому не предъявлено обвинение, и он не будет осужден за преступление.

Закон о конфискации позволяет правительству США удерживать конфискованные денежные средства и имущество, уничтожать имущество или продавать его, а вырученные средства использовать для финансирования правоохранительных органов, таких как: следственная деятельность, оборудование, выплаты жертвам преступлений, просветительские программы по борьбе с преступностью. Но такие штаты как Северная Каролина, Нью-Мексико и Небраска полностью не приемлет гражданскую конфискацию имущества [22]. Как показывает статистика преступлений, роста там, где не применяется гражданская конфискация, не происходит и даже наоборот.

Так полиция США конфисковала активов и имущества на 68 миллиардов долларов в основном гражданско-правовым путем, где не нужно доказывать вину владельца, а только недоказанность легальности происхождения, конфискованные активы поступают на финансирование правоохранительной системы, что делает выгодным охоту за деньгами, а не борьбу с преступностью. Политики, когда говорят о возможной конфискации находящегося под санкциями активов и имущества имеют в виду гражданско-правовую конфискацию, которая должна сопровождаться надлежащими правовыми процедурами, соблюдением прав собственника, судебным решением, правом обжалования состоявшихся решений. Применение закона о конфискации практически невозможно по отношению к попавшему под санкции имуществу, где необходимо доказать противоправность происхождения и обеспечить Конституционные права владельцев.

Попытки оказать давление на участников судебного процесса с целью максимально упростить судебные процедуры и легитимизировать институт конфискации, уже прозвучали. Так, Коэн – конгрессмен-демократ из Теннесси, предложил ограничить Конституционное право на юридическую помощь и защиту адвокатом закреплённое в Шестой поправке к Конституции США (1791), получившее свое развитие в ряде прецедентных решений Верховного суда США [23]. Стив Коэн (Steve Cohen) направил требование госсекретарю США Блинкену и генеральному прокурору США Гарланду о том, что США необходимо создать «сдерживающие факторы» против адвокатов, защищающих граждан России, которые этим подрывают демократические ценности [24].

Отдельный вопрос, но схожая практика нарушений международных норм права, санкции Европейского Союза.

После начала санкционной компании предприниматели ЕС вынуждены были в одностороннем порядке нарушить договора с Российским бизнесом, что должно было породить большое количество споров. Но было

сделано совместное заявление Международного арбитражного суда при Международной торговой палате, Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма и Лондонского международного арбитражного суда, в котором признается, что для разбирательства со стороны из России, необходимо получение специального разрешения от компетентных органов европейских государств [25]. В случае получения разрешения и выигрыша выплата присужденных судом сумм все равно невозможна из-за действующих санкций.

Регламент Совета ЕС 833/2014 [26] о санкциях в отношении России не содержит термина конфискация, то есть изъятия имущества, присутствуют только термины: блокировка и заморозка. Незыблемое Европейское правовое уважение частной собственности, в частности; Хартия ЕС об основных правах [27] и, конечно, Европейская конвенция о защите прав человека [28] Где Протокол № 1, ст. 1, регламентирует незыблемое уважение частной собственности, делает невозможным изъятие собственности без судебного решения и соблюдения надлежащих процедур.

Каждый день новости начинаются с очередного заявления о изобретенных новых формах санкций в основном противоречащих фундаментальным ценностям прав человека. Очень часто в санкционной политике отдельных государств проглядывает экономическая хитрость, поиск односторонней выгоды и экономических преимуществ для своего государства, это пестрое одеяло требует единообразия. Стратегически не продуманная санкционная политика, влечет дискриминацию по национальному признаку, сельскохозяйственные или медицинские санкции приводят к голоду, эпидемиям и значительному ухудшению системы здравоохранения. Санкционная война требует защиты лиц, не принимающих политических решений или не имеющих отношения к политике. Необходимо так же четко регламентировать и ограничить выбор средств, сроков и методов применения санкций.

Список источников / References

1. Kirkpatrick, Anthony F. Role of the USA in shortage of food and medicine in Cuba. The Lancet, 28.05.2008. P. 1489–1491.
2. Сон Хи. Корея и сонгун «Корея»: Ежемесячный журнал. № 7 (718) (июль). ISSN 1727-9194. (2. Song Hee. Korea and Songun «Korea»: a monthly magazine. № 7 (718) (July). ISSN 1727-9194.)
3. Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016. (3. Doraev M. G. Economic sanctions in the law of the USA, the European Union and Russia. Moscow: Infotropik Media, 2016.)
4. <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/ofac-license-application-page/trade-sanctions-reform-and-export-enhancement-act-of-2000-tsra-program>.
5. Ситников А. Первые санкции против России. <http://svpressa.ru/politic/article/100726/> (5. Sitnikov A. The first sanctions against Russia. <http://svpressa.ru/politic/article/100726/>)

6. Постановление Государственной Думы РФ от 2 апреля 2008 г. № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР». (6. Resolution of the State Duma of the Russian Federation № 262-5 of April 2, 2008 «On the Statement of the State Duma of the Russian Federation «In memory of the victims of the famine of the 30s on the territory of the USSR».)
7. <https://www.castellum.ai/>
8. <https://www.nbcnews.com/politics/justice-department/justice-department-launches-special-unit-enforce-russia-sanctions-rcna18322>.
9. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2785–2817. (9. The General Agreement on Trade in Services (GATS) was concluded in Marrakech on April 15, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 37 (appendix, part VI). P. 2785–2817.)
10. Judge Andrew P. Napolitano «Seizing Assets for Whatever Reason is Unconstitutional» 17.03.2022. <https://www.newsmax.com/judgeandrewpnapolitano/asset-seizure-constitution-oligarchs/2022/03/17/id/1061678/>
11. <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp>.
12. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/chapter-35>.
13. Biden's Decision On Frozen Afghanistan Money Is Tantamount To Mass Murder. <https://theintercept.com/2022/02/11/afghanistan-frozen-assets-economy/>
14. PFIZER, INC., et al., Petitioners, v. GOVERNMENT OF INDIA et al. <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/434/308>.
15. Giving Russian Assets to Ukraine — Freezing Is Not Seizing. <https://www.lawfareblog.com/giving-russian-assets-ukraine-freezing-not-seizing>.
16. «International sanctions against Iran». Washington Post. ISSN 0190-8286. Retrieved 2021-11-30.
17. Информационное агентство Tasnim News Agency, Iran.
18. <https://easaily.com/ru/news/2020/09/14/ssha-gotovyat-otkaz-ot-yurisdikcii-mezhdunarodnogo-suda-oon-po-delu-irana?>
19. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-IV/chapter-97>.
20. Judiciary Act of 1789, 1st Cong., 1st sess., accessed April 11, 2016.
21. Остин против США, 509 U.S. 602, 618–619 (1993). (21. Austin v. United States, 509 U.S. 602, 618–619 (1993).)
22. Evolving Civil Asset Forfeiture Laws 26.02.2018. <https://www.ncsl.org/research/civil-and-criminal-justice/evolving-civil-asset-forfeiture-laws.aspx>.
23. Gideon v. Wainwright 372 U. S. 335 (1963).
24. US congressman urges Biden to ban six UK lawyers for 'enabling' oligarchs. www.theguardian.com/us-news/2022/apr/19/us-congressman-urges-biden-to-ban-six-uk-lawyers-for-enabling-oligarchs.
25. Joint statement of ICC, SCC and LCIA. The Potential Impact of the EU Sanctions against Russia on International Arbitration Administered by EU-Based Institutions. URL: https://sccinstitute.com/media/80988/legal-insight-icc_lcia_scc-on-sanctions_17-june-2015.pdf (accessed: 18.11.2020).
26. Регламент Совета ЕС 833/2014 от 31.07.2014 г. об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на территории Украины, с поправками 2022 г. (26. EU Council Regulation 833/2014 of 31.07.2014 on restrictive measures in connection with Russia's actions destabilizing the situation on the territory of Ukraine, as amended by 2022.)
27. Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01), (Страсбург, 12 декабря 2007 года). (27. The Charter of Fundamental Rights of the European Union (2007/С 303/01), (Strasbourg, December 12, 2007).)
28. Конвенция от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод. (28. Convention of 4 November 1950 on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.)

Информация об авторе

И. Л. Трунов — Президент Международной юридической фирмы «Трунов, Айвар и партнеры», Президент Союза Адвокатов России, Заместитель председателя Международного Союза юристов, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный адвокат.

Information about the author

I. L. Trunov — President of the International Law Firm «Trunov, Aivar and Partners», President of the Union of Lawyers of Russia, Deputy Chairman of the International Union of Lawyers, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-227-230>

НИОН: 2003-0059-6/22-523

MOSURED: 77/27-003-2022-06-722

Цифровизация гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы

Светлана Александровна Устимова¹, Максим Анатольевич Куракин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 7791sveta@mail.ru

² kurakin.klin0119@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено внедрение цифровизации, информационных технологий в деятельность судебной системы, которая претерпела ряд изменений. Анализируется созданная электронная процедура, представляющая собой процедуру осуществления правосудия, основанную на использовании информационных технологий, которая позволяет применять цифровой обмен информацией между всеми участниками процесса в судебном разбирательстве. Изложены некоторые издержки использования передовых технологий и интернет-коммуникаций в деятельности судов; предложены пути совершенствования такого использования.

Ключевые слова: цифровизация, интернет, информационные технологии, правосудие, кибербезопасность

Для цитирования: Устимова С. А., Куракин М. А. Цифровизация гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 227–230. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-227-230>.

Original article

Digitalization of civil proceedings: problems and prospects

Svetlana A. Ustimova¹, Maxim A. Kurakin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 7791sveta@mail.ru

² kurakin.klin0119@gmail.com

Abstract. The introduction of digitalization, information technology in the activities of the judicial system, which has undergone a number of changes is discussed. The created electronic procedure is analyzed, which is a procedure for the administration of justice based on the use of information technologies, which allows the use of digital information exchange between all participants in the process in court proceedings. The article outlines some of the costs of using advanced technologies and Internet communications in the activities of courts, and then suggests ways to improve such use.

Keywords: digitalization, Internet, information technology, justice, cybersecurity

For citation: Ustimova S. A., Kurakin M. A. Digitalization of civil proceedings: problems and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):227–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-227-230>.

Быстрое развитие цифровых технологий в течение последних двух десятилетий оказало значительное влияние на судебные процессы и подотчетность. Первоначально развитие технологий рассматривалось как средство гармонизации и совершенствования исследований и анализа в области международного права путем, например, создания интерактивной базы данных для удобного пользователя с всеобъемлющим хранилищем правовых инструментов. Вскоре после этого в судопроизводство и операции по сбору данных просочился импульс протехнологий. Сторонники технологий изображали технологии как лекарство от всех проблемы, с которыми сталкиваются международные трибуналы, такие как до-

ступ к местам правонарушений и преступлений в зонах конфликтов и защита безопасности жертв, свидетелей и персонала суда.

В результате были разработаны сотни проектов и инициатив, основанных на технологиях, направленных на поддержку документирования преступлений и сохранение доказательств. Эти проекты включают разработку мобильных приложений для сообщения и документирования нарушений прав человека и внедрение онлайн- и офлайн-программного обеспечения для очистки открытых данных.

Несмотря на то, что использование технологий, несомненно, продвинуло (и продолжает продвигать) сферу

международного судопроизводства, чрезмерный оптимизм в отношении технологий — и стремление включить технологии полностью в такой процесс, независимо от того, необходимы они или нет, — заставили многих игнорировать многочисленные недостатки, особенно негативное влияние использования передовых технологий.

Во-первых, проекты, основанные на технологиях, рискуют дистанцировать механизмы правосудия и подотчетности от пострадавших людей, оставляя им только цифровое чувство возмещения. Во-вторых, они могут поставить под угрозу безопасность затронутых групп, простых граждан и активистов, которые часто не имеют доступа к защищенному интернет-соединению и современным технологиям. В-третьих, проекты, основанные на технологиях, могут еще больше маргинализировать отдельные затронутые группы, особенно те, у кого нет подключения к Интернету. Эти проекты могут также привести к выборочному сбору доказательств, который игнорирует или деприоритизирует определенные правонарушения и преступления, создавая тем самым иерархическую виктимность, в которой только жертвы этих конкретных правонарушений и преступлений участвуют в формировании дискуссии о правосудии.

Международные механизмы судопроизводства пытались уделять приоритетное внимание подходу к самому процессу, ориентированному на потерпевшего; однако этот подход может вступать в противоречие с основанными на цифровых технологиях «решениями», на которые все больше полагаются эти механизмы. Подход, ориентированный на интересы потерпевших, лучше всего понимать как способ дать возможность и расширить возможности потерпевших и затронутых групп для формирования и создания модели судопроизводства, соответствующей их потребностям, в целях достижения устойчивого мира и обеспечения гармоничного общества.

Исследования показали, что потерпевшие ставят во главу угла и ценят значимое участие в судопроизводстве и ощущение того, что их услышали. Фактически, потерпевшие формируют свое мнение о легитимности и достоверности процессов, основываясь на своем уровне участия. Это показывает, что они, скорее всего, будут подвергать сомнению разбирательства, в которых они не участвуют, независимо от их результатов, в то время как они склонны принимать результаты судебных разбирательств, в которых они осмысленно участвуют.

Нет сомнений в том, что технические средства, такие как коммуникационное программное обеспечение и приложения, могут увеличить число затрагиваемых лиц, участвующих в судебных процессах. Например, такая платформа, как Zoom, может способствовать участию большого числа потерпевших в диалоге по вопросам виртуального разбирательства дела. Это также может облегчить прокурорам экономию времени и расходов на поездки для записи показаний. Однако увеличение числа участников не обязательно означает улучшение доступа к значимому рассмотрению для всех затрагиваемых сторон.

Во-первых, сомнительно, могут ли основанные на технологиях средства связи способствовать содержательному общению по чувствительным темам, связан-

ым гражданским судопроизводством, с затронутыми группами. Встречи Zoom или видеозвонки Whatsapp, как правило, не имеют реляционной части личных взаимодействий, которая необходима для укрепления доверия. Действительно, существует консенсус среди психологов, которые считают, что онлайн-общение не может заменить личные взаимодействия: «Zoom и Skype предпочтительнее более отдельных платформ, таких как обмен мгновенными сообщениями, ни одна из них не дает пользователям того, что делает полноценное взаимодействие между людьми». Кроме того, во время нынешней пандемии ученые-юристы выразили серьезную озабоченность по поводу того, могут ли виртуальные слушания обеспечить надлежащую правовую защиту для тяжущихся сторон и удовлетворить потребности судопроизводства. Это подчеркивает важность сохранения личного взаимодействия в качестве основного средства вовлечения затрагиваемых групп в процессы деятельности судов.

Подход, ориентированный на интересы потерпевших, включает приоритетное внимание охране и безопасности затрагиваемых групп. Существуют компромиссы, присущие использованию технологий и в этой сфере. Хотя использование технологий может свести к минимуму физические угрозы, с которыми сталкиваются следователи на местах преступлений и в зонах конфликтов, оно перекладывает бремя обеспечения безопасности на пострадавшие группы, активистов и местные общины. Это бремя безопасности включает в себя не только физические риски, связанные со сбором доказательств, но и риск взлома, непреднамеренного раскрытия частной информации и расходы, связанные с защитой информационных систем от таких рисков.

Информационные системы, подключенные к Интернету, подвергаются особому риску нарушения безопасности, слежки и кражи частной информации. Эксперты по кибербезопасности рекомендуют использовать виртуальную частную сеть (VPN) для обхода слежки и обеспечения безопасного подключения к Интернету. Однако VPN часто требуют подписки, и не каждый пользователь Интернета имеет к ним доступ — в отличие от следователей, у которых есть ресурсы и инструменты для защиты своих коммуникаций.

Эти проблемы безопасности не являются ни теоретическими, ни просто общими для всех пользователей Интернета. Фактически, активисты и пострадавшие группы часто подвергаются надзору как со стороны государства, так и со стороны негосударственных субъектов. Этот риск не ограничивается пользователями Интернета, которые публично участвуют в онлайн-активности, но распространяется на тех, кто в частном порядке занимается документированием правонарушений [4, с. 28].

Даже при наличии защищенного подключения к Интернету существуют и другие виды рисков, которые ставят под угрозу безопасность затрагиваемых групп, когда им приходится участвовать в судебных процессах с помощью онлайн-средств. Даже если коммуникации защищены от взлома или несанкционированного наблюдения, пользователи Интернета сталкиваются с риском неправомерного использования добровольно

предоставленной информации или собственной неосведомленной онлайн-практики. Безопасное и защищенное использование Интернета является сложным делом, и особенно в случаях, связанных с конфиденциальной информацией, оно требует повышения осведомленности по вопросам кибербезопасности, чего не хватает обычным пользователям Интернета. Например, одной из наиболее рекомендуемых практик безопасного использования Интернета является установка многофакторной аутентификации. Тем не менее, в сравнении в Соединенных Штатах исследования показывают, что немногие пользователи Интернета могут правильно идентифицировать и использовать процесс многофакторной аутентификации. В относительно менее взаимосвязанных контекстах, включая многие места, где механизмы правосудия могут стремиться использовать цифровые методы для преодоления материально-технических проблем, эти пробелы в грамотности в области безопасности могут быть увеличены. Эти неотъемлемые угрозы ставят под угрозу жизнь затронутых групп и источники информации. Кроме того, эти риски могут парадоксальным образом сократить участие затронутых групп путем подрыва доверия, что приведет к тому, что жертвы или свидетели не будут сотрудничать со следователями с помощью технических инструментов [5, с. 12].

Бюджеты механизмов правосудия не бесконечны, и стоит отметить очевидное: приоритетность финансирования технологических решений достигается за счет других возможных инвестиций. Действительно, некоторые проекты с использованием технологий, такие как дистанционное видеointервьюирование или автоматизированные процессы принятия доказательств, особенно привлекательны для директивных органов из-за их предполагаемой экономии средств. Хотя организация и проведение очных опросов может занять несколько дней, эти автоматизированные процессы теоретически могут собрать доказательства от гораздо большего числа потерпевших и свидетелей за меньшее время и гораздо дешевле.

Очевидно, что использование технологий играет решающую роль в укреплении судопроизводства и подотчетности во всем мире. Однако, прибегая к технологическим решениям, поставщики услуг должны понимать свои специфические сильные стороны, ограничения и недостатки. Хотя некоторые технологии могут обеспечить защиту следователей и предполагаемую экономию средств, использование той же самой технологии в определенных сценариях может отдалить затронутые группы от судебных процессов. Точно так же определенные технологические методы расследования или судебного преследования могут усилить риски, с которыми сталкиваются люди на местах.

В связи с этим возникает ряд вопросов: сохранится ли качество судебного разбирательства?

Как внедрение элементов электронного судопроизводства повлияет на этот процесс? Какие возможности откроются для достижения цели справедливости? Как правило, гражданское судопроизводство имеет ряд принципов, на которых оно должно основываться в ходе су-

дебного разбирательства. Эти принципы указаны в главе 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и направлены на регулирование деятельности судов и участников гражданского процесса, эти принципы помогают принять правильное и обоснованное решение. Но как цифровизация повлияла на принципы гражданского судопроизводства? В смысле принципа рекламы, который предполагает, что процедура открыта во всех судах, это имеет место в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, что является наиболее доступным в условиях оцифровки. Доступ к информации о деятельности судов в настоящее время обеспечивается путем ее публикации в сети Интернет, которая осуществляется в соответствии с положением о создании и ведении официальных интернет-страниц судов, это положение было утверждено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 35 «Об открытости и гласности судебного разбирательства и доступе к информации о деятельности судов». Это показывает, что оцифровка в данном случае улучшает принцип рекламы и, следовательно, имеет положительное значение для судебной системы. Также стоит отметить, что, согласно статье 35 ГПК РФ, стало возможным приносить документы в суд как на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе в виде электронного документа, подписанного электронной подписью, что в значительной степени упрощает подачу документов. Также стоит отметить, что стало возможным проводить судебные заседания в режиме онлайн благодаря использованию видеоконференцсвязи [3].

Так, Федеральным законом РФ от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] закреплена возможность дистанционного участия в судебных заседаниях. Внесены изменения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Истцы, ответчики и все участники могут участвовать в судебном заседании через системы веб-конференций при условии, что они подали заявление и у судов есть техническая возможность. Из этого следует, что под электронным правосудием подразумевается фактическое отсутствие личных отношений участников с судом. В связи с этим нарушаются принципы устности и письменности, непосредственности, гласности судебного разбирательства и т. д. Из-за этого нарушения может возникнуть массовое недовольство судебной властью, поэтому было бы логичнее проводить такое судебное заседание в определенных случаях, например, в связи с инвалидностью участников судебного разбирательства или пребыванием в другом городе. Поскольку нарушается целостность процесса, т. е. это предполагает упрощение процессуальной формы, не в полной мере приходит справедливое и законное решение, и, таким образом, сфера применения цифровых технологий не всегда имеет положительную сторону. В первую очередь, электронное судопроизводство следует рассматривать как дополнительную гарантию соблюдения прав человека в

судебном процессе [2].

Таким образом, принципы гражданского судопроизводства неадекватны из-за оцифровки, и большинство сотрудников судебных органов не имеют необходимого образования, например, некоторые судьи не принимают во внимание представленные документы в электронном виде, поскольку они не в состоянии определить их подлинность. Поэтому необходимо повышать квалификацию судей в области технологий. Однако следует отметить, что при правильном подходе использование электронного сопровождения открывает массу возможностей, которые могут упростить процесс, сделать его удобным для всех участников и сэкономить деньги и время.

Список источников

1. Федеральный закон РФ от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» от 10 января 2022 г. № 1.
2. Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утверждена Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439) // СПС «Консультант Плюс: Высшая школа». URL <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2022).
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 19.07.2018) // СПС «Консультант Плюс: Высшая школа». URL <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2022).
4. Григорьев В. Н., Медведева М. О. Информационные технологии как предмет уголовно-процессуального регулирования // Развитие информационных технологий

в уголовном судопроизводстве. М., 2018.

5. Попова Е. С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия / Е. С. Попова. Текст : непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, июнь 2019 г.). Краснодар : Новация, 2019. С. 12–14.

References

1. Federal Law of the Russian Federation № 440-FZ of 30.12.2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta № 1 of January 10, 2022.
2. The concept of court informatization development until 2020 (approved by the Decree of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated February 19, 2015 № 439) // Reference Legal System «Consultant Plus: Higher School». URL <http://www.consultant.ru> (accessed: 11.03.2022).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» (ed. dated 19.07.2018) // Reference Legal System «Consultant Plus: Higher School». URL <http://www.consultant.ru> (accessed: 11.03.2022).
4. Grigoriev V. N., Medvedeva M. O. Information technologies as a subject of criminal procedural regulation // Development of information technologies in criminal proceedings. Moscow, 2018.
5. Popova E. S. Problems and prospects of development of electronic justice / E. S. Popova. Text : direct // Topical issues of legal sciences : materials of the V International Scientific Conference (Krasnodar, June 2019). Krasnodar : Novation, 2019. P. 12–14.

Информация об авторах

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

М. А. Куракин — курсант факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка 293 взвод 3 «У» курс Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Ustimova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

M. A. Kurakin — Cadet of the Faculty of Police training for public order units 293 platoon 3 «U» course of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-231-234>

ИПОН: 2003-0059-6/22-524

MOSURED: 77/27-003-2022-06-723

Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности

Газиявдибир Хадисович Хадисов¹, Глеб Николаевич Василенко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ hadisov65@mail.ru

² svara1945@gmail.com

Аннотация. Представлена авторская точка зрения на современное состояние регламентации административно-правовых средств противодействия правонарушениям экстремистской направленности. Предлагаются варианты повышения эффективности правоприменения в сфере реализации норм административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, административное право, ответственность, правонарушения, правоприменение, преступление

Для цитирования: Хадисов Г. Х., Василенко Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 231–234. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-231-234>.

Original article

Actual problems of countering extremist offenses

Gaziyavdibir H. Hadisov¹, Gleb N. Vasilenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ hadisov65@mail.ru

² svara1945@gmail.com

Abstract. The article contains the author's point of view on the current state of regulation of administrative and legal means of countering extremist offenses. The options for improving the efficiency of law enforcement in the field of implementation of the norms of administrative and tort legislation are proposed.

Keywords: extremism, administrative law, responsibility, offenses, law enforcement, crime

For citation: Hadisov G. H., Vasilenko G. N. Actual problems of countering extremist offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):231–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-231-234>.

Проблема противодействия экстремизму остается сегодня одной из наиболее актуальных не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Несмотря на принимаемые меры, продолжается активная деятельность международных объединений, целью которых является совершение правонарушений экстремистской направленности и террористического характера, дестабилизация общественно-политической ситуации в отдельных регионах России.

Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

На это обращал внимание Президент Российской Федерации, выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 17 февраля 2022 года. Борьба с экстремизмом была названа в числе приоритетных для органов внутренних дел задач [6].

Количество преступлений экстремистской направленности в России в 2021 году выросло более чем на четверть, при этом сократилось число преступлений террористического характера. Об этом свидетельствуют материалы статистики МВД России за январь–декабрь 2021 года. В январе–декабре 2021 года зарегистрировано 2 136 преступлений террористического характера, что на 8,8 % меньше, чем годом ранее, и 1 057 преступлений экстремистской направленности, что больше на 26,9 %, чем годом ранее.

чем в 2020 году [7].

Частичная декриминализация состава преступления, ранее предусмотренного ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, путем введения в качестве обязательного признака объективной стороны наличия факта привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, придает деянию межотраслевой характер и порождает проблемы в применении норм уже не только уголовного, но и административно-деликтного права.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) периодически дополняется нормами, предусматривающими ответственность за совершение правонарушений экстремистского характера.

На основе анализа научной и учебной литературы, а также судебной практики и авторской позиции, не претендующей на бесспорность, позволим себе обозначить проблемы и противоречия, возникающие в рассматриваемой сфере, в том числе в связи с появлением соответствующих новелл в административно-деликтном законодательстве.

Понятие экстремистской деятельности (экстремизм), сформулированное в Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1], до настоящего времени является спорным и дискуссионным как среди ученых, так и законодателей. Представляется целесообразным не отождествлять указанный в законе перечень противоправных деяний экстремистской направленности с понятием «экстремизм». Предлагаем рассматривать экстремизм как идеологию (мировоззрение) определенного индивида или общности людей, составляющих обособленную социальную группу, базирующуюся на национальном, расовом, религиозном, социальном, политическом превосходстве, являющееся мотивом для совершения противоправных действий и представляющее угрозу конституционным правам, свободам, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности государства.

По такой логике законодательно разведены понятия «терроризм» и «террористическая деятельность» в Федеральном законе от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2].

В результате сравнительно-правового анализа содержащихся в федеральном законодательстве понятий «экстремизм» и «терроризм», «террористическая организация» и «экстремистская организация», выделяются не столько особенные, сколько общие признаки указанных категорий, что создает трудности при квалификации террористических и экстремистских действий, а также в процессе признания организаций террористическими или экстремистскими. С нашей точки зрения, необходимо законодательно установить критерии для разграничения понятий «террористическая организация» и «экстремистская организация» не на формальных признаках (наличие внутренней структуры и т. п. элементов), а на содержательных, позволяющих квалифицировать создание и участие в подобных организациях в рамках административно-деликтного либо уголовного законодательства.

Кроме того, не совсем понятно, что законодатель понимает под «иной террористической деятельностью». Широкое толкование порождает неопределенность в соотношении дефиниций «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и «преступления террористического характера».

На эффективности административно-правового противодействия экстремизму сказывается и то, что КоАП РФ, установив в ст. 20.3 административную ответственность за «пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», не определил, что понимать под «нацистской атрибутикой или символикой», но при этом ввел понятие, имеющее высокую степень расширительного толкования — «атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» [3].

Кроме того, представляется целесообразным статью 4.3 КоАП РФ дополнить обстоятельством,отягчающим административную ответственность — «совершение административного правонарушения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». К сожалению, эти вопросы в полной мере не нашли отражения и в проекте нового КоАП, за исключением того, что административные правонарушения, состоящие в нарушении норм законодательства Российской Федерации о противодействии экстремизму, отнесены к грубым административным правонарушениям.

Учитывая, что подрастающее поколение, в силу своих возрастных и психологических особенностей, наиболее восприимчиво к идеям экстремизма необходимо дополнить КоАП РФ отдельной главой «Административные правонарушения, посягающие на права и свободы несовершеннолетних», где предусмотреть в том числе ответственность за вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

В новом КоАП РФ также было бы целесообразно объединить все правонарушения экстремистской направленности в специальную главу, точно определив родовый объект противоправных деяний этой группы исходя из формулировки преамбулы Федерального закона от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», которая гласит, что «противодействие экстремистской деятельности осуществляется в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации».

Отметим, что в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации [4] объектом посягательства состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282, являются именно основы конституционного строя и безопасность государства, а в КоАП РФ административные правонарушения экстремистской направленности помещены в главу 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». При этом очевидно, что и уголовно, и административно наказуемые деяния имеют одинаковую экстремистскую направленность.

В предлагаемую главу нового КоАП РФ целесообразно включить составы, нашедшие «прописку» в главе 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации», в частности «Производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, публично оправдывающие терроризм, или другие материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности» (ч. 6 ст. 13.15), «Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» (ст. 13.37) и «Непринятие провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информационного ресурса, мер по ограничению доступа к информационному ресурсу или сайту в сети «Интернет», на которых размещены информация, содержащая призывы к осуществлению экстремистской деятельности...», «Неудаление владельцем сайта или владельцем информационного ресурса в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации или интернет-страницы, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ч. 3, 4 ст. 13.41). До включения в КоАП РФ ст. 20.3.1 существование указанных статей было вполне оправданно, однако со вступлением указанной нормы в силу существование правонарушений экстремистского характера в гл. 13 КоАП РФ вызывает сомнения.

Представляется необходимым гармонизировать положения уголовного и административно-деликтного права в части выработки единого терминологического аппарата института ответственности за экстремизм и смежные с ним составы, устранив двойственные и неопределенные понятия, например, «социальная группа».

Требуется усилить роль прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях указанной категории. В целях формирования единой правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму вполне оправданно сосредоточить все полномочия по возбуждению дел об административных правонарушениях экстремистской направленности в компетенции органов прокуратуры, а по рассмотрению этих дел — в исключительной компетенции судов.

Представляется правильным в каждом случае устанавливать доказанность факта опубликования запрещенной символики (либо экстремистских материалов) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, но не иными лицами, поскольку не исключается возможность, например, «взлома» его интернет-страницы и опубликования соответствующего поста в социальных сетях от его имени. Иной порядок будет оставлять сомнения в ви-

ности лица, а не устранение этих сомнений, как известно, должно толковаться в его пользу.

Демонстрация нацистской (либо иной запрещенной) атрибутики либо символики в определенной обстановке должна образовывать не состав административного правонарушения, а состав преступления. В частности, в случае явно пренебрежительной демонстрации такой символики в дни, посвященные празднованию победы над нацизмом (например, в День Победы — 9 мая), содеянное, по нашему мнению, должно подпадать под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части публичного оскорбления памяти защитников Отечества).

Знание или незнание лица о том, что опубликованный им материал внесен в федеральный список экстремистских материалов и запрещен к распространению, не влияет на решение вопроса о наличии либо отсутствии в действиях такого лица правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ (Производство и распространение экстремистских материалов). Однако если мы обратимся к ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», то обнаружим, что в числе экстремистской деятельности названы, помимо прочего, «массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения». Как видим, в законе речь идет уже не просто об экстремистских материалах, но о заведомо экстремистских материалах. Представляется, что верными в таком случае будут следующие позиции: а) распространение экстремистских материалов со знанием факта их запрещенности будет образовывать правонарушение, предусмотренное ст. 20.29 КоАП РФ, и будет являться экстремизмом; б) распространение экстремистских материалов без знания факта их запрещенности будет образовывать правонарушение, предусмотренное ст. 20.29 КоАП РФ, но не будет являться экстремизмом. Таким образом, необходимо по каждому делу на основании совокупности доказательств выяснять, знало ли лицо, что материал, который оно опубликовало, находится в федеральном списке экстремистских материалов для возложения на лицо определенных ограничений, предназначенных для лиц, причастных к экстремизму.

Передача экстремистского материала одному лицу для ознакомления не должна образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ¹, поскольку в данной статье речь идет не просто о распространении экстремистских материалов, а о массовом распространении экстремистских материалов. К слову признак массовости в КоАП РФ не раскрывается.

При установлении признаков состава административного правонарушения правоприменители опираются

¹ Имеют место судебные решения, где за подобное поведение лицо осуждалось. Так, по одному из дел «выявлен факт распространения... запрещенной литературы, находящейся в списке запрещенных экстремистских материалов, а именно: отправила по почте... книгу...» // Постановление Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 9 ноября 2020 г. по делу № 5-399/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rzdIcRAPUCYj/>

на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое разъясняет признаки состава преступления, а не административного правонарушения (пункт 5 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11) [5]. Представляется, что очевидно назрела необходимость принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации именно по административным правонарушениям экстремистской направленности.

В заключение хотелось бы отметить, что до настоящего времени нормативные правовые акты антиэкстремистской направленности не систематизированы, имеют различную юридическую силу, а отсутствие единого понятийного аппарата приводит к необходимости постоянной детализации существующих законов указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации, разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что во многом осложняет правоприменительную практику.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета, № 138-139, 30.07.2002.
2. Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета, № 48, 10.03.2006.
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 195-

ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета, № 142, 04.07.2011.

6. <http://kremlin.ru/events/president/news/67795>.

7. <https://tass.ru/proisshestiya/13459223>.

References

1. Federal Law of July 25, 2002 № 114-FZ «On counteracting extremist activity» // Rossiyskaya gazeta, № 138-139, 07.30.2002.
2. Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006 «On Countering Terrorism» // Rossiyskaya Gazeta, № 48, 10.03.2006.
3. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of December 30, 2001 № 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta, № 256, December 31, 2001.
4. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, № 25, Article 2954.
5. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // Rossiyskaya Gazeta, № 142, 04.07.2011.
6. <http://kremlin.ru/events/president/news/67795>.
7. <https://tass.ru/proisshestiya/13459223>.

Информация об авторах

Х. Г. Хадисов — начальник кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Г. Н. Василенко — заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

H. G. Hadisov — Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. N. Vasilenko — Deputy Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 08.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-235-240>

НИОН: 2003-0059-6/22-525

MOSURED: 77/27-003-2022-06-724

Современные тенденции развития уголовной ответственности за преступления в сфере цифровой информации

Алексей Александрович Ходусов

Международный юридический институт, Москва, Россия, yustas-73@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются нормы зарубежного уголовного права об ответственности за общественно опасное поведение в информационно-цифровой среде. Автор отмечает, что разные государства имеют существенные различия в подходах к формулированию преступлений данной категории. Кроме того, в статье выделяется широкий объем, определяющий вид и суровость санкций в уголовном законодательстве разных стран мирового сообщества применительно к многообразию так называемых высокотехнологичных преступлений, имеющих схожие характеристики. В связи с этим представляется практически важным сделать вывод о том, что для более эффективной борьбы с информационной преступностью, особенно с транснациональным многообразием, необходимы более подробные исследования и интеграция компонентов информационной преступности и цифровой преступности. Более того, она должна найти динамичное и одновременное отражение в уголовном праве на национальном и международном уровне.

Ключевые слова: цифровое право, объект гражданских прав, информационно-цифровая среда, информационные технологии, уголовно-правовое регулирование информационно-цифровой преступности, уголовное законодательство зарубежных стран, уголовная ответственность

Для цитирования: Ходусов А. А. Современные тенденции развития уголовной ответственности за преступления в сфере цифровой информации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 235–240. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-235-240>.

Original article

Current trends in the development of criminal liability for crimes in the field of digital information

Aleksey A. Khodusov

International law Institute, Moscow, Russia, yustas-73@mail.ru

Abstract. The norms of foreign criminal law on responsibility for socially dangerous behavior in the information and digital environment are considered. The author notes that different States have significant differences in approaches to the formulation of crimes of this category. In addition, the article highlights a wide scope that determines the type and severity of sanctions in the criminal legislation of different countries of the world community in relation to the variety of so-called high-tech crimes with similar characteristics. In this regard, it seems practically important to conclude that in order to more effectively combat information crime, especially transnational diversity, more detailed research and integration of the components of information crime and digital crime are needed. Moreover, it should find a dynamic and simultaneous reflection in criminal law at the national and international levels.

Keywords: digital law, object of civil rights, information and digital environment, information technologies, criminal law regulation of information and digital crime, criminal legislation of foreign countries, criminal liability

For citation: Khodusov A. A. Current trends in the development of criminal liability for crimes in the field of digital information. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):235–240. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-235-240>.

Неоспоримым фактом является то, что XXI столетие особо досконально показывает потребность в решении информационных и цифровых проблем и киберпреступности, следы которой сейчас отчетливо просматриваются в каждой стране. Динамика этих преступлений,

зачастую носящих международный характер, с каждым годом нарастает и диктует необходимость совершенствования и закрепления уголовного законодательства стран мирового сообщества.

В связи с этим международное сотрудничество в

данной сфере включает, среди многих других мер, внесение в национальное законодательство соответствующих норм, таких как: ответственность за преступления с использованием информационных технологий, обеспечение безопасности компьютерных систем от несанкционированного вмешательства в цифровую технику и преступного умысла [19].

Существует также концепция, согласно которой большинство ученых придерживаются мнения «объект-блага» т. е. в качестве объекта гражданских правоотношений признаются блага как материального, так и нематериального характера [20].

Еще в 347 году до н. э. древнегреческий философ Платон сформировал «теорию идей», в основе которой лежала пирамида, в которой идеи составляют иерархию во главе с высшим постулатом — идеей блага. Платон считал, что теория познания и идея блага — это явления, сопутствующие всему сущему [27]. Формулировка данной концепции «объект-блага» включена в 128 ст. ГК РФ.

История показывает, что право и закон традиционно отличаются консервативностью. И это понятно, потому что они призваны обеспечивать стабильность в обществе. Однако при этом законодательство не может игнорировать бурное развитие технологий. Новые правовые институты появлялись и сто лет назад, происходит это и в наше время. В октябре 2019 года в 128 статье ГК РФ к имущественным правам причислили цифровые — еще один вид объекта гражданских прав [16].

Есть определенный ряд условий, при которых объектом гражданских правоотношений становится цифровое право. Согласно первой редакции Приказа, поручения, касающиеся уступки, залога или иного установления цифровых прав, или ограничения распоряжения цифровыми правами, могут быть исполнены только в информационных системах без обращения к третьим лицам [28]. Согласно второму условию выражение физическим или юридическим лицом собственной воли при использовании высокотехнологичной аппаратуры и оборудования, тождественно к простой оформленной в письменном виде форме сделки, если технические средства, по которым заключалось соглашение, позволяют воспроизвести содержание договора в неизменном виде, а также если будет использован достоверный способ, определяющий лицо, вызвавшее волю.

По мнению ряда специалистов, в частности [17; 20], самые стремительные и устойчивые изменения произошли, прежде всего, в уголовном праве США. Здесь следует перенести фокус внимания на особенности англо-саксонской правовой системы, которая способна стремительно реагировать на меняющиеся обстоятельства и специфику финансовой системы США, где львиная доля средств является безналичной. Всё это совпадает с криминальной статистикой, чьи показатели свидетельствуют, что порядка 44 % преступлений в сфере информации в рассматриваемом государстве связаны с кражей денег с кредитных карт, 16 % — с кражей конфиденциальной информации [18].

В соответствии с Уголовным кодексом Техаса сроки тюремного заключения могут варьироваться от 180 дней до 99 лет, в зависимости от уровня ущерба, причиненного несанкционированным доступом к компьютерной системе. Правда, существуют и альтернативные варианты уго-

ловно-правовых санкций в виде различных штрафов [18].

В Великобритании основным законом, регулирующим киберпреступность, выступает Закон 1990 года о преступном использовании компьютерной техники [17]. Однако, как и в США, правовые нормы в этой области неоднородны. Поэтому в дополнение к вышеуказанным законодательным актам британский парламент также принял ряд постановлений, определяющих уголовную ответственность за два вида общественно опасных деяний в информационной и цифровой сферах, которые имеют определенные детали [18].

Говоря о немецком уголовном кодексе, стоит отметить, что здесь криминализация действий в информационно-цифровой сфере является, прежде всего, самостоятельной составляющей несанкционированного доступа к компьютерной информации (раздел 202 УК ФРГ) в интересах как других лиц, так и собственных [17]. Имеются в виду компьютерные данные, обладающие особыми защитными свойствами, передаваемые электронным, магнитным и иным образом виртуально и особо защищенные от несанкционированного доступа [18].

Цифровые информационные атаки могут также проявляться в использовании информационно-коммуникационных технологий для пропаганды террористических, ксенофобских и экстремистских идей, распространения идей национальной исключительности, подрыва общественно-политической ситуации в стране [13].

Современная криминология содержит множество положений, определяющих понятие преступления в сфере цифровой информации. В частности, В. А. Номоконов понимал компьютерную преступность как использование компьютеров в качестве объектов или орудий преступления [21]. Другие авторы ссылаются лишь на большое количество компьютерных преступлений, противоправных действий в сфере оборота информации в информационно-коммуникационных системах. Существует и другое мнение, согласно которому компьютерное преступление является информационным преступлением [11].

О. С. Герасимова отметила, что понятие «компьютерная преступность» сегодня широко используется в литературе, но не включено в законодательные и нормативные акты Российской Федерации [15].

На наш взгляд, криминальная подкатегория в сфере цифровой информации, предложенная И. Р. Бегишевым, является наиболее целесообразной и достоверной [10].

Гипотеза исследования состоит в том, что современное положение вещей таково, информационные и коммуникационные технологии коренным образом изменят нашу повседневную жизнь и создадут новые угрозы информационной безопасности и глобальному информационному пространству [29].

В работе проведен анализ особенностей развития уголовной ответственности за киберпреступления и преступления в сфере цифровой информации. Эти преступления часто называют «компьютерными преступлениями». Отечественная уголовная юриспруденция принимает как широкое, так и узкое толкование этого понятия. В узком смысле это понятие является синонимом преступления в сфере компьютерной информации. Когда компьютер есть не что иное, как орудие или средство преступления, предмет преступления или способ преступления, термин при-

нимает более широкое значение.

Организованная преступность как сложное многокомпонентное, многовекторное явление давно уже стала явлением, присущим практически каждому государству. Организованная преступность как таковая занимает свое особое место среди как общеуголовной, так и экономической преступности. Учитывая размеры оборотов финансовых средств, используемых организованной преступностью, а также нередко статусность вовлеченных в участие частных и должностных лиц, в том числе государственных органов, быстрое совершенствование возможностей цифрового пространства, можно сделать вывод о том, что организованная преступность представляет несомненную опасность для национальной безопасности всех государств.

Совершенствование правовой основы сотрудничества, которую составляют как международно-правовые документы, так и национальное законодательство, является одним из важнейших направлений повышения эффективности борьбы с преступностью, в том числе в цифровой сфере. Однако следует отметить, что все еще формирующееся международное и национальное законодательство значительно отстает от непрерывно происходящих изменений.

Фактически в интернете уже давно и широко распространено заключение сделок путем нажатия кнопок на компьютере, смартфоне или отправки sms, однако надлежащей правовой регламентации данных действий не было, что влекло за собой массу проблем при возникновении конфликтов.

О. С. Герасимова также подчеркивает некоторые характеристики, отличающие преступление в сфере цифровой информации и компьютерного шпионажа от прочих правонарушений:

- Эти преступления фактически скрыты на первый взгляд, а раскрыть факты преступлений можно только с помощью бумажных документов и компьютерной информации.
- Каждое из этих преступлений может быть совершено дистанционно, а мошенник может находиться на значительном расстоянии от объекта преступления [15].

Преступление распространения цифровой информации является опасным публичным уголовным преступлением, которое нарушает конфиденциальность, целостность, доверие и доступ к охраняемой конституцией цифровой информации [6].

Подкатегория цифровых информационных преступлений, предложенная И. Р. Бегишевым:

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации.

Например, по мнению авторов, основными отличиями перехвата от несанкционированного доступа являются: Цифровая информация, циркулирующая в космосе, может быть подвержена электромагнитному перехвату, но несанкционированный доступ должен нарушать системы информационной безопасности информационно-коммуникационного оборудования [2].

2. Создание, использование и распространение вредоносных программ на компьютеры. Эти преступления включают вмешательство в компьютерную безопасность, распространение вредоносного ПО. Меры, разработанные и предусмотренные законом, предназначены

для преодоления мер защиты компьютерной информации. Поэтому рекомендуется в рассматриваемых положениях предусмотреть также ответственность за нарушения информационно-коммуникационного оборудования [3].

3. Нарушение безопасной возможности хранения, обработки или передачи компьютерной информации «расстраивает» работу информационно-коммуникационных сетей. Эти нормы носят комплексный характер и содержат ссылки на нормативные правовые акты, устанавливающие требования к хранению, обработке или передаче компьютерной информации. Авторы предлагают обобщать «информационно-коммуникационные устройства, системы и сети» и конкретизировать способы хранения, обработки или передачи компьютерной информации [5].

4. Мошенничество в сфере цифровой информации. Уголовные преступления также происходят в сфере распространения цифровой информации и составляют основную часть самой цифровой информации. Составными частями этих преступлений также являются использование вредоносных программ на компьютерах и проникновение в системы защиты информации [4].

5. Специальные технические средства неправомерного распространения тайно полученной информации [9].

6. Преступления против информации и коммуникаций, программ и сетей являются наиболее важными и потенциально опасными вещами. Эти правонарушения в основном связаны с неправомерным воздействием информационно-коммуникационных устройств, систем и сетей на важные и потенциально опасные виды деятельности [1; 4; 5; 8].

7. Добыча и перепродажа незаконно добытой информации. В УК РФ такой нормы нет [10].

Для идентификации лица, выражающего волю, возможно будет использовать биометрическую идентификацию, которая день ото дня совершенствуется. Например, уже в настоящее время в некоторых банках при заключении договора осуществляется сбор биометрических данных: изображение, голос, на основании которых в дальнейшем будут осуществляться дистанционная идентификация клиента [13]. Изменения в законодательстве закрепляют использование электронных чеков наряду с кассовыми [14].

Также своеобразным мостом между «прошлым» и «будущим» остается наследственное право.

Стоит учитывать, что в цифровых правах уже не нужно прикладывать к документу руку, то есть подлинность «ручной подписи» никто проверять не будет, соответственно важнейшее значение имеет сохранение конфиденциальности личной информации правообладателя, и не секрет, во многом это зависит от нас [22]. Зачастую правообладатели сами доверчиво передают свою электронно-цифровую подпись третьим лицам, наивно сообщают пин-коды, пароли и т. д. [25].

Такие условия давно развиты в других сферах, например, в банковской, при покупке товара деньги списываются в «автоматическом режиме» [26]. Безусловно, сейчас происходит развитие в экономике будущего, более того, основа для развития уже сформирована [30]. Но данная система имеет особенности, учитывая которые возникает ряд вопросов. Может ли данный код иденти-

фицировать транзакционные информации? Будут ли дополнительные гарантии, которые могут получить граждане и юридические лица? А также — как определять личность владельца цифровых прав? На данный момент найти ответы на эти вопросы невозможно, поэтому сейчас обеспечивается принятие целого блока законопроектов о цифровом праве, для регулирования развития цифровой экономики [24].

В настоящий момент в РФ отсутствует эффективный механизм защиты прав граждан в цифровом поле. Допустим, подделав электронную подпись (с помощью фiktивной доверенности получается электронная подпись) и имея персональные данные любого человека, возможно удостоверить любую сделку с любой собственностью граждан РФ. Доказать недобросовестность нарушителя в таких случаях через суд очень сложно и проблематично. Есть еще одна проблема в связи с внедрением цифровых прав как нового вида объекта гражданских прав, — это информационная грамотность и возможная доступность данных услуг для населения, у жителей сельской местности, пожилых людей остается меньше прав, чем у жителей крупных городов. Эти технологии должны быть доступными всем гражданам вне зависимости от местонахождения человека, от возраста и т. д., поэтому защиту прав граждан и доступность цифровых прав государство должно было рассмотреть до внедрения нового законодательства.

Безусловно, нельзя не согласиться с законодателем, что нормативная легализация рассмотренных отношений позволит упорядочить систему технологических процессов, расширит сферу применения цифровых прав в цифровой среде.

Глобальное повсеместное внедрение новых информационных технологий не только ускорило развитие цивилизации, но и повлекло за собой разнообразные негативные последствия. Поэтому должна своевременно разрабатываться соответствующая национальная политика по борьбе с этими последствиями, что особенно важно при решении вопросов, связанных с борьбой с преступностью и обеспечением безопасности цифровой информации в сферах, связанных с распространением информации.

Поэтому обеспечение информационной безопасности, особенно криминальной защиты цифровой информации, должно быть главным приоритетом для российских юристов.

Подводя итог краткому анализу цифровых прав как нового типа объектов гражданских правоотношений, следует подчеркнуть, что введенные понятия цифрового права, закрепленные в законодательстве, даже в усовершенствованной редакции, не позволяют комплексно регулировать весь комплекс отношений, возникающих в информационных сетях. Разработанный аспект касается лишь его правовых основ посредничества в отношениях в так называемой цифровой среде и формирование эффективной институциональной среды развития цифровой экономики.

Само понятие объекта гражданского правоотношения является базовым. Признание так называемых «важных благ» объектами гражданских прав на уровне закона и соответственно предоставление гражданско-правовой защиты граждан является главной целью хозяйствую-

щих субъектов. А также в связи с внедрением нового законодательства появляются актуальные проблемы:

- безопасность людей;
- наличие альтернативного выбора;
- неприкосновенности частной жизни человека.

Нужно сказать, что уже сейчас цифровое право захватывает практически все экономические отрасли. Его внедрение в нашу жизнь идет семимильными шагами, поэтому понимание его особенности рисков является крайне актуальным.

Современное переориентирование на цифровую экономику требует решения многих политических, экономических и социальных проблем для минимизации возможных негативных последствий для общества. Особую роль в этом процессе играет внедрение эффективных систем управления цифровой экономикой, в том числе локальных программ профилактики правонарушений.

Информационные цифровые преступления представляются очень опасными, поскольку современные информационно-коммуникационные технологии полностью проникли во все сферы человеческой деятельности, приведя к переходу от индустриального общества к информационному. Благодаря цифровой трансформации глобализация информационных процессов несет новые угрозы информационной безопасности.

Таким образом, данная ситуация создает благоприятные условия для преступной деятельности в сфере цифровой информации, постоянно разрабатываются и производятся новые цифровые информационные и телекоммуникационные технологии, и государство должно своевременно и адекватно реагировать на такие преступления. Самое главное, на текущий момент, переработать и усовершенствовать российское законодательство в отношении цифровой информации.

Библиографический список

1. Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 27–32.
2. Бегишев И. Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации : правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2. С. 255–258.
3. Бегишев И. Р. Информационное оружие как средство совершения преступлений // Информационное право. 2010. № 4. С. 23–25.
4. Бегишев И. Р. Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 112–117.
5. Бегишев И. Р. Ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 1. С. 15–18.
6. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 31 с.
7. Бегишев И. Р. Проблемы ответственности за незаконные действия с информацией, заведомо добытой преступным путем // Безопасность информационных техно-

логий. 2010. Т. 17, № 1. С. 43–44.

8. Бегишев И. Р. Проблемы противодействия преступным посягательствам на информационные системы критически важных и потенциально опасных объектов // Информационная безопасность регионов. 2010. № 1. С. 9–13.

9. Бегишев И. Р. Проблемы уголовной ответственности за обращение со специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации // Следователь. 2010. № 5. С. 2–4.

10. Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт цифровой и документированной информации, заведомо добытой преступным путем // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 123–126.

11. Белоножкин В. И. Информационная сущность и структура терроризма // Информация и безопасность. 2007. № 4. С. 541–546.

12. Воронин Ю. А. Криминогенные факторы в информационно-цифровой среде // В кн. : Smart Law for Smart Industry : сб. научных статей / под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшивалова. М. : Издательство «Проспект», 2020. С. 176–185.

13. Воронин Ю. А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты // Научно-практический журнал «Виктимология». 2020. № 1 (23). С. 74–83.

14. Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В. Стратегические направления противодействия преступности в цифровой сфере : страноведческий анализ // Вестник Южно-Уральский государственный университет. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 2. С. 12–18.

15. Герасимова О. С. Особенности преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2007. № 12–2. С. 327–330.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 128-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.02.2025) // Собр. законодательства Рос. Федер. от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

17. Громов Е. В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Польше) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия : Гуманитарные науки (Юриспруденция). 2006. Вып. 11 (62). С. 30–35.

18. Законодательство о киберпреступлениях в зарубежных странах : подборка РИА НОВОСТИ / Средство массовой информации — Российское агентство международной информации «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20130809/955198703.html> (дата обращения: 26.04.2022).

19. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 года. Текст: электронный // Совет Европы: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm>. (дата обращения: 26.04.2022).

20. Несмеянов А. А. Основные проблемы борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий // Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4. С. 43–48.

21. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45–55.

22. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 351 с.

23. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/63 от 22 января 2001 г. и 56/21 от 19 декабря 2001 г. «Борьба с преступным использованием информационных технологий».

24. Средство массовой информации — Российское агентство международной информации «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190318/1551904392.html> (дата обращения: 26.04.2022).

25. Трофимова П. Е., Фарафонтова Е. Л. Правовой аспект электронной цифровой подписи // Основные тенденции развития Российского законодательства : сб. материалов по итогам XIII Региональной науч.-практ. конф. (28 ноября 2018 г., Красноярск) / под общ. ред. Е. С. Щерблякова, В. В. Сафронова ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2018. С. 378–382.

26. Усилинский Ф. А. Кибертерроризм в России : его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 6–11.

27. Учение Древнегреческого философа Платона «Истоки объективно-идеалистического подхода в психологии» [Электронный ресурс]. URL: <https://diplomconsult.ru/preview/5183504/> (дата обращения: 26.04.2022).

28. Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31 (Ч.1). Ст.3283.

29. Хисамова З. И. Понятие и сущность преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 157–161.

30. Чекунов И. Г. Киберпреступность : понятие и классификация // Российский следователь. 2012. № 2. С. 37–44.

Bibliographic list

1. Begishev I. R. Security of critical information infrastructure of the Russian Federation // Business security. 2019. № 1. P. 27–32.

2. Begishev I. R. Manufacture, sale and purchase of special technical means intended for violation of digital information protection systems : legal aspect // Information and security. 2010. № 2. P. 255–258.

3. Begishev I. R. Information weapons as a means of committing crimes // Information law. 2010. № 4. P. 23–25.

4. Begishev I. R. Some issues of countering fraud in the field of computer information // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. P. 112–117.

5. Begishev I. R. Responsibility for violation of the rules of operation of means of storage, processing or transmission of computer information and information and telecommunication networks // Bulletin of the Ural Federal District. Security in the information sphere. 2012. № 1. P. 15–18.

6. Begishev I. R. The concept and types of crimes in the

sphere of circulation of digital information : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2017. 31 p.

7. Begishev I. R. Problems of responsibility for illegal actions with information knowingly obtained by criminal means // Information technology security. 2010. Vol. 17, № 1. p. 43–44.

8. Begishev I. R. Problems of countering criminal encroachments on information systems of critically important and potentially dangerous objects // Information security of regions. 2010. № 1. P. 9–13.

9. Begishev I. R. Problems of criminal liability for handling special technical means intended for the secret receipt of information // Investigator. 2010. № 5. P. 2–4.

10. Begishev I. R. Criminal liability for the acquisition or sale of digital and documented information knowingly obtained by criminal means // Actual problems of economics and law. 2010. № 1. P. 123–126.

11. Belonozhkin V. I. Informational essence and structure of terrorism // Information and security. 2007. № 4. P. 541–546.

12. Voronin Yu. A. Criminogenic factors in the information and digital environment // In the book : Smart Law for Smart Industry : collection of scientific articles / edited by E. V. Titova, T. P. Podshivalova. M. : Publishing House «Prospect», 2020. P. 176–185.

13. Voronin Yu. A. Crimes in the sphere of digital information circulation and their determinants // Scientific and practical journal «Victimology». 2020. № 1 (23). P. 74–83.

14. Voronin Yu. A., Belyaeva I. M., Kukhtina T. V. Strategic directions of combating crime in the digital sphere: a country-specific analysis // Bulletin of the South Ural State University. The series «Law». 2020. Vol. 20. № 2. P. 12–18.

15. Gerasimova O. S. Features of crimes in the field of computer information // Bulletin of the Tambov University. Series : Humanities. 2007. № 12–2. P. 327–330.

16. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 № 128-FZ (ed. of 18.07.2019) (with amendments and additions, intro. effective from 25.02.2025) // Sobr. legislation of the Russian Federation. Feder. dated December 5, 1994. № 32, Article 3301.

17. Gromov E. V. Development of criminal legislation on crimes in the field of computer information in foreign countries (USA, Great Britain, Germany, the Netherlands, Poland) // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series : Humanities (Jurisprudence). 2006. Issue 11 (62). P. 30–35.

18. Legislation on cybercrime in foreign countries : a

selection of RIA NOVOSTI / Mass media — Russian Agency for International Information «RIA Novosti» [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20130809/955198703.html> (accessed: 26.04.2022).

19. Convention on Computer Information Crime (ETS No. 185) : concluded in Budapest on November 23, 2001. Text: electronic // Council of Europe: official website. [Electronic resource]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm> (accessed: 26.04.2022).

20. Nesmeyanov A. A. The main problems of combating crimes in the field of high technologies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4. P. 43–48.

21. Nomokonov V. A., Tropina T. L. Cybercrime as a new criminal threat // Criminology : yesterday, today, tomorrow. 2012. № 24. P. 45–55.

22. Ovchinsky V. S. Criminology of the digital world : textbook. M. : Norm : INFRA-M, 2018. 351 p.

23. UN General Assembly resolutions 55/63 of January 22, 2001 and 56/21 of December 19, 2001 «The fight against the criminal use of information technology».

24. Mass media — Russian International Information Agency «RIA Novosti» [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20190318/1551904392.html> (accessed: 26.04.2022).

25. Trofimova P. E., Farafontova E. L. The legal aspect of electronic digital signature // Main trends in the development of Russian legislation : collection of materials on the results of the XIII Regional Scientific and Practical Conference (November 28, 2018, Krasnoyarsk) / under the general editorship of E. S. Scheblyakova, V. V. Safronova ; SibGU named after M. F. Reshetnev. Krasnoyarsk, 2018. P. 378–382.

26. Streninsky F. A. Cyberterrorism in Russia : its properties and features // Law and cybersecurity. 2014. № 1. P. 6–11.

27. The teaching of the Ancient Greek philosopher Plato «The origins of the objective-idealistic approach in psychology» [Electronic resource]. URL: <https://diplomconsult.ru/preview/5183504/> (accessed: 26.04.2022).

28. Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» dated July 27, 2006 № 149-FZ // SZ RF. 2004. № 31 (Part 1). Art. 3283.

29. Hisamova Z. I. The concept and essence of crimes encroaching on information security in the field of economics // Society and law. 2015. № 1 (51). P. 157–161.

30. Chekunov I. G. Cybercrime : concept and classification // A Russian investigator. 2012. № 2. P. 37–44.

Информация об авторе

А. А. Ходусов — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Khodusov — Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-241-247>

ИПОН: 2003-0059-6/22-526

MOSURED: 77/27-003-2022-06-725

Оперативно-розыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона.

Статья 2. Оперативно-розыскные мероприятия как эссенциальное свойство оперативно-розыскной деятельности

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены оперативно-розыскные мероприятия как первооснова оперативно-розыскной деятельности, ее сущностно-содержательное, предметное выражение в практике; они отличаются многофункциональностью, предназначены как для получения представляющей оперативный интерес информации, так и для создания оптимальных условий захвата преступника, обеспечения безопасности лицу, оказывающему содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, оперативное внедрение в преступную среду и др.

Титульные особенности оперативно-розыскных мероприятий — имплицитная связь с правом; исключительная прерогатива специальных органов государства и их должностных лиц в их проведении; негласность (конспиративность), или неочевидность, скрытность проводимых оперативно-розыскных мероприятий от лиц, в них не участвующих; связанность деятельности оперативно-розыскных органов и их сотрудников фундаментальным требованием соблюдения прав и свобод человека и гражданина; специально-юридический характер оперативно-розыскных мероприятий: факт их проведения порождает правовые последствия; проведение таких мероприятий обусловлено установленными законом и принятыми на его основе иными нормативными правовыми актами процедурами, требованиями, условиями, а равно и процессуальными сроками; действия и поведение (правовое общение) оперативно-розыскных органов и их должностных лиц во взаимодействии с конфидентами и иными лицами — «объектами» оперативно-розыскных мероприятий порождает соответствующие правовые связи и отношения — так называемые оперативно-розыскные правоотношения; проведение оперативно-розыскных мероприятий имеет законодательно определенные ограничения по сферам, субъектам, формам и средствам распространения, поставлено в зависимость от степени тяжести преступлений, по поводу предупреждения, раскрытия которых они (оперативно-розыскные мероприятия) проводятся.

Использование результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе — едва ли не самый проблемный вопрос всей оперативно-розыскной деятельности; проблема по-прежнему сохраняет свою остроту и требует своего решения как в Федеральном законе об оперативно-розыскной деятельности, так и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: природа, признаки оперативно-розыскных мероприятий, правовые основания оперативно-розыскных мероприятий, субъекты оперативно-розыскных мероприятий, негласность осуществляемых оперативно-розыскных мероприятий, специально-юридический характер оперативно-розыскных мероприятий, виды и перечень оперативно-розыскных мероприятий, использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе, максимы оперативно-розыскных мероприятий

Для цитирования: Червонюк В. И. Оперативно-розыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона. Статья 2. Оперативно-розыскные мероприятия как эссенциальное свойство оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 241–247. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-241-247>.

Original article

Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law. Article 2. Operational-investigative measures as an essential property of operational-investigative activity

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', v.chervonyuk@yandex.ru

© Червонюк В. И., 2022

Abstract. Operational-investigative measures are the primary basis of operational-investigative activity, its essential, substantive, substantive expression in practice; they are multifunctional, designed both to obtain information of operational interest, and to create optimal conditions for capturing a criminal, ensuring the safety of a person assisting bodies carrying out operational-investigative activities, operational introduction into the criminal environment et al.

The titular feature of operational search activities is an implicit connection with the law; the exclusive prerogative of special state bodies and their officials in their conduct; secrecy (secrecy), or non-obviousness, secrecy of operational search activities from persons not participating in them; the coherence of the activities of operational investigative bodies and their employees is a fundamental requirement for the observance of human and civil rights and freedoms; special-legal nature of operational-investigative measures: the fact of their holding generates legal consequences; the conduct of such events is conditioned by the procedures, requirements, conditions, as well as procedural deadlines established by law and other regulatory legal acts adopted on its basis; the actions and behavior (legal communication) of operational-investigative bodies and their officials in interaction with confidants and other persons — «objects» of operational-investigative measures generates appropriate legal ties and relationships — the so-called operational-investigative legal relations; the conduct of operational search activities has legally defined restrictions on the spheres, subjects, forms and means of dissemination, is made dependent on the severity of crimes, concerning the prevention, disclosure of which they (Operational-investigative measures) are carried out.

The use of the results of operational investigative measures in criminal proceedings is perhaps the most problematic issue of all operational investigative activities; the problem still remains acute and requires its solution both in the Federal Law on Operational Investigative Activities and in the current criminal procedural legislation.

Keywords: the nature, signs of operational-search activities, legal grounds for operational-search activities, subjects of operational-search activities, secrecy of operational-search activities, special-legal nature of operational-search activities, types and list of operational-search activities, the use of the results of operational-search activities in criminal proceedings, maxims of operational-search activities

For citation: Chervonyuk V. I. Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law. Article 2. Operational-investigative measures as an essential property of operational-investigative activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):241–247. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-241-247>.

Постановка проблемы

Если понятие оперативно-розыскной деятельности («розыскного дела», «розыскной деятельности») можно считать укоренившимся в правовой памяти и практике достаточно давно, то понятие и соответствующий ему термин «оперативно-розыскные мероприятия» (далее — ОРМ) в правоохранительной лексике — сравнительно новое образование. В отечественном законодательстве данный термин появился в 1991 г. в Законе Союза ССР от 16 мая 1991 г. № 2159-1 № «Об органах государственной безопасности в СССР». В данном Законе впервые прослушивание телефонных переговоров в пп. 1, 4 ст. 14 было названо законодателем оперативно-розыскным мероприятием. При этом выражаемое упомянутым термином понятие законодательно не раскрывалось, не предусматривался и порядок проведения данного ОРМ. Однако уже Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности» содержал комплекс норм, представляющих развернутую характеристику ОРМ. В частности, преамбула Закона предусматривала: «настоящий Закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий». В нормативное содержание Закона был включен раздел II «Проведение оперативно-розыскных мероприятий», содержащий несколько статей, устанавливающих перечень ОРМ (ст. 6), основания их проведения (ст. 7), условия проведения (ст. 8), а также комплекс норм о производстве оперативной проверки (ст. 9), об использовании результатов опера-

тивно-розыскной деятельности (ст. 10). Таким образом, можно было бы вести речь о формировании основ полноценного института (субинститута) права.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) определил: как вид деятельности оперативно-розыскная деятельность осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов в пределах их полномочий исключительно посредством *проведения оперативно-розыскных мероприятий*.

Почти все исследователи проблемы обратили внимание на то обстоятельство что легального определения понятия «оперативно-розыскные мероприятия» Закон не содержит. Вместе с тем законодательно определен их перечень и единственно возможный способ введения новых ОРМ; в соответствии с принципом правовой определенности определены субъекты проведения ОРМ, специальные средства, исключительный порядок проведения ОРМ в отношении отдельных конституционных прав и свобод, установлен запрет относительно расширения круга лиц и органов осуществления ОРМ, порядок ввоза и производства специальных средств для проведения ОРМ (ст.ст. 6–8). Принципиально важно указание закона об основаниях, условиях, результатах ОРМ. Не все в одинаковой мере получило надлежащее разрешение в законе, что можно объяснить как негласным характером ОРД, так и собственно законодательными упущениями.

В условиях правового государства, организация и деятельность которого подчинена действию таких конституционных императивов, как верховенство права,

связанность (ограничение) правами человека и основами конституционного строя, необходимость соизмерения самой необходимости, правовых оснований, условий, процедур осуществления ОРМ с принципом правовой определенности в буквальном смысле задана, конституционно предопределена.

Природа и сущностные признаки концепта «ОРМ»

Поскольку, как отмечалось, легального определения ОРМ Закон об ОРД не дает, предлагая лишь описательную характеристику посредством перечисления их видов, то сама по себе лексема «оперативно-розыскные мероприятия» остается неопределенной (ч. 1 ст. 6). В доктрине ОРМ интерпретируются как «разведывательно-поисковые действия или совокупность действий, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач ОРД [12, с. 297; 5, с. 26]; ОРМ вполне обоснованно квалифицируют как «первооснову ОРД», ее содержание [11, с. 53]; ОРМ — «это суть (соль) оперативно-розыскной деятельности, и именно оперативно-розыскные мероприятия являются основным содержанием оперативно-розыскной деятельности» [13; 4]. Подтверждение значимости ОРМ аргументируется ссылками на Закон об ОРД, в котором словосочетание «оперативно-розыскные мероприятия» используется более сорока раз, притом в различных контекстах. В указанном смысле квалификация ОРМ «одним из основных элементов ОРД» [3, с. 92], или «одной из составных частей ОРД» [8, с. 35] не совсем точная; ОРМ — это, собственно говоря, есть содержание ОРД, ее сущностное, предметное выражение в практике. При этом ОРМ отличаются многофункциональностью: они, как не без основания замечено, проводятся не только для добывания фактических данных, но и для создания оптимальных условий для захвата преступника, обеспечения безопасности лицу, оказывающему содействие органам, осуществляющим ОРД; это также получение образцов для исследования, оперативное внедрение в преступную среду [7, с. 35] (вид ОРМ, который заключается в легендированном вводе оперативного сотрудника или лиц, оказывающим им содействие на конфиденциальной основе).

Природа ОРМ наиболее отчетливо проявляется в комплексе присущих им титульных особенностей, или признаков.

Во-первых, *проведение ОРМ предназначено исключительно для достижения законодательно определенных целей и задач*. Цели ОРМ определены Законом об ОРД: защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1). Одновременно ОРМ, являясь сущностным выражением ОРД, реализуют присущую ей (ОРД) совокупность предусмотренных вышеупомянутым Законом задач (ст. 2). Очерчивая сферы возможного применения ОРМ, цели и задачи в то же время императивно устанавливают пределы их (ОРМ) применения в практической деятельности. Деонтологические основания ОРД, кроме того, указывают на то, что проведение ОРМ подчинено действию моральных регуляторов.

Во-вторых, *особенность ОРМ заключена в законодательно определенных основаниях их проведения*. В сравнении с ранее действовавшим законом¹, действующий Закон об ОРД содержит указание относительно несколько большего количества таких оснований, предусмотренных в 3-х частях ст. 7 («Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий»), рубрицированных на пункты и подпункты.

В специальной литературе предложено выделять две группы таких оснований. Это: а) фактические основания для проведения ОРМ (данные о непосредственных признаках противоправного деяния или угрозы) и б) формальные — поводы, т. е. сведения, поступившие сотруднику запросы, поручения, служебные документы, публикации, материалы СМИ [10, с. 51]. Не оставляя без внимания такой подход к оценке правовых оснований проведения ОРМ, предложим несколько иную систематику, подразделив все правовые основания по характеру их однородности на несколько относительно обособленных групп.

Первая группа ОРМ связана с четырьмя обстоятельствами перечисленными в чч. 1–2 ст. 7 Закона об ОРД. Это, прежде всего, наличие возбужденного уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 7), а также ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о: а) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7); б) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (подп. 2 п. 2 ч. 1 ст. 7 в ред. Федеральных законов от 2 декабря 2005 г. № 150-ФЗ, от 21 декабря 2013 г. № 369-ФЗ); в) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания (подп. 3 п. 2 ч. 1 ст. 7); г) лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов (подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7). *Вторая группа оснований* представлена теми обстоятельствами, которые инициируют проведение ОРМ для выполнения поручений лиц и органов предварительного расследования и запросов иных правоохранительных органов, при том, что такие обстоятельства (основания) прямо определены Законом об ОРД (пп. 3–6 ч. 1 ст. 7). *Третья группа оснований* указывает на необходимость проведения ОРМ для обеспечения режима безопасности на специальных объектах и в организациях, а также в отношении определенного круга лиц (пп. 1–6, 8 ч. 2 ст. 7). В отдельную, *четвертую, группу* можно выделить те основания, которые предполагают проведение ОРМ в отношении определенного круга лиц в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»,

¹ Сравнить ст. 7 Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3181-1) с положениями чч. 1–3 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции (пп. 1–4 ч. 3 ст. 7).

Как видно, таких оснований достаточно много, при этом разнопорядковых. Видимо, нужен единый критерий (методологический ориентир), соотнесение с которым на практике исключало бы расширительное понимание оснований проведения ОРМ. В этой связи следует отметить, что в Законе об ОРД содержится положение фундаментального порядка: «не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных настоящим Федеральным законом» (ч. 2 ст. 5). Представляется, что более точным ориентиром пределов проведения ОРМ может служить следующая редакция ч. 2 ст. 5: «Оперативно-розыскные мероприятия проводятся только тогда, когда иным путем невозможно обеспечить выполнение задач, предусмотренных статьей 2 настоящего Федерального закона, и если это не входит в противоречие с принципами оперативно-розыскной деятельности, определенных статьей 3 настоящего Федерального закона».

В-третьих, поскольку законодательно ОРД определена как вид деятельности государственных органов (ст. 1 Закона об ОРД), то *проведение ОРМ — это исключительная прерогатива специальных органов государства и их должностных лиц*. Согласно Закону об ОРД на территории Российской Федерации право осуществлять оперативно-розыскную деятельность предоставляется оперативным подразделениям: органам внутренних дел Российской Федерации; органам федеральной службы безопасности; федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны; таможенным органам Российской Федерации; Службе внешней разведки Российской Федерации; Федеральной службе исполнения наказаний (пп. 1–4, 6–8 ч. 1 ст. 13), а также в определенных Законом случаях — Министерству обороны Российской Федерации (ч. 2 ст. 13). При этом перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, может быть изменен или дополнен только федеральным законом (ч. 3 ст. 13). Наличие частных детективов и частных детективных организаций, деятельность которых допускается Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», не должно вводить в заблуждение: меры во исполнение такой деятельности не приобретают качества ОРМ. Важно следующее уточнение: ОРМ осуществляются оперативными подразделениями, непосредственно оперативным работником оперативно-розыскного органа, отдельных ОРМ (например, наблюдения) — оперативными подразделениями ОВД, а в отдельных случаях — и лицами, оказывающими на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим ОРД (ч. 5 ст. 6 Закона об ОРД). Посредством законодательно установленного абсолютного запрета запрещается проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения ин-

формации, не уполномоченными на то Законом об ОРД физическими и юридическими лицами (ч. 6 ст. 6).

В-четвертых, имплицитно присущее ОРД свойство секретности, неизбежно («объективно») влечет такую ее особенность, как *негласность осуществляемых в ее рамках ОРМ, или неочевидность, скрытность осуществляемых ОРМ от лиц, в них не участвующих, прежде всего, от «объектов» ОРМ, в отношении которых они проводятся*. Это означает, что приемы, методы, способы проведения ОРМ, составляющие тактику, а также порядок, организацию проведения такого мероприятия не подлежат оглашению и относятся к сведениям, составляющим государственную тайну. Законодательно определено, что сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД, ст. 5 Закона Российской Федерации о государственной тайне). В соответствии с ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

В-пятых, *имплицитная связь ОРД с правом указывает на то, что проведение ОРМ имеет специально-юридический характер*. В отечественной литературе справедливо отмечается, что с принятием Закона об ОРД методы ОРД фактически приобрели правовую форму в виде ОРМ (В. А. Азаров, Е. В. Кузнецов и др.). На специально-юридический характер ОРМ указывают следующие обстоятельства: а) факт проведения ОРМ порождает правовые последствия. Верно замечено, что правовая природа ОРМ в том, что «их результаты всегда влекут определенные юридически значимые последствия или связаны с их наступлением» [2, с. 72]; б) проведение ОРМ обусловлено установленными законом и принятыми на его основе иными нормативными правовыми актами (включая соответствующие принципу конституционности ведомственные акты) процедурами, требованиями, условиями, а равно и процессуальными сроками; в) законодательно установленным нормативным объемом предоставляемых субъектам ОРД прав и обязанностей; г) действия и поведение (правовое общение) оперативно-розыскных органов и их должностных лиц во взаимодействии с конфиденциантами и иными лицами — «объектами» ОРМ порождает соответствующие правовые связи и отношения,

или так называемые оперативно-розыскные правоотношения; д) проведение ОРМ имеет законодательно определенные ограничения по сферам, субъектам, формам и средствам распространения, поставлено в зависимость от степени тяжести преступлений. Так, органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается: проводить ОРМ в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения; подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация); фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности и др. (ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД).

В-шестых, *связанность деятельности оперативно-розыскных органов и их сотрудников фундаментальным требованием соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности* — еще одна из значимых титульных особенностей ОРМ. Закон об ОРД в ст. 5 («Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности») императивно предписывает: «Органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (ч. 1 ст. 5). Законодательно (чч. 3–7 ст. 5 Закона об ОРД) закреплены специальные гарантии лиц, в отношении которых проводятся ОРМ: лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд; лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации; в случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего ОРД, об отказе в предоставлении необходимых сведений заявителю судья может обязать указанный орган предоставить заявителю сведения, предусмотренные законом (ч. 4 ст. 5); полученные в результате проведения ОРМ материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются. Отмеченное не означает, что «возможность ограничения прав и свобод человека при проведении отдельных, в том числе негласных, ОРМ является неотъемлемой сущностной характеристикой ОРД» [3, с. 47].

В-седьмых, *особенность ОРМ — в использовании в ОРД разнообразных специальных правовых режимов их (ОРМ) проведения*. Так, Закон об ОРД определяет исключительный порядок осуществления ОРМ применительно к ограничению конкретно определенных конституционных прав, не распространяя такой процедурный ме-

ханизм на иные случаи. В частности, ОРМ, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, с получением компьютерной информации проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими ОРД (ч. 4 ст. 6).

В-восьмых, *особенность ОРМ — в законодательном признании исчерпывающего их перечня в Законе об ОРД, хотя и с определенной оговоркой*. Это: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации (пп. 1–15 ч. 1 ст. 6). Согласно Закону об ОРД приведенный перечень оперативно-розыскных мероприятий может быть изменен или дополнен только федеральным законом (ч. 2 ст. 6). Очевидно, также целесообразно было бы поместить в Законе об ОРД специальную статью (примечание к статье), в которой было бы представлено описание содержания, пределов и порядка применения каждого из видов ОРМ.

Не углубляясь в систематику ОРМ, следует обратить внимание и на те их виды, которые основаны на использовании специальных технических средств. Это средств связи, поиска, визуального контроля, оперативного наблюдения, фиксации (документирования), аудиального контроля, создания условий получения информации (специальные химические средства), технические средства контроля психофизиологического состояния человека (полиграфные устройства) и др. [9, с. 12] Закон об ОРД допускает в ходе проведения ОРМ использование информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также др. технических и иных средств при условии, что они не наносят ущерба жизни и здоровью людей и не причиняют вреда окружающей среде (ч. 3 ст. 6). В бланкетной норме упомянутого Закона определен перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, устанавливаемый постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770.

В-девятых, выбор ОРМ при осуществлении ОРД определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств, среди которых уровень профессиональной подготовки сотрудников оперативно-розыскных органов (профессиональная готовность, или дееспособность) имеет особенное значение [5, с. 28].

Проблема использования результатов ОРМ в уголовном процессе

Использование результатов ОРМ в уголовном процессе — едва ли не самый проблемный вопрос всей ОРД, а равно остается пока неразрешенным в теории и практике уголовного судопроизводства. Если исходить из положения ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 471-ФЗ) о том, что результаты ОРД могут быть¹ использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а равно как и для достижения собственно целей ОРД (ст. 1), то логично допустить, что проведение ОРМ как раз и подчинено получению таких результатов, которые могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу. Иное понимание проведения ОРМ снижает их действительную ценность. Между тем, как на это обращено внимание в специальной литературе, Закон об ОРД фактически не регламентирует порядок оформления результатов ОРМ, кроме требования о вынесении постановления на их проведение. Отмечается, что в различных регионах и правоохранительных ведомствах разнопланова практика документирования процедур осуществления и итогов ОРМ, что вызывает многочисленные жалобы граждан по поводу допустимости использования данных ОРМ в уголовном судопроизводстве. С этим связано отсутствие единой позиции следователей, прокуроров и судей об использовании задокументированной оперативной информации при производстве по уголовному делу. Вследствие этого использование результатов ОРД в борьбе с преступностью не приносит ожидаемого эффекта [1, с. 164–165]. Данная проблема по-прежнему сохраняет свою остроту и требует своего решения как в Законе об ОРД, так и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать своего рода максимы, следование которым в определенной мере позволяет соотнести практику применения ОРМ с теми стандартами, которые предъявляются к ОРД.

1. Практика противодействия преступности выработала специальные методы получения информации, применяемые в ОРД, которые законодательно идентифицированы в качестве ОРМ.

2. ОРМ допустимы в тех случаях, когда иными (гласными) способами получение предусмотренной законом информации оказывается невозможным.

3. Проведение ОРМ должно быть строго согласовано с требованиями конституционно предусмотренной презумпции невиновности.

4. Существуют временные пределы допустимых законом ограничений прав и свобод в результате проведе-

ния ОРМ; выход за эти пределы ведет к отмене конституционного права (свободы).

5. Проведение ОРМ, кроме добровольного согласия на их проведение, всегда само по себе вторгается в сферу конституционно гарантированных прав (свобод) человека. Допустимое законом вмешательство посредством проведения ОРМ должно быть строго выборочным, т. е. не носить общепойскового характера и быть направленным на неопределенный круг лиц, что не противоречит разведывательно-поисковой сущности ОРД и не ослабляет свойства его наступательности и превентивного потенциала.

6. Комплекс норм, принципов, иных установлений, представленных в Законе об ОРД и принятых на его основе иных нормативных правовых актах, относящихся к проведению ОРМ, позволяет констатировать наличие в сфере правового регулирования ОРД обособившегося комплекса правовых установлений, не имеющего исключительно узкоотраслевую направленность.

Список источников

1. Азаров В. А. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права [Текст] : монография / В. А. Азаров, Е. В. Кузнецов. Москва : Юрлитинформ, 2016. 155 с.

2. Бобров В. Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий : исходные положения к исследованию проблемы // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : труды Академии управления МВД России. М., 2001.

3. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М. : Проспект, 2019. 336 с.

4. Железняк Н. С. Об оперативно-розыскной деятельности. Монография Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). Москва : Проспект, 2021. 128 с.

6. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2021. 630 с.

7. Оперативно-розыскная деятельность : научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / [А. И. Бастрыкин и др.] ; под ред. докт. юрид. наук, проф. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020. 280 с.

8. Организация неотложных следственных действий : учебное пособие / под ред. О. В. Волоховой. М. : Юрлитинформ, 2019.

9. Тамбовцев А. И. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий : монография / А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко ; Академия управления МВД России. Москва : Академия управления МВД России, 2021. 155 с.

10. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 384 с.

11. Чечетин А. Е. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий : монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД

¹ Использование законодателем в данной конструкции оператора модальности «могут» в соотнесении с ч. 2 ст. 5 Закона об ОРД не совсем точно. Телеологическое истолкование этих взаимосвязанных установлений Закона указывает на то, что оператор модальности «должны» в этом случае соответствовал бы данной конструкции.

России, 2005.

12. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горина и др. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2004.

13. Железняк Н. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : конспективные ответы на традиционные вопросы : учебное пособие для сотрудников оперативных подразделений, преподавателей и студентов юридических вузов. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2013.

References

1. Azarov V. A. Theoretical foundations of the formation of the branch of operational investigative law [Text] : monograph / V. A. Azarov, E. V. Kuznetsov. Moscow : Yurlitinform, 2016. 155 p.

2. Bobrov V. G. On the legal nature of operational investigative measures: initial provisions for the study of the problem // Actual issues of theory and practice of operational investigative activities : proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2001.

3. Gusev V. A., Lugovik V. F. Theory of operational investigative procedures : monograph. Moscow : Prospect, 2019. 336 p.

4. Zheleznyak N. S. On operational investigative activities. Monograph Krasnoyarsk : SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

5. Scientific and practical commentary on the Federal Law «On Operational investigative Activities» (article-by-

article). Moscow : Prospect. 2021. 128 p.

6. Operational investigative activity in the digital world : a collection of scientific papers / edited by V. S. Ovchinsky. M. : Infra-M, 2021. 630 p.

7. Operational investigative activity : scientific and practical commentary (article-by-article) to the Federal Law / [A. I. Bastrykin et al.]; ed. doct. jurid. Sciences, prof. A. I. Bastrykina. M. : Yurlitinform, 2020. 280 p.

8. Organization of urgent investigative actions : a textbook / edited by O. V. Volokhova. M. : Yurlitinform, 2019.

9. Tambovtsev A. I. Evolution of operational investigative measures: monograph / A. I. Tambovtsev, N. V. Pavlichenko ; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 155 p.

10. Theory of operational investigative activity / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. 4th ed., reprint. M. : Norm : INFRA-M 2017. 384 p.

11. Chechetin A. E. Theoretical and legal problems of operational investigative measures : monograph. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

12. Operational investigative activity : textbook / edited by K. K. Goryainova et al. 2nd ed., supplement and revision M., 2004.

13. Zheleznyak N. S. Fundamentals of operational investigative activity : summary answers to traditional questions : a textbook for employees of operational units, teachers and students of law schools. 3rd ed., ispr. and add. Krasnoyarsk : SibUI FSKN of Russia, 2013.

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-248-251>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-527

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-726

Антитеррористическая защита объектов: частноправовой взгляд

Ярослав Александрович Шаповалов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, yascientist@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации **С. А. Шаронов**

Аннотация. Процесс обеспечения антитеррористической защиты объектов рассматривается сквозь призму частного права. Установлены гражданско-правовые и трудо-правовые компоненты, которые выступают элементами частноправовых отношений, возникающих по поводу антитеррористической защиты объектов.

Ключевые слова: антитеррористическая защита, частноправовой взгляд, правоотношение, компоненты, терроризм

Для цитирования: Шаповалов Я. А. Антитеррористическая защита объектов: частноправовой взгляд // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 248–251. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-248-251>.

Original article

Anti-terrorist protection of objects: private law view

Yaroslav A. Shapovalov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

yascientist@yandex.ru

Scientific leader: Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,

Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation **S. A. Sharonov**

Abstract. In this article, the process of ensuring the anti-terrorist protection of objects is considered through the prism of private law. The author establishes civil-law and labor-law components that act as elements of private law relations arising from the anti-terrorist protection of objects.

Keywords: anti-terrorist protection, private law view, legal relationship, components, terrorism

For citation: Shapovalov Ya. A. Anti-terrorist protection of objects: private law view. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):248–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-248-251>.

В настоящее время вопрос обеспечения антитеррористической защищенности (далее — АТЗ) различного рода объектов производственного, образовательного, культурного и иного социального назначения стоит достаточно остро. В прессе часто публикуются материалы о предотвращении теракта [13], задержании членов заговорившей ячейки органами государственной безопасности [6], минировании объектов инфраструктуры [4] и другие. Большой резонанс получают распространившиеся в последние годы массовые убийства в образовательных организациях [14]. Совершенно очевидно, что возлагаемые на граждан и юридических лиц Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [11] (далее — Закон о противодействии терроризму) обязанности по выполнению требований к АТЗ принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании объектов имеют своей целью

противодействие и этому деструктивному явлению. Не случайно научное сообщество утверждает о принадлежности деятельности приверженцев «колумбайна» или «скулшутинга» к террористической [7; 8], что только подтверждается решением ВС РФ [1].

Однако разрозненные подзаконные акты, устанавливающие требования к АТЗ, не дают участникам гражданского оборота четкого ответа на вопросы о том, кем и какими средствами обеспечивается указанная защита. В этих условиях необходимо выработать и усовершенствовать теоретическую и законодательную базу по АТЗ объектов, принадлежащих гражданам и организациям, анализ которой пока не являлся предметом концептуальных цивилистических исследований. Рассмотрение процесса обеспечения АТЗ объектов с позиции частного права и является целью настоящей публикации. Указанную цель предлагается достичь путем выявления частноправовых

компонентов обеспечения АТЗ объекта.

Для начала необходимо отметить, что под АТЗ объекта законодатель понимает такое состояние защищенности здания, строения, места массового пребывания людей и иного объекта, которое препятствует совершению террористического акта [11]. Исходя из данной формулировки, а также иных положений Закона о противодействии терроризму, путем соотношения содержания данной деятельности и предмета регулирования гражданского законодательства выделим несколько гражданско-правовых факторов, обуславливающих необходимость концептуальных исследований обеспечения АТЗ объектов с точки зрения частного права.

Первым из них является тот факт, что объекты, подлежащие защите, одновременно являются и объектами гражданских прав. Правообладатель в процессе АТЗ защищает свое имущество, нематериальные блага, такие как жизнь и здоровье работников и посетителей объекта, результаты работ и сам процесс оказания услуг. Для последнего важность надлежащего обеспечения АТЗ объекта обуславливается двумя причинами. Во-первых, в случае совершения террористического акта процесс оказания услуг будет вынужденно остановлен, это подтверждает даже практика заведомо ложных сообщений о минировании различных объектов образования и транспортной инфраструктуры. Во-вторых, за неисполнение законодательных требований к АТЗ для юридических лиц предусмотрена санкция вплоть до административного приостановления деятельности на три месяца [3]. Таким образом, участник гражданского оборота не только вправе защищать свои гражданские права от опасности совершения теракта, но, более того, на него в публичном интересе возлагается такая обязанность.

Вторым фактором является то, что состояние защищенности этих объектов обеспечивается совокупностью мероприятий. Субъектами же их выполнения являются физические и юридические лица, которым принадлежат эти объекты или которые используют их, и чье правовое положение регулируется нормами гражданского законодательства. Именно они — участники гражданского оборота — обязаны обеспечивать выполнение мероприятий, установленных подзаконными актами Правительства РФ. Среди них имеются организационные, инженерно-технические, охранные, трудовые мероприятия, для реализации которых правообладатели объекта вынуждены обращаться к сторонним организациям. Поэтому помимо правообладателя объекта субъектами обеспечения АТЗ в пределах прав, предоставленных лицензией, являются охранные организации — частные (далее — ЧОО) или созданные с участием государства (ФГУП «Охрана» Росгвардии). Именно они могут являться непосредственными субъектами, обеспечивающими АТЗ на профессиональной основе. Так, для ЧОО существует отдельный вид услуги по охране объектов, имущества, обеспечению внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, подлежащих АТЗ [2]. Однако в части заключения договора на оказание охранных услуг в литературе отмечались проблемы монополизации рынка организациями, созданными с участием государства [16, с. 75]. Поэтому в

настоящее время оказываемые ЧОО и иными охранными организациями услуги по охране объектов, подлежащих АТЗ, нуждаются в научном осмыслении.

Наличие третьего фактора обусловлено необходимостью придания оказываемым услугам «юридического облика» — договора. Проведенный автором анализ показывает, что для надлежащего обеспечения АТЗ объекта необходимо заключить ряд соглашений, направленных на организацию физической охраны, инженерно-техническое оснащение, информационное сопровождение и пр., что позволяет утверждать о наличии целой системы договоров. Основным средством обеспечения АТЗ видится заключение договора оказания охранных услуг. Учеными уже было установлено, что такой договор выполняет антитеррористическую функцию [9, с. 54–55; 17, с. 522–523], однако концептуальные исследования, посвященные услуге по АТЗ объектов, пока отсутствуют.

Помимо того, физические и юридические лица вынуждены обращаться за консультацией по поводу обеспечения АТЗ объектов. Дело в том, что первоначальными этапами процесса АТЗ являются категорирование и разработка паспорта безопасности объекта. Для составления этого многостраничного и технически сложного документа необходимо изучить топографические и физические параметры объекта, что требует определенных специальных знаний. Поэтому выходом для участников гражданского оборота видится заключение договоров возмездного оказания услуг или подряда на составление паспорта безопасности объекта [15, с. 205–206].

Немалую роль играют договоры аренды или купли-продажи коммуникационного оборудования, программного обеспечения, средств защиты и связи, необходимых для надлежащего обеспечения АТЗ. Монтаж и обслуживание средств оповещения, освещения, видеонаблюдения, инженерных заградительных препятствий также требуют профессиональных знаний, вследствие чего правообладатель объекта вынужден заключать договоры с иными коммерческими организациями. Таким образом, выстраивается целая система соглашений, направленных в конечном счете на обеспечение состояния АТЗ объекта.

Выделение следующих компонентов обусловлено тем, что участники гражданского оборота, выполняющие требования к АТЗ, различны. Они могут быть организованы в форме корпораций, а также могут осуществлять предпринимательскую деятельность, что обуславливает наличие и этих двух факторов, регулируемых нормами гражданского законодательства. Так, общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью принимает внутренние документы [12], в которых может быть регламентирована штатная структура, назначены лица, ответственные за выполнение требований к АТЗ, определен внутриобъектовый и пропускной режимы. Осуществление субъектами предпринимательской деятельности также может обуславливать некоторые особенности при обеспечении АТЗ. Более того, предпринимательский статус на практике вызывает проблемы для надлежащего обеспечения АТЗ. Как справедливо указывает С. А. Шаронов, с точки зрения предпринимателей обеспечение АТЗ объектов противоречит природе предпринимательской

деятельности [18, с. 108–109]. Тем не менее, у участников гражданского оборота все же есть частноправовые возможности реализации требований к АТЗ, что предопределяет такой подход как не совсем правильный.

Рассматривая вопрос о частноправовых началах процесса АТЗ, необходимо выделить и другие компоненты, входящие в его сферу, например, трудо-правовые.

В процессе обеспечения АТЗ объектов трудо-правовые отношения занимают особое место. В этой связи ученые отмечают, что отношения, обусловленные защитой объектов, принадлежащих работодателю, «проникают в сферу трудовых и иных, связанных в ними отношений» [10, с. 10]. Их наличие обусловлено необходимостью разработки должностных инструкций работников объекта и иных локальных нормативных актов, необходимостью заключения трудового, коллективного договора, отражающих специфику выполнения трудовой функции на объекте, подлежащем АТЗ.

Кроме того, для надлежащего обеспечения физической охраны необходимо разработать локальные акты, устанавливающие внутриобъектовый и пропускной режимы, положения которых в дальнейшем могут быть трансформированы в условия договора охраны. Разработку проектов этих документов требуется возложить на должностные лица, в чью трудовую функцию также могут войти вопросы планирования и реализации мероприятий по АТЗ, контроль за порядком работы со служебной информацией ограниченного распространения, проведение учений и тренировок с работниками, контроль за уровнем готовности охранников к отражению теракта и другие.

Следует понимать, что организационные мероприятия, такие как проведение тренировок или установка режимов на объекте, требует не только соответствующее информирование работников, но и отражение определенных особенностей выполнения трудовой функции в трудовом договоре или возложение соответствующих обязанностей локальным актом. Правоприменительная практика показывает, что при привлечении к ответственности суды обращают внимание на лицо, на которое локальным актом возложены обязанности по обеспечению АТЗ. Так, в одном из судебных разбирательств установлено, что приказом общества с ограниченной ответственностью такие обязанности возложены на руководителей обособленных структурных подразделений — директоров магазинов, один из которых был включен в перечень торговых объектов, подлежащих АТЗ. В соответствии с должностной инструкцией директор магазина была «обязана обеспечить условия, не допускающие причинения вреда жизни и здоровью посетителей и сотрудников магазина», однако не произвела категорирования, паспортизацию объекта и не выполнила иные меры по обеспечению его АТЗ. В результате виновной был назначен административный штраф в размере тридцати тысяч рублей [5].

Подводя итоги публикации необходимо сделать следующие выводы:

Установлены частноправовые компоненты процесса обеспечения АТЗ объектов, что позволит участникам гражданского оборота проанализировать проблему охраны гражданских прав под новым углом и использовать все

имеющиеся средства гражданско- и трудо-правового поля.

Выявленные частноправовые компоненты характеризуют деятельность по АТЗ объектов с точки зрения частного права, отличающуюся от аналогичной публичной функции государства, а также образуют частноправовые отношения, составными элементами которых являются субъекты (участники гражданского оборота), объекты (объекты гражданских прав) и содержание (права и обязанности субъектов). Выделение такого частноправового взгляда на АТЗ объектов может способствовать появлению новых концептуальных исследований и, как следствие, совершенствованию правового регулирования данной сферы и правоприменительной практики.

Список источников

1. Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347> (дата обращения: 16.02.2022).
2. Закон РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 100. 30 апреля 1992 г.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. I. Ст. 1.
4. Неизвестный сообщил о минировании терминала в Шереметьево и четырех самолетов // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/13626927> (дата обращения: 16.02.2022).
5. Постановление Прионежского районного суда (Республика Карелия) № 5-40/2020 от 06 мая 2020 г. по делу № 5-40/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFsNjLMiO95y/> (дата обращения: 16.02.2022).
6. Пресечена деятельность террористической ячейки в Крыму // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/presechena-deyatelnost-terroristicheskoy-yacheyki-v-krymu.html> (дата обращения: 16.02.2022).
7. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38–43.
8. Самойлов С. Ф., Лапсарь М. В. Правовой анализ элементов состава преступных деяний, совершаемых представителями движения «Колумбайн» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 35–42.
9. Севостьянов В. В. Договорное регулирование предпринимательского отношения по эксплуатации опасных производственных объектов : дис. ...канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 211 с.
10. Трудовое право России : учебник для академического бакалавриата / А. Я. Рыженков, В. М. Мелихов, С. А. Шаронов ; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 426 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.
11. Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
12. Федеральный закон от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

13. ФСБ России предотвращена попытка совершения террористического акта в Ставропольском крае // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/fsb-rossii-predotvrashchena-popytka-soversheniya.html> (дата обращения: 16.02.2022).

14. Хронология случаев стрельбы в российских учебных заведениях // URL: <https://tass.ru/info/12452757> (дата обращения: 16.02.2022).

15. Шаповалов Я. А. Частноправовые аспекты разработки паспортов безопасности объектов, подлежащих антитеррористической защите // Государство и право : проблемы и перспективы совершенствования : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции / редкол. : А. А. Горохов (отв. ред.). Том 1. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 203–207.

16. Шаронов С. А. Антитеррористическая защищенность опасных производств как условие осуществления предпринимательской деятельности в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 года // Власть закона. 2018. № 1. С. 61–84.

17. Шаронов С. А. Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Юстицинформ, 2014. 606 с.

18. Шаронов С. А. Частноправовые аспекты антитеррористической защищенности объектов предпринимательской деятельности : на примере опасных производственных объектов // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 108–113.

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation recognized Columbine as a terrorist organization // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347> (accessed: 16.02.2022).

2. The Law of the Russian Federation of 11.03.1992 № 2487-1 «On private detective and security activities in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 100. April 30, 1992.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1. Part I. Article 1.

4. An unknown person reported the mining of the Sheremetyevo terminal and four aircraft // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/13626927> (accessed: 16.02.2022).

5. Resolution of the Prionezhsky District Court (Republic of Karelia) № 5-40/2020 of 06.05.2020 on case No. 5-40/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFsNjLMiO95y/> (accessed: 16.02.2022).

6. The activities of a terrorist cell in Crimea have been

suppressed // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/presechena-deyatelnost-terroristicheskoy-yacheyki-v-krymu.html> (accessed: 16.02.2022).

7. Puchnin A. V., Puchnina M. Y. The ideology of columbine as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation // Society and law. 2021. № 2 (76). P. 38–43.

8. Samoilov S. F., Lapsar M. V. Legal analysis of the elements of the criminal offense of the Columbine movement // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (54). P. 35–42.

9. Sevostyanov V. V. Contractual regulation of business relations for the operation of hazardous production facilities : dissertation...candidate of legal sciences. Grozny, 2019. 211 p.

10. Labor law of Russia : textbook for academic baccalaureate / A. Ya. Ryzhenkov, V. M. Melikhov, S. A. Sharonov ; under the general editorship of A. Ya. Ryzhenkov. 5th ed., reprint. and add. M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2017. 426 pp. Series : Bachelor. Academic course.

11. Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006 «On Countering Terrorism» // SZ RF. 2006. № 11. Art. 1146.

12. Federal Law № 14-FZ of 08.02.1998 «On Limited Liability Companies» // SZ RF. 1998. № 7. Art. 785.

13. The FSB of Russia prevented an attempt to commit a terrorist act in the Stavropol Region // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/fsb-rossii-predotvrashchena-popytka-soversheniya.html> (accessed: 16.02.2022).

14. Chronology of shooting cases in Russian educational institutions // URL: <https://tass.ru/info/12452757> (accessed: 16.02.2022).

15. Shapovalov Ya. A. Private law aspects of the development of safety passports of objects subject to anti-terrorist protection // State and law : problems and prospects of improvement : collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference / editorial board: A.A. Gorokhov (ed.). Volume 1. Kursk : Southwest State University, 2021. P. 203–207.

16. Sharonov S. A. Counter-terrorist protection of hazardous industries as an important condition of doing business in anticipation of the Football World Cup 2018 // Vlast' zakona. 2018. № 1. P. 61–84.

17. Sharonov S. A. The concept of civil law regulation of security activities in the Russian Federation : monograph. Moscow: Justicinform, 2014. 606 p.

18. Sharonov S. A. Private law aspects anti-terrorist protection of business objects : on the example of hazardous production facilities // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 7. P. 108–113.

Информация об авторе

Я. А. Шаповалов — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Ya. A. Shapovalov — Postgraduate Student of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022. The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 343.985

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-252-255>

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: 2003-0059-6/22-528

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-727

Предъявление для опознания при расследовании организации незаконной миграции

Любовь Сергеевна Шеховцова¹, Ирина Александровна Неупокоева²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, l.sheh@mail.ru

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, irinaneupokoeva55@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа и обобщения судебной практики представлена значимость результатов предъявления для опознания при доказывании организации незаконной миграции; обозначены тактические особенности производства предъявления для опознания живых лиц в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ; предложены рекомендации, направленные на эффективное расследование уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: предъявление для опознания, организация незаконной миграции, тактические рекомендации, опознание, расследование, мигранты, этнические группировки, транснациональные преступления

Для цитирования: Шеховцова Л. С., Неупокоева И. А. Предъявление для опознания при расследовании организации незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 252–255. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-252-255>.

Original article

Identification in the investigation of the organization of illegal migration

Lyubov S. Shekhovtsova¹, Irina A. Neupokoeva²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, l.sheh@mail.ru

² Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, irinaneupokoeva55@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis and generalization of judicial practice, the article shows the significance of the results of presentation for identification to prove the organization of illegal migration, identifies the tactical features of the production of presentation for identification of living persons during the investigation of crimes under Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, suggests tactical recommendations aimed at effective investigation of criminal cases of this category.

Keywords: presentation for identification, organization of illegal migration, tactical recommendations, identification, investigation, migrants, ethnic groups, transnational crimes

For citation: Shekhovtsova L. S., Neupokoeva I. A. Identification in the investigation of the organization of illegal migration. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):252–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-252-255>.

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 25,6 % и составило 926 преступлений [1], несмотря на действующие ограничения движения через государственную границу Российской Федерации, направленные на нераспространение коронавирусной инфекции [2]. Тенденция к росту совершаемых преступлений данной категории сохраняется и в 2022 г [3].

Организация незаконной миграции, являясь проявлением организованной транснациональной преступности, обоснованно относится к категории латентных

преступлений и часть таких преступлений не отражается официальной отчетной статистики регистрируемых преступлений. Несмотря на то, что ч. 1 ст. 322.1 УК РФ относится к категории небольшой тяжести, в юридической литературе традиционно отмечается повышенная общественная опасность таких преступлений, связанная с зависимостью между увеличением количества преступлений, совершаемых мигрантами от числа регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ [4].

В учебных и монографических работах предъявление для опознания не рассматривается в числе типичных следственных действий, проводимых при расследовании

организации незаконной миграции [5; 6; 12], но при этом специалисты утверждают, что предъявление для опознания проводится по 57 % уголовных дел по делам об организации незаконной миграции [7].

Действительно, результаты предъявления для опознания необходимы для доказывания факта организации незаконной миграции, поскольку позволяют установить наличие связи между мигрантами и субъектами этого общественно опасного деяния, определить участников преступной группы и роль каждого в совершении преступления.

Предъявление для опознания настолько важно для доказывания, что судами в качестве доказательств по уголовным делам принимаются протоколы иных следственных действий и даже результаты оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых имело место установление значимых для расследования объектов.

Так, в ходе допроса была предъявлена запись телефонного разговора, где подозреваемый гр. Б. уверенно узнал свой голос и двух своих соучастников, при этом сообщил, что речь шла об организации незаконного въезда иностранных граждан в РФ [8].

При отождествлении лица по фотографии, проводимое органом дознания на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении гр. Х. были представлены 3 фотографии, среди которых он опознал гр. А., как лицо, с которым они совместно пересекали Государственную границу России, при этом он пояснил, почему он опознал одну из фотографий и при каких обстоятельствах ему известен гражданин, указанный на опознанной им фотографии. Результат отождествления лица по фотографии был признан судом в ходе судебного следствия доказательством [9].

Еще один пример, так в ходе проверки сообщения об организации незаконной миграции задержанных на железнодорожном вокзале граждан Республики Узбекистан, было проведено обследование участка местности, прилегающего к жилому дому и гаражу гражданина Л. В ходе обследования гр. Б. уверенно опознал снегоход, на котором его перевозили после незаконного пересечения Государственной границы России. Там же, на снежном покрове были обнаружены следы гусеничного транспортного средства (снегохода) с прицепом, идущие со стороны Государственной границы России к дому подозреваемого лица. Кроме того, в ходе мероприятия данным лицом был опознан гараж и прилегающая территория, куда его привезли и автомобиль, на котором они передвигались по городу.

В ходе осмотра автомобиля, к нему подошел гр. Л., в котором гражданин Республики Узбекистан узнал человека, который перевозил его на снегоходе через Государственную границу России и затем на автомобиле по городу [10].

Проведение предъявления для опознания при расследовании организации незаконной миграции возможно лишь при условии содействия со стороны мигрантов. В криминалистической литературе в качестве фактора влияющего на качество предъявления для опознания традиционно отмечает незаинтересованность мигрантов

в исходе дела в связи с их отрицательным отношением к правоохранительным органам [11]. Считаем такую позицию недостаточно определенной. В этом отношении мы солидарны с мнениями М. А. Шматова, В. М. Шматова, Н. Р. Хабибуллиной, которые утверждают, что мигранты чаще всего являются субъектами противодействия расследованию организации незаконной миграции. Иностранные граждане, оказавшись на территории Российской Федерации, как правило, сохраняют тесные связи с этническими группировками, со своими родственниками за рубежом, поэтому их интересы противопоставляются интересам расследования [12, с. 33]. Это обстоятельство следователям и дознавателям следует учитывать при подготовке предъявления для опознания для своевременной нейтрализации возможного противодействия расследованию.

Основным объектом, предъявляемым для опознания в ходе расследования организации незаконной миграции, являются члены преступной группы, мигранты, свидетели (соседи, перевозчики, сотрудники отдела по вопросам миграции и т. д.).

В юридической литературе упоминается о типичности предъявления для опознания документов при расследовании уголовных дел данной категории [13]. Анализ материалов архивных уголовных дел свидетельствует, что в основном в ходе расследования организации незаконной миграции изымаются следующие объекты: паспорта, визы, миграционные карты; проездные документы; платежные документы о получении либо расходовании денежных средств; договоры аренды жилых помещений, гостиничные квитанции и др. Учитывая, что сведения об этих объектах позволяют с очевидностью установить их тождество, благодаря наличию номера и иных реквизитов считаем проведение предъявления их для опознания не целесообразным.

Участники проведения предъявления для опознания имеют свои особенности. Кроме понятых, статистов, защитника в случае участия в следственном действии подозреваемого (обвиняемого) в проведении данного следственного действия участвует и переводчик. Привлекая его к участию в предъявлении для опознания, следователь должен удостовериться в его компетенции и в отсутствии у участвующих лиц к нему отводов.

Необходимость участия свидетелей-мигрантов в проведении предъявления для опознания при расследовании организации незаконной миграции отражается в осуществлении дополнительных организационных особенностях в производстве данного следственного действия. Такие свидетели одновременно являются лицами, незаконно пересекшими границу, и подлежат срочному выдворению с территории Российской Федерации, что требует незамедлительного проведения предъявления для опознания и затрудняет дальнейшее участие таких лиц в ходе расследования по уголовному делу.

Большое количество участвующих в предъявлении для опознания лиц выступает психологическим фактором, осложняющим производство данного следственного действия. На этапе подготовки и на рабочем этапе проведения предъявления для опознания следователь

должен принять дополнительные меры к установлению психологического контакта со всеми участвующими лицами, детально провести инструктаж и позаботиться о возможности использования дополнительных средств фиксации следственного действия, в частности видеозаписи. Видеозапись позволит удостоверить дополнительную информацию: жесты, мимику опознающего и иных лиц, а также станет свидетельством добровольности опознания.

Говоря об общих правилах предъявления для опознания нужно остановиться на норме ч. 4 ст. 193 УПК РФ, а именно о том, что статисты по возможности должны иметь внешность, похожую на внешность опознаваемого лица. Подбор одежды, прически не вызывает особых затруднений, но как быть с национальностью предъявляемых для опознания лиц? Для расследования уголовных дел данной категории типично проведение большого количества предъявлений для опознания. Так, например, в ходе расследования организации незаконного транзитного проезда граждан Социалистической Республики Вьетнам через территорию Российской Федерации и незаконного пребывания их в Российской Федерации было проведено 23 предъявления для опознания, результаты которых были положены в основу обвинения [14]. Подбор статистов той же национальности или даже народности в подобных условиях крайне затруднителен для следователей и дознавателей. Каждый человек обладает совокупностью индивидуальных признаков и сходство этих признаков между двумя людьми весьма условно. В судебной практике имеются разные варианты решения данной ситуации: предоставление статистов, имеющих незначительное сходство и предъявление для опознания по фотоизображениям. В исключительных случаях судьи признают законными случаи проведения предъявления для опознания внешне не схожих лиц, например, азиата среди двух статистов европейской внешности [15]. Полагаем, что такое решение является верным, поскольку законодатель в норме ст. 193 УПК РФ говорит о предъявлении для опознания лиц «по возможности» сходных лиц. Организация незаконной миграции — это чаще всего групповое транснациональное преступление. В целях обеспечения безопасности опознающего лица предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В случае, когда такой возможности нет, допускается проведение предъявления для опознания по фотоизображениям. При этом фотография должна быть надлежащего качества, соответствовать возрасту опознаваемого лица, отражать отличительные особенности, которые запомнил опознающий.

Предъявление для опознания является одним из наиболее важных следственных действий, проводимых в ходе расследования организации незаконной миграции, позволяет закрепить связи между участниками общественно опасного деяния и мигрантами, доказать последовательность и характер преступных действий. Тактика предъявления для опознания предполагает тщательную подготовку, при которой определяется форма предъявления для опознания (в натуре или по фотоизображению).

С учетом национальных особенностей подыскиваются статисты, принимая во внимание языковые особенности — переводчик, в случае необходимости принимаются меры к участию защитника.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения: 30.03.2022).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р, от 27 марта 2020 г. № 763-р.
3. Состояние преступности в России за январь–февраль 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29152810/> (дата обращения: 30.03.2022).
4. Сливный А. А. К вопросу об общественной опасности незаконной миграции и необходимости совершенствования порядка привлечения к уголовной ответственности за ее организацию // Уголовная политика, уголовное законодательство : правоприменительная практика. Сборник научных статей. Под редакцией В. И. Тюнина. СПб, 2016. С. 100–102.
5. Воронин С. Э. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности : монография / С. Э. Воронин, И. В. Никитенко, Д. Д. Каплун, В. Н. Скорик. Красноярск, 2015. 488 с.
6. Миронова А. В. Особенности предварительного расследования преступлений в области миграции : учебное пособие / А. В. Миронова, О. Н. Лаврова. М., 2021. 74 с.
7. Бирюков С. Ю. Тактика предъявления лица для опознания по фактам организации незаконной миграции // Компетенция органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 26–33.
8. Приговор № 1-52/2017 Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ch05JPNrFVY/?regularart> (дата обращения: 30.03.2022).
9. Приговор № 1-16/2018 Домбаровский районный суд Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dQIGSCmZLkxb/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case (дата обращения: 30.03.2022).
10. Апелляционное постановление Омского областного суда № 22-1147/2016 от 28 апреля 2016 г. по делу № 22-1147/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bRxxnxuWC0QJ/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case (дата обращения: 30.03.2022).
11. Козлов В. Ф. Тактика предъявления для опознания живых лиц по делам об организации незаконной миграции // Миграционное право. 2011. № 1. С. 23–25.
12. Пилякин М. И. Особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования организации незаконной миграции : учебное пособие / М. И. Пилякин, В. А. Кузнецов, О. Н. Лазаренко. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 59 с.

13. Лейнова О. С., Бачиева А. В. Первоначальные следственные действия при расследовании организации незаконной миграции // Вестник Калининградского Филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2020. № 3 (61). С. 68–71.

14. Приговор № 1-68/2019 от 16 августа 2019 г. Печорского районного суда Псковской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BTDJOUeTYbla/?regular> (дата обращения: 30.03.2022).

15. Приговор № 1-2/2015 1-69/2014 от 2 февраля 2015 г. Глушковского районного суда Курской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Zk0T67BDO7UT/?paget> (дата обращения: 30.03.2022).

References

1. The state of crime in Russia for January–December 2021 [Electronic resource]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (accessed: 30.03.2022).

2. Decree of the Government of the Russian Federation of March 16, 2020 № 635, of March 27, 2020 № 763.

3. The state of crime in Russia for January–February 2022 [Electronic resource]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29152810/> (accessed: 30.03.2022).

4. Slivny A. A. On the issue of the public danger of illegal migration and the need to improve the procedure for bringing to criminal responsibility for its organization // Criminal policy, criminal legislation : law enforcement practice. Collection of scientific articles. Edited by V. I. Tyunin. SPb, 2016. P. 100–102.

5. Voronin S. E. Theory and practice of investigation of crimes in the field of migration security : monograph / S. E. Voronin, I. V. Nikitenko, D. D. Kaplun, V. N. Skorik. Krasnoyarsk, 2015. 488 p.

6. Mironova A. V. Features of the preliminary investigation of crimes in the field of migration : textbook / A. V. Mironova, O. N. Lavrova. M., 2021, 74 p.

7. Biryukov S. Yu. Tactics of presenting a person for identification on the facts of organizing illegal migration //

Competence of internal affairs bodies in ensuring national security. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2015. P. 26–33.

8. Verdict № 1-52/2017 of the Zheleznodorozhny District Court of Rostov-on-Don [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ch05JPNrFVY/?regular> (accessed: 30.03.2022).

9. Verdict № 1-16/2018 Dombarovsky District Court of the Orenburg region [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dQlGSCmZLkxb/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case (accessed: 30.03.2022).

10. Appeal decision of the Omsk Regional Court № 22-1147/2016 dated April 28, 2016 in case № 22-1147/2016 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bRxxnxuwC0QJ/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case (accessed: 30.03.2022).

11. Kozlov V. F. Tactics of presentation for identification of living persons in cases of organizing illegal migration // Migration law. 2011. № 1. P. 23–25.

12. Pilyakin M. I. Features of investigative actions at the initial stage of the investigation of the organization of illegal migration : textbook / M. I. Pilyakin, V. A. Kuznetsov, O. N. Lazarenko. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017. 59 p.

13. Leinova O. S., Bachieva A. V. Initial investigative actions in the investigation of the organization of illegal migration // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (61). P. 68–71.

14. Verdict № 1-68/2019 of August 16, 2019 Pechora District Court of the Pskov region. [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BTDJOUeTYbla/?regular> (accessed: 30.03.2022).

15. Sentence № 1-2/2015 1-69/2014 from February 2, 2015 of the Glushkovsky District Court of the Kursk region [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Zk0T67BDO7UT/?paget> (accessed: 30.03.2022).

Информация об авторах

Л. С. Шеховцова — старший преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

И. А. Неупокоева — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

L. S. Shekhovtsova — Senior Lecturer of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

I. A. Neupokoeva — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022. The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-256-258>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2003-0059-6/22-529

МОСКОВСКИЙ: 77/27-003-2022-06-728

Правопорядок в обществах с правовыми системами разного типа: сравнительно-правовой анализ

Полина Олеговна Шлегель

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kpo.kras@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности понимания и формирования правопорядка в наиболее распространенных в мире правовых системах. Автор анализирует понятие правопорядка, сравнивает правовые системы разных обществ, а также предпринимает попытку обоснования неуниверсальности правопорядка. Кроме того, рассматривается значение ценностей, идей и идеологии для развития правовых систем мира.

Ключевые слова: правопорядок, государство, правовая система, правовая семья, ценности, правовая идеология

Для цитирования: Шлегель П. О. Правопорядок в обществах с правовыми системами разного типа: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 256–258. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-256-258>.

Original article

Legal order in societies with different types of legal systems: comparative legal analysis

Polina O. Shlegel

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kpo.kras@rambler.ru

Abstract. The peculiarities of the understanding and formation of the legal order in the most common legal systems in the world are examined. The author analyses the concept of the legal order, compares the legal systems of different societies, and attempts to justify the non-universal nature of the legal order. In addition, the significance of values, ideas and ideology for the development of the legal systems of the world is examined.

Keywords: legal order, state, legal system, legal family, values, legal ideology

For citation: Shlegel P. O. Legal order in societies with different types of legal systems: comparative legal analysis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):256–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-256-258>.

Категория правопорядок многозначна и изменчива, ее понимание зависит от научного подхода, в рамках которого она исследуется. В традиционном понимании правопорядок есть «упорядоченность» либо «организация» общественной жизни посредством права, представляющая собой некий результат соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм в обществе [1, с. 540].

Кроме того, необходимо обратить внимание, что в юридической литературе в сравнительно-правовом контексте существует понимание правопорядка как совокупности особенностей, присущих определенной правовой системе. В контексте нашего исследования данное определение вполне отвечает цели рассмотрения существенных черт правопорядка в различных правовых системах, к тому же, оно не вступает в серьезное противоречие с иными распространенными дефинициями.

Примечательна позиция, согласно которой право-

порядок, как вид общественного порядка, не может отождествляться с нормами права, устанавливаемыми и обеспечиваемыми государством, а кроме того и с правоотношениями, которые заведомо заранее предполагают правомерное поведение [2, с. 74]. Однако при этом, важно осознавать, что правопорядок не беспочвенен — особое место в качестве его оснований занимают ценности, определенного вида нормы, правосознание и т. п.

Как справедливо замечает А. И. Клименко, в современном обществе правопорядок удачно раскрывается на трех взаимосвязанных и взаимосогласующихся уровнях, базовым из которых выступает уровень правовых ценностей, идейным выражением которых является правовая идеология, выступающая механизмом организации идеологической сферы общества [3, с. 13]. Таким образом, констатируется, что правовая идеология есть важное, хоть и не единственное, основание правопорядка.

Непосредственно действуя в социальной среде, правовая идеология и правопорядок взаимосвязаны. В большинстве своем в юридической науке определяется роль *правовой идеологии* как укрепляющей и обеспечивающей сам правопорядок [3, с. 245]. Современная концептуализация правовой идеологии позволяет придавать значение последней в обеспечении общественной безопасности современного государства западного типа.

Чтобы раскрыть правопорядок в сравнительном правоведении, обратимся к определению понятия национальной правовой системы, введенному В. В. Гавриловым, — это «характерная для данного государства (общества) целостная совокупность действующих на его территории правовых норм, а также юридических органов, учреждений, организаций и правовой идеологии, обеспечивающих в процессе юридической практики, опосредованной правовой психологией, *урегулирование общественных отношений* в соответствии с объективными закономерностями развития общества» (курсив мой — П. Ш.) [4, с. 19]. Обратим внимание на то, что правовая идеология, как один из компонентов правовой действительности (наряду с нормами и способами их создания, правовой культурой, и правореализацией), называется в качестве элемента правовой системы, который участвует в регулировании общественных отношений. Идеи, ценности и установки, существующие в общественном сознании, во многом отличаются в различных правовых системах, стало быть, и правопорядок в них может отличаться, наполняясь отличным от других содержанием, а потому — нельзя сказать о существовании универсального правопорядка.

Возникает вопрос: что представляет собой правопорядок в обществах с правовыми системами разного типа?

Традиционные общества отличает сложившаяся система обычного права, отсутствие формально-определенных правовых норм. Правопорядок в таких обществах складывается как бы сам собой, под воздействием естественных факторов. Система правовых ценностей, идей и принципов еще не сформирована в традиционном обществе. Вместо них обычаи и традиции регламентируют общественные отношения.

Общества, в которых религия является господствующим регулятором общественных отношений, либо же существует наряду с государственным правом, отличается тем, что в таких правовых системах повышенную значимость при организации жизни имеют религиозные представления и верования, при этом правовые нормы проникают в последние. Идея греха в религиозном обществе, по сути, созвучна преступлению в светском обществе, угрожающему существующему правопорядку, то есть такому положению вещей в мире, которое организовано под воздействием верований и идей. Таким образом, важность здесь приобретают не правовые нормы, а религиозные догмы.

Наиболее развитыми в настоящее время считаются общества с романо-германской и англо-американской правовыми системами. Общественная жизнь здесь регулируется, в первом случае, с помощью кодифицированных законов — именно закон формирует основу право-

порядка, а во втором — с помощью правовой практики (в основном судебным прецедентом).

В отличие от традиционной и религиозной правовых систем, социалистическая система права отличается характером формальной определенности. Неслучайно многие из современных государств, которые относились к социалистической правовой системе, в результате качественных изменений теперь входят романо-германскую правовую систему. В государстве доминируют публично-правовые институты, законы обеспечивают интересы партии, провозглашается власть народа, права и свободы граждан. Результатом осуществления права является социалистический правопорядок — система общественных отношений, которая складывается на основе и в соответствии с нормами права. Все подчинено строгой законности, являющейся составной частью политического режима в государстве — общественная дисциплина, строгое соблюдение юридических обязанностей, неотвратимость ответственности за нарушение правопорядка. Правопорядок как состояние права в социалистическом обществе формируется под влиянием мощнейшей правовой идеологии, исходящей, в первую очередь, от государства.

Важно затронуть также особенности устройства правовой системы Дальнего Востока. В Китае, основываясь на философских учениях, таких как конфуцианство и даосизм, данная система содержит моральные нормы и традиции, передаваемые из поколения в поколение, выстраивая определенный порядок взаимодействия людей в обществе на основе почитания семьи и старших. В таком обществе важным является ценностное восприятие права и его отражение в общественном сознании [5, с. 70]. Любые вопросы, которые на западе принято решать через применение норм права — на Востоке решаются примирением сторон, находя компромиссы. Суть правопорядка заключается в достижении гармонии между людьми, слиянии человека с природой («дао»), проявлении смирения и осознании человеком правил гармоничного сосуществования («ли») [6, с. 328]. Таким образом, в философии даосизма, присущей некогда дальневосточной правовой системе до проникновения в нее западных традиций, правопорядок — это состояние, восстановить который суд не способен. Философия китайского легизма, наоборот, предполагает, что человеческое существо эгоистично, а потому каждый должен следовать закону под страхом строгого наказания, и в таком случае праву отводится роль единой меры, стандарта, которое способно организовать общественную жизнь. В Японии же для регулирования поведения людей используются правила морально-правовых предписаний «гири» (общее благо, верность, групповое мышление), которые постепенно изживают себя в связи с процветающей вестернизацией японского права. В результате исторических изменений, правовая система Японии сначала вобрала в себя правовые традиции романо-германской правовой системы, а затем претерпела влияние американского права, но при этом сохранила приверженность моральным нормам, приобретающим характер обычая.

В настоящее время современность сопровождается

процесс смешения правовых систем. Все чаще прослеживается тенденция проникновения элементов одной правовой системы в другую. Их взаимное влияние не сможет полностью изменить сущностные основы действующих правовых систем, сложившихся на протяжении длительного исторического развития государств, однако может повлечь за собой изменение правосознания (в первую очередь, представителей государства), а за ним и общее понимание правопорядка.

Общественный порядок преобразуется в правопорядок под давлением правовой идеологии на другие формы и системы организации жизни общества, при этом именно ценности наделяют правопорядок качеством справедливости, тем самым актуализируя идею первостепенной роли правовой идеологии как основания правопорядка в современном государстве. Государства, развивающиеся в чистом правовом ключе, чей правопорядок находится в прямой взаимосвязи с нормами права и соблюдением законности, развиваются благодаря проводимому правовому дискурсу. Игнорирование процесса формирования правовых ценностей и укрепления правосознания может привести к тому, что государство перестанет быть правовым, а правопорядок — легитимным. Исходя из этого, можно констатировать, что правопорядок конвенционален и подвержен развитию, всецело находясь в зависимости от правового дискурса.

Список источников

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. 13-е изд., стер. Москва : Дашков и К, 2019. 608 с.
2. Правопорядок : элементы общей теории : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. Москва : Проспект, 2020. 208 с.
3. Клименко А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.01 / А. И. Клименко. Москва, 2016. 541 с.
4. Гаврилов В. В. Международная и национальные правовые системы : понятие и основные направления взаимодействия. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.10 / В. В. Гаврилов. Казань, 2006. 41 с.
5. Сравнительное правоведение : учебное пособие / И. А. Андреева, Д. А. Матанцев. Москва : Академия управления МВД России, 2021. 96 с.

Информация об авторе

П. О. Шлегель — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

P. O. Shlegel — Post-graduate student of the Faculty of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

6. Демичев Д. М. Общая теория права : учебное пособие / Д. М. Демичев, А. А. Бочков. Минск : Вышэйшая школа, 2019. 480 с.

References

1. Vengerov A. B. Theory of state and law : textbook / A. B. Vengerov. 13th ed., sr. Moscow : Dashkov and K, 2019. — 608 p.
2. Law and order : elements of a general theory : monograph / ed. ed. M. A. Belyaeva, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko. Moscow : Prospekt, 2020. 208 p.
3. Klimenko A. I. Functional and structural characteristics of legal ideology. Thesis for the degree of Doctor of Law : 12.00.01 / A. I. Klimenko. Moscow, 2016. 541 p.
4. Gavrilov V. V. International and national legal systems : concept and main directions of interaction. Abstract dis. for the degree of Doctor of Law : 12.00.10 / V. V. Gavrilov. Kazan, 2006. 41 p.
5. Comparative law : textbook / I. A. Andreeva, D. A. Matantsev. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 96 p.
6. Demichev D. M. General theory of law : textbook / D. M. Demichev, A. A. Bochkov. Minsk : Higher School, 2019. 480 p.

Библиографический список

1. Клименко А. И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества : сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 14–23.
2. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка : проблема оптимального соотношения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27). С. 152–156.

Bibliographical list

1. Klimenko A. I. Legal ideology as a special form of the ideology of a modern politically organized society : essence and functional characteristics // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 10. P. 14–23.
2. Rakov K. A. Formal and substantive foundations of the legal order: the problem of the optimal ratio // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. № 1 (27). P. 152–156.

Научная статья

УДК 336.226.68:34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-259-267>

ИИОН: 2003-0059-6/22-530

MOSURED: 77/27-003-2022-06-729

Мошенничество в налоговой сфере: дилемма для правоприменителя

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Александр Иванович Григорьев², Вера Алексеевна Мочалова³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

^{2,3} Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Аннотация. Отталкиваясь от складывающейся судебной практики Конституционного суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации, кассационных судебных инстанций, приговоров судов общей юрисдикции, анализируется уголовно-правовая характеристика преступлений, подпадающих под признаки составов ст. 198, 199, 159 УК РФ, в контексте соотношения с налоговой ответственностью за совершенные налоговые правонарушения. Рассматривается применение судами к публично-правовым отношениям института взыскания убытков, обычно применяемого в гражданско-правовом порядке.

Ключевые слова: преступления в налоговой сфере, уклонение от уплаты налогов, налоговое мошенничество, НДС, НДФЛ, налог на прибыль организаций, необоснованная налоговая выгода, умысел, размер нанесенного ущерба, контрагенты, добросовестность налогоплательщика, специальная налоговая декларация

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Мошенничество в налоговой сфере: дилемма для правоприменителя // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 259–267. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-259-267>.

Original article

Tax fraud: a dilemma for the law enforcement officer

Nodari D. Eriashvili¹, Alexander I. Grigoriev², Vera A. Mochalova³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

^{2,3} Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Abstract. In the conducted scientific research, the authors, starting from the emerging judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts, sentences of courts of general jurisdiction, analyzed the criminal-legal characteristics of crimes falling under the signs of the constitutions of Articles 198, 199, 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the onset of tax liability for tax offenses committed. The authors drew attention to the use of courts in the regulation of public relations, the recovery of damages caused by guilty persons in a civil procedure.

Keywords: crimes in the tax sphere, tax evasion, tax fraud, VAT, personal income tax, corporate income tax, unjustified tax benefit, intent, the amount of damage caused, contractors, taxpayer integrity, special tax return

For citation: Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. Tax fraud: a dilemma for the law enforcement officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):259–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-259-267>.

Проводимые за последние десять лет научные исследования в области разграничения квалификации преступлений, совершаемых в налоговой сфере, показывают, что между преступлениями, связанными с уклонением от уплаты налогов, и мошенническими действиями в данной области существует довольно тонкая грань. Введенный в 2006 г. Постановлением Пленума ВАС РФ от 12

октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее — Постановление № 53) в налоговое законодательство РФ институт добросовестности налогоплательщика показал, что даже при доказанности получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, — контролирующий орган доначисляет

© Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А., 2022

обязательные платежи с учетом пени и штрафов, — как будто сделка имела реальный характер. Даже если по результатам мероприятий налогового контроля будет установлено, что сделка имела мнимый или притворный характер, или была исполнена третьим лицом, не указанным в договоре (контракте), нанесенный ущерб взыскивается с виновных лиц согласно требованиям налогового законодательства. Складывающаяся судебная практика взыскания ущерба, нанесенного бюджету в процессе процедуры банкротства налогоплательщика, показывает, что контролирующие лица должника, как правило, несут субсидиарную ответственность по установленной задолженности, либо взыскивается ущерб за совершенный деликт в гражданско-правовом порядке. Уголовно-правая квалификация должна отталкиваться не только от наличия общественно опасного деяния со стороны виновных лиц, но и включать оценку получения необоснованной выгоды со стороны последних, учитывать наличие и результат гражданско-правовых споров.

Анализ статистических данных в отношении совершенных налоговых мошенничеств (например, в части незаконного возмещения НДС из бюджета) показывает, что в 2016 г. было выявлено 639 таких преступлений (3,4 % от общего числа преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ), в 2017 г. выявлено 652 преступления (3,4 %), соответственно в 2018 г. — 569 (2,7 %), в 2019 г. — 483 (2,3 %), в 2020 г. — 297 (1,5 %)¹.

Для каждого практикующего юриста является справедливой мысль, что соблюдение установленного в законе или подзаконном акте порядка правового регулирования — есть соблюдение норм права, которые должны исполняться всеми субъектами правоотношений. И от того, каким образом законодателем сконструирована та или иная норма, в конечном итоге зависит и юридическая квалификация деяний, совершенных нарушителем норм права. Зададимся принципиальным вопросом: а, собственно говоря, в каких случаях в действиях виновного присутствует элемент состава преступления (хищения бюджетных средств путем обмана или злоупотребления доверием), а когда налоговые органы при проведении мероприятий налогового контроля устанавливают нарушение требований ст. 54.1 Налогового кодекса РФ? Как справедливо заметил КС РФ², произвольное толкование ст. 159 УК РФ в отношении виновного лица, связанное с установлением фактов, свидетельствующих о хищениях в налоговой сфере, привело бы к нарушению установленных принципов, закрепленных в ст. 3, 5 и 6 УК РФ. Собственно говоря, складывающаяся судебная практика в отношении привлечения к уголовной ответственности за совершение мошеннических действий, в частности, за незаконное по-

лучение налогового вычета по НДС и НДС/Л, довольно противоречива, так как действующие нормы права позволяют расширительно толковать законодательство в отношении привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ, либо наоборот, налоговые органы приходят к выводу о получении налогоплательщиком (налоговым агентом) необоснованной налоговой выгоды. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют разъяснения Верховного Суда РФ в отношении квалификации деяний лиц, совершивших мошеннические действия в налоговой сфере, а позитивистский подход Конституционного суда РФ в отношении незаконного получения налогового вычета по НДС/Л нивелируется внесенными в Государственную Думу РФ последними законопроектами 2022 г. Все это позволяет говорить о правовой неопределенности в подходах к установлению наличия состава преступления либо получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Где та тонкая грань, перейдя которую, можно говорить, что виновное лицо действительно совершило общественно-опасное деяние, что его действия позволяют правоохранительным органам квалифицировать их как мошеннические, связанные с хищением бюджетных средств, в отношении незаконного возмещения налога из бюджета?

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Бойцова, что «родовым признаком рассматриваемой группы преступлений является экономическая система, точнее, совокупность структурирующих ее общественных отношений по производству, распределению и потреблению материальных благ» [1, с. 12]. Родовым же объектом рассматриваемого преступления (ст. 159 УК РФ) является финансовая система, т.е. совокупность финансовых отношений, возникающих в процессе финансовой деятельности государства и органов местного самоуправления.

В свое время высшими судьями было отмечено, что «судам следует иметь в виду, что признаком мошенничества является добровольная передача потерпевшим имущества или права на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием»³. Иными словами, при мошенничестве, связанном с переходом имущества от потерпевшего к виновному — непосредственное участие в этом принимает сам потерпевший. При рассмотрении разновидностей способов мошеннических действий, можно выделить две основные конструкции — обман либо завладение имуществом путем злоупотребления доверием. Анализируя способы завладения имуществом путем обмана Л. В. Григорьева не без оснований считает обман особым видом информационного воздействия на человеческую психику, которое состоит в ведении в заблуждение другого лица или поддержание уже имеющегося заблуждения, путем сообщения ложных сведений, либо несообщения о сведениях, которые лицо должно было сообщить с целью побуждения потерпевшего к соответствующему распоряжению имуществом [2, с. 12].

Верховным судом РФ было обращено внимание, что

¹ Форма статистической отчетности «Отчет о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации» — форма «5-БЭП», утв. Приказом МВД России от 28 февраля 2012 года № 134 (в данный отчет не включены сведения о незаконном возмещении НДС/Л).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова» (абз. 2 п. 3.2).

³ Постановление Пленума ВС СССР от 05 сентября 1986 года № 11 (ред. от 30.11.1990) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» (п. 12).

«обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»¹. Однако, границы такого критерия, как обман довольно подвижны, размыты, и в доктрине уголовного права, и в судебной практике, нет четких критериев выделения обмана как преступного. В п. 11 Постановления № 48 отмечено, что в действиях виновного лица есть признаки мошеннических действий, если его действия сопряжены с умышленным неисполнением своих обязательств по договорам в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которых являются индивидуальные предприниматели и организации. Субъективная сторона мошенничества характеризуется прямым умыслом. Представим себе ситуацию. Индивидуальный предприниматель заключил договоры поставки с контрагентами. Им была получена предоплата в размере 100 % (что в настоящее время обычная бизнес-практика). В силу ряда причин (как объективных, так и субъективных) возможность исполнить взятые на себя договорные обязательства не были реализованы, и возможность вернуть денежные средства отсутствовала. Вопрос: есть ли в действиях индивидуального предпринимателя состав хищения путем обмана или злоупотребления доверием? С формальной точки зрения, да. Но был ли в его действиях умысел, причем прямой, чтобы эти денежные средства присвоить? Да и в ст. 2 ГК РФ сказано, что предпринимательская деятельность связана с систематическим извлечением прибыли на свой риск. Как не раз звучала в юридической литературе мысль, что при мошенничестве границы между обманом или злоупотреблением доверием, довольно эфемерны [3, с. 409; 4, с. 375]. Именно поэтому КС РФ в Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» (п. 3.1) отметил, что действия виновного лица в неисполнении договорных обязательств должны быть преднамеренными и доказаны судом.

На наш взгляд, необходимо остановиться на наличии либо отсутствии мошеннических действий виновных лиц, связанных с незаконным возмещения налога из бюджета (НДС и НДС/Л). Например, не вполне понятно высказывание И. Н. Соловьева, который усматривает, что уголовная ответственность может наступить только за умышленные деяния, а налоговое законодательство предусматривает ответственность за правонарушения по неосторожности. Кроме этого, им упоминаются налого-

вые мошенничества вкупе с налоговыми преступлениями, не отделяя первого от второго [6]. Претворение этого тезиса только развяжет руки правоохранительным органам, что практически незаконно полученную налогоплательщиком налоговую выгоду можно подвести под уголовно-наказуемое деяние. Разве наличие умысла может служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности? Ведь всякая предпринимательская деятельность осуществляется с умыслом. Иного не дано. Как метко заметил судья К. В. Арановский в отношении Определения КС РФ от 4 июля 2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации»: «не все в предпринимательстве дальновидно и успешно, но все намеренно и в этом смысле умышленно. Это, однако, не образует признака противоправности, включая «умышленное» получение выгод и сокращение расходов, поскольку и то и другое состоит под защитой закона». Кстати, в письме от 23 марта 2017 года № ЕД-5-9/547@ налоговый регулятор в целях правильного применения ст. 54.1 НК РФ указал, в том числе, на наличие доказанности налоговыми органами отсутствия реальности совершенной сделки, а также умысла со стороны налогоплательщика (как прямого, так и косвенного) на получение им необоснованной налоговой выгоды. Для разрешения этого концептуально важного вопроса отграничения необоснованной налоговой выгоды от налогового мошенничества, нужно остановиться на нем более подробно.

Постановление № 53 стало своего рода судебной доктриной в налоговом праве. Впервые судом была дана дефиниция налоговой выгоды, полученная налогоплательщиком, определены обстоятельства, свидетельствующие о необоснованности ее получения. Однако сам термин на законодательном уровне никоим образом не был закреплен, поэтому суды при разрешении вопроса о незаконной экономии налоговых обязательств в одних случаях исходили из доказательств отсутствия осторожности и осмотрительности со стороны налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента), а в других, — из отсутствия реальности совершенной сделки. К тому же, в Налоговом кодексе РФ отсутствовала презумпция добросовестности налогоплательщика. Существовавший правовой пробел в налоговом законодательстве был устранен в связи с принятием ст. 54.1 НК РФ «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) сумм налога, сбора, страховых взносов». Наличие в диспозиции ст. 54.1 НК РФ, опосредованно, правда, определения необоснованной налоговой выгоды, в результате незаконной минимизации налоговых обязательств налогоплательщика (налогового агента), сподвигло налогового регулятора на издание разъяснений по применению данной нормы². Как справедливо замечает

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 2).

² Письма ФНС России от 16 августа 2017 года № СА-4-7/16152 «О применении норм Федерального закона от 18 июля 2017 года № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации», № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)».

О. Пономарева, в ст. 54.1 НК РФ закреплён прямой запрет на совершение сделок, единственная цель которых — налоговая экономия; чтобы уменьшить сумму налога, произвести зачет или возврат налога, сделка налогоплательщика должна иметь реальную деловую (экономическую выгоду) и быть исполнена контрагентом первого звена [5]. Таким образом, для квалификации действий налогоплательщика как направленных на необоснованное получение налоговой выгоды, контролирующий орган должен собрать массив доказательств, свидетельствующий о том, что:

- в действиях налогоплательщика имеется умысел, направленный на неуплату (неполную) уплату обязательных платежей в бюджет (государственные внебюджетные фонды);
- отсутствует реальность совершения сделки или совершение сделки иным лицом, неуказанным в договоре (контракте);
- имеется причинная связь между действиями налогоплательщика и допущенными искажениями в налоговой или бухгалтерской отчетности, в том числе счет-фактурах;
- есть реальные потери, понесенные государством, органами местного самоуправления, государственными внебюджетными фондами.

Из буквального толкования п. 3 ст. 54.1 НК РФ можно выделить правило, устанавливающее обстоятельства, при которых «не могут рассматриваться в качестве самостоятельного основания для признания уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) подлежащего уплате налога **неправомерным**» (выделено нами), в частности, подписание первичных учетных документов неустановленным или неуполномоченным лицом, а также нарушение контрагентом налогоплательщика налогового законодательства. Хочется отметить, что положения п. 3 ст. 54.1 НК РФ диссонируют с подп. 1 п. 4.1 ст. 80 НК РФ, в которой законодатель в категоричной форме указывает на то, что налоговая декларация считается неподанной в случае подписания ее неустановленными лицами. В качестве ремарки стоит обратить внимание налогоплательщиков, что для минимизации рисков от мошенников, подающих в налоговые органы налоговую декларацию от их имени, необходимо направить в налоговую инспекцию уведомление о запрете на представление налоговых деклараций, в частности НДС¹.

И наконец, исходя из требований ст. 54.1 НК РФ и Постановления № 53, при минимизации возможных налоговых рисков на первый план выходит разумность и осторожность налогоплательщика при выборе контрагента. Иными словами, при проведении мероприятий налогового контроля налоговые органы откажут налогоплательщику в вычете входного НДС, если последний не сформирован в бюджете из-за его неуплаты поставщиком. Правда, если будут достаточные доказательства того, что налогоплательщик действовал согласованно с

контрагентом², но заковыка в том, что в письме от 10 марта 2021 года № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» налоговый регулятор опосредованно вывел презумпцию виновности налогоплательщика: «бремя доказывания размера операций с фактическим исполнителем возложено на налогоплательщика, который должен представить подтверждающие документы в ходе налоговой проверки или на стадии возражения на акт проверки» [7, с. 210]. Все это дает основание полагать, что при наличии фактической презумпции виновности в налоговом праве доказать свою невиновность в суде налогоплательщику будет довольно проблематично. При всей своей очевидной профискальной направленности разъяснений налогового регулятора, которые не являются нормативным правовым актом, по мнению К. Сасова, нарушения ст. 54.1 НК РФ предполагают воссоздание (реконструкцию) налоговых обязанностей правонарушителя [8] Постановление № 53, да и действующая ст. 54.1 НК РФ, в конечном итоге, позволяют налогоплательщикам защитить свои права от произвольного толкования фискальными органами законодательства о налогах и сборах, даже при очевидном уклоне защиты публично-правовых интересов. Примером тому может служить складывающаяся судебная практика. Так, в ВС РФ в определении от 28 октября 2019 г. № 305-ЭС19-9789 по делу № А41-48348/2017 констатировал, что даже если со стороны налогоплательщика будут установлены факты искажения ведения хозяйственной деятельности, которые предполагают доначисление налогов, **то такое доначисление должно быть произведено так, как если бы он не злоупотреблял своим правом**. Например, индивидуальный предприниматель незаконно в своей деятельности применял специальные налоговые режимы. В таком случае доначисление налогов, в частности НДС, должно быть определено по правилам п. 4 ст. 164 НК РФ, а не сверх цены. Иное означало бы применение двойного налогообложения, и появление «сверхответственности» дополнительно к ст. 122 НК РФ. Еще более четко эта позиция была высказана ВС РФ: «противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения не должно приводить к определению налоговой обязанности в относительно более высоком размере — превышающем потери казны от неуплаты налогов, возникшие на той или иной стадии обращения товаров (работ, услуг), приобретенных налогоплательщиком. Иное означало бы применение санкций, что выходит за пределы мер, необходимых для обеспечения всеобщности и равенства налогообложения»³. Даже при доказанности налогового органом умышленных действий налогоплательщика, направленных на неуплату (неполную уплату) налога, налоговые обязательства корректируются в полном объеме⁴. Иными словами, налоговые органы

¹ Письмо ФНС России от 28 июня 2021 года № ЕА-4-15/9014@ «О направлении рекомендуемой формы уведомления о запрете приема налоговых деклараций по налогу на добавленную стоимость от уполномоченных лиц».

² Определение ВС РФ от 14 мая 2020 года № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017 (АО «Специализированная производственно-техническая база «Звездочка»).

³ Определение ВС РФ от 15 декабря 2021 года № 305-ЭС21-18005 по делу № А40-131167/2020 (ООО Спецхимпром).

⁴ Постановление АС Московского округа от 28 мая 2021 года по делу № А40-77108/2020 ООО «Инжтранс-строй».

при установлении фактов уклонения от уплаты налогов не имеют право определять налоговые обязательства налогоплательщика так, как если бы он не представил документы по сделке (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ). В таких ситуациях фискальный орган должен руководствоваться «налоговой реконструкцией». Стоит обратить внимание на высказывание А. Илларионова, который считает, что «налоговая реконструкция» позволяет утвердиться во мнении, что даже установление налоговым органом фиктивности документооборота со спорным контрагентом — это не основание для полного неприятия расходов, если доказан факт выполнения работ (постановление АС Поволжского округа от 30 ноября 2021 года по делу № А49-6991/2020 ООО «Тройка») [9].

Подведем предварительные итоги. 1. При установлении фактов получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, налоговым органом должен быть установлен умысел со стороны налогоплательщика (плательщика сборов, налогового агента, плательщика страховых взносов) на неуплату (неполную уплату) налога. 2. Налоговым органом должна быть доказана причинная связь между действиями налогоплательщика и совершенным правонарушением. 3. Налоговым органом должно быть доказано отсутствие реальности совершенной сделки с контрагентом¹. 4. Даже при доказанности формального документооборота², незаконного применения специальных налоговых режимов, связанного с уклонением от уплаты налогов по общей системе налогообложения³, заключение мнимых сделок⁴, создание различных налоговых схем, связанных с уклонением от уплаты налогов⁵, налоговые органы при осуществлении мероприятий налогового контроля доначисляют правонарушителю недоимку, пени и привлекают к налоговой ответственности. 5. Даже если со стороны налогоплательщика будут установлены факты искажения ведения хозяйственной деятельности, которые предполагают доначисление налогов, то такие доначисления должны быть произведены так, как если бы он не злоупотреблял своим правом. И это все. Никакого состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, налоговые органы в действиях правонарушителей, связанных с необоснованным получением налоговой выгоды, не находят.

Зададимся сакраментальным вопросом: действительно, в каких случаях в действиях правонарушителя имеется состав хищения бюджетных средств путем обмана или злоупотребления доверием?

¹ Постановление АС Поволжского округа от 17 июня 2021 года по делу № А55-18579/2020 (ООО «Росэнергострой»), АС Центрального округа от 26 ноября 2021 года № А09-134/2021 («Центр делового сотрудничества «Строй-Сервис»).

² Постановление АС Уральского округа от 03 июня 2021 года по делу № А76-28993/2020 (ООО КЗ «Здоровая ферма»).

³ Постановление АС Поволжского округа от 27 мая 2021 года по делу № А12-24914/2019 (ООО «НИИ БИНАР»).

⁴ Постановление АС Дальневосточного округа от 24.11.2021 по делу № А04-617/2021 (ООО «Авто Центр Самарагд»).

⁵ Постановление АС Уральского округа от 11 февраля 2022 года по делу № А60-13865/2021 (АО Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов).

Практика применения ст. 159 УК РФ, особенно в налоговой сфере, характеризуется размытостью критериев и признаков, позволяющих разграничить преступления (ст. 159 УК РФ, ст. 198–199.1 УК РФ) от гражданско-правовых или налоговых правоотношений. В одних случаях, состав может быть мало доказуем для налогоплательщика, и его правонарушения охватываются необоснованной налоговой выгодой (ст. 54.1 НК РФ, ст. 122–123 НК РФ).

КС РФ в постановлении от 6 февраля 2018 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Таиф»» (далее — Постановление № 6-П) отметил, что «вред, причиняемый налоговыми правонарушениями, заключается в непоступлении в бюджет неуплаченных налогов (недоимки) и пеней. Принцип справедливости предполагает и соблюдение соразмерности не только в санкциях за данные преступления, но и в условиях освобождения от уголовной ответственности за их совершение — в зависимости от тяжести содеянного, причиненного ущерба, степени вины и других существенных обстоятельств, не исключая поощрения налогоплательщиков к правомерному поведению в фискальных правоотношениях в будущем. При этом неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству и полным возмещением ущерба, понесенного казной вследствие несвоевременного внесения налога». Как неоднократно подчеркивал КС РФ⁶, прибегая к использованию уголовного законодательства как крайнему исключительному средству, государство тем самым дает понять, что защита от противоправных действий не может быть обеспечена другими отраслями права. В Постановлении № 6-П особо обращено внимание, что расплывчатость налоговой нормы может привести к нарушению принципов конституционных основ государства, а также дискриминационному ее применению органами государственной власти, и нарушению положений ст. 3 НК РФ.

По мнению авторов учебника «Уголовное право России. Общая и Особенная части», «незаконное возмещение из бюджета налога содержит признаки мошенничества, а не уклонения от уплаты налога. Если же имеет место незаконный зачет якобы излишне уплаченных налогов в счет предстоящих платежей налогоплательщика, то налицо уклонение от уплаты налога» [10, с. 254]. Есть определенная группа ученых, которая придерживается аналогичной точки зрения [11, с. 716; 12, с. 95–120].

И. Ю. Касницкая, отметив сложность юридической квалификации деяния виновного лица, использовавшего манипуляции с налоговой декларацией для получения незаконного налогового вычета по НДС, пришла к выводу, что если

⁶ Постановления от 27 мая 2008 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян», от 13 июля 2010 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова».

умысел виновного направлен на получение бюджетных средств под видом НДС и их дальнейшее хищение — деяние подпадает под признаки ст. 159 УК РФ [13]. Если рассматривать судебную практику, то невооруженным взглядом видно, что имеются противоречия в квалификации действий виновных лиц. В качестве примера можно привести Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 8 декабря 2021 г. № 22-4638/21. По материалам уголовного дела судом было установлено генеральным директором компании **Ф. А. В.**, совершено мошеннические действия, подпадающие под ч. 4 ст. 159 УК РФ, а за незаконное возмещение НДС из бюджета суд квалифицировал его действия по ч. 2 ст. 199 УК РФ, **Ф. Ю. М.**, занимая должность управляющего директора данной организации, по мнению суда совершила мошеннические действия по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Организация (далее — Общество) было официально зарегистрировано и стояло на учете в налоговых органах. Осуществляла реальную деятельность по транспортировке нефтепродуктов. С целью необоснованного получения налогового вычета по НДС, генеральным директором было дано указание по заключению договоров с «техническими» компаниями, хотя непосредственно контрагентами являлись другие лица. Не вдаваясь в юридические огрехи в доказательной части совершенных преступлений (неотменное решение налогового органа о возмещении НДС из бюджета, наличие у Общества переплаты по другим налогам и др.), суд пришел к выводу, что встраивание в хозяйственную цепочку «технических» компаний является доказанностью хищения бюджетных средств путем обмана или злоупотребления доверием, а незаконное возмещение налога из бюджета — уклонение от уплаты налогов. Очень странно. Ведь фактически, даже с учетом разъяснений налогового регулятора — эти действия виновных лиц подпадают под признаки получения необоснованной налоговой выгоды (ст. 54.1 НК РФ, ст. 122 НК РФ).

Если же рассматривать мошеннические действия виновных лиц, связанные с незаконным возмещением налога из бюджета, то в таком случае, на первое место выходит наличие обмана. По мнению некоторых ученых, в частности, Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, обман как юридический термин имеет два критерия: нравственный и информационный [14, с. 67–68]. Конечно, дискуссия о терминах — не самое главное направление в праве. Но в некоторых случаях недопустимо механическое перенесение дефиниций из философских размышлений в саму суть юриспруденции. И. Г. Березин, Т. И. Розовская и В. Г. Стаценко, анализируя правовую природу незаконного возмещения НДС из бюджета, с одной стороны, считают, что незаконное возмещение из бюджета — обман и носит информационный характер, а с другой, — незаконное возмещение налога говорит о злоупотреблении налогоплательщиком налоговой льготой. Авторы приходят к довольно странному выводу о том, что «действия виновного лица, направленные на возмещение НДС различными способами (частично путем возврата денежных средств из бюджета, частично путем зачета по налоговым платежам), образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 159 и 199 (198) УК РФ» [15, с. 28–29, 41, 52]. Довольно двусмысленная позиция. Во-первых, авторы считают, что обман со стороны вино-

вого лица носит информационный характер, исключая при этом возможность сговора сотрудника налоговой инспекции с налогоплательщиком — а это, по сути один из квалифицирующих признаков мошенничества. Во-вторых, предоставление налогоплательщику налогового вычета — это не льгота в понимании ст. 56 НК РФ, а право налогоплательщика, которым он может воспользоваться в течение трех лет (НДС) — и в отсутствии срока как такового по НДС¹. В-третьих, так и осталось непонятным, когда незаконное возмещение налога подпадает под признаки мошенничества, а когда, имеется состав преступления, связанный с уклонением от уплаты налога.

Еще более странной, на наш взгляд, кажется позиция О. П. Толкачевой, по мнению которой, при разграничении составов преступлений ст. 159 УК РФ и ст. 199 УК РФ, в случае незаконного возмещения НДС из бюджета виновным лицом, необходимым критерием является цель преступного деяния: если умысел направлен на получение бюджетных средств и завладение ими — то такие деяния необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ [16]. Алогичность такого тезиса подтверждается нормой НК РФ. Так, в абз. 4 п. 8 ст. 101 НК РФ законодателем в императивной форме указывается, что в случае необоснованного возмещения налога из бюджета — она считается недоимкой. Вопрос: так это мошенничество или способ уклонения от уплаты налогов?

В методических рекомендациях «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утвержденных Следственным комитетом РФ, ФНС России² дается указание на следующие признаки, указывающие на умысел, связанный с уклонением от уплаты налога. По мнению авторов, наличие фирм — однодневок («технические компании»), искусственное дробление бизнеса, необоснованное применение льгот, незаконное возмещение налога свидетельствуют о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Но об этих признаках сказано и в Постановлении № 53 и разъяснениях налогового регулятора³.

Стоит обратить внимание, что значительную лепту в разрешение вопроса о квалификации действий налогоплательщика как мошеннических, связанных с незаконным возмещением НДС из бюджета, внес Конституционный суд РФ⁴. Суд сделал ряд важных для понимания выводов: во-первых, занижение сумм НДС вследствие неправомерного (ошибочного) возмещения налога не мо-

¹ Письма Минфина России от 21 декабря 2011 года № 03-04-05/5-1087, от 14 апреля 2011 года № 03-04-05/7-262.

² Письмо ФНС России от 13 июля 2017 года № ЕД-4-2/13650@.

³ Письмо ФНС России от 26 января 2017 года № ЕД-4-15/1281@ «О направлении разъяснений в отношении риск-ориентированного подхода к проведению камеральных налоговых проверок налоговых деклараций, в которых отражены операции, не подлежащие налогообложению НДС в соответствии с п. 2 и п. 3 ст. 149 НК РФ», приказ ФНС России от 30 мая 2007 года № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок».

⁴ Постановление КС РФ от 24 марта 2017 года № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова».

жет быть квалифицировано как недоимка (п. 4.1). Вполне логично. При предоставлении налоговой декларации (налогового расчета), налоговый орган начинает проводить камеральную налоговую проверку. В случае выявления ошибок и искажений в налоговой декларации (расчета) налоговая инспекция направляет налогоплательщику (налоговому агенту) требование о предоставлении дополнительных документов и пояснений. В дальнейшем у налогоплательщика появляется обязанность предоставить в налоговый орган уточненную налоговую декларацию. Если же налоговый орган принял решение (ошибочно) о предоставлении налогового вычета, то эта ошибка, допущенная государственным органом власти. В-вторых, необоснованный налоговый вычет по НДФЛ означает отмену решения налогового органа, как ошибочного. В-третьих, разрешение вопроса о возмещении ущерба бюджету вследствие необоснованного возмещения налога должно разрешаться в гражданско-правовом порядке. Именно в этом судебном прецеденте КС РФ констатировал отказ от взыскания налоговой задолженности в порядке требований законодательства о налогах и сборах, в пользу разрешения вопроса в гражданско-правовом порядке, используя конструкцию неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ). Дискуссионность выводов КС РФ не вызывает сомнения, но для нас, в рамках этой статьи, не это главное. Главное, что КС РФ впервые сделал попытку переноса вопроса из уголовно-правовой, в плоскость гражданско-правовых отношений.

Заметим, что Конституционный суд РФ пошел еще дальше и более конкретизировал свою позицию в отношении наличия (отсутствия) со стороны налогоплательщика мошеннических действий, связанных с необоснованным получения налогового вычета по НДФЛ¹. По мнению КС РФ, ст. 159 УК РФ «не содержит положений, определяющих специфические признаки мошенничества как хищения, сопряженного с получением имущественного налогового вычета при реализации права на жилище, и потому установление объективных и субъективных признаков этого преступления, отграничение законных действий, обусловленных реализацией права на такой вычет, от общественно опасного поведения требуют обращения к нормам, предусматривающим данное право, основания и порядок предоставления налогового вычета». Высшие судьи, анализируя ситуацию с необоснованным предоставлением имущественного налогового вычета (ст. 220 НК РФ), пришли к выводу, что в действиях налогоплательщика не исключено добросовестное заблуждение относительно законности факта получения имущественного налогового вычета, а также отсутствие необходимых знаний в области налогового права, а со стороны налогового органа, как основного органа государственной власти в области налогов и сборов, было принято ошибочное решение в предоставлении возврата

налога. Эта ошибка органа государственной власти. Как справедливо заметил А. Илларионов, привлечение лица к уголовной ответственности за невиновные (в уголовно-правовом смысле) действия нарушают принцип законности, вины и справедливости [17]. Вернемся к выводам, изложенным в Постановлении № 48. Верховный суд РФ, рассматривая различные признаки мошеннических действий виновных лиц, обошел стороной наличие мошеннических действий в налоговой сфере, в частности, связанных с незаконным возмещением налога из бюджета. Как быть правоприменителю? Возникает определенный правовой вакуум.

И вдруг со стороны законодательного органа государственной власти в 2022 г. появился проект федерального закона № 89802-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В Пояснительной записке к данному законопроекту сказано, что, введение в Уголовный кодекс РФ ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество в налоговой сфере», «то есть хищение денежных средств при возмещении налога, сбора, страховых взносов, путем включения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию (расчет) или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным», депутаты Государственной Думы РФ пришли к выводу, что в действующем уголовном законодательстве отсутствуют четкие признаки преступных действий виновных лиц, связанных с налоговым мошенничеством. По мнению авторов законопроекта, порядок освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ, не распространяется на лиц, незаконно возместивших налоги. Сомнительность данных рассуждений очевидна. Еще раз хочется напомнить, что законодатель в императивной форме обратил внимание, что излишне взысканная сумма налога, считается недоимкой (п. 8 ст. 101 НК РФ). В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» суд резюмировал, что лицо, впервые совершившее налоговое преступление, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной ст. 198–199.1 УК РФ. Предлагаемая норма носит скорее репрессивный уклон, а в некоторых случаях, прослеживается и его коррупционная составляющая со стороны правоохранительных органов. Затею депутатов можно попытаться как-то понять. Намного труднее — воплотить в жизнь. Излишние судебные споры — дополнительная нагрузка на бюджет.

Подводя итог сказанному, необходимо сделать следующие выводы:

- состав мошенничества виновного лица может иметь место, когда усматриваются признаки хищения путем обмана или злоупотребления доверием;
- только в том случае, если налоговыми и правоохранительными органами будет установлен факт создания «технических» компаний, заранее не преследующих и не осуществляющих предпринимательской деятельности — это может

¹ Постановления КС РФ от 22 июля 2020 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова», от 04 марта 2021 года № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Калугарова».

служить одним из признаков покушения на совершение мошеннических действий, связанных с неправомерным возмещением налога из бюджета. Сам факт встраивания «технических» компаний в предпринимательскую деятельность говорит о получении налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды (необоснованное применение специальных налоговых режимов, увеличение затрат по налогу на прибыль организаций и др.);

- в настоящее время налоговый регулятор в рамках своей дискреции обладает довольно широкими полномочиями по взысканию с виновных лиц налоговой задолженности, с учетом пени и штрафов. Более того, налоговые органы могут привлекать к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника и взыскивать с них задолженность перед бюджетом, правда, в усеченном размере¹. В случае установления налоговыми и правоохранительными органами факта необоснованного получения имущественного налогового вычета налогоплательщиком, по правилам ст. 220 НК РФ — это может являться следствием его заблуждения относительно правомерности получения, а возникшие убытки бюджета, разрешаются в гражданско-правовом порядке (ст. 1102 ГК РФ);
- факт мошеннических действий со стороны виновных лиц может иметь место при доказанности правоохранительными органами сговора налогоплательщика (налогового агента) с руководителем налогового органа (его заместителем), выносящим решение о возмещении налога из бюджета;
- доказать факт мошеннических действий со стороны налогоплательщика с правовой стороны проблематично, так как решение о возмещении налога принимает орган государственной власти в области налогов и сборов, а не сам налогоплательщик, тем более, что в настоящее время фискальными органами осуществляется автоматизированная система контроля — АСК НДС-2 (письмо ФНС России от 6 октября 2020 г. № ЕД-20-15/129). И в случае выявления разрывов и несоответствий в НДС, в представленной налоговой декларации, электронная программа АСК НДС-2, в лице налогового органа, направляет требование налогоплательщику о даче пояснений или устранении ошибок. Еще раз. Все сведения в налоговой декларации (расчете), в том числе умышленно искажающие данные налогового и бухгалтерского учета, в автоматизированном виде проверяется налоговым органом. Это касается и возврата НДС, по правилам ст. 220 НК РФ;

- в других случаях, даже при наличии умысла со стороны нарушителей законодательства о налогах и сборах, привлечение их к ответственности охватывается нормами налогового законодательства, или по признакам, предусмотренными ст. 198–199.1 УК РФ. Признаки налогового мошенничества, как уголовного преступления, в данном случае, отсутствуют.

Считаем, что давно назрела необходимость Верховному суду РФ дать разъяснения и установить признаки налогового мошенничества, так как расплывчатость норм права может привести к их неконституционному правоприменению, а также нарушению принципов, изложенных в п. 1 ст. 3 НК РФ.

Список источников

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб : Издательство «Юридический центр Пресс. 2002.
2. Григорьева Л. В. Уголовная ответственность за мошенничество в условиях становления в условиях становления новых экономических условий. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1996.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Наумов. М., 1998.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998.
5. Соловьев И. Н. О некоторых вопросах организации расследования налоговых преступлений на современном этапе // Российский следователь. 2019. № 10.
6. Пономарева О. Взгляд контролеров на налоговую экономию // Экономика и жизнь. Бухгалтерское приложение. 2017. № 35. 08 сентября.
7. Налоговый процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Экономика», «Менеджмент», «Финансы и кредит» / [Н. Д. Эриашвили и др.]; под ред. Н. Д. Эриашвили, Н. М. Коршунова. 4 изд. перераб и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
8. Сасов К. Экономический анализ как метод определения надлежащего субъекта погашения налоговой недоимки // ЭЖБУХГАЛТЕР. 2022. 8 апреля. № 13.
9. Илларионов А. Реконструкция в суде // Финансовая газета. 2021. 19 апреля. № 14.
10. Уголовное право России. Общая и Особенная части (отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев). М. : «Контакт», 2017.
11. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб, 2007.
12. Налог на добавленную стоимость. Механизм преступления и его выявление / Рук. авт. кол. С. Г. Евдокимов. СПб., 2003.
13. Касницкая И. Ю. Проблемы реализации уголовной ответственности за незаконное возмещение налога на добавленную стоимость по УК РФ / И. Ю. Касницкая // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. Т. 20. С. 3051–3055.
14. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997.
15. Березин И. Г., Розовская Т. И., Стаценко В. Г. Расследование преступлений, связанных с незаконным возме-

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Определение ВС РФ 26 октября 2018 года № 307-ЭС18-17204 по делу № А26-3506/2017 (ООО «Арсик-Сервис»).

щением НДС. Учебно-практическое пособие. Москва, 2011.

16. Толкачева О. П. Методологические аспекты анализа налоговых преступлений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4 (21). С. 82–85.

17. Илларионов А. Ошибочный налоговый вычет — не мошенничество // Финансовая газета. 2021. 5 апреля. № 12.

References

1. Fighters A. I. Crimes against property. St. Petersburg : Publishing house «Law Center Press», 2002.

2. Grigorieva L. V. Criminal liability for fraud in the conditions of formation in the conditions of formation of new economic conditions. Abstract to diss. cand. legal sciences. Saratov. 1996.

3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. A. V. Naumov. M., 1998.

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Edited by N. F. Kuznetsova. M., 1998.

5. Soloviev I. N. On some issues of the organization of the investigation of tax crimes at the present stage // Russian investigator. 2019. № 10. P. 6–8.

6. Ponomareva O. Supervisors' view on tax savings. // Economics and Life. Accounting application. 2017. № 35. 08 September.

7. Tax process : textbook for university students studying in the areas of «Jurisprudence», «Economics», «Management», «Finance and Credit» / [N. D. Eriashvili et al.]; edited by N. D. Eriashvili, N. M. Korshunov. 4th ed.

pererab and add. M. : UNITY-DANA, 2022.

8. Sasov K. Economic analysis as a method of determining the proper subject of repayment of tax arrears. // EZHBUKHGAALTER. 2022. № 13. 08 April.

9. Illarionov A. Reconstruction in court // Financial newspaper. 2021. № 14. April 19.

10. Criminal law of Russia. General and Special parts (ed. by Yu. V. Grachev, A. I. Chuchayev). M. : «Contract», 2017.

11. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia. St. Petersburg, 2007.

12. Value added tax. The mechanism of the crime and its detection / Author. col. S. G. Evdokimov. St. Petersburg, 2003.

13. Kasnitskaya I. Yu. Problems of realization of criminal liability for illegal reimbursement of value added tax under the Criminal Code of the Russian Federation / I. Yu. Kasnitskaya // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2014. Volume 20. P. 3051–3055.

14. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Responsibility for crimes against property. M., 1997.

15. Berezin I. G., Rozovskaya T. I., Statsenko V. G. Investigation of crimes related to illegal VAT refund. Educational and practical manual. Moscow, 2011.

16. Tolкачева О. П. Methodological aspects of the analysis of tax crimes // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2013. № 4 (21). P. 82–85.

17. Illarionov A. Erroneous tax deduction is not fraud // Financial newspaper. 2021. № 12. 05 April.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники;

А. И. Григорьев — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Мочалова — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of the Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology;

A. I. Grigoriev — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Mochalova — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 22.08.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 22.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-268-271>

ИДОН: 2003-0059-6/22-531

MOSURED: 77/27-003-2022-06-730

Эволюция целей наказания в российском праве (X–XIX вв.)

Анна Павловна Яцкова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, y1970@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция целей наказания в российском праве. Цели наказания играют важную роль, как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности. Как указано в статье наказание как форма государственного принуждения менялось, то в сторону ужесточения карательного воздействия, то его частичного смягчения. На этот процесс влияли такие факторы, как поставленные и реализуемые в данный исторический период цели государства, внешнеполитические факторы, расстановка социально-политических сил в обществе и государстве, динамика, структура и детерминанты преступности, уровня общей и правовой культуры общества.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, цели уголовного наказания, устрашение преступника, изоляция преступника, эксплуатация труда заключенных, смертная казнь

Для цитирования: Яцкова А. П. Эволюция целей наказания в российском праве (X–XIX вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 268–271. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-268-271>.

Original article

Evolution of the goals of punishment in Russian law (X–XIX)

Anna P. Yatskova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, y1970@inbox.ru

Abstract. The evolution of the goals of punishment in Russian law is examined. The goals of punishment play an important role in both legislative and law enforcement activities. As indicated in the article, punishment as a form of state coercion changed, then in the direction of tightening the punitive impact, then its partial mitigation. This process was influenced by such factors as the goals of the state set and implemented in this historical period, foreign policy factors, the alignment of socio-political forces in society and the state, the dynamics, structure and determinants of crime, the level of general and legal culture of society.

Keywords: criminal law, criminal punishment, purposes of criminal punishment, intimidation of a criminal, isolation of a criminal, exploitation of prisoners' labor, death penalty

For citation: Yatskova A. P. Evolution of the goals of punishment in Russian law (X–XIX). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):268–271. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-268-271>.

Одной из насущных проблем уголовного права является определение сущности целей уголовного наказания, а также их эволюция. В дореволюционной юриспруденции велся активный поиск оптимальных формулировок целей карательной политики. Так, один из основоположников российской юридической психологии С. В. Познышев акцентировал внимание на психологическом аспекте наказания, указывая на тот факт, что сильное психическое противодействие стремлению к преступлению, оказывает наказание: «возникая в душе вслед за идеей преступления мысль о наказании должна тушить преступное желание, предотвращать, уничтожать или парализовать стремление к преступлению» [1]. М. Н. Гернет в качестве целей наказания выделял исправление преступ-

ника и предупреждение новых преступлений [2]. С точки зрения М. А. Олесницкого, «главная цель юридических наказаний — возмездие (или воздаяние), а главная цель педагогических наказаний — исправление» [3, с. 322].

Некоторые ученые пытались вывести цель наказания из мотивации поведения преступника. В частности, М. П. Чубинский писал: «принимая в соображение мотив... главными специальными целями наказания являются обеспечение и цель исправления; цель обеспечительная должна преследоваться по отношению к тем преступникам, которых нет надобности исправлять ввиду положительного с этической-социальной точки зрения мотива их деятельности; по отношению же ко всем остальным преступникам наказание должно преследовать цель ис-

правления» [4, с. 402].

Общепринято к целям наказания относить следующее. Во-первых, обезвреживание преступника. Во-вторых, получение удовлетворение потерпевшего от преступника. В-третьих, устрашение преступника и населения. В-четвертых, эксплуатация труда преступников. В-пятых, социальное перевоспитание осужденного [5, с. 33].

В ранний период развития русского государства и права под обезвреживанием понималось изгнание преступника или лишение его жизни. Лишение жизни могло быть воплощено в форме кровной мести. Наличие кровной мести в первом писаном своде законов Древнерусского государства Русской Правде свидетельствует о несомненном влиянии обычного права. Однако в условиях становления государства кровная месть теряет свой первоначальный характер и в последующих редакциях Русской Правды уже не встречается. Невозможно точно определить и правовое основание кровной мести: было ли это досудебное действие или послесудебное. Несомненно, на смену кровной мести пришло наказание, налагаемое и исполняемое государственными органами, позднее трансформируемое в смертную казнь.

Удовлетворение потерпевшего стало реализовываться через систему денежных выкупов, ярко представленную в Русской Правде. Государственная казна и потерпевший (или его семья) получала выплаты от преступника за совершение преступления, также как и должностные лица княжеской администрации, имевшие право на получение определенных денежных сумм за отправление правосудия.

По мере развития государственных структур усиливается карательная составляющая государственной политики, и наказания стали применяться с целью устрашения. Реализация этой цели осуществлялась через институт смертной казни. Впервые в русском праве смертная казнь была санкционирована по Двинской уставной грамоте 1397 г. В грамоте определялись судебные и административные полномочия московского князя в Двинской земле после ее присоединения к Московскому княжеству. Смертная казнь по грамоте назначалась за квалифицированную кражу, то есть кражу, совершенную в третий раз. В Псковской судной грамоте 1467 г. смертная казнь назначалась за совершение деяний с ярко выраженной антигосударственной направленностью, то есть за кражу из Псковского Кремля, за конокрадство, за измену и поджог.

Образование и укрепление русского единого централизованного государства сопровождалось ростом государственной власти и расширением сферы применения смертной казни. За любое преступление, субъектом которого был «лихой человек», Судебник 1497 г. предусматривал смертную казнь. Такой же принцип действовал и в Судебнике Ивана Грозного 1550 г. (ст. 52, 59–61).

В условиях обострения классовой борьбы главной целью наказания становится устрашение. В законодательных памятниках XVII в. смертная казнь была предусмотрена в двух формах: простая и квалифицированная. Статьи Соборного Уложения 1649 г., в которых в каче-

стве наказания за совершение преступления установлена смертная казнь, не конкретизирует ее вид и порядок исполнения [6]. Объяснение этому можно дать такое: законодатель преследовал цель устрашить преступника и население («чтоб другим неповадно было»), и поэтому неопределенность наказания (простая или квалифицированная смертная казнь) играла роль дополнительного устрашающего психологического фактора. Практически очень часто использовалось отсечение головы, что подтверждается указом 24 января 1666 г. «О наказании воров, разбойников и смертоубийц», где говорится о замене отсечения рук и ног на отсечение головы [7]. При необходимости казнить большое количество преступников могло применяться утопление, ярким примером чего являлись события лета 1662 г., когда в Москве вспыхнуло восстание и по приказу А. Матвеева стрельцы и солдаты отборного полка погнали бунтующих к Москве-реке и «потопилось их в реке больше 100 человек». В Московском государстве приговоры к смертной казни были достаточно редки и выносились после тщательного расследования. Простая смертная казнь в виде повешения, по мнению Н. С. Таганцева, представляла собой «укоренившейся способ казни» и применявшийся в основном в отношении разбойников и убийц [8, с. 1236]. Отсечение головы («усекновение») считалось менее позорным способом казни и применялся в большинстве случаев при назначении смертной казни представителям феодального сословия, но известны и случаи замены его четвертованием. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах и Статьи о следствии, суде и наказании людей духовного чина также закрепляли смертную казнь [9; 10].

В конце 50-х – начале 60-х гг. XVII в. на уголовную политику русского правительства повлияло ожидание войны с Польшей, поэтому с целью укрепления тыла происходит частичная либерализация уголовных санкций. Но, поскольку в условиях начавшейся войны происходит рост преступности, правительство было вынуждено вновь усилить уголовную репрессию. Указом от 8 августа 1659 г. «О наказании смертию разбойников, пойманных в Низовых городах» смертная казнь была установлена за первый разбой [11].

Таким образом, к концу XVII в. смертная казнь, отвечая основной цели уголовного наказания, которое ставило себе государство — устрашение и физическое уничтожение «лихого человека», становится основным видом уголовного наказания.

Формирование абсолютной монархии в России в конце XVII — начале XVIII в. сопровождалось укреплением государства, повышенным интересом со стороны властей к внутренней и внешней безопасности государства. Законодатель по-новому взглянул на понятие преступления: преступление, в первую очередь, рассматривается как «вред государству». Указ от 24 декабря 1714 г. «О воспреещении взяток и посулов и наказании за оное» определяет преступление как «все то, что вред и убыток государству приключить может суть преступления».

Основной целью уголовного наказания продолжает оставаться устрашение, что успешно реализуется через

смертную казнь. Но в связи с большими человеческими затратами, которые несло государство, проводя политику индустриализации и ведя Северную войну, на первый план выдвигается иная цель наказания — использование бесплатного труда заключенных, так что стало выгодней не казнить преступников, а отправлять их на галеры, каторгу, стройки и т. д.

Смертная казнь рассматривалась как действенный и инструмент политики государства по устрашению преступников, а, следовательно, как эффективная превентивная мера предупреждения будущих преступлений. Ухудшение криминогенной обстановки в стране, связанная с ломкой устоявшихся основ общественного и государственного строя, вызвала ответную реакцию со стороны государства. Петровское законодательство расширяло и конкретизировало уголовные санкции, предусмотренные Соборным Уложением 1649 г.

Артикул Воинский с кратким толкованием 1715 г. допускал явное несоответствие между преступлением и тяжестью наказания. В Артикуле ряд статей четко указывал на способ применения казни, в остальных случаях она накладывалась по приговору суда в каждом конкретном случае своя. Такой вид смертной казни, при которой приговоренному вонзали в бок железный крюк на веревке или цепи, цепляли его за ребро и затем вешали, был узаконен Инструкцией полевым и губернским командам для искоренения разбойников от 24 декабря 1719 г. В последний раз в России повешение за ребро применялось во время восстания Е. Пугачёва.

При преемниках Петра I ничего принципиально нового в институт смертной казни внесено не было. Кардинальные изменения происходят при Елизавете Петровне. В начале ее царствования, на основании нормативных источниках, смертная казнь как мера уголовного наказания действовала. Например, 13 марта 1742 г. был издан указ «О чинении смертной казни за побег в Швецию», 11 декабря 1742 г. указ к перебежчикам в Швецию и т. д. [12]. Однако тенденция на ограничение или даже вовсе на отмену смертной казни стала прослеживаться именно в царствование Елизаветы Петровны.

29 марта 1753 г. был издан указ «О неотсечении рук тяжким преступникам, осужденным к ссылке в вечную работу, и о предоставлении женам и детям таковых преступников пользоваться свободой на основании указа 1720 августа 16», на основании которого смертная казнь была заменена «наказанием кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу В, а на щеках по одной О, а на другой Р и заклепав в ножные кандалы, посылать в вечную тяжёлую и всегашнюю работу» [13]. Хотя юридически смертная казнь отменялась, наказание шпицрутенами, введенное при Петре I, нередко приводило к смерти наказуемого. Таким образом, смертная казнь в царствование Елизаветы Петровны была предусмотрена в уголовном законодательстве, однако на практике не применялась, и Россия стала первым из европейских государств, отменившим этот вид уголовного наказания.

Проблема применения смертной казни не была решена при Екатерине II. Фактически данное уголовное наказание применялось к государственным преступни-

кам. Наиболее ярким примером государственного преступника в период царствования Екатерины II являлся Емельян Пугачев. По указу «О наказании смертною казнию, изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников» «единодушно приговорили и определили: за все учиненные злодеяния, бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу прописанных божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь» [14].

При Александра I смертная казнь получила законодательное закрепление в Полевом уголовном уложении от 27 января 1812 г., которое находилось в составе «Учреждения для управления большой действующей армии». Однако здесь предусматривался специальный субъект — военнослужащий, присутствовало квалифицирующее обстоятельство — состояние войны, и дело должно было быть рассмотрено военно-полевым судом, и на основании его приговора исполнялась смертная казнь [15]. Карантинный устав 21 августа 1818 г. предусматривал смертную казнь за карантинные преступления. Устанавливалась ответственность и для лиц, давших ложную присягу по поводу здоровья попутчиков. Карантинная стража, не проверившая товары из-за границы, которые оказались заражены, приговаривалась к смертной казни [16].

Свод законов Российской империи 1832 г. впервые достаточно четко определил пределы применения смертной казни. Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. смертная казнь назначалась за государственные и карантинные преступления. Смертная казнь не различалась по степеням. Приговор к смертной казни всегда сопровождался лишением всех прав состояния. Если суд изыскивал в деле смягчающие обстоятельства, то назначались каторжные работы. Виды смертной казни в Уложении не устанавливались и, согласно ст. 18 Уложения, определялись судом в его приговоре. По практике можно заключить, что закон допускал два вида казни: отсечение головы и повешение.

Таким образом, на первоначальном этапе развития русского государства власть, в первую очередь, отменяет и запрещает кровную месть, так как с появлением экономической дифференциации в обществе месть не отвечает интересам правящих слоев населения. Ужесточение карательной политики в рамках формирующегося единого государства привело к расширению применения смертной казни. Происходят изменения в карательной политике государства, что находит свое отражение в понимании природы преступления, а это, в свою очередь, приводит к изменению в формировании уголовно-правовых запретов и в терминологическом аспекте. Понятие преступления с «обиды» меняется на «лихое дело», то есть речь идет о деянии, посягающем в первую очередь на государственные интересы. Формируется особый субъект — «лихой человек» и действует особая процедура признания человека «лихим» — процесс «облихования». Меняется иерархия целей наказания: на первый план выходят устрашение и обезвреживание преступни-

ка. С точки зрения карательных органов именно смертная казнь успешно реализует данные цели наказания.

Список источников

1. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1907.
2. Против смертной казни : сб. ст. / ред. М. Н. Гернет, О. Б. Гольдовский, И. Н. Сахаров. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906.
3. Олесницкий М. А. Полный курс педагогики. Киев, 1895.
4. Чубинский М. П. Курс уголовной политики Ярославль, 1909.
5. Жижиленко А. А. Очерки по общему учению о наказании. Птг., 1923.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. I. № 1.
7. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. № 383.
8. Таганцев Н. С. Лекции по уголовному праву. Спб., 1892. Вып. 4.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. II. № 431.
10. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. II. № 432.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. II. № 255.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XI. № 8526.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10086.
14. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 14233.
15. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 24795.

16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 27490.

References

1. Poznyshev, S. V. The basic principles of the science of criminal law. M., 1907.
2. Against the death penalty : collection of articles / ed. M. N. Gernet, O. B. Goldovsky, I. N. Sakharov. M. : Type. T-va I.D. Sytina, 1906.
3. Olesnitsky M. A. Complete course of pedagogy. Kiev, 1895.
4. Chubinsky M. P. Course of criminal policy Yaroslavl, 1909.
5. Zhizhilenko A. A. Essays on the general doctrine of punishment. Ptg., 1923.
6. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Sobr. 1. V. I. № 1.
7. PSZ RI. Sobr. 1. V. I. № 383.
8. Tagantsev N. S. Lectures on Criminal Law. St. Petersburg, 1892. Issue 4.
9. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. II. № 431
10. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. II. № 432.
11. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. II. № 255.
12. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XI. № 8526.
13. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XIII. № 10086.
14. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XX. № 14233.
15. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XXIII. № 24795.
16. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XXXIII. № 27490.

Информация об авторе

А. П. Яцкова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. P. Yatskova — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotэ, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Научная статья

УДК 336.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-272-275>

НИОН: 2003-0059-6/22-532

MOSURED: 77/27-003-2022-06-731

К анализу мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет РФ

Диана Алексеевна Балаева¹, Кристина Юрьевна Хугаева², Анна Борисовна Марзаева³,
Джессика Иосифовна Битарова⁴

^{1,2,3,4} Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹ diana.balaeva.71@mail.ru

² khugaevakristinal@mail.ru

³ marzaeva.anya@mail.ru

⁴ jessyal@bk.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является анализ мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет РФ. Актуальность исследования заключается в том, что от качества проводимой налоговой политики Российской Федерации зависит и результативность мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет РФ. И с этих позиций в статье анализируются налоговые доходы федерального бюджета Российской Федерации за период 2017–2019 гг.

Ключевые слова: налоговые доходы, мобилизация, федеральный бюджет, налоговые поступления, динамика

Для цитирования: Балаева Д. А., Хугаева К. Ю., Марзаева А. Б., Битарова Д. И. К анализу мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 272–275. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-272-275>.

Original article

To the analysis of the mobilization of tax revenues to the federal budget of the Russian Federation

Diana A. Balaeva¹, Kristina Yu. Khugaeva², Anna B. Marzaeva³, Jessica I. Bitarova⁴

^{1,2,3,4} North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹ diana.balaeva.71@mail.ru

² khugaevakristinal@mail.ru

³ marzaeva.anya@mail.ru

⁴ jessyal@bk.ru

Abstract. The subject of this article is the analysis of the mobilization of tax revenues to the federal budget of the Russian Federation. The relevance of the study lies in the fact that the effectiveness of mobilizing tax revenues to the federal budget of the Russian Federation depends on the quality of the tax policy of the Russian Federation. And from these positions, the article analyzes the tax revenues of the federal budget of the Russian Federation for the period 2017–2019.

Keywords: tax revenues, mobilization, federal budget, tax revenues, dynamics

For citation: Balaeva D. A., Khugaeva K. Yu., Marzaeva A. B., Bitarova J. I. To the analysis of the mobilization of tax revenues to the federal budget of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):272–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-272-275>.

В настоящее время, достаточно сложное для экономики России, вопросы мобилизации налоговых доходов в федеральный бюджет Российской Федерации обретают особую значимость.

Осуществляя оценку проводимой налоговой политики России за 2017–2019 гг., проведем анализ налогового компонента федерального бюджета РФ (Таблица 1).

По данным таблицы 2 видно, что в 2017–2019 годах на-

логовые доходы ФБ также имеют динамику дальнейшего стабильного увеличения. Как представлено в таблице 2 по водному налогу, сборам за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, регулярным платежам за добычу полезных ископаемых (роялти) при выполнении соглашений о разделе продукции, госпошлине, поступления не столь значительны в сравнении с другими налогами.

© Балаева Д. А., Хугаева К. Ю., Марзаева А. Б., Битарова Д. И., 2022

Таблица 1.

Анализ налогового компонента федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг.

Показатели	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%
Доходы всего в том числе:	13460,0	100,0	15088,9	100,0	19454,4	100,0
Налоговые доходы	8734,2	64,9	11071,3	73,4	14172,7	72,9
Неналоговые доходы	4573,7	34,0	3976,1	26,4	5228,3	26,9
Безвозмездные поступления	152,1	1,1	41,5	0,3	53,4	0,3

Электронный источник: официальные данные ФНС РФ, расчеты произведены авторами

По данным таблицы 1 видно, что в 2017–2019 годах доходы ФБ имеют динамику стабильного увеличения. В целях детального исследования налоговых доходов федерального бюджета России, проведем анализ теперь состава и структуры налогового компонента федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг. (млрд.руб.) (таблица 2).

По данным таблицы 2 видно, что за 2017–2019 гг. налоговые доходы федерального бюджета стабильно повышаются, наблюдается общий рост экономических показателей, хотя по некоторым позициям есть и незначительная отрицательная динамика: в 2018г. в сравнении с 2017 годом сокращение, однако в 2019 году снова наблюдается рост.

Таблица 2.

Анализ состава и структуры налогового компонента федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг.

Показатели	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%
Налоговые доходы в том числе:	8734,2	100,0	11071,3	100,0	14172,7	100,0
Налог на прибыль организаций	491,0	5,6	762,4	6,9	995,5	7,0
НДС	4571,0	52,3	5137,1	46,4	6016,7	42,5
Акцизы	694,2	7,9	987,9	8,9	977,3	6,8
НДПИ	2863,5	32,8	4061,4	36,7	6060,3	42,8
Водный налог	2,3	0,03	2,4	0,02	2,8	0,02
Сборы за пользование объектами ЖМ и ВБР	0,5	0,006	0,5	0,005	0,5	0,004
Регулярные платежи за добычу ПИ (роялти) при выполнении СРП	16,7	0,2	26,0	0,2	43,3	0,3
Госпошлина	94,2	1,1	93,4	0,8	96,3	0,7
Задолженность по отмененным налогам	0,8	0,01	0,2	0,002	0,2	0,001

Электронный источник: официальные данные ФНС РФ, расчеты произведены авторами

Наибольшее значение в ФБ в 2017 году имеет НДС.

Затем значительны суммы по НДПИ, за ними следуют акцизы, далее — налог на прибыль организаций, государственная пошлина, регулярные платежи за добычу полезных ископаемых, водный налог и замыкают сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов.

Что касается 2018 года, то наибольшее значение в ФБ имеет также НДС, НДПИ, за ними следуют акцизы, следом стоит налог на прибыль организаций, за ним распо-

ложились государственная пошлина, затем регулярные платежи за добычу полезных ископаемых, далее водный налог и завершают рейтинг сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов.

Как и в предыдущие годы, значительные поступления в ФБ в 2019 году имеет НДС, за ним следует НДПИ, далее расположились акцизы, за ними стоит налог на прибыль организаций, после — государственная пошлина, затем регулярные платежи за добычу полезных ископаемых,

продолжает рейтинг водный налог и замыкают сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов.

С целью выявления особенностей современной си-

стемы налогообложения в РФ, далее проведем анализ соотношения всей совокупности косвенных и прямых налогов в общих налоговых доходах федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг. (таблица 3).

Таблица 3.

Анализ соотношения косвенных и прямых налогов в федеральном бюджете РФ за 2017–2019 гг.

Показатели	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%	млрд.руб.	%
Налоговые доходы в том числе:	8734,2	100,0	11071,3	100,0	14172,7	100,0
Косвенные налоги	3557,7	40,7	5049,3	45,6	7037,6	49,6
Прямые налоги	5176,5	59,3	6022,0	54,4	7135,1	50,4
Задолженность по отмененным налогам	0,8	0,01	0,2	0,002	0,2	0,001

Электронный источник: официальные данные ФНС РФ, расчеты произведены авторами

По данным таблицы 3 видно, что за 2017–2019 гг. в структуре налоговых доходов федерального бюджета преобладают прямые налоги: в 2017 году — 5176,5 млрд. руб.; в 2018 году — 6022,0 млрд.руб.; в 2019 году — 7135,1 млрд.руб.

Однако, косвенные налоги же составили: в 2017 году — 3557,7 млрд.руб.; в 2018 году — 5049,3 млрд.руб.; в 2019 году — 7037,6 млрд.руб. Таким образом, за 2017–2019 гг. в федеральном бюджете соотношение прямых и косвенных налогов составляет: в 2017 году — 59,3 %/40,7 %; в 2018 году — 54,4 %/45,6 %; в 2019

году — 50,4 %/49,6 % соответственно.

Как видно из данных таблицы 3, соотношение налогов сближается с каждым финансовым годом.

Представим на рисунке 1 динамику общих поступлений косвенных и прямых налогов в налоговых доходах федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг.

На представленном рисунке 1 очевидно, что за анализируемый период 2017–2019 гг. поступления по обеим группам налогов федерального бюджета РФ приближаются по абсолютному показателю с каждым финансовым годом.

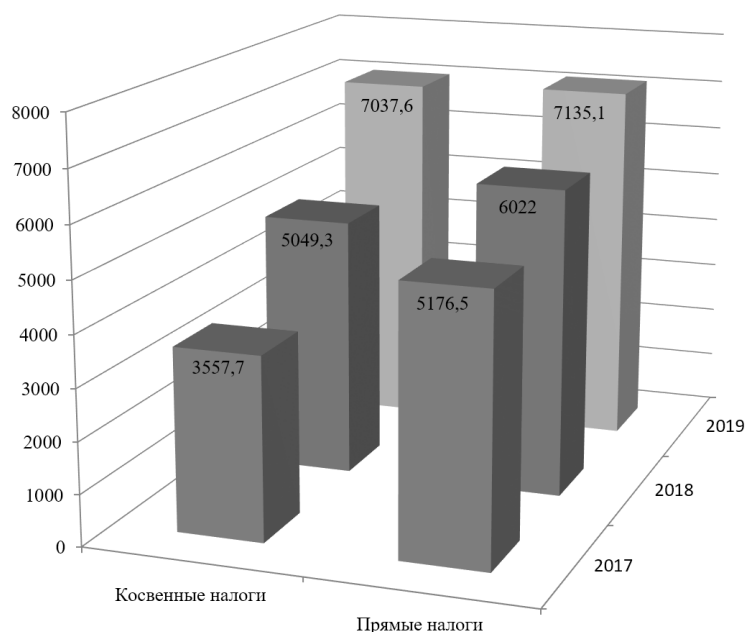

Рис. 1. Динамика общих поступлений косвенных и прямых налогов в налоговых доходах федерального бюджета РФ за 2017–2019 гг.

Итак, подводя итог, отметим, что анализ динамики и структуры налоговых доходов федерального бюджета РФ демонстрирует стабильную тенденцию роста. Это в свою очередь обеспечивается усиленной системой налогового администрирования. Хотя резервы роста экономического развития хозяйствующих субъектов очевидны, но сложные внутривидовые и нарушенные интеграционные процессы, тем более в условиях пандемии, сделали свое дело и широкое развитие предпринимательских структур в полной мере невозможно.

Библиографический список

1. Балаева Д. А., Дзарасова А. К. Приоритеты современной налоговой политики России / Мировая экономика в XXI веке : Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Цаллаговой. Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2016. С. 161–164.
2. Агузарова Ф. С., Моргоева А. Х., Макоева Ф. А.

Повышение эффективности проведения контрольной работы налоговых органов. В сборнике : Актуальные проблемы налогового регулирования в современной России / сборник научных трудов. Владикавказ, 2013. С. 12–21.
3. <http://www.nalog.ru>.

Bibliographic list

1. Balaeva D. A., Dzarasova A. K. Priorities of modern tax policy of Russia / World economy in the XXI century: Materials of the International scientific and practical conference / Edited by L. M. Tsallagova. Vladikavkaz : K.L. Khetagurov North Ossetian State University, 2016. P. 161–164.
2. Aguzarova F. S., Morgoeva A. H., Makoeva F. A. Improving the efficiency of control work of tax authorities. In the collection : Actual problems of tax regulation in modern Russia / collection of scientific papers. Vladikavkaz, 2013. P. 12–21.
3. <http://www.nalog.ru>.

Информация об авторах

Д. А. Балаева — доцент кафедры бухгалтерского учета и налогообложения Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, кандидат экономических наук;

К. Ю. Хугаева — студентка 2 курса магистратуры направления «Налоги. Бухгалтерский учет. Налоговый консалтинг» факультета экономики и управления Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова;

А. Б. Марзаева — студентка 2 курса магистратуры направления «Налоги. Бухгалтерский учет. Налоговый консалтинг» факультета экономики и управления Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова;

Д. И. Битарова — студентка 2 курса магистратуры направления «Налоги. Бухгалтерский учет. Налоговый консалтинг» факультета экономики и управления Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Information about the authors

D. A. Balaeva — Associate Professor of the Department of Accounting and Taxation of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Candidate of Economic Sciences;

K. Yu. Khugaeva — 2nd year student of the Master's program in the direction «Taxes. Accounting. Tax Consulting» of the Faculty of Economics and Management of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov;

A. B. Marzaeva — 2nd year student of the Master's program in the direction «Taxes. Accounting. Tax Consulting» of the Faculty of Economics and Management of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov;

J. I. Bitarova — 2nd year student of the Master's program in the direction «Taxes. Accounting. Tax Consulting» of the Faculty of Economics and Management of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-276-279>

NION: 2003-0059-6/22-533

MOSURED: 77/27-003-2022-06-732

Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в целях пресечения налоговых преступлений

Светлана Алексеевна Веселкина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, veselkinasveta@bk.ru

Аннотация. Рассматривается порядок проведения совместных контрольных мероприятий и вопросы взаимодействия налоговых и правоохранительных органов в целях раскрытия и пресечения налоговых правонарушений и преступлений. Раскрываются нюансы обмена информацией, полученной при ведении оперативно-розыскной деятельности сотрудниками МВД России, а также составляющей налоговую тайну. Дополнительно проведен анализ эффективности проводимых мероприятий налоговых органов.

Ключевые слова: налоговые органы, контрольные мероприятия, налоговые правонарушения, взаимодействие с правоохранительными органами, налоговые проверки

Для цитирования: Веселкина С. А. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в целях пресечения налоговых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 276–279. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-276-279>.

Original article

Interaction of tax authorities and law enforcement agencies in order to prevent tax crimes

Svetlana A. Veselkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, veselkinasveta@bk.ru

Abstract. The procedure for conducting joint control measures and issues of interaction between tax and law enforcement agencies in order to disclose and suppress tax offenses and crimes have been considered. The nuances of the exchange of information obtained during the conduct of operational investigative activities by employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the component of tax secrecy, are revealed. Additionally, an analysis of the effectiveness of the activities of the tax authorities was carried out.

Keywords: tax authorities, control measures, tax offenses, interaction with law enforcement agencies, tax audits

For citation: Veselkina S. A. Interaction of tax authorities and law enforcement agencies in order to prevent tax crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):276–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-276-279>.

Обеспечение налоговой безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики. В условиях нестабильной экономической ситуации во всем мире, вызванной последствиями распространившегося в 2020 году вируса Covid-19, налоговые поступления, становятся одним из основных источников доходов (составляют более 80 % доходов бюджета Российской Федерации) государства, с помощью которых осуществляется помощь незащищенным слоям населения (материальная поддержка лицам старше 65 лет, матерям с маленькими детьми и т. д.), поддержка малого и среднего бизнеса, оплата затрат на здравоохранение (создание пунктов бесплатной вакцинации, бесплатное лекарство для заболевших Covid-19) и т. д.

При этом зависимость бюджета от налоговых поступлений растет. Ежегодно изменяются ставки по акцизам, в 2019 году повышена ставка на 2 % по НДС, вносятся поправки в налоговое законодательство, касающиеся объектов налогообложения. Например, с 1 января 2021 года введен НДС на совокупных доход по вкладам за минусом необлагаемого процента равного одному миллиону, умноженному на ключевую ставку Банка России текущего года (2022 — 42500 рублей). Рост налоговой нагрузки может привести к отрицательному результату, а именно росту теневых сектора и случаев уклонения от уплаты налогов (занижение доходов, путём сокрытия объектов налогообложения или завышение расходов через отражение оплаты несуществующих услуг) [5].

© Веселкина С. А., 2022

Для того чтобы минимизировать риски возникновения материального ущерба для государства от незаконных действий со стороны налогоплательщиков необходимо организовать грамотный контроль со стороны государства. Одними из субъектов налогового контроля являются налоговые и правоохранительные органы. В связи с тем, что это совершенно разные государственные структуры со своими принципами и требованиями к осуществляемой ими деятельности, возникает необходимость разработки такой системы взаимодействия, которая бы учитывала все нюансы каждой из структур с целью обеспечения оперативного и эффективного результата — пресечения налоговых правонарушений (преступлений). А также в условиях меняющейся «среды применения» необходимо систематически проводить мониторинг действующей системы взаимодействия МВД России и ФНС России по предупреждению налоговых преступлений и правонарушений, с целью выявления и устранения возможных недочетов.

Обратимся к нормативно-правовому регулированию изучаемого взаимодействия. Согласно 36 статьи НК РФ, устанавливается право привлечь представителей органов внутренних дел для участия в проводимых налоговыми органами выездных налоговых проверках, посредством направления запроса (данное право продублировано п. 28 статьи 13 Федерального закона от 07 марта 2011 г. №3-ФЗ «О полиции»). Этой же статьей закреплён, максимальный срок (десять дней) для направления органами внутренних дел выявленных материалов по обстоятельствам, относящимся к деятельности налоговых органов [1].

Что касается форм организуемого взаимодействия, они были установлены в рамках соглашения от 13 октября 2010 года № 1/8656, ММВ-27-4/11 (рисунок 1). Стоит обратить внимание на то, что последние изменения в данный документ вносились в октябре 2017 году, при условии, что в период с 2017–2022 год появились новые технические средства и информационные-технологии, а также проведен ряд изменений в налоговой сфере.

Рис. 1. Формы взаимодействия налоговых и правоохранительных органов

Особенностями проведения совместных мероприятий являются:

- самостоятельность выбора средств и методов в рамках предусмотренных законодательством контрольных мероприятий;
- согласованность действий сотрудников органов внутренних дел и налоговых органов в процессе проведения проверки [4].

Порядок взаимодействия в каждом из ведомств закреплён своим внутренним документом:

- органы внутренних дел — Инструкция о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок, утвержденной приказом МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. и Инструкция по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, утвержденная приказом Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 08 июня 2015 г.;
- налоговые органы — Письмо ФНС РФ от 21 марта 2018 г. № ЕД-19-2/69@.

Согласно статье 11 Федерального закона от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» налоговому органу, предоставляется право получать результаты оперативно розыскной деятельно-

сти (ОРД) органов внутренних дел, в рамках их полномочий по контролю и надзору [2]. Предоставляемая информация направляется в налоговую службу только в том случае, если ее раскрытие не нанесет вреда интересам оперативно-служебной деятельности. За счёт доступа к результатам ОРД налоговые органы могут проверить достоверность уже имеющейся информации, а также заполнить существующие пробелы. В свою очередь органы внутренних дел получают доступ к налоговой тайне (сведениям о налогоплательщиках или плательщиках страховых взносов) — статья 102 части первой НК РФ [1]. При этом перечень лиц допускаемых к данным сведениям определяется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области внутренних дел.

Оперативный обмен информацией, ограниченного доступа, позволит на более раннем этапе раскрывать или предотвращать налогового правонарушения (преступления).

«Мы смогли внедрить результаты ОРД в процесс налогового доказывания. Общими усилиями в разы увеличено реальное возмещение ущерба, причиненного налоговыми преступлениями. Только по итогам девяти месяцев 2021 года увеличилось общее количество выявленных налоговых преступлений, при этом размер возмещенного ущерба возрос на 77,1 %. Ведется непрерывная работа по совершенствованию федеральных и ведомственных нормативных актов», — подчеркнул Андрей Курносенко, в рамках заседания Коллегии ФНС России

(Руководитель — Егоров Даниил Вячеславович), Следственного комитета РФ (заместитель Председателя — Леоненко Елена Евгеньевна) и МВД России (начальник ГУЭБиПК — Курносенка Андрей Анатольевич), посвященного вопросу повышения эффективности взаимодействия налоговых и правоохранительных органов.

В то же время отмечается, что количество возбужденных уголовных дел по материалам направленным из налоговых органов сократилось по сравнению с аналогичным периодом 2020 года (январь–сентябрь) на 18 п.п. А также обсуждается необходимость разработки единой системы внутренних показателей оценки деятельности по пресечению налоговых преступлений, которая поможет решить вопросы взаимной «выгоды» от взаимодействия [3].

По словам Леоненко ежегодно налоговыми преступлениями наносится материальный ущерб в размере 58 миллиардов. Чаще всего не уплачивают НДС и налог на прибыль.

Для того чтобы оценить эффективность взаимодействия налоговых и правоохранительных органов необхо-

димо проанализировать статистику выявления и раскрытия налоговых правонарушений.

Из общедоступных данных на официальном сайте ФНС РФ представлены индикаторам деятельности налоговых служб:

- исполнение федерального бюджета: 2020 г. — 83,4; 2021 г. — 138,2;
- выездные налоговые проверки: 2020 г. — 6160; 2021 г. — 6796, а в 2018 г. — 14 167;
- доля добровольной уплаты по КАР (контрольно-аналитической работе: 2020 г. — 53,8 %; 2021 г. — 52 %, а в 2018 г. — 27 %;
- и другие.

Из этих данных мы видим, что на данный момент основная часть работы налоговых органов приходится на аналитику, всего за 3 года количество выездных налоговых проверок снижается вдвое, при этом это не как не отражается на эффективности контроля. Обратимся к отчётам о результатах контрольной работы налоговых органов за 2019–2021 года (рисунок 2).

Выездные налоговые проверки			Камеральные налоговые проверки		
2019г.	2020г.	2021г.	2019г.	2020г.	2021г.(01.10.21)
Количество проводимых проверок, единиц					
9364	6160	5 426	62 843 660	61 526 223	45 430 369
Дополнительно начислено платежей в результате налоговых проверок, тыс. руб.					
299 384 757	197 393 342	221 674 145	37 783 799	52 436 630	45 519 187

Рис. 2. Показатели результативности камеральных и выездных налоговых проверок за 2019–2021 года

С каждым годом количество проводимых выездных налоговых проверок снижается, при этом результативность от одной проверки растет, так в 2019 году средний показатель дополнительно начисленных платежей приходящихся на одну проверку равен 31971, 89 тыс. руб., а в 2021 (при условии, что данные приведены за 3 квартала) — 40854,06 тыс. руб.

Основной упор, как отмечено в докладе об осуществлении государственного контроля за 2020 год, направлен на аналитическую работу (за 2020 год за счёт проведенной аналитической работы в бюджет страны доначислено 158 миллиардов рублей, что составило 54 % от общего объема поступлений в результате контрольной деятельности налоговых органов). При этом на налоговые органы из бюджета страны в 2020 году выделено 204443749,3 тысячи рублей, для сравнения за 2018 год — 165640777,1 тысячи рублей (увеличились на 18,98 %).

Официальные данные по количеству совместных

мероприятий и их результативности не публикуются в открытом доступе, а анализируются в рамках внутреннего документа. Единственная информация представлена в виде предположений ведущих юристов. Например, Акчурина Галина Николаевна директор департамента налоговых споров, партнёр «ФБК Legal» говорит о том, что «каждая вторая выездная налоговая проверка проводится с участием правоохранительных органов», а из интервью от 1 января 2021 года Киры Гин, управляющего партнёра юридической фирмы «Гин и партнеры», следует что «8 из 10 проверок сегодня проводятся с привлечением сотрудников полиции».

Подведем итог. Несмотря на наличие явной положительной динамики в области организации взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов, остается ряд нерешенных вопросов, требующих доработки со стороны государства.

Основной проблемой при выявлении налоговых пре-

ступлений, на наш взгляд, является разобщенность всех служб и отсутствие единой системы данных. Сотрудники ОВД привлекают налоговые органы только на стадии реализации самостоятельных материалов, опасаясь «утечки» информации при поступлении запроса о предоставлении сведений в налоговый орган. В связи с этим для поиска нужной информации сотрудники полиции часто пользуются распространенными в настоящее время сервисами, в том числе «Спарк», «Контур», «Rusprofile», ведомственными системами баз данных. Наводят справки в кредитно-финансовых учреждениях, для чего заранее получают судебное решение. Но это все занимает продолжительное время. По большому счету, на начальном этапе, для выявления признаков налоговых преступлений, сотруднику полиции не нужен весь объем первичной документации. Нужен доступ к расчетным счетам, книгам покупок и продаж и, конечно, возможность проводить предпроекторный анализ и строить «дерево» связей организации. Все это могут делать налоговые органы. Но они не могут проводить негласные оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), правом проведения которых наделены правоохранные органы. Для того, чтобы доказать причастность реальных бенефициаров следует проводить комплекс ОРМ, что налоговая сделать не может.

Решением данной ситуации, на наш взгляд, является улучшение информационного обмена между налоговыми и правоохранными органами, в части открытия удаленного доступа сотрудникам полиции к сведениям, составляющую налоговую тайну, без направлений каких-либо запросов, а также возможность создания единого правоохранительного блока, в котором бы сосредоточилось вся система от выявления преступления, до его направления в суд.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10900200/>
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. 01.07.2021)

Информация об авторе

С. А. Веселкина — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

S. A. Veselkina — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

[Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12081995-n-144-fz-ob/>

3. Бобошко Н. М. Анализ отдельных аспектов организационно-правовых проблем расследования преступлений правоохранными органами в налоговой сфере // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 3. С. 11–16.

4. Желудкова А. А. Особенности взаимодействия органов внутренних дел и органов налоговой службы в ходе осуществления налогового контроля // Economics. 2018. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-i-organov-nalogovoy-sluzhby-v-hode-osuschestvleniya-nalogovogo-kontrolya>.

5. Ягумова З. Н., Малкандуева Д. Т. Налоговая культура и причины уклонения от уплаты налогов / З. Н. Ягумова // Вектор экономики. 2020. № 5 (47). С. 39.

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) of 31.07.1998 № 146-FZ (ed. of 29.11.2021) [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/10900200/>
2. Federal Law № 144 of 12.08.1995 «On operational investigative activities» (ed.01.07.2021) [Electronic resource]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12081995-n-144-fz-ob/>
3. Boboshko N. M. Analysis of certain aspects of organizational and legal problems of investigation of crimes by law enforcement agencies in the tax sphere // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3. P. 11–16.
4. Zheludkova A. A. Features of interaction between internal affairs bodies and tax service bodies during the implementation of tax control // Economics. 2018. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-i-organov-nalogovoy-sluzhby-v-hode-osuschestvleniya-nalogovogo-kontrolya>.
5. Yagumova Z. N., Malkandueva D. T. Tax culture and reasons for tax evasion / Z. N. Yagumova // Vector of Economics. 2020. № 5 (47). P. 39.

Научная статья

УДК 33:51

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-280-287>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-534

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-733

Анализ техногенных рисков для краткосрочной модели на примере мониторинга подводных участков морского газопровода

Эльвира Ринатовна Зарипова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ezarip@gmail.com

Аннотация. Анализируются риски возникновения техногенных чрезвычайных ситуаций. В качестве аппарата исследований использован метод анализа рисков для краткосрочных моделей с построением дерева рисков на основе критерия максимальной вероятности отказа. Для численного примера выбрана дистанционная система мониторинга морского газопровода с применением необитаемого подводного аппарата для обследования подводной части газопровода. Построена структурная схема подводного необитаемого аппарата, выделены работоспособные, предотказовые и отказовые состояния системы двигателей. Проведен расчет вероятности безотказной работы системы мониторинга в течение смены, выделены наиболее опасные пути развития рисков событий по критерию максимальной вероятности отказа.

Ключевые слова: дерево рисков, краткосрочная модель рисков, мониторинг, ущерб, рисковое событие

Для цитирования: Зарипова Э. Р. Анализ техногенных рисков для краткосрочной модели на примере мониторинга подводных участков морского газопровода // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 280–287. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-280-287>.

Original article

Analysis of technogenic risks for a short-term model based on the monitoring of gas pipeline underwater sections

Elvira R. Zaripova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ezarip@gmail.com

Abstract. The risks of man-made emergencies are analyzed. The method of risk analysis for short-term models with the construction of a risk tree based on the criterion of the maximum probability of failure was used as a research apparatus. For a numerical example, a remote monitoring system of an offshore gas pipeline with the use of an uninhabited underwater vehicle for inspection of the underwater part of the gas pipeline is selected. A structural diagram of an underwater uninhabited vehicle is constructed, the operational, pre-launch and out-of-service states of the engine system are highlighted. The probability of failure-free operation of the monitoring system during the shift was calculated, the most dangerous ways of developing risky events were identified according to the criterion of the maximum probability of failure.

Keywords: risk tree, short-term risk model, monitoring, damage, risk event

For citation: Zaripova E. R. Analysis of technogenic risks for a short-term model based on the monitoring of gas pipeline underwater sections. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):280–287. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-280-287>.

Актуальность и постановка проблемы исследования

По оценкам аналитиков Aberdeen Research один незапланированный простой может стоить компании до 260000 долларов в час, и 82 % компаний сталкиваются с незапланированными простоями за три года [1]. В среднем простои длились 4 часа, 46 % компаний не смогли предоставлять услуги клиентам, 37 % потеряли время на производстве критически важного актива, остальные

полностью остановили производство и были неспособны обслуживать клиентов и поддерживать конкретное оборудование.

Избежать незапланированного простоя поможет плановый мониторинг состояния объекта. Мониторинг позволяет оценить состояние, выделить элементы объекта, подлежащие скорой замене, и организовать их замену в удобное время [2; 3]. Интересными с точки зрения сложных комплексов становятся известные технологические объекты страны, которые важны с точки зрения

© Зарипова Э. Р., 2022

обеспечения населения жизненно важными ресурсами. Например, для газоснабжения населения используют магистральный трубопровод. Необходимо следить за браком труб, дефектами строительных и монтажных работ, коррозии, механическими повреждениями. Мониторинг стоит в десятки раз дешевле внепланового простоя, и позволяет избежать внепланового простоя. С точки зрения рисков событий, гораздо сложнее осуществлять мониторинг подводной части объектов из-за более агрессивной среды с множеством меняющихся параметров. Для численного примера исследования выбран газопровод Джубга-Лазаревское-Сочи, который в районе поселка Джубга уходит в Черное море, проходя в 4,5 км от берега на глубине до 80 м, морской участок заканчивается через 159,5 км и выходит к станции Кудепста около Сочи и продолжается на суше. Газопровод введен в эксплуатацию в 2011 г. Расчетный срок эксплуатации — 50 лет [4]. Постоянный мониторинг состояния газопровода позволит увеличить срок службы комплекса при своевременной замене устаревших элементов и уменьшит возможные простои. Опираясь на прогнозные значения сроков службы дистанционной системы мониторинга морского газопровода, проанализируем риски и оценим ущерб от возникновения аварийных событий.

Анализ последних исследований и постановка задачи

В работе «Preventive Maintenance of k-out-of-n System with Respect to Cost-Type Criterion» [5] авторами проведен анализ чувствительности функций распределения времени безотказной работы элементов. Для анализа выбрана долгосрочная модель, задействованных в профилактических работах, для численного анализа выбран критерий минимизации стоимости мониторинга, рассмотрены 3 сценария замены элементов: периодическая замена, замены по сроку службы и замены на основе данных внешнего мониторинга.

В статье «Risk tree as an assistant tool for the decision-maker» [6] на примере модели телекоммуникационной высотной платформы на базе привязного беспилотного летательного аппарата применена долгосрочная модель оценки рисков событий, построено дерево рисков, для анализа времени безотказной работы выбраны Гамма-распределение и распределение Гнеденко-Вейбулла, оценены вероятности отказов и надежность элементов системы, однако, отсутствует краткосрочная модель рисков (расчет на короткий период, например, рабочая смена или сутки).

В учебном пособии Рыкова В. В., Иткина В. Ю. [7] приведена методология оценки рисков, введены понятия рисков событий и характеристики риска, примеры оценки рисков событий приведены на примере работоспособности двигателя автомобиля.

В работе «Portable Remotely Operated Underwater Smart Vehicle with a Camera and an Arm» [8] команда инженеров Института проблем управления Российской академии наук представляет дистанционный управляемый подводный аппарат и описывает подробно функ-

циональность каждого элемента. Представляемый подводный аппарат получил первое место на конкурсе AquaRoboTech 2018 и имеет высокий потенциал для коммерческого внедрения для мониторинга сложных подводных комплексов. Однако, в данной работе не проведены оценки рисков событий, поскольку целью являлась презентация подводного аппарата.

Текущая работа продолжает исследования [9], где были сформулированы вероятностные характеристики для анализа долгосрочной и краткосрочной модели оценки рисков событий в общем виде.

В рамках данной статьи будет проведен анализ системы мониторинга морского газопровода для краткосрочной модели оценки рисков событий, данный анализ рисков событий был ранее представлен и одобрен на конференции «The third Eurasian risk conference and symposium» в декабре 2021 г, ранее не опубликован. Будет проанализирован подробно подводный необитаемый аппарат, представленный в работе «Portable Remotely Operated Underwater Smart Vehicle with a Camera and an Arm», оценены вероятности наступления рисков событий во время рабочего периода (сутки).

Описание системы мониторинга

Для идентификации элементов сложных иерархических комплексов удобно пользоваться векторной системой обозначений [7]. Обозначим вектором $\vec{i} = (i_1, i_2, \dots, i_r)$ элементы системы, где i_1 — номер первой подсистемы системы мониторинга, i_2 — номер подсистемы второго уровня подсистемы (i_1), а i_r — элемент подсистемы $\vec{i}_{r-1} = (i_1, i_2, \dots, i_{r-1})$. Индекс r обозначает уровень иерархии в системе, причем различные элементы могут иметь разную иерархию.

Система мониторинга морского газопровода состоит из трех крупных частей: наземного мобильного операторского центра, надводного судна, осуществляющего передачу данных о состоянии подводного объекта, и подводного необитаемого аппарата, ведущего съемку. Введем обозначения (0) для самой системы и (1)-(3) для соответствующих подсистем (рис. 1).

Рис. 1. Структурная схема системы мониторинга морского газопровода

Исследование системы мониторинга начинается с построения структурной функции и анализа работоспособности всех ее подсистем.

Наземный мобильный операторский центр (1) представляет собой автомобиль, сопровождающий подводный необитаемый аппарат во время мониторинга вдоль

берега. Надводное судно (2) связывает подводный необитаемый аппарат (3) и наземный мобильный операторский центр (1). Наиболее уязвимым из-за агрессивности среды является подводный необитаемый аппарат, рассмотрим его элементы с точки зрения иерархии возможных рисков событий (рис. 2).

Выделим основные рисковые события и элементы системы, влияющие на работоспособность подводного необитаемого аппарата (3).

- (3,1) — отказ системы видеонаблюдения,
- (3,1,1) — поломка камеры видеонаблюдения,
- (3,1,2) — отказ светильников (3,1,2,1) или (3,1,2,2),

- (3,2) — разрядка батареи,
- (3,3) — нарушение герметичности подводного необитаемого аппарата,
- (3,4) — отказ системы управления,
- (3,5) — отказ / поломка сенсоров,
- (3,5,1) — отказ / поломка глубиномера,
- (3,5,2) — отказ / поломка акселерометра,
- (3,5,3) — отказ / поломка гироскопа,
- (3,5,4) — отказ / поломка компаса,
- (3,5,5) — отказ / поломка датчика тока и напряжения,
- (3,6) — поломка схвата,
- (3,7) — поломка двигателей (3,7,1) – (3,7,6).

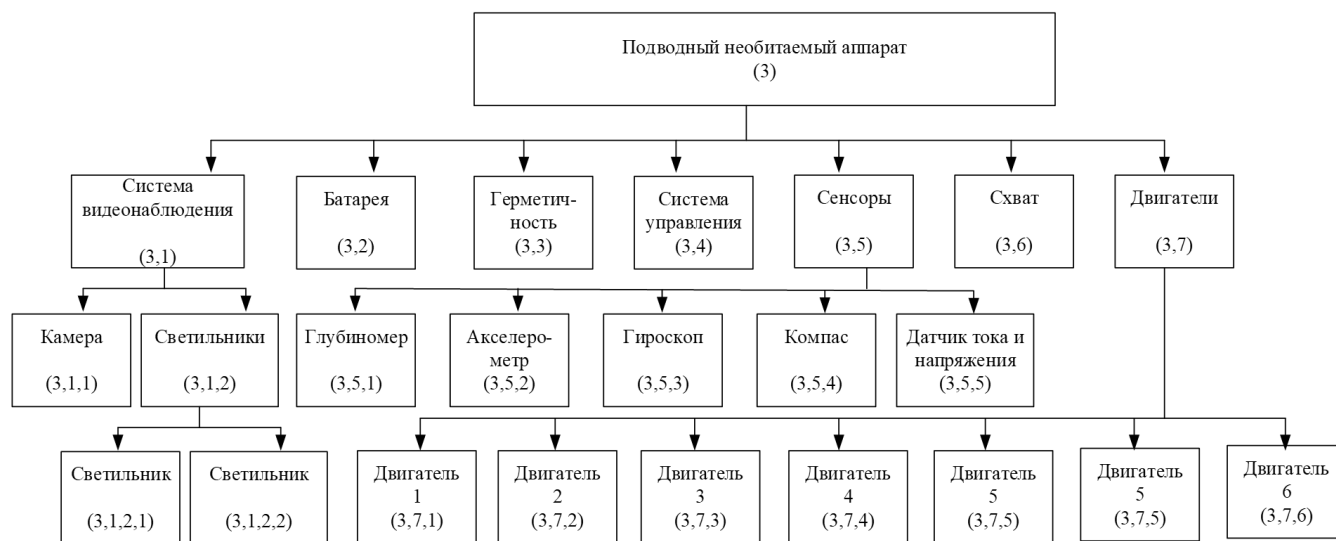

Рис. 2. Структурная схема подводного необитаемого аппарата

Изучим состояния двигателей. В подводном аппарате 6 двигателей, располагающиеся по кругу. Двигатели условно можно поделить на две группы: два двигателя в первой группе под номерами (3,7,2) и (3,7,5) отвечают на команды «вперед - назад», а двигатели второй группы (3,7,1), (3,7,3), (3,7,4) и (3,7,6) — за команды «погружение — всплытие». Подводный необитаемый аппарат продолжает работать полноценно, пока работает хотя бы один двигатель из каждой группы [5].

Обозначим $j_i \in \{0; 1\}$ — состояние двигателя (3,7,i), где $j_i = 1$ будет соответствовать отказу двигателя, и $j_i = 0$ — рабочему состоянию двигателя. Состояние $\mathbb{J}_k = (j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6)$, $k = \overline{0; 63}$, показывает работоспособность шести двигателей в данный момент времени, тогда начальное нулевое состояние (0,0,0,0,0,0) двигателей соответствует состоянию, когда все двигатели работают, а 63-е состояние (1,1,1,1,1,1) — состоянию, когда все двигатели отказали. Количество возможных состояний равно $2^6 = 64$, нумерация соответствует переходу в двоичную систему счисления. Определим совокупность состояний, когда двигатели отказывают. В группу 37А включим все состояния, при которых подводный аппарат не может двигаться вперед-назад из-за отказа двигателей (3,7,2) и (3,7,5). В группу 37В включим все состояния, когда отказали все четыре двигателя, отвечающие за погружение-всплытие. Определим множества и посчитаем

количество состояний.

37А) «Вперед-назад», (3,7,2) и (3,7,5) двигатели. Множество состояний

$$A = \{(j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) : j_2 = j_5 = 1\}.$$

В множестве находится 16 возможных состояний: 18, 19, 22, 23, 26, 27, 30, 31, 50, 51, 54, 55, 58, 59, 62, 63.

37В) «Погружение-всплытие», двигатели (3,7,1), (3,7,3), (3,7,4) и (3,7,6). Множество возможных состояний определяется

$$B = \{(j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) : j_1 = j_3 = j_4 = j_6 = 1\}$$

и содержит всего 4 возможных состояний 45, 47, 61 и 63, причем состояние 63, соответствующее состоянию (1,1,1,1,1,1) включается в оба множества 37А и 37В и обозначает состояние со всеми отказавшими двигателями.

В вышеперечисленном контексте состояниями можно поделить условно на 3 группы:

i) «отказовые» состояния (входящие в группы 37А и 37В) (19 состояний из 64). $(j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) \in (A \cup B)$;

ii) «предотказовые» состояния, где при отказе хотя бы одного двигателя состояние будет на следующем шаге принадлежать группам 37А и 37В, т.е. существует ровно один работающий двигатель (3,7,2) или (3,7,5) из

первой группы, и ровно один двигатель из группы (3,7,1), (3,7,3), (3,7,4) и (3,7,6). Предотказовое состояние при поломке очередного двигателя переходит в отказовое состояние. Обозначим группу состояний множеством C .

$$C = \{(j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) : j_2 = 1 \vee j_5 = 1 \vee j_1 = j_3 = j_4 = 1 \vee j_1 = j_3 = j_6 = 1 \vee j_1 = j_4 = j_6 = 1 \vee j_3 = j_4 = j_6 = 1, (j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) \notin (A \cup B)\}.$$

В эту группу входит 33 состояния из 64: 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14-17, 20, 21, 24, 25, 28, 29, 34, 35, 37-39, 41-44, 46, 48, 49, 52, 53, 56, 57, 60.

iii) «работоспособные» состояния двигателей, т.е. до отказа двигателей как минимум 2 возможных отказа. Объединим эти 12 состояний во множество D .

$$D = \{(j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) : (j_1, j_2, j_3, j_4, j_5, j_6) \notin (A \cup B \cup C)\}.$$

Деление состояний на отказовое, предотказовое и работоспособное позволяет дать рекомендации разработчикам об установлении датчиков, показывающих, в каком состоянии находится система двигателей, и в предотказовом состоянии можно проводить «профилактику» или замену системы двигателей, не дожидаясь полного отказа системы мониторинга.

Построение дерева техногенных рисков

Для анализа системы мониторинга и поиска рисков путей построим дерево техногенных рисков. Для построения дерева будем использовать обозначения [10]. Круг будет обозначать листовое — конечное событие, а квадрат — корневое или промежуточное событие, которое может быть разбито на более мелкие события, рис 3.

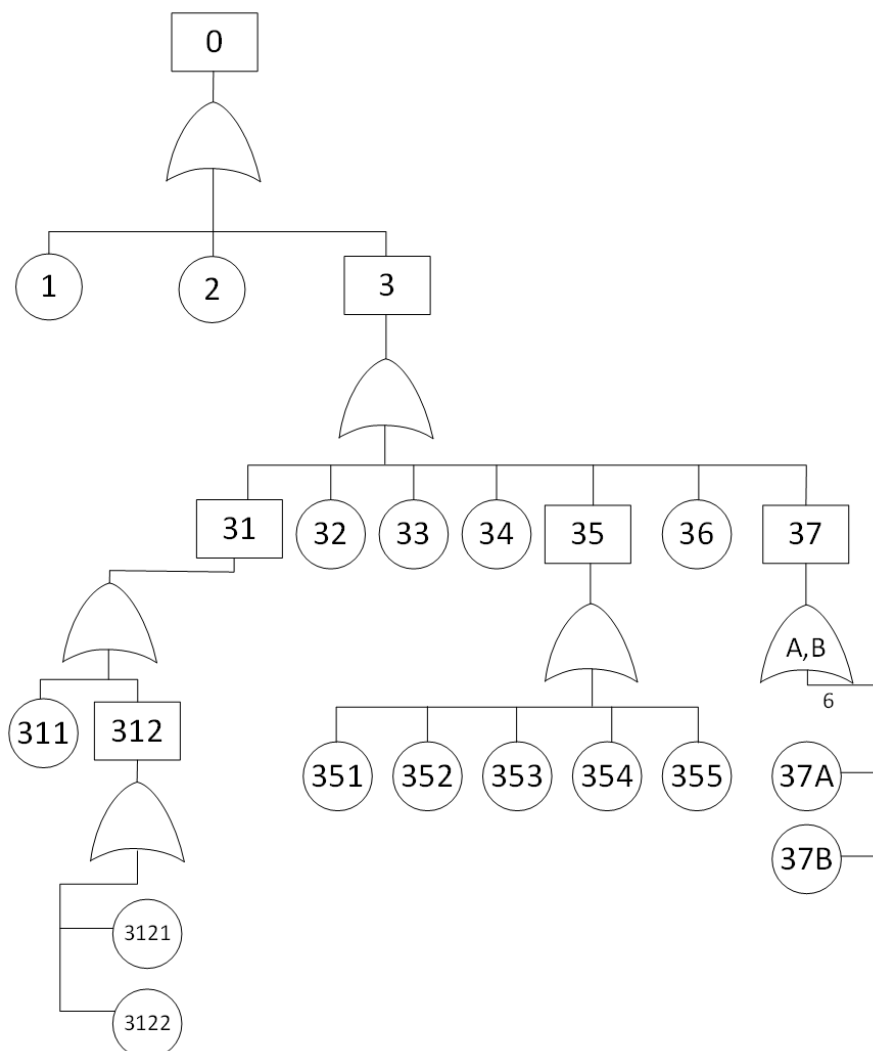

Рис. 3. Дерево техногенных рисков системы мониторинга морского газопровода
 (37A) — совокупность состояний, отвечающих за движение назад–вперед
 (37B) — совокупность состояний, отвечающих за погружение–всплытие

В дереве рисков используется шлюз «А,В» для системы двигателей, который при событии 37А или 37В фиксирует поломку двигателей, остальные шлюзы дерева фиксируют отказ в обслуживании при хотя бы одном отказе элемента нижележащего уровня.

Следует отметить, что стоимость всей системы мониторинга ничтожно мала с возможными финансовыми штрафами, которые понесет компания за возможную аварию. В работе Ямникова С. А. [11, с. 117] говорится о возможном ущербе окружающей среде на участке газопровода в 250 млн руб. с поправкой на 2018 г., величина ущерба, сочетая экологический ущерб, прямой и косвенный ущерб, в том числе для третьих лиц, расходы на ликвидацию возможной аварии, социально-экономические потери действительно могут достигать сотен миллионов рублей. Авария может произойти, в том чис-

ле, и от не своевременно проведенного мониторинга, чему виной могут быть элементы системы мониторинга. Ущерб от отсутствия мониторинга может быть распределен по элементам системы мониторинга соразмерно вероятности отказа элемента за рабочий период. Автор в данной работе показывает анализ рисков ситуаций за рабочий период (сутки), при увеличении рассматриваемого периода вероятности рисков событий и средние величины ущерба могут быть увеличены. Приведем в таблице 1 вероятность отказа для листовых событий за рабочий период (сутки), которая для краткосрочной модели обратно пропорциональна периоду безотказной работы в днях. Ущерб в краткосрочной модели пропорционален вероятности отказа элемента за рабочий период и общей сумме ущерба, и отражает вклад элемента в возможный ущерб.

Таблица 1.

Исходные данные

Событие	Вероятность отказа элемента за рабочий период	Событие	Вероятность отказа элемента за рабочий период
(1)	0,00055	(3,3)	0,00091
(2)	0,00068	(3,4)	0,00027
(3,1,1)	0,00027	(3,5,1)	0,00046
(3,1,2,1)	0,00137	(3,5,2)	0,00011
(3,1,2,1)	0,00091	(3,5,3), (3,5,4)	0,00018
(3,2)	0,00055	(3,5,5), (3,6)	0,00018

Введем структурные функции надежности системы. Структурные переменные x_{i_k} элементов и подсистем являются индикаторными функциями соответствующих событий $x_{i_k} = 1$, если подсистема i_k работоспособна, иначе $x_{i_k} = 0$.

Вычисление структурной функции надежности подсистемы i_{k-1} производится путем замены шлюза соответствующей операцией:

$$x_{i_{k-1}} = \varphi_{i_k}(x_{(i_k,1)}, x_{(i_k,2)}, \dots, x_{(i_k,n(i_k))})$$

Для верхнего уровня:

$$\varphi = \varphi_{(1)}\varphi_{(2)}\varphi_{(3)},$$

причем

$$\varphi_{(1)} = x_{(1)}, \varphi_{(2)} = x_{(2)}, \varphi_{(3)} = \prod_{i=1}^7 \varphi_{(3i)}.$$

Для следующих уровней

$$\varphi_{(31)} = \varphi_{(311)}\varphi_{(312)} = x_{(311)}x_{(3121)}x_{(3122)},$$

$$\varphi_{(32)} = x_{(32)}, \varphi_{(33)} = x_{(33)}, \varphi_{(34)} = x_{(34)},$$

$$\varphi_{(35)} = \prod_{i=1}^5 \varphi_{(35i)} = \prod_{i=1}^5 x_{(35i)}, \varphi_{(36)} = x_{(36)},$$

Структурная функция надежности для элемента (37) (двигатели) имеет вид:

$$\begin{aligned} \varphi_{(37)} = & \prod_{l=1}^6 x_{(37l)} + \sum_{m=1}^6 (1 - x_{(37m)}) \prod_{l=1, m \neq l}^6 x_{(37l)} + \\ & + \left\{ (1 - x_{(372)})x_{(375)} \sum_{m=1,3,4,6}^6 (1 - x_{(37m)}) \prod_{l=1, m \neq l, l \neq 2, l \neq 5}^6 x_{(37l)} + \right. \\ & + (1 - x_{(375)})x_{(372)} \sum_{m=1,3,4,6}^6 (1 - x_{(37m)}) \prod_{l=1, m \neq l, l \neq 2, l \neq 5}^6 x_{(37l)} + \\ & \left. + x_{(372)}x_{(375)} \cdot \right. \\ & \cdot \left. \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1,4; \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1 - x_{(37m_1)})(1 - x_{(37m_2)}) x_{(37m_3)}x_{(37m_4)} \right\} + \\ & + \left\{ (1 - x_{(372)})x_{(375)} \cdot \right. \\ & \cdot \left. \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1,4; \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1 - x_{(37m_1)})(1 - x_{(37m_2)}) x_{(37m_3)}x_{(37m_4)} + \right. \\ & \left. + (1 - x_{(375)})x_{(372)} \cdot \right. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
& \cdot \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1;4, \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1-x_{(37m_1)})(1-x_{(37m_2)})x_{(37m_3)}x_{(37m_4)} + \\
& \quad + x_{(375)}x_{(372)} \cdot \\
& \cdot \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1;4, \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1-x_{(37m_1)})(1-x_{(37m_2)})(1-x_{(37m_3)})x_{(37m_4)} \} + \\
& \quad + \{(1-x_{(372)})x_{(375)} \cdot \\
& \cdot \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1;4, \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1-x_{(37m_1)})(1-x_{(37m_2)})(1-x_{(37m_3)})x_{(37m_4)} + \\
& \quad + \{(1-x_{(372)})x_{(375)} \cdot \\
& \cdot \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1;4, \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1-x_{(37m_1)})(1-x_{(37m_2)})(1-x_{(37m_3)})x_{(37m_4)} \\
& \quad + (1-x_{(375)})x_{(372)} \cdot \\
& \cdot \sum_{\substack{m_s=1,3,4,6; \\ s=1;4, \\ m_1 \neq m_2 \neq m_3 \neq m_4}} (1-x_{(37m_1)})(1-x_{(37m_2)})(1-x_{(37m_3)})x_{(37m_4)} \}
\end{aligned}$$

В этой формуле суммирование начинается со случая, когда все двигатели работают, далее случай, когда только один двигатель не работает, в первых фигурных скобках перечислены все варианты, когда два двигателя не работают, но система двигателей по-прежнему работоспособна, в третьих и четвертых фигурных скобках — варианты, когда 3 и 4 двигателя не работают, но система еще работоспособна.

Анализ системы мониторинга

Для анализа работоспособности системы мониторинга необходимо узнать вероятности отказов на всех промежуточных состояниях. Начнем исследование с системы двигателей.

Вероятности безотказной работы вычислены с помощью вероятностей отказов, заданные таблицей 1. Вероятность того, что один двигатель исправен, равна

$$p_{(37i)} = 1 - q_{(37i)}.$$

Вероятность того, что система двигателей не находится в отказовом состоянии, может быть вычислена 2 способами: через работоспособные состояния (структур-

ные функции) или через обратное событие для отказовых состояний. Воспользуемся первым способом и найдем вероятность безотказной работы двигателей:

$$\begin{aligned}
p_{(37)} &= p_{(37i)}^6 + C_6^1 p_{(37i)}^5 (1 - p_{(37i)}) + \\
&+ (C_2^1 C_4^1 + C_4^2 C_2^0) p_{(37i)}^4 (1 - p_{(37i)})^2 + \\
&+ (C_2^1 C_4^2 + C_4^3 C_2^0) p_{(37i)}^3 (1 - p_{(37i)})^3 + \\
&+ C_4^3 C_2^1 p_{(37i)}^2 (1 - p_{(37i)})^4 = \\
&= p_{(37i)}^6 + 6 p_{(37i)}^5 (1 - p_{(37i)}) + 14 p_{(37i)}^4 (1 - p_{(37i)})^2 + \\
&+ 16 p_{(37i)}^3 (1 - p_{(37i)})^3 + 8 p_{(37i)}^2 (1 - p_{(37i)})^4.
\end{aligned}$$

Используя данные в таблице 1, $p_{(37)} = 0,99999997$, при этом вероятности отказа при событиях А и В будут равны $q_{(37A)} = 0,0000000324$ и $q_{(37B)} < 10^{-10}$.

Аналогично можно вычислить вероятности безотказной работы других элементов:

$$p_{(35)} = 0,99889045, p_{(31)} = 0,997452, p_{(3)} = 0,9944434,$$

тогда вероятность безотказной работы системы мониторинга морского газопровода в течение рабочей смены равна

$$p_{sys} = p_{(1)}p_{(2)}p_{(3)} = 0,99322.$$

Таким образом, вероятность наступления рискованных событий за сутки равна 0,99322. Интересным остается прогноз и выявление слабых элементов, которые могут в первую очередь отказать. Для этого найдем наиболее опасные пути развития рискованных событий.

Найдем наиболее опасные пути развития рискованного события по критерию максимальной вероятности отказа элементов и подсистем, начиная с нижнего уровня для каждого промежуточного элемента. Определим значение максимальной вероятности отказа $q_{i_k}^*$ на нижележащем уровне и номер подсистемы $i_q^*(i_k)$, на которой этот максимум достигается:

$$q_{i_k}^* = \max_{1 \leq l \leq n(i_k)} (q_{i_k l}), \quad j_q^*(i_k) = \arg \max_{1 \leq l \leq n(i_k)} (q_{i_k l}).$$

Собирая эти величины вместе, найдем наиболее опасный путь по критерию максимального вероятности отказа для любой подсистемы и системы в целом.

Начнем рассматривать систему двигателей (3,7).

$$q_{(37)}^* = \max(q_{(37A)}; q_{(37B)}) = q_{(37A)}, \quad j_q^*(37) = (37A).$$

Для системы сенсоров (3,5):

$$q_{(35)}^* = \max_{i=1;5} (q_{(35i)}) = q_{(351)}, \quad j_q^*(35) = (351).$$

Для системы светильников (3,1,2):

$$q_{(312)}^* = \max(q_{(3121)}; q_{(3122)}) = q_{(3121)}, j_q^*(312) = (3121).$$

Для системы видеонаблюдения (3,1):

$$q_{(31)}^* = \max(q_{(311)}; q_{(312)}) = q_{(312)}, j_q^*(31) = (312).$$

Для подводного необитаемого аппарата (3):

$$q_{(3)}^* = \max_{i=1;7}(q_{(3i)}) = q_{(31)}, j_q^*(3) = (31).$$

Для системы мониторинга в целом

$$q_{sys}^* = \max(q_{(1)}; q_{(2)}; q_{(3)}) = q_{(3)}, j_q^*(sys) = (3).$$

Таким образом, наиболее опасным путем в смысле вероятностного отказа является путь

$$sys^*(q) = (3), (31), (312), (3121).$$

Выявлено, что наиболее опасным рисковым событиям подвержен элемент (3) — подводный необитаемый аппарат, он выйдет из строя скорее всего из-за системы видеонаблюдения (31), у которой откажут (312) — светильники, а именно светильник (3121).

Выводы и задачи дальнейших исследований

В работе представлен анализ системы мониторинга морского газопровода на основе краткосрочной модели оценки рисков, выявлены опасные пути развития рисковых ситуаций. Подробно исследована система двигателей, реализующая движение «вперед-назад» и «погружение-всплытие», даны рекомендации разработчикам об установлении датчиков для предотказовых состояний и своевременной замены элементов. Построено дерево рисков для системы морского газопровода с детализацией элементов, которые могут привести к рисковым событиям. Рассчитан «опасный путь» по критерию максимальной вероятности отказов как наиболее вероятный вариант развития чрезвычайных ситуаций.

Работа может быть продолжена в будущем. Возможно на детализация элементов (1) и (2) системы мониторинга и последующий анализ рисковых событий как для краткосрочной, так и для долгосрочной моделей оценки рисков. Кроме того, могут быть проанализированы возможные экономические ущербы с оценкой стоимости оборудования при возникновении рисковых ситуаций.

Часто для оценки рисковых событий в инженерной среде пользуются средними значениями, не вникая детально в функции распределения времени безотказной работы, в связи с этим важно провести анализ чувствительности к виду исходной информации, касающейся надежности элементов системы [12].

К исследованию приглашаются заинтересованные

организации и исследователи с необходимой справочной информацией для поддержки этих исследований.

Список источников

1. The cost of unplanned downtime and the rally for digital transformation. Режим доступа: online (25 июля 2022). <https://www.servicemax.com/uk/fsd/2017/10/19/the-cost-of-unplanned-downtime-and-the-rally-for-digital-transformation/>

2. Rykov V., Kochueva O. and Farkhadov M. Preventive Maintenance of a k-out-of-n System with Applications in Subsea Pipeline Monitoring. J. Mar. Sci. Eng. 2021, 9, 85.

3. Вишневецкий В. М., Кришнамурти А., Козырев Д. В., Ларионов А. А., Иванов Р. Е. Методы исследования и проектирования широкополосных беспроводных сетей вдоль протяженных транспортных магистралей. T-Comm : Телекоммуникации и транспорт. 2015. Том 9. № 5. С. 9–15.

4. Газпром. Джубга-Лазаревское-Сочи. Первый внутрироссийский морской газопровод. Режим доступа: online (25 июля 2022). <https://www.gazprom.com/projects/dls/>

5. Rykov V., Kochueva O., Rykov Ya. Preventive Maintenance of k-out-of-n System with Respect to Cost-Type Criterion. Mathematics 2021, 9, 2798.

6. Rykov V., Ivanova N., Kozыrev D. (2021) Risk tree as an assistant tool for the decision-maker. P. 109–114. DOI 10.1109/ICUMT54235.2021.9631604.

7. Рыков В. В., Иткин В. Ю. Надёжность технических систем и техногенный риск (учебное пособие). М. : ИНФРА-М, 2016, 214 с.

8. Farkhadov M., Abramov A., Abdulov A., Eliseev A. Portable Remotely Operated Underwater Smart Vehicle with a Camera and an Arm. In Proceedings of the 2019 10th International Power Electronics Drive Systems and Technologies Conference (PEDSTC) Shiraz, Iran, 2019. P. 178–183.

9. Rykov V., Ivanova N. and Farhadov M. On principles of risk analysis with a practical example. RT&A, Special Issue 3 (66), Volume 17, 2022. P. 38–41.

10. Henley E. G., Kumamoto H. Reliability engineering and risk assessment. Prentice-Hall, New Jersey, 07632, 1981.

11. Ямников С. А. Разработка методики определения ключевых параметров страхования экологических рисков техногенных чрезвычайных ситуаций на магистральных газопроводах в условиях ограниченности статистической информации : диссертация ... кандидата технических наук : 05.26.02 — безопасность в чрезвычайных ситуациях (в нефтяной и газовой промышленности). Москва, 2018.

12. Ибрагимов Б. Г. Анализ эффективности передачи пакетов трафика систем и протоколов сигнализации сетей NGN / Б. Г. Ибрагимов, С. Р. Исмаилова // T-Comm : Телекоммуникации и транспорт. 2014. Т. 8. № 6. С. 21–24.

References

1. The cost of unplanned downtime and the rally for digital transformation. Available online (accessed on 25 July 2022): <https://www.servicemax.com/uk/fsd/2017/10/19/>

the-cost-of-unplanned-downtime-and-the-rally-for-digital-transformation/

2. Rykov V., Kochueva O. and Farkhadov M. Preventive maintenance of a k-out-of-n system with applications in subsea pipeline monitoring. *J. Mar. Sci. Eng.* 2021, 9, 85 p.

3. Vishnevsky V. M., Krishnamoorthy A., Kozyrev D.V., Larionov A. A., Ivanov R.E. Methods for research and building up the broadband wireless. Communication networks along the long transport routes. *T-Comm* : 2015. Vol 9. № 5. P. 9–15.

4. Gazprom. Dzhubga–Lazarevskoye–Sochi. The First Russia-Based Offshore Gas Pipeline. Available online (accessed on 25 July 2022): <https://www.gazprom.com/projects/dls/>

5. Rykov V., Kochueva O., Rykov Ya. Preventive Maintenance of k-out-of-n System with Respect to Cost-Type Criterion. *Mathematics* 2021, 9, 2798.

6. Rykov V., Ivanova N., Kozyrev D. (2021) Risk tree as an assistant tool for the decision-maker. P. 109–114. DOI 10.1109/ICUMT54235.2021.9631604.

7. Rykov V. V., Itkin V. Yu (2016) Reliability of technical systems and technogenic risk. Textbook. M. : INFRA-M, 214 p.

8. Farkhadov M., Abramnikov A., Abdulov A., Eliseev A. Portable Remotely Operated Underwater Smart Vehicle with a Camera and an Arm. In *Proceedings of the 2019 10th International Power Electronics Drive Systems and Technologies Conference (PEDSTC)* Shiraz, Iran, 2019. P. 178–183.

9. Rykov V., Ivanova N. and Farhadov M. On principles of risk analysis with a practical example. *RT&A, Special Issue 3* (66), Volume 17, 2022. P. 38–41.

10. Henley E. G., Kumamoto H. Reliability engineering and risk assessment. Prentice-Hall, New Jersey, 07632, 1981.

11. Yamnikov S. A. Development of a methodology for determining the key parameters of insurance of environmental risks of man-made emergencies on main gas pipelines in conditions of limited statistical information : dissertation ... Candidate of Technical Sciences : 05.26.02 — safety in emergency situations (in the oil and gas industry). Moscow, 2018.

12. Ibrahimov B. G., Ismaylova S. R. The analysis efficiency transfer packages traffic of the systems and protocols signaling networks NGN. *T-Comm* : 2014. Vol 8. № 6. P. 21–24.

Информация об авторе

Э. Р. Зарипова — доцент кафедры естественнонаучных дисциплин Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат физико-математических наук.

Information about the author

E. R. Zaripova — Associate Professor of the Department of Natural Sciences of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Physical and Mathematical Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 17.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-288-292>

ИДОН: 2003-0059-6/22-535

MOSURED: 77/27-003-2022-06-734

Особенности деятельности органов внутренних дел России в борьбе с криминальными явлениями в сфере денежного обращения

Николай Пиманович Купрещенко¹, Вера Васильевна Елизарова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kuper52@mail.ru

² evv771@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время перед правоохранительными органами стоит действительно сложная, но выполнимая задача: они должны обеспечивать благосостояние как отдельного гражданина, так и всего государства в целом. В условиях мирового социально-экономического кризиса необходимо осуществлять централизованную финансово-кредитную политику. Органы внутренних дел продолжают работу над предотвращением и недопущением преступлений экономической направленности.

Ключевые слова: деньги, денежная масса, субъекты рынка, финансовая система, денежные знаки, преступления в экономической сфере, формирования криминальных явлений, кредитно-денежная политика

Для цитирования: Купрещенко Н. П., Елизарова В. В. Особенности деятельности органов внутренних дел России в борьбе с криминальными явлениями в сфере денежного обращения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 288–292. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-288-292>.

Original article

Features of the activities of the internal affairs bodies of Russia in the fight against criminal phenomena in the sphere of monetary appeals

Nikolay P. Kupreschenko¹, Vera V. Elizarova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kuper52@mail.ru

² evv771@yandex.ru

Abstract. Currently, law enforcement agencies are facing a really difficult, but doable task: they must ensure the well-being of both an individual citizen and the entire State as a whole. In the conditions of the global socio-economic crisis, it is necessary to implement a centralized financial and credit policy. The internal affairs bodies continue to work on the prevention and prevention of economic crimes.

Keywords: money, money supply, market entities, financial system, banknotes, crimes in the economic sphere, the formation of criminal phenomena, monetary policy

For citation: Kupreschenko N. P., Elizarova V. V. Features of the activities of the internal affairs bodies of Russia in the fight against criminal phenomena in the sphere of monetary appeals. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):288–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-288-292>.

Сущность денежного обращения включает в себя движение денежной массы как во внутреннем экономическом обороте конкретной страны, так и движение денег посредством внешнеэкономических связей. Движение денежных средств возможно благодаря тому, что на рынке у одних субъектов в распоряжении находится избыток денег (они выступают на рынке в качестве предложения), а у других субъектов существует потребность в деньгах (они выступают на рынке в качестве спроса) [5].

Благодаря денежному обращению финансовая си-

стема нашей страны реализует совокупность своих непосредственных функций и обеспечивает реализацию товаров и услуг. Основу денежного обращения составляют деньги, которые в ходе процесса обращения не покидают данную сферу, а снова и снова обращаются в соответствии со своими сущностными функциями. Это приводит к сбалансированности спроса и предложения на рынке, то есть приближению к экономическому равновесию, установлению на рынке товаров и услуг равновесной цены.

© Купрещенко Н. П., Елизарова В. В., 2022

Что касается законодательного закрепления основ денежного обращения, то они диктуются Конституцией РФ [1], а также федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ (последняя редакция) [2].

Федеральным законом устанавливаются следующие особенности денежного обращения в Российской Федерации. Так, не существует официального соотношения национальной валюты и драгоценных металлов, использование наличных денежных средств, а именно, банкнот и монет Банка России, которые является единственным способом обеспечения наличного расчета. Государство имеет право признать отдельные денежные знаки недействительными, но в таком случае оно обязано провести обмен устаревших денег на денежные средства нового образца в срок от одного года до пяти лет. Утратившие свой внешний вид купюры могут обмениваться на новые без каких-либо ограничений, любые действия, касаемо денежных средств принимаются советом директоров Центрального банка России.

Система денежного обращения является одним из основных элементов осуществления деятельности хозяйствующих субъектов экономики, она реализует свои функции в финансовых операциях многоуровневой структуры кредитно-банковских отношений.

К субъектам подобных отношений следует отнести: физических лиц; предприятия и фирмы с различными организационно-правовыми формами; государство, в лице представителей органов государственной власти.

Всякие колебания в хозяйственной деятельности и экономических взаимоотношениях, а также ослабление государственного контроля в системе денежного обращения образуют возможность для хозяйствующих субъектов скрыть размеры истинных доходов получаемых при проведении коммерческих операций в корыстных целях.

Проведением, а также распространением аналогичных процедур способствует инфляция, недоработка концепции декларирования доходов, недостаточность контроля за обращением зарубежных денежных единиц, недостаточность правовой защиты денежных средств, доверенных банковским и финансовым организациям — все это создает благоприятную обстановку для формирования криминальных явлений.

Основная схема финансовых махинаций в сфере денежного обращения сводится к завладению чужими денежными средствами, которые в большинстве случаев находятся на счету фиктивной фирмы или организации.

Следующим шагом будет являться обналичивание полученных денег и их дальнейшее сокрытие, то есть вывод на другие банковские счета.

По мнению большинства специалистов, большую часть доходов криминальные группировки в сфере теневой экономики получают от подделки документов и проведения соответствующих кредитно-финансовых операций.

Обращаясь к статистическим данным, следует отметить, что в период с января 2021 года по декабрь 2021 года преступления в экономической сфере составили 41,1 % (117,7 тыс.) от общего количества совершенных

за указанный год преступлений. Также стоит учитывать и то, что под официальную статистику попадают только зарегистрированные преступления [6].

В первом квартале 2022 года зарегистрировано больше 39,2 тыс. преступлений экономической направленности. Относительно сопоставимого периода предыдущего года их число незначительно уменьшилось (на 3,2 %, 40,5 тыс.). Материальный ущерб на этапе предварительного расследования составил 77,8 млрд. рублей [7].

Понятие «преступление экономической направленности» включает в себя незаконное занятие предпринимательской деятельностью, а также банковской работой, отмыывание доходов, противозаконное получение кредита или злостное уклонение от его погашения, преднамеренная несостоятельность, иными словами банкротство, дача взятки, уклонение от уплаты налогов. Каждое из этих совершенных преступлений основывается на не легальном денежном обращении.

Криминогенную обстановку обостряют такие факторы, как: неоднозначная кредитно-денежная политика государства; наличие пробелов в области регулирования финансовых отношений; упрощение требований к образованию и ликвидации кредитно-денежных структур; фактическое отсутствие правового контроля за происхождением и законностью изначального банковского капитала; несовершенство процедуры межбанковских расчетов.

Согласно официальной статистике, преступления в экономической сфере за прошедший 2021 год увеличились по сравнению с предыдущими годами (диаграмма 1 [6]).

Диаграмма 1. Выявлено преступлений экономической направленности (в тысячах)

Довольно крупные масштабы приняла незаконная деятельность коммерческих структур (работа без официальной лицензии), сопряженная с привлечением денежных средств физических и юридических лиц под видом их выгодного размещения, инвестирования разнообразных проектных планов, заключение трастовых операций (в таком случае банки и иные финансовые организации действуют на основе поручения в интересах своего клиента), большинство из указанных операций заканчиваются банкротством или присвоением полученных денег.

В настоящее время, широкое применение и внедрение в работу компьютерной техники имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, инновационные разработки содействуют упрощению проведения банковских процедур. Однако, с другой стороны, дают

возможность мошенникам завладевать конфиденциальной информацией и совершать преступления различной тяжести, принося ущерб и самим гражданам, и обществу в целом.

Так, преступления в IT-сфере составляют четверть от общего количества, совершенных преступлений. Но все же наблюдается положительная динамика в разработке способов защиты конфиденциальной информации. Об этом свидетельствует и статистика: с января по май 2022 года преступлений с использованием IT-технологий совершено на 9,8 % меньше, чем в аналогичном периоде минувшего года [7].

Среди организаторов преступлений в экономической сфере зачастую можно встретить: Организаторов регистрации различных компаний и их соучастники; руководителей всевозможных действительно существующих коммерческих фирм и предприятий, в том числе намеренно созданных, для дальнейшего совершения преступления в области экономики; должностных лиц и независимых банковских кредитных учреждений или их филиалов; работников приватизированных фирм и предприятий, государственного сектора (диаграмма 2) [4].

Диаграмма 2. Виды организаторов совершения экономических преступлений

Зачастую подобные преступления замаскированы под видом простой деятельности кредитной организации, исходя из этого, бывает весьма трудно выявить правонарушение в сфере кредитно-банковской деятельности.

Одной из отличительных особенностей преступлений, совершаемых в указанной сфере, является наличие разнообразных источников информирования о совершении преступления или об обнаружении признаков преступления. К подобным источникам относятся: служебные проверки, средства массовой информации, сообщения из налоговых органов и другие.

Для возбуждения уголовного дела требуется наличие системы доказательств, подтверждающих факт совершения преступления. Предлогом для возбуждения уголовного дела в кредитно-банковской области выступают материалы проверки, которая свидетельствует о наличии необходимых признаков состава преступления.

Следует обратить внимание на то, что предпринимательская деятельность сопряжена с несением рисков, в связи с этим уголовные дела часто могут возбуждаться как преждевременно, так и в ходе следствия. Могут

вскрываются объективные обстоятельства, например снижение конъюнктуры рынка, которые говорят о том, что умысел лица на совершение преступления доказать будет невозможно, так как изменения в структуре рынка произошли независимо от воли субъекта. Такие дела подлежат прекращению, по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 2 ст. 24 УПК РФ [3].

Говоря о преступлениях в кредитно-банковской сфере, нельзя не упомянуть о способах и методах их совершения. Они изучаются в уголовном праве, уголовном процессе, а также в криминалистике.

Под методом совершения преступления подразумевается — метод в форме действия или бездействия, осуществляемого субъектом преступления. Метод совершения преступления включает в себя следующие стадии: подготовка к совершению преступления; непосредственное совершение преступления; сокрытие признаков и последствий преступления.

Немаловажной особенностью преступлений, совершенных в указанной области, является то, что в таких преступлениях всегда присутствует подготовительный этап. Так как такие преступления совершаются в форме активных действий, то они по своей сущности не могут быть исполнены без предварительной подготовки к преступлению, изучения ситуации и обстоятельств сокрытия следов, и обдуманного плана. Подготовка к реализации преступления включает в себя: создание фиктивной документации, а также формирование противозаконной финансовой структуры деятельности хозяйствующего субъекта экономики.

Как ни странно, преступления в сферах банковской деятельности и кредитования с использованием фиктивных документов совершаются практически всеми субъектами указанных отношений: как сотрудниками фирм и предприятий, так и самими «жертвами».

После того как акт преступления был совершен исходя из психологии поведения преступника, он пытается всеми способами скрыть следы совершения преступления. Часто мошенник делает это с помощью уничтожения документов и иных материальных носителей, содержащих необходимую информацию, создания ложного алиби, симуляции заболевания и других способов сокрытия следов преступления.

Необходимо выделить, что любой изучаемый метод преступления оставляет характерный для него комплекс доказательств и следов, которые выступают подтверждением его применения.

Анализируя способ совершения преступления, сотрудникам правоохранительных органов удастся выстроить закономерные цепочки последовательности совершенных преступником действий.

Кроме того, благодаря изучению способа преступления можно определить цель и мотив преступника, которые натолкнули его на данное деяние. Таким образом, можно смоделировать ситуацию и понять, чего хотел добиться преступник и как ему это удалось совершить.

Следует выделить различные формы совершения преступлений экономической направленности в кредитно-финансовой сфере, характеризующихся увеличением

совершаемых преступных деяний, сопряженных с банковским делом:

1. Осуществление безналичных платежей для совершения заведомо фиктивных сделок, так происходит конвертирование безналичных денежных средств в наличную форму;
2. Значительное распространение фальшивомонетничества. Оно выражается не только в распространении фальшивых денежных единиц, но и во введении в оборот поддельных ценных бумаг.

Можно сделать вывод о том, что структурно измененные кредитно-финансовые отношения представляют достаточную опасность перехода контроля над денежным обращением к организованным криминальным группировкам.

Преступления в сфере денежного обращения включают в себя:

1. Хищение денежных средств путем присвоения или растраты;
2. Воспроизводство финансовых махинаций на рынке ценных бумаг;
3. Фальсификация документов, по которым производятся платежи;
4. Предоставление взятки с целью получения кредита, ссуды, инвестиций;
5. Осуществление противозаконных сделок, связанных с использованием иностранной валюты;
6. Соккрытие реальных расходов фирмы или предприятия, несоответствие документации с фактическим использованием денежных средств;
7. Нецелевое применение денежных единиц;
8. Отмывание похищенных денег;
9. Спекуляции на бирже;

Деятельность ОВД по борьбе с преступностью в сфере денежного обращения регулируется Уголовным Кодексом РФ. Согласно ч. 1 ст. 186 УК уголовному преследованию подлежит изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных банковских билетов ЦБ РФ, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте РФ либо иностранной валюты, ценных бумаг в иностранной валюте [4].

Если была зафиксирована попытка внесения изменений в процесс эмиссии ценных бумаг, то наступает уголовная ответственность за преднамеренное внесение ложной информации в проект выпуска ценных бумаг [8].

Известно, что официальные данные не всегда отражают реальную картину событий в обществе. Подобное положение обусловлено:

1. Практически большинство преступлений совершаемых в экономической деятельности являются скрытыми, мошенники используют разнообразные технологии и осваивают новые способы завладения денежными единицами незаконным путем. Подобная деятельность скрывается за работой существующих фирм, а потому, подавляющее большинство таких правонарушений относится к латентным.
2. Также можно сделать вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов являются

слабо информированным звеном в расследовании подобных преступлений, что означает сниженную эффективность проводимых мероприятий по выявлению подобных дел.

3. В современной рыночной экономике большинство организаций и предприятий относятся к частному сектору. Они в свою очередь стараются сделать все, чтобы правоохранительные органы не были осведомлены об их деятельности.

В современных условиях, для эффективной и успешной борьбы с преступлениями от органов внутренних дел требуется приложить довольно много усилий для того, чтобы адаптироваться как можно скорее к постоянно меняющимся условиям. Однако при любых обстоятельствах в период адаптации будет наблюдаться естественный уровень снижения официально подтвержденной и зарегистрированной преступности в экономической сфере.

Также усугубляет ситуацию наличие пробелов в праве и на законодательном уровне, а именно, в уголовно-процессуальном праве, в уголовном праве. Конечно же, все эти нюансы оказывают влияние на деятельность правоохранительных органов, в какой-то мере снижая ее эффективность. И как следствие, увеличивается объем криминогенной обстановки в стране. Довольно часто преступники не несут ответственности за свои действия по причине того, что данного рода ответственность не предусмотрена законом. Ведь без риска понести потери и получить наказание, преступники иницируют более изощренные методы причинения гражданам материальных убытков. Данные положения оказывают давление на психическую сторону личности мошенника и «развязывают ему руки».

Следовательно, для успешной борьбы органов внутренних дел с криминальными явлениями в сфере денежного обращения необходимо учитывать то, что абсолютно любые преступления экономической направленности совершаются профессиональными мошенниками, которые порой годами разрабатывают схемы совершения преступлений, поэтому без предварительной подготовки они обойтись не могут. Ведь для успешного совершения дела им требуется изучение всех тонкостей и особенностей совершения преступления, а также им необходимо грамотно завуалировать и скрыть свои следы. Все это создает необходимость проводить как можно чаще и объективнее аудиторские и иные проверки деятельности различных фирм и предприятий, которые по сути своей деятельности каким-либо образом связаны с оборотом денежных средств.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года [Электронный ресурс] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Федеральный закон «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года №

86-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-справочная система «Консультант плюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу 22.06.2022) // Информационно-справочная система «Консультант плюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Информационно-справочная система «Консультант плюс».

5. Денежное обращение : наличное и безналичное // https://mir-fin.ru/denezhnoe_obraschenie.html.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2022 года // <https://мвд.рф/reports/item/30967346/>

8. Правовые основы деятельности ОВД по борьбе с преступностью в сфере денежного обращения // https://vuzlit.com/1946194/pravovye_osnovy_deyatelnosti_borbe_prestupnostyu_sfere_denezhnogo_obrascheniya.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020

[Electronic resource] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

2. Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» dated July 10, 2002 № 86-FZ (latest edition) // Information and reference system «Consultant plus».

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 11.06.2022) (with amendments and additions, intro. effective 22.06.2022) // Information and reference system «Consultant plus».

4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (ed. of 25.03.2022) // Information and reference system «Consultant plus».

5. Money circulation : cash and non-cash // https://mir-fin.ru/denezhnoe_obraschenie.html.

6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2021 // <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>

7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–May 2022 // <https://мвд.рф/reports/item/30967346/>

8. The legal basis of the activities of the Department of Internal Affairs to combat crime in the field of money circulation // https://vuzlit.com/1946194/pravovye_osnovy_deyatelnosti_borbe_prestupnostyu_sfere_denezhnogo_obrascheniya.

Информация об авторах

Н. П. Купрешенко — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

В. В. Елизарова — заместитель начальника кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

N. P. Kupreschenko — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

V. V. Elizarova — Deputy Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-293-300>

НИОН: 2003-0059-6/22-536

MOSURED: 77/27-003-2022-06-735

Национальная безопасность государства в сфере цифровой трансформации на базе блокчейн-системы распределенных реестров

Людмила Валерьевна Шманева¹, Ярославна Юрьевна Данилина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ shmaneva_luda@mail.ru

² danilinaaroslavna@gmail.com

Аннотация. Описано применение блокчейн-системы распределенных реестров в сфере национальной безопасности государства на примере кибертерроризма и киберэкстремизма.

Ключевые слова: блокчейн-система, биткоин, кибертерроризм, киберэкстремизм, децентрализация

Для цитирования: Шманева Л. В., Данилина Я. Ю. Национальная безопасность государства в сфере цифровой трансформации на базе блокчейн-системы распределенных реестров // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 293–300. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-293-300>.

Original article

National security of the state in the field of digital transformation based on the blockchain system of distributed registries

Lyudmila V. Shmaneva¹, Yaroslavna Yu. Danilina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ shmaneva_luda@mail.ru

² danilinaaroslavna@gmail.com

Abstract. The application of the blockchain system of distributed registries in the field of national security of the state on the example of cyberterrorism and cyber extremism is described.

Keywords: blockchain system, bitcoin, cyberterrorism, cyber extremism, decentralization

For citation: Shmaneva L. V., Danilina Ya. Yu. National security of the state in the field of digital transformation based on the blockchain system of distributed registries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):293–300. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-293-300>.

Цифровая трансформация определила вектор развития мировой экономики. В цифровое пространство перешло хранение информации, банковские операции, покупки. Одним из инструментов обмена данными является блокчейн в различных ее разновидностях и комбинациях [1]. С точки зрения преобразования ключевых бизнес-процессов и моделей, этот инструмент относится к одной из самых перспективных технологий.

Блокчейн представляет собой последовательную цепь из блоков (кластеров), которая хранит в себе кеш-данные (распределенную базу данных). В первую очередь блокчейн — это прозрачный IT-продукт, обеспечивающий доверие между физическими или юридическими контрагентами, который служит цифровым следом всех транзакций в сети, и доступен для всех пользователей. У каждого узла есть хранилище, в котором хранятся данные, называемые распределенной бухгалтерской книгой,

которая размещается на нескольких узлах. Изменение любой информации в одном из блоков может повлечь за собой изменение всей цепочки.

Блокчейн является перспективным направлением в осуществлении национальной безопасности не только в России, но и в странах как Корея, и США.

Преимущество блокчейна заключается в том, что он может прозрачно и надежно управлять одними и теми же транзакциями, подключая их к самым последним сгенерированным блокам с начала цепочки и совместно используя их со всеми узлами сети. Благодаря этим преимуществам индустрия использует множество фреймворков с открытым исходным кодом для интеграции и применения блокчейна [2].

Блокчейны можно в значительной степени разделить на публичные и частные блокчейны, также известные как блокчейны консорциума, в зависимости от типа уча-

ствия. Публичный блокчейн — это открытый блокчейн, который не имеет ограничений на узлы и децентрализован, где транзакции утверждаются консенсусом. Они отличаются высокой надежностью, поскольку все участники могут генерировать транзакции, участвовать в нотариальном заверении и проходить взаимную проверку всех участников. Кроме того, поскольку детали транзакции открыты для всех участников, все узлы, участвующие в сети, должны проверять и утверждать их. Однако из-за характера этой системы консенсуса трудно расширять сеть, скорость обработки низкая, и очень трудно изменить правила после того, как они были установлены. Блокчейн консорциума — это полуцентрализованный блокчейн, который представляет собой блокчейн, обеспечивающий надежность и расширяющийся за счет соединения разнородных блоков, сгенерированных в разных блокчейнах, путем объединения различных частных блокчейнов [3].

В настоящее время большинство методов хранения и управления большими объемами данных в блокчейне делают это с использованием IPFS (Межпланетная файловая система), которая является автономной технологией. IPFS — это распределенная файловая система, предназначенная для повышения скорости метода повторного запроса / ответа, что является проблемой при традиционном веб-общении по протоколу HTTP. IPFS позволяет обмениваться большими файлами данных с использованием одноранговой связи на узлах без централизованных серверов. В отличие от HTTP Web, IPFS может поддерживать систему с небольшими узлами независимо от того, скомпрометирована система или нет. Более того, поскольку он использует файловую систему, основанную на Merkle DAG [4], его возможности дублирования файлов и поиска быстры. Однако если цепочки блоков и IPFS объединены, производительность системы снижается из-за высокой пропускной способности сети, необходимой для связи между цепочками блоков и IPFS.

Последовательная цепь из блоков имеет свои слабые места. Абсолютный контроль над процессом реализации сделок в блокчейне приобретается из-за полного отсутствия децентрализации реестров. Это происходит в связи с тем, что сосредоточение вычислительных мощностей в рамках замкнутой цепочки превышает более 51 % [5]. Для повышения безопасности и анонимности блокчейн часто используется в теневом интернете анонимное программное обеспечение The Onion Router (TOR), представляющим собой систему прокси-серверов, позволяющих тайно входить в Интернет, сохранять анонимность при посещении сайтов, обмене мгновенными сообщениями, работе с приложениями [6]. IT-продукт востребован в финансовом секторе при создании цифровых валют, совершения транзакций, а также обмена и хранения кеш-информации.

Тотальная цифровизация масштабно влияет на зависимость от информационных технологий, влияющая на возникновение киберпреступности, кибертерроризма, а также киберэкстремизма. Террористические организации активно используют блокчейн и искусственный интеллект в целях осуществления преступных намерений.

Для обмена информацией и безопасной связи используются сервера, на которых распространяются пропаганды, вербовки, развязывания реальной войны. Кибертеррористические атаки направлены на отключение или сбой критически важных систем инфраструктуры.

Чаще всего в теневой сети распространена такая валюта как биткоин. В даркнете за криптовалюту можно купить все, что угодно, от наркотиков, торговли людьми, травли и до террористических компаний. Количество проведенных операций с биткоинами с каждым годом растет, однако более 50 % сделок являются незаконными [7]. Согласно Федеральному закону от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [8] раздел 4 статьи 2 определяет кибератаку как преднамеренное воздействие на объекты стратегической инфраструктуры, используемые для организации взаимодействия с целью прерывания или нарушения работы и создания угрозы безопасности обрабатываемых информационных объектов. Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 194-ФЗ в Уголовный кодекс РФ [9] была введена ст. 274.1, определяющая наказания за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Преступники используют криптовалюту для облегчения преступлений и для того, чтобы избежать обнаружения способами, которые были бы более сложными при использовании фиатной валюты или «реальных денег». Они могут избежать крупных операций с наличными деньгами и снизить риск отслеживания банковских счетов или уведомления банками правительств о подозрительной деятельности. Преступники использовали криптовалюту, часто в больших количествах и передаваемую через международные границы, в качестве нового средства для финансирования преступных деяний, начиная от эксплуатации детей и заканчивая сбором средств для террористов. Криптовалюта также использовалась для оплаты незаконных наркотиков, огнестрельного оружия и инструментов для совершения киберпреступлений, а также для облегчения сложных схем вымогательства и шантажа [10].

Сегодня цифровая криминалистика имеет дело с юридическими доказательствами, оставленными на цифровых носителях. Инструменты цифровой криминалистики ежедневно используются инспекторами и аналитиками в местных, государственных и федеральных правоохранительных органах. Все больше и больше организаций сталкиваются с данными, которые невозможно проанализировать с помощью современных инструментов из-за несовместимости форматов, шифрования или отсутствия профессиональных навыков (образования) [11]. В настоящее время проводится несколько исследований с целью повышения операционной эффективности за счет системного подхода к выражению криминалистических данных и выполнению криминалистических операций.

В Российской Федерации блокчейн-систему на уровне государства стали развивать относительно недавно. Министерством цифрового развития, связи и массовых ком-

муникаций РФ в 2019 г. была предложена дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределённого реестра», которая представляет собой цифровую базу транзакций всех операций, которые одновременно создаются и хранятся, а также обновляются на всех носителях участников системы реестра [12].

Согласно статистическим сведениям ГИАЦ МВД России о сведениях о преступлениях, выявленных субъектами учета за 2021 год (см. табл. 1) [13]:

- В 2021 году было выявлено 168,1 тыс. престу-

плений, связанных с наркотиками, что на 5,2 % меньше, чем в предыдущем году. Сотрудниками органов внутренних дел раскрыто 162,6 тыс. преступлений (-5 %). По сравнению с 2020 годом количество выявленных преступлений с целью сбыта наркотиков и их аналогов снизилось на 8,1 %. Также уменьшился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 59 % в январе–ноябре 2020 года до 58 %;

Таблица 1.

Сведения о преступлениях, выявленных субъектами учета за 2021 год

Наименование преступления	Из них выявлено преступлений сотрудниками					+- в %	Всего
	Следственными органами Следственного комитета РФ		Органами внутренних дел				
	всего	+- в %	Всего	+- в %	уд.вес %		
террористического характера	25	-7,4	1173	-7	58	-7,5	2027
экстремистской направленности	12	50,0	527	13	54	25,4	983
связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или других аналогов	1187	-33,4	162554	-5	97	-5,2	168072
оружия	430	-7,1	20302	-5,0	93	-5	22022
в сфере информационной (компьютерной) безопасности	-	-	5575	58	-	52,0	6140

Источник: статистика ГИАЦ МВД России по форме I-A 2021 [13].

- Общее количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, сократилось на 5 % по сравнению с 2020 годом и составило 22,0 тыс. В январе–ноябре 2021 года было совершено 4,3 тыс. (примерно -10% по сравнению с предыдущим годом) преступлений с применением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывчатых веществ или имитируемых устройств. Также в этот период было зарегистрировано 494,1 тыс. преступлений, совершенных с телекоммуникационных технологий или в цифровой среде передачи информации, что на 7,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений удельный вес увеличился с 24,4 % в 2020 году до 27 %. Большая часть преступлений (98,3 %) выявляются органами внутренних дел (ОВД);
- В 2021 году было зарегистрировано 983 преступления экстремистского характера (+25,4 %) и 2027 преступлений террористической направленности (-8 %). Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера в этом году было совершено 575 (+15,9 %) преступлений, в том числе:
- пресечено на стадии приготовления и покушения — 56 (-15,2 %) — за пределами Российской Федерации — 244 (+73,0 %).

Согласно статистическим сведениям ГИАЦ МВД России о сведениях о преступлениях, выявленных субъектами учета за 2021 год (см. табл. 2) [13]:

- В 2021 году было предварительно расследовано 93,4 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,1 % больше, чем за предыдущий период года. Сотрудниками органов внутренних дел было предварительно раскрыто 89,3 тыс. преступлений (-0,2 %);
- Общее количество раскрытых преступлений, связанных с незаконной торговлей оружием, сократилось на 4,1 % по сравнению с январем–ноябрем 2020 года и составило 15,7 тыс. в 2021 году с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств или имитирующих устройств было совершено 4,3 тыс. преступлений (-10,2 %). Также за этот период было предварительно расследовано 6,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий или в цифровой среде передачи информации, что на 52 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Большая часть преступлений (98,3 %) ранее расследовалась органами внутренних дел (ОВД);
- В 2021 году было предварительно расследовано 948 преступлений террористического характера (18,5 %) и 825 преступления экстремистской направленности (+38 %).

Таблица 2.

Сведения о преступлениях, предварительно расследованных субъектами учета за 2021 год

Наименование преступления	Из них предварительно расследовано преступлений сотрудниками					+- в %	Всего
	Следственными органами Следственного комитета РФ		Органами внутренних дел				
	всего	+- в %	всего	+- в %	уд.вес %		
террористического характера	435	31,0	77	15	8,1	18,5	948
экстремистской направленности	341	59,3	67	24,1	8,1	38,0	825
связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или других аналогов.	3432	10,0	89349	-0,2	95,6	0,1	93424
оружия	951	13	14504	-5,2	92,1	-4,1	15740
в сфере информационной (компьютерной) безопасности	-	-	1407	85	-	52,0	6140

Источник: статистика ГИАЦ МВД России по форме I-A 2021 [13].

Раскрываемость киберпреступлений с каждым годом растет. Это связано с тем, что антитеррористические группы международной ассоциации правоохранительных органов постепенно внедряют и применяют передовые программные инструменты, такие как блокчейн, для прогнозирования и оценки рисков возникновения кибертеррористических атак, и дальнейшей идентификации личности подозреваемых, а также их территориального местоположения для установления контроля над террористическими действиями.

В настоящее время существует возможность модернизировать существующие технологии по противодействию кибертеррористических атак, а также киберпреступлений в зародыше. Используя искусственный интеллект, блокчейн и Big Data, можно создать мощные сервера с секретным доступом для групп международной ассоциации правоохранительных органов для распознавания физических лиц, которые интересуются или только планируют организовать кибертеррористические атаки и в последующем террористические акты.

В Республике Корея процесс уголовного расследования, выполняемый с помощью управления цифровыми доказательствами, состоит из семи этапов: первоначальное расследование, внутреннее расследование, арест, завершение расследования, запрос на анализ, передача цифровых доказательств и документов расследования и судебное разбирательство [14].

Первый шаг, первоначальное расследование, проводится, когда происходит преступление. Это инициируется следственными органами на местах, которые распознают особенности дела.

На втором этапе, внутреннем расследовании, доказательства уголовного преступления собираются путем посещения сайта после выдачи ордера на многообещающего подозреваемого.

На третьем этапе осуществляется процесс ареста преступника.

На четвертом этапе расследование завершается, и

следователи на месте получают фотографии доказательств уголовного преступления.

На пятом этапе собираются уголовные доказательства по делу, и информация о следователе и расследовании регистрируется в Корейской информационной системе служб уголовного правосудия (KICS). Если требуется подробный анализ, запрос отправляется в группу анализа проекта каждого местного полицейского управления, и результаты возвращаются.

На шестом этапе жесткий диск, содержащий исходные доказательства по уголовному делу, документы расследования и результаты анализа доказательств по уголовному делу, отправляется в прокуратуру и записывается в следственные документы для хранения.

На последнем этапе цифровые доказательства, которые были отправлены в прокуратуру и рассмотрены, передаются в суд для использования в качестве доказательств в судебном разбирательстве.

Разрешенный блокчейн-фреймворк для криминалистических приложений подключенных транспортных средств был предложен в Корее [15]. Эта платформа управляет собранными данными, связанными с транспортными средствами, с возможностью доступа к разнобразной информации об автомобилях. LEChain [16] был предложен для управления законным потоком доказательств и всеми судебными данными на основе блокчейнов. LEChain использует случайную подпись, которая анонимно удостоверяет личность свидетелей, чтобы управлять общим потоком доказательств и всеми судебными данными во время сбора доказательств и полицейских расследований, а также для защиты частной жизни свидетелей.

Когда от пользователя поступает письменный запрос, он передает статус всем узлам, чтобы каждый узел сохранял одно и то же состояние. Транзакция в блокчейне означает, что определенное состояние и данные записываются в блокчейн. В настоящее время одним из методов совместного использования одного и того же состояния

для каждой системы, а также заключения контрактов и соглашений является технология блокчейн. Однако в блокчейне, даже если подключено несколько физических компьютеров, вычисления сосредоточены на одном узле, и масштабируемость емкости блока становится проблемой [17; 18]. Каждый уровень иерархического блокчейна поддерживает несколько локальных цепочек блоков, регистрирует локальную транзакционную активность и позволяет поддерживать частичные просмотры различных подмножеств записей блокчейна на следующем уровне блокчейна. Архитектура блокчейна не может быть достаточно масштабирована, чтобы удовлетворить требования крупномасштабного трафика данных. Это связано с тем, что нужно найти баланс между высокой пропускной способностью и обработкой большого количества узлов [19]. Существующие иерархические блокчейн-системы [18; 19], которые подходят для управления данными, состоящими из нескольких терминалов или узлов, таких как устройства Интернета вещей. Однако они не могут поддерживать данные с помощью больших файлов, таких как видеозаписи с доказательствами преступлений [20; 21].

Недавно также были предприняты попытки исследования масштабирования по цепочке, которое записывает данные внутри блокчейна, и методов вне цепочки, которые записывают данные вне блокчейна [22; 23]. Масштабирование по цепочке решает проблему масштабируемости за счет увеличения размера блока блокчейна и также называется методом больших блоков. По мере увеличения размера блока плата в цепочке блоков уменьшается, и мо-

жет быть записан большой объем данных. Однако по мере увеличения емкости блока увеличивается время генерации блока. Это связано с тем, что данные должны обрабатываться только в пределах одного блока, когда транзакция совместно используется в блокчейне и создается блок. Использование больших блоков снижает производительность блокчейн-системы. Автономное масштабирование — это метод хранения данных за пределами блокчейна, и его основная цель — уменьшить объем вводимых данных в блок за счет использования внешней сети и блочного хранилища без увеличения размера самого блока. Другими словами, он управляет данными, храня большие объемы данных во внешнем хранилище и сохраняя эталонные значения данных, информацию о полномочиях доступа и значения ключей в блокчейне. Существуют исследования [24; 25], которые сочетают масштабирование по цепочке и вне цепочки; однако есть проблема *oracle* при импорте внешних данных в блокчейн [26].

Предлагаемая Дон Хе Кимом, Сун Ен Ихмом и Юн-сик Сондоком, двухуровневая блокчейн-система для управления цифровыми доказательствами преступлений позволяет эффективно управлять доказательствами преступлений на двух уровнях, которые включают в себя горячие и холодные блокчейны (рис. 1).

В горячем блокчейне хранится информация о расследовании и идентификационных данных с частыми колебаниями транзакций на протяжении всего процесса уголовного расследования, а в холодном блокчейне хранятся видео с цифровыми доказательствами преступлений, которые не требуют модификации после хранения.

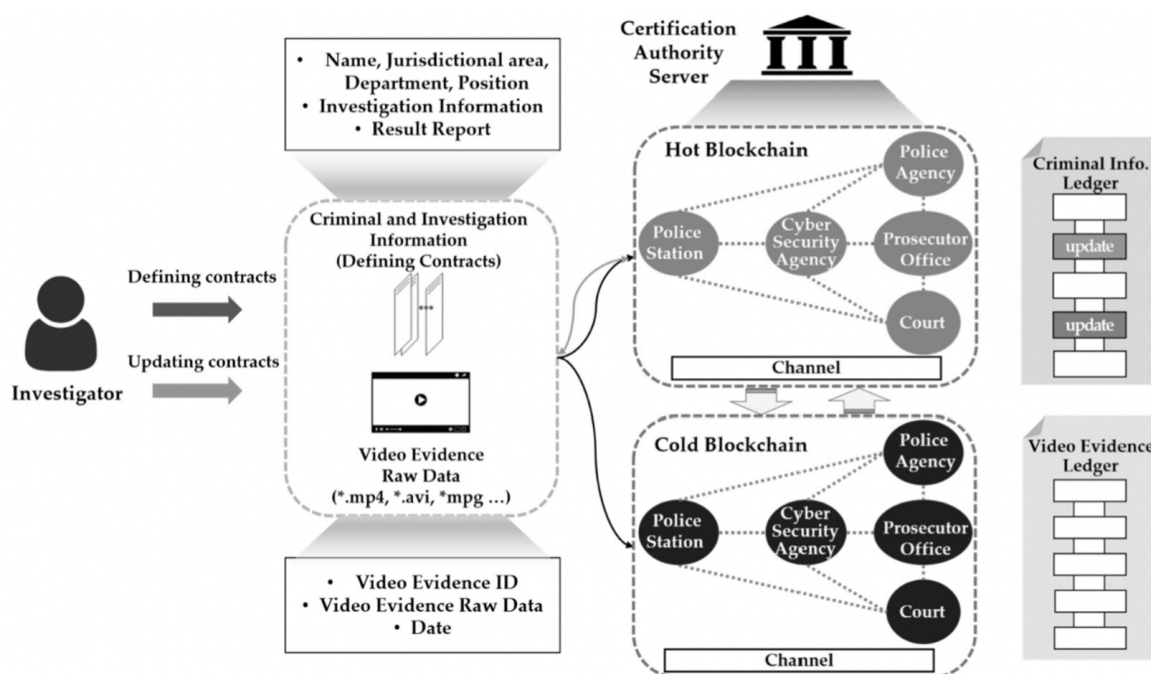

Рис. 1. Двухуровневая блокчейн-система для управления цифровыми доказательствами преступления [14]

Учреждения, соответствующие национальному полицейскому управлению, местному полицейскому управлению, группе киберанализа, прокуратуре и судам, которые являются равноправными участниками канала,

формируют консорциум для участия в каналах блокчейна и обмена информацией о личности и расследовании в горячем блокчейне [27]. При регистрации удостоверения личности сервер аутентификации выдает следователю

на месте закрытый ключ, принадлежащий одноранговому узлу национального полицейского агентства. Пользователи, у которых нет ключей, принадлежащих одноранговому узлу агентства национальной полиции, не могут получить доступ или хранить данные в горячем блокчейне. Транзакции, передаваемые следователем на месте в горячий блокчейн, включают идентификатор, имя, номер социального страхования, отдел, юрисдикцию, дату, информацию о расследовании, и удостоверение личности с доказательствами. Кроме того, только следователи с подтвержденными личными данными и сотрудники судебной системы могут переводить транзакции в цепной код. После доставки транзакции блок, содержащий идентификационную информацию и информацию о расследовании, создается с помощью цепного кода, который представляет собой предварительно определенный исходный код смарт-контракта, и транзакция и блок распространяются среди всех организаций, участвующих в блокчейне [28].

В США технология криптовалют на базе блокчейн играет определенную роль во многих наиболее серьезных угрозах преступности и национальной безопасности. Криптовалюту чаще всего используется для покупки и продажи наркотиков в теневой сети. Террористическое использование криптовалюты все еще развивается, в этой связи кибертеррористические группы запрашивают пожертвования в криптовалюте на миллионы долларов с помощью онлайн-кампаний в даркнете.

Министерство юстиции США отвечает за расследование и судебное преследование преступлений и угроз национальной безопасности, в том числе тех, которым способствует использование криптовалюты. Потребители, инвесторы, финансовые учреждения, выборные должностные лица и другие заинтересованные стороны должны рассматривать будущий путь криптовалют [18].

На сегодняшний день кибератаки влияют на безопасность и легитимность самой криптовалютной экосистемы; только выявив и ответственно решив проблемы, можно снизить риски, связанные с криптовалютой. Как минимум, это означает, что организации, которые используют криптовалюту или на которые она влияет, должны понимать свои юридические обязательства и инвестировать в их выполнение. Например, криптовалютные биржи, в том числе физически расположенные за пределами Соединенных Штатов, должны серьезно относиться к своим правовым и нормативным обязательствам, более подробно рассмотренным ниже, для защиты пользователей и защиты потенциальных доказательств в уголовных расследованиях или расследованиях национальной безопасности [29].

Рекомендуется международной ассоциации правоохранительных органов на базе высших учебных заведений ввести обязательный предмет — цифровое противодействие кибертерроризму. В период обучения курсанты углубленно и в полной мере научиться использовать такие инструменты противодействия кибертерроризму как, блокчейн-система; Big-Data, искусственный интеллект. Это позволит увеличить процент раскрываемости преступлений (террористического характера, экс-

тремисткой направленности, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и других аналогов, оружия, а также в сфере информационной безопасности), так как будущие специалисты, отвечающие за мониторинг переписок, смогут своевременно вычислить местоположение преступника и идентификационные данные, не тратя большого количества времени для ручной сортировки подозреваемых. Ведь именно время влияет на ведение уголовных дел, а также на поиск подозреваемых, которые, вероятно, виновны в осуществлении преступления.

Профессионализм использования и изворотливость кибертеррористов в современных цифровых технологиях требуют от международной ассоциации правоохранительных органов создать уникальные и работающие в реальном времени рычаги противодействия кибертерроризму, которые должны поспособствовать на минимизацию рисков, угроз, а также и ущерббу.

Таким образом, цифровая трансформация для государства позволяет противодействовать кибертерроризму на мировом масштабе. Международная ассоциация правоохранительных органов разрабатывает и уже использует высокотехнологические цифровые механизмы (блокчейн-системы; Big-data; Искусственный интеллект) для улучшения качества расследования преступлений, связанных с защитой национальной безопасности государства.

Список источников / References

1. Галушкин А. А. К вопросу о кибертерроризме и киберпреступности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2014. № 2. С. 44–49. (1. Galushkin A. A. On the issue of cyberterrorism and cybercrime // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series : Legal Sciences. 2014. № 2. P. 44–49.)
2. Albizri A.; Appelbaum D. Trust but Verify : The Oracle Paradox of Blockchain Smart Contracts. J. Inf. Syst. 2021 [CrossRef].
3. Park J.; Kim H.; Kim G.; Ryou J. Smart Contract Data Feed Framework for Privacy-Preserving Oracle System on Blockchain. Computers 2020, 10, 7 [CrossRef].
4. Zamani M.; Movahedi M.; Raykova M. Rapidchain : Scaling blockchain via full sharding. In Proceedings of the ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security, Toronto, ON, Canada, 15–19 October 2018 ; p. 931–948.
5. Allen J. How Blockchain Could Help Fight Cybercrime // URL: <https://techacute.com/how-blockchain-could-help-fight-cybercrime/> (accessed: 05.03.2022).
6. Malik N. How Criminals And Terrorists Use Cryptocurrency : And How To Stop It //URL: <https://www.google.ru/search?ie=UTF-8&hl=ru&q=blockchain%20against%20cyberterrorism%20and%20cyber-extremism> (accessed: 05.03.2022).
7. Allman K. The dark side of the Bitcoin // Law Society of NSW Journal. Iss. 42 (Mar 2018). URL: <https://www.informit.com.au/document-Summary;dn=436097450333633;res=IELHSS> (accessed: 05.03.2022).
8. Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной ин-

фраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4736. (8. Federal Law of 26.07.2017 № 187-FZ «On the security of critical information infrastructure of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2017 № 31 (Part I), Art. 4736.)

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996. (9. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 02.08.2019) // Rossiyskaya Gazeta, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.)

10. Zheng Z.; Xie S.; Dai H. N.; Chen X.; Wang H. Blockchain challenges and opportunities : A survey. Int. J. Web Grid Serv. 2018, 14, 352–375 [CrossRef].

11. Garfinkel S. L. Digital forensics research : The next 10 years. Digit. Investig. 2010, 7, S64–S73 [CrossRef].

12. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределённого реестра» от 10 октября 2019 // Официальный интернет-портал Министерства цифрового развития связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019srr.pdf> (дата обращения 11.03.2022). (12. Roadmap for the development of «end-to-end» digital technology «Distributed Registry System» dated October 10, 2019 // Official Internet portal of the Ministry of Digital Development of Communications and Mass Communications of the Russian Federation. [Electronic resource]: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019srr.pdf> (accessed 11.03.2022).)

13. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2021 года // 2022. № 1. С. 17–20. (13. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FKU «Main Information and Analytical Center» // State of crime in Russia for January–November 2021 // 2022 № 1. P. 17–20.)

14. Police Agency in Korea Police. White Paper : A Society Safe from Crime ; Korean National Police Agency : Seoul, Korea, 2019 ; p. 232.

15. Cebe M.; Erdin E.; Akkaya K.; Aksu H.; Uluagac S. Block4Forensic : An Integrated Lightweight Blockchain Framework for Forensics Applications of Connected Vehicles. IEEE Commun. Mag. 2018, 56, 50–57 [CrossRef].

16. Li M.; Lal C.; Conti M.; Hu D. LEChain : A blockchain-based lawful evidence management scheme for digital forensics. Future Gener. Comput. Syst. 2021, 115, 406–420 [CrossRef].

17. Gursoy G.; Barnnon C.; Wanger S.; Gerstein M. Storing and analyzing a genome on a blockchain. bioRxiv 2020 [CrossRef].

18. United States Department of Justice Office of the Deputy Attorney General Cyber-Digital Task Force 950 Pennsylvania Avenue, N.W. Washington, D.C. 20530 C 10–15. October 2020 // URL: <https://www.justice.gov/cryptoreport>.

19. Blockchain Technology in the fight against Cybercrime / DISINI & DISINI // URL: <https://privacy.com.ph/dndfeature/blockchain-technology-in-the-fight-against-cybercrime/> (дата обращения: 05.03.2022).

20. Rubin J.; Naik M.; Subramanian N. Merkelized Abstract Syntax Trees. Available online : <http://www.mit.edu/~jlrubin/public/pdfs/858report.pdf> (accessed on 27 April 2021).

21. Nyalety E.; Parizi R. M.; Zhang Q.; Choo K.-K. R. BlockIPFS — Blockchain-Enabled Interplanetary File System for Forensic and Trusted Data Traceability. In Proceedings of the 2019 IEEE International Conference on Blockchain (Blockchain), Atlanta, GA, USA, 14–17 July 2019 ; p. 18–25.

22. Oktian Y. E.; Lee S.-G.; Lee H. J. Hierarchical Multi-Blockchain Architecture for Scalable Internet of Things Environment. Electronics 2020, 9, 1050 [CrossRef].

23. Sahoo S.; Fajge A. M.; Halder R.; Cortesi A. A Hierarchical and Abstraction-Based Blockchain Model. Appl. Sci. 2019, 9, 2343 [CrossRef].

24. Ma M.; Shi G.; Li F. Privacy-Oriented Blockchain-Based Distributed Key Management Architecture for Hierarchical Access Control in the IoT Scenario. IEEE Access 2019, 7, 34045–34059 [CrossRef].

25. Li C.; Zhang L.-J. A Blockchain Based New Secure Multi-Layer Network Model for Internet of Things. In Proceedings of the 2017 IEEE International Congress on Internet of Things (ICIOT), Honolulu, HI, USA, 25–30 June 2017 ; p. 33–41 [CrossRef].

26. Mielberg E. L. Blockchain Remedy or Poison. OSF Preprints 2019.

27. Kuo T.-T.; Kim H.-E.; Ohno-Machado L. Blockchain distributed ledger technologies for biomedical and health care applications. J. Am. Med. Inform. Assoc. 2017, 24, 1211–1220 [CrossRef] [PubMed].

28. Ким Д.; ИХМ С.-Ю.; Сон Ю. Двухуровневая блокчейн-система для управления цифровыми доказательствами преступлений. Датчики 2021, 21, 3051. <https://doi.org/10.3390/s21093051> (Sensors 2021, 21, 3051. <https://doi.org/10.3390/s21093051>). (28. Kim, D.; Ihm, S.-Yu.; Son, Yu. A two-level blockchain system for managing digital evidence of crimes. Sensors 2021, 21, 3051. <https://doi.org/10.3390/s21093051> (Sensors 2021, 21, 3051. <https://doi.org/10.3390/s21093051>).)

29. Антонян Е. А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. (29. Antonyan E. A., Aminov I. I. Blockchain technology in countering cyber terrorism // Actual Problems of Russian Law. 2019.)

Информация об авторах

Л. В. Шманева — заместитель начальника Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя по заочному обучению, кандидат философских наук, доцент;

Я. Ю. Данилина — полицейский комендантского отделения, студентка 6 курса ЗНБ Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

L. V. Shmaneva — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot' for distance learning, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor;

Ya. Yu. Danilina — Police officer of the Commandant's Department, Student of the 6th year of the ZNB of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-301-307>

НИОН: 2003-0059-6/22-537

MOSURED: 77/27-003-2022-06-736

Личностный эгоцентризм как условие развития нравственных качеств курсантов

Вера Алексеевна Балашова¹, Олег Геннадиевич Кравцов², Владимир Федорович Родин³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² kravtsovog@gmail.com

³ akademikvrodin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается эгоцентрическая направленность курсантов полиции как психологическое условие развития нравственных качеств. По мнению авторов, нравственные качества курсантов играют большую роль в профессиональной деятельности сотрудника полиции. Они не только важны как элемент социального позиционирования в профессиональных ситуациях, но и влияют на формирование у граждан позитивного образа сотрудников полиции в целом. Авторы отмечают, что эгоцентрическую направленность нельзя путать с эгоцентризмом или эгоизмом. Такая направленность отражает интерес человека к собственной персоне и выраженную ценность своей личности. В статье приводятся результаты эмпирического исследования выраженности эгоцентрической направленности у курсантов и сформированности нравственных качеств на примере решения дилемм. По результатам исследования выявлено статистически значимое соотношение между этими факторами. Авторы приходят к выводу, что умеренная выраженность эгоцентрической направленности является важным психологическим условием развития нравственных качеств у курсантов.

Ключевые слова: личность, профессиональная деятельность, профессиональное поведение, профессиональное общение, эгоцентризм, нравственные качества, система ценностей, моральный облик, профессиональная подготовка сотрудников полиции

Для цитирования: Балашова В. А., Кравцов О. Г., Родин В. Ф. Личностный эгоцентризм как условие развития нравственных качеств курсантов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 301–307. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-301-307>.

Original article

Personal egocentrism as a condition for the development of moral qualities of cadets

Vera A. Balashova¹, Oleg G. Kravtsov², Vladimir F. Rodin³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² kravtsovog@gmail.com

³ akademikvrodin@mail.ru

Abstract. The egocentric orientation of police cadets as a psychological condition for the development of moral qualities is considered. According to the authors, the moral qualities of cadets play an important role in the professional activity of a police officer. They are not only important as an element of social positioning in professional situations, but also influence the formation of a positive image of police officers in general among citizens. The authors note that egocentric orientation should not be confused with egocentrism or egoism. This orientation reflects a person's interest in his own person and the expressed value of his personality. The article presents the results of an empirical study of the expression of egocentric orientation in cadets and the formation of moral qualities by the example of solving dilemmas. According to the results of the study, a statistically significant correlation between these factors was revealed. The authors come to the conclusion that moderate expression of egocentric orientation is an important psychological condition for the development of moral qualities in cadets.

Keywords: personality, professional activity, professional behavior, professional communication, egocentrism, moral qualities, value system, moral character, professional training of police officers

For citation: Balashova V. A., Kravtsov O. G., Rodin V. F. Personal egocentrism as a condition for the development of moral qualities of cadets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):301–307. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-301-307>.

© Балашова В. А., Кравцов О. Г., Родин В. Ф., 2022

Очевидно, что деятельность сотрудника полиции обладает социальной значимостью, а его профессиональное общение и поведение отличает формализованный характер, в соответствии с которым ему необходимо позиционировать себя как должностное лицо. При этом актуальным является не только наличие у сотрудника полиции профессиональных и личностных качеств, но и моральный облик, соответствующий устоявшимся в обществе представлениям о данной профессии. Поэтому, когда речь идет о деятельности сотрудника полиции, следует отмечать не только ее служебный, но, прежде всего, профессионально-нравственный аспект.

Профессиональная деятельность сотрудника полиции имеет ряд особенностей, выявляющих наличие в ней правового, социального, психологического и этического аспекта. Профессия полицейского по функциональной значимости относится к системе «человек–право». При этом объектом труда в ней является человек, а именно личность, которая может быть законопослушной, асоциальной, криминальной и т. д.

Высокие требования к личности сотрудника полиции, детерминированные наличием властных полномочий, формализованным характером профессионального общения, регламентированностью профессионального поведения, проецируются на его моральный облик не только как должностного, но и частного лица.

В большинстве современных культур, в том числе и российской, выражено проявление индивидуализма. Однако, современные реалии не исключают оценки со стороны общества, так как происходящие в социальном мире события, также как и раньше, подлежат когнитивно-аффективной оценке, изменению подлежат ее критерии и их строгость. Люди в одно и то же время могут испытывать положительную и негативную реакцию по отношению к другим, ...переживая в результате психологический конфликт [1]

Профессиональная деятельность сотрудника полиции является открытой для общественного мнения (та часть, которая связана с профессиональным поведением). Кроме того, специфика содержания самой деятельности, ее психологические особенности, наличие высоких требований к личности сотрудника полиции и высокий уровень персональной ответственности, актуализируют роль сплоченности, взаимопомощи и взаимной поддержки. Следовательно, в данных условиях служебной деятельности в определенной степени находит свое проявление коллективизм. Поэтому будущим сотрудникам полиции необходимо понимать, что организационная культура правоохранительных органов может обладать отличительными особенностями от общей, и быть ориентированными на внутриорганизационную и внеорганизационную оценку профессиональной деятельности, поведения и общения с целью создания положительного образа сотрудника полиции.

Для сотрудника полиции Кодекс чести (сегодня используют формулировку «Кодекс профессиональной этики») является основополагающим фактором в формировании его профессионального поведения. Законодательно закреплены основные принципы профессиональной деятельности сотрудника полиции: законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, беспристрастность, открытость и публичность, доверие

и поддержка граждан. Таким образом, для сотрудника полиции такие этические категории как честь и достоинство являются непосредственно значимыми в его профессиональной деятельности. Кроме того, поведение сотрудника полиции оценивается не только с точки зрения профессионального аспекта, так как оценке подлежат не только профессионально значимые (деловые), но и личностные качества. Моральный облик сотрудника полиции складывается на основании оценки его профессионального поведения и поведения за пределами службы. Отсюда выраженные материальные потребности, признаки аддикции и нравственной неустойчивости могут опорочить моральный облик не только отдельного сотрудника, но и повлиять на престижность профессии полицейского в целом.

Несмотря на происходящие в современном обществе трансформации, затрагивающие, в том числе, и этический аспект, нравственность остается важным регулятором общественных отношений. В отношении сотрудника полиции у общества существует система ожиданий, которая является системой оценки эффективности его профессиональной деятельности. Возлагаемые на сотрудника полиции профессиональные обязанности, связанные с защитой прав и свобод личности, интересов общества, суверенитета государства, актуализируют высокое развитие нравственных качеств личности.

В связи с обсужденным выше, авторами было проведено исследование, направленное на определение эгоцентризма и особенностей нравственных качеств курсантов. Учитывая, что сотрудник полиции должен осознавать существующие в отношении него общественные представления, ожидания и требования, на первоначальном этапе исследования были изучены особенности понимания семантики распространенных выражений, отражающих морально-нравственные суждения (таких как: «Простота хуже воровства», «Береги платье снову, а честь смолоду», «Время разбрасывать камни и время камни собирать» и т. д.). Анализ полученных ответов, позволил отметить, что испытуемых характеризует: когнитивная сложность; четкое осознание профессионально-этического аспекта и конструктивно-организационного компонента деятельности; частичное осознание роли общественного мнения в оценке социальных событий; влияние возрастных особенностей и жизненного опыта на проявление предупредительных мер. Было отмечено, что осознание курсантами значения предъявляемых нравственно-этических требований и необходимости их соблюдения в рамках профессиональной деятельности, поведения и общения в большей степени является результатом просветительской деятельности, реализуемой в рамках профессиональной подготовки. При этом, ими допускается роль общественного мнения как оценивающего фактора, однако влияние возрастных психологических особенностей и недостаток жизненного опыта, не позволяет его выбирать как ориентир для формирования поведенческой модели.

Как показывает современная социальная психология, морально-правовые суждения являются следствием определенной направленности личности. Наиболее рельефно это проявляется в крайних случаях, например с «просоциальной» и «антисоциальной» направленностями. Так сама по себе антисоциальная направленность

личности отражает стремление человека противодействовать социуму и устоявшимся в нем ценностям и нормам поведения. Это направленность предполагает выстраивание идентичности личности исходя из отвержения, и противопоставления себя нормативным социальным группам. И в соответствии с этой позицией человек формулирует свои морально-правовые суждения. Которые в свою очередь служат инструментальной цели оправдать и осмыслить такую направленность личности. То есть благодаря морально-правовым суждениям человек может объяснить себе и окружающим, почему он выбирает асоциальный путь и чем подкрепляет свои устремления.

Похожим образом выглядит ситуация с просоциальной направленностью личности. Эта направленность предполагает, что человек, наоборот, ориентирован на общество и поддержку социальных норм и ценностей. Человек с такой направленностью склонен посвящать себя обществу и задачам коллектива, отстаивать общественные интересы. И в соответствии с этой направленностью личности формируются соответствующие морально-правовые суждения. Эти суждения также как и в первом случае отражают осознанную позицию человека, то почему он выбирает для себя такой путь. Благодаря этим суждениям его усилия и иногда даже жертвы в пользу социума приобретают смысл и отражают его целостные представления об окружающем мире.

Мы кратко рассмотрели просоциальную и антисоциальную направленности просто как пример связи между морально-правовыми суждениями и направленностью личности. Понятно, что это разделение не применимо к курсантам полиции из различных стран. Курсантов тщательно отбирают и воспитывают в них просоциальную направленность, отвечающую идеалам служения обществу и гражданам. И это не просто вопрос благонадежности. Только просоциальная направленность личности позволяет курсантам справляться с многочисленными тяготами и сложностями, с которым им приходится сталкиваться в ходе службы. Сотрудники полиции в профессиональной деятельности часто сталкиваются с обратной стороной социума и видят много ужасных вещей связанных с поведением других людей. Это может сильно ударить по их желанию помогать другим и тем более защищать их. И только сотрудники по личностным убеждениям, верящие в ценности общества и гуманизма могут справиться с этой ситуацией. Психологически принять и пережить все эти трудности и, в конечном счете, не деформироваться личностно и остаться самим собой.

В данном исследовании была рассмотрена направленность личности, называемая «эгоцентризмом» [2; 3]. У этой направленности нет строгой оппозиции и обычно психологи говорят о степени ее выраженности. То есть то, насколько человек склонен брать за точку отсчета собственную личность и свои интересы. Психологическое содержание этой направленности требует особого научного уточнения, так как может быть спутано с похожими психологическими концепциями.

Эгоцентрическая направленность личности касается в большей степени не особенностей мышления или вынесения суждений, а социального аспекта отношений. Эгоцентрическая направленность личности это как бы субъективная ценность собственных интересов для че-

ловека. Чем выше эгоцентрическая направленность, тем более человек склонен рассматривать ситуации с точки зрения собственной выгоды или рисков для самого себя. Это не означает, что они не понимают или не хотят понимать позиций других людей. Но предположительно в ситуациях сложного выбора или моральных дилемм такой человек более вероятно будет делать выбор в пользу более выгодных для самого себе решений, а не в пользу интересов другого человека или социума. Иными словами, эгоцентрическая направленность личности — это, в большей степени, ценностная позиция заинтересованности человека в самом себе.

В этом контексте эгоцентрическую направленность личности можно перепутать с эгоизмом. И в определенном смысле слова некоторая схожесть действительно прослеживается. Но, на самом деле, это не так и здесь также важно сделать некоторые оговорки. Эгоизм — это негативная личностная черта, выражающаяся в том, что человек стремится в различных социальных ситуациях получать больше и лучше, чем другие, ревностно отстаивает собственные интересы, часто пренебрегая или даже умышленно нарушая интересы других. Эгоизм в психологии понимается как черта характера. И, как правило, эгоизм связан с особенностями воспитания человека. Проще говоря, эгоизм следствие плохого педагогического и морально-нравственного развития человека.

Эгоцентрическая направленность личности выражается несколько иначе. Она отражает субъективную значимость самого себя и своих интересов для человека. Эта направленность вовсе не означает, что человек проявляет эгоизм. Он не пытается за счет других или, обесценивая их интересы, преследовать собственную выгоду. Но, сталкиваясь с ситуацией социального выбора, человек с эгоцентрической направленностью хорошо понимает, в чем его собственный интерес, и как устроена его позиция. Он не склонен считать ее сверхценной и приоритетной по отношению ко всем другим. Но тщательно соизмеряет ее со всеми иными аспектами социальной ситуации [4].

Так при сильно выраженной эгоцентрической направленности личности человек может вести себя как эгоист. Он существенно переоценивает значимость собственных интересов и своей позиции, нередко в ущерб интересам других. Хотя за этим стоит не сам по себе эгоизм, а рациональный расчет, в котором участвуют сверхценные и значимые для человека компоненты в виде собственных интересов, внешне поведение такого человек может быть очень похоже на следствие дурного воспитания.

Обратная ситуация, когда эгоцентрическая направленность выражена очень слабо также является негативной ситуацией. В этом случае у человека как бы нет своей собственно позиции. Он легко растворяется в социальной ситуации и забывает про собственные интересы взгляды и мнение. Говоря о работе сотрудника полиции, можно представить себе ситуацию общения с преступником. Последний объясняет свою позицию, приводит все возможные аргументы, объясняя, почему он так поступил и не мог поступить иначе. Активно призывает к пониманию его позиции и его видения ситуации, стремится добиться эмоционального сопереживания и сочувствия от сотрудника полиции. И в этой ситуации сотрудник полиции, не

обладающей собственной четкой позицией, забывающий о чужих интересах и плохо осознающий свое собственное мнение может поддаться такому влиянию. То есть он может оказаться более ситуативным и поддающимся влиянию, чем этого требует от него его профессиональная позиция и стоящие перед ним служебные задачи.

В этом отношении неправильно понимать эгоцентрическую направленность личности как однозначно положительное или отрицательное явление. Такая направленность отражает специфику выстраивания морально-правовых суждений сотрудников полиции. И благодаря пониманию психологических особенностей направленности личности можно сделать вывод относительно сути и значения самих морально-правовых суждений сотрудников полиции.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе психологического значения эгоцентрической направленности для сотрудников полиции. На наш взгляд, она имеет непосредственно значение для выполнения сотрудниками полиции своих должностных обязанностей. Как пишут авторы методики на выявление эгоцентрической направленности, если эта особенность выражена ярко это способствует конфликтности личности. Люди с высоким индексом эгоцентрической направленности склонны хуже понимать других, недоучитывают их позицию и интересы. Даже склонны к искажению смыслового содержания высказывания партнера по общению, так как как бы судят о других людях по самим себе. Все это ведет к многочисленным трениям с собеседниками, развитию коммуникативных барьеров понимания, и в целом не способствует эффективной коммуникации.

Все эти особенности людей с высокой эгоцентрической направленностью уже плохо вписываются в требования к профессиональной деятельности сотрудников полиции. Выполнение служебных задач обычно связывают с так называемой широкой коммуникативностью сотрудников полиции. То есть умения выстраивать общение с различными партнерами в разных ситуациях, не конфликтный характер и умение адекватно, объективно оценивать партнера. Понятно, что эгоцентрическая направленность личности не является в этом плане непреодолимым препятствием. То есть нельзя сказать, что люди с такой направленностью не смогут выполнять функции сотрудника полиции. Но если эта направленность выражена очень ярко это может вызывать определенные психологические трудности и стать своего рода психологическим «противопоказанием» для несения службы.

Подобная эгоцентрическая направленность приводит в морально-правовых суждениях к прагматизму, и некоторых случаях к цинизму. Речь идет о таких моральных искажениях, когда человек исходит только из логики преимуществ и недостатков, не беря в расчет духовную сторону вопроса. Это приводит к неверному пониманию гуманистических идеалов и плохо совместимо с профессиональной задачей служения и защиты граждан. Такое поведение для сотрудника полиции является недопустимым.

Для изучения эгоцентрической направленности у сотрудников полиции из различных стран нами была использована методика «Диагностика эгоцентризма как свойства и состояния личности» Шустровой Т. в адаптации Пашуковой Т. И. [5, с. 29–31]. Эта проективная методика, позволяющая выявлять бессознательную состав-

ляющую направленности личности. Методика состоит из 40 неоконченных предложений, предлагаемых респондентам для завершения, представляют собой обыденные речевые обороты. Эти обороты подобраны таким образом, чтобы они в максимальной степени были открыты для проекции заполняющего [6]. Проще говоря, продолжения у этой начальных слов может быть каким угодно. Например: «1. В такой ситуации...», «11. Самое важное то, что...», «16. Придет такой день, когда...». Основная идея методики заключается в том, что люди с эгоцентрической направленностью личности при подобных открытых проекциях выбирают речевые обороты, так или иначе связанные с их эго. То есть все ответы на подобные предложения будут, так или иначе, касаться их личности в этой ситуации. Причем людям с высоким индексом эгоцентрической направленности это не кажется странным или привлекающим внимание. Одним из следствий эгоцентрической направленности является то, что они сами не замечают, как часто много помещают самих себя в центре всех событий и социальных ситуаций.

При обработке ответов подсчитывались предложения, которые содержали прямое указание на личность самого заполняющего тест. Для объективизации подсчета используется несколько объективных лингвистических индикаторов. Во-первых, к таким ответам относятся предложения содержащие личные местоимения: «я», «мне», «мое», «мною», «моих» и т. п. То есть в этих предложениях респондент напрямую отмечает, что описанная им ситуация касается его напрямую. Кроме того, сюда же относятся предложения, где местоимение опущено или предложение не раскрыто (усеченная разговорная форма). Во-вторых, к таким ответам, указывающим на эгоцентризм, относились такие, где нет местоимения, но оно подразумевается, на что указывает глагол в первом лице единственного числе. Такие ответы респондентов расцениваются как свидетельствующие о фокусировке индивида на самом себе, своих мыслях, чувствах и эмоциональных состояниях. Очень важно, что оценка каждого ответа на предмет отнесения его к эгоцентрическим высказываниям или нет, носила не субъективный оценочный характер, а была объективизирована через вполне четкие лингвистические критерии оценки ответов [7, с. 78–80].

Соответственно по каждому респонденту подсчитывалось количество ответов от общего числа, которые соответствовали указанным критериям. Это количество условных баллов и соответствует индексу эгоцентризма.

На основании полученных результатов курсанты проявляют достаточный уровень эгоцентрической направленности, чтобы справляться с профессиональными задачами. То есть у испытуемых отмечена нормальная направленность на «эго», которая является оптимальной для службы в полиции. Другими словами, они готовы проявлять необходимое количество персональной ответственности и выполнять служебные обязанности, не преследуя при этом личные интересы.

Обнаруженный уровень эгоцентрической направленности у курсантов можно связать с влиянием выбранной ими профессии. Это также показывает, что профессиональное обучение включает в себя не только приобретение курсантами профессиональных знаний и умений, но также и развитие определенного склада личности, под-

ходящего под профессию.

В отличие от некоторых других профессий в профессии полицейского существует ненормированный характер профессиональной деятельности, иными словами, полицейский всегда должен быть готов явиться на службу, независимо от личных планов. Это формирует определенный динамический стереотип поведения личности, связанный с ответственностью, исполнительностью, обязательностью, готовностью к действию, чувством долга. Известны нередкие случаи, когда сотрудник (курсант) полиции, не находящийся при исполнении служебных обязанностей, оказывал помощь людям в ситуациях, связанных с правонарушением, преступлением, экстремальным и чрезвычайным характером.

Вспоминая принцип психологии о единстве сознания и деятельности, можно отметить, что профессиональная деятельность, направленная на охрану правовой системы общества, формирует поведение личности, ориентированное на защиту норм общества, соблюдение порядка в общественных отношениях, урегулирование и разрешение опасных ситуаций.

В связи с этим, возникает вопрос об особенностях решения полицейским ситуаций социального взаимодействия, отражающих наличие морально-нравственной дилеммы. Если исходить из соотношения морали и права, то можно заключить, что право — это отражение или закрепление моральных норм в нормативно-правовых актах. Известные религиозные заповеди «не убей», «не укради» и т. д. зафиксированы в уголовном кодексе, в котором четко прописаны правовые последствия для личности, преступившей их. Сотрудник полиции в рамках профессиональной деятельности, профессионального поведения и общения должен строго руководствоваться правовыми нормами, закрепленными в законодательстве. Становится интересным выбор личности полицейского в иных ситуациях, имеющих проблемный характер, с точки зрения этического и нравственного аспекта.

В целях изучения данного вопроса курсантам было предложено изучить различные ситуации социального взаимодействия и выбрать наиболее приемлемый для них вариант поведения. Примеры ситуаций:

Вы увидели, как в общественном транспорте (в автобусе, в вагоне метро и т.д.) группа из 4-х несовершеннолетних в возрасте 14–16-ти лет пристаёт к пожилому мужчине: насмеваются над ним, хватают за одежду. В ответ пожилой мужчина возмущается, ругает подростков, требует прекратить подобное поведение в его сторону. Как Вы поступите?

А) Делаю вид, что ничего не замечаю, этот пожилой мужчина не имеет ко мне никакого отношения;

Б) Делаю вид, что ничего не замечаю из-за страха, что, заступившись за пожилого мужчину, подростки переклучатся на меня;

В) Привлекаю внимание остальных пассажиров к поведению подростков и прошу их помочь мне справиться с несовершеннолетними;

Г) Сообщаю водителю/машинисту о происходящем и прошу вызвать сотрудников полиции;

Д) Наблюдаю за происходящим в стороне, если ситуация перейдет в избиение пожилого мужчины сразу же вмешиваюсь, заступаюсь за него.

Е) Сразу же заступаюсь за пожилого мужчину, не

думая о последствиях для себя, потому что это не допустимо.

Вы находитесь в кафе быстрого питания, в котором много народу, свободных столиков мало. Только что освободившийся соседний столик рядом с Вами занимает мама вместе с ребенком (девочкой на вид лет 5-ти). При этом женщина говорит ребенку: «Посиди здесь, никуда не уходи, а я сейчас куплю нам поесть и приду!» Женщина уходит в ту сторону, где выдают заказы (достаточно удаленно от столика, за которым сидит ее дочь). Через пару минут к девочке подходит мужчина в возрасте 30–35-ти лет и говорит ей: «Привет! Твоя мама заняла другой столик. Она просила меня тебя к ней привести. Пойдем со мной, я тебе покажу, где твоя мама». Как Вы поступите в этой ситуации?

А) Буду наблюдать за тем, куда мужчина отправится с девочкой, вдруг, он правда знает ее маму.

Б) Буду наблюдать Буду наблюдать за тем, куда мужчина отправится с девочкой, чтобы потом рассказать об этом матери девочки.

В) Побегу искать мать девочки, чтобы сказать ей, что к ее дочери подошел мужчина, который хочет ее увести.

Г) Подойду к мужчине и спрошу, кем он приходит к девочке. Если он скажет, что ее родственник и убедит меня в этом, то позволю ему увести девочку с собой.

Д) Подойду к мужчине и скажу, что девочка никуда с ним не пойдет, пока не появится ее мать, так как та просила ее ждать здесь.

Предложенные ситуации имеют определенный проблемный характер, связанный с наличием социального или психического напряжения, фактора угрозы, опасности и риска для отдельной личности или общества; провокационным элементом и трудностью выбора поведения, отягощенной субъективной или социальной значимостью.

На основании полученных результатов исследования, направленного на выявление особенностей решения морально-нравственных дилемм курсантами, можно отметить следующее:

Курсанты продемонстрировали приверженность к институту семьи как традиционной ценности, неприемлемость с нарушением морально-нравственных норм в супружеских отношениях и готовность противоборствовать этому; активную поведенческую позицию по защите прав лица, с которым сформирована и установлена психологическая связь. Данные курсанты обладают социальной зрелостью, активной социальной позицией, руководствуются принципом самостоятельности при реализации жизнедеятельности, ориентированы на правовое урегулирование социальной ситуации. Курсанты проявили решительность и наступательную активность в ситуациях, связанных с обеспечением безопасности личности, психологическую готовность к непосредственному столкновению с правонарушителем/преступником, при этом большинству из них свойственна высокая склонность к риску.

Курсантам характерна высокая уверенность в правильности выбора варианта поведения, что может быть объяснено их стремлением к самореализации и проявлению себя, недостатком жизненного и профессионального опыта. Однако, такая особенность поведения в от-

дельных случаях может привести к совершению ошибок. Кроме того, некоторая часть данных респондентов продемонстрировала социальную отчужденность, которая, с одной стороны, детерминирована недостатком жизненного опыта и связанным с ним кругом функций (например, на данный момент отсутствует социальная роль «родителя»), а с другой стороны, изменением отдельных свойств и качеств личности (например, проявление повышенной подозрительности), что уже означает начало профессионально-нравственной деформации на этапе профессиональной подготовки.

На основании этого, следует отметить, что в большинстве случаев респонденты способны адекватно оценить условия и обстоятельства социальной ситуации, в том числе выявить факторы опасности, провокации и риска и готовы действовать самостоятельно с привлечением по необходимости дополнительных ресурсов.

Обобщая результаты проведенного исследования, стоит отметить, что курсанты продемонстрировали преобладание умеренного индивидуализма; осознание роли нравственно-этических требований в общественных отношениях и необходимость их соблюдения в контексте профессиональной деятельности, профессионального поведения и общения; когнитивную сложность, что позволяет им в дальнейшем развивать и совершенствовать познавательные способности; осознание общественного мнения в качестве оценивающего фактора, при этом они не руководствуются им как ориентиром при формировании модели поведения, что обусловлено возрастными особенностями и недостаточным жизненным опытом.

В заключение можно резюмировать, что по результатам эмпирического исследования параметра эгоцентрической направленности у курсантов не было выявлено ярко выраженной эгоцентрической доминанты. То есть курсантам соответствует именно умеренная эгоцентрическая направленность. Но даже в рамках этой нормы, существует свой разброс полученных значений. В рамках этого разброса, при решении дилемм, сложных социальных ситуаций наиболее «правильные» решения предлагают курсанты именно со средними показателями эгоцентрической направленности. Это позволяет сделать вывод относительно того, что именно это психологическое качество курсантов обеспечивает им необходимую базу для развития необходимых нравственных качеств.

Для проверки строгих научных гипотез в этом отношении требуется проведение значительно более сложных исследовательских процедур и разработки качественных и количественных показателей оценки данных. Однако проведенное исследование на уровне тенденции позволяет говорить о наличии связи между эгоцентрической направленностью и нравственной сферой личности. Это само по себе задает очень важный дискурс исследованиям, связанным с подготовкой будущих сотрудников полиции.

Список источников

1. Булгаков А. В. Индекс человечности в организации: обоснование, измерение, применение // *Организационная психология*. 2020. Т. 10. № 3. С. 8–37.
2. Пашукова Т. И. Эгоцентризм : феноменология, закономерности формирования и коррекции. Кировоград, 2001.
3. Szustrowa T. Test of Egocentric Association (TES) // *Polish Psychological Bulletin*. 1976. V. 7. № 4.

4. Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А. А. Бодалева. 2011.

5. Диагностика личностного эгоцентризма / Фетишкин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

6. Пашукова Т. И. Методические рекомендации по диагностике эгоцентризма у подростков и старших школьников для студентов-практикантов педагогических институтов. Кировоград, 1987.

7. Корчуганова И. П. Профессиональное развитие и поддержка педагогов, работающих с детьми группы риска (Методическое пособие). Под науч. ред. профессора С. А. Лисицына, С. В. Тарасова. СПб : ЛОИРО, 2006. 172 с.

References

1. Bulgakov A.V. Index of humanity in the organization: justification, measurement, application // *Organizational psychology*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 8–37.
2. Pashukova T. I. Egocentrism: phenomenology, patterns of formation and correction. Kirovograd, 2001.
3. Szustrowa T. Test of Egocentric Association (TES) // *Polish Psychological Bulletin*. 1976. V. 7. № 4.
4. Psychology of communication. Encyclopedic dictionary. Under the general editorship of A. A. Bodalev. 2011.
5. Diagnostics of personal egocentrism / Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. M., 2002.
6. Pashukova T. I. Methodological recommendations for the diagnosis of egocentrism in adolescents and high school students for students-trainees of pedagogical institutes. Kirovograd, 1987.
7. Korchuganova I. P. Professional development and support of teachers working with children at risk (Methodological guide). Under the scientific editorship of Professor S. A. Lisitsyn, S. V. Tarasov. St. Petersburg : LOIRO, 2006. 172 p.

Библиографический список

1. Бобнева М. И. Нормы общения и внутренний мир личности // *Социальная психология в трудах отечественных психологов* / Сост. и общая редакция А. Л. Свенцицкого. СПб : Питер, 2007. С. 339–362.
2. Воловикова М. И. Динамика морально-правовых представлений российской учащейся молодежи / *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2017. Том 2. № 3 (7).
3. Гребнева В. Е. Изучение морально-правового сознания на примере ситуаций ценностно-когнитивных дилемм : концептуализация и методические решения : диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01 / Гребнева Валерия Евгеньевна ; [Место защиты: Российский университет дружбы народов]. Москва, 2016. 266 с.
4. Калинин И. А., Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Красноштанова Н. Н., Агапов В. С., Котенев И. О., Караян А. Г. Психология в деятельности сотрудника полиции : учебник / [Калинин И. А. и др.]. М. : Московский университет МВД России им В.Я. Кикотя, 2019. 307 с.
5. Катерный И. В. Проблемы рационализации ценностно-когнитивных дилемм в условиях смешанных коммуникаций (на примере экологической практики) // *Обыденное и научное знание об обществе : взаимовли-*

яния и реконфигурации / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М., 2015. С. 146.

6. Малиновский А. А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // Правоведение. 2008. № 6.

7. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.

8. Николаева О. П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах : дис. к.п.н. М., 1993.

Bibliographic list

1. Bobneva M. I. Norms of communication and the inner world of personality // Social psychology in the works of Russian psychologists / Comp. and the general edition of A. L. Svetsitsky. St. Petersburg : Peter, 2007. P. 339–362.

2. Volovikova M. I. Dynamics of moral and legal representations of Russian students / Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. 2017. Volume 2. № 3 (7).

3. Grebneva V. E. The study of moral and legal consciousness on the example of situations of value-cognitive dilemmas : conceptualization and methodological solutions

: dissertation... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.01 / Grebneva Valeria Evgenievna ; [Place of defense: Peoples' Friendship University of Russia]. Moscow, 2016. 266 p.

4. Kalinichenko I. A., Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A., Krasnoshtanova N. N., Agapov V. S., Kotenev I. O., Karayani A. G. Psychology in the activity of a police officer : textbook / [Kalinichenko I. A. and D.R.]. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2019. 307 p.

5. Katerny I. V. Problems of rationalization of value-cognitive dilemmas in conditions of mixed communications (on the example of ecological practice) // Everyday and scientific knowledge about society : mutual influences and reconfigurations / Edited by I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katerny. M., 2015. P. 146.

6. Malinovsky A. A. Legal egocentrism as a kind of deformation of individual legal consciousness // Jurisprudence. 2008. № 6.

7. Ioffe O. S., Shargorodsky M. D. Questions of the theory of law. M., 1961.

8. Nikolaeva O. P. Moral and legal judgments and the problem of the development of moral consciousness in different cultures : dis. Ph.D. M., 1993.

Информация об авторах

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

О. Г. Кравцов — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент;

В. Ф. Родин — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН.

Information about the authors

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

O. G. Kravtsov — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

V. F. Rodin — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academic of the Russian Academy of Natural Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 17.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-308-311>

ИПОН: 2003-0059-6/22-538

MOSURED: 77/27-003-2022-06-737

Сравнительное исследование достаточности качественного и количественного анализа полиграмм в обосновании принимаемого решения в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации

Александра Сергеевна Деревянко¹, Ирина Викторовна Усачева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ v.sawa23@mail.ru

² irina-u@yandex.ru

Аннотация. На основе теоретических исследований проблем оценки полиграмм при проведении полиграфного исследования кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации представлено сравнительное исследование необходимости-достаточности различных видов анализа полиграмм с помощью корреляционного анализа Спирмена. Показано, что для обеспечения объективности анализа и оценки полиграмм начинающему полиграфологу необходимо оказание помощи со стороны опытного полиграфолога, выступающего в качестве наставника. На основе полученных данных исследования разработаны практические рекомендации, направленные на повышение объективности принимаемого решения.

Ключевые слова: специальное психофизиологическое исследование, полиграф, кандидаты на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, специалист-полиграфолог, скрининг, полиграмма, анализ и оценка полиграмм

Для цитирования: Деревянко А. С., Усачева И. В. Сравнительное исследование достаточности качественного и количественного анализа полиграмм в обосновании принимаемого решения в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 308–311. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-308-311>.

Original article

Comparative study of the sufficiency of the qualitative and quantitative analysis of polygrams in substantiation of the decision made in regard to candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Alexandra S. Derevyanko¹, Irina V. Usacheva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ v.sawa23@mail.ru

² irina-u@yandex.ru

Abstract. On the basis of theoretical studies of the problems of evaluating polygrams during a polygraph examination of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, a comparative study of the necessity-sufficiency of various types of polygram analysis using Spearman's correlation analysis is presented. It is shown that in order to ensure the objectivity of the analysis and evaluation of polygrams, a novice polygraph examiner needs assistance from an experienced polygraph examiner acting as a mentor. On the basis of the research data obtained, practical recommendations were developed aimed at increasing the objectivity of the decision being made.

Keywords: special psychophysiological study, polygraph, candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, specialist polygraph examiner, screening, polygram, analysis and evaluation of polygrams

For citation: Derevyanko A. S., Usacheva I. V. Comparative study of the sufficiency of the qualitative and quantitative analysis of polygrams in substantiation of the decision made in regard to candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):308–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-308-311>.

© Деревянко А. С., Усачева И. В., 2022

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью более тщательного проведения скрининговых исследований в органах внутренних дел. Анализ и оценка полиграмм является одним из самых сложных и даже спорных этапов проведения полиграфного тестирования. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что по теме оценки реакций в российских специальных литературных источниках публикаций крайне мало, но у полиграфологов остаются проблемные вопросы, решение которых требует осмысления и комплексного решения как специалистами, так и учёными. Не составляют исключения и тематические научно-практические конференции: за более чем пятнадцатилетний период их проведения доклады специалистов были посвящены самому широкому спектру профессиональных вопросов, кроме темы оценки полиграмм [4].

В исследованиях А. П. Сошникова, А. Б. Пеленицына отмечается, что важнейшим требованием на заключительном этапе обследования с применением полиграфа (обработка результатов тестирования, их анализ и вынесение заключения) является максимально возможная объективность оценки полиграмм. По мнению учёных, при правильно организованной процедуре обследования с использованием полиграфа, построенной в соответствии с существующими профессиональными стандартами, выполнение этих требований обеспечивается: а) высоким уровнем стандартизации основного этапа проведения обследования (структуры, содержания и порядка предъявления вопросников), что позволяет осуществлять анализ и оценку результатов обследования независимыми экспертами, лично не принимавшими участия в обследовании, но благодаря стандартизации процедуры точно знающими, как именно оно проводилось; б) высоким уровнем стандартизации самой процедуры анализа и интерпретации полиграмм на основе количественной оценки величины зарегистрированных психофизиологических реакций, которые в обязательном порядке осуществляет эксперт, лично проводивший обследование, используя для этого один из общепринятых стандартизированных методов числового (балльного) обсчета физиологических реакций; в) перепроверка (подтверждение) полученных результатов оценки полиграмм и сделанных выводов независимым экспертом (работающим «вслепую», то есть не обладающим никакими данными об испытуемом, помимо зарегистрированных полиграмм) и с помощью специализированного компьютерного алгоритма, эффективность которого доказана практикой [5].

В научной литературе ученые традиционно выделяют две формы обработки и анализа полиграмм: 1) предварительная оценка реакций обследуемого на стадии тестирования на полиграф; 2) оценка реакций обследуемого сразу после его завершения; 3) полная качественно-количественная обработка полученных данных при подготовке письменного заключения [3; 5].

В результате исследований и накопления коллективного опыта проведения российскими полиграфологами специальных психофизиологических исследований (СПФИ) при помощи полиграфа был разработан определённый ал-

горитм принятия решения, согласно которому в процессе анализа полиграмм представляется достаточным для вынесения решения совпадение качественной оценки с автоматической оценкой. На основе этого совпадения возможно вынесение решения. Если этого не произошло, то есть качественная оценка не совпала с автоматической, то представляется необходимым провести балльную оценку полиграмм. Для вынесения решения в этом случае будет достаточным совпадение балльной оценки с качественной оценкой. Если же балльная оценка не совпала с качественной, необходимо провести метрическую оценку, которая должна совпасть с балльной [3].

По мнению учёных С. И. Оглоблина и А. Ю. Молчанова, качественная система анализа и оценки полиграмм может применяться когда:

- реакции обследуемого лица устойчиво возникают на определённый стимул теста;
- реакции обследуемого лица на данный стимул носят демонстративный («выпуклый») характер;
- на другие стимулы теста реакции выражены незначительно, либо они носят (по предъявлениям) неустойчивый («мерцающий») характер;
- полиграфолог вынужден принимать решение в условиях жесткого дефицита времени и не имеет возможности использовать балльную или метрическую систему оценки [3].

Балльный (численный) подход популярен в методике контрольных вопросов. При этом Н. Ю. Азарова подчеркивает, что какой бы системой обсчета не пользовался специалист, необходимо учитывать, что каждая система обсчета предназначена для анализа конкретных методик [1]. Так, например, тесты, проведенные по Методу сравнения трех зон К. Бакстера, должны анализироваться только в соответствии с разработанной им системой обсчета.

В рамках проводимого исследования, теоретического анализа и обобщения специальной литературы позволили сформулировать гипотезу, согласно которой согласованность данных между качественной обработкой опытного специалиста и балльной обработкой начинающего специалиста может повысить объективность принимаемого решения по результатам СПФИ. Субъектом исследования выступали кандидаты на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (8 чел.).

Процедуру СПФИ, анализ и оценку полиграмм осуществляли два полиграфолога — опытный (стаж работы более 5 лет) и начинающий (опыт работы — 6 мес.). На первом этапе исследования специалисты-полиграфологи выделили 9 факторов риска из 11 с прогнозируемой на них физиологической реакцией кандидатов на службу при отрицательном ответе.

На втором этапе исследования проведен анализ полученных полиграмм с помощью автоматической и экспертных (качественной, трехбалльной) оценок начинающим и опытным специалистом.

На третьем этапе осуществлено сравнительное исследование достаточности различных видов анализа полиграмм между специалистами.

Специальное психофизиологическое исследование проводилось при помощи профессионального компью-

терного полиграфа «Диана-04». Порог значимой реакции был установлен на уровне 0.75. Обработка данных исследования проводилась качественным, балльным (трехбалльная модифицированная оценка) и автоматическим способом.

Для решения поставленных задач и проверки справедливости выдвинутой основной гипотезы помимо консультации с опытными специалистами-полиграфологами, теоретического анализа исследований по теме исследования, были использованы следующие методики: 1) стимулирующий тест, с целью убедить испытуемого в точности аппаратной техники, а также в способности полиграфа выявить любую ложь; 2) тест общих контрольных вопросов, с целью определить уровень реагирования испытуемого на контрольные вопросы; 3) многотемный скрининг; 4) однотемный скрининг (в отдельных случаях).

Во время проведения обследования кандидатов на службу специалисты-полиграфологи работали независимо друг от друга. Опытный полиграфолог проводил СПФИ и качественную оценку полиграммы. Данный метод используется для экспертного экспресс-анализа любых тестов, непосредственно в ходе обследования (online). По окончании обследования кандидатов на

службу в ходе эксперимента начинающий специалист проводил универсальную 3-х балльную оценку полиграммы скрининга, но без дополнительных сведений о предыдущей обработке полиграммы опытным полиграфологом.

Сравнительный анализ качественной оценки полиграммы и количественной показал, что начинающий специалист выявил и оценил те же реакции на вопросы кандидатов на службу, как и опытный полиграфолог. Тем не менее, в действиях начинающего полиграфолога фиксировались проявления неуверенности в принятии решения об оценке силы и качества реакций обследуемых лиц на поставленные вопросы.

При проведении обследований кандидатов на службу опытными полиграфологами были выявлен фактор риска (сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера) у пяти испытуемых. В дополнение к поисковому тесту на сокрытие информации, также проводился однотемный скрининг.

На заключительном этапе исследования осуществлено сравнительное исследование необходимости-достоинства различных видов анализа полиграмм с помощью корреляционного анализа Спирмена (табл.1).

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа (R-Спирмена) различных видов анализа и оценки полиграмм опытными и начинающими специалистами-полиграфологами

	Автомат.	Качеств.	3-х балл.
Автомат.		0,04*	0,05*
Качеств.	0,04*		0,02*
3-х балл.	0,05*	0,02*	

Примечание: звёздочками указаны статистически значимые различия: * $p < 0,02$, $p < 0,05$

По результатам корреляционного исследования можно утверждать, что эмпирические данные трех видов обработки полиграмм специалистами с различным профессиональным опытом согласованы между собой. Наиболее сильная корреляционная связь прослеживается между данными качественной и трехбалльной обработки -0,02 ($p < 0,01$). Немного уступает им согласованность данных между качественной и автоматической обработкой — 0,04 ($p < 0,05$). И в меньшей степени, но при этом на высоком уровне статистической достоверности, согласуются данные «автомата» и 3-х балльной системы обчета, что подчеркивает различие в подходах анализа данных при «компьютерной» и «экспертной» оценках.

Согласно полученным результатам, можно сделать выводы: 1) согласованность данных между качественной обработкой опытного специалиста и балльной обработкой начинающего специалиста повышает объективность принимаемого решения по результатам специальных психофизиологических исследований; 2) для начинающего специалиста для объективности обчета полиграмм можно прибегать к экспертному мнению более опытных полиграфологов для объективности принимаемого ре-

шения; 3) выступая как наставник опытный полиграфолог может продемонстрировать навыки качественной обработки в период проведения СПФИ, обратить внимание на наиболее существенные признаки.

Проведенное исследование достаточности качественного и количественного анализа позволяют сформулировать практические рекомендации для полиграфологов органов внутренних дел:

1. Использовать установленную последовательность обработки данных полиграфного исследования от качественной оценки к возможному метрическому измерению для подготовки заключения.

2. При вынесении окончательного заключения изучать степень согласованности различных вариантов анализа полиграмм, проведенных при соблюдении последовательности их применения.

3. По окончании обучения в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя психологов органов внутренних дел по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки «Проведение специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа» (полиграф РЛС) необхо-

димо закрепление опытного специалиста-полиграфолога в роли наставника. Совместная работа двух специалистов будет способствовать не только объективизации, но придаст уверенности и повысит уровень грамотности у начинающего специалиста.

Список источников

1. Азарова Н. Ю. Полиграф : обзор современных методик США. Часть 2. Виды экспертного анализа получаемых данных. / Под ред. Коровина В. В. М. : «Издательство ЦППФ Коровина», 2015. 154 с.
2. Князев В., Варламов Г. Полиграф и его практическое применение : учеб. пособие. М. : «Принт-Центр», 2012. 860 с.
3. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная детекция лжи : академический курс. Ярославль : Ньюанс, 2004. 464 с.
4. Поповичев С. В. Оценка полиграмм тестов «пика напряжения» в системе «SScore» // Сборник материалов международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел (11–14 октября 2011 года). Сочи, 2011.
5. Сошников А. П., Пеленицын А. Б. Сравнение раз-

личных систем количественного анализа полиграмм с помощью алгоритма ChanceCalk // Вестник полиграфолога. № 1. 2007. <http://www.antey-group.ru/jurnal13.htm>.

References

1. Azarova N. Yu. Polygraph : a review of modern US techniques. Part 2. Types of expert analysis of the received data. / Ed. Korovina V. V. M. : «Publishing house of the TsPPF Korovin», 2015. 154 p.
2. Knyazev V., Varlamov G. Polygraph and its practical application : Proc. allowance. M. : «Print Center», 2012. 860 p.
3. Ogloblin S. I., Molchanov A. Yu. Instrumental lie detection : academic course. Yaroslavl : Nuance, 2004. 464 p.
4. Popovichev S. V. Evaluation of polygram tests «peak stress» in the system «SScore» // Collection of materials of the international scientific-practical conference of specialists-polygraph examiners of the internal affairs bodies (October 11–14, 2011). Sochi, 2011.
5. Soshnikov A. P., Pelenitsyn A. B. Comparison of various systems for the quantitative analysis of polygrams using the ChanceCalk algorithm // Bulletin of the polygraph examiner. № 1. 2007. <http://www.antey-group.ru/jurnal13.htm>.

Информация об авторах

А. С. Деревянко — старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

И. В. Усачева — преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

A. S. Derevyanko — Senior Lecturer of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

I. V. Usacheva — Lecturer of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-312-319>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-539

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-738

Связь представлений педагогов о возрастных особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся

Артур Александрович Реан¹, Екатерина Сергеевна Кошелева²

^{1,2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² eskosheleva@mail.ru

Аннотация. Описаны результаты исследования, посвященного изучению взаимосвязи представлений педагогов о возрастных особенностях агрессии подростков со способами реагирования учителей на агрессивно-конфликтное поведение учащихся. Предметом анализа являются данные анонимного онлайн-опроса, проведенного среди учителей из семи регионов Российской Федерации. Результаты исследования показывают, что у педагогов, применяющих активные способы реагирования на ситуацию агрессивного поведения в школе, складывается более реальное представление об агрессии, чем у пассивных педагогов. Активные педагоги готовы признать, что агрессия подростков носит дифференцированный характер, обусловленный возрастными различиями. Учителя, предпочитающие пассивный способ реагирования на агрессию, склонны к отрицанию подобного рода различий. Эмоционально реагирующие педагоги считают допустимым агрессивное поведение в школе. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости обучения и подготовки преподавателей конструктивным способам совладания с агрессивным поведением в школе, с учетом половозрастных различий в проявлении агрессии в подростковом возрасте.

Ключевые слова: агрессивность, стратегии совладания

Для цитирования: Реан А. А., Кошелева Е. С. Связь представлений педагогов о возрастных особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 312–319. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-312-319>.

Original article

The connection of teachers' ideas about the age characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students

Artur A. Rean¹, Ekaterina S. Kosheleva²

^{1,2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² eskosheleva@mail.ru

Abstract. The results of a study of the relationship between teachers' ideas about the age characteristics of adolescent aggression and the ways teachers respond to aggressive conflict behavior of students are described. The subject of the analysis is the data of an anonymous online survey conducted among teachers from seven regions of the Russian Federation. The results show that teachers who use active ways of responding to the situation of aggressive behavior at school have a more realistic idea of aggression than passive teachers. Active teachers are ready to admit that the aggression of adolescents is connected with age differences. Teachers who prefer passive way of responding to aggression tend to deny this kind of difference. Emotionally reacting teachers consider aggressive behavior at school, in particular among young men, acceptable. According to results it is necessary to educate and train teachers in constructive ways of coping with aggressive behavior at school, taking into account gender and age adolescent differences.

Keywords: aggressiveness, coping strategies

For citation: Rean A. A., Kosheleva E. S. The connection of teachers' ideas about the age characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):312–319. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-312-319>.

© Реан А. А., Кошелева Е. С., 2022

Введение. Как показывают исследования, большую роль в работе с асоциальным поведением подростков играет учитель и его позиция по отношению к данной ситуации в школе [1; 3; 6; 12]. Учитель может, как предотвратить агрессию, так и спровоцировать ее. Тем не менее, согласно одному из российских исследований, проводившихся на выборке старшеклассников [2; 4; 5; 7], 65 % родителей узнают о травле от самого ребенка, и только 5 % и 1 % взрослых получили эту информацию от классного руководителя и школьного психолога соответственно. Полученные результаты говорят о необходимости консолидации семьи, учителей, психологов, руководства школы с целью снижения уровня подростковой агрессии. Исследования в области восприятия педагогами агрессии школьников способствуют пониманию того, насколько учителям удастся различать проявления асоциального поведения, какие факторы помогают, а какие мешают этому. Также благодаря подобным исследованиям становится возможным выявить уровень готовности современных учителей к работе с агрессивным поведением в школе [6].

На восприятие педагогами подростковой агрессии оказывают влияние следующие факторы: индивидуальные особенности учителя (самоэффективность, отношение к роли педагога, детский опыт учителя); убеждения и установки преподавателя, умение педагога распознать ситуацию буллинга, а также агрессивное и асоциальное поведение; уровень подготовки и осведомленность учителей о способах решения конфликтных ситуаций в школе [1; 3; 6; 9; 11; 12].

Согласно межкультурным исследованиям (проводившимся с 1983 по 2013 гг.), было обнаружено, что независимо от страны (Австралия, Китай, Греция, Иордания, Мальта, Великобритания и США) и времени обучения, учителя в одинаковой степени обращают внимание на частоту и серьезность нарушения поведения среди подростков. Так, наиболее частый вид нарушений, с точки зрения педагогов — это разговоры в классе без разрешения, а наиболее серьезный проступок — воровство и вандализм. Все остальные формы отклоняющегося поведения, по мнению учителей, встречаются не так часто [10].

Большую роль играют возрастные различия учащихся. В зависимости от возраста школьников учителя по-разному понимают причины агрессивного поведения учащихся. С 5 по 9 класс агрессивное поведение школьников ассоциируется у педагогов с процессом становления коллектива. В 9 классе старшеклассники характеризуются стремлением к самоопределению, а в 11 у подростков на сознательном уровне формируется способность управлять собой и контролировать свою агрессию [9].

В одном из исследований был проведен теоретический анализ работ по возрастной психологии, который позволил выделить возможные мотивационные доминанты, определяющие агрессивное поведение учащихся разных возрастных групп по отношению к учителям [8]: в младшем школьном возрасте учитель является центральной фигурой, определяющей правила для ребенка в рамках новой для него учебной деятельности, в связи с

этим предполагается, что проявление агрессии в данном возрасте жестко табуировано. Младшие подростки (пятый класс), по сравнению с учащимися начальных классов, более чувствительны к личностной проблематике. Агрессия по отношению к педагогу в данном возрасте возникает как реакция на некоторые действия учителя, оскорбляющие личное достоинство учащегося. На этапе основной школы (седьмой класс и старше) отношение учеников к учителю становится более дифференцированным и зависит от отношения к ним преподавателей [8]. В таком случае одной из причин агрессии является необъективное оценивание педагогом знаний учащихся. Другая причина связана с тем, что в старшем подростковом возрасте складываются устойчивые способы эмоционального реагирования на различные ситуации, которые фиксируются педагогами как причина агрессивного поведения. Общение с учителем формируется под влиянием чувства взрослости в подростковом возрасте. Агрессивное поведение может проявляться в результате идеологических разногласий школьников с учителями, унижения педагогом личного достоинства ученика или класса в целом, нарушение учителем норм учебной деятельности [8]. Представленные в работе данные теоретического анализа были подтверждены эмпирическими результатами. На основании опроса педагогов исследователями была установлена взаимосвязь между восприятием учителями агрессии и причин ее возникновения и мотивационными доминантами, определяющими агрессивное поведение учащихся разных возрастных групп по отношению к преподавателям [8]. Результаты показали, что в начальном классе агрессия жестко табуирована. Единственный мотив, который может ее вызвать в этом возрасте — угроза со стороны педагога о сообщении родителям о плохом поведении ребенка. В младшем подростковом возрасте становятся более значимыми причины, связанные с социализацией ученика вне стен школы, а именно: неблагоприятная атмосфера в семье и жестокое обращение с ребенком, неуважительное отношение родителей школьника к учителю, общение с плохой компанией. В переходный период от младшего к старшему подростковому возрасту (7-й класс) поведение ученика усложняется. В качестве предикторов агрессии по отношению к педагогу выступают конфликты с педагогом по поводу необъективной оценки знаний учащегося учителем, а также усиливается значимость негативных факторов социальной среды. На этапе завершения основной школы (9-й класс) уменьшается значимость угрозы сообщения родителям о плохом поведении подростка, и, как и на предыдущем этапе, растет роль социальной среды. Также происходит изменение социальной дистанции в отношениях учитель-ученик. Из более деловых, по характеру, они становятся в большей степени межличностными. В старших классах подростки более чувствительны к действиям учителя, связанным с оскорблением их личного достоинства. Агрессию вызывают следующие факторы: личная неприязнь учителя к ученику, оскорбление личности ученика, навешивание учителем ярлыков (стигматизация), применение физической силы к ученику. На этапе окончания школы (11-й класс)

не фиксируются новые мотивационные доминанты, характеризующие подростковую агрессию, что может свидетельствовать о своеобразной стабилизации отношений в системе учитель-ученик [8].

В настоящей статье изучается вопрос о взаимосвязи между выбираемым способом совладания с агрессивным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии возрастными факторами.

Структура исследования. Исследование было реализовано в форме анонимного онлайн-опроса, в котором приняли участие 5571 педагогов из семи регионов РФ из пяти федеральных округов. Подавляющее число респондентов женского пола (94 %). Средний возраст респондентов 44,6 (SD=11,7).

Для исследования представлений педагогов об агрессивном поведении учащихся была разработана стандартизированная анкета Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ. В настоящей статье представлен анализ ответов на следующие вопросы данной стандартизированной анкеты:

1. «С какими из нижеперечисленных утверждений о проявлении агрессивного поведения в зависимости от возраста детей и подростков Вы согласны?»

- Нет никакой зависимости от возраста в проявлении агрессивного поведения
- У младших подростков агрессия проявляется чаще, чем у старших
- С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее
- С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)

2. «Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете? (Выберете любое число ответов)» со следующими вариантами ответов:

- Активное реагирование (стремлюсь как можно быстрее вмешаться в конфликт, разговариваю с учениками и их родителями, поднимаю данный вопрос на школьном собрании/совещании учителей и педагогов, обращаюсь за помощью в решении данного вопроса к школьному психологу и т. д.)
- Пассивное реагирование (старюсь не замечать

проблемы, делаю вид, что ничего не происходит, замалчиваю данную ситуацию, допускаю проявление агрессии по отношению к определенным учащимся и т. д.)

- Эмоциональное реагирование (старюсь найти эмоциональную поддержку, переживаю данную проблему как личную, делюсь с родственниками, хожу к психологу, часто нервничаю, эмоционально реагирую на детей, употребляю успокоительные средства и т. д.)

3. «Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?»

- Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта
- Обсуждение случившегося с классом, классные часы
- Работа с родителями
- Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы

Гипотеза исследования. Существует взаимосвязь между выбираемым способом совладания с агрессивным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии возрастными факторами.

Анализ данных. в связи с тем, что переменные являются бинарными, анализ был реализован с помощью следующих методов: построение таблиц сопряженности, коэффициент сопряженности и критерий Хи-квадрат Пирсона, оценка их значимости. Обработка данных осуществлялась в SPSS.

Результаты исследования и их интерпретация. Согласно результатам исследования представлений педагогов о проявлении агрессивного поведения в зависимости от возраста детей и подростков, было обнаружено, что большинство респондентов не согласны с тем, что нет никакой зависимости от возраста в проявлении агрессивного поведения (83 %), а также с тем, что у младших подростков агрессия проявляется чаще, чем у старших (75 %). Больше половины педагогов считает, что с возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (64 %), и что с возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (59 %) (рис.1).

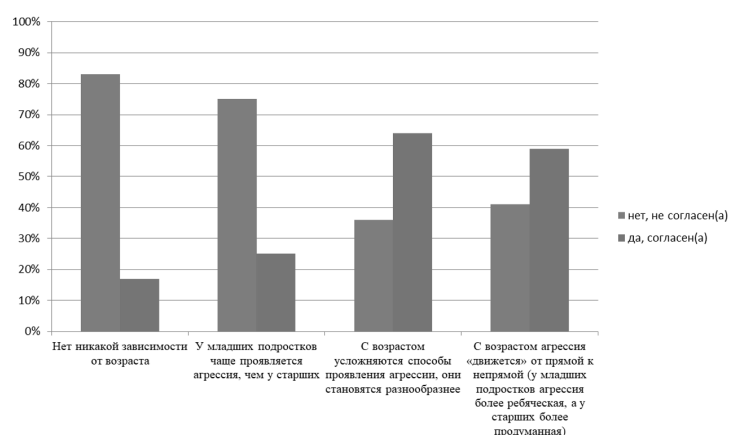

Рис. 1. С какими из нижеперечисленных утверждений о проявлении агрессивного поведения в зависимости от возраста детей и подростков Вы согласны?

Для изучения взаимосвязи представлений педагогов об обусловленности агрессивного поведения подростков факторами возраста со способами реагирования на проблемные ситуации были составлены таблицы сопряженности

(так как большинство переменных являются бинарными).

Ниже представлены те результаты, в которых коэффициент сопряженности **является значимым** (табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1.

Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете? (Q33)

Представления педагогов об агрессивном поведении	варианты ответов	0 (% ответов «нет»)	1 (% ответов «да»)	Коэфф. сопряженности	Уровень значимости	Хи- квадрат Пирсона	Уровень значимости для Хи-квадрата Пирсона
Активное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33a)							
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	6,2 %	29,4 %	0,081	(p<0,001)	36,280	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	7,4 %	57,1 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	8,1 %	32,3 %	0,154	(p<0,001)	131,267	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	5,5 %	54,1 %				
Пассивное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33b)							
Нет никакой зависимости от возраста в проявлении агрессивного поведения (Q27a)	0 (% ответов «нет»)	77,8 %	5,6 %	0,061	(p<0,001)	20,314	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	14,8 %	1,8 %				
У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших (Q27b)	0 (% ответов «нет»)	69,7 %	5,0 %	0,042	(p<0,01)	9,403	(p<0,01)
	1 (% ответов «да»)	22,9 %	2,3 %				
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	32,3 %	3,2 %	0,045	(p<0,01)	10,958	(p<0,01)
	1 (% ответов «да»)	60,3 %	4,2 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	35,7 %	4,7 %	0,132	(p<0,001)	96,859	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	56,9 %	2,7 %				
Эмоциональное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33с)							
У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших (Q27b)	0 (% ответов «нет»)	56,9 %	17,8 %	0,029	(p<0,05)	4,635	(p<0,05)
	1 (% ответов «да»)	18,5 %	6,7 %				
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	28,0 %	7,6 %	0,056	(p<0,001)	17,365	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	47,5 %	17,0 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	31,4 %	9,0 %	0,045	(p<0,01)	11,196	(p<0,01)
	1 (% ответов «да»)	44,0 %	15,6 %				

На основании данных, представленных в таблице можно сделать вывод о том, что, респонденты, выбирающие **активную форму реагирования** на агрессию, как правило, считают что «с возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее»

(p<0,001); «с возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» (p<0,001).

Респонденты, **не выбирающие** пассивную форму реагирования на агрессию, как правило, и **не выбирают** та-

кие варианты ответов как: «Нет никакой зависимости от возраста» в проявлении агрессивного поведения ($p < 0,001$); «У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших» ($p < 0,01$). При этом педагоги, **не выбирающие** пассивную форму реагирования на агрессию, как правило, **считают**, что «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,01$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,01$).

Респонденты, **не выбирающие** эмоциональную фор-

му реагирования на агрессию, как правило, и **не выбирают** следующие утверждения: «У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших» ($p < 0,05$). При этом респонденты, **не выбирающие** эмоциональную форму реагирования на агрессию, как правило, дают **положительный ответ** по поводу следующих утверждений: «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,001$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,01$).

Таблица 2.

Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете? (Q36)

Представления педагогов об агрессивном поведении	варианты ответов	0 (% ответов «нет»)	1 (% ответов «да»)	Коефф. Сопряжен- ности	Уровень значимости для коефф-та сопряженности	Хи-квадрат Пирсона	Уровень значимости для Хи-квадрата Пирсона
Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта (Q36a)							
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	6,5 %	29,0 %	0,077	(p<0,001)	32,374	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	8,1 %	56,4 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	8,6 %	31,8 %	0,154	(p<0,001)	131,227	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	6,0 %	53,6 %				
Обсуждение случившегося с классом, классные часы (Q36b)							
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	17,0 %	18,6 %	0,093	(p<0,001)	47,369	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	24,6 %	39,9 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	19,3 %	21,0 %	0,105	(p<0,001)	60,713	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	22,2 %	37,4 %				
Работа с родителями (Q36с)							
Нет никакой зависимости от возраста (Q27a)	0 (% ответов «нет»)	20,3 %	63,1 %	0,050	(p<0,001)	13,749	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	5,0 %	11,6 %				
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	11,9 %	23,6 %	0,140	(p<0,001)	108,925	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	13,4 %	51,1 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	13,7 %	26,7 %	0,162	(p<0,001)	146,406	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	11,6 %	48,0 %				
Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы (Q36d)							
Нет никакой зависимости от возраста (Q27a)	0 (% ответов «нет»)	32,1 %	51,3 %	0,054	(p<0,001)	15,622	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	7,6 %	9,0 %				
У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших (Q27b)	0 (% ответов «нет»)	30,3 %	44,4 %	0,030	(p<0,05)	4,844	(p<0,05)
	1 (% ответов «да»)	9,4 %	15,9 %				
С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее (Q27с)	0 (% ответов «нет»)	17,1 %	18,5 %	0,125	(p<0,001)	86,879	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	22,6 %	41,8 %				
С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная) (Q27d)	0 (% ответов «нет»)	20,3 %	20,0 %	0,177	(p<0,001)	174,919	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	19,4 %	40,3 %				

При ответе на вопрос «какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?», респонденты, **выбравшие** такой вариант ответа как «Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта», как правило, **положительно** отвечали на следу-

ющие утверждения: «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,001$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,001$).

Респонденты, выбирающие такой способ решения конфликтов, как «Обсуждение случившегося с классом, классные часы», как правило, считают, что «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,001$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,001$).

Респонденты, использующие такую стратегию как «Работа с родителями», как правило, согласны с тем, что «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,001$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,001$); так же такие ре-

спонденты, как правило, **не согласны** с утверждением, что в проявлении агрессивного поведения «Нет никакой зависимости от возраста» ($p < 0,001$).

Преподаватели, использующие такую стратегию как «Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы», как правило, согласны с такими утверждениями как: «С возрастом усложняются способы проявления агрессии, они становятся разнообразнее» ($p < 0,001$); «С возрастом агрессия «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная)» ($p < 0,001$); при этом такие респонденты, как правило, не согласны со следующими утверждениями: «Нет никакой зависимости от возраста» ($p < 0,001$); «У младших подростков чаще проявляется агрессия, чем у старших» ($p < 0,05$).

Таблица 3.

Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете? (Q33)

Представления педагогов об агрессивном поведении	варианты ответов	0 (% ответов «нет»)	1 (% ответов «да»)	Кэфф. сопряжен- ности	Уровень значи- мости	Хи-квадрат Пирсона	Уровень значимости для Хи- квадрата Пирсона
Активное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33a)							
Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта (Q36a)	0 (% ответов «нет»)	5,5 %	9,1 %	0,277	p<0,001	450,297	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	8,1 %	77,3 %				
Обсуждение случившегося с классом, классные часы (Q36b)	0 (% ответов «нет»)	7,0 %	34,6 %	0,078	p<0,001	33,604	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	6,6 %	51,8 %				
Работа с родителями (Q36c)	0 (% ответов «нет»)	6,2 %	19,1 %	0,185	(p<0,001)	192,301	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	7,3 %	67,4 %				
Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы (Q36d)	0 (% ответов «нет»)	7,8 %	31,9 %	0,142	(p<0,001)	112,383	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	5,8 %	54,5 %				
Пассивное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33b)							
Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта (Q36a)	0 (% ответов «нет»)	11,1 %	3,50 %	0,252	(p<0,001)	367,433	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	81,5 %	3,90 %				
Обсуждение случившегося с классом, классные часы (Q36b)	0 (% ответов «нет»)	38,2 %	3,4 %	0,026	(p<0,1)	3,701	p<0,1
	1 (% ответов «да»)	54,5 %	4,0 %				
Работа с родителями (Q36c)	0 (% ответов «нет»)	22,0 %	3,3 %	0,126	(p<0,001)	87,852	p<0,001
	1 (% ответов «да»)	70,6 %	4,1 %				
Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы (Q36d)	0 (% ответов «нет»)	35,3 %	4,4 %	0,111	(p<0,001)	68,062	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	57,3 %	3,0 %				
Эмоциональное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33c)							
Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта (Q36a)	0 (% ответов «нет»)	10,4 %	4,2 %	0,039	(p<0,01)	8,192	(p<0,01)
	1 (% ответов «да»)	65,0 %	20,4 %				
Обсуждение случившегося с классом, классные часы (Q36b)	0 (% ответов «нет»)	32,4 %	9,2 %	0,049	(p<0,001)	12,846	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	43,0 %	15,4 %				
Работа с родителями (Q36c)	0 (% ответов «нет»)	20,0 %	5,4 %	0,046	(p<0,01)	11,505	(p<0,01)
	1 (% ответов «да»)	55,5 %	19,2 %				
Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы (Q36d)	0 (% ответов «нет»)	31,5 %	8,2 %	0,071	(p<0,001)	27,900	(p<0,001)
	1 (% ответов «да»)	44,0 %	16,3 %				

Отдельно мы рассмотрели взаимосвязь между формой реагирования на агрессию и способами разрешения конфликтов между учениками (табл.3). В отличие от педагогов, использующих **пассивную** и **эмоциональ-**

ную формы реагирования, учителя, выбирающие **активную форму**, так же используют все нижеследующие стратегии: «Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта» ($p < 0,001$); «Обсуждение случив-

шегоса с классом, классные часы» ($p < 0,001$); «Работа с родителями» ($p < 0,001$); «Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы» ($p < 0,001$).

Обсуждение результатов. Педагоги, выбирающие активную стратегию реагирования, как правило, признают наличие возрастных различий в проявлении агрессии в подростковом возрасте. Такие учителя считают, что с возрастом с возрастом усложняются способы проявления агрессии, она «движется» от прямой к не прямой (у младших подростков агрессия более ребяческая, а у старших более продуманная). Также они значимо чаще проводят классные часы, разъяснительную беседу с участниками конфликта и с родителями, привлекают классного руководителя, психолога, социального педагога, администрацию школы.

Учителя, *не выбирающие* категорию пассивного реагирования, гораздо чаще признавали возрастные различия в агрессивном поведении подростков, чем респонденты, предпочитающие данный тип совладания с ситуацией агрессивного поведения.

Среди педагогов, *не выбирающих эмоциональную* стратегию реагирования, также гораздо больше респондентов, положительно отвечавших на утверждения, касающиеся возрастных различий, чем среди тех, кто использовал ее.

Таким образом, гипотеза о наличии взаимосвязи между выбираемым способом совладания с агрессивным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии возрастными факторами подтвердилась.

Заключение. На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что у более активных педагогов складывается более реальное представление об агрессии. Они более активно используют такие методы работы с агрессией как разъяснительная беседа с участниками конфликта, обсуждение случившегося с классом, работа с родителями, привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы. Вероятно, большую роль играет практический опыт взаимодействия с детьми. Что свидетельствует о необходимости обучения и подготовки преподавателей конструктивным способам совладания с агрессивным поведением в школе, с учетом половозрастных различий в проявлении агрессии в подростковом возрасте.

Список источников

1. Бочавер А. А. Травля в детском коллективе : установки и возможности учителей // Психологическая наука и образование (www.psyedu.ru). 2014. Т. 6. № 1. С. 47–55.
2. Новикова М. А., Реан А. А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю : влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. №. 4. С. 112–120.
3. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли : отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. №. 2. С. 78–97.

4. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор дефицита ощущения счастья у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №. 3. С. 258–263.

5. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор отрицания семейных ценностей у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №. 4. С. 279–287.

6. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессия и асоциальное поведение подростков в сознании педагогов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №. 4. С. 305–312.

7. Реан А. А., Новикова М. А. Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации : распространенность и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. 2019. №. 1. С. 165–177.

8. Собкин В. С., Фомиченко А. С. Понимание учителями причин проявления агрессии учащихся к педагогу // Социология образования. Труды по социологии образования. 2012. С. 137–147.

9. Фомиченко А. С. Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №. 2. С. 81–93.

10. Crawshaw M. Secondary school teachers' perceptions of student misbehaviour : a review of international research, 1983 to 2013 // Australian Journal of Education. 2015. Vol. 59. №. 3. P. 293–311.

11. Troop-Gordon W., Ladd G. W. Teachers' victimization-related beliefs and strategies : associations with students' aggressive behavior and peer victimization // Journal of abnormal child psychology. 2015. Vol. 43. №. 1. P. 45–60.

12. Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A. Teachers' responses to bullying incidents : effects of teacher characteristics and contexts // Journal of school violence. 2016. Vol. 15. №. 1. P. 91–113.

References

1. Bochaver A. A. Bullying in the children's collective : attitudes and opportunities of teachers // Psychological science and education (www.psyedu.ru). 2014. Vol. 6. № 1. P. 47–55.
2. Novikova M. A., Rean A. A. Family prerequisites for a child's involvement in school bullying : the influence of psychological and social characteristics families // Psychological science and education. 2018. Vol. 23. № 4. P. 112–120.
3. Novikova M. A., Rean A. A. The influence of the school climate on the occurrence of bullying : domestic and foreign research experience // Education issues. 2019. № 2. P. 78–97.
4. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggressiveness as a predictor of a lack of happiness in adolescents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3. P. 258–263.
5. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggressiveness as a predictor of denial of family values in adolescents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. pp. 279–287.
6. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggression and antisocial

behavior of adolescents in the minds of teachers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. P. 305–312.

7. Rean A. A., Novikova M. A. Bullying among high school students of the Russian Federation: prevalence and influence of socio-economic factors // World of Psychology. 2019. № 1. P. 165–177.

8. Sobkin V. S., Fomichenko A. S. Understanding by teachers of the causes of students' aggression towards a teacher // Sociology of Education. Works on the sociology of education. 2012. P. 137–147.

9. Fomichenko A. S. Teachers' ideas about the causes of aggressive behavior of students of different classes of secondary school // Social psychology and society. 2013. Vol.

4. № 2. P. 81–93.

10. Crawshaw M. Perception by secondary school teachers of bad student behavior: a review of international studies, 1983–2013. // Australian Journal of Education. 2015. Vol. 59. № 3. P. 293–311.

11. Trup-Gordon U., Ladd G. U. Beliefs and strategies related to the victimization of teachers : associations with aggressive behavior of students and victimization of peers // Journal of Abnormal Child Psychology. 2015. Vol. 43. № 1. P. 45–60.

12. Yun J., Sulkowski M. L., Bauman S. A. Teachers' reaction to bullying cases : the influence of teacher characteristics and contexts // Journal of School Violence. 2016. Vol. 15. № 1. P. 91–113.

Информация об авторах

А. А. Реан — директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Е. С. Коселева — аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, ассистент кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Московского педагогического государственного университета.

Information about the authors

A. A. Rean — Director of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior, Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of the Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation;

E. S. Kosheleva — Analyst of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior, Assistant of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of the Moscow Pedagogical State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-320-325>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-6/22-540

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-003-2022-06-739

Профессиональные факторы, влияющие на здоровье и эмоциональное состояние сотрудников полиции

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Вера Алексеевна Балашова², Валерий Сергеевич Агапов³,
Татьяна Александровна Хрусталева⁴

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

⁴ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Руза, Россия

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ agapov.vs@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние профессиональных факторов на здоровье и эмоциональное состояние сотрудников полиции. Данные особенности проанализированы с учетом специфики оперативно-служебной деятельности. Представлены рекомендации по предупреждению негативных изменений физического и психического здоровья.

Ключевые слова: здоровье, эмоциональные состояния, психические состояния, физическое здоровье, психическое здоровье, заболевание, психосоматика, профессиональные факторы, оперативно-служебная деятельность, правоохранительная деятельность, личность, профессиональная деформация, психология служебной деятельности органов внутренних дел

Для цитирования: Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А. Профессиональные факторы, влияющие на здоровье и эмоциональное состояние сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 320–325. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-320-325>.

Original article

Professional factors affecting the health and emotional state of police officers

Vyacheslav L. Tsvetkov¹, Vera A. Balashova², Valery S. Agapov³, Tatyana A. Khrustaleva⁴

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

⁴ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ruza, Russia

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ Vagapov.vs@mail.ru

Abstract. The influence of professional factors on the health and emotional state of police officers is examined. These features are analyzed taking into account the specifics of operational and service activities. Recommendations for the prevention of negative changes in physical and mental health are presented.

Keywords: health, emotional states, mental states, physical health, mental health, disease, psychosomatics, professional factors, operational and official activity, law enforcement, personality, professional deformation, psychology of official activity of internal affairs bodies

For citation: Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Agapov V. S., Khrustaleva T. A. Professional factors affecting the health and emotional state of police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):320–325. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-320-325>.

Оперативно-служебная деятельность сотрудников полиции отличается динамизмом и напряженностью, которые возникают при наличии многофункционального, конфликтного и экстремального характера.

Основная задача оперативно-служебной деятель-

ности — защита правопорядка и обеспечение безопасности. Однако, наряду с происходящими социальными, экономическими и другими изменениями, происходят изменения и в криминальной деятельности, появляются новые виды преступлений, противодействие которым

© Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А., 2022

требует изменений в оперативно-служебной и профилактической деятельности сотрудников полиции.

Так, за последние несколько лет проявилась тенденция к распространению такого вида преступления как «скулуштинг». В разных регионах страны произошли события, в которых обучающиеся школ, колледжей и вузов устроили стрельбу в образовательных учреждениях, что привело к гибели и ранениям различной степени тяжести детей, подростков, учителей и сотрудников службы охраны. Известны несколько случаев нападения обучающихся с применением холодного оружия.

Кроме того, несовершеннолетние являются объектами для вовлечения в такую противоправную деятельность как экстремизм, для участия в массовых беспорядках, различных несанкционированных мероприятиях. Подобного рода криминогенное воздействие создает риски для увеличения преступности и угрозу общественной безопасности.

Противоборствующей силой в данном случае является своевременное выявление и предупреждение криминогенного воздействия на несовершеннолетних, просветительская деятельность по развитию правосознания, патриотического и гражданского воспитания со стороны сотрудников правоохранительных органов и иных организаций (образовательных, общественных и др.).

Также возросло количество телефонных угроз о вероятности совершения террористических актов в различных социальных объектах (школы, детские сады, торговые центры и т. д.). В этой связи особое значение имеет задача по обеспечению личной и общественной безопасности в образовательных учреждениях и иных социально значимых объектах.

С глобальной цифровизацией появился новый вид мошенничества и ряд других преступлений в сфере информационной и кибербезопасности.

Согласно статистике, немало преступлений совершается также на основании бытовых конфликтов. Особое место здесь занимают преступления на почве ревности.

Во всех перечисленных случаях требуется оперативное реагирование и активная напряженная работа в целях пресечения и предупреждения преступного намерения, чтобы защитить общество и правопорядок. Именно такую работу выполняют сотрудники полиции, в том числе, оперативные сотрудники и участковые уполномоченные полиции, оперативно-служебная деятельность которых осуществляется под влиянием различных средовых факторов.

Факторы среды оказывают влияние на личность, ее состояние, способствует деформации свойств и качеств, провоцируют невротические реакции и хронические заболевания. Сотрудники полиции, выполняющие служебные обязанности в сложных и напряженных условиях, нередко сталкиваются с негативными факторами: враждебность, агрессия, провокации и т. д., что не может не повлиять на их личностные особенности и здоровье.

Многогранная проблема здоровья сотрудников полиции сопряжена с их эмоциональными состояниями и профессиональной адаптацией.

Согласно Федеральному закону Российской Федера-

ции от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) «здоровье — состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма». Там же указано, что одним из основных понятий является профилактика — «комплекс мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья и включающих в себя формирование здорового образа жизни, предупреждение возникновения и (или) распространения заболеваний, их раннее выявление, выявление причин и условий их возникновения и развития, а также направленных на устранение вредного влияния на здоровье человека факторов среды его обитания» [1].

Таким образом, оценка условий и факторов внешней среды, а также выраженности их влияния способствует выявлению причин возникновения и развития заболеваний, своевременное устранение которых позволит устранить наносимый вред здоровью с целью его сохранения.

В свою очередь, согласно данной статье «заболевание — возникающее в связи с воздействием патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организма» [1]. На основании данного определения следует, что заболевание — это результат воздействия патогенных (болезнетворных) факторов, приводящий к нарушению работоспособности, защитных и приспособительных реакций и механизмов.

Таким образом, наличие заболевания (например, хронического) приводит к изменению поведения и адаптивных свойств, что, в свою очередь, непосредственно отражается на самой деятельности. Например, человек, у которого болит голова, не способен в полной мере думать над решением поставленной задачи, не отвлекаясь на головную боль, что может привести к снижению активности психических процессов (восприятия, внимания, мышления) и допущению ошибки.

В этой же статье указано определение состояния как «изменений организма, возникающие в связи с воздействием патогенных и (или) физиологических факторов и требующие оказания медицинской помощи». Другими словами, состояние динамично и зависит от воздействия определенных факторов: физическое состояние зависит от воздействия физиологических факторов, психическое состояние — от психологических.

Например, человек, при получении сильного ожога испытывает физическую боль и переживает стресс от пережитого события; человек, у которого была ампутирована верхняя или нижняя конечность испытывает фантомные боли и отказывается принять свою физическую неполноценность, примириться с психотравмирующей его реальностью.

Между тем П. И. Калью [2, с. 13–57] определяет здоровье как «нормальную функцию организма на всех

уровнях его организации, нормальный ход биологических процессов, способствующих выживанию и воспроизводству, «динамическое равновесие организма и его функций с окружающей средой», «участие в социальной деятельности и общественно полезном труде, способность к полноценному выполнению основных социальных функций».

Н. Н. Уланова [5, с. 59], обобщая наиболее распространенные научные взгляды на проблему здоровья, подчеркивает, что «здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие». Аналогичное понимание здоровья представлено с точки зрения ВОЗ и в федеральном законе Российской Федерации.

А. А. Цветкова и Н. А. Антонова [3, с. 73] считают, что, «именно субъективное переживание человеком своего физического состояния является предметом первичного анализа для психологии, поскольку совершенно очевидно, что именно оно выступает исходным пунктом любого вида поведения, связанного со здоровьем, болезнью и лечением».

Вследствие обозначенных научных взглядов с понятием здоровья тесно связаны различные эмоциональные состояния. Например, по мнению Д. Ю. Кузнецова «негативные эмоциональные состояния у сотрудников органов внутренних дел — это переживания, вызванные отрицательными эмоциональными факторами, возникающими в том числе, при действиях в опасных (экстремальных) ситуациях профессиональной деятельности, часто создающие препятствия к эффективному выполнению поставленных служебных задач и увеличивающие предрасположенность к несчастным случаям, ранения или гибели» [4, с. 6]. Следовательно, эмоциональные состояния сотрудника полиции — это субъективные переживания, вызванные множеством факторов, возникающих при его взаимодействии с другими людьми и окружающей средой. Эмоциональные состояния взаимосвязаны с психологическим благополучием.

К негативным эмоциональным состояниям автор относит: стресс, страх, аффект, фрустрации, понижение настроения, тревогу, панику, агрессивность. Они характеризуется комплексностью, взаимозависимостью и переходом одного негативного состояния в другое.

Таким образом, проблема здоровья сотрудников полиции является многогранной, сопряженной с их эмоциональными состояниями и профессиональной адаптацией, поэтому должна изучаться целостно, комплексно и многофакторно, преодолевая искусственное разделение ее проявления на биологическом, психологическом и социальном уровнях.

В целях изучения основных причин и условий возникновения негативных факторов, влияющих на общее состояние здоровья и эмоциональное состояние сотрудников полиции, нами была разработана авторская анкета, которая включала в себя ряд факторов, так называемых маркеров, выраженность которых может позволить сделать вывод об их негативном воздействии на здоровье и эмоциональные состояния сотрудников полиции. Ан-

кета содержала блок вопросов, направленных на оценку частоты встречаемости трудных ситуаций в течение службы сотрудников полиции и их влияния на эмоциональное состояние.

Эмпирическую базу исследования составили оперативные сотрудники (в количестве 986 человек) и участковые уполномоченные полиции (в количестве 974 человека), специфика оперативно-служебной деятельности которых характеризуется столкновением с экстремальными, криминогенными, стрессогенными и конфликтными факторами среды.

В деятельности данных сотрудников полиции представлены многофункциональность, установленные законом властные полномочия по реализации мер принудительного характера и применение специальных средств, персональная ответственность, наличие риска и опасности, привлечение к обеспечению безопасности и правопорядка в общественных местах.

Анализ результатов эмпирического исследования, направленного на оценку степени влияния негативных факторов на состояние здоровья и эмоциональные состояния сотрудников полиции, позволил выявить следующее.

Среди участковых уполномоченных полиции с работой в сложных погодных условиях сталкивались 65 %; среди сотрудников уголовного розыска — 40 %. Стоит отметить, что обе категории сотрудников привлекаются к охране и обеспечению правопорядка в общественных местах, при этом оперативно-служебные задачи сотрудников ОУР связаны с выявлением лиц, обладающих преступными намерениями; а сотрудников УУП — с контролем по соблюдению общественных правил и требований поведения.

Оценивая тяжесть и напряженность своей службы, оперативные сотрудники и участковые уполномоченные полиции отмечают: обычный характер работы — 53 % сотрудников уголовного розыска и 68 % участковых уполномоченных; работа стала тяжелее и напряженнее — 19 % и 21 % соответственно; очень тяжелая, напряженная — 27 % и 5 %; легкая — 7 % и 6 %.

Оценка специфики службы как «обычной работы» говорит о достаточно хорошей адаптации сотрудников к ее условиям. При этом в деятельности оперативных сотрудников полиции экстремальные и факторы риска являются более частыми и выраженными. В деятельности участкового уполномоченного полиции они присутствуют, однако ее специфика связана с контролем, надзором и профилактикой, что создает относительно плановый характер.

Это подтверждают и следующие результаты, согласно которым среди участковых уполномоченных полиции 60 % опрошенных отметили, что опасности не подвергались; среди оперативных сотрудников полиции — 40 %, при этом данные сотрудники отметили вероятность получения травм, столкновение с угрозами и оскорблениями. Эти данные можно объяснить тем, что функции участкового уполномоченного полиции не предусматривают непосредственное противостояние и противодействие преступности (в основном, это ее профилактика, надзор и контроль за криминогенными

факторами). Оперативные сотрудники полиции, сталкиваясь с угрозами и опасностью, прибегают к помощи специальных подразделений (например, участие специального полка полиции при задержании). Несмотря на это, полученные результаты выявляют преобладание риска в деятельности оперативного сотрудника полиции и его наличие у участковых уполномоченных полиции.

Оценка эмоциональных состояний позволила выявить, что 52 % участковых уполномоченных полиции и 38 % оперативных сотрудников полиции не испытывали негативных состояний. При этом 44 % и 53 % из них подчеркнули наличие усталости; а 34 % и 31 % отметили наличие тревоги, несмотря на наличие хорошего настроения во время несения службы (42 % и 38 %, соответственно), что подтверждает серьезное влияние профессиональных ситуаций на возникновение негативных эмоциональных состояний.

Как показали полученные данные, основными симптомами психической усталости многих сотрудников полиции явились: ухудшение отношений с другими людьми; нарастающий негативизм по отношению к ним; злоупотребление никотином, кофеином; утрата чувства юмора; повышенная раздражительность; нарушение сна.

Условия служебной деятельности участковых уполномоченных и оперативных сотрудников полиции связаны с работой «в кабинете» и «вне кабинета» (несение службы в публичных местах, нахождение в засаде). С одной стороны, смена условий деятельности может способствовать переключению физической и психической активности, с другой — условия, обусловленные спецификой службы, способствуют психоэмоциональному истощению и неуравновешенности. Что подтверждается у трети испытуемых в каждой группе.

Стоит отметить, что 80 % сотрудников ОУР и УУП чувствуют эмоциональную поддержку со стороны товарищей по службе. Это позволяет утверждать, что именно внутригрупповая сплоченность служебных коллективов является условием, способствующим сбалансированности эмоционального состояния сотрудников.

Таким образом, согласно результатам исследования, на состояние здоровья и эмоциональное состояние оперативных сотрудников и участковых уполномоченных полиции влияет выраженность следующих профессиональных факторов:

- влиянием погодных условий (дождь, жара, сильный ветер, туман и т. д.);
- возрастанием напряженности, связанной со спецификой деятельности;
- преобладанием риска в деятельности оперативного сотрудника полиции, связанного с вероятностью получения травм, столкновением с угрозами и оскорблениями, и его наличие у участковых уполномоченных полиции;
- наличием усталости (в том числе психической) и тревоги как результат влияния профессиональных факторов;
- наличием эмоциональной поддержки со стороны товарищей по службе как компенсаторного фактора.

Полученные результаты исследования позволяют определить основные направления медико-психологической помощи сотрудникам полиции:

1. Осуществлять динамический мониторинг социально-психологического климата служебного коллектива подразделения с целью определения характера межличностных отношений.

2. Осуществлять экспертную оценку условий несения службы, обеспечивающих личную безопасность сотрудников, с целью минимизации рисков.

3. Предусмотреть в системе профессиональной психологической подготовки личного состава органов внутренних дел занятия по изучению особенностей проявления негативных эмоциональных состояний и их влияния на эффективность служебной деятельности.

4. Осуществлять диагностику психоэмоционального состояния сотрудников полиции с помощью беседы, методик СПС, Работоспособность, анкеты Прогноз, опросника ДПС, Профессионального выгорания, специально разработанных оценочных средств и др.

5. При наличии признаков негативного эмоционального состояния:

- объяснить сотруднику, что определенное состояние является закономерным ответом организма на дискомфортные и неблагоприятные условия и обстоятельства;
- осуществлять восстановительные мероприятия, направленные на стабилизацию эмоционального состояния, посредством психологического консультирования, психокоррекции, аппаратных методов оказания психологической помощи, эмоционально-образной терапии, нервно-мышечной релаксации, дыхательной гимнастики, аутогенной тренировки, гипноса, суггестивной терапии, аудио- и видео-, музыкальной терапии, снимающие хроническую усталость, повышенную агрессивность и тревогу, идеомоторные тренировки;
- проводить психокоррекционную работу с помощью рационально-эмотивной, поведенческой, телесно-ориентированной и других видов терапии; использовать физические, дыхательные упражнения, проведение дебрифинга стресса критических инцидентов, массажа; оказание медицинской и психологической помощи с применением специального оборудования;
- осуществлять психологическое сопровождение сотрудников с признаками негативных эмоциональных состояний с помощью программы, включающей гештальт-упражнения, когнитивно-поведенческие упражнения, психофизический тренинг (упражнения различных боевых искусств, медитативные упражнения).

6. В ходе первоначальной профессиональной подготовки разработать специальные курсы по обучению основам психической саморегуляции, овладению ее методиками и приемами; бесконфликтного общения, контрманипулирования, а также экспресс-курс по экстремальной психологии.

7. Обеспечить сотрудников Памятками, содержащими упражнения по психической саморегуляции в условиях дефицита времени.

Список источников

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 06.09.2022).

2. Калью П. И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения : обзорная информация. М., 1988.

3. Кононова М. А., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Эмоциональное выгорание сотрудников, занимающих должности старшего начальствующего состава органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 33–36.

4. Кузнецов Д. Ю. Негативные эмоциональные состояния у сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях профессиональной деятельности и пути их психологической профилактики : автореф. дис....канд. псих. наук. М., 2010. 25с.

5. Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. № 1. С. 3–6.

References

1. Federal Law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 11.06.2022, with amendments. dated 13.07.2022) «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2022) // Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed 06.09.2022).

2. Kalyu P. I. Essential characteristics of the concept of «health» and some issues of restructuring of healthcare : overview information. M., 1988.

3. Kononova M. A., Ichitovkina E. G., Zrokazova M. V., Soloviev A. G. Emotional burnout of employees holding positions of senior commanding staff of internal affairs bodies // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. № 1(68). P. 33–36.

4. Kuznetsov D. Yu. Negative emotional state of employees of internal affairs bodies in dangerous situations of professional activity and ways of their psychological prevention : abstract. dis....cand. psych. sciences. M., 2010. 25 p.

5. Tkhostov A. S. Disease as a semiotic system // Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology. 1993. № 1. P. 3–6.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 26.04.2022).

2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Кон-

сультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329 (дата обращения: 26.04.2022).

3. Приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/70675376> (дата обращения: 26.04.2022).

4. Приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/400791288> (дата обращения: 26.04.2022).

5. Анализ риска здоровью — 2021. Внешнесредовые, социальные, медицинские и поведенческие аспекты. Совместно с международной RISE — 2021 : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ; в 2 т. / под ред. проф. А. Ю. Поповой, акад. РАН Н. В. Зайцевой. Пермь ; Из-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2021. Т. 2. 433 с.

6. Ананьев В. А. Психология здоровья. Книга 1. Концептуальные основы психологии здоровья. СПб : Речь, 2006. 384с.

7. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека : эталоны, представления, установки : учебное пособие. М. : Академия, 2001. 352 с.

8. Ганзен В. А., Юрченко В. Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Экспериментальная и практическая психология. Психические состояния. Л. : ЛГУ, 1981. Вып. 10. С. 5–16.

9. Гордиенко Д. А. Психологическая адаптация сотрудников органов внутренних дел — участников боевых действий : автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ставрополь, 2005. 25 с.

10. Ишуткина А. А. Изучение внутренней картины здоровья у лиц экстремальных профессий // Психология XXI века : пути интеграции в международное научное и образовательное пространство : материалы XVII международной научно-практической конференции молодых ученых. СПб : Скифия — принт, 2013. с. 69.

Bibliographic list

1. Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 «On Police» // SPS «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (accessed: 26.04.2022).

2. Federal Law № 342-FZ of 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329 (accessed: 26.04.2022).

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 2, 2013 № 660 «On approval of the Regulations on the basics of the organization of psychological work in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // NPP «Garant-service». URL: <https://base.garant.ru/70675376> (accessed: 26.04.2022).

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 900 dated December 25, 2020 «Issues of the organization of

moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation» // NPP «Garant-service». URL: <https://base.garant.ru/400791288> (accessed: 26.04.2022).

5. Health risk analysis — 2021. Environmental, social, medical and behavioral aspects. Together with the international RISE — 2021 : materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation; in 2 volumes / edited by prof. A. Y. Popova, acad. RAS N. V. Zaitseva. Perm ; From Perm. nats. research. polytech. University, 2021. Vol. 2. 433 p.

6. Ananyev V.A. Psychology of health. Book 1. Conceptual foundations of health psychology. St. Petersburg : Speech, 2006. 384 p.

7. Vasilyeva O. S., Filatov F. R. Psychology of human

health : standards, ideas, attitudes : textbook. M. : Academy, 2001. 352 p.

8. Ganzen V. A., Yurchenko V. N. A systematic approach to the analysis, description and experimental study of human mental states // Experimental and practical psychology. Mental states. L. : LSU, 1981. Issue 10. P. 5–16.

9. Gordienko D. A. Psychological adaptation of law enforcement officers — participants in hostilities : autoref. dis. ...cand. psychological sciences. Stavropol, 2005. 25 p.

10. Ishutkina A. A. Studying the internal picture of health in persons of extreme professions // Psychology of the XXI century : ways of integration into the international scientific and educational space : materials of the XVII International Scientific and practical conference of young scientists. St. Petersburg : Scythia — print, 2013. P. 69.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Хрусталева — доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

V. S. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

T. A. Khrustaleva — Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-326-328>

NION: 2003-0059-6/22-541

MOSURED: 77/27-003-2022-06-740

К вопросу о внутриличностном конфликте курсантов образовательных организаций МВД России

Ирина Алексеевна Шашкова¹, Михаил Иванович Марьин²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irinashashkova@list.ru

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, marin_misha@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема внутриличностного конфликта курсантов образовательных организаций МВД России. Определены психологические особенности возникновения и протекания внутриличностного конфликта у выбранной категории обучающихся. Сделаны основные выводы и означены пути и средства организации психологической работы с целью коррекции и профилактики внутриличностного конфликта курсантов.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, профессиональная подготовка, курсанты, морально-психологическое обеспечение, учебно-воспитательный процесс

Для цитирования: Шашкова И. А., Марьин М. И. К вопросу о внутриличностном конфликте курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 326–328. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-326-328>.

Original article

On the issue of intrapersonal conflict of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Irina A. Shashkova¹, Mikhail I. Marin²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, irinashashkova@list.ru

² Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, marin_misha@mail.ru

Abstract. The problem of intrapersonal conflict of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is considered. The psychological features of the emergence and course of intrapersonal conflict in the selected category of students are determined. The main conclusions are drawn and the ways and means of organizing psychological work are indicated, in order to correct and prevent the interpersonal conflict of cadets.

Keywords: intrapersonal conflict, professional training, cadets, moral and psychological support, educational process

For citation: Shashkova I. A., Marin M. I. On the issue of intrapersonal conflict of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(6):326–328. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-326-328>.

Наблюдаемые в современном обществе вызовы и угрозы (пандемия COVID-19, санкции со стороны недружественных стран и пр.) влияют на социально-экономическое развитие общества, обуславливают модернизацию и совершенствование образовательного процесса в высшей школе, обосновывают необходимость интеграции психолого-педагогических знаний в части, касающейся подготовки компетентных специалистов.

В этой связи повышение эффективности подготовки квалифицированных кадров в образовательных организациях МВД России в современных условиях предусматривает меры, направленные на совершенствование процесса профессионального воспитания и обучения

будущих специалистов [6]. Индикатором имеющегося неблагополучия профессионального становления обучающихся служат факты отчисления из образовательных организаций высшего образования МВД России, увольнения специалистов по различным основаниям, текучесть кадров и пр. Проведенная аналитическая работа позволяет констатировать, что процесс профессионально-личностного развития обучающихся в высшей школе детерминирован различными внешними и внутренними факторами, среди которых особый научно-исследовательский интерес представляют проблемы, связанные с внутриличностными конфликтами [1] и неконструктивным их преодолением.

© Шашкова И. А., Марьин М. И., 2022

Внутриличностные конфликты затрагивают все стороны жизни человека, включая систему социальных отношений, профессиональную деятельность, определяют полноту самореализации, особенности личностного и профессионального роста [5]. В целом это является причиной понижения профессиональной активности, скрытой ненадежности и высокой уязвимости личности специалиста, негативно отражается на качестве исполнения им профессиональных обязанностей, что в итоге приводит к преждевременному завершению карьеры. Поэтому так важны своевременное обнаружение внутриличностных конфликтов у курсантов образовательных организаций МВД России и адекватная помощь со стороны психологов и профессорско-преподавательского состава в их конструктивном преодолении.

Их учет будет способствовать качественной организации психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса курсантов с целью профилактики возможных рисков образовательной среды, в том числе внутриличностного конфликта, а также профессионально-личностного развития.

Процесс формирования и развития профессиональных качеств курсантов и слушателей с учетом специфических условий обучения можно разделить условно на учебно-академический и учебно-профессиональные периоды.

В учебно-академический период входят первые 3 курса обучения. И здесь большую роль играют именно те фундаментальные знания, которые закладывались еще в школьное время, способности к познавательной деятельности, наличие мотивации в освоении выбранной специальности и др. Новообразованием данного периода является привыкание и освоение новых форм обучения, которые характерны уже для высших образовательных учреждений, в частности у курсантов это освоение себя в новой специфической среде обучения.

На 4 и 5 курсах учебно-академический период сменяется на учебно-профессиональный. На данном этапе курсанты и слушатели принимают свой профессиональный выбор, и происходит формирование профессионального самосознания. Курсанты и слушатели изучают дисциплины, связанные с профессиональной деятельностью, а также проходят практику согласно выбранной специальности. На данном этапе в качестве новообразования выступает развитие и формирование мотивации к будущей профессиональной деятельности; становление структуры профессионального интеллекта.

Полагаем, что именно в период между 3 и 4 годов обучения у курсантов образовательных организаций МВД России возникает внутриличностный конфликт, это мнение обусловлено тем, что после 3 курса курсанты направляются на практику по получению первичных знаний и умений оперативно служебной деятельности в территориальных подразделениях ОВД. Там они сталкиваются с той проблемой, когда многие теоретические аспекты, которым их обучали преподаватели, значительно отличаются от практических реалий, у них возникает когнитивный диссонанс. Также курсанты воочию видят будни сотрудников полиции, сами погружаются

в них и в основном, их идеалистическое представление отличается от объективных реалий, в которых сотрудник полиции проходит службу. По окончании практики курсант начинает реально задумываться и задавать себе вопрос: «а надо и мне все это?»; «смогу ли я принять и преодолеть профессиональные трудности» и т. д. Следовательно, возникает борьба мотивов, противоречивость восприятия и др. факторы дезорганизующие курсанта. По возвращению с практики курсант опять погружается в среду образовательной организации, например, при нахождении на занятии по той или иной профильной дисциплине он сам себе может говорить: «вот вы нас тут учите, рассказываете, а в реалиях это не так». В этой связи начинается искажаться восприятие учебной информации, снижается успеваемость и учебная мотивация. Могут возникать конфликтные ситуации с другими курсантами, курсовыми офицерами, снижается уровень исполнительской дисциплины. Именно в этот период психологической службе образовательной организации МВД России, профессорско-преподавательскому составу, курсовым офицерам и другим субъектам учебно-воспитательного процесса обращать внимание на проявление различных паттернов поведения курсантов, а также в рамках внеаудиторной деятельности проводить психолого-педагогические мероприятия с обучающимися [4].

Успешное профессиональное образование будущих специалистов для органов внутренних дел возможно только при качественном психологическом сопровождении учебно-воспитательного процесса [2], включающем в себя в т.ч. диагностику внутриличностного конфликта обучающихся, так как он является детерминантой снижения успеваемости и дезорганизации поведения курсанта. А успешность учебной деятельности курсанта образовательной организации МВД России складывается из показателей его академической успеваемости и положительной служебной дисциплины [3].

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем следующий **вывод**:

- специфика возникновения и протекания у курсантов образовательных организаций МВД России внутриличностных конфликтов определяется объективными и субъективными факторами: к объективным факторам можно отнести нормативы, предопределяющие служебную деятельность, субкультурную регламентацию повседневного поведения, квазипрофессиональный характер учебной деятельности и особенности воспитательного процесса в высших образовательных учреждениях МВД России; к субъективным факторам можно отнести неустойчивость ценностной ориентации, неадекватные мотивы выбора профессии, неадекватность образа «Я-профессиональное», неблагоприятные социально-психологические условия профессиональных намерений и стратегий поведения в профессиональной деятельности, неадекватность внутреннего образа профессии.

Список источников

1. Мальцева Т. В. Психологическое консультирование курсантов и слушателей высших образовательных

учреждений МВД России в ситуациях внутриличностных конфликтов профессионального становления : монография / Т. В. Мальцева. М.: МосУ МВД РФ, 2005.

2. Маюров Н. П. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе / Н. П. Маюров, П. Н. Маюров, О. Д. Ороева / Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 198–213.

3. Милукова Ю. Д. Исследование психологической устойчивости курсантов образовательных организаций МВД России в интересах преодоления профессиональных трудностей // Актуальные проблемы психологической работы и профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел и силовых структур. Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 247–250.

4. Михайлова С. Ю., Дашко М. Н., Титарев А. Е., Чуманов Ю. В. Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России : учеб.-метод. пособие / [С. Ю. Михайлова и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2019. 160 с.

5. Семенова Е. А. Внутриличностный конфликт в структуре профессионального самоопределения // Colloquium-journal. 2020. № 2 (64). С. 159–160.

6. Федотов С. Н., Чуманов Ю. В., Милукова Ю. Д. Психологические особенности развития коммуникативной компетентности младших командиров учебных взводов образовательных организаций МВД России // Психология обучения. 2019. № 4. С. 93–104.

trainees of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in situations of intrapersonal conflicts of professional formation: monograph / T. V. Maltseva. M. : MosU of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005.

2. Mayurov N. P. Features of professional adaptation of young police officers to service / N. P. Mayurov, P. N. Mayurov, O. D. Oroeva / Leningrad Law Journal. 2018. № 4 (54). P. 198–213.

3. Milyukova Yu. D. Research of psychological stability of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the interests of overcoming professional difficulties // Actual problems of psychological work and professional training of employees of internal affairs bodies and law enforcement agencies. Collection of scientific papers of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. P. 247–250.

4. Mikhailova S. Yu., Dashko M. N., Titarev A. E., Chumanov Yu. V. Organization of socio-psychological trainings for cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia : method. manual / [S. Yu. Mikhailova et al.]. M. : UNITY-DANA: Law and Law, 2019. 160 p.

5. Semenova E. A. Intrapersonal conflict in the structure of professional self-determination // Colloquium-journal. 2020. № 2 (64). P. 159–160.

6. Fedotov S.N., Chumanov Yu.V., Milyukova Yu.D. Psychological features of the development of communicative competence of junior commanders of training platoons of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychology of training. 2019. № 4. P. 93–104.

References

1. Maltseva T. V. Psychological counseling of cadets and

Информация об авторах

И. А. Шашкова — старший преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

М. И. Марин — профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

I. A. Shashkova — Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

M. I. Marin — Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.